

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР

Под редакцией И. Д. Ковальченко

Допущено Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника
для студентов исторических
факультетов университетов
и педагогических институтов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА — 1973

Источниковедение истории СССР. Под редакцией
И91 И. Д. Ковальченко. Учебник. М., «Высшая школа», 1973,
560 стр.

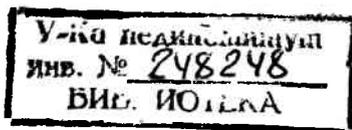
Учебник подготовлен кафедрой источниковедения истории СССР исторического факультета Московского государственного университета с участием специалистов других кафедр факультета, Историко-архивного института и Института истории СССР АН СССР. В нем впервые в учебной и научной литературе в одной книге дан обзор основных письменных источников по истории СССР с древнейших времен до наших дней и охарактеризованы важнейшие методы их научной критики и анализа.

В редактировании учебника принимали участие: В. С. Голубцов, С. С. Дмитриев, Л. В. Милов, А. В. Муравьев. Научно-вспомогательная работа выполнена В. П. Палкиной.

902.9

Рецензенты:

кафедра истории СССР Ленинградского государственного университета и проф. Павленко Н. И.

И $\frac{0164-288}{001(01)-73}$ 23-73

отдельных частей и глав в учебнике обусловлено степенью важности и изученности различных видов источников и их комплексов. Учебник не ставит своей задачей охватить всю массу письменных источников, характеристика которых с разной степенью полноты дана в ранее выпущенных учебных пособиях по источниковедению истории СССР.

Задача учебника — ознакомить студентов с наиболее важными видами письменных источников по истории СССР, с основными принципами и методами их научной критики, обработки и анализа.

* * *

В задачу научной критики письменных источников входит выяснение их происхождения, формы, содержания, степени полноты, достоверности и точности приводимых в них фактов. Этой цели подчинена разработка определенных методов изучения письменных источников, установление наиболее общих принципов научной критики, приемлемых для различных видов письменных памятников.

При этом необходимо исходить из того, что все исторические источники возникают в результате целенаправленной деятельности человека. Появление самого источника представляет собой явление общественного порядка.

Одной из сторон научной критики источника является так называемая внешняя критика, которая призвана установить происхождение источника. Внутренняя критика предполагает уже изучение содержания источника с целью установления соответствия приводимых в нем данных исторической действительности, возможности их использования в научных целях. Естественно, что между этими двумя сторонами критики источника существует тесная взаимосвязь. Заключаящей их фазой является выработка методики использования данных источника для изучения тех или иных исторических явлений и процессов.

Критический анализ источника требует как установления происхождения источника (подлинности, обстоятельств и целей составления), так и его текста (выявление первоначального текста, дополнений и переработок, редакций и списков). Разбор письменного источника начинается с установления его подлинности. Необходимо выяснить, что имеющийся документ действительно возник в определенном месте и в определенное время. Если этот факт не может быть установлен, необходимо определить обстоятельства, место и время появления возможной подделки. При установлении подлинности источника учитывают как внешние его особенности (материал письма, чернила, изменения знаков письменности, иллюстрации), так и хронологические и метрологические сведения, данные языка и стиля, формуляр и структуру, упоминаемые в самом источнике сведения о событиях, лицах, организациях, учреждениях, географический материал и др.

Эта работа требует использования данных других вспомогательных исторических дисциплин — палеографии, хронологии, метрологии, дипломатики, лингвистики, топонимики, исторической географии и т. д. Установление подлинности источника требует учета всех его особенностей. Так, зная, что бумага как писчий материал стала употребляться на Руси лишь с середины XIV в., мы должны критически относиться к датировке бумажных рукописей более ранним временем. Источники, написанные гражданским алфавитом, не могут быть отнесены по времени ранее первой четверти XVIII в., а источники, написанные металлическим пером, хотя и на бумаге XVII—XVIII вв., могут быть отнесены ко времени не ранее XIX в.

Установив факт подлинности источника, следует определить, является ли дошедший до исследователя документ первым экземпляром, копией или списком. Если источники XVIII—XX вв. в своем большинстве сохранились в подлинниках, то документы более раннего времени часто встречаются в копиях или в списках. Это требует выявления времени составления таких копий и списков и установления их соответствия оригиналу. При этом необходимо учитывать, что не всегда список, более близкий по времени к созданию, более соответствует первоначальному тексту, чем позднейшие списки. Копии, если они действительно являются таковыми, должны полностью повторять текст своего оригинала, в то время как списки могут иметь разночтения. В делопроизводственной практике средневековых московских учреждений соблюдалось правило переписки акта «слово в слово», а если текст нельзя было прочесть, писцы могли сделать пропуски.

Следующий этап работы с источником — прочтение текста. Даже прочтение текста документов XIX—XX вв. имеет свои трудности. Прочтение же письменных памятников XI—XVIII вв. требует специальной палеографической подготовки, учета особенностей уставного, полууставного и скорописного письма с их сокращениями, выносными буквами, отсутствием разделения на фразы и слова. Текст их должен быть разбит на фразы и слова, а перевод на современный язык совершаться на основе знаний грамматических форм и лексики языка эпохи, к которой относится документ.

Помимо установления имеющегося буквального смысла текста важно выявить первичный (начальный) текст и возможные дополнения и изменения. Переработки, дополнения, сокращения письменного источника могли быть неоднократными. В результате этого возникают редакции, т. е. произведения, основанные на одном протографе (первоначальном тексте), но получившие новую направленность, форму, содержание. В ряде случаев редакции источника сохраняются в нескольких списках, которые имеют свои особенности и отличия.

Таким образом, прочтение текста может потребовать текстологического анализа источника, когда устанавливается основной текст, производится его кодификация (организация) и комментирование.

Последующая работа над источником заключается в установлении времени и места, обстоятельств и целей его создания, авторства.

Выяснение времени появления источника очень важно, так как от этого во многом зависит как оценка самого источника, так и сведений, им сообщаемых. Так, при изучении того или иного законодательного акта надо знать время его окончательного утверждения и введения в действие. Кроме этого, важно выяснить, какие этапы прошел акт, прежде чем стать законом. Установить последовательность работы над законопроектом, влияние тех или иных причин на изменение отдельных его положений можно лишь при выделении отдельных этапов работы, зафиксированных в предварительных материалах-проектах. Например, от того, как мы датируем «Русскую Правду», ее редакции и составные части, зависит оценка как всего памятника, так и отдельных его положений.

Время появления недатированных источников может быть установлено по материалу письма, почерку, характеру шрифта пишущей машинки и другим признакам. Иногда для датировки источников большое значение имеют косвенные данные — упоминания лиц, учреждений, организаций и других сведений, имеющих отношение к документу. Датировка некоторых источников может быть осуществлена на основе учета хронологических систем. Поэтому необходимо знание хронологии. Ряд ценных наблюдений по датировке источника дают метрологические материалы, данные пумизматических наблюдений, выводы сфрагистики, если исследуемый источник имеет соответствующие печати и т. д.

С проблемой датировки тесно связана задача установления места возникновения источника. При отсутствии прямых указаний часто пользуются косвенными данными. Среди них важное место занимают географические и топографические сведения, упоминание лиц, связанных с определенным местом, манера изложения материала. Широко используются наблюдения над языком и стилем источника. Именно эти особенности позволили отнести ряд письменных источников к Новгороду, Пскову, Двинской земле и другим районам страны.

Важное значение приобретает вопрос об авторстве источника. Установление авторства необходимо не только ради выяснения имени лица, написавшего источник, или установления учреждения, организации, принимавших участие в его составлении. Оно нужно для определения происхождения источника, социальной среды его возникновения, установления места и времени создания памятника, более глубокого и всестороннего исследования его содержания.

В ряде источников указано имя автора. Однако эти данные требуют критического отношения. Иногда имя, указанное в тексте, не имеет отношения к автору источника. Возможен случай, когда вместо имени автора в тексте упомянут его псевдоним. Так, значительная часть статей В. И. Ленина в дореволюционной печати появились под различными псевдонимами.

Известная часть источников представляет собой произведения коллективного творчества. Соавторство может выражаться как в виде коллективной работы над всем текстом или его частью, так и в виде написания отдельных частей, разделов.

Для решения вопроса об авторстве важное значение имеет изучение самого текста, где автор мог дать, если не прямые, то косвенные свидетельства о себе. Это может быть указание на место, время создания источника, упоминание круга людей, с которыми автор был связан, сведения, которые позволяют отнести автора к определенным социальным кругам, указание на события, в которых автор участвовал или свидетелем которых являлся.

Для установления авторства широко используется исследование почерка, если есть, конечно, возможность сопоставления почерков предполагаемых авторов. Этот метод широко применяется для скорописных рукописей, где индивидуальные особенности наиболее четко выражены. Не исключено это и для рукописей раннего происхождения, например для русского уставного и полууставного письма. Однако возможности такого их анализа сравнительно невелики вследствие небольшого числа сохранившихся текстов и почти полного отсутствия автографов.

Несомненно, что для установления авторства много дает изучение приемов письма, идеологической направленности источника и ряда других признаков.

Выяснив подлинность источника, установив место и время его составления, авторство, прочитав текст, можно выяснить обстоятельства и цели составления документа, т. е. исторические условия его появления.

Каждый источник является продуктом определенного времени и среды. Его появление обусловлено конкретными причинами, он имеет свою цель. «Русская Правда» появилась в развивающемся феодальном обществе XI в. Составление этого документа диктовалось необходимостью силой государственной великокняжеской власти зафиксировать законы, обязательные для древнерусского общества. В то же время понять эти нормы можно, зная историческую обстановку того времени со всеми присущими ей особенностями.

Многие публицистические произведения начала XVII в. были составлены под влиянием событий начала столетия — крестьянской войны, польско-шведской интервенции, борьбы за независимость Русского государства. Авторы их пытались осмыслить происходившие события, у них были разные побудительные мотивы, разные обстоятельства и цели составления произведений.

Выяснение исторических условий появления источника требует детального изучения эпохи, среды, условий, при которых он возник. Так, законодательные акты не могут быть раскрыты и объяснены без учета классовых интересов, которые они отражали, выяснения круга учреждений и лиц, принимавших участие в их составлении, целей, которые преследовались при их издании. Появление жалованных грамот дворянству и городам в 1785 г. или манифеста от

19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян может быть выяснено лишь при условии учета экономического, политического положения России в тот период, расстановки классовых сил и борьбы между ними.

Следующий этап работы с источником, связанный с его внутренней критикой, основан на изучении содержания источника и гребует установления его соответствия исторической действительности, определения научного значения.

Каждый письменный источник содержит какие-то факты, характеризующие определенные события, явления. Историк необходимо знать, насколько полно в этих материалах выражается как фактическая сторона, так и суть этих событий. Следовательно, при анализе источника нужно обращать внимание на полноту имеющихся в нем сведений и степень их точности и достоверности.

Источник всегда выражает интересы определенного круга людей, определенной социальной среды.

Полнота, точность, достоверность передачи событий, кроме классовой направленности, во многом определяются осведомленностью авторов, его методикой и техникой выявления, сбора и обработки конкретно-исторических сведений и т. д. Поэтому нужно установить источник информации автора (является ли он участником, очевидцем события или передает факт по рассказам и т. д.), его личную и общественную заинтересованность в характере фиксации и толковании фактов, влияние на него условий создания источника (служебное и общественное положение, угроза, давление и т. д.), его способность наблюдать и истолковывать факты.

Важной задачей внутренней критики источника является выявление истинного смысла его содержания.

Текст ряда письменных источников не всегда выражает в открытой форме мысли автора. В силу тех или иных причин автор мог вуалировать свои мысли, оставляя читателю возможность истолковать написанное. Так, своеобразная политическая программа дворянства, в какой-то степени предвосхищавшая реформы Ивана Грозного, изложена И. Пересветовым в «Сказании о Магмет-салтане», текст которого, на первый взгляд, не имеет отношения к России. Сложный и витиеватый, трудный для понимания язык «Временника дьяка Ивана Тимофеева», видимо, нужен был автору для того, чтобы скрыть от глаз постороннего, непосвященного отношение самого дьяка к ряду событий. В условиях жесточайшей царской цензуры марксисты в легальной печати вынуждены были пропагандировать свои идеи в замаскированном виде, использовать «эзоповский язык».

Поэтому, если сам текст дает основания для предположений о наличии скрытого смысла источника, необходимо выяснить этот смысл.

↑ Таким образом, в результате внешней и внутренней критики источников устанавливается степень соответствия приводимых в них сведений реальным историческим событиям.

Вопросы, рассмотренные выше, дают лишь самое общее представление об основных путях научной критики письменных исторических источников. При исследовании отдельных конкретных видов письменных источников очередность, этапы работы могут меняться в зависимости от особенностей источника и конкретных целей исторического исследования.

Важнейшей задачей источниковедческого анализа является изучение источников в их совокупности, взаимной связи и взаимодействии. Каждый исторический источник дает нам один или несколько фактов, характеризующих явления лишь с определенных сторон. Сведения, собранные из всей совокупности различных источников, позволяют определить место и значение отдельных источников в ряду других, выявить генеалогическую связь между источниками, сопоставить источники по степени достоверности и точности.

Предварительная внешняя и внутренняя критика источников является предпосылкой для выработки методов обработки и анализа конкретно-исторических фактов. Выработка таких методов имеет своей целью создание системы исторических фактов, ибо только на ее основе может быть раскрыта внутренняя сущность изучаемых явлений и процессов, выявлена их взаимосвязь и тенденция развития.

Выбор тех или иных методов исследования зависит как от характера используемых источников и содержащихся в них данных, так и от исследовательских задач. Поэтому в этой части источниковедение тесно смыкается как с рядом других специальных и вспомогательных исторических дисциплин, так и с общими задачами и методологией исторической науки.

Многообразие письменных источников и обширность решаемых на их основе исследовательских проблем обуславливают и большое разнообразие тех методов, которые применяются историками при систематизации, обработке и анализе фактов, содержащихся в источнике. Характеристика некоторых методов дается в соответствующих главах учебника.

Современный этап в развитии исторической науки характеризуется все более заметным применением в ней новейших методов научного исследования — различных технических средств, в том числе электронно-вычислительной техники, математических и других методов. В силу своей сложности они требуют специального изучения, поэтому в настоящем учебнике не рассматриваются.

Таков основной круг наиболее общих принципов и направлений источниковедческого анализа, который следует иметь в виду, изучая отдельные типы и виды источников, охарактеризованные в соответствующих частях и главах учебника.

ТРУДЫ К. МАРКСА, Ф. ЭНГЕЛЬСА, В. И. ЛЕНИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СССР

§ 1. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина как методологическая основа изучения истории СССР

Советская историческая наука развивается на базе марксизма-ленинизма. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина являются методологической основой изучения истории СССР и ее источников. В них разработана научная теория общественного развития и научный метод его познания, заключающиеся в материалистическом понимании истории (историческом материализме).

В произведениях основоположников марксизма-ленинизма обоснованы научные принципы изучения истории и источниковедения. На основе их применения Маркс, Энгельс и Ленин создали ярчайшие образцы исторического исследования. Они разработали методы, способы, приемы исторического анализа и синтеза, дающие возможность показать многообразие исторического процесса.

Выявление законов истории человеческого общества основывалось на изучении исторического процесса в прошлом, на анализе современной им действительности и на раскрытии тенденций общественного развития на длительную перспективу, так как между прошлым, настоящим и будущим существует объективная диалектико-материалистическая связь и взаимозависимость. Трудам Маркса, Энгельса, Ленина присуще органическое единство обращенности в прошлое, в настоящее и научное предвидение и прогнозирование. Их труды являются общетеоретическим источником изучения не только исторического прошлого и истории времени их написания, но и истории последующих периодов.

Литературное наследие К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина настолько велико, что в рамках учебника невозможно полностью раскрыть обширную и многоплановую тему о значении его для изучения истории СССР и источниковедения. Мы подчеркнем лишь значение трудов основоположников научного коммунизма для понимания некоторых узловых проблем¹.

Материалистическое понимание истории позволило Марксу, Энгельсу и Ленину разработать учение об общественно-экономических формациях, показать закономерный процесс смены этих

¹ Источниковедческому изучению трудов основоположников марксизма-ленинизма посвящен ряд работ, которые вносят существенный вклад в разработку этой важной проблемы. См.: М. А. Варшавчик. Важнейший источник изучения истории КПСС. М., 1970; «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.». М., 1970; «Сокровищница великих идей ленинизма», изд. 2. М., 1968; В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. М., 1962; М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1966.

формаций, взаимодействие всех социальных законов в рамках той или иной формации, обосновать решающую роль народных масс в истории, всемирно-историческую миссию рабочего класса, теорию классов и классовой борьбы, теорию социалистической революции и диктатуры пролетариата, социалистического и коммунистического строительства.

Маркс и Энгельс доказали, что из материалистического понимания истории вытекают фундаментальные принципы изучения общественных явлений — партийность и историзм. В. И. Ленин более подробно, чем Маркс и Энгельс, раскрыл существо методологических принципов познания исторической действительности. Им посвящено значительное число страниц таких произведений, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Партийная организация и партийная литература», «Материализм и эмпириокритицизм», «О государстве», «Еще раз о профсоюзах...» и др.

Корни всех исторических явлений лежат в материальных интересах классов. Любое историческое событие, общественное явление в условиях классового общества имеет классовый характер. Поэтому классовый подход к оценке исторических событий является единственно научным принципом исторического исследования. Классовые интересы пролетариата соответствуют объективным закономерностям исторического развития и требуют научного познания этого развития. Исторические исследования являются составной частью борьбы за революционное преобразование общества, они должны сознательно отстаивать интересы рабочего класса.

В. И. Ленин отмечал, что в советское время расширилась емкость принципа пролетарской, коммунистической партийности. Он требует последовательной и неуклонной борьбы за интересы рабочего класса как правящего класса, за интересы Советской республики и строительства социалистического общества.

Требование соответствия исторической концепции объективной действительности осуществляется с помощью диалектического принципа историзма. В произведениях Маркса, Энгельса и Ленина раскрыты его основные требования: 1) всестороннее изучение общественных явлений, в связи с конкретной обстановкой, с учетом условий, их породивших, в их взаимной связи; 2) рассмотрение общественных явлений в развитии. В. И. Ленин писал, что марксистская наука обязывает «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹; 3) оценка общественных явлений с учетом опыта истории. «Вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»¹, — писал В. И. Ленин.

Основоположники марксизма-ленинизма в своей научно-теоретической деятельности неуклонно руководствовались научными принципами исследования. «Главное в ленинском подходе к общественным явлениям и процессам — органическое единство научной объективности и принципиальной оценки их с позиций рабочего класса»².

Марксистско-ленинская методология изучения истории полностью распространяется на источниковедение. Источник рассматривается как продукт конкретно-исторических условий. В своем содержании источники всегда выражают интересы определенных классов, социальных слоев или групп общества. Чтобы правильно оценить и использовать источник, необходимо выяснить его классовую сущность, политическую направленность. При анализе тех или иных взглядов необходимо определять прежде всего классовые корни воззрений, «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»³. Иногда классовая направленность источника тщательно замаскирована. В этом случае важное значение имеет ленинское указание о том, как вскрыть классовую сущность той или иной концепции. «Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»⁴.

Классовый характер источников особенно ярко проявляется в законодательных памятниках, в документах политических партий. Но, как правило, законы и документы партий эксплуататорских классов выдаются как надклассовые, якобы выражающие волю всего общества. И здесь большое значение имеет сформулированный Лениным критерий определения сущности партий и политических течений. «Чтобы разобраться в партийной борьбе, — писал В. И. Ленин, — не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они *делают*, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они *ведут себя* в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и так далее»⁵.

Марксистско-ленинские принципы достижения научной объективности требуют изучения исторических процессов во всей их сложности, разносторонности и противоречивости. Объективное выяснение связей и взаимозависимости исторических явлений, вскрытие закономерностей общественного развития возможно

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

² «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». Тезисы ЦК КПСС. М., 1970, стр. 5.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 61.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 276.

только в результате глубокого и всестороннего изучения всех научных фактов, добытых из совокупности источников в результате их тщательного изучения, сопоставления и установления соответствия их данных исторической действительности. Следует использовать весь источниковый материал в полном объеме и создать исторически точную картину исторического развития. В. И. Ленин в работе «Статистика и социология» писал: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...»¹.

Марксистско-ленинское отношение к историческому факту, понимание роли и места научного факта в историческом исследовании, приемы отбора и анализа фактов, методы использования источников являются одним из ключевых положений советской исторической науки.

* * *

Материалистическое понимание истории и теорию научного коммунизма Маркс и Энгельс впервые в наиболее зрелом виде изложили в «Манифесте Коммунистической партии» (1848). В нем раскрыты роль классовой борьбы в истории, всемирно-историческая миссия рабочего класса, научно доказана объективная неизбежность победы пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата, обрисованы основные черты коммунистического строя, заложены основы учения о революционной партии пролетариата, указаны ее общие стратегические и тактические принципы.

В последующих произведениях они дальше развили теорию научного коммунизма. Так, в работе Маркса «Классовая борьба во Франции», в написанном Марксом и Энгельсом «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» (1850), в письме Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., в работах Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852), «Гражданская война во Франции» (1871), «Критика Готской программы» (1875) сформулированы основные задачи пролетариата в буржуазно-демократической и социалистической революциях, обоснована идея союза рабочего класса с крестьянством при руководящей роли рабочего класса, выдвинуты положения о необходимости слома победившим пролетариатом старой государственной машины, о диктатуре пролетариата как государстве переходного периода от капитализма

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350, 351.

к социализму, содержится глубокое научное предвидение важнейших черт коммунистического общества, анализ двух его фаз: социализма и коммунизма.

При изучении истории СССР, особенно таких проблем, как генезис и развитие капитализма в России, политическая экономия коммунистической формации, велико значение главного труда К. Маркса «Капитал». «...Для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала», — писал Ленин, — главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»¹.

Методологические положения для понимания русского исторического процесса мы находим также в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса. Как известно, В. И. Ленин часто обращался к этой переписке и оставил о ней много интересных источниковедческих оценок. Так, он писал: «...научная и политическая ценность ее — громадна. Не только Маркс и Энгельс выступают здесь перед читателем с особенной рельефностью во весь свой рост. Богатейшее теоретическое содержание марксизма разворачивается в высшей степени наглядно, ибо Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в письмах к самым разнообразным сторонам своего учения, подчеркивая и поясняя — иногда совместно обсуждая и убеждая друг друга — самое новое (по отношению к прежним взглядам), самое важное, самое трудное»².

Подчеркивая значение трудов Маркса и Энгельса для овладения научным методом познания и анализа общественных процессов, В. И. Ленин писал: «Идя по пути марксовской теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»³.

Творческое обогащение марксистской теории, а также обоснование программы, стратегии и тактики партии осуществлялось Лениным на опыте всемирной истории, в том числе и особенно на опыте отечественной истории отдаленного прошлого и новейшего времени.

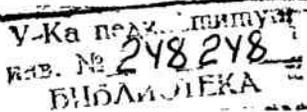
Большинство работ, связанных с анализом и характеристикой истории феодальной России, написано В. И. Лениным до Великой Октябрьской социалистической революции, когда он обосновывал проблемы политики партии по укреплению союза рабочего класса с крестьянством, аграрную программу социал-демократии в буржуазно-демократической революции.

В произведениях 90-х годов содержатся экскурсы в эпоху феодализма, а в книге «Развитие капитализма в России» показан весь путь феодальной России от Древнерусского государства до установления капиталистического строя.

¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 1, стр. 275.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 263.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

В последующих работах В. И. Ленин вновь обратился к раскрытию сути экономических отношений феодального крепостнического хозяйства, раскрыл степень крепостнических пережитков в землевладении России, а также показал процесс зарождения в недрах феодализма буржуазных отношений, а в связи с ним — формирование русской нации.

Исследуя проблемы расстановки в стране классовых сил, места и роли в общественной жизни политических партий, общественных и государственных институтов и отношения к ним социал-демократии, Ленин подробно осветил историю классовой борьбы в эпоху феодализма, борьбу крестьян против помещиков, крестьянские войны XVII—XVIII вв., политические взгляды А. Н. Радищева, восстание декабристов, положившее начало первому периоду русского освободительного движения (1825—1861), мировоззрение А. И. Герцена и В. Г. Белинского, как центральных фигур движения 30—40-х годов, исторические корни революционно-демократического движения. В связи с этой задачей в трудах Ленина получила освещение проблема самодержавия, которая имеет кардинальное значение для изучения всего хода русского исторического процесса и его особенностей. Ленин показал классовую сущность самодержавия, его эволюцию, его место и роль в общественной жизни, сущность проводимой им внутренней и внешней политики.

Большую часть литературного наследия В. И. Ленина составляют произведения, посвященные анализу коренных вопросов современного общественного развития.

Исходя из существа марксистской теории и современной действительности, Ленин сделал ряд гениальных открытий, имеющих решающее значение для пролетариата и его революционной партии. Примером творческого развития марксизма является разработка Лениным теории социалистической революции.

Ленинские произведения, в которых разработана теория социалистической революции, служат методологической основой раскрытия таких важнейших проблем истории СССР, как роль объективных и субъективных факторов в революционной борьбе, перерастание революции демократической в революцию социалистическую, предпосылки социалистической революции и социалистического строительства, гегемония пролетариата и союз рабочего класса и крестьянства, соотношение демократических и социалистических задач в революции, соединение социалистической революции с национально-освободительным движением, сущность и международное значение Великой Октябрьской социалистической революции и строительства коммунизма в СССР.

В. И. Ленин открыл Советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата, дал всесторонний анализ содержания и значения Советов.

Творчески развивая идеи Маркса и Энгельса, В. И. Ленин создал стройное учение по национальному вопросу. Произведения В. И. Ленина по национальному вопросу составляют методологию

ческую основу изучения истории деятельности КПСС по интернациональному воспитанию и сплочению трудящихся всех наций и народностей России, истории создания многонационального социалистического государства — СССР, истории формирования новой исторической общности людей — советского народа.

В ленинских произведениях разработано учение о партии нового типа, стратегии и тактике Коммунистической партии.

В. И. Ленин разработал научно обоснованный план строительства социализма и коммунизма в СССР. Борьба за утверждение ленинских предначертаний как в области внутренней созидательной работы, так и на международной арене составляла и составляет основное содержание деятельности партии и Советского народа. «Ленинизм, как вечно живое, развивающееся учение, был, есть и будет в центре идейной жизни партии, основой всей ее революционно-преобразующей деятельности. Обращаясь к идейному наследию В. И. Ленина, партия видит свою важнейшую задачу в том, чтобы на основе ленинских мыслей, ленинской методологии находить решение актуальных проблем коммунистического строительства»¹, — говорилось в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС. Поэтому постоянное обращение к трудам В. И. Ленина является важнейшим условием разработки подлинно научной концепции истории Советского общества и глубокого изучения этой истории.

§ 2. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина как источники по истории СССР

Будучи методологической основой изучения всех аспектов истории СССР с древнейших времен до наших дней, произведения основоположников марксизма-ленинизма как документальные свидетельства эпохи, в которой они создавались, являются важнейшими источниками конкретных исторических знаний.

События, происходившие в России, все в большей степени привлекали внимание Маркса и Энгельса, начиная с 60-х годов XIX в. Круг вопросов из русской истории и современного состояния России, получивших освещение в их трудах, значителен. Маркс и Энгельс вскрыли единство и внутреннюю связь истории России с мировой историей, показали общие объективные закономерности, а также специфические особенности социально-экономического развития России во второй половине XIX в. Ими была детально проанализирована реформа 1861 года: причины, ее половинчатый характер, значение в утверждении капиталистической формации в России (в статьях «Вопрос об отмене крепостного права в России», «Об освобождении крестьян в России», «Социальные отношения в России», «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России» и др.).

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 102.

С особым вниманием Маркс и Энгельс отражали в своих произведениях нарастание крестьянских волнений в стране, движение революционных демократов. Учитывая всю тяжесть эксплуатации и угнетения, глубину и остроту социальных противоречий в пореформенный период, Маркс и Энгельс отмечали, что в трудовом народе накопилась колоссальная революционная энергия. Они предвидели историческое значение России, политический переворот в которой внесет и на международной арене серьезнейшие изменения в соотношения классовых сил, создаст благоприятные условия для победы пролетариата Запада. В предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» в 1882 г. отмечалось, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»¹.

Маркс и Энгельс высоко оценили мировоззрение и деятельность русских революционных демократов Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. Флеровского и др.

В трудах Маркса и Энгельса заложены основы научной критики народническо-анархистской идеологии. Среди работ по данной проблеме выделяются письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных записок» (1877), серия статей Энгельса «Эмигрантская литература» (1874—1875), «Об общественных отношениях в России», «О социальном вопросе в России» (1875).

В противоположность народникам, рассматривавшим крестьянскую общину в качестве преграды капиталистическому развитию и основного института социалистического преобразования России, основоположники марксизма доказали, что действительный путь, по которому Россия идет с 1861 г., есть капиталистический путь, что товарные отношения подтачивают общину.

Большой интерес в качестве источника представляет переписка Энгельса с членами группы «Освобождение труда». Она свидетельствует, что он с горячей симпатией относился к литературной и политической деятельности первых русских марксистов. В апреле 1885 г. в письме к В. И. Засулич Энгельс писал: «...я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников»². Как видим, здесь одновременно дается критическая оценка и народнических традиций.

Переписка Маркса и Энгельса с русскими революционерами и социалистами подтверждает правильность и глубину высказываний В. И. Ленина о трудности пути создания марксистской партии в России, в том, что Россия марксизм «поистине *выстрадавала*» полувековой историей» борьбы и «беззаветности исканий»³. Она свидетельствует о глубокой обоснованности ленинских поло-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 305.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 260.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

жений об отношении марксистской партии к революционному наследству, она показывает историческую роль группы «Освобождение труда» в утверждении идей научного коммунизма среди революционной интеллигенции и передовых рабочих России.

Труды В. И. Ленина по насыщенности фактическим материалом и его достоверности среди источников не имеют себе равных. В них воплощено огромное богатство непосредственных личных наблюдений В. И. Ленина за экономической и социально-политической историей страны, за процессом нарастания пролетарского революционного движения, создания и развития Коммунистической партии, активнейшим участником и руководителем которого он был.

Факты в произведениях Ленина не только фиксируются, но и анализируются. При анализе фактов Ленин отделял главное от второстепенного, необходимое от случайного. В любом явлении он определял доминирующие черты, показывающие сущность изучаемого явления. Он устанавливал причинно-следственную связь между фактами и событиями и определял их социальную значимость. Ленинский научный анализ фактов, таким образом, как бы усиливает их, придает и сведениям о них высшую степень достоверности. В результате его труды воссоздают реальную действительность наиболее полно, всесторонне и глубоко научно.

Источниками познания истории СССР служат все труды В. И. Ленина. Когда говорится о трудах В. И. Ленина как исторических источниках, то имеются в виду не только произведения, непосредственно, синхронно отразившие факты и события изучаемого периода, но и написанные в тот или иной период исторические исследования.

Ленинские исторические труды свидетельствуют о практических, политических причинах разработки соответствующей исторической тематики, раскрывают методологию партийного подхода к историческому прошлому. Из написанных Лениным специальных исторических работ и из исторических экскурсов, включенных в другие работы, мы узнаем об историографическом вкладе Ленина в идейно-теоретическую борьбу партии, в ее деятельность по коммунистическому воспитанию трудящихся на революционных традициях, на уроках прошлого.

Обратимся к написанной осенью 1918 г. работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Как первый историк Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин воссоздает историю подготовки и победы революции, показывает причины необходимости разоблачения ее фальсификаторов и вскрывает несостоятельность меньшевистско-каутскианской концепции истории революции. На основе раскрытых объективных закономерностей Октябрьской социалистической революции Ленин показывает социалистический характер первых преобразований Советской власти.

Работа «Пролетарская революция и ренегат Каутский» является важнейшим источником истории Октябрьской революции, так как воплощенная в ней историческая концепция разработана

Лениным на основе собственного опыта и опыта руководимой им большевистской партии. Неоценимое значение в качестве источников такого рода имеют сделанные Лениным отчетные доклады ЦК на партийных съездах и доклады о деятельности СНК на съездах Советов.

В историко-ведущую базу по истории СССР входят не только историко-политические, но и философские и экономические труды Ленина. Как памятник теоретической мысли, они свидетельствуют о том, что Ленин в новых исторических условиях всесторонне развил все составные части марксизма: философию, политическую экономию, научный коммунизм. Они отражают неразрывность теории и практики в деятельности как самого В. И. Ленина, так и Коммунистической партии.

Источниками являются подготовительные материалы, письма, записки. Даже заметки на полях книг имеют важное значение, так как они отражают угол зрения, под которым Ленин изучал определенные вопросы, содержат обстоятельные критические комментарии и замечания.

Разнообразие формы и содержания ленинских трудов в советский период расширяется. Среди них резко вырос удельный вес устных выступлений В. И. Ленина перед различными аудиториями: высшими партийными и советскими органами, различными слоями трудящихся, конгрессами Коммунистического Интернационала и т. д. Большую часть трудов стали составлять проекты законодательных актов и правительственных постановлений, служебная переписка, распоряжения, предложения, директивы, циркуляры, обращения, приветствия и т. п. Они отражают не только руководящую деятельность Ленина как члена Политбюро ЦК РКП(б), председателя Совета Народных Комиссаров и председателя Совета Труда и Оборона, но и историю Советского государства, политическую, хозяйственную, военную, идеологическую жизнь советского общества.

Проблематика ленинских трудов тесно связана с освободительной борьбой рабочего класса, деятельностью Коммунистической партии, становлением и развитием Советского государства, с потребностями идеологической борьбы, поэтому она отражает основные периоды истории рабочего революционного движения, истории партии и советского общества.

Возьмем к примеру труды, написанные в период первой русской революции. С января 1905 г. по июнь 1907 г. В. И. Ленин написал 600 работ. Важнейшим событиям революции, всей деятельности партии, как вождя и организатора рабочего класса, он дал глубокий анализ и оценку. Проблемы характера, движущих сил и особенностей революции, стратегии и тактики партии проходят красной нитью через все труды В. И. Ленина этого периода. При раскрытии перспектив революции в них развита теория перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Курс большевистской партии на решительную победу революции противопоставляется оппортунизму меньшевиков.

Гениальное георетическое обоснование решений III съезда партии, стратегического плана и тактической линии партии Ленин дал в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», вышедшей в свет в конце июля 1905 года. В статьях «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», «Социализм и крестьянство», «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», в выступлениях на IV и V партийных съездах продолжается обоснование и разъяснение стратегического плана и тактики партии.

В статьях «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти», «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?», «Игра в парламентаризм» и во многих других разоблачается меньшевистская тактика соглашения с буржуазным либерализмом.

Истории аграрной программы большевиков в демократической революции посвящена брошюра «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», вышедшая в свет в апреле 1906 г.

Работы «О бойкоте», «Социал-демократия и избирательные соглашения», почти все статьи начала 1907 г. воссоздают историю отношения большевиков к Государственной думе, обосновывают их думскую тактику.

Проблематика ленинских трудов советского периода становится еще более широкой и многообразной.

Центральной темой являются вопросы осуществления плана построения социализма в СССР, научной разработки экономической политики партии и социалистического государства и ее реализации. Видное место занимают вопросы военной защиты социалистического отечества. Большое внимание уделено дальнейшему развитию теории социалистической революции и диктатуры пролетариата, обоснованию сущности советской демократии, показу международного значения Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства.

В таких произведениях В. И. Ленина, как «Очередные задачи Советской власти», «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Материалы к выработке программы РСДРП», «Великий почин», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «О продовольственном налоге», «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», «О значении золота теперь и после полной победы социализма», в последних работах получили исчерпывающее освещение взаимодействие экономических, политических и идеологических процессов, место и значение классовой борьбы в социалистической революции и в переходный период от капитализма к социализму, дана многогранная характеристика всей системы советских и государственных органов. Особое место уделено раскрытию революционного творчества рабочего класса и трудового крестьянства, показу возрастающей роли Коммунистической партии.

Поскольку ленинские произведения являются поистине неисчерпаемой сокровищницей идей научного коммунизма, то круг их как источников истории советского общества весьма широк. Так, например, при изучении истории современного этапа коммунистического строительства источниками являются те произведения В. И. Ленина, в которых в тесной связи с учением марксизма о двух фазах коммунистического общества раскрыты социально-политические, экономические и идеологические основы коммунистического общественного развития, показаны пути практического перехода к этой стадии. У Ленина мы находим положения о развитии социализма по восходящей линии, ко все более зрелому и развитому состоянию. В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин впервые ввел понятие «развитое социалистическое общество»¹. В работе «Великий почин» В. И. Ленин оценил решающее значение высокой производительности труда для победы коммунизма. В речи «О задачах союзов молодежи» Ленин наметил программу по коммунистическому воспитанию молодого поколения. КПСС, работая над решением новой, качественно более высокой задачи по руководству развитым социалистическим обществом, неизменно обращается к указаниям В. И. Ленина о путях обеспечения гармоничного развития социалистического общества, более полного использования его творческих возможностей в коммунистическом строительстве.

Изучение трудов В. И. Ленина и как методологической основы и как исторических источников должно представлять собой творческий процесс. Важнейшим условием творческого изучения является исторический подход к ним. Такой подход предполагает не только установление условий и причин их написания, их практически-политического назначения, но и изучение работ, развивающих идеи данного труда, выявление всего комплекса ленинских высказываний по данному вопросу.

§ 3. Классификация, библиография и особенности публикаций трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина

Для ориентировки историка в многогранном литературном наследии основоположников научного коммунизма необходимо знание основных принципов классификации, типов публикаций, особенностей изданий и справочной литературы.

Классифицировать труды Маркса, Энгельса, Ленина можно хронологически, по периодам истории, тематически, по основным проблемам и методически, по характерным группам. Хронологический принцип классификации соблюдается при публикациях в хрестоматиях и документальных сборниках, тематический — в специальных сборниках, посвященных одной проблеме.

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 139.

Цель методической или источниковедческой классификации — найти наиболее общие для данной группы (разновидности) источников характерные черты и особенности с тем, чтобы выработать единые для нее приемы научного анализа. С этой точки зрения все литературное наследие основоположников научного коммунизма целесообразно разделить на три большие группы: произведения, переписка (эпистолярное наследие), подготовительные материалы. Такая группировка, в сочетании с хронологическим принципом, легла в основу последних изданий сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

К первой группе относятся те труды Маркса, Энгельса, Ленина, которые содержат законченное изложение и теоретическое обоснование вопросов и предназначены для публикации, выступлений или для ознакомления в определенной аудитории. Разновидностями произведений являются печатные (или подготовленные к печати) книги, брошюры, листовки, разного рода статьи (передовые, рецензии, обзоры и обозрения, памфлеты, некрологи), письма не эпистолярного характера (письма-статьи, письма-брошюры), введения, предисловия, послесловия к изданиям и переизданиям своих произведений и работам других авторов.

К разновидностям произведений относятся устные выступления: доклады, лекции, речи, беседы, рефераты, заявления, интервью. Такие выступления не всегда имели написанные авторами полные тексты и дошли до нас в различных формах записей — протокольных, стенографических, хроникерских, газетных отчетах, в изложениях и переписке и т. д. Окончательные варианты тезисов, планов и конспектов устных выступлений также следует отнести к первой группе источников.

Важной группой произведений являются проекты партийных документов (манифесты, воззвания, программы, уставы, резолюции и решения), написанные Марксом, Энгельсом, Лениным, а также написанные В. И. Лениным проекты документов государственных советских и общественных организаций (декреты, постановления и т. п.).

Произведения основоположников научного коммунизма отличаются целенаправленностью изложения, развернутая аргументация со ссылками на точные данные источников и обстоятельность выводов. По цели, форме, стилю и языку они разнообразны и требуют различных приемов работы с ними. Так, например, для исследования материалов устных выступлений Ленина требуется текстологический анализ, для изучения его произведений, изданных в легальной, подцензурной печати до Октября, необходим учет особенностей эзоповского языка, а для изучения проектов партийных и государственных документов требуется привлечение материалов, их коллективных обсуждений и т. п.

Вторую группу трудов Маркса, Энгельса, Ленина составляет их эпистолярное наследие. К ней относится переписка как деловая, партийная (письма организациям и отдельным членам партии), так и личная (письма родным). Характерной особенностью

личной переписки Маркса и Энгельса между собой, Маркса и Ленина с родными является то, что ее трудно отделить от деловой, партийной, ибо все члены семьи Маркса, так же как и Ленина, были активными участниками революционной борьбы. К эпистолярным источникам относятся так же записки, телеграммы, радиogramмы, телефонограммы, резолюции и распоряжения на деловых бумагах.

В отличие от произведений письма не предназначались для печати и в большинстве случаев являлись ответом на письма адресатов. Переписка, особенно переписка Ленина, проходившая в конспиративных условиях, имеет своеобразный язык, содержащий много условных обозначений, кличек, иносказаний. Работу с письмами облегчает подробный научный комментарий и указатели в Собраниях сочинений.

Подготовительные материалы составляют личный архив. Они представляют собой разнообразный комплекс пометок на полях книг, газет и журналов, справочников, библиографических списках, выписок, конспектов, расчетов, статистических данных, набросков схем, диаграмм, таблиц, вариантов планов, тезисов, заголовков, текстовготавливаемых работ и различных заметок и правок к ним. Все эти материалы в большинстве случаев находятся в тетрадях, а иногда на отдельных листах, внешне ничем не связанных. Они дают возможность проследить этапы творческого процесса, приемы работы с источниками.

Публикация литературного наследия основоположников марксизма-ленинизма осуществлялась в течение всей их жизни и продолжается сейчас. Мы располагаем несколькими типами публикаций: собрания сочинений, сборники документов, тематические сборники произведений, избранные произведения, избранные письма, отдельные произведения, публикации в документальных сборниках и хрестоматиях, публикации новых документов в периодической печати.

Работать можно с любым типом публикаций. Однако нужно учитывать новые данные и делать ссылку в научном аппарате на последнюю публикацию. Тексты последних изданий Сочинений Маркса, Энгельса, Ленина наиболее точны.

Первое издание Сочинений Маркса и Энгельса публиковалось в 1928—1948 гг. в 24 томах. Существенным недостатком его были искажения и неточности в переводах, включение в него ряда статей, не принадлежащих Марксу и Энгельсу, ошибки в предисловии, указателях и справочниках. Эти недостатки были устранены во втором издании Сочинений, вышедшем в 1955—1966 гг. в 39 томах, 42 книгах.

Ориентироваться в опубликованных трудах Маркса, Энгельса, Ленина помогают библиографические указатели и справочники. Ко второму изданию Сочинений Маркса и Энгельса есть Алфавитный указатель (М., 1967), содержащий перечень всех произведений и писем, включенных в сборник «Маркс и Энгельс. Из ранних произведений» (М., 1956), и список работ, опубликованных на

русском языке в томах «Архива Маркса и Энгельса» и других изданиях.

Кроме того, существует развернутый справочный аппарат к томам второго издания Сочинений: предметный указатель к «Анти-Дюрингу» (т. 20), «Капиталу» (т. 26, ч. III), переписке (т. 39). В т. 22 помещен список работ, заглавия которых изменены по сравнению с первым изданием. В конце каждого тома даются «Даты жизни и деятельности Маркса и Энгельса», указатели имен, цитируемой и упоминаемой литературы, периодических изданий и т. п.

В справочном аппарате Сочинений Маркса, Энгельса, Ленина отражены особенности первых переводов и публикаций их произведений. Учет этих особенностей имеет существенное значение при изучении трудов основоположников марксизма-ленинизма, для их источниковедческого анализа.

Непосредственным источником для изучения произведений К. Маркса и Ф. Энгельса является текст немецкого оригинала, сверенный с авторской рукописью.

Историкам следует знать, что некоторые из первых русских переводов произведений Маркса и Энгельса, сделанные анархистами, народниками или «легальными марксистами», искажали оригинал, так как отражали не столько знание переводчиком языка, сколько его политические взгляды. Так, например, в 1869 г. в духе своей анархистской программы М. А. Бакунин перевел «Манифест Коммунистической партии». Слово «класс» он перевел «сословие», «классовую борьбу» называл «борьбой сословий», «открытое восстание» — «бунтом». Вместо слов «завоевание пролетариатом политической власти» писал — «завоевание политической власти через посредство пролетариата», т. е. опускал главное — идею диктатуры пролетариата. Перевод «Манифеста» В. А. Поссе, вышедший в 1903 г. в Женеве, также содержал много искажений.

В отличие от этих переводов переводы «Манифеста» Г. В. Плеханова (в 1882 и 1900 гг.) передавали революционный пафос и сущность подлинника. Лучшим из сохранившихся дооктябрьских переводов считается перевод В. В. Воровского, вышедший в 1906 г.

До нас, к сожалению, не дошла ленинская рукопись перевода, погибшая в 80-х годах в Самаре. Переводы отдельных мест «Коммунистического Манифеста», которые делал В. И. Ленин в своих работах, использованы при подготовке русского текста в 1948 г.

Литературное наследие В. И. Ленина превышает в настоящее время 12 тыс. опубликованных работ. Особое место среди всех типов публикаций его трудов занимают Сочинения. С 1920 г. вышло пять изданий: первое в 20 томах (26 книг) выходило в 1920—1926 гг.; второе и третье издания в 30 томах — в 1925—1932 гг. Они идентичны по содержанию и различаются только полиграфическим оформлением. Четвертое в 40 томах выходило

с перерывами с 1941 по 1962 гг. Пятое Полное Собрание сочинений в 55 томах было выпущено в 1958—1965 гг.

От издания к изданию увеличивалось не только количество вновь публикуемых ленинских документов, но и уточнялись даты написания работ, тексты переводов и цитат, устранялись опечатки и неточности, совершенствовался научно-справочный аппарат.

Незаменимы при работе с трудами В. И. Ленина справочные тома, содержащие таблицу соответствия нумерации томов и страниц 4 и 5 изданий Сочинений, а также Справочный том в двух частях. Часть 1-я (предметный указатель) содержит сотни тысяч отсылок к ленинскому тексту и помогает читателю найти в трудах Ленина интересующий его вопрос. Во 2-ю часть входит Алфавитный указатель, список псевдонимов Ленина, указатель произведений Маркса и Энгельса, Ленина, цитируемых и упоминаемых Лениным, указатели имен, периодических изданий, географических названий, произведений художественной литературы и т. д.¹

Одновременно с Сочинениями выходили тома Ленинских сборников, где впервые публиковались материалы архива В. И. Ленина и вновь найденные работы, которые затем вошли в Полное собрание сочинений.

Общего справочника ко всем ленинским сборникам нет. Материалы первых XXXVI томов учтены в «Хронологическом указателе произведений Ленина», а не учтенные в нем указаны в «Лениниане»². С помощью хронологического указателя можно получить сведения почти об 11 тыс. документах Ленина, указания на адреса хранения их в архиве, первые и последующие публикации и т. п. «Лениниана» содержит также хронологический и алфавитный указатели произведений В. И. Ленина, впервые опубликованных в 1956—1967 гг.

Первые публикации работ В. И. Ленина появились в самом разнообразном виде, в легальных и нелегальных изданиях, в неперIODической и периодической печати, в России и за границей, на русском и иностранных языках, а также на языках народов нашей страны. Большинство первых публикаций сохранилось. Значение этого факта огромно. Благодаря им мы располагаем теми трудами Ленина, рукописи которых до сих пор не разысканы. Они являются единственными первоисточниками текста. Это равным образом относится и к большим монографиям («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», «Задачи русских со-

¹ См. Алфавитный указатель произведений, вошедших в Полное собрание сочинений В. И. Ленина. М., 1966. Справочный том к Полному собранию сочинений, ч. 1. М., 1969; ч. 2. М., 1970.

² См.: «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина». В двух частях, 1886—1923 гг., ч. 1 (1886—фев. 1917). М., 1959; ч. 2 (март 1917—март 1923). М., 1960; «Вспомогательные указатели к хронологическому указателю». М., 1963; «Лениниана». Библиография произведений В. И. Ленина и литература о нем. 1956—1967 гг., т. 1. М., 1971, стр. 259—263.

циал-демократов», «Материализм и эмпириокритицизм» и др.), и к многочисленным публицистическим статьям в периодической печати.

Легальные издания существенно отличались от нелегальных. Первые — печатались в типографии, вторые — часто минуя ее — на ручных печатных станках, на пишущей машинке, переписывались от руки. Несовершенная ручная печатная техника не только ограничивала тираж издания, но иногда приводила к смысловым искажениям текста.

Внешний вид нелегального издания отличался от легального. Для удобства транспортировки, конспиративного хранения и распространения нелегальные издания делались небольшого формата, на тонкой бумаге, без твердых обложек. Не случайно выпуски книги Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» получили название «желтеньких тетрадок». На них не было имени автора, а на титульном листе третьего выпуска стояло: «Издание провинциальной группы социал-демократов», хотя печатался он в Петербурге. Ложные подставные данные о месте издания ставились и тогда, когда нелегальному изданию придавался внешний вид легального. На обложке брошюры В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», напечатанной в нелегальной народовольческой (Дяхтинской) типографии Петербурга осенью 1895 г., было указано: «Издание книжного магазина А. Е. Васильева. Херсон. Типография К. Н. Субботина, Екатерин. ул., д. Калинина. Продается во всех книжных магазинах Москвы и С.-Петербурга». На титульном листе была поставлена «благонамеренная» надпись: «Дозволено цензурою. Херсон, 14 ноября 1895 года»¹.

Легальные издания отличаются от нелегальных своеобразием языка. В нелегальной, бесцензурной печати можно было сказать во весь голос, прибегнуть к острым политическим обличениям, четко сформулировать цель и задачи борьбы.

Чтобы увидеть разницу между текстами ленинских работ, изданных легально и нелегально в различные исторические периоды, достаточно сравнить текст брошюры «К деревенской бедноте», изданной легально в 1905 г., с текстом предыдущего нелегального издания 1903 г.

Готовя новое издание, В. И. Ленин сделал более 150 исправлений и дополнений. Они отразили историческую обстановку развернувшейся революции, характер и причины поражения русско-японской войны, лженародный характер выборов в Государственную думу и программные требования большевиков в аграрном вопросе в соответствии с решениями III съезда РСДРП. Вместо требования возвращения отрезков в издании 1905 г. вставлены слова об отнятии всей земли у помещиков. Лишь некоторые места

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 15, 572 (21 примечание).

даны в новой редакции с небольшими «смягчениями» для цензуры¹.

В легальных изданиях Ленин сознательно, не ссылаясь на произведения Маркса и Энгельса переводил отдельные их положения в приемлемой для цензуры форме.

Труды, предназначенные для нелегального издания, Ленин готовил совершенно иначе, стремясь к предельной ясности революционной мысли, точности и полноте перевода положений основоположников марксизма. При этом, — как вспоминает Н. К. Крупская, — он старался не пользоваться готовыми переводами, а сам переводил с немецкого оригинала.

Характерной особенностью публикаций ленинских трудов до Октябрьской революции является то, что ни одно из них не было подписано собственным именем автора. Многие работы Ленина появились без подписи или под псевдонимом. Псевдоним Ленин или Н. Ленин, ставший всемирно известным и утвердившимся за автором как его подлинная фамилия, первоначально появился в 1901 г. в журнале «Заря» под статьей «Гг. «критики» в аграрном вопросе».

Первым ленинским псевдонимом — К. Тулин — были подписаны его легальные статьи 1895 г. Этот псевдоним, так же как и Читатель, Правдист, Петербуржец, Статистик, употреблялся Лениным еще два-три раза. Чаще других встречаются псевдонимы: В. Ильин, Петров, Фрей, Старик. Знание известных ленинских псевдонимов может натолкнуть на открытие новых документов В. И. Ленина.

Особенностью первых публикаций трудов В. И. Ленина в дооктябрьской печати можно считать встречающееся их несоответствие с текстом ленинских рукописей. Главным виновником искажений и сокращений была цензура, но не только она вносила изменения в текст. Изменения возникали и в результате острой борьбы с оппортунизмом. Так, в 1902 г. при опубликовании статьи Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии» в журнале «Заря» по настоянию Г. В. Плеханова и других членов редакции, был опущен ряд мест, в том числе все по вопросу, где говорилось о национализации земли². Первая публикация книги В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» в середине 1917 г. по вине ее меньшевистских издателей не содержала резкой ленинской критики Каутского и Мартова³.

Внимательного изучения, сопоставления с другими документами В. И. Ленина требуют и те его произведения, которые первоначально появлялись в иностранной печати и лишь в советский период были собраны и переведены на русский язык. Рукописи многих этих произведений не сохранились. Некоторые из них претерпели «двойной», а иногда и «тройной» перевод. Так, статья

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 137, 138, 167, 189, 191 и др.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 303—348, 432—448, 517.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 521.

В. И. Ленина «Выборы в Думу и тактика русской социал-демократии»¹ была впервые напечатана в 1907 г. в теоретическом органе Германской социал-демократии «Новое время». В том же году она появилась в России в переводе с немецкого на грузинский язык в большевистской газете «Дро» («Время») и только в 1922 г. была переведена на русский язык для первого издания Сочинений В. И. Ленина.

Работа с переводными публикациями требует тщательного изучения содержания всех трудов Ленина (писем, статей, проектов резолюций и т. п.), связанных с ними проблемно и хронологически.

В источниковедческом анализе немаловажное значение имеет также учет особенностей материалов В. И. Ленина, не имеющих авторизованного текста.

Этот тип источника возник в процессе многочисленных устных выступлений Ленина: лекций, докладов, речей, рефератов, бесед, интервью, для которых он не составлял текстов, а пользовался планами, конспектами или тезисами. Существует несколько форм записей таких выступлений: протокольные, стенографические, хроникерские, секретарские, газетные отчеты, а также записи современников, приведенные в воспоминаниях. Все они требуют тщательного источниковедческого анализа.

В стенографической, протокольной и секретарской записи изложение ведется от первого лица и записывающий стремится как можно полнее и точнее передать устную речь. Газетные отчеты и хроникерские записи отличаются краткостью, изложение в них ведется то прямой речью, то в третьем лице. Они делались обычно во время выступлений В. И. Ленина на массовых митингах, беспартийных конференциях и т. д. Записи, как правило, велись несколькими корреспондентами и в различных газетах появлялись различные варианты текста одних и тех же ленинских выступлений.

Наиболее близкой к дословному воспроизведению устных выступлений является стенографическая запись. Однако качество стенографии в период жизни и деятельности Ленина было невысоким.

Протокольные записи устных выступлений Ленина также не отражают в полной мере содержания его выступлений. Не случайно поэтому в Полном собрании сочинений публикуются все сохранившиеся формы записей одного и того же выступления. Так, три доклада и пять речей В. И. Ленина на VII (Апрельской) конференции имеют две формы записи: протокольную и газетного отчета.

Одной из проблем источниковедения применительно к работам В. И. Ленина является воспроизведение основного содержания не найденных или исчезнувших трудов В. И. Ленина.

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 37—48.

Поиски ленинских работ непрерывно ведутся в течение многих десятилетий, в результате чего количество ленинских документов, опубликованных в Полном собрании сочинений, увеличилось по сравнению с первым изданием почти в 10 раз (с 1,5 до 11,5 тыс.). Однако списки не разысканных его трудов, помещенных в томах Полного собрания сочинений В. И. Ленина, еще велики. О каждом ленинском документе в списках даются точно установленные на сегодняшний день сведения о дате написания или времени выступления, названы источники, в которых о них упоминается. Опираясь на эти сведения, можно раздвинуть горизонты наших знаний о ленинских трудах, которые еще не найдены.

Историками накоплен немалый опыт обоснования авторства (атрибуции) трудов основоположников марксизма-ленинизма. Подготовители томов второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса раскрывают научную лабораторию выявления ранее неизвестных произведений и установления авторства Маркса и Энгельса¹.

Ленинское авторство устанавливалось путем сопоставления других документов Ленина с текстом данной статьи, выяснения преемственности ее материалов с предшествующими его статьями и по другим признакам.

Важное значение имеет правомерность темы, ее идейное содержание. Кроме того, выясняются особенности стиля, наиболее часто встречающиеся у Ленина выражения, характерные приемы доказательств, контрастные определения, особенности построения фраз, крылатые слова и идиомы и т. п.

В установлении времени написания недатированных ленинских произведений главное место занимает анализ текста, в котором может быть упоминание исторических событий, фактов, внутрипартийной жизни, время свершения которых известно по другим источникам. Таким образом, источниковедческий анализ произведений и материалов основоположников марксизма-ленинизма требует применения самых разнообразных методов и приемов.

§ 4. Анализ исторических источников в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина

Труды Маркса, Энгельса, Ленина дают классические образцы научной критики источников, позволяющей извлекать объективные, точные и достоверные факты.

«Маркс, — вспоминает Поль Лафарг, — работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимая им, подтверждалась ссылкой на самые выдающиеся авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он всегда сам добирался до первоисточника, какие бы трудности

¹ См.: «Великое наследие (о втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса)». М., 1968, стр. 159—168.

это ни представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Бриганский музей, чтобы в библиотеке музея проверить этот факт»¹.

В. И. Ленин также никогда не полагался на услышанное им, только на память, никогда не высказывал своего мнения, не изучив факты по документам. «Это стремление обосновать каждый вывод фактами, — вспоминает Н. К. Крупская, — было связано с тем, ...что Ленин, в жизни которого чтение «Капитала» Маркса сыграло такую громадную роль, помнил, на каком громадном количестве фактического материала основывал Маркс свои выводы»².

Создавая свои произведения, Ленин опирался на широкую базу самых разнообразных источников. Указатели работ и источников, цитируемых и упоминаемых В. И. Лениным, которыми снабжены все тома Полного собрания сочинений, насчитывают свыше 16 тыс. книг, брошюр, статей, периодических изданий, документов, писем.

Материалы, накопившиеся в процессе работы Маркса, Энгельса, Ленина над своими трудами, во много раз превышают их объем. Так, в свои «Тетради по империализму» В. И. Ленин занес выписки из 148 немецких, французских и английских книг и 232 статей. Эти выписки вместе с конспектами, набросками, таблицами составляют 740 страниц, в то время как текст самой книги «Империализм как высшая стадия капитализма» занимает 127 страниц.

Научный аппарат — ссылки на источники и литературу — Ленин обычно давал не под строкой, а в тексте в скобках. В его крупных монографических работах таких ссылок насчитывается по несколько сотен. По этим ссылкам, а также по другим указаниям мы можем определить, какие источники составляют источниковую базу трудов Ленина. В его произведениях мы находим ссылки на все виды письменных источников, начиная с летописи.

В зависимости от темы в отдельных произведениях преобладают те или иные группы источников: статистические — в работах «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Статистика стачек»; партийные документы — в книгах «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и др. На материалах периодической печати Ленин писал публицистические произведения.

Соратники Ленина и исследователи его наследия свидетельствуют, что изучая труды Маркса и Энгельса, Ленин блестяще овладел не только знанием марксизма, но и его методом.

Далеко не все труды Маркса и Энгельса были опубликованы при их жизни. Предметом особого внимания Ленина были вновь выходявшие издания Маркса и Энгельса.

¹ Поль Лафарг. Воспоминания о Марксе. М., 1958, стр. 14.

² Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник. М., 1960, стр. 337.

Так, В. И. Ленину был хорошо известен «Манифест Коммунистической партии», где еще не давая формулировок, Маркс и Энгельс ясно выразили идею диктатуры пролетариата. Точную и яркую формулу этой идеи Маркс дал после революции 1848—1849 гг. в работе «Классовая борьба во Франции» (1850) и в письме к И. Вейдемейеру (1852). Однако, когда Ленин в январе-феврале 1917 г. в Швейцарии отбирал материал для книги «Государство и революция», а в августе-сентябре в подполье в Разливе и Гельсингфорсе писал ее, то эти труды Маркса ему, по-видимому, не были известны. Он дал себе задание: «Найти и справиться, говорили ли Маркс и Энгельс до 1871 г. о «диктатуре пролетариата?». Справку удалось навести уже после выхода 1-го издания «Государства и революции» в 1918 г. Во 2-е издание книги Ленин дополнительно включил § 3 гл. II: «Постановка вопроса Марксом в 1852 году», где говорится о главной заслуге Маркса — учении о диктатуре пролетариата¹.

В своих произведениях В. И. Ленин широко использовал как статистические источники, исходящие из враждебного лагеря, так и статистику советского государства и партийную статистику.

Вырабатывая марксистскую методологию и методику использования статистических источников, Ленин подверг критике порочные приемы их обработки в народнической и буржуазной литературе, авторы которой затушевывали разложение русской деревни, топили «классовую борьбу в рядах и рядах цифр»².

Статистический материал Ленин стремился концентрировать наглядно в таблицы, схемы, диаграммы, графические изображения и чертежи, которые мы находим в крупных теоретических и исторических трудах «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и в подготовительных материалах к ним.

При подготовке брошюры «К деревенской бедноте» Ленин графически выясняет обратную зависимость в соотношении количества зажиточных, средних и бедных крестьянских хозяйств и количества лошадей, которыми они владеют.

В трудах советского периода Ленин не только систематически обращается к статистическим данным, но и направляет развитие советской статистики, выдвигает научные требования ее организации.

В числе документальных источников Ленин в своих работах использует законодательство и судебно-следственные материалы. В брошюрах «Новый фабричный закон», «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», в статьях «Крепостники за работой», «Борьба с голодающими» Ленин подвергает анализу и разоблачает антинародный характер царских законов и циркуляров. В статье «Что доказал суд над РСДР-фракцией?», используя «Отчет о суде», напечатанный бур-

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 159, 33—35.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 64.

жуазно-либеральной газетой «День» в марте 1915 г., Ленин демонстрирует метод подхода к судебным-следственным материалам враждебного лагеря и дает этим материалам партийную оценку.

Основу многих трудов Ленина составляют партийные документы. В книге «Шаг вперед, два шага назад» Ленин около 200 раз ссылается на протоколы II съезда РСДРП.

«Главным недостатком наличной литературы о нашем партийном кризисе, — писал Ленин в предисловии к брошюре, — является, в области изучения и освещения фактов, почти полное отсутствие анализа протоколов партийного съезда»¹. Поэтому Ленин призывал членов партии к широкому и самостоятельному их изучению и сам дал непревзойденный образец такого изучения.

По подготовительным материалам можно проследить с чего начал и как работал Ленин над анализом протоколов II съезда. Необычный вид имеет документ, содержащий на нескольких страницах колонки двух и трехзначных цифр. Это «Указатель речей» — первоначальная обработка Лениным протоколов съезда, своего рода постраничный путеводитель. Затем Ленин делает очень краткий и тоже постраничный «Набросок конспекта протоколов II съезда РСДРП» — первый эскиз расстановки сил на съезде.

Следующий этап — «Характеристика делегатов по протоколам». С помощью указателя Ленин прослеживает позицию каждого делегата по всем затронутым им в выступлениях вопросам, от первого до последнего заседания съезда. При этом Ленин не просто фиксировал прочитанное, но тут же выражал к нему свое отношение с помощью курсивов, подчеркиваний, значков. Это дало возможность сгруппировать делегатов в соответствии с их позицией на съезде, выяснить основные группировки голосований, составить схему типичных голосований, а затем и диаграмму, вошедшую в текст книги².

Таков путь обработки В. И. Лениным протоколов. На основе такого предварительного исследования Ленин создал блестящую по силе анализа работу «Шаг вперед, два шага назад».

Значительное место в ленинских произведениях занимает периодическая печать, как правительственная, либеральная, так и партийная, а затем и советская. Материалы периодической печати служили Ленину источником для написания документированных «Внутренних обозрений» для журнала «Заря» в 1901 г., для серии статей «Революционные дни» в газете «Вперед» в январе 1905 г. и других публицистических произведений.

Используя материалы печати различных политических направлений, Ленин критически оценивал их достоверность. Он разоблачал продажность, шовинизм и лакейство реакционно-монархической прессы типа «Нового времени» Суворина³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 188.

² Там же, стр. 465—479, 323; Ленинский сборник, XI, стр. 261—265.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 44.

Ленин особенно ценил большевистскую печать, которая «дает единственный, превосходный, незаменимый, допускающий проверку всяким и каждым»¹ материал. Многочисленные пометки Ленина на номерах большевистских газет и журналов, хранившихся в его личной библиотеке в Кремле, свидетельствуют, что в разное время он пользовался ими как источниками.

Будучи руководителем и редактором центральных большевистских газет, Ленин во многих своих статьях использует в качестве источников письма рабочих, крестьян и солдат. В статье «О характере наших газет» (1918) Ленин намечает боевую программу для советской печати. Выполнение ее делает советскую прессу не только действенным органом диктатуры рабочего класса, но и богатым источником «в смысле собирания, *тщательной проверки* и изучения фактов действительного строительства новой жизни»². Газетные материалы, отвечающие этим требованиям, Ленин использовал в своих статьях и докладах.

Видов источников, составляющих документальную базу ленинских произведений, гораздо больше, чем названо выше. Это — законодательные, мемуарные источники, а также документы государственных дум, советских учреждений, массовых организаций трудящихся и т. д. Приемы использования их Лениным весьма разнообразны. Изучение этих приемов представляет насущную необходимость.

Таким образом, важнейшим средством получения глубоких знаний служит постоянное обращение к трудам Маркса, Энгельса и Ленина, которые вооружают великими идеями марксизма-ленинизма, обогащают знаниями законов общественного развития и классовой борьбы, развивают навыки исторического исследования, учат непримиримости в идейной борьбе против буржуазной идеологии и оппортунизма всех мастей.

Постоянно овладевая методологической основой, которую дают эти труды, историк обязан ориентироваться в их многообразии, знать их особенности, учитывать большой и разнообразный опыт, накопленный при подготовке их к публикации. Непременным долгом каждого исследователя является изучение приемов источниковедческого анализа исторических источников, классические образцы которого дают нам труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 227.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 90.

Часть первая

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XVIII В.

В первой части учебника рассматриваются письменные источники по истории СССР с древнейших времен до XVIII в. Выделение отдельных видов источников и их комплексов позволяет проследить их эволюцию, изменение формы, содержания, отметить наиболее существенные особенности, показать отдельные стороны критического анализа конкретных источников. В этих главах не ставится задача охватить все источники, что в учебнике сделать практически невозможно. Выделяются при общей характеристике источника как вида только наиболее важные, типичные документы, дающие возможность более или менее подробно выделить одну или несколько сторон, относящихся к внешней и внутренней критике источника.

Это относится, прежде всего, к главам «Летописи», «Законодательные памятники», «Актовые материалы», «Литературные и публицистические произведения». Главы — «Материалы делопроизводства государственных учреждений» и «Писцовое делопроизводство» хронологически посвящены тому периоду, когда сложились государственные и другие учреждения, в архивах которых отложились делопроизводственные документы, т. е. с рубежа XIV—XV вв. до конца XVII в.

Совершенно иной характер носят главы «Древнейшие источники по истории народов СССР» и «Источники по истории народов СССР X—XVII вв.». Ввиду многообразности этих источников, во многих случаях еще слабой изученности, дается только их обзор, чтобы читатель имел представление о наиболее известных источниках. В этих главах использованы материалы учебного пособия «Источниковедение истории СССР» (часть I. М., 1962) М. Н. Тихомирова.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР
ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА

§ 1. Древнейшие источники

Древнейшие письменные источники по истории государств, бывших на территории СССР и народов их населявших, представляют собой, с одной стороны, эпиграфические памятники, а, с другой, труды греческих, римских, западноевропейских, восточных авторов.

Наиболее ранние источники — ассирийские клинописные записи восходят к XIII в. до н. э. В них описываются походы ассирийцев против соседних стран, среди которых упоминаются и народы, населявшие будущее государство Урарту. Сохранилось также несколько сот надписей на ассирийском и халдском языках на территории Урарту. Ранние из этих клинописных надписей относятся к IX в. до н. э. В каменных глыбах остатков стены у подножья Ванской скалы в городе Тушпа (Ван) ассирийская клинописная запись рассказывает о ее строительстве урартским правителем Сардури. Запись сына Сардури — царя Урарту Ишпуини о строительстве крепости сделана была уже на урартском языке. Наибольшее число клинописных записей сохранилось от времени царей Менуа и его сына Аргишти (IX—VIII вв. до н. э.). Важной особенностью их является значительное число сообщений о строительных работах, которые велись в столице Тушпе и ее окрестностях, а также о войнах, добыче, захвате пленников и обращении их в рабов. Некоторые надписи были настолько большими, что их называют летописями. Так «Хорхорская летопись» Аргишти I, высеченная на скале Хорхор, содержит более 400 строк текста.

Для истории Скифии и греческих колоний Причерноморья некоторое значение имеют греческие надписи, найденные на территории Причерноморья и в Греции. В них имеются сведения о взаимоотношениях греческих метрополий с городами-эмпориями, разбросанными по побережью Черного моря, а также со Скифией.

Древнейший эпиграфический материал (V—IV вв. до н. э.) представляет текст присяги, которую юноши Херсонеса принимали по достижении совершеннолетия. Значительный интерес вызывают эпиграфические источники по истории Боспорского царства. Так называемый «Декрет о Диофанте», принятый херсонесским «советом и народом» в честь полководца Диофанта, повествует не только о военных действиях против скифов, тавров, строительстве городов, но и о восстании скифских рабов во главе с Савмаком.

Греческие надписи дают возможность установить характер рабовладельческого хозяйства, положение рабов, частную жизнь.

При изучении истории Средней Азии важен текст надписи на Бехистунской скале (на территории современного Ирана), сделанной при персидском царе Дарии I (522—486 гг. до н. э.), где говорится о подчинении ему Парфии, Арии, Хорезма, Бактрии, Согдианы. Исключительное значение имеют открытые при раскопках древней столицы Парфянского царства — Нисы (около Ашхабада) более 2000 написанных на глиняных черепках документов, свидетельствующих об экономике и административном устройстве Парфии.

Памятники письменности, представленные эпиграфическими материалами, несомненно, имеют важное значение для воссоздания исторического прошлого. Однако по насыщенности материала они уступают произведениям, носившим исторический характер и принадлежавших перу греческих, латинских, византийских, западноевропейских, восточных авторов.

Одним из древнейших исторических трудов со сведениями по истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии является «История греко-персидских войн» Геродота (род. между 490—480 — умер между 430—424 гг. до н. э.), которая не была им завершена. Труд впоследствии был разделен александрийскими учеными на 9 книг по числу муз, покровительниц искусств и наук, именами которых были названы книги. Первые четыре книги «Истории» дают исторический и географический обзор стран, входивших в Персидское государство или соседствовавших с ним. В сочинениях Геродота имеется ценный материал и по истории народов, населявших в те времена Причерноморье, Закавказье, отчасти Среднюю Азию. Так, описывая поход персидского царя Дария на скифов, Геродот приводит сведения о скифах и соседних с ними народах, показывает территорию, занятую скифами от Истра (Дуная) на западе и до Танаиса (Дона) на востоке, говорит об их хозяйственном положении, выделяя из общей массы три племени скифов: земледельцев, кочевников, царских.

Вопрос о достоверности исторических известий, приводимых Геродотом, представляется одним из важных. Исследователи отмечают, что помимо личных наблюдений, полученных во время путешествий (Греция, Малая Азия, Вавилон, Финикия, Египет, Кирена, Фракия, Италия, Сицилия, Черноморское побережье), Геродот использовал какие-то письменные источники по географии и этнографии, а также устные рассказы. Этим можно объяснить пестроту приводимого им материала и характер изложения. Хотя основной темой «Истории» являлось рассмотрение греко-персидских войн, Геродот сделал в книгах сообщения вводного и побочного характера, вставил многочисленные рассказы, которые различаются не только по тематике, но и стилю изложения. Личные наблюдения, деловые справки, указания на факты перемежаются литературными, зачастую сказочными рассказами. Своеобразный стиль исторического повествования, где фактический

материал тесно переплетается с художественной формой изложения, требует внимательного критического подхода к этому источнику. Исследование «Истории» Геродота свидетельствует, что при определенной политической тенденциозности, неточностях, ошибках, громадный географический и этнографический материал помогает восстановить исторический процесс у народов Причерноморья, Кавказа, Средней Азии.

Важным историческим источником является состоящий из 7 книг труд древнегреческого историка и писателя Арриана (ок. 95 — 2-я пол. II в. н. э.) «Анабасис Александра». Арриан был видным военным и административным деятелем; им были написаны сочинения по философии, военному делу, географии, истории, однако, большинство его трудов не сохранилось. Ценность «Анабасиса Александра» определяется не только тем, что в нем широко использованы труды предшественников и современников Арриана, в том числе и труд полководца Александра Македонского Птолемея, но и отражены такие важные источники, как письма Александра Македонского и придворный дневник. Арриан в связи с походами Александра Македонского упоминает кавказское племя албанов, рассказывает о посольствах скифов к Александру и о македонском посольстве в Скифию (целью которого было ознакомление с природой страны, населением и его обычаями, состоянием вооружения скифов), о восстании в Согдиане под руководством Спитамена против завоевателей греков, продолжавшемся около трех лет. В другом труде «Объезд Евксинского Понта», представляющем отчет Арриана как наместника римской провинции Каппадокии об инспектировании укреплений и гарнизонов, много географических, этнографических и военно-политических сведений об исторической области Западной Грузии — Колхиде, входившей тогда в состав Каппадокии.

Громадный материал по истории причерноморских, прикаспийских и среднеазиатских территорий СССР дает труд древнегреческого географа и историка Страбона (ок. 63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) «География». Это сочинение можно рассматривать как первую попытку создать историко-географическое описание территории, с которыми сталкивался античный мир. Ему предшествовал не дошедший до нас другой труд Страбона — «Исторические записки», охватывавший события от 146 г. до н. э. (разрушение римлянами Коринфа и Карфагена) до 31 г. н. э.

«География», которая была создана около 7 г. до н. э., делится на 17 книг. Первые две — введение; они включают материалы физико-математической географии, показывают особенности и значение географии. Описанию отдельных стран и областей посвящены остальные 15 книг: Испания, Галлия, Британия, Италия, Сицилия — книги 3—6; Северная и Восточная Европа, Северные Балканы, Греция — книги 7—10; Северное и Восточное Причерноморье, Малая Азия — книги 11—14; Индия, Месопотамия, Аравия, Египет — книги 15—17.

В «Географии» широко использовались материалы писателей-историков предшественников и современников Страбона, а также собственные наблюдения, полученные в путешествиях. Страбон отмечает, что он посетил земли от Сардинии до Армении и от Черного моря до Эфиопии. «География» дает многочисленные сведения, имеющие большое значение для истории народов, населявших побережье Черного, Азовского и Каспийского морей, Грузию, Азербайджан, Армению, Среднюю Азию. Описание отдельных земель отличается обстоятельностью и точностью, что подтверждается другими источниками, в том числе и археологическими. Так, описывая Иберию (Грузию), Страбон отмечает: «Большая часть Иберии хорошо застроена городами и поселениями, так что там есть черепичные крыши, дома, построенные по требованию архитектуры, рынки и другие общественные здания. Одна часть страны кругом обнимается Кавказскими горами... Очень плодородные отроги гор тянутся на юг, обнимая всю Иберию и присоединяя ее к Армении и Колхиде, а посередине Иберия представляет равнину, орошенную реками». Страбон много внимания уделяет путям сообщения и торговли. В частности, им отмечены четыре входа-пути в Иберию: со стороны Колхиды, с севера через Дарьяльское ущелье у р. Арагвы, горным проходом и низовьями Алазани из Албании и ущельем у р. Куры из Армении. По описанию Страбона столица Иберии представляется крупным торговым центром, где скрещивались пути из Причерноморья к Каспию и из Северного Кавказа на юг в Армению. Это была богатая, густонаселенная страна, жители горной части которой занимались скотоводством, а в плодородных речных долинах — земледелием.

У Страбона имеются интересные сообщения об Армении, о племенах, населявших Азербайджан, в частности, о существовавших еще в V в. до н. э. каспиях, с именем которых связывается название Каспийского моря.

«География» отличается точностью характеристик при описании отдельных земель, как, например, Керченского полуострова, при попытке установить границу между Азией и Европой, которая Страбоном проводилась по р. Танаис (Дон), судоходстве рек, расположении городов (например, основанных Александром Македонским в Средней Азии — Бактрии и Согдиане), и т. д. Ценны сведения «Географии», касающиеся политической истории, раскрывающие взаимоотношения между греческими городами и скифами, о походе киммерийцев на Каппадокию и другие материалы.

Достоверность географического, исторического, этнографического материала «Географии» в значительной степени определяется тем, что Страбон пытался создать руководство для практической деятельности римских государственных и военных деятелей, администраторов, торговцев.

Римский писатель, географ, историк Плиний Старший (23 или 24—79 гг.) в единственно сохранившемся труде «Естественная история» приводит некоторые сведения об экономической, политической жизни, быте народов Восточной Европы и Кавказа, упоми-

ная, в частности царей Колхиды, разделение Армении на 120 префектур-стратегий. Под именем венедов, к востоку от Вислы и к северу от Дуная, им упоминаются племена восточных славян. Некритическое использование известных Плинию источников привело к тому, что его сочинение изобилует многими неточностями.

В «Географии» Птолемея Клавдия (первая половина II в. н. э.) много ценных материалов по территории, которая им называется Сарматией. Он делит ее на две части: «европейскую» между Вислой и Доном и «азиатскую» между Доном и Волгой. Примечательно, что в большом перечне племен, населявших Сарматия, много заимствований из «Истории греко-персидских войн» Геродота. Особый интерес представляют те материалы Птолемея, которые касаются географической локализации отдельных племен как Причерноморья, Кавказа, так и Средней Азии.

Важные сведения о Восточной Европе и Кавказе имеются в «Анналах» («Летописях») Корнелия Тацита (ок. 55—120 гг.). Рассматривая римскую историю от смерти Августа до смерти Нерона, Тацит рассказывает о борьбе Рима с Парфией за обладание Арменией в 63—66 гг., о вторжении роксоланов в римскую провинцию Мезию (ок. 70 г.), а также о сарматах и венетах.

О Босфорском царстве и Кавказе имеются известия в труде древнегреческого и римского историка Диона Кассия (род. между 155 и 164 гг. — умер после 229 г.) «Римская история».

Территории, прилегающие к Черному морю, были предметом рассмотрения римского историка Аммиана Марцеллина (ок. 330 г. — ок. 400 г.). Его труд «Деяния» был задуман как продолжение «Анналов» Тацита. До нас дошли лишь фрагменты 18 книг из 31.

В основе этого сочинения лежат не только известные Марцеллину письменные источники, но и личные наблюдения, свидетельства очевидцев, что обусловило значительную достоверность приводимых материалов. Исследователи отмечают значение известий Марцеллина о гуннах, в 70-х годах IV в. начавших передвижение на запад и представлявших большую угрозу для Восточной Римской империи. Эти известия помогают изучению хозяйственного, политического строя, быта, обычаев гуннов и других племен, населявших Юго-Восточную Европу.

Помимо названных письменных источников существует ряд трудов греко-латинских авторов, в которых имеется некоторый материал по истории СССР. Однако следует иметь в виду, что в целом эти сведения мелкие, отрывочные, часто случайного характера.

§ 2. Византийские, западноевропейские и восточные источники по истории СССР

Определенное расширение круга письменных исторических источников по истории народов СССР отмечается примерно с VI в.

Это, прежде всего, источники византийского происхождения. Византийская империя в VI в. входит в тесные контакты со сла-

вянами, активно заселяющими Балканский полуостров. В связи с этим в трудах византийских писателей появляются наиболее точные сведения о славянах, а также о народах Причерноморья, Кавказа, отчасти Средней Азии.

От VI в. сохранились исторические труды Прокопия Кесарийского (род. между 490 и 507 г., — умер после 562 г.), среди которых выделяется восьмитомная «История войны с готами». Значение известий этого источника определяется личными наблюдениями Прокопия, который был советником и секретарем византийского полководца Велизария и вместе с ним участвовал в походах против персов, вандалов, остготов. Кроме того, Прокопий пользовался различными письменными источниками, в том числе недошедшими до нас ранними сочинениями об Армении. Прокопий один из первых историков, связывающий «бесчисленные племена антов», живших к северу от Черного моря, со «склавинами». Он говорит, что «у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы... У тех и других один и тот же язык... И по внешнему виду они не отличаются друг от друга... и некогда даже имя у славян и антов было одно и то же». Интересны сведения об общественном строе славян, ибо «эти племена, славяне и анты, — пишет Прокопий, — не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считаются делом общим».

В «Истории» Прокопия приводится много сведений о том давлении, которое гунны, славяне и анты оказывали на Византию. Он пишет, что они «делают почти ежегодно набеги на Иллирию и всю Фракию от Ионийского залива (Адриатического моря) вплоть до предместий Византии».

Интересны сведения Прокопия об Армении, Лазском царстве в Западной Грузии, их природных условиях, населении и поселениях, торговых путях.

На рубеже VI—VII вв. возникло имеющее большое значение для изучения ранней истории славян анонимное сочинение — «Стратегикон». Так как «Стратегикон» посвящен прежде всего военным вопросам, то в нем большое внимание уделено методам борьбы с наступающими на Византию народами, среди которых выделяются славяне. «Стратегикон» сообщает, что в ту пору многочисленные славянские племена были еще разрознены и враждовали между собой. В связи с этим даются рекомендации по привлечению части славян «на свою сторону речами и подарками», чтобы они не могли объединиться и «не стали бы под власть одного вождя».

К IX—X вв. относится ряд произведений византийских авторов, в которых имеются известия по истории Киевской Руси. Большинство их касается внешнеполитических событий, в частности походов русов на Византию. Наиболее ранние известия такого характера приводятся в беседах и посланиях константинопольского патриарха Фотия (IX в.) и в житиях византийских святых.

В сочинениях Фотия сохранилось яркое описание похода Руси на Византию в 860 г., вскрываются его причины, которые он видит в расторжении греками договоров с Русью и «бесчеловечных», «бешенных и озорных» действиях византийцев по отношению к русам. В окружном послании Фотия 867 г. рассказывается о крещении русов и об установлении русской епархии.

ГО начальной истории Киевской Руси свидетельствует произведение неизвестного автора IX в. «Житие Георгия Амастридского». «Житие», как полагают, было составлено в Амастриде до 842 г. и в нем повествуется о нападении русов (ок. 840—842 г.) на южное Черноморское побережье и о крещении вождя русов.

Византийскому императору Константину Багрянородному (905—959) приписывается несколько сочинений, среди которых наибольшее значение для изучения истории народов СССР имеет книга «Об управлении империей». Главная задача книги — наставление сыну как управлять Византийской империей, однако в многочисленных главах приводится огромный по тому времени материал как о Византии, так и о соседних с ней странах. Первостепенное значение для нас имеют более или менее подробные сведения о Киевском государстве, печенегах, болгарях, хазарах, о кавказских государствах — Грузии, Армении и их народах.

Интересны материалы, рассказывающие о русах, совершавших поездки в Константинополь, о пути из Киева по Днепру на юг через пороги, о племенах восточных славян. Следует иметь в виду, что даже сравнительно небольшие известия Константина Багрянородного дают фактический материал для решения отдельных вопросов истории. Так, например, Константин Багрянородный рассказывает о построении хазарами на Дону крепости Саркел, в строительстве которой принимали участие византийские специалисты. Несомненно, что в данном случае Византия преследовала определенные военные и политические цели.

В другом сочинении Константина Багрянородного — «О церемониях византийского двора» много материалов для изучения структуры византийского управления, придворных церемоний, быта. Здесь, в частности, отмечена поездка киевской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. для укрепления торговых и политических отношений и ее прием при византийском дворе.

Некоторые сведения по истории Армении имеются в третьем сочинении Константина Багрянородного «О фемах», которое содержит описание отдельных частей Византийской империи.

Исследователи сочинений Константина Багрянородного отмечают сложность использования материалов, приводимых им. Во многих случаях трудно определить, что написано самим Константином, а что сделано по его приказу; ряд названий, имеющих в его сочинениях, не поддается расшифровке и не может быть объяснен, так как передача славянских и других названий в греческом языке имеет особенности: отдельные известия, восходящие к трудам предшественников, воспринимались некритично, а иногда искажались.

Перу византийского хрониста Льва Диакона принадлежит написанная около 990 г. «История в 10-ти книгах», охватывающая 959—976 гг. Первая часть труда — пересказ недошедшего до нас сочинения современника («Истории Фок»), вторая — составлена на основе личных наблюдений и свидетельств очевидцев.

Для историка СССР важны материалы Льва Диакона, относящиеся ко времени Святослава. Краткость, неясность и противоречивость письменных источников, касающихся похода Святослава в Болгарию, его войны с Византией, заключения мира, делают сообщение Льва Диакона особенно значимыми, тем более, что в отдельных случаях ощущается близость между «Историей» и Повестью временных лет. Так, подробно описывая битву под Доростолом на Дунае, Лев Диакон приводит слова Святослава на военном совещании в осажденном городе: «У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою». (В Повести Временных лет: «Не посрамям земли русской, поляжем костями, мертвые срама не имут»).

Как непосредственный свидетель войн Византии с Русью Лев Диакон рассказывает о заключении мира и о встрече византийского императора Цимисхия и Святослава на берегу Дуная. Внешность Святослава он описывает так: «Он среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой головой и с густыми, длинными висящими на верхней губе, волосами. Голова у него совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и суровым. В одном ухе у него висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посреди их вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная... Поговорив немного с императором о мире, сидя в ладье на лавке, он переправился назад».

Определенный интерес представляет так называемая «Записка греческого топарха» — путевые заметки административного чиновника, путешествовавшего с отрядом воинов в конце X в. у Днепра. При всех сложностях работы с этим источником в нем имеются заметки об опасности переправы через Днепр, трудностях зимнего путешествия в Крым, о сношениях Византии с Русью в период походов Святослава в Болгарию.

Из западноевропейских источников важнейшим по истории Восточной Европы раннего периода является сочинение готского историка VI в. Иордана «О происхождении и деяниях гетов». В основе этого труда, как видно из предисловия самого Иордана, лежит Хроника, составленная в V — начале VI в. придворным историком готских королей Кассиодором. Иордан, видимо, буквально не следовал Хронике, так как признается, что имел возможность пользоваться ею только три дня. В труде Иордана помимо больших собственных наблюдений, которые он имел

возможность вести будучи секретарем аланского военачальника Гунтигиса Базы, состоявшего на римской службе, использован и народный эпос готов.

Иордан ставил перед собой задачу показать историю готов от их переселения из Скандинавии до войны остготов с Византией, практически доведя изложение материалов до 551 г.

В сочинении Иордана имеются историко-географические описания, которые делятся на три части: краткие и недостаточно достоверные сведения об эпохе древней, более подробные географические описания IV—V вв. и современные автору сведения (VI в.). Кроме того, приводится описание племен и народов подвластных или соседствовавших с готами в период наибольшего возвышения готского племенного союза в IV в. при Гермонарихе. О славянах (склавинах) сообщается, что они занимали земли от Дуная до Карпат и Бескидов, за которыми начинались земли венедов, на восток тянувшихся до Днестра, за которым жили анты, т. е. практически Иордан выделяет три основные славянские группы.

Следует иметь в виду, что отдельные географические пункты в сочинении Иордана устанавливаются с большим трудом, так как передача их названий на латинском языке приводила к большим искажениям, а многие сведения просто недостоверны.

В связи с этим важно сопоставление материалов сочинения Иордана с писавшим одновременно с ним византийцем Прокопием Кесарийским.

Титмар Мерзебургский (976—1018) написал сочинение под названием «8 книг хроник». Особый интерес представляют «хроники» конца X—начала XI в., автор которых выступает как современник и очевидец происходивших событий. Хотя центральным событием этого времени для Титмара Мерзебургского была борьба немецких феодалов с Польшей, большое место в «хронике» занимает поход польского короля Болеслава Храброго в Киевскую Русь, крещение Руси, описание Киева, который представлялся немецким наемникам, входившим в состав войск Болеслава, большим городом с многочисленным населением, множеством церквей и рынков. Так как Титмар Мерзебургский единственный из западных историков, зафиксировавший эти события, то его хроника является важным материалом для изучения истории Киевской Руси времени Владимира Святославича, хотя оценки отдельных событий тенденциозны.

О времени Владимира сохранились известия в письме архиепископа Бруно, написанном германскому императору Генриху II в 1008 г. В качестве миссионера Бруно совершил поездку через Киев в печенежские степи, причем до границы печенегов, лежавшей на расстоянии двух дней пути от Киева и представлявшей собой укрепления из валов и засек, его сопровождал сам Владимир.

Некоторые сведения о славянских странах, прилегающих к Балтийскому морю, имеются в сочинениях северогерманского

хрониста XI в. Адама Бременского, написавшего на латинском языке «Деяние гамбургских епископов». Интерес представляют и так называемые «Бертинские анналы» IX в., где под 839 г. помещено сообщение о народе рос, послы которого прибыли к византийскому императору Феофилу. Это свидетельство может рассматриваться как одно из самых ранних упоминаний о Руси в Западной Европе, наряду с сообщением епископа кремонского Лиутпрандта, который в отчете о посольствах в Византию (949 и 968 гг.) также говорит о русах.

Особое значение для изучения северной Руси и прилегающих к ней прибалтийских и беломорских земель имеют скандинавские саги (сказания). Хотя они стали письменными источниками сравнительно поздно и долго сохранялись в устном творчестве, что не могло сказаться на достоверности ряда исторических фактов, некоторые материалы о русских князьях, походах скандинавов, русской земле могут быть использованы в исторических исследованиях.

Значительную группу источников по истории СССР древнего периода, особенно Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Поволжья представляют сочинения восточных авторов, которые чрезвычайно различаются как по объему, так и по достоверности сообщаемого материала. Большинство этих трудов представляет сложные компиляции из сведений, полученных, как правило, через многие руки, сильно измененных и осмысленных. Специфика восточных рукописей, особенно языковая, затрудняет расшифровку собственных имен, географических названий, некоторых терминов.

Среди восточных источников выделяются своей ценностью географические сочинения, которые появились в результате большого внимания к вопросам географии и истории среди арабских ученых.

Труд арабского географа, иранца по происхождению, Ибн-Хордадбега (ок. 820 — ок. 912/913 гг.) — «Книга путей и государств» написан около 846 г. Ибн-Хордадбег был начальником почты в одной из провинций на северо-западе Ирана. В его обязанности входили также полицейские дела, наблюдение за деятельностью правителя области, составление карт маршрутов на случай войны. Впоследствии, после переселения в Багдад Ибн-Хордадбег, как полагают, переделал свой труд. «Книга путей и государств» — первое географическое сочинение на арабском языке, дошедшее до нас. В ней дается историко-географическое описание как самого Халифата, так и сопредельных стран, приводятся названия провинций, города, расписаны дорожные маршруты с указанием расстояний и почтовых станций, даются сведения о налоговых поступлениях из областей и округов, о торговле. Особенностью этих в общем кратких материалов является их официальное происхождение. Для изучения истории народов СССР особое значение имеют те разделы «Книги», которые касаются Кавказа и Средней Азии. В сочинении имеются краткие упоминания о славянах и русах («Русы суть племя из славян»).

Около 891 г. было составлено географическое сочинение ал-Якуби «Книга стран», из которого сохранились частично описания Ирака, Ирана, Афганистана и Средней Азии. В «Книге» даются сведения о городах, их особенностях и жителях, расстояния между городами, приводятся некоторые исторические факты.

Некоторые известия по истории СССР имеются в сочинениях арабского географа, историка и путешественника ал-Масуди (конец IX в. — 956 или 957 гг.). Его путешествия в Иран, Индию, Цейлон, Северную Африку, Азербайджан, Армению, Среднюю Азию привели к созданию семи историко-географических трудов, из которых наиболее обширные — «Известия времени» и «Средняя книга» — не сохранились. Материалы этих книг в переработанном виде дошли до нас в сочинении «Промывальни золота и рудники самоцветов», а также в кратком изложении всех трудов ал-Масуди «Книга предупреждения и пересмотра».

«Промывальни золота» являются историко-географической энциклопедией, в которой даются описания стран, расселение народов, сведения об их общественном строе, нравах и быте. Есть предположение, что ал-Масуди посетил Поволжье и славянские земли, что дало ему возможность описать некоторые из них. В сочинении есть описание похода 913—914 гг. русов в Азербайджан по Каспийскому морю, где они появились на 500 судах по 100 человек в каждом, приводятся сведения об аланском племенном союзе, о башкирах и их кочевьях, о волжско-камских болгарях, о туркменах и их занятиях. Исторические экскурсы ал-Масуди интересны с точки зрения их сопоставления с данными других источников. Он, в частности, рассказывает о восточнославянском политическом объединении, существовавшем в Прикарпатье, о дулебах и т. д.

К историко-географическим сочинениям относится написанный в X в. труд арабского географа Ибн-Русте (Ибн-Дасте) «Книга драгоценных ожерелий», в котором есть описания Черного и Каспийского морей, Армении, Азербайджана, некоторых районов Средней Азии. Помимо географических сведений Ибн-Русте рассказывает о хазарах, бургасах, славянах, о Волжско-Камской Болгарии. В последней он был сам и тем значительнее его наблюдения о распространении ислама у болгар, их занятиях земледелием (они сеяли пшеницу, просо, ячмень), торговле болгар с Русью и другими соседями. В то же время многочисленные противоречия в описаниях Ибн-Русте требуют критического использования его сообщений.

Важное значение источника по истории народов Поволжья и славян имеет сочинение Ибн-Фадлана, который в 920—921 гг. как посол халифа Мухтадира из Багдада через Среднюю Азию и башкирские земли совершил путешествие в Волжско-Камскую Болгарию. Ибн-Фадлан сделал записи о туркменах и их занятиях кочевым скотоводством, о башкирах, казахах, подробно рассказал о своем пребывании в столице Болгарии, занятиях населения.

Ему принадлежит одно из самых интересных описаний русов, с которыми он встретился на Волге, их внешнего вида, одежды, оружия, украшений женщин, верований, торговых обычаев и т. д.

§ 3. Источники по истории Закавказья и Средней Азии

Для истории Кавказа и прилегающих территорий важное значение имеют исторические труды армянских и грузинских историков, древнейшие из которых восходят к V в. н. э.

Ранние произведения армянских авторов в значительной степени представлены церковно-богословскими сочинениями. Однако в них можно найти ряд сведений по истории Армении.

Так, в сочинении Корюна — историка, писателя и переводчика V в. — «Житие Маштоца» содержится интересный материал об армянском просветителе Месропе Маштоце, с именем которого связывается возникновение армянского алфавита. Корюн приводит важные сведения о борьбе церкви с ересями и язычеством.

«История Армении» Фавстоса Бузанда (V в.) сохранилась в четырех последних частях (из шести написанных), где излагается история Армении от царствования Хосрова Котака до раздела страны в 384 г. Хотя «Историю Армении» Фавстоса Бузанда можно считать первой попыткой дать сравнительно целостную историю страны, однако она во многом основана на агнографической литературе. Наиболее ценные известия связаны с материалами эпоса и народной поэзии.

Во второй половине V в. появилось несколько трудов, имеющих важное значение как для установления отдельных исторических фактов, так и для понимания историографических проблем. Среди них необходимо отметить «Историю Вардана и войны армянской» Егише и «Историю Армении» Лазара Парбеци. Они были современниками важных событий, в том числе восстания армянского народа против иранского владычества. Егише рассказывает о восстании 450—451 гг. под руководством Вардана Мамиконяна, о его предпосылках и ходе, приводит ряд известий о других государствах Закавказья. Парбеци, кроме событий 450—451 гг., описывает восстание 481—484 гг. Так же как и Егише его волнует судьба Армении, Грузии, Албании Кавказской. По сути дела «История» Парбеци может рассматриваться как продолжение труда Фавстоса Бузанда в той части, которая посвящена событиям от раздела Армении до 440 г.

Наиболее крупный исторический труд — «История армян» принадлежит Мовсесу Хоренаци (Моисей Хоренский). Он как бы подводит итог предшествующему изучению Армении. По поводу «Истории армян» в исторической литературе высказывались мнения о более позднем ее происхождении (в VII и далее IX в.). Основания для этого искали в тех частях труда, которые явно позднего происхождения. Источниковедческий анализ свидетельствует,

что «История армян», как и многие другие сочинения, не избежала интерполяции, что требует серьезного текстологического изучения. В то же время изучение биографических данных о Мовсесе Хоренаци, единственным источником для которых является его труд, точность в сведениях о событиях конца IV — середины V в. и ряд других наблюдений позволили отнести сочинение Хоренаци к V в.

Мовсес Хоренаци родился в селении Хорен, отсюда его и называют Хоренаци (Хорепский), образование получил в александрийской академии в Египте, а на родину вернулся не ранее 440 г. По поручению одного из марзпанов (правителей) Хоренаци составил «Историю армян», которая состоит из трех книг и эпилога. Следует иметь в виду, что труд возник в условиях возрождения определенной политической самостоятельности Армении во второй половине V в., когда задача создания истории армянского народа была очень острой. Первая книга — «Родословие Великой Армении» отличается легендарным характером приводимых сведений. Вторая книга «Средняя история наших предков» повествует о времени от Александра Македонского до признания христианства официальной религией в Армении (начало IV в.). В значительной степени и в этой части приводимые сведения носят легендарный характер. Третья часть представляет «конец истории нашего отечества». Эта часть доведена до 440 г., где дается эпилог «Плач» в связи с прекращением династии Аршакуни.

В основу сочинения Мовсеса Хоренаци был положен широкий круг источников. Помимо сказаний, мифов, эпических песен он использовал сочинения своих предшественников армянских авторов, а также труды греческих и сирийских писателей.

Хотя наибольший интерес с точки зрения приводимых исторических фактов и их толкований представляет третья часть труда, необходимо тщательно изучать всю «Историю армян» как историографический памятник, в котором впервые была сделана попытка проследить историю армянского народа от самих истоков до середины V в., дать ее периодизацию. Труд Мовсеса Хоренаци во многом оказал влияние на дальнейшее развитие взглядов армянских историков.

Важным источником по истории Армении, а также Византии, Ирана, Месопотамии является «История» Себеоса, которая посвящена периоду царствования византийского императора Ираклия (610—641 гг.), но начинается с древнейших времен и доведена до 661 г. В основном в «Истории» рассказано о войнах между Византией и Ираком, а также о арабских завоеваниях в Армении. Ряд историков предполагает, что начальные части «Истории» Себеоса, известные под названием «Начальная история Анопима» со сведениями по древнейшему (легендарному) периоду Армении и истории I—V вв. не принадлежат Себеосу.

История арабских завоеваний на Кавказе нашла отражение в труде армянского историка VIII в. Гевонда — «История халифов». Она охватывает период с 640 г. по 788 г. При этом события

последнего периода даются как свидетельства очевидца. Обращает на себя внимание широта, разнообразие и подробность описания. Особое внимание обращено на положение Армении. «Жители ее, — пишет Гевонд, — как овца были преданы волкам. Тогда непрестанно наносили нам всякого рода бедствия, жителей держали в таком страшном трепете, что они измученные этим тяжким игом посылали свои вздохи и стоны к небу». Очень важны сведения о народных восстаниях 703, 748, 762, 774—775 гг. против ига арабского халифата. Гевонд свидетельствует не только о выступлениях против иноземных завоевателей, но и о накале антифеодального движения, которое при этом проявлялось среди народа. Он осуждает людей, выступающих против арабов и против местной феодальной знати, называя их «сынами преступления, не знающих страха божия, ни страха перед ишханами, ни почтения к старцам». Классовая, феодальная позиция автора явственно выступает в этих словах.

Как историко-географический источник важна «География» Анания Ширакаци (VII в.) одно время приписываемая Мовсесу Хоренаци. Труд дает материалы о географических представлениях, имевшихся в Армении, и делит мир на семь областей (климатов) с их внутренним административным делением. Особенно подробно в «Географии» дается описание Армении. Страна делится на 15 областей, указываются их границы, области подразделяются на районы (гавары), подробно сообщается о природе, полезных ископаемых и т. д. Отличительной особенностью труда является стремление его автора опереться на наиболее достоверный материал.

Ранние грузинские исторические труды носили религиозно-церковный характер и написаны в форме житий святых. Древнейшее из них — «Мученичество Шушаники» (70-е годы V в.), автор которых Яков Цуртавели (духовник Шушаники) рассказывает о страданиях знатной женщины, жены правителя Нижней Картлии, за приверженность к христианству. Несмотря на своеобразие житейской формы Яков Цуртавели рисует интересную картину социальной структуры современного ему грузинского общества, дает представление о быте, нравах, культуре того времени.

В конце VI в. возникло анонимное «Мученичество Евстафия Мцхетели», повествующее о злоключениях некоего персидского христианина Евстафия, бежавшего в Восточную Грузию и казненного по приказанию персидского наместника. Значительный интерес представляют те страницы «Мученичества», где автор как современник событий приводит материалы о политической, социальной и бытовой жизни Грузии, особенно точно описывая положение ремесленников, в среде которых жил и занимался сапожным ремеслом Евстафий.

Большой материал по социально-политической истории Восточной Грузии и сопредельных с нею стран в период арабского владычества имеется в «Мученичестве Або Тбилели», созданном в 786—790 гг. Иоанэ Сабанидзе по поручению картлийского

католикоса. Жизнь мусульманина Або, принявшего христианство и казненного за это, послужила сюжетом для создания определенного идейно-политического сочинения, автор которого больше внимания уделяет вопросу о месте Картлии среди других стран, возбуждению непамяти к поработителям, подъему и укреплению самосознания народа. Эта особенность выделяет сочинение Иоанэ Сабанисдзе из числа других «Мученичеств», так как оно создало определенную предпосылку для написания подобных произведений: «Житие Константина Кахи» (IX в.) и «Мученичество Горбона» (X в.).

Следует иметь в виду, что житийная литература, зародившись как форма церковно-религиозных сочинений, со временем все больше наполняется светским содержанием, хотя многие труды по-прежнему носят название «жития».

Древнейшим светским памятником письменности Грузии является «Летопись обращения Картли (Грузии)», составленная неизвестным автором в IX в. Летопись состоит из двух частей. В первой части события излагаются от легендарного похода Александра Македонского, а затем дается список грузинских царей и католикосов до IX в. Вторая часть посвящена распространению христианства в Восточной Грузии, которое связывается с именем Нины Каппадокийской, «просветительницы» Грузии. Как видно, чисто светский памятник сохранил в себе элементы житийной литературы, хотя в этих «житиях» наряду с явно недостоверным, легендарным материалом, имеется много интересных исторических фактов по истории Восточной Грузии. Переплетение реальных и вымышленных событий заставляет исследователей осторожно относиться к материалам «Летописи». Несомненно, что автор использовал исторические труды по истории Кавказа, которые принадлежат грузинским, армянским, сирийским, персидским, греческим писателям.

Материалы со сведениями по политической и церковной истории Закавказья, в особенности Азербайджана (Албании Кавказской), имеются в «Истории агван», написанной на армянском языке в X в. Вопрос об авторстве этого сочинения представляет особый интерес, так как долгое время им считался Мовсес (Моисей) Каганкатвацци, а время составления труда относили к VII в. Новейшие исследования позволили установить, что автором ее являлся Мовсес Дасхуранци. Возможно, что Дасхуранци был лишь компилятором, использовавшим многочисленные труды своих предшественников. «История агван» состоит из трех частей. Первая основана на сочинениях Егише, Мовсеса Хоренаци, «житиях», легендах, а вторая и третья части используют ряд документов VI—VII вв.

По древней истории Средней Азии сохранилось сравнительно мало местных письменных источников, что в значительной степени объясняется арабским завоеванием в VII—VIII вв. и фанатизмом мусульманского духовенства, уничтожавшего письменные памятники на местных языках. Поэтому особое значение имеет изучение

демии). После 1206 г. Московский список имеет особое продолжение, расходящееся со всеми другими летописями Лаврентьевской редакции и завершающееся 1419 г. Один из древних пергаменных списков — Троицкий (по Троице-Сергиевой лавре, в библиотеке которой он хранился) сгорел в 1812 г. вместе с другими рукописями, находившимися в доме А. И. Мусина-Пушкина. Однако выписки, сделанные из Троицкой летописи Н. М. Карамзиным, а также варианты из нее, приведенные в незаконченном издании Лаврентьевской летописи, позволяют реконструировать этот ценный памятник. Опыт такой реконструкции был предложен М. Д. Приселковым в 1950 г.

Вторая из двух названных редакций «Повести временных лет» — Ипатьевская — получила название по ее основному списку XV в., обнаруженному в Ипатьевском монастыре в Костроме. Известия в этом списке завершаются 1292 г. Другой список — Хлебниковский — относится к XVI в. и назван по фамилии его владельца. Особенностью Хлебниковского списка является то, что первоначально за XIII век он не имел никакой хронологической сетки. Это свидетельствует о том, что его оригиналом был не Ипатьевский, а какой-то другой, более древний список. К Ипатьевской редакции «Повести временных лет» относятся также Погодинский XVII в., Ермолаевский конца XVII — начала XVIII в. и Краковский XVIII в. списки.

33
Три редакции «Повести временных лет». Общий текст, содержащийся во всех списках двух редакций, завершается 1110 г., что позволяет видеть в этом хронологическую грань, до которой была доведена «Повесть временных лет». Это подтверждается записью в Лаврентьевской летописи, сделанной после известия 1110 г.: «Игумен Силвестр святого Михаила написах книги си Летописець, надеяся от бога милость прияти при князи Володимире, княжашу ему Киеве, а мне в то время игуменящу у святого Михаила в 6624, индикта 9 лето». Из этой записи мы узнаем, что в 1116 г. игумен Михайловского Выдубецкого монастыря в Киеве Сильвестр закончил работу над летописью.

Но возникает вопрос: не имел ли он какой-то летописи, на основе которой создал свою? Под 852 г. есть прямое указание, что такая летопись была, и возникла она в 1113 г. В этой первой дате, проставленной в летописи, дается своеобразный план дальнейшего изложения «от Адама» с указанием числа лет, прошедших от одного события до другого. В завершающей части отсчета лет повествования, намеченного автором, говорится: «Тем же от смерти Святославля до смерти Ярославли лет 85, а от смерти Ярославли до смерти Святополчи лет 60». Таким образом, пределом повествования автор определил год смерти Святополка, который в летописи зафиксирован под 1113 г. Можно думать, что в этом году или в ближайшее после этого время и была начата работа над Повестью временных лет.

Однако летописец довел изложение не до 1113, а до 1110 г. В то же время в летописи содержится указание на то, что ни

в 1113, ни в 1116 гг. работа над ней не была закончена. Под 1096 г. имеется явно авторское замечание, изложенное от первого лица: «Се же хоцю сказати, яже слышах прежде сих 4 лет, яже сказа ми Гюрята Рогович новгородец», и далее приводится рассказ о югорском народе, живущем на севере. В Ипатьевской же летописи свое путешествие на север, во время которого им были услышаны рассказы о югре, летописец датирует 1114 г. Таким образом, говорить «прежде сих и лет» летописец мог только в 1118 г. Так устанавливается дата создания третьей редакции Повести временных лет.

Никаких указаний на авторство этой редакции в летописях не содержится. Автор второй редакции нам уже известен — это игумен Сильвестр. Его имя помимо Лаврентьевской летописи встречается и в некоторых более поздних летописях северо-восточной традиции под 1409 г. (Рогожский летописец, Симеоновская и Никоновская летописи). Причина этого заключается в том, что Повесть временных лет именно во второй редакции легла в основу летописания Владимиро-Суздальской земли. Владимиро-суздальские князья во второй половине XII в. самым тесным образом были связаны с Переяславлем. В нем княжил сын, а затем внук Юрия Долгорукого. В церковном отношении Северо-Восточная Русь подчиняется Переяславской кафедре. Не случайно в Лаврентьевской летописи содержится ряд чисто переяславских известий, отсутствующих в Ипатьевской. В свою очередь в основу переяславского летописания была положена Повесть временных лет именно во второй редакции потому, что ее составитель игумен Сильвестр в 1119 г. стал епископом Переяславля, где летописание велось, разумеется, не без его ведома.

В то же время в Повести временных лет во второй ее редакции, как это видно в Лаврентьевской летописи, есть явные следы создания первой редакции в Киево-Печерском монастыре. Эти признаки «проступают» сквозь ткань выдубецкой редакции, например, в статье под 1096 г. при описании нападения половцев на Печерский монастырь: «И придоша на монастырь Печерский, нам сущим по келиям» или в упоминании под 1106 г. о «старце добрем» Яне иноке Печерского монастыря, с которым летописец был близко знаком.

Кто же был тот инок Печерского монастыря, который создал Повесть временных лет. Сильвестр, переработавший первую редакцию, вытеснил его имя. Однако в третьей редакции, созданной на основе первой, оно сохранилось. Ипатьевская летопись, отражающая эту редакцию, имеет в Хлебниковском списке заглавие: «Повесть временных лет Нестора черноризца». Хотя из этих слов не видно, какого именно монастыря был черноризец Нестор, но по общим наблюдениям над Повестью временных лет, свидетельствующих о связи ее автора с Печерским монастырем, подтверждение этому мы находим в Ипатьевском списке. В нем нет имени Нестора, но зато значится: «Повесть временных лет черноризца Федосьева монастыря». Федосьев монастырь и есть Киево-Печерский, одним из основателей которого был Феодосий. Инок Киево-

Печерского монастыря Нестор, который может считаться автором Повести временных лет, хорошо известен и по другим источникам. О нем упоминается как о летописце в «Киево-Печерском патерике» — сборнике повестей об основании Печерского монастыря и его наиболее прославившихся иноках, составленном в начале XIII в. Сохранились два памятника житийной литературы «Чтение о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского», автором которых является также печерский монах Нестор.

В науке нет твердо установленного мнения, был ли Нестор-агиограф и Нестор-летописец одним и тем же лицом. Возникновение сомнений по этому поводу объясняется рядом расхождений в одних и тех же сведениях, которые находятся как в житиях, так и в летописи. Так, если по «Чтению» Борис получает от отца город Владимир Волынский, то по летописи — Ростов. По «Чтению» Святополк Окаянный пришел в Киев после смерти Владимира, тогда как согласно летописи в момент смерти Владимира Святополк был уже в Киеве. Согласно «Житию Феодосия» Ярослав Мудрый был погребен Изяславом, тогда как в летописи говорится о том, что это сделал Всеволод. Но если указанные в качестве примера расхождения (их значительно больше) и ставят под вопрос существование одного Нестора, то они не являются окончательным доказательством существования двух Несторов. Вполне можно допустить, что Нестор при написании летописи мог привлечь дополнительные источники для уточнения тех сведений, которые он ранее поместил в житиях. Житийный жанр отличается от летописного. Над строгой точностью фактов в нем преобладает идея прославления, сопоставления, духовный облик. Это особенно характерно для «Чтения о Борисе и Глебе», в котором автор вдается в пространные библейские и нравоучительные экскурсы.

Вопрос о Начальной и Древнейшей летописи. Целый ряд известных Повести временных лет свидетельствуют о том, что Нестор использовал при работе над ней летописные материалы, возникшие задолго до создания первой редакции Повести (1113 г.). В записи под 1060 г. говорится, что после поражения от русских торки исчезли — «пробегоша и до сего дне». Эта запись не могла быть сделана позже 80-х годов XI в., когда торки снова появились в степях, сопредельных с Русью. Есть записи, возникновение которых можно отнести даже к середине XI в. Под 945 г. в описании топографии Киева того времени летописец сравнивает ее с топографией современного ему Киева и говорит, что город находился при княгине Ольге там, «идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров», а княжеский дворец находился там, «идеже ныне есть двор Воростиславль и Чюдин». Гордята и Чюдин были одними из составителей Правды Ярославичей, которая, как показали исследования М. Н. Тихомирова, не могла быть составлена позже 1073 г.

Если, таким образом, не возникает сомнений в существовании летописных записей задолго до времени составления Повести временных лет, то необходимо выяснить, не существовало ли

какого-то летописного свода, послужившего для Нестора источником его работы. Такой памятник был выделен А. А. Шахматовым в результате сопоставления Повести временных лет и Новгородской первой летописи младшего извода. Это сопоставление показывает, что в обоих памятниках сходство, а иногда и полное совпадение известий наблюдается до 1093 г. Этим годом, вероятно, и ограничивался общий как для Повести временных лет, так и для Новгородской первой летописи источник. На 1093 г. как на важную грань в работе летописца указал еще в начале XVIII в. В. Н. Татищев. Он обратил внимание, что помещенный под 1093 г. рассказ «о казнях божиих» в конце имеет слово «аминь», которым обычно завершали древнерусские книжники свои сочинения.

А. А. Шахматов условно назвал выделенный им источник Начальной летописным сводом. По его мнению, разделяемому большинством исследователей, Новгородская первая летопись более близко передала Начальную летопись. В Повести же временных лет есть много вставок и дополнений. Из них особенно показательны тексты договоров русских князей с греками, нарушающие ткань летописного повествования. Характерно, что дата 945 повторена дважды: один раз она открывает договор, а другой раз продолжает последовательный рассказ летописца.

Начальная летопись, однако, и в Новгородской первой летописи передана неравномерно, начиная с 1074 г. заметны сокращения киевских известий. Впрочем А. А. Шахматов полагал, что эта краткость известий объясняется тем, что сама Начальная летопись состояла из двух частей: Киево-Печерского летописного свода 1073 г., продолженного до 1093 г., и Новгородского свода, который был начат в 1050 г. Обе даты, выдвинутые ученым, не имеют сколько-нибудь определенного обоснования в самом летописном тексте. А. А. Шахматов, предлагая их, исходил из возможных благоприятных условий для возникновения сводов. В 1073 г. Киево-Печерский монастырь испытывал значительное преобразование, он расширяется, строится Великая Успенская церковь, монастырь превращается в значительный культурный центр. В Новгороде же в 1050 г. произошло освящение новоотстроенного каменного Софийского собора — событие, которое могло быть причиной составления летописи.

Ставя вопрос о возможности существования еще более древней летописи и исходя при этом главным образом из тех же принципов благоприятной ситуации, А. А. Шахматов указал на 1039 г., как на дату возникновения киевской митрополии (что в действительности не совсем так: в 1039 г. просто впервые упоминается киевский митрополит), связав с этим событием и начало летописания. Гипотеза Шахматова о так называемом своде 1039 г., или «Древнейшем», в настоящее время не встречает поддержки исследователей летописей. Анализ известий за время, ближайшее к 1039 г., отражает неполноту, фрагментарность этих сведений, в особенности по сравнению со связным и весьма обстоятельным рассказом о событиях конца X — начала XI в. Именно эта осо-

не сохранили сведений об этом важном событии. Неслучайно еще в конце XV в. польский хронист Ян Длугош выучился русскому языку, чтобы читать летописи, столь необходимые для воссоздания истории его страны.

§ 2. Новгородские и псковские летописи

Новгородское летописание в XI—XIII веках. «Повесть временных лет» является памятником общерусского летописания. В центре ее находятся события, происходившие в Киеве, столице Древнерусского государства. Но наряду с этим мы находим в ней ряд местных известий: черниговских, переяславских, полоцких, новгородских, источниками для которых могли послужить местные летописи. Такое предположение напрашивается при анализе новгородских повестей. Характерен в этом отношении подробный рассказ под 970 г. о приглашении Владимира Святославича на новгородское княжение с явным превозношением новгородцев. Этот рассказ не мог быть занесен на страницы летописи в самом Киеве. Новгородское происхождение имело известие 1042 г. о походе новгородского князя Владимира Ярославича на Емь с описанием конского мора во время похода. Показательно, что в ряде известий «Повести временных лет», относящихся к княжению Владимира Святославича, фигурирует его дядя Добрыня — неперменный персонаж новгородских преданий.

Текст Новгородской первой летописи позволяет судить о месте и важнейших вехах летописной работы в Новгороде. Летопись эта дошла до нас в двух изводах (редакциях) — старшем и младшем. Старший извод представлен пергаменным списком XIII—XIV вв. — древнейшим из списков русских летописей. Список завершается известием 1352 г., начало же его утрачено вплоть до 1016 г. В младшем изводе, но в списках более позднего времени, дошло до нас начало. Важнейшие из этих списков: Комиссионный (Ленинградское отделение Института истории. Собрание Археографической комиссии) и Академический (Библиотека Академии наук в Ленинграде) относятся к XV в. (последнее известие под 1446 г.).

Составитель первой Новгородской летописи, переходя от обычного стиля повествования, говорит о себе в первом лице, и именно по этим обмолвкам летописца мы создаем представление о его работе. Так, под 1144 г. мы читаем неожиданную запись почти дневникового характера: «В то же лето постави мя попомъ архиепископ святой Нифонт». Смысл ее разъясняется известием под 1188 г.: «Томъ же лете приставися раб божиИ Герман, иереи святого Иякова, зовемыи Воята, служивъшю ему у святого Иякова полъпятадъсят лет...». «Полпятадъсят», т. е. половина пятого десятка (45 лет), прошло с 1144 г. Таким образом, выясняется, что летописцем был священник церкви св. Иакова Герман Воята.

Со смертью Германа Вояты летописная работа в церкви св. Иакова не прекратилась. Под 1230 г. летописец говорит о себе:

«Мне грешному Тимофею панамарю». Хотя в самой летописи о Тимофее ничего не говорится, но известно, что в другой новгородской рукописи XIII в. — так называемом Лобковском прологе 1260 г. (сборнике кратких житий и поучений, расположенных по дням календаря) — писал как раз Тимофей, названный пономарем церкви св. Иакова. Церковь св. Иакова находилась на Добрыниной улице в Неревском конце Новгорода и была одной из тех многочисленных уличанских церквей, духовенство которых было тесно связано с жизнью и заботами самих уличан, мало чем отличаясь от них по своим условиям жизни. Но вместе с тем, как показывают документы более позднего времени, Яковлевская церковь находилась в окружении владений Новгородской епископской кафедры и потому, конечно, не могла быть не связана с ней. Такая особенность одного из центров новгородского летописания наложила заметный отпечаток на его развитие.

Новгородская первая летопись отличается от общерусских киевских летописей преобладанием сведений местного характера, касающихся Новгородской земли, самого Новгорода и даже какой-то его отдельной части. Стихийные бедствия, неурожай, цены на продовольствие, городские пожары с точными границами их распространения, строительство и освящение храмов — подобные известия не сходят с страниц летописи. Так, после приводившейся выше автобиографической записи Германа Вояты помещено характерное для новгородского летописания известие: «Стояста 2 недели пълне, яко искря туце, тепле велми, переже жатвы; потом наиде дъжгъ, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уиме жит и сена не уделаша; а вода бы больши третьяго лета на ту осень, а на зиму не бысть снега велика, ни ясна дни, и до марта».

Не только как очевидец, но как человек, которого так же, как и окружающих его, касается то или иное событие, пишет о нем летописец, мало заботясь о торжественности, значительности и назидательности своего рассказа. Городские происшествия он старается описать с точностью до часа.

Новгородские летописи отличаются от других большим числом известий о классовой борьбе горожан. Летописец четко отделяет «вятших (больших)» людей от «меньших». В ряде известий летописец сочувствует «меньшим» людям. Например, в описании новгородского восстания 1255 г. торговая сторона Новгорода, где стояли заслоны «меньших» людей, названа «нашей», а их противники — «злодеями». Однако было бы преждевременно делать из этого вывод, что летописец всегда разделяет классовые интересы «меньших» людей. В 1255 г. речь шла о восстании против князя, налагающего тяжесть татарской дани. Иначе оценивает летописец действия «меньших» людей, когда это касается внутренних дел Новгорода. В 1287 г. он говорит о «мятеже великом без исправы» как о «жалостном видении». Здесь летописец не указывает причин восстания, делая его как бы бессмысленным и неоправданным либо однозначно осуждая — «смятошася люди».

При всем интересе к внутригородским событиям Новгородская летопись — это не городская хроника. Государственные дела Новгорода, его героическая борьба с немецким и шведским наступлением не уходят от пристального внимания летописца. Он подробно описывает битвы и походы новгородцев, в ряде случаев поминно называя участников сражения и убитых. Широко известны поражающие обстоятельностью, точностью и вместе с тем большой внутренней приподнятостью рассказы о Невской битве 1240 г. и Ледовом побоище 1242 г. Взаимоотношения с другими русскими княжествами в эпоху феодальной раздробленности, а иногда и внутренние события в них составляют неотъемлемую часть Новгородской летописи. Особенно усиливается интерес к общерусским событиям у новгородских летописцев в годы татарского нашествия. Иногда летописец собирал сведения о событиях в других княжествах у новгородцев, побывавших там. Таково, например, известие 1145 г. о междуусобной войне киевских князей с Галицией, когда «ходиша же и из Новгорода помочье кыяном».

Новгородское летописание в XV в. Связь церкви св. Иакова с новгородскими владыками облегчала как использование епископских летописей, так и получение общерусских летописных сводов. Мы уже знаем, что Начальный летописный свод был положен в основу Новгородской первой летописи. Привлечение летописных сводов Ростово-Суздальской земли в работе новгородских летописцев усиливается в первой половине XV в. Новгородский архиепископ Евфимий II (1429—1459), стремившийся к возвеличению Новгорода, к прославлению его прошлого, противопоставляя создававшимся в Москве летописным сводам свои новгородские. Они дошли до нас в составе Новгородской IV, Новгородской V и Софийской I летописей. До 1418 г. их изложение очень близко, что дает основание судить о существовании общего источника. В этом источнике находились как новгородские, так московские и ростовские известия. Опираясь на сохранившееся в Новгородской IV и Софийской I летописи предисловие, можно предположить, что этот новгородский источник назывался Софийским временником. Ряд записей личного характера в нем свидетельствует, что в работе над временником активную роль играл уставщик Софийского собора Матвей Кусов (или Михайлов). Видимо, при создании Новгородско-Софийского свода использовались московские и ростовские своды, возникшие не позднее 1418 г.

Новгородско-Софийский свод усиленно перерабатывался и дополнялся в последующие годы за счет обращения к новгородским источникам, а также к летописям северо-восточного происхождения. Образовавшиеся новые летописи в свою очередь подвергались переработкам в соответствии с интересами тех или иных группировок новгородского общества конца XV в. В этом отношении характерна судьба Новгородской IV летописи. Если в списке Строева прослеживаются антимосковские настроения (осуждение сторонника Москвы Упадыша и нежелание новгородского

владыки вести борьбу с великим князем), то в списке Дубровского заметна противоположная тенденция: помещенные в нем митрополичьи послания полны резких осуждений в адрес «изменных новгородцев». Несомненно, в данном случае отразились интересы московской и антимосковской группировок, хорошо известных по истории последних лет существования самостоятельности Новгорода.

Новгородское летописание в XVI—XVII вв. Новгородское летописание не прекращалось и после того, как Новгород вошел в состав Русского централизованного государства. К этому времени относится возникновение Новгородской второй летописи, которая начинается с 911 г. и доходит до 1573 г. В основе ее, как свидетельствует одна из записей рукописи, лежит летописец, переписанный монахом Геронтием в 1460 г. в монастыре на Лисичей горе под Новгородом. Изложения летописца сжато, и его известия особой оригинальностью не отличаются. Но привлекают внимание своеобразные публицистические вставки под 1045 г., в которых нельзя не видеть отголосков борьбы Новгорода за свою самостоятельность. В одной из занесенных на страницы летописи легенд говорится об изображении в куполе Софии Новгородской Спаса со сжатой рукой, в которой «держится Новгород». Другая легенда повествует о происхождении иконы Спаса в том же Новгородском соборе. Спас изображен на ней с перстом, указующим вниз, в память наказания, которое он повелел наложить ангелам на византийского императора Мануила за «восхищение священнического суда». Современники видели в этой легенде осуждение лишения Иваном III судебных прав новгородского архиепископа.

Особое место в истории новгородского летописания занимает Новгородская III летопись, озаглавленная «Книга глаголемая Летописец Новгородской вкратце церквам Божиим». Работа над этой летописью была завершена в 1673 г. По содержанию летопись представляет собой выписки из различных источников о церковных делах и главным образом о строительстве и росписи новгородских храмов, что делает Новгородскую III летопись важным источником по истории древнерусского искусства.

Псковское летописание. «Меньшой брат» Новгорода Великого — Псков — также имел богатые традиции летописания. Судя по дошедшим до нас псковским памятникам, началось оно в 30-е годы XIII в. К 1237 г. относятся первые самостоятельные псковские летописные записи. До этой даты псковские летописцы черпали свои сведения из новгородского летописания.

Характер первых местных записей показателен не только для XIII в., но и для двух последующих веков: «В лето 6745 (1237) псковичи избиша Литву на камне засадою октября 25. В лето 6747 (1238) Октября в 16 избиша Немци под Изборском псковичь 600 мужь и тако, пришедше, взяша Псков; и седоша Немци в Пскове 3 лета». Пограничное местоположение псковской земли, не прекращавшаяся угроза внешнего нападения и борьба с ним приковывают к себе внимание псковского летописца.

В летописях о сражениях с немцами говорится обстоятельно и точно, с указанием не только числа, но и времени дня, когда произошло то или иное сражение. Как правило, летописец приводит число убитых как с псковской, так и с немецкой стороны. Летописец пристально следит за возведением и усовершенствованием системы оборонительных укреплений Пскова.

Центром летописания во Пскове был Троицкий собор, в котором хранился Псковский архив (ларь), что во многом облегчало работу летописца. Своего епископа во Пскове не было, а наместник новгородского архиепископа — настоятель Троицкого собора был новгородцем и не мог быть заинтересован в ведении псковской летописи. Ведали летописанием в XIII в. сотские. С начала XIV в., когда посадники стали выбираться псковским вечем, руководство летописным делом перешло к ним. Позже, когда посадников стало несколько, летописание перешло к вечевым дьякам. Интересы родного города и Псковской земли были им близки и хорошо известны.

Дошедшие до нас списки Псковских летописей классифицируются по трем группам: Псковская I, II и III летописи. Псковская I летопись начинается житием Довмонга, литовского князя, переселившегося в Псков и прославившегося своей героической обороной Псковской земли от немцев. Далее начинается последовательное изложение событий с 854 по 1469 г. Наиболее полным и исправным списком Псковской I летописи является Тихоновский. Псковская II летопись начинается также с 854 г., а завершается в разных списках по-разному. Наиболее исправный Синопдальный список кончается 1486 г. Псковская III летопись завершается 1567 г. Строевский список, которым она представлена, не имеет начала (с 1217 г.).

Изучение текста трех псковских летописей позволило А. Н. Насонову наметить путь развития псковских летописных сводов. Один из первых сводов по-видимому был составлен в середине XV в., а затем продолжен и переработан в 1481 г. Выявляется он при сопоставлении Псковской I и II летописей, которые сходны до 1481 г. Сложился свод, как видно из содержания его известий, в результате соединения местных записей с Новгородско-Софийским сводом, а также со смоленскими и полоцкими летописями. В 1547 г. свод был переработан и с него сразу же начали делать списки. Один из них (1548) хранится в настоящее время в Национальной библиотеке в Варшаве. Свод 1547 г. прославляет великого московского князя, хотя и обличает несправедливости его наместников. Иной характер имеет свод 1567 г., составленный в Псково-Печерском монастыре игуменом Корнилием (казнен Иваном Грозным в 1570 г.). Корнилий резко осуждает великого князя Василия III и Ивана IV за насилия и несправедливости и с ядовитой иронией замечает о московских дьяках во Пскове: «Дьяки мудры, а земля пуста».

§ 3. Московское летописание XIV—XV вв.

Древнейшие московские летописи. В отличие от летописных памятников Новгорода, Пскова и других русских земель и княжеств Московское летописание характеризуется общерусскими чертами. На новой основе в нем постепенно возрождается тот общегосударственный охват событий, который был свойствен киевскому летописанию. Москва в XIV в. начинает приобретать значение центра Руси как в политическом, так и в церковном отношении. При этом, если московские князья далеко не сразу получили реальную власть великих князей над всей Русью, то церковный центр Руси с 1326 г. прочно обосновывается в Москве после переезда из Владимира митрополита Петра. Из предшествующего развития летописания можно было видеть, что епископские кафедры, а тем более митрополичья кафедра, принимали активное участие в летописном деле. Видимо, основание таких церковных центров сопровождалось созданием новых летописных сводов, либо началом новых летописных записей. Так было и в Москве, где местное летописание началось с записи о закладке Успенского собора в Кремле. О том, что московское летописание и далее велось при этом соборе, свидетельствуют некоторые записи, сделанные кем-то из его служителей. Под 1348 г., например, с точным указанием даты — 26 мая — рассказывается о чудесном исцелении у гроба митрополита Петра в соборе.

Эти и ряд других первых записей сохранили многие московские летописи XV в. Древнейшей из них является Троицкая летопись 1408 г. К сожалению, приходится иметь дело не с ее оригиналом, а только с реконструкцией, более или менее достоверной в разных ее частях, но, конечно, не идентичной оригиналу. Но и в таком виде Троицкая летопись позволяет наметить основные вехи развития Московского летописания в XIV в.

Под 1328 г. читаем следующую запись: «В лето 6836 седе князь великий Иван Данилович на великом княжении всеа Русии, и бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и починуша христиане от великия истомы и многыа тягости, от насилия татарского, и бысть оттоле тишина велика по всей земли». Эта запись как бы подводит итог тем событиям, которые происходили в течение последних 40 лет. Причиной составления свода в этом году могло быть отражение от Москвы похода литовского князя Ольгерда. Поход этот оставил неизгладимую память у москвичей и стал своеобразной вехой в отсчете событий, что видно из известия об этом завершающимся словами: «От Федорчуковой рати до Олгердовы лет 41». Под «Федорчуковой ратью» подразумевается татарский карательный поход после восстания в Твери в 1327 г.

Следующий этап работы над московскими сводами может быть отнесен к периоду между 1382 и 1392 гг., когда был создан «Летописец великий русский». О существовании этого летописца мы узнаем из ссылки на него в известии 1392 г. о непокорности

новгородцев московскому князю Василию Дмитриевичу. Когда летописец оценивает эти действия новгородцев, он припоминает факты «непокоривости» новгородцев и в прошлом. «И аше хошеши распысовати, — обращается летописец к читателю, — разгни книгу Летописец великий русский и прочти от великого Ярослава и до сего князя нынешняго». «Нынешний» же князь Василий Дмитриевич начал княжить в 1389 г. Раньше этого времени «Летописец», таким образом, составлен быть не мог. Едва ли он возник и позже 1392 г.: слишком горячо и страстно, как современник, повествует в известии 1392 г. автор летописи. Но если предположить, что это известие было переработано позже, то все равно границей будет самое начало XV в., поскольку уже в 1408 г., когда создавалась Троицкая летопись, на «Летописец великий русский» ссылались как на хорошо известную летопись.

Московское летописание в XV в. В 1408 г. или чуть позже свод, ведшийся при Успенском соборе, и Великий летописец были использованы при составлении нового обширного свода, представленного Троицкой летописью. Новая летопись передавала в первую очередь московские местные известия. Таково известие 1392 г. о смерти «старейшего боярина» московского Даниила Феофановича, которого за его верность и храбрость любил московский князь, или сообщение о постройке в Кремле часовни в 1404 г. Лазарем Сербиным, многочисленные и подробные описания московских пожаров и многие другие подобные известия. Однако составителя свода интересовали не только московские события. События, происходящие в Северо-Восточной Руси, частью которой было Московское княжество, неизменно привлекают внимание летописца. Особенно это относится к Суздальско-Нижегородскому и Ростовскому княжествам. Впрочем, не чувствуется, чтобы известия о них базировались на каких-то источниках местного происхождения. Чаще всего мы читаем об особых, из ряда вон выходящих событиях вроде стихийных бедствий, эпидемий (например, под 1364 г.), или о походах татар (например, под 1377 г.), или набегах новгородских ушкуйников (под 1366 г. и 1393 г.), т. е. о том, что могло быть известно в Москве и благодаря устной передаче.

Обращают на себя внимание некоторые известия, явно заимствованные из летописания Твери — княжества, почти непрерывно на протяжении всего XIV в. враждовавшего с Москвой. Тверская летопись могла быть получена в Москве благодаря московскому митрополиту, который являлся духовным главой и Тверского княжества. Скорее всего это был митрополит Киприан (1390—1407), который, согласно известию одной из летописных компиляций — Степенной книги, не дошедшей до нас, но известной В. Н. Татищеву, поручил составить летопись игумену Спасского (на Бору) монастыря в Кремле, предварительно «многи книги к тому собрав».

В Троицкой летописи можно найти немало признаков того, что работа над ней велась при митрополичьем дворе. Только в этой среде могла появиться такого рода запись о смерти печатника,

ведавшего митрополичьими делами (под 1406 г.): «Преставился архимандрит Дорофей Печатник, добрый наш старец»

Митрополит Киприан, до того как он в первый раз занял московский митрополичий престол, около трех лет был митрополитом в Великом княжестве Литовском. Утвердившись окончательно в Москве с 1390 г., он продолжал возглавлять православную церковь в Литве, интересы которой ему не были чужды. Вот почему в Троицкой летописи есть откровенные похвалы литовским князьям, особенно Ольгерду, который даже ставится в пример русским князьям. По той же причине в рассказе об обороне Москвы от Тохтамыша в 1382 г. выделяется роль литовского князя Остия, оказавшегося в это время в Москве.

После Киприана летописание продолжалось при митрополичьем дворе. В конце 10-х — начале 20-х годов XV в. составляется новый свод, о котором можно судить по его известиям, появившим в Софийскую I и Новгородскую IV летописи. Специфические, связанные с интересами Киприана, известия из этого свода удаляются или перерабатываются. Все более усиливается общерусский его характер. В связи с этим заметно нарочитое подчеркивание преемственности Москвы от Владимира, а для выделения его значения среди русских городов основание города Владимира приписано Владимиру Святому. В летопись включаются эпические предания эпохи единства Руси — об Алеше Поповиче, Добрыне, Радое Удалом и др. Еще в большей мере, чем ранее в летописи, используются тверские известия.

Наряду с митрополичьим летописанием в XV в. продолжается ведение летописного дела при великокняжеском дворе, начатое составлением «Летописца великого русского». А. А. Шахматов на основании сопоставления разных списков Софийской II летописи пришел к выводу, что они имели один общий источник московского происхождения, завершавшийся 1456 г. и, по-видимому, составленный в то же время. В этом своде большое место занимал драматический рассказ о борьбе между московскими и галицко-звенигородскими князьями за великокняжеский престол. В свод были включены выписки из великокняжеского архива. Это позволило летописцу поименно указать не только важнейших участников борьбы, но и всех бояр, детей боярских, сторонников той и другой княжеской группировки. Заметно особое внимание к подробностям жизни великого князя — своего рода дворцовым ведомостям.

Около 1471 г. был составлен новый великокняжеский летописный свод. Выявляется он путем сопоставления так называемой Никаноровской летописи, названной так по имени ее владельца в XVII в. игумена Новоерусалимского Воскресенского монастыря Никанора, и Вологодско-Пермской летописи, общий источник которых завершается 1471 г. Свод 1471 г. продолжил изложение предшествовавшей великокняжеской летописи, доведя его до знаменательного события — победы московских войск на Шелони, после которой с самостоятельностью Новгорода было покончено. В связи

с этим были подвергнуты переработке и известия о взаимоотношениях Новгорода с князьями в более раннее время, включенные в московскую летопись из новгородских. Характер такой переработки хорошо прослеживается, например, при сопоставлении издания 1187 г. по Новгородской I и по Никаноровской летописям. Если в первой из них читаем: «В то же лето выгнаша новгородци князя Мстислава Давидовица», то во второй внесено изменение: «Выде князь Мстислав Давыдович из Новгорода».

Окончательное присоединение Новгорода к Русскому государству в 1478 г. и последовавшее через год после этого освящение новостроенного Успенского собора в Кремле, видимо, вызвали создание нового свода. Открытие его А. А. Шахматовым является одной из самых замечательных страниц в истории изучения русского летописания. Исследуя так называемую Ростовскую летопись и сопоставляя ее с Воскресенской (названа так по месту бывшего своего нахождения в Новоиерусалимском Воскресенском монастыре), А. А. Шахматов пришел к выводу о существовании общего их протографа — свода, завершавшегося 1479 г. Это предположение ученый блестяще подтвердил несколько позже, открыв в библиотеке Эрмитажа список реконструированного им свода, относящийся к XVIII в. В 1928 г. М. Н. Тихомиров обнаружил в Уваровском собрании Государственного исторического музея в Москве список того же свода, но датируемый первой половиной XVI в. Поскольку Уваровский список завершался 1492 г., то М. Н. Тихомиров предложил назвать рассматриваемый свод Московским сводом конца XV в.

В этом своде подробно и обстоятельно изложены известия, связанные с княжением Ивана III. Дьяки, привлеченные теперь к летописной работе, оснащают свод выписками из различных государственных документов, в том числе исходящих из посольской канцелярии. В летопись включаются извлечения из великокняжеских дорожных дневников. В то же время в своде усиленно развивается намеченный в предшествующем московском летописании интерес к истории Киевской Руси. Имевшиеся еще в Троицкой летописи сведения по ней теперь кажутся недостаточными и для их пополнения был привлечен киевский источник, близкий к Ипатьевской летописи. Указанные дополнения касались главным образом событий, происходивших в Южной Руси. В конце XV в., когда перед Русским государством во всей своей реальности встала задача борьбы с Великим княжеством Литовским за киевское наследие, такого рода работа летописцев звучала весьма актуально.

§ 4. Общерусское летописание XVI—XVII вв.

Летописные своды XVI в. Московский летописный свод конца XV в. послужил основой для развития последующего официального московского летописания XVI в. Одним из важнейших его этапов

было создание в начале 40-х годов Воскресенской летописи, доведенной до 1541 г. Передав с некоторыми сокращениями свод конца XV в., ее составитель с почти протокольной точностью продолжал изложение событий первых десятилетий XVI в. В описаниях битв, посольских приемов и других государственных событий видно стремление прославить великокняжескую власть. Имеющиеся во введении к летописи статьи о тверских, смоленских, суздальских, ярославских и других князьях подчеркивают, что эти князья были только младшими братьями или сыновьями великих князей и потому неизбежно должны были им подчиниться. Той же цели прославления великих князей служили и включенные в Воскресенскую летопись статьи по истории Византии, в которых проводилась идея о преемственности власти московских князей от византийских императоров в соответствии с доктриной «Москва — Третий Рим».

Важнейшие идеи, заложенные в Воскресенской летописи, были продолжены и развиты в царствование Ивана IV. Ряд грандиозных сводов, составленных при нем, открывает «Летописец начала царства», охватывающий 1534—1556 гг. В самостоятельном виде этот памятник не сохранился, но он читается как составная часть других летописей XVI в. — Львовской (названной по имени Н. А. Львова, издавшего ее в 1792 г.) и Никоновской (по имени ее владельца в XVII в. патриарха Никона). «Летописец начала царства» открывался вступлением на престол Ивана IV и завершался развернутым описанием триумфа победы над Казанью. «Летописец» пронизан восхвалением Ивана IV, его мудрости и богопредназначенности. Начало правления Ивана IV открывает в представлении летописца новый этап не только русской, но и всемирной истории. В «Летописце начала царства» все приподнято и торжественно, поучающе и велеречиво. Обычное погодное повествование не может соответствовать этому новому стилю, и оно дополнено множеством заголовков внутри каждого года. Но все эти особенности в «Летописце» сочетаются со значительной степенью документальности. В первую очередь она относится к описанию внешнеполитических отношений Руси, особенно приемам и отправлениям посольств. В этом легко убедиться, сопоставив соответствующие фрагменты «Летописца» с посольскими книгами. Как и в предшествующем московском летописании конца XV в., но с еще большей подробностью описываются военные походы царя, его путешествия. Несомненно, что составитель «Летописца» обращался к архивным материалам, таким, как посольские и разрядные книги, различные дворцовые записи.

«Летописец начала царства» вошел в состав Никоновской летописи, составленной в 1539—1542 гг. С 1534 по 1520 г. в Никоновской летописи передается текст Воскресенской летописи, по идейной своей направленности близкой «Летописцу», но до 1520 г. Никоновская летопись представляет собой особый и оригинальный летописный свод, строго выдержанный в едином ключе прославления Москвы как преемницы Киева и Владимира, последовательно строящей царство в прочном союзе с церковью.

При работе над Никоновской летописью было привлечено множество разнообразных источников. В основу свода была положена, по-видимому, Новгородская V летопись, в свою очередь, восходящая в основных чертах к Новгородской IV летописи. Было привлечено большое число местных (например, рязанских) летописей, сказаний и повестей, большинство из которых в самостоятельном виде не дошло до нас. Благодаря этим источникам в Никоновской летописи имеется множество уникальных сведений по самым различным, в том числе и древнейшим, периодам истории Руси. Некоторые из них нуждаются в тщательной проверке и анализе, поскольку не всегда ясна степень древности и доброкачественности их источников. Нельзя даже исключать и возможности литературного и фольклорного (например, былинные рассказы о киевских богатырях) происхождения целого ряда известий Никоновской летописи. Так, вызывает определенное сомнение достоверность рассказов летописи об интенсивных сношениях Киева с Римом в конце X—XI в., не подтверждаемых никакими иными источниками. Представления о таких отношениях могли сложиться только в конце XV в., когда Москва поддерживает тесные связи с Римом.

Никоновская летопись содержит ряд ценнейших повестей XIV в. «о приходе Тахтамышеве на Москву», о Митяе, о митрополите Фотии, о Тамерлане. Для изучения исторической географии исключительно богатые сведения содержит «Хождение митрополита Пимина», в котором самым подробным и точным образом описывается дорога из Москвы в Константинополь через Рязанскую землю, по Дону и Азовскому морю.

Никоновская летопись сохранилась в двух списках: Патриаршем и Оболенского. Среди исследователей давно идет спор о первичности того или иного списка. Можно считать установленным, что список Оболенского, имевший части, возникшие в разное время (до 1520 г.), является древнейшим списком Никоновской летописи, с которого скопирован Патриарший список. Остальные части списка Оболенского, сделанные в более позднее время, не повлияли на Патриарший список, имевший свой особый протограф.

Никоновская летопись в варианте, представленном списком Оболенского, в 70-е годы XVI в. подверглась некоторой переработке, следы которой видны в замечаниях и приписках составителей. Летопись была дополнена изложением всемирной истории в трех томах, главным образом на основе хронографов с привлечением сочинений Иосифа Флавия, «Александрии», «Троянских деяний» и др. Русская история представлена в новой летописи в 6 томах, но без Повести временных лет. Том, передающий события до 1114 г. (до восшествия на престол Владимира Мономаха), утрачен. Все девять томов были снабжены иллюстрациями — всего 16 000 миниатюр, представляющих собой самостоятельный ценнейший источник для изучения самых разнообразных сторон русской истории, культуры, быта. Так образовался лицевой летописный свод, называемый Царственным летописцем, причем последний том свода, посвященный правлению Ивана IV, имеет особое

название — «Царственная книга». Изложение событий в ней доведено до 1567 г.

События времени царствования Ивана Грозного нашли отражение не только в официальном летописании, но и в одном из летописцев частного происхождения, известном под названием Пискаревского (по фамилии его владельца в XIX в.). Пискаревский летописец завершается описанием событий 1615 г. В основе летописца лежат своеобразные воспоминания двух москвичей, ярко и непосредственно передающих события этих лет. В ряде известий летописца чувствуется сторонник Годунова, но в целом памятник проникнут симпатиями к Шуйским. Стороннику Шуйских принадлежит и общее редактирование летописца. Записи в летописце отстоят от рассказываемых в них событиях на десятки лет и нередко базируются на слухах, поэтому они нуждаются в тщательной проверке.

В то же время передача событий начала XVII в., очевидцем которых был составитель летописца, представляет большой интерес. Классовая направленность летописца особенно сказывается при описании восстания Болотникова. Казненные в это время бояре и дворяне прославляются летописцем как мученики. Для истории русской культуры важное значение имеют известия о книгопечатании и о строительстве каменных храмов в Москве и Подмосковье.

Летописание XVII в. В XVII в. официальное общегосударственное летописание в собственном смысле слова прекращается. Это происходит не из-за уменьшения потребностей в исторических сочинениях, а из-за несоответствия летописей новым задачам историографии, призванной собирать в систематическом виде все сведения по истории России, осмыслив их в плане единой концепции и показав их в связи со всемирной историей. Усиливавшиеся связи России с другими странами, идеологическое обоснование внешнеполитического курса настоятельно требовали этого. Неслучайно созданный в 1657 г. для ведения официальной историографии Записной приказ был теснейшим образом связан с деятельностью Посольского приказа.

Правда, в XVII в. продолжают создаваться исторические сочинения, сохраняющие название летописи или летописца и некоторые внешние формы летописного повествования, но по существу эти произведения далеки от летописей. Характерным примером таких «летописей» может служить «Новый летописец», посвященный событиям «Смутного времени». Он был создан около 1630 г., по-видимому, при дворе патриарха Филарета и охватывает период от конца царствования Ивана IV до 1630 г. «Новый летописец» — это свод отдельных сказаний и отчасти заметок, напоминающих летописные. В целом же «Новый летописец» является одной из повестей о Смутном времени с разбивкой материала не по годам, а на смысловые рубрики.

Некоторое оживление летописной формы относится к середине XVII в. и связано с деятельностью патриарха Никона. Этому

в исмаиной степени способствовало собиране древних рукописей, в том числе и летописей как самим Никоном, так и его окружением в Новоерусалимском монастыре. Среди таких летописей особенно характерен свод 1652 г., который продолжает древнюю часть летописи своеобразной церковной хроникой. Особое внимание уделяется в своде митрополиту Филиппу, задушенному по приказанию Ивана Грозного и канонизированному по настоянию Никона в 1651 г. — событие, имевшее большое значение для прославления церкви в преддверии острейшей борьбы между царской и патриаршей властью, развернувшейся в середине XVII в. Вообще многие события русской истории получают в летописании патриарха Никона черты церковной окраски и осмысленности.

Сибирские летописи. Летописная форма исторического повествования сохраняется в России XVII в. в виде областного, местного летописания. Особенно интенсивно она развивается в это время в Сибири. Собственно летописание и начинается там именно в XVII в. (по предположению некоторых исследователей в последние годы XVI в.). К этому времени появилась потребность знать историю Западной Сибири. Возможно, что уже в конце XVI в. одним из полковых казацких писарей было составлено «Написание, како приидоша в Сибирь...». Оно не дошло до нас в оригинальном виде, но известно по упоминанию Есиповской летописи, составленной в 1637—1638 гг. по заказу Тобольского архиепископа Нектария архиепископским подьячим Саввой Есиповым. В этой летописи говорится, что один из предшественников Нектария — Киприан — получил от казаков их «Написание» и использовал его для Синодика, в котором поминались имена убитых казаков.

На основе «Написания» Киприан составил первую официальную Сибирскую летопись, возможно, использовав и материал каких-то татарских записей. Этот свод Киприана выявляется как общий источник названной выше Есиповской летописи, составленной в середине XVII в. Кунгурской летописи и Строгановской летописи. Сама же Киприановская летопись прославляла заслуги и героизм Ермака. Эту тенденцию в оценке Ермака наиболее сохранила Кунгурская летопись, которая по своему разговорному языку и в то же время лаконичной приказной форме записей наиболее близка к возможной форме казацкого «Написания» и, видимо, полное всего передает его.

Кунгурская летопись была обнаружена в 1703 г. Семеном Ремизовым, знаменитым картографом и историком Сибири начала XVIII в., и приложена к его собственной так называемой Ремизовской летописи, или «Истории сибирской». Наряду с положенной в ее основу Есиповской летописью Ремизов широко привлек устные предания, материалы фольклора. Именно в Ремизовской летописи мы находим рассказ о двух панцирях, подаренных Ермаку Иваном Грозным, тяжесть которых помешала атаману скрыться от татар. Желая прославить и возвеличить Ермака, Ремизов прибегает даже к житийным образцам и в соответствии с ними описывает чудеса над могилой Ермака.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Законодательные памятники XI—XVII вв. представляют собой ценный комплекс источников, в которых в юридических нормах отразилась история нашей страны.

Право является совокупностью государственных установлений и законов, регулирующих общественные отношения между людьми. Это система юридических норм, правил поведения, которые устанавливаются в классовом обществе господствующим классом в своих интересах, в целях охраны существующего общественного и государственного строя. Как показал Ф. Энгельс, «все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует, — неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение. Это — формальная сторона дела, которая сама собой разумеется. Но, спрашивается, каково же содержание этой только формальной воли, — все равно, отдельного лица или целого государства, — откуда это содержание берется и почему желают именно этого, а не чего-либо другого? Ища ответа на этот вопрос, мы находим, что в новейшей истории государственная воля определяется в общем и целом изменяющимися потребностями гражданского общества, господством того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и отношений обмена»¹. Право — есть воля господствующего класса, возведенная в закон, его содержание определяется экономическими отношениями, экономическим базисом общества. Развитие правовых норм соответствует уровню развития производительных сил и характеру производственных отношений общества. Будучи частью надстройки, право в свою очередь активно содействует укреплению того базиса, интересы которого оно отражает. Отражая явления базиса феодального общества XI—XVII вв., законодательные памятники дают обширный материал для изучения социально-экономических, политических и правовых отношений и соответствующих учреждений Киевской Руси, русских княжеств периода феодальной раздробленности, Русского государства периода его сложения и оформления.

За XI—XVII вв. до нас дошло значительное число законодательных материалов, которые показывают развитие феодальной правовой надстройки. Сами правовые документы, в широком смысле, представляют акты источники, куда относят все документы неповествовательного характера. В эту группу входят и законодательные документы (публично-правовые акты), которые рассматриваются в настоящей главе. Другие же виды актов материала выделены в специальную главу.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 310.

§ 1. «Русская Правда»

«Русская Правда» наряду с летописями является важнейшим источником по истории Киевской Руси и русских княжеств периода феодальной раздробленности. Об исключительном значении этого памятника свидетельствуют более 100 ее списков XIII—XVIII вв., дошедших до нашего времени. По своему содержанию все они делятся на три редакции: Краткую, Пространную и Сокращенную, которые отражают различные этапы становления и развития феодального права.

Краткая Русская Правда сохранилась в двух основных списках XV в. — Академическом и Археографическом, в Новгородской I летописи младшего извода. Существуют еще 11 списков Краткой редакции XVIII—XIX вв., восходящих к Академическому списку. Русская Правда была помещена в Новгородской I летописи под 1016 г. после сообщения о победе новгородского князя Ярослава Мудрого над великим киевским князем Святополком Окаянным. Запись эта дает определенные основания для установления времени составления Краткой Правды, так как по сообщению летописи Ярослав после одержанной победы щедро наградил своих воинов «и отпусти их всех домов и дав им Правду и Устав списав, тако рекши им: «По сей грамоте ходите, якоже списав вам, такоже держите. А се есть правда руская». После этого в летописи идет текст Русской Правды. Однако датировка Краткой Русской Правды 1016 г. (Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин) вызвала возражения, основанные на том, что текст, помещенный под 1016 г., не может целиком принадлежать Ярославу. В этом тексте упоминаются сыновья Ярослава, при которых уже после смерти Ярослава была составлена одна из частей Краткой Правды. Возможно, что слова, приписываемые Ярославу о пожаловании новгородцам «Правды и Устава», а также и сам текст Правды, были внесены в летопись позднее. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что древний пергаменный Синодальный список Новгородской I летописи (старшего извода) не имеет ни записи о грамоте Ярослава 1016 г., ни текста Русской Правды. Впрочем, Софийская летопись (XV в.), основанная на не дошедшем до нас Новгородско-Софийском своде, имеет два известия о Ярославовых грамотах. Первое — под 1019 г. — сходно с известием 1016 г. Новгородской I летописи младшего извода, второе относится к 1035 г. и свидетельствует о том, что «Иде... Ярослав в Новгород и посади сына своего Володимера в Новгороде и епископа постави Жирыту, а людем написа грамоту, рек: «По сей грамоте дадите дань». Если считать, что под грамотой понимается Русская Правда, то датой возникновения Краткой редакции может считаться 1036 г.

По своему составу Краткая Правда делится на четыре части: Правда Ярослава, Правда (Устав) Ярославичей, Покон вирный, Урок мостникам.

К Правде Ярослава относят первые 17 статей. В самих списках нумерации статей нет, Она дана исследователями. При введении нумерации учитывались некоторые сигнальные моменты, имеющиеся в памятнике: красная строка, буква, а также логическое завершение мысли, существование определенных норм права, объекта права и т. д. Этот текст идет до слов: «Правда оуоставлена роусьской земли, егда ся съвокоупиль Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячно, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин, Миккула». Разрыв этот в тексте выделяется не только тем, что указывается на какую-то новую часть Правды, но и разбором терминологических особенностей первых 17 и последующих статей. Эти указания дают основание провести грань между Правдой Ярослава и последующей частью — Правдой Ярославичей. В свою очередь, в Правде Ярослава предполагается существование двух слоев: древнего и более позднего.

Еще В. Н. Татищев и Л. К. Гетц считали возможным отнести Правду Ярослава к более раннему времени, до крещения Руси при Владимире Святославиче, т. е. к дохристианской эпохе. Однако сравнение юридических норм Правды Ярослава с договорами Руси с греками, включенных в Повесть временных лет, свидетельствует о том, что правовые нормы Правды Ярослава более позднего происхождения. В частности, Правда Ярослава наряду с правом кровной мести предоставляет возможность замены ее выкупом, договоры же Руси с греками признают только кровную месть. И все же некоторые особенности первых статей позволяют говорить о том, что Правда Ярослава могла возникнуть на основе более раннего памятника, что приводит к выделению этой части Краткой Правды в так называемую Древнейшую Правду.

Вторая часть Краткой Правды получила название Правды Ярославичей. Время ее составления устанавливается прежде всего по упоминанию в заголовке Ярославичей — Изяслава, Всеволода, Святослава и лиц, бывших в их окружении и, по-видимому, принимавших участие в составлении Правды. Из текста своеобразной преамбулы к Правде Ярославичей следует, что Ярославичи собирались в дни установления «Правды роусьской земли». Такой съезд мог состояться между 1054 г. (время смерти Ярослава) и 1076 г., когда умер Святослав. Изяслав был киевским князем в 1054—1073 гг. и в 1076—78 гг. Три года, с 1073 по 1076 г. в Киеве княжил Святослав, бывший до этого черниговским князем. Всеволод был переславским князем и лишь после смерти Изяслава в 1078 г. занял киевский стол. Маловероятно, что братья могли собраться на съезд между 1073—1076 гг., так как Изяслав был изгнан из Киева Святославом при прямой поддержке Всеволода. Таким образом, поздняя дата возможного съезда — 1073 год. В Правде Ярославичей, в статье об ответственности за убийство «коноха старого», имеется ссылка на то, что так «оуоставил Изяслав в своем конюсе, его же убиле Дорогобоудьци». Это постановление могло относиться к 1069 г., когда Изяслав шел с войсками в Киев, подавляя в Волынской и Киевской землях крестьянские восстания,

п когда, возможно, восставшие дорогобужцы (жители Дорогобужа или Вольны) убили конюха Изяслава. Если принять эту дату как рлищную, то съезд князей мог происходить в промежутке между 1069—1073 гг.

Обращение к Повести временных лет помогает установить, что есгь одно указание на встречу братьев Ярославичей. В 1072 г. они «совокупишася» под Киевом, в Вышгороде, для перенесения мощей Бориса и Глеба в связи с их канонизацией. Слово «совокупишася» в памятниках того времени означало съезд. Этим же словом в тексте Правды Ярославичей говорится о их совместном установлении Правды. И хотя съезд был формально посвящен торжественно-религиозному моменту и нет упоминания о выработке нового законодательства, логично предположить, что именно тогда, в Вышгороде, Ярославичи обсудили и выработали ту часть норм древнерусского права, которая вошла в Краткую Правду под условным названием Правда Ярославичей.

Выяснение причин, которые могли вызвать появление Правды Ярославичей, также приводит к мысли о возможном составлении Правды в 1072 г. «Можно думать, — отмечал М. Н. Тихомиров, — что Правда Ярославичей возникла в непосредственной связи с восстаниями в Киевском государстве 1068—1071 гг. Правда Ярославичей устанавливает особенно высокие ставки за убийства княжеских людей, участвовавшие в то время вследствие волнений на Руси».

Материалы для датировки Правды Ярославичей можно получить и при анализе имен, упомянутых вместе с Ярославичами на съезде.

Особое место в Краткой Правде занимают Покон вирный и Урок мостникам.

Первый представляет собой устав для вирников — сборщиков пошлин в пользу князя. Устав кончается словами: «то ти оурок Ярославль», т. е. это правило (постановление) Ярослава. Некоторые исследователи видят в этих словах подтверждение того, что Покон вирный возник при Ярославе.

Устав мостникам большинство исследователей рассматривает как правило для мостовщиков, строителей и ремонтников деревянных мостовых в городах. Другое толкование этого устава подразумевает мосты на реках.

Возможно, что в Краткой Правде перед Поконом вирным и Уставом мостникам имелась группа дополнительных статей, не связанных прямо с Правдой Ярославичей. Такое предположение основывается на повторении двух статей Правды Ярослава (ст. 2 и 10 в ст. 27—28), а также отличии денежного счета этих дополнительных статей от счета Правды Ярославичей. Предполагают, что статьи эти были введены в Краткую Правду позже составления Правды Ярославичей.

Нет одинакового решения вопроса о времени и месте составления Краткой Правды. Ряд исследователей считает Краткую Правду памятником конца XI в. (М. Д. Приселков, С. В. Юшкв),

другие (М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин) относят сложение Краткой Правды ко времени новгородских событий 1136 г. В отношении места составления Краткой Правды как сборника юридических постановлений указываются Киев и Новгород.

Пространная Правда дошла до нашего времени более чем в 100 списках.

Пространная Правда по объему и по составу больше Краткой. В рукописях, в том числе во всех древнейших списках, Пространная Правда разделена киноварными заглавиями на две части — «Суд Ярославль Володимиричь. Правда Русьская» и «Устав Володимерь Всеволодича», что на первый взгляд дает основание рассматривать эти части как особые памятники. Однако изучение их приводит к выводу, что обе части возникли одновременно, хотя и были составлены из различных материалов. Одним из главных источников Пространной Правды была Краткая, некоторые статьи которой дословно или в переработанном виде вошли как в Суд Ярослава, так и в Устав Владимира. Составители Пространной Правды провели большую редакторскую работу, внося в текст отдельные положения, заимствованные из Краткой Правды. Об этом, в частности, свидетельствует переработка Покона вирного в особую статью со ссылкой на существование этого правила при Ярославе: «А се покони вирнии были при Ярославе».

Вторым источником Пространной Правды был устав Владимира Мономаха. Некоторые исследователи признавая двухчастное деление Пространной Правды механически относили к уставу всю вторую часть Пространной Правды. На самом деле к уставу можно отнести только статьи о резах (процентах) и закупках. Для такого истолкования устава находят основание в несколько ином начале текста в ряде списков: «...а се оставил Володимерь Всеволодович». Этот заголовок по своему характеру относится непосредственно к статьям о резах. Время возникновения устава определяется по заголовку, в котором говорится, что Владимир после смерти Святополка «созва дружину свою на Берестове: Ратибора Киевского тысячьского, Прокопью Белгородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича Олгова мужа, и оуоставили...». Из летописных сообщений можно установить, что эти люди — «дружина Владимира». Некоторые из них, например тысяцкие, имели прямое отношение к городскому суду и торговле. Видимо, совещание в селе Берестове состоялось накануне въезда Владимира в Киев, после восстания 1113 г., направленного прежде всего против ростовщичества. Этим объясняется появление устава о резах, который, как доказал Б. Д. Греков, возник в связи с восстанием в Киеве в 1113 г.

Очень сложным представляется вопрос о возможном третьем источнике Пространной Правды. По мнению М. Н. Тихомирова, им мог быть протограф Сокращенной Правды. Вывод М. Н. Тихомирова о возникновении Сокращенной Правды во второй половине XII в. и существовании ее протографа основывается на том, что

следы этого протографа прослеживаются в Сокращенной и в Пространной Правдах. Между тем некоторые исследователи предполагают позднее возникновение Сокращенной Правды, тем более что два сохранившихся списка относятся к XVII в. Так, С. В. Юшков относил возникновение ее к первой половине XV в., когда новые правовые потребности, судебная практика Московского княжества вынудила изъять из текста Пространной редакции статьи, потерявшие практическое значение, и приспособить Пространную Правду к новым условиям.

Ряд статей Пространной Правды, в том числе устав о холопах, раздел о наследстве, возникли первоначально как самостоятельные памятники, включенные затем в общий текст. Время возникновения сводного протографа Пространной Правды М. Н. Тихомировым и Л. В. Черепниним связывается с восстанием 1209 г. в Новгороде против ростовщичества. Это мнение находит свое подтверждение при сравнении Пространной Правды с текстом договора Смоленска с Ригой 1229 г. Сопоставление списка договора 1229 г. и так называемого проекта договора свидетельствует о близости ряда правовых норм статьям Пространной Правды: статьи о убийстве посла и платежа «двое того дати за голову», ответственность за повреждение глаза, руки и т. д. Сходство отмечается не только в правовых нормах, но и в применяемой терминологии. Характерно, что в тексте списка договора Смоленска с Ригой правовые нормы выделены названием «А се починается Правда» (здесь начинается Правда), в чем также есть близость к Русской Правде. Вместе с тем явна вторичность договора по отношению к Пространной Правде, что видно из ссылки на «Правду», а также в более позднем денежном счете.

Изучение Русской Правды как исторического источника показывает, что ее материалы позволяют не только проследить изменения правовых норм на протяжении XII—XV вв., но и ответить на ряд вопросов социальной, экономической, политической жизни. Если Древнейшая Правда в основном дает сведения по истории Древней Руси первой половины XI в. и не дает широкой дифференциации русского общества в целом и феодального класса в частности, то Правда Ярославичей с дополнительными статьями к ней отмечает эти изменения для второй половины XI в. Пространная Правда дает сведения о хозяйстве, категориях феодально зависимых людей (холопов, закупов, смердов), системе юридического оформления этой зависимости, углублении социальной, классовой дифференциации, отражает классовую борьбу, политические события, вводит нас в атмосферу быта феодальной городской верхушки и купечества, свидетельствует об оживленной торговой деятельности и т. д. Естественно, что изучение как самой Русской Правды, так и ее материалов должно проводиться в строгой исторической последовательности, ибо только это позволит получить основу для правильных выводов.

Источниковедческое изучение редакции и списков Русской Правды дает возможность проследить процесс оформления этого

законодательного памятника, который хотя и основан на отдельных княжеских постановлениях, но приобрел характер свода постановлений и судебных обычаев, которым пользовались в различных русских землях.

С установлением феодальной раздробленности тексты Русской Правды (Пространной редакции) подвергаются переработке, которая зависела как от сборников, куда вносилась Русская Правда, так и от приспособления норм права к конкретной обстановке. Будучи по своему составу главным образом сводом норм уголовного права, Русская Правда дополнялась многочисленными руководствами для церковных и гражданских судей, что привело к широкому распространению списков Русской Правды в составе Кормчих и Мерил Праведных.

§ 2. Судные и уставные грамоты

Феодальная раздробленность повлияла на изменение некоторых правовых норм. Феодальные владельцы получили права государственной власти в пределах принадлежавших им земель. Нормы, зафиксированные в Русской Правде, требовалось уточнить, расширить, приспособить к новым социально-экономическим отношениям, хотя и Русская Правда, и княжеские церковные уставы Владимира и Ярослава были нормами действующего права во всех землях. На развитие законодательства оказало влияние татаро-монгольское нашествие, которое привело к определенным изменениям социально-экономических и политических отношений. Видимо, неслучайно, что все древние списки Пространной Правды северного происхождения. Не представлена этими памятниками та территория, которая составила земли Украины и Белоруссии. В какой-то степени это можно объяснить феодальной раздробленностью, татаро-монгольским нашествием, переходом западных и южных земель в состав Великого княжества Литовского и Польского государства. Однако и в этих землях правовая мысль продолжала развиваться и совершенствоваться и Русская Правда оказала на нее большое влияние. Известно, что в Галицко-Волынской Руси существовала особая редакция устава князя Владимира, сохранились некоторые памятники, показывающие общие черты развития правовых норм.

Несомненное влияние Русская Правда оказала на право Смоленска. Дошли до нас, хотя и не столь многочисленные, как бы нам хотелось, юридические памятники Новгородской, Псковской земель, Владимиро-Суздальского княжества.

Рассматривая эти памятники, следует обратить внимание на ряд особенностей, связанных с историко-правовым анализом, установить круг вопросов, которые могут быть решены на основе этих материалов.

Для этой цели наиболее важны Псковская и Новгородская судные, Двинская и Белозерская уставные грамоты и Уставная грамота митрополита Киприана.

Псковская судная грамота являет собой сложный по составу и содержанию памятник феодального права, который сохранился в двух списках. Один из них — Синодальный начала 40-х годов XVI в. — имеет только II последних статей, а наиболее полный текст памятника (Воронцовский список) открыт Н. Мурзаквичем в 1847 г. в сборнике летописных статей XVI в.

Грамота вызывает споры прежде всего по времени составления и выделению ее составных частей. Уже само начало грамоты породило вопросы, на которые трудно дать однозначные ответы. В заголовке сказано: «Ся грамота выписана из великого князя Александрова грамоты и из княж Костянтиновы грамоты и изо всех приписков псковских пошин, по благословению отец своих попов всех пяти соборов, и священноиноков, и дияконов, и священников, и всего божия священства всем Псковом на вечи в лето 6905». Такое начало несколько необычно для законодательных памятников и больше напоминает формулировки псковских летописей. В то же время начало определяет текст как грамоту, что может пониматься двояко: грамота как акт или грамота как письменный памятник. Впрочем, в четвертой статье для обозначения текста употребляется название «Правда».

Если исходить из имеющегося списка, то нетрудно заметить, что речь идет о своде отдельных законов, выписанных из каких-то грамот великого князя Александра и князя Константина и приписанных к ним псковских обычаев, которые были утверждены духовенством и псковским вече. Судя по имеющейся в тексте дате (6905) от сотворения мира, писанной славянскими буквами под титлами, по современному летоисчислению это 1397 год. Однако указания на грамоты великих князей Александра и Константина и освящение судной грамоты попами пяти псковских соборов ставят под сомнение правильность этой даты. Псковских князей, носивших имя Александра, было несколько; из них великими князьями были Александр Ярославич (Невский), живший в XIII в., и Александр Михайлович Тверской, бывший псковским князем в 1327—1330 и 1332—1337 гг. Таким образом, можно предполагать, что Александрова грамота могла принадлежать одному из этих князей и была составлена в середине XIII или в 20—30-х годах XIV в. Таким образом, вопрос о принадлежности и времени составления Александровой грамоты остается открытым. Под именем Константина известен Константин Дмитриевич, княживший в Пскове в 1407—1414 гг., т. е. после того, как Судная грамота была составлена. Указание на 1397 г. противоречит также утверждению о благословении грамоты попами «всех пяти соборов». Известно, что пятый собор в Пскове был построен в 1462 г., а значит в списке Судной грамоты или допущена ошибка в датировке, или вводная часть подвергалась какой-то редакции, переделке после постройки пятого собора, т. е. между 1462 и 1471 гг., когда был построен шестой собор.

Не имея возможности отвергнуть или принять имеющуюся в Псковской Судной грамоте дату ее возникновения, высказывают

предположение, что грамота в дошедшем до нас списке отразила неоднородные памятники: грамоту Александра Невского или Александра Тверского, грамоту Константина Дмитриевича, которые были переработаны в 1397 г. и между 1462—1476 г.

Псковская Судная грамота охватывает значительный круг вопросов и в отличие от Русской Правды больше внимания уделяет разработке норм гражданско-правовых отношений. В грамоте имеются статьи о княжеском суде, суде «владычного» наместника, суде посадника, определяется место судебного разбирательства (не на вече, а у «князя на сеньях»). Значительное место отведено судебным тяжбам по земельным делам, статьям о торговле, праве собственности, положению феодально-зависимого населения, наследственному праву и т. д.

В целом Псковская Судная грамота дает не только первостепенный материал по истории Псковской земли, но и отражает тенденции, свойственные развитию феодальных отношений в русских землях.

Новгородская Судная грамота дошла до нас не в подлиннике, а в единственном списке в сборнике 70-х годов XV в. Список этот не имеет конца, текст оборван на полуслове. Составление грамоты, отраженной в списке, относят к 1471 г. В этом году Иван III ходил «миром» в Новгород. Поход привел к подписанию 11 августа 1471 г. Коростынского договора между Новгородом и великим московским князем. Особый сборник, составленный, по мнению Л. В. Черепнина, для нужд новгородской политики Ивана III в середине XV в., включил целую группу документов, относящихся к 1471 г. Сюда вошли и Коростынская и Судная грамоты, что уже косвенно относит Судную грамоту к 1471 г. Кроме того, ссылку на Судную грамоту находят в Коростынском договоре.

Новгородская Судная грамота в редакции 1471 г. представляет свод судебных установлений. Первоначальная редакция была составлена в 1385 г. Затем грамота, очевидно, прошла через несколько переработок, пока в 1471 г. не получила вида той редакции, которая сейчас имеется у исследователей.

В Судной грамоте сохранились в основном постановления по судоустройству и судопроизводству. Она обращает внимание на суд архиепископа (владыки), посадника, тысяцкого, определяет порядок рассмотрения отдельных дел, в том числе споров по земельным делам. Вместе с тем статьи грамоты фиксируют непосредственное вмешательство московского великого князя в новгородские дела. Это нашло отражение в ограничении боярского самоуправства и установлении, хотя и декларативно, «ровного» суда для бояр и молодых людей.

Имея в качестве источника нормы Русской Правды и сосуществовая с ней, Новгородская Судная грамота в отдельных своих частях перекликалась с Псковской Судной грамотой.

Псковская и Новгородская Судные грамоты в условиях феодальной раздробленности и ее преодоления разрабатывали новые

правовые нормы и в определенной степени подготавливали основу для будущего общерусского законодательства.

Для понимания этого законодательства, выявления его предпосылок важно изучение тех материалов, которые возникли в Великом княжестве Московском в XIV—XV вв. Они называются уставными грамотами и представляют акты относительно организации местного управления. Среди большого разнообразия этих актов (губных, земских, таможенных) уставные наместничьи грамоты выделяются как законодательство, определявшее компетенцию наместнической власти. Из 16 наместничьих грамот две — Двинская и Белозерская — появились до Судебника 1497 г.

Двинская уставная грамота относится к 1397—1398 гг. Примечательно появление грамоты. Объединительная политика московских князей уже в XIV в. привела к попытке включить Двинскую землю, принадлежавшую Великому Новгороду, в состав московских земель. Воспользовавшись восстанием на Двине (1397—1398 гг.) против новгородцев, московский князь послал в Двинскую землю своего наместника с уставной грамотой, которой он «пожаловал есть бояр своих двинских, также сотского и всех своих черных людей Двинской земли». Возможно, что грамота явилась следствием переговоров между двинянами и Москвой и представляла собой попытку закрепить Двинскую землю за Москвой. Грамота была составлена в интересах двинских бояр и отчасти купечества, на которых московский князь опирался в борьбе с Новгородом, хотя внешне была обращена ко всем двинянам.

Сравнительно небольшая по объему в своих 16 статьях грамота отразила те тенденции, которые фиксировались нормами права этого времени: защиту интересов феодальных землевладельцев, утверждение в правовой форме господства боярства и их слуг, закрепление системы феодальной эксплуатации. В этом отношении Двинскую уставную грамоту можно рассматривать как начальный этап истории законодательства складывавшегося Русского государства.

Вместе с тем грамота фиксирует ряд моментов, связанных с положением Двинской земли. Двинские бояре, купечество получают ряд привилегий: ограничение судебной власти наместников, запрещение великокняжеским приставам въезжать на территорию Двинской земли, льготы двинским купцам на территории Московского княжества, исключение двинских купцов из подсудности великокняжеских судебно-административных органов на Устюге, Вологде, Костроме и передача их дел для рассмотрения на Двину. Особое положение Двинской земли отмечено в преамбуле, где говорится о возможности назначения наместниками двинских бояр.

Сопоставление Двинской уставной грамоты с другими законодательными памятниками показывает, что она испытала влияние Русской Правды, жалованных грамот московских князей,

использовала нормы обычного права и в ряде случаев совпадала с нормами права Пскова и Новгорода.

Если Двинская уставная грамота начала выработку общерусского законодательства, то Белозерская уставная грамота 1488 г. непосредственно предшествовала Судебнику 1497 г. Время ее составления устанавливается точно по записи в конце грамоты. Белозерское княжество утратило независимость еще в первой половине XIV в., в конце XIV в. оно стало уделом Московского княжества, а с 1486 г. земли бывшего княжества превращаются в уезд Московского государства.

Уделяя основное внимание деятельности органов административного управления, Белозерская грамота подробно регламентирует повинности населения по отношению к наместникам, в лице которых выступает государственная власть, устанавливает административные и судебно-финансовые полномочия наместников, разрабатывает ряд установлений, связанных с дальнейшим развитием феодальной собственности и положением феодально-зависимого населения, уточняет и развивает отдельные стороны уголовного права, в том числе ответственность за наиболее тяжкие и опасные для правящего класса преступления. Одно из важных положений, нашедших отражение в статьях Белозерской уставной грамоты. — установление соотношения между местным наместничьим судом и центральным — великокняжеским.

§ 3. Судебники

Образование Русского государства вызвало потребность в кодификации юридических прав и норм, приемлемых для всей страны. Существование значительного числа местных законодательных актов не отвечало делу ликвидации феодальной раздробленности. Необходимо было выработать такие нормы государственного и частного права, которые способствовали бы дальнейшей централизации власти, укрепляли самодержавное феодальное государство, отвечали экономическим, политическим, классовым изменениям, проступавшим к концу складывания основного территориального ядра государства.

Судебник 1497 г. был первым кодексом Русского государства, который, подводя итоги предшествующей законодательной деятельности как в Московском княжестве, так и в других землях, сделал первый шаг по созданию общегосударственного законодательства.

Текст Судебника сохранился в единственном списке начала XVI в. Он был обнаружен П. М. Строевым в 1819 г. и тогда же впервые опубликован. Как показали исследования, сохранившийся список (12 листов с оборотом) по палеографическим признакам можно отнести к концу XV — началу XVI в.

Текст Судебника в списке имеет внутреннее деление. Заголовок, названия отдельных разделов, а также инициалы, которыми

пачинались некоторые части, выполнены киноварью. Киноварные строки, фразы, буквы имеют большое значение для понимания всего текста, ибо они, видимо, отвечали тем представлениям о группировках отдельных вопросов и статей, которые должны быть изложены в Судебнике. Длительное время киноварные выделения почти не учитывались исследователями, так как первое издание Судебника Строева и К. Ф. Калайдовича отмечало только киноварные заголовки. Это привело к тому, что М. Ф. Владимирский-Буданов в «Хрестоматии по истории русского права», выпущенной в 1873 г., разделил Судебник на 68 статей, которые только частично соответствуют рукописным заголовкам и совершенно не учитывают инициалы. В настоящее время историки имеют возможность пользоваться текстом списка, фототипическое воспроизведение которого дано в публикации 1952 г. «Судебники XV—XVI веков».

Определенного источниковедческого анализа требует вопрос об авторстве. В самом Судебнике об авторе или авторах ничего не говорится. Однако вопрос о возможном авторе возник в связи с тем, что Н. М. Карамзин, а вслед за ним и ряд других исследователей стали считать автором Судебника 1497 г. некоего дьяка Владимира Гусева. Это утверждение основывалось на записи Типографской летописи: «В лето 7006 февраля князь великий Иван Васильевич посадил на княжение внука своего князя Дмитрия Ивановича. Того же лета князь великий Иван Васильевич и околничим и всем судьям а уложил соуд судити по Судебнику Володимира Гусева писати». Текст летописи не дает никакого основания считать Владимира Гусева дьяком. Исследование Н. П. Лихачева о разрядных дьяках XVI в. показало, что такого дьяка не существовало. Запись в Типографской летописи не отличается ясностью. Как показал Я. С. Лурье, в рассматриваемом тексте 7006 г. (1497) слились два известия: о создании Судебника и о деле Владимира Гусева как участника заговора против Ивана III. Предполагают (Я. С. Лурье, Л. В. Черепнин), что слова «Володимира Гусева писати» не находились в том тексте, который послужил основой для составителя Типографской летописи, что их занесли на поля как напоминание о необходимости сделать запись о деле Владимира Гусева, а переписчик механически внес его в текст после слов «по Судебнику». Однако такое толкование происхождения этого текста Типографской летописи вызывает возражение. А. А. Зимин замечает по этому поводу, что на полях могло быть в качестве пометы одно слово «писати» и тогда слова «суд судити по Судебному Владимиру Гусеву» могут указывать на автора. Видимо, текстологические объяснения записи Типографской летописи не могут выяснить вопроса о том, был ли Владимир Гусев автором Судебника. При этом нужно учитывать и личность самого Гусева, который был активным участником заговора против Ивана III, что привело к казни его в декабре 1497 г. Трудно предположить, чтобы Гусев одновременно

выступал в качестве составителя Судебника и участника борьбы с Иваном III.

Текст Судебника 1497 г. сам указывает на время его составления. Однако есть предположение, что окончательно он был доработан и введен в практику судопроизводства после венчания на царство в 1498 г. внука Ивана III Дмитрия Ивановича.

Вопрос об источниках Судебника 1497 г. еще не решен полностью. Его составители, очевидно, пользовались широким кругом источников. Так, из 68 статей (в принятом делении) 25 статей имеют источники, которые можно указать. Большинство же статей возникло заново, было составлено на обычном праве того времени или имело своим прототипом какие-то источники, нам неизвестные.

Содержание Судебника охватывает все наиболее важные с точки зрения его составителей и времени вопросы. Одна из главных мыслей Судебника — установление центрального (боярского) и местного (наместничьего) суда и определение круга вопросов, подлежащих их рассмотрению. Совершенно ясно прослеживается тенденция к централизации суда, что отвечало интересам дальнейшего укрепления феодального государства. Это было особенно важно, так как к концу XV в. централизация аппарата государственной власти еще не завершилась. Статьи, определяющие функции боярского суда, направлены, с одной стороны, на установление их, а с другой — имеют тенденцию к сужению судебных прав боярства. Эту же задачу имели статьи, ограничивавшие судебные полномочия наместников и властителей, которые делятся на две категории: с правом «боярского суда», т. е. решения судебных дел в последней инстанции, и без права «боярского суда», когда по ряду дел окончательные решения принимались в Москве.

Другим важным вопросом, который рассматривался в Судебнике, была защита основ феодальных отношений — права земельной собственности. Ряд статей ограничивал интересы крестьянской общины в пользу феодалов, санкционировал правовую защиту захваченных феодалами земель, вводил тяжелые наказания за нарушение прав земельной собственности.

В тесной связи с этим находилось рассмотрение вопроса о закреплении крестьян. Еще в середине XV в. по отдельным вотчинам крестьянский выход был ограничен неделей до и неделей после Юрьева дня осеннего (26 ноября по старому стилю). В ряде мест, например в Пскове, выход разрешался в Филиппово заговенье (14 ноября), на Белоозере, кроме того, был выход на Рождество (25 декабря). В Судебнике этот процесс нашел отражение в статье «О христианском выходе», который законодательно оформил и распространил на все Русское государство правило крестьянского выхода только в Юрьев день осенний. Срок этот был выбран как окончание цикла сельскохозяйственных работ и охранял интересы феодального владельца. Право крестьянина на выход в Юрьев день обуславливалось уплатой «пожилого» за пользование двором, размеры которого определялись «в полях за

двор рубль, а в лесах полтина» и сроком проживания крестьянина на феодальном владельце. Судебник 1497 г. сделал важный шаг по пути оформления крепостного права в России.

Значительное место в Судебнике было отведено наказаниям за преступления против феодального правопорядка: вводилась смертная казнь за целый ряд преступлений, которые могли рассматриваться не только как уголовные, но и как проявление классовой борьбы.

В области судопроизводства Судебник 1497 г. продолжает развитие правовых норм, элементы которых можно отметить в судебных и уставных грамотах. Одним из проявлений этого был переход от состязательного процесса к обысному или розыскному.

Судебник 1497 г. более полстолетия являлся нормой действующего права и оказал огромное влияние на развитие правовой мысли не только в России, но и в странах Западной Европы, где в конце XVI в. единых общегосударственных судебных кодексов не было. Видимо, не случайно посол германского императора в Москве Сигизмунд Герберштейн сделал перевод на латинский язык ряда статей Судебника, опыт составления которого мог быть использован юристами, подготовившими в 1532 г. общегерманский свод законов.

Судебник 1550 г. в отличие от княжеского Судебника 1497 г. в исторической литературе иногда называют Царским.

Подлинник Судебника не сохранился. Текст его был рассмотрен и принят Боярской думой в июне 1550 г., а затем Судебник был представлен на утверждение Стоглавого собора 1551 г. Всего сохранилось 40 списков Судебника, из них 13 относятся к XVI в., 21 — к XVII в., остальные — поздние. Особенностью многих списков является оглавление, предшествующее основному тексту. Обычно указываются 99 или 100 статей. В некоторых списках нет последней статьи, которая, по мнению ряда исследователей, была добавлена позже как особая статья «О суде с удельными князьями» и была направлена на ограничение судебных прав удельных князей.

Причины появления Судебника следует искать в обстоятельствах внутриполитических. После смерти Василия III обостряется борьба между отдельными боярскими группировками, предпринимаются попытки отдельных кругов сохранить привилегии времени феодальной раздробленности. Конец 40-х — начало 50-х годов XVI в. характерны обострением классовой борьбы. Московское восстание 1547 г. было наиболее ярким проявлением этого обострения. Начавшееся после огромного пожара 21 июня 1547 г. восстание своим острием было направлено против усиления феодального гнета. Восстание перекинулось в другие города, получило широкий отклик в стране. Наряду с другими мерами, принятыми правительством Ивана Грозного после восстания, серьезное внимание было уделено составлению нового Судебника.

В Судебнике 1550 г. отмечается большой интерес к проблеме дальнейшей централизации управления и судопроизводства в стране. Тенденции, намеченные предшествующим Судебником, получили свое развитие в статьях нового Судебника. При сохранении системы кормления вводилось ограничение власти наместников и волостелей. Для ограничения прав наместников большое значение имела передача Судебником дел «о ведомых разбойниках» в ведение губных старост. Таким образом, губная реформа, проведенная ранее в ряде северных уездов, получила общегосударственное распространение. Немаловажным фактором, повлиявшим на централизацию управления и суда, было введение приказной системы. Правда, материала об их деятельности мало, но это объясняется скорее тем, что перестройка центральных ведомств и учреждений, подчиненных им на местах, только начиналась, когда Судебник был уже создан.

Ряд статей фиксирует стремление оградить интересы дворянства. В частности, запрещается переход служилых людей в кабальное холопство, что мотивируется необходимостью сохранения их для государевой службы.

Судебник 1550 г. обращается и к крестьянскому вопросу. Повторяя, на первый взгляд, положение, уже зафиксированное ранее, — право перехода крестьян только один раз в году, Судебник развивает эту статью, более детально рассматривает взаимоотношения, которые могут быть между феодалом и зависимым крестьянином. Вводя некоторые ограничительные меры против выхода крестьян, Судебник еще не мог зафиксировать полного прикрепления крестьян к земле и владельцу.

Много внимания уделил Судебник вопросам судопроизводства.

§ 4. Соборное Уложение 1649 г.

Между Судебником 1550 г. и Соборным Уложением 1649 г. пролегло целое столетие, насыщенное крупными социально-политическими событиями, что не могло не отразиться в законодательстве. Развитие законодательства нашло свое отражение в многочисленных указах, грамотах, постановлениях, уложениях, фиксировавшихся в специальных указных книгах, которые велись при центральных учреждениях. Отдельные постановления, касавшиеся частных вопросов, играли громадную роль. Так, заповедные лета, вводившиеся в интересах дворянства с 1581 г., практически отметили право крестьянского выхода в Юрьев день и были шагом по пути окончательного закрепощения крестьян. В конце XVI в. была сделана попытка создать особый Судебник для русского черносошного Севера (Судебник 1589 г.), а в начале XVII в. (около 1606—1607 гг.) в одном из московских правительственных учреждений был создан так называемый Сводный Судебник, в основу которого были положены Судебник 1550 г., указы 1562 и 1572 гг. о княжеских вотчинах, приговор 1 февраля 1597 г. о служилых хо-

домах и ряд других законодательных памятников. Этот Сводный Судебник не был утвержден и сохранился как проект нового кодекса.

Крупнейшим законодательным памятником XVII в. явилось Соборное Уложение 1649 г. ◀

Соборное Уложение 1649 г. возникло под непосредственным влиянием и воздействием событий середины XVII в., прежде всего городских восстаний, развернувшихся в 1648—1649 гг.

Московское восстание 1648 г. и последовавшие за ним восстания в Козлове, Курске, Устюге Великом, Сольвычегодске, Воронеже, бурные выступления народных масс против феодального гнета и «московской волокиты» привели к созыву 16 июля 1648 г. Земского Собора. Собор был собран в сравнительно узком составе, и, видимо, было принято решение о выработке нового судебного кодекса. Новый собор, на котором должно было дорабатываться и приниматься Уложение, был назначен на 1 сентября 1649 г. Однако составление Уложения началось уже вскоре после 16 июля 1648 г. Непосредственно подготовкой его руководила специальная комиссия (приказ), во главе которой стоял боярин князь Никита Иванович Одоевский «с товарищи» — князем Семеном Прозоровским, окольным Федором Волконским, дьяками Гаврилой Леонтьевым и Федором Грибоедовым. 1 сентября 1649 г. состоялось заседание Земского Собора, однако проект Уложения слушался 3 октября. Работа над Уложением продолжалась и позже.

Соборное Уложение 1649 г. своим оригиналом имеет столбец длиной в 309 метров, составленный из 959 отдельных сставов. Текст столбца написан несколькими писцами. В рукопись был внесен ряд поправок, а пропущенные при переписке места восстановлены. К столбцу отдельно приложена «Опись поправкам», представляющая собой столбец из 10 сставов. «Опись» скреплена дьяками Г. Леонтьевым и Ф. Грибоедовым. На подлинном списке Соборного Уложения подписи участников Земского Собора 1648—1649 гг.

Так как при составлении Соборного Уложения пользовались различными источниками, то составители делали специальные пометы на столбце, которые могут быть использованы для установления источников, положенных в основу той или иной статьи.

Таким образом, рукописный список — столбец подлинного Соборного Уложения 1649 г. представляет большие возможности работы с этим историческим источником. В то же время в судебной практике самим рукописным текстом не пользовались. В преамбуле Уложения было отмечено, что «по государеву... Алексея Михайловича... указу, то Уложение на список написано». Этот список и представлен столбцом. А далее отмечается: «И с того Уложения списан список в книгу, слово в слово, а с тое книги напечатана сия книга». Таким образом, с подлинного столбца была сделана книга-копия, с которой в типографии были отпечатаны экземпляры Соборного Уложения. Установить число отпечатанных книг пока не представляется возможным. В одном из

документов приводится указ Алексея Михайловича о продаже Соборного Уложения «по рублю книга в тетратех» и что книги эти «в деле стали 1200 книг по 26 алтын по полу-3 деньги в тетратех». Если принять эту цифру (1200) книг за общее число напечатанных, то следует признать совершенно колоссальный по тому времени тираж Соборного Уложения 1649 г.

В Соборном Уложении содержится 25 глав, которые разделены на 967 статей. Небольшое предисловие дает краткое изложение обстоятельств принятия Уложения. Каждая глава имеет свое название, указывающее, чему она посвящена, а также перечень статей.

Первая глава «О богоухольниках и церковных мятежниках» предусматривает строгие наказания за преступления против церкви. Глава как бы является ответом на распространение еретических учений в России. В этом отношении Соборное Уложение было практически первым светским законодательством, где были определены и разработаны составы преступных деяний против религии. В какой-то степени это развивает понятия состава преступлений против веры, намеченные на церковном соборе 1551 г.

Вторая глава «О государьской чести и как его государское здоровье оберегать» рассматривает преступления против царя и его властей. К ней тематически примыкает следующая, третья глава «О государеве дворе, чтоб не государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было».

Главы четвертая «О подпизикех и которые печати подделывают» и пятая «О денежных мастерах, которые учнут делать воровские денги» предусматривают ответственность за подделку документов и печатей, а также за производство «ворованой денги».

Определенный порядок выезда за рубеж и ответственность за нарушение его рассматривается в статье шестой главы «О проезжих грамотах в иные государьства».

Две последующие главы — «О службе всяких ратных людей Московского государьства» и «О искуплении пленных» — связаны между собой и определяют порядок службы и меры наказания за совершенные проступки, а также утверждают порядок выкупа пленных и сбора денег для этой цели.

В девятой главе помещена статья «О мытах и о перевозах, и о мостах», после чего идет обширная десятая глава «О суде», к которой примыкают глава 11 «Суд о крестьянех», глава 12 «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян», глава 13 «О монастырском приказе», глава 14 «О крестном целовании», глава 15 «О вершенных делах», глава 20 «Суд о холопах», глава 21 «О разбойных и татиных делех», глава 22 «Указ, за какие вины помучити смертная казнь, а за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание». Названия этих глав определяют в значительной степени объекты судебного разбирательства, хотя значение некоторых глав выходит далеко за рамки их обозначения.

Так, глава 11 «Суд о крестьянх» фактически является одной из центральных и юридически оформляет крепостное право в России. На примере этой главы можно проследить, какие источники лежали в ее основу и как конкретно юридически оформлялось крепостное право. Начиная с введения в 1581 г. заповедных лет («заповедь» — запрещение), установивших вначале временное, а затем бессрочное запрещение крестьянского выхода, через указ 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян («урочные лета») и все последующее законодательство по крестьянскому вопросу первой половины XVII в. правительство неуклонно шло к юридическому оформлению крепостного права. Многочисленные коллективные челобитные дворян в первой половине XVII в. требовали удлинения урочных лет. Они нашли свое воплощение в законодательных актах, установивших в 1642 г. 10-летний срок розыска беглых крестьян и 15-летний сыск вывозных. Однако дворянство не было этим удовлетворено, оно требовало установления бессрочного сыска, юридического прикрепления крестьян к земле и ее владельцу. Несомненно, что дворянские челобитные по крестьянскому вопросу, а также материалы текущего законодательства предшествующего времени были положены в основу статей главы «Суд о крестьянх».

Соборное Уложение установило бессрочный сыск крестьян, прикрепило их к определенному месту, что отчетливо зафиксировано в ст. 9 указанной главы «А которые крестьяне и бобыли за кем записаны в переписных книгах прошлых 154-го и 155-го годов, и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они в переписных книгах написаны, збежали, или впредь учнут бегати: и тех беглых крестьян, и их братью, и детей, и племянников, и внучат з женами и з детьми и со всеми животы, и с хлебом стоячим и с молочным отдавать из бегов тем людям, из-за кого они выбежат по переписным книгам, без урочных лет, а впредь отнюд никому чужих крестьян не принимать, и за собою не держать». Таким образом, писцовые книги, составленные в 1646—1647 гг., стали теми документами, которые фиксировали прикрепление крестьян.

Общей темой связаны глава 16 «О поместных землях» и глава 17 «О вотчинах». Проблемы феодального землевладения, в частности вопрос об уравнивании вотчин и поместий в конкретных условиях XVII в., отражены в них с достаточной полнотой.

«О печатных пошлинах» говорит глава 18.

Важна для понимания законодательства России XVII в. глава 19 «О посадских людях». Помимо оформления посадского городского населения как сословия, она фактически рассматривает прикрепление посадских людей к тяглу.

Последние краткие главы — 23 «О стрельцах», 24 — «Указ об атаманах и казаках», 25 — «Указ о корчмах».

Хотя Соборное Уложение использует массу разнообразных источников, можно выделить отдельные группы: Кормчая книга; Литовский статут; Судебники; материалы текущего законодатель-

ства: царские указы, боярские приговоры; указные книги приказов, где были сосредоточены законодательные материалы, касающиеся деятельности приказов; челобитные дворян и посадских людей первой половины XVII в. Эти источники в разной степени и в разных главах были использованы составителями Соборного Уложения 1649 г.

Созданное в середине XVII в. Соборное Уложение на протяжении длительного времени оставалось основным кодексом законов. Во второй половине XVII — начале XIX в. оно обросло большим числом дополнений, уточнений, изменений. Неполнота Уложения и изменившаяся обстановка привели к появлению так называемых новоуказных статей, из которых для XVII в. наибольшее значение имели статьи о поместьях и вотчинах и «Новоторговый устав» 1667 г.

МАТЕРИАЛЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

С оформлением Российского централизованного государства постепенно складывается единая система центральных и местных правительственных учреждений. Высшим государственным учреждением была Боярская дума. Для решения различных дел создавались комиссии из «думных людей». С середины XVI в. известна практика созыва земских соборов (наиболее интенсивное время их деятельности — 1610—1650 гг.).

К концу XV — началу XVI в. относится зарождение приказной системы управления. В середине XVI в. выделяются «дьячьи избы», получившие затем наименование «приказов». Первоначально между отдельными приказами еще не было четкого разграничения функций. Руководители приказов назывались судьями. В приказной переписке, а иногда и в документах самого учреждения название учреждения могло не упоминаться, называли лишь приказного судью (или судей). Поэтому особое научное значение для ориентации в архивном и печатном материале имеют составленные учеными списки приказных судей. Постепенно развивается система документирования, называемая приказным делопроизводством. В XVI в. определяются характерные формы бумажного делопроизводства: грамоты, тетради, книги, столбцы.

Наиболее распространенной формой деловой документации были столбцы в виде свитков, состоящих из склеенных узких полос бумаги. Места склеек, а также составные части такой бумажной ленты назывались «сставы». Несколько столбцов оформлялись в «дело». Дело представляло собой комплекс документов, подклеенных друг к другу в последовательности делопроизводства. Так получилась длинная лента — «столп» («столпик»). Столбцы писались с одной стороны листа, что давало возможность хранить их в свернутом виде. Дьяк или подъячий с приписью «скреплял» столы, расписываясь по местам «сставов» так, чтобы буквы, слоги или отдельные слова его подписи растягивались по склейкам; если «столп» был длинный, подпись могла несколько раз повторяться. Это должно было предупредить изъятие отдельных листов или их замену, позволяло определить полноту столпа и последовательность его сставов в случае, если столп расклеивался и сставы перемешивались. Содержание некоторых столбцов копировали в книги.

Устанавливаются определенные нормы хранения, систематизации и описания документов правительственных учреждений. В XVI в. уже составлялись элементарные переписи хранившихся «дел» с указаниями названий их, а зачастую и сведениями о том,

«вершено» оно или «невершено», о пометах, степени сохранности. От XVII в. дошли достаточно подробные архивные описи.

Старинные архивные описи нередко содержат уникальные исторические данные об утраченных памятниках. Из описей главного государственного архива России XVI в., называемого в литературе «Царским архивом», сохранилась (и то неполностью) лишь одна краткая опись середины 70-х годов.

В описи перечисляются важнейшие документы политической истории, значительная часть которых не дошла до нас (среди них указ «Об опришнине»). Названы рукописи, обнаруженные после кончины А. Ф. Адашева, и с их помощью удостоверяется, что глава «Избранной рады» составлял или редактировал официальную летопись. Только опись сохранила указания на то, в какое время Иван Грозный знакомился с архивными материалами и какие именно документы его интересовали. Узнаем о многих решениях Боярской думы, служебных назначениях и местнических спорах, посольских и порубежных переговорах, жалованных грамотах и крестоцеловальных записях, описаниях земель и служебной переписке, «изветах», челобитных и судных делах, о которых в других источниках либо нет упоминаний, либо уцелели крайне смутные сведения.

Архивные описи засвидетельствовали плохую сохранность документов важнейшего государственного значения. Многие ценнейшие документы были утрачены в годы польской и шведской интервенции начала XVII в. Страшным бедствием были «великие» московские пожары 1547 г., 1571 г., особенно 1626 г., когда, по словам летописца, «всякие приказные дела... выгорели без остатку». Погибли документы и во время пожаров XVIII—XIX вв.

Многие документы, которые могли бы ныне стать ценным источником социально-экономической истории, уничтожались и за ненадобностью. Истреблялись документы и во время народных восстаний.

Таким образом, до нас дошла только часть обширной и многообразной правительственной документации XVI—начала XVII в. Далеко не полностью представлены в архивах и правительственные документы XVII в.

* * *

Делопроизводственные документы правительственных учреждений составлялись в XVI—XVII вв. по определенной форме: соблюдалась последовательность в расположении материала, употреблялись выработанные практикой формулы, причем формуляр документов в течении XVI—XVII вв. мог и изменяться. В специальных «образцовых книгах» помещались образцы документов; типы «деловых» бумаг и писем приводились и в азбуках, предназначенных для чтения и переписывания. Этим образцам пытались следовать и в правительственных учреждениях (центральных и

местных), и в канцеляриях крупных феодалов (светских и духовных), и «площадные подъячие», писавшие челобитные и другие бумаги. Однако до XVIII в. степень стандартизации письменного делопроизводства была еще сравнительно невелика.

Изучая документацию правительственных учреждений, необходимо учитывать особенности официальной терминологии. Так, обращаясь к государю, все подписывались «холопами» — и зависимые люди, и князья, и бояре. Даже знатные богатые люди в обращении к государю уничижительно называли себя «сиротами», употребляя имена Ивашка, Сенька и т. п. Выступления против властей обозначались словами: «воровство», «разбой», а участники таких выступлений назывались: «воры», «воровские люди», «лихие люди». Соответственно именовали и документы, вышедшие из стана восставших.

Широкое распространение имели документы, носившие название грамоты. Они были чрезвычайно многообразны как по форме, так и по содержанию, не всегда имели историко-правовую форму, могли означать и акт (как документ с определенной юридической нормой), и деловое письмо, и другие документы, создававшиеся в государственных учреждениях.

Среди правительственных документов особое значение имели царские «указы» или «указные грамоты». Если грамота была составлена в ответ на челобитную, то кратко излагалось содержание этого документа. Грамота о пожаловании земли, крестьян, каких-либо льгот называлась «жалованной» (жалованной). Распоряжение от имени государя местным властям об отдаче («отказе») во владение определенному лицу вотчины, поместья или пустоши называлось «отказной», а распоряжение о конфискации («отписке») в пользу государства («на государя») земель и другого имущества — «отписной». «Возной» именовали документ на право владения помещьем, выдаваемый обычно Поместным приказом, и содержащий приказание крестьянам подчиняться владельцу. Распоряжение центральной власти о проведении местной администрацией судебного расследования («сыска») называлось «сыскной» грамотой и т. д.

Документ, устанавливающий порядок управления, судопроизводства, привилегии и обязанности населения (а также должностных лиц), назывался (до XVII в.) «установной» грамотой. Особые грамоты выдавались верховной властью в связи с введением на местах новых органов управления и определением порядка назначения или избрания должностных лиц (губные, наместничьи, земские грамоты и др.).

Некоторые документы имели формы «приговора» («приговора») (грамота). Такowymi были решения земских соборов. Решения земского собора об избрании царя назывались «утвержденной» грамотой. Древнейшей из сохранившихся приговорных грамот является грамота Собора 1566 г., созванного для решения вопроса о продолжении Ливонской войны. Участники Собора перечисляются поименно, по «соборным чинам», на грамоте

имеются подписи участников собора. В грамотах XVII в. называются немногие имена и «чины». Тем самым дается понятие о сословном делении («чинах», «статьях») общества. В грамоте указываются причины созыва собора и его задачи; иногда приводится «речь», которая была «говорена властям (т. е. освященному собору) и бояром и всяких чинов людям». «Речь» зачитывал думный дьяк и печатник. Некоторые соборные грамоты могут рассматриваться как памятники публицистики.

«Чины» собора высказывали мнения по отдельности. Иногда в грамотах приводятся высказывания («сказки») отдельных групп внутри «чинов». Помимо выражения поддержки правительственной программы обнаруживаются, правда, нечасто, и особые суждения о тех или иных явлениях. Так было на Соборе 1642 г., созванном в связи с тем, что казаки отняли у турок крепость Азов и надлежало решить вопрос, воевать ли с Турцией.

Форму приговора имели и решения церковных соборов, скрепленные подписями и печатями высшего духовенства.

«Приговор» — обычная форма решения Боярской думы, функции которой считались неотделимыми от функций государя. Это отразилось в формулах ее решений: «приговор царя с бояры», «по государеву указу и боярскому приговору». «Думцы» могли принимать решение и в отсутствие государя. В документах различаются формулы: «государь указал и бояре приговорили» (постановление в присутствии государя) и «по государеву указу (или приказу) бояре приговорили». Соответственно и грамоты за подписью государевых дьяков могли составляться «по государеву приказу» или «по боярскому приговору». «Приговорами» (или «приговорными записями») назывались и решения правительственных учреждений (центральных и местных).

«Приговорные записи» составлялись и во время городских восстаний: в 1648 г. в южных городах, в 1671 г. в Астрахани; составлялись они и на севере («о д и н а ч н ы е з а п и с и»). «Приговорные записи» — важный исторический источник, на основании которого можно судить об идеологии определенных социальных групп.

Распоряжение правительственной администрации должностному лицу, посланному с поручением, правительственная инструкция должностному лицу, поручение выборным от выборщиков именовались «наказом» (иногда «наказной памятью»). Донесение представителя местной правительственной администрации в центральное учреждение на имя государя называлось «отпиской». В отписке кратко излагалось содержание ранее полученного распоряжения и сообщалось (с подробностями) об определенном событии.

Велико историческое значение отписок, излагающих события, связанные с народными волнениями. В основе их сведений лежат протоколы допросов, как правило, соответственно обработанных. Некоторые отписки представляли собой, по существу, детальные доклады. Много подробностей о размахе народных движений и о мерах борьбы с ними можно узнать из отписок воевод кара-

тельных войск. Отчет должностного лица, посланного местной администрацией для сбора сведений по какому-нибудь делу, назывался «о быск». Обобщающего характера документы деловой переписки правительственных учреждений назывались «памятью». Такой документ начинался с даты и слов — «Память такому-то».

Распространенной разновидностью делопроизводственной документации были «сказки», в которых находили отражение записи устных показаний несудебного характера в учреждениях (в отличие от «распространенных речей»), отчеты должностных лиц о выполнении поручений, сообщения купцов о торгах и промыслах и др. Записи показаний назывались также «речами».

Различные прошения, заявления, жалобы называли «челобитными», или «челобитьем». Челобитные с подписями («за руками») назывались «заручные» или «подписные»; записанные со слов в учреждении — «словесные». Челобитные были самого разнообразного содержания, адресовались и государю, и в правительственные учреждения, и духовным властям, и отдельным высокопоставленным лицам.

Сообщение, объявление (как правило, должностному лицу) о каком-либо событии или даже незначительном происшествии давалось в «явочной» челобитной, или «явке». Распространены были «изветные челобитные», извещавшие о каком-либо противозаконном деянии; обычно они становились поводом для расследования. Донос без подписи или с вымышленной подписью называли «подметным» письмом.

Значительный интерес представляют коллективные («мирские») челобитные. Жители посадов, например, писали в 50-е годы XVI в. о злоупотреблениях властей, неполадках в управлении. Коллективные челобитные подавались и в дни народных восстаний.

Некоторые разновидности документов принято было оформлять в виде «книг». Известны разнообразные книги (в подлинниках и копиях). Копии составлялись и сразу, и тогда, когда старая книга «ветшала», оказывалась перегруженной пометами и становилась неудобной для делопроизводства.

Сохранились книги хозяйственного описания земель, переписей населения, податных окладов, составленные в целях организации налогового обложения (писцовые, переписные, дозорные, платежные и др.). «Таможенные книги» вели запись таможенных пошлин с торговых сделок и «явок». Книги с описанием границ («меж») уездов, городских земель, земельных владений назывались «межевыми». «Смотренные» книги располагали данными о местоположении населенных пунктов, в частности пограничных, расстояниях и дорогах между ними. «Засечные книги» давали описания военных укреплений (засечных линий) южных пограничных городов (в XVII в.). В сторожевых книгах переписывались пограничные заставы («сторожа») на южных границах государства (в XVII в.).

«Даточные книги» — книги записей пожалований («дач») поместных земельных владений служилым людям; «отказные» — переписные книги крестьянских дворов и земель (или только земельных владений), отданных («отказанных») помещику или вотчиннику; «обьскные» — книги записей проведенного обследования земли («обьска») для определения, подлежит ли она раздаче в поместье (так назывались иногда и книги других типов обследования); «отдаточные» — книги регистрации возвращения («отдачи») правительственными агентами («сыщиками») беглых крестьян их бывшим владельцам; «ямские» книги — записи сбора ямских денег с тяглого населения и расходов на содержание ямщиков; «окладные» — книги записей государственных налогов с тяглого населения; «ясачные» книги — именные списки ясачных людей и записи о поступлении в казну собираемого с них «ясака» пушшиной. Расходы (денег, хлеба, материалов и пр.) учитывались в различных «расходных» книгах.

Книги этих разновидностей — ценный источник для изучения практической деятельности правительственного аппарата принуждения, истории финансов и системы налогового обложения, истории землевладения и крестьянского закрепощения, борьбы отдельных представителей господствующего класса за рабочие руки, сопротивления крестьян и горожан усиливавшейся эксплуатации, народной колонизации земель, роста и изменения населения городов и других вопросов социально-экономической истории.

В форме книг составлялась деловая документация и в монастырях. «Вкладные» книги содержат сведения о феодальном землевладении, а также по политической истории, генеалогии и др. Важное место среди источников по социально-экономической истории занимают хозяйственные книги монастырских вотчин. Такие книги возникли, видимо, уже в 20—30-х годах XVI в. Это документы текущего «бухгалтерского» учета. Подавляющее большинство сохранившихся хозяйственных книг монастырей XVI в. — «приходно-расходные» (или приходные и расходные отдельно), в которых текущие доходы и расходы (акты купли и продажи, вклады, поступления с промыслов и служб, получение оброка, сбор налога, выдача содержания и т. п.) вотчины учитывались в денежном выражении. Хозяйственные книги монастырей регистрировали и доходы от крепостнической эксплуатации зависимого населения.

Документы монастырского делопроизводства близки по форме к материалам документации правительственных учреждений. В методике изучения этих групп источников много общего.

При исследовании отдельных разновидностей «книг» применимы методы актовоего источниковедения. Поскольку некоторые хозяйственные книги содержат массовую регистрацию повседневных явлений, они дают материал для составления таблиц, для их статистического изучения.

Документацию правительственных учреждений по основному содержанию и целевому назначению можно условно разделить на материалы законодательного характера, предназначенные для сравнительно долгого делопроизводственного обращения, и материалы текущего делопроизводства. Среди документов текущего делопроизводства выделяются материалы управления, судебно-следственные, финансово-учетные, по организации службы (прежде всего военной), внешних сношений и др. Особую, многочисленную группу составляют документы феодального землевладения. Характер и особенности делопроизводства можно проследить по судебно-следственным материалам, которые были тесно связаны с деятельностью центральных и местных органов управления, а также по документальным материалам, связанным с организацией военной и придворной службы и внешних сношений.

Судебно-следственные дела в полном составе представляют собой комплексы документов (иногда и разновременных). Переписанные, а подчас соответственно обработанные, судебные дела в целом так же, как и протоколы судебного разбирательства, называли «судными списками».

Записи показаний свидетелей во время следствия называли «сыскные речи»; при допросе — «распросные речи» («в распросе сказал», «в допросе говорил»); если допрос сопровождался пыткой — «пыточные речи» (или «распросные пыточные речи»). Распросные речи точно датировались; отмечалось (как, например, в следственном деле о Московском восстании 1662 г.) и число ударов кнутом «у пытки». Документы, привлекавшиеся по ходу судебного разбирательства, часто не пересказываются, а передаются дословно. Дословно приводятся иногда и статьи «уложений», и указы, на основании которых выносятся приговор.

От XVI в. уцелели отрывки судебных списков, которые свидетельствуют об обработке следственного материала. Так, в судебном списке Максима Грека (по копии конца XVI в.) сознательно смешаны данные о процессах 1525 и 1531 гг. Этот судебный список может рассматриваться как тенденциозный памятник политической публицистики. Судные дела показывают организацию обвинения, использование следствия и суда в политических целях. Из следственного дела Берсена Беклемишева и Федора Жареного (1525 г.) узнаем, что после ареста Максима Грека старались найти улики против него, провоцируя показания. Василий III передавал Жареному через подосланного верного человека: «Толко солжи мне на Максима, и аз тебя пожалую».

Не дошедшие до нас материалы судебных дел 1560—1570 гг. (частично упоминаемые в старинных архивных описях и в других источниках) использовались, видимо, при составлении приказного списка казенных, ставшего основой синодика (поминальной книги), разосланного по монастырям в конце царствования Ивана Грозного. Синодик — ценный источник политической истории, особенно времени опричнины.

Значительную часть судебных материалов составляют дела о непригожих речах, бесчестящих царя или его семью, о колдовстве (колдовские процессы, процессы суеверий — обычное явление в истории Западной и Восточной Европы XVI—XVII вв.).

Особенно велико значение судебно-следственных дел о народных восстаниях. Такое дело в полном составе содержит: изветную челобитную (или отписку воеводы) с донесением о выступлении; челобитные с жалобами пострадавших (как правило, тенденциозно освещающие ход восстания и действия его участников); царский указ (чаще всего воеводе ближайшего к месту восстания города) с изложением действий «воров» и «бунтовщиков» и назначением сыска; документы сыска (распросные и пыточные речи восставших; документация самих восставших); «памяти» из приказа и отписки воевод; указ о наказании участников восстания. Полностью следственные дела сохранились лишь о немногих восстаниях середины и второй половины «бунташного» XVII в.

Значительную ценность представляют составленные в Разрядном приказе справки с подробностями дела — «перечневые выписи» (с пометой «выписано на перечень») и «докладные» (с пометой «написано в доклад»). На основании таких справок готовили перечень вопросов для «сыщиков», на которые обязаны были отвечать (в «расспросных речах») лица, привлеченные к следствию, и указ о дальнейшем ведении следствия. Перечень вопросов содержит любопытные детали, если даже их стараются утаить допрашиваемые: например, ходил ли к земской избе? истреблял ли приказные документы? грабил ли дома купцов? бил ли воеводу? знает ли о содержании «воровского письма»? Однако даже подробные показания восставших или свидетелей восстания требуют тщательной критической проверки, так как они давались под пыткой и могли в искаженном виде представить участие тех или иных лиц в восстании, да и самый ход событий.

Материалы сыска немало дают и для социально-экономической истории — о занятиях жителей, их социальной принадлежности, общественной организованности, образе жизни. По материалам сысских комиссий, создававшихся во второй половине XVII в. для сыска беглых крестьян, можно проследить направление движения беглых, места расселения их, определить изменения в социальном положении беглецов, характерные черты крестьянских хозяйств отдельных районов страны (размеры посева, количество скота, преобладающие хлебные культуры и скот, сочеталась ли сельскохозяйственная деятельность с занятиями ремеслом или военной службой).

Судебно-следственные, как и другие приказные делопроизводственные материалы, позволяют узнать о законодательных актах более раннего времени. Они интересны и в плане истории социальной психологии, истории культуры, разговорного языка, тем более что распросные речи старались записать с возможной точностью.

Документальные материалы, связанные с организацией военной и придворной службы (отложившиеся большей частью в обширном фонде Разрядного приказа в ЦГАДА), многообразны.

Сведения о думных чинах и московских чинах, занимавших командные должности в войске (и высокие должности при дворе и в приказах) и составлявших «государевы» «двор» и «полк», сосредоточены в различных «перечневых» книгах, в «боярских» книгах и списках, «жилецких» списках. «Боярские книги» содержат именные списки высших чинов с указанием вотчинных земель, поместных и денежных окладов, с отметками о служебной деятельности, состоянии здоровья, иногда и с генеалогическими сведениями. «Боярские списки» ограничиваются именными перечнями. «Жилецкие списки» составлялись на тех московских и городских дворян, которые периодически назначались «жилцами» для службы при дворе и выполнения срочных правительственных поручений. Сопоставляя учетные документы личного состава государева двора с другими источниками, удалось определить (на основании изучения «Боярской книги» 1556 г.) состав кормленщиков середины XVI в. и выявить их принадлежность не только к боярству, но и к верхушке столичного дворянства. Сравнение имен, упомянутых в «Боярских списках» рубежа XVI—XVII вв. и в утвержденной грамоте Земского Собора 1598 г., показало, что служилые люди — участники собора — входили в состав «государева двора» (как «выборные» дворяне своего города для службы в Москве) и не были специальными представителями, избранными на собор на местах.

В городах (с участием посланного из Разрядного приказа) составлялись «десятни» — именные военно-учетные списки дворян и детей боярских, т. е. служилых людей «по отечеству», отличавшихся от служилых людей «по прибору» (список которых часто называли «раздаточной книгой денежного жалованья»). Десятни составлялись систематически (в XVII в. ежегодно) для каждого города с уездом (т. е. военного округа) с перечислением всех приписанных к городу по службе (но не всех помещенных в его уезде, так как помещение могло и не совпадать с припиской по службе). В зависимости от целей составления десятни делились на верстальные (зачисление на службу — «верстание»), смотровые или разборные (иногда верстание совмещалось с разбором) и раздаточные («раздача» денежного жалованья). Наиболее содержательны смотровые десятни. В них записывали людей, уже состоявших на службе, «новиков» и даже «недорослей» (начиная с 2—3-летнего возраста). В десятнях отмечали оклад (земельный и денежный) служилого человека, вооружение его и его людей (холопов) и число сопровождавших его (каков он будет «конен и оружен и люден»), указывали, каков он «отечеством и службою», в срок ли является на службу и если не в срок, то почему («которые к службе ленивы за бедностью и которые ленивы не за бедностью») и др. Данные десятен допус-

кают возможность их статистического изучения и (особенно в сопоставлении со сведениями писцовых книг и столбцов вотчинных и поместных дач) помогают исследованию не только истории организации военной службы и военного дела, но и феодального землевладения, социальных отношений.

О составе и состоянии войска (особенно за XVII в.) можно судить по «смотренным» книгам (спискам) ратных людей. «Смотренные» книги — это именные перечни служилых людей, оказавшихся в «естех» («налицо») или в «нетех» (в «нетчиках») на смотрах, произведенных городовыми или полковыми воеводами.

Подобного рода документы являлись важными источниками при составлении «разрядных» (служебных) и «родословных» книг, использовавшихся при местнических спорах. Служебно-родовое местничество — институт, официально регулировавший служебные отношения между членами служилых фамилий на военной и административной службе и при дворе. Название местничества произошло от обычая считаться «местами» (за столом и на службе). «Место» зависело от «отечества», «отеческой чести», которая слагалась из двух элементов — родословной (т. е. происхождения) и служебной — карьеры самого служилого человека и его предков. Положение служилого человека в ряду других определялось двояко: по отношению к родичам (на основании родословных книг) и по отношению к чужеродцам (на основании разрядных книг и другой документации). Для местничества характерно было служебно-родовое старшинство. При этом в местнических счетах служба по разрядам учитывалась в первую очередь, а лишь затем считались по родословцам.

Разрядные книги (от слова «разряд» в значении — роспись) — книги записей правительственных распоряжений о погодных назначениях на военную, придворную и гражданскую службу. Составлялись росписи придворных церемоний (в частности, «свадебные разряды»), приемов иноземных послов, расписания полков. Разрядные записи систематически начали составляться в XV в., позднее объединялись в «книги». Записи — пространные и краткие — расположены по хронологическому принципу. В разрядные книги вносились (особенно с конца XVI в.) донесения о ходе и результатах военных действий (отписки воевод, «вести» с границ, дневники походов, обычно в сокращенном виде), приговоры Боярской думы, челобитные и решения по местническим делам, копии официальных документов (царских грамот к воеводам и др.).

Данные разрядных книг, прежде всего росписи высшего командного состава, сведения о военных действиях, включались в официальные летописи.

С середины XVI в. составлялись (задним числом за определенное число лет) официальные «государевы разряды» с сокращенным каноническим текстом, к которому обращались при местнических спорах. Первая такая книга с данными за 1475—1556 гг. дати-

руется 1556 г. Известны редакции «государевых разрядов» 1584, 1588, 1598, 1605 гг. С воцарением Романовых «государевы разряды» составлялись ежегодно (часто с подробными наказами поводам и количественными росписями войск). В XVII в. возникла практика составления особых разрядных книг о службе на южных границах. В XVII в. были уже и перечни разрядных книг «для скорого приску». В 1682 г. с уничтожением местничества официальные разрядные книги с наиболее подробными записями о местнических спорах были сожжены. Уцелевшие материалы — это случайные остатки некогда огромного документального массива.

Родословные книги (или росписи) XVI—XVII вв. содержат только мужские имена. Это делопроизводственные документы, восходящие в своей основе к официальной редакции, составленной не позднее первой половины XVI в. и оформленной в «Государевом родословце» стабильного состава в 1555 г. «Государев родословец» включал данные о происхождении и поколенные росписи княжеских и знатных влиятельных нетитулованных фамилий. «Государев родословец» с последующими изменениями стал основой родословной книги знатнейших фамилий — так называемой «Бархатной книги» (название происходит от бархатного переплета), составленной после отмены местничества по родословным росписям, поданным в 1682—1687 гг.

В личных архивах дворян нередко сохранялись копии официальных разрядных родословных книг и росписи отдельных родов (или групп их). В них встречаются любопытные подробности (иногда придуманные для повышения «чести») о родстве, службе, землевладении.

Местнические дела состоят из челобитья, объяснений местничавшихся, разнообразных документов, на которые они «слагались», справок из правительственных учреждений, приговора. В споре использовались «случаи», запечатленные в документах государственного архива (прежде всего в официальных разрядных книгах) и личных архивов служилых людей. Документы личных архивов (о службах, происхождении, пожалованиях, в том числе копии грамот) обычно тщательно проверяли. Как показывает ознакомление с фамильными документами, представленными в конце XVII в. в Родословных дел палату (создана была при Разрядном приказе в связи с составлением официальных родословных книг), для сомнений такого рода имелись основания. Среди фамильных документов, призванных подтвердить родословие служилых фамилий, оказывались поддельные или такие, где в старинный текст внесены были изменения (вставки, подчистки, тенденциозные исправления).

Учетные документы Разрядного приказа, родословные книги и местнические дела — незаменимые источники по истории личного состава господствовавшего класса, государственного аппарата, фактов политической и военной истории, истории феодального землевладения, общественно-политической мысли.

С конца XV в. постепенно возобновляются широкие международные связи России и соответственно упорядочиваются формы ведения дипломатических переговоров и письменного делопроизводства внешних сношений. Эти памятники делопроизводства в виде книг, столбцов и грамот оказались сосредоточенными в архиве Посольского приказа и назывались «посольские дела» или по наименованию государств — «дела польские», «дела швейцарские» (шведские), «дела крымские» и т. п. Однако дошли до нас они далеко не полностью, и уже в архивных описях XVII в. отмечалось отсутствие как целых групп посольских дел, так и отдельных «дел» или частей (листов) их. Документы внешних сношений России имеются и в архивах других государств, прежде всего подлинники отправленных туда царских грамот.

Среди посольских дел — подлинники иноземных грамот и переводы их, беловики и «черняки» грамот, посылаемых за рубеж. Договорные (или перемирные) грамоты составлялись в двух экземплярах и подписывались лицами, выдававшими их или ведущими переговоры. Цари не подписывали грамот. К подписанным экземплярам привешивали печать, и правители обоих государств скрепляли их крестным целованием.

Особое внимание уделялось титулатуре государей. Споры, возникавшие по поводу титула, могут показаться наивными, но на самом деле признание государственного титула выражало формальное подтверждение конкретных прав. Договоры, устанавливающие «рубежи» Российского государства с соседними, содержат ценные данные для исторической географии.

В составе посольских дел материалы о снаряжении русских посольств (во главе с послами или посланниками) или гонцов (напоминали по своим обязанностям дипломатических курьеров последующего времени), о приготовлении «поминок» (подарков), наказы русским посольствам, «вести» (донесения, иногда пространные) от русских представителей за рубежом, отчеты посольств, материалы о приезде иностранных посольств, купцов, об организации внешней торговли.

Для нужд дипломатической службы составлялись краткие выписки из посольских книг, использовавшиеся для справок во время переговоров. Данные посольских книг резюмировались и в официальных летописях. Сравнительное изучение летописных записей и сохранившихся посольских дел позволяет полагать, что основное содержание публичных дипломатических переговоров и главные условия договорных грамот переданы в летописи, как правило, более или менее точно. Это дает возможность примерного восстановления основного содержания не дошедших до нас посольских книг XVI в.

С 60-х годов XVI в. постоянной становится форма посольского отчета в виде статейных списков (составленных по разделам — «статьям», обычно выделяемым абзацами). Статейные списки

включают наказ посла и отчет о посольстве. В наказах формулировались задачи посольства (в том числе и тайные, для чего составляли особые указы) и предусматривались ответы на возможные вопросы (даже на такие нелегкие, как организация опричнины, причины опал в годы правления Ивана Грозного). Тем самым посольские дела становятся важным источником по истории не только внешней политики и внешней торговли, но и внутренней политики Российского государства, в частности по истории общественного мнения, о характере организации общественной информации.

Поскольку в посольских книгах отражались вопросы общественно-политической мысли (например, в переписке Ивана Грозного с опричником Василием Грязным, пленными крымцами, в посланиях за рубеж, написанных тем же царем или от его имени), то некоторые из них могут рассматриваться и как памятники публицистики.

Отчет состоял чаще всего из последовательных ответов по всем пунктам наказа («про что проведено и про что не проведено») и дневниковых записей о пути посольств (с указанием, где, когда были, что видели, с кем и о чем говорили), встрече и приеме послов (особое внимание уделялось вопросам этикета), о ходе и результатах дипломатических переговоров. Здесь же (иногда и отдельно) помещались: «вести» (копии или пересказ документа и «речей», визуальные наблюдения) о государственных деятелях, о внутренней и внешней политике государств, где находились послы, а также и других государств.

Дневниковые записи вел подъячий, а посол правил («чернил»). Записи велено было составлять «тотчас подлинно», ничего не прибавляя и не убавляя. Потом (видимо, уже по возвращении посольства) дневник редактировался. Таким образом, переписанный в посольскую книгу отчет не был идентичным тому, который составлялся на месте, — в нем могли оказаться сознательные отступления. В этом плане интересно сопоставить данные посольских книг со сведениями других документов, в частности записок иностранцев о тех же событиях.

Посольские книги содержат интересные сведения по истории международных отношений, касающихся не только России, — о войнах и дипломатических переговорах различных государств, о попытках создания международных коалиций. Для истории стран, где архивы сохранились недостаточно, материалы посольских книг приобретают большое самостоятельное значение.

В посольских отчетах любопытны наблюдения о событиях политической жизни, известных по другим источникам. Так, в статейном списке посольства в Англию описывается казнь Эссекса в 1603 г. и отмечено, что «по нем в Лунде (Лондоне) было великое сетование и плачь великой во всех людех». Обращалось внимание и на «обычности», и на диковинки. Передавая наблюдения о незнакомой стране, составители статейных списков переносили в ее описание привычные им понятия, нормы, термины; названия и

функции иноземных учреждений старались передать русскими определениями; придворных иностранных государей (и христианских, и мусульманских) называли и перечисляли соответственно русской иерархии (бояре, дети боярские, думные дьяки и т. п.). Такое же явление характерно и для сочинений иностранцев о России.

Для историков языка посольские книги интересны обилием иноземных слов (а также попытками их перевода и истолкования), а также как памятники, где деловая письменность в известной мере смыкается с общественно-политической публицистикой и даже с художественной литературой (в описании путешествий послов).

АКТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Термин «акт» происходит от латинского «actum». В древнеримских и средневековых западноевропейских документах выражение «actum est» составляло одну из конечных формул и означало «совершено», «дано». Понятием «acta» охватывались постановления органов государственной власти, а иногда и другие документы.

Вследствие многозначности понятия «акт» в источниках в научную литературу термин «акт» вошел с не вполне определенным содержанием.

В настоящей главе к «актам» относятся документы, в которых в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические или политические сделки — договоры между «частными» лицами; между «частным» (юридическим или физическим) лицом и государством (или церковью); между церковью и государством; между государствами. Понятие «частные лица» применительно к феодалам условно, ибо в их статусе обнаруживается типичное для средневековья смешение элементов публичного и частного права (сами феодалы представляли собой орган власти в отношении крестьян).

Название «акт» для обозначения официальных, имеющих юридическую силу документов в России стали употреблять в XVIII в.

§ 1. Акты X—XI вв.

Древнейшими русскими актами являются договоры Руси с Византией 911, 944, 971 гг. Их текст известен по изложению в Повести временных лет начала XII в. О переговорах 971 г. рассказывается также и в византийских источниках конца X—XII вв. В Повести временных лет имеется, кроме того, запись договорных статей под 907 г.

Договоры требуют разнообразных приемов исследования. Как показали новейшие работы по византийской дипломатике, нужно учитывать процедуру заключения каждого договора — составлялся ли он после предварительных переговоров византийских послов в другой стране или без них. От этого зависело построение текста. В договорах 911 и 944 гг. запечатлены нормы международного частного права. Они свидетельствуют об активности торговых связей между Византией и Русью. Основное содержание договора 971 г. — заключение мира и военного союза. Изучение договорных статей выявило близость договорных норм к нормам Русской Правды и установило переводной характер дошедших текстов договоров 911 и 944 гг. Наиболее архаичным по языку и зависимым от греческого оригинала является текст договора 911 г.

К древнейшему этапу истории русского акта относятся у с т а в н ы е грамоты, в которых фиксировался раздел юрисдикции между светской (княжеской) и церковной властью. Это грамоты Владимира Святославича (конец X — начало XI в.) и Ярослава Мудрого (середина XI в.). До нас дошли позднейшие так называемые уставы Владимира и Ярослава, но принято думать, что в основе уставов лежали несохранившиеся уставные грамоты этих князей. Русские акты X—XI вв. по своему происхождению принадлежат к источникам, возникшим в сфере политики, причем наиболее ранние акты были созданы в сфере внешней политики. Подобный состав актовых источников характерен для эпохи раннеклассовых отношений, когда частнофеодалная собственность на землю еще не получила достаточного развития.

Первый по форме внутривластный акт — уставная грамота Владимира — по существу является внешнеполитическим актом, будучи договором князя с женой Анной, сестрой византийских императоров. Более внутренний по происхождению акт — грамота Ярослава, договор князя с русским митрополитом Илларионом — составлялась после издания первого закона — Правды Ярослава (1016 или 1036 г.). По-видимому, на Руси, как и в некоторых других раннефеодалных государствах, появление законов предшествовало появлению внутривластных актов, даже таких, которые по масштабу действия очень близки к законам (церковно-княжеские договоры).

§ 2. Акты XII — первой четверти XIII в.

Исследователи церковных уставов полагают, что в XII в. на основе грамот Владимира и Ярослава были составлены первоначальные тексты уставов, приписываемых этим князьям.

По мере того как перерабатывались тексты, протокол (начальная часть документа) с именами первоначальных контрагентов (Владимир — Анна, Ярослав — Илларион) переставал отражать реальный характер договорных отношений между княжеской властью и церковью. Он становился лишь формой придания документу ореола древности и святости. В содержании уставов законодательный, конституционный момент начинает резко преобладать над договорным.

XII век — время создания местных церковных уставов. Не вызывает сомнений подлинность новгородского устава Святослава Ольговича 1137 г. и смоленского устава Ростислава Мстиславича 1136 г. (до недавнего времени устав Ростислава датировался 1150 г. — по позднейшей приписке). Уставные грамоты этих князей являются договорами их с местными епископами. Здесь определен размер поборов в пользу церкви и объем церковной юрисдикции.

Бросается в глаза сходство формуляров уставных грамот Святослава и Ростислава: основной текст в обоих начинается

с наррации¹, где имеются элементы преамбулы²; интитуляция и инскрипция³ не образовали специальной протокольной части — в четкой форме и с необходимыми элементами (указание имени князя и епископа) они появляются только в санкции⁴; в диспозиции⁵ центральное место занимает роспись сборов с определенных территориальных единиц. Не случайно и наличие в каждом уставе дополнительных (как считают, более поздних) росписей сборов.

Неразвитость протокольной части княжеских грамот свидетельствует о близости их к источникам законодательного вида. В смоленской епископской грамоте, напротив, наблюдается четкий протокол: договорное начало выступает здесь более явственно. Возможно, поэтому приписка частного характера (о пожаловании епископу «Холма») была сделана в епископской, а не в княжеской грамоте.

Два устава были составлены от имени новгородского князя Всеволода Мстиславича. В одном из них определяется состав торговых пошлин, отдаваемых на сбор епископской кафедре и церкви св. Ивана (купеческой организации), устанавливается объем епископской юрисдикции и приводится перечень «церковных людей», т. е. групп населения, подведомственных только церковному (митрополичьему или епископскому) суду.

Другой устав, написанный от лица Всеволода («рукописание»), посвящен закреплению юридического статуса упоминавшейся выше купеческой организации при патрональной церкви св. Ивана. В уставе оговариваются принципы устройства корпорации, условия приема в нее, подробно фиксируются размеры торговых пошлин, как взимаемых корпорацией, так и выплачиваемых ею новгородскому «владыке» (епископу).

Внимание составителей уставов, написанных от имени Всеволода, было сосредоточено не на доходах от эксплуатации земельных владений, а на торговых пошлинах. Это тематически выделяет данные памятники из круга северорусских актов XII в. Подлинность уставов Всеволода поставлена под сомнение. А. А. Зимин относит их к XIV в., В. Л. Янин датирует первый устав 1219—1221 гг., второй («рукописание») — концом XIII в.

В XII в. появляется новая категория актов — жалованные грамоты. До нас дошли четыре жалованные грамоты монастырям. Все они предоставляют землю. В одной грамоте в числе отчуждаемых объектов фигурируют также люди и кони, в другой — смерды, в третьей — серебряное блюдо. В двух грамотах князей

¹ Наррация — изложение обстоятельств, предшествовавших составлению акта.

² Преамбула — формулировка высшей цели составления акта.

³ Интитуляция — обозначение того, от чьего имени составляется документ; инскрипция — обозначение адресата.

⁴ Санкция — запрещение нарушать акт под страхом тех или иных наказаний.

⁵ Диспозиция — нормативные статьи акта, условия договора или распоряжение по существу дела.

Мстислава и Изяслава — содержится освобождение от пошлин. Жалованная грамота Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (около 1130 г.) — древнейший русский акт, сохранившийся в подлиннике. Она написана на пергамене, имеет следы прикрепления печати.

Неразработанность в этих актах инскрипции в какой-то мере сближает жалованные грамоты с местными княжескими уставами. Отсутствие персонафикации в инскрипции говорит о неравноправии контрагентов: игумен — еще не такая фигура, чтобы его имя ставилось рядом с именем князя. Договор, фактически возникающий на почве превращения монастыря в земельного собственника, маскируется видимостью полноты княжеской распорядительной власти, унаследованной от эпохи раннефеодального государства. Интересно, что в непротокольной части имя игумена упоминается в тех грамотах, которые предоставляли не только землю, но и иммунитет, делавший настоятеля органом политической власти.

В грамотах Всеволода и Изяслава большое место занимает описание границ жалуемых владений — признак известной развитости феодального землевладения в Новгородской республике XII в.

Единственный сохранившийся внешнеполитический акт этого времени — договор Новгорода с Готским берегом (Готландом) и немецкими городами (конец XII в.) — дошел в списке XIII в.

Спорным является вопрос о существовании частных актов в XII — начале XIII в.

Два документа приписываются Антонию Римлянину: данная (дарственная) и духовная (завещание). Оба дошедших до нас текста — списки второй половины XVI в., которые возникли в ходе тяжбы новгородского монастыря Антония Римлянина с посадскими людьми и были предъявлены Ивану Грозному в 1573 г.

Обычно данная и духовная Антония датируются временем «не позднее» 1147 г. — года смерти Антония, сообщаемого в летописи. Согласно В. Л. Янину, духовная была составлена до 1131 г.

С. Н. Валк обратил внимание на то, что во время судебного разбирательства земельной тяжбы Антоњева монастыря с посадскими людьми в 1559—1560 гг. данная и духовная Антония еще не фигурировали. По мнению Валка, оба документа вышли из-под пера монастырских фальсификаторов в 60-х — начале 70-х годов XVI в.

Против подлинности данной Антония свидетельствует, в частности, счет на рубли, которого не было в XII в. М. Н. Тихомиров расценивает упоминание рублей как результат поновления текста подлинной грамоты при переписке. В. Л. Янин датирует данную по счету на рубли временем между концом XIII и серединой XIV в., а при сопоставлении реалий грамоты с показаниями других источников видит в дошедшем тексте список с подлинной грамоты, но не XII, а середины XIV в.

Данная грамота Варлаама новгородскому Спасо-Хутынскому монастырю написана на пергамене. На левом поле листа — восьми-

конечный крест. Вкладчик отдает монастырю земли «с челядию и съ скотиною». В отдельную статью выделено пожалование монастырской братии зависимых людей.

Многие исследователи в качестве приблизительной даты грамоты называют 1192 г., под которым в летописи говорится о построении Варлаамом церкви на Хутыне. М. Н. Тихомиров и вслед за ним А. А. Зимин датируют документ 1211 г. (год смерти Варлаама). С. Н. Валк высказал сомнения в подлинности данной Варлаама и отнес ее к XIV—XV вв. Если признать грамоту Варлаама подлинной, то перед нами древнейший сохранившийся в подлиннике русский частный акт.

Таким образом, в XII—начале XIII в. появляются акты социально-политического происхождения (прежде всего жалованные грамоты, отчасти местные церковные уставы). Акты, вышедшие из сферы социально-экономических отношений либо отсутствуют, либо только зарождаются.

Большинство актов XII—начала XIII в. дошло от Новгородской земли. В. Л. Янин на основании обилия находок булл домонгольского периода на новгородском городище сделал заключение, что в новгородском архиве хранилось большое количество актов, в том числе и частноправовых. Буквально единичные акты сохранились от западных и юго-западных русских княжеств. Владимиро-Суздальская земля вообще не представлена актами.

§ 3. Акты второй четверти XIII—70-х годов XIV в.

В эпоху расцвета феодальной раздробленности возникли и получили широкое распространение договоры между феодальными государственными образованиями внутри Руси.

Значительный комплекс актов составляют договоры Великого Новгорода с великими князьями. В рассматриваемое время Новгород заключал договоры почти исключительно с тверскими князьями. Лишь к началу 70-х годов XIV в. относится договорная грамота Новгорода с московским великим князем Дмитрием Ивановичем. В еще одной договорной грамоте начала XIV в. московский князь Юрий Данилович участвует вместе с Новгородом в заключении соглашения с тверским князем Михаилом Ярославичем.

Самая ранняя из сохранившихся договорных грамот Новгорода с тверскими князьями датируется серединой 60-х годов XIII в. и представляет собой договор, заключенный с князем Ярославом Ярославичем. В этом акте и некоторых последующих договорах упоминается более ранняя, несохранившаяся договорная грамота князя Ярослава Всеволодовича (отца Ярослава Ярославича).

Все новгородско-тверские договоры — подлинники, написанные на пергамене, одни — с сохранившимися печатями, другие — только со следами их прикрепления. Новгородско-московский договор 70-х годов XIV в. дошел в списке конца XV — начала XVI в.

Даты в рассматриваемых документах не указаны, что вызывает расхождения в их датировке.

Среди новгородско-тверских грамот различаются договоры, посвященные трем основным вопросам: о степени участия князя в управлении Новгородской землей и его правах в ней; о военной помощи; о мире.

Очень важная группа актов — междукняжеские договорные (докончальные) грамоты: договоры между великими князьями; великим и удельными князьями. Наиболее ранний из дошедших междукняжеских договоров был заключен в середине XIV в. великим князем Семеном Ивановичем Гордым с его удельными братьями — Иваном и Андреем.

Договорные грамоты составлялись в двух экземплярах. На первом месте стояло требование целовать крест, т. е. давать присягу на верность в соблюдении соглашения. Уже в формулировке этого требования определялось, кто из договаривающихся князей является сюзереном («братом старейшим») и кто — вассалом («братом младшим»). В документах фиксировались вассально-сюзеренные обязательства князей, в том числе и военные («вести на конь»), их соглашения по вопросам владения отдельными территориями (уступка городов, волостей, сел), статус различных категорий населения, право отъезда бояр и слуг вольных, порядок взимания пошлин и выплаты ордынской дани («выхода»).

Право князей распоряжаться территорией своего княжества как наследственным имением получило выражение в составлении княжеских духовных грамот (завещаний). Самые ранние образцы княжеских завещаний — два «рукописания» владимировольнского князя Владимира Васильковича около 1287 г., не сохранившиеся в подлинниках, но дошедшие в составе текста Ипатьевской летописи.

Древнейшее из сохранившихся завещаний князей Северо-Восточной Руси — духовная Ивана Даниловича (Калиты) конца 30-х годов XIV в. Она дошла в подлиннике, написанном на пергамене и имеющем серебряную позолоченную печать. Духовные всегда начинаются с «богословия», краткая редакция которого («Во имя отца и сына и святого духа») характерна для XIV в. Основное содержание княжеских духовных грамот посвящено распределению территорий, движимого имущества, финансовых и судебных прерогатив между наследниками князя-завещателя и установлению вассально-сюзеренных отношений между ними.

Духовные грамоты составлялись и удельными князьями. При составлении духовных присутствовали свидетели — послухи. Чаще всего князья составляли духовную в предвидении возможности близкой смерти — накануне поездки в Орду, перед походом, в состоянии тяжелой болезни. Если угроза смерти исчезала, а позднее возникала вновь в изменившейся политической обстановке, текст старой духовной редактировался и появлялся новый документ.

Кроме княжеских духовных и договорных грамот, орудиями инутриполитической борьбы были жалованные грамоты. От XIII в. не дошло ни одной жалованной грамоты. Среди жалованных грамот, выданных до 1380 г., нет актов на земли в пределах центральной части Московского княжества. Грамоты московских великих князей Ивана Даниловича (Калиты) и Дмитрия Ивановича (Донского) относятся к новгородским пределам (Печоре) и к спорным местам на границах Новгородской республики, Тверского и Московского княжеств (районы Волока и Нового Торжка). Остальные акты касаются территорий княжеств Рязанского, Тверского, Ярославского, Новгородской и Псковской республик.

В жалованных грамотах отчетливо проступает элемент договора между князем-жалователем и корпорацией, получающей грамоту. В отличие от грамот XII в. в инскрипцию обязательно включается имя адресата.

Главное содержание жалованных грамот состоит в фиксации податного и судебного иммунитета.

Среди внешнеполитических актов рассматриваемого периода выделяются договоры с западными странами и ярлыки татарских ханов русским митрополитам.

В составлении договоров с западными странами первенствующую роль играл Великий Новгород. Особенно важным был Ореховецкий договор, заключенный в 1323 г. между Новгородом и Швецией.

Ярлыки ханов Золотой Орды русским митрополитам в подлинниках не дошли. Подлинники были написаны на уйгурском языке. Вероятно, уже в конце XIV — начале XV в. часть из них перевели на русский язык. Самый ранний ярлык — Менгу-Темира 1267 г., самый поздний — ярлык Тюляка митрополиту Михаилу 1379 г. Ярлыки закрепляли иммунитет владений русской церкви, давая освобождение от различных пошлин и повинностей.

Частный акт в XIII—XIV вв. был развит еще слабо. Вместе с тем от этого времени дошли единичные акты, подлинность которых не вызывает сомнений.

Духовная новгородца Климента представляет собой пергаменный подлинник, составленный не позднее 1270 г., так как упомянутый в акте игумен Юрьева монастыря Варлаам умер, согласно Новгородской I летописи, в 1270 г. Главным контрагентом завещателя был Юрьев монастырь. Климент отдает ему два села и движимое имущество за долг в 20 гривен. Кроме того, в духовной указывается, кому еще завещается имущество и с кого следует взять долг.

К последней трети XIII в. относится псковская рядная Тешаты и Якима, сохранившаяся в подлиннике, написанном на пергамене. Начиная с XIII в. встречаются акты, написанные на бересте: духовная, данная о возврате серебра. В XIV в. в число новгородских и псковских частных актов входят купчие, меновые, рядные, мировые, духовные, отдельные, договор крестьян с феодалом об оброке.

Итак, в XIII—XIV вв. наблюдается дальнейшее расширение сферы социально-политического происхождения актов. Акты социально-экономического происхождения (частные акты) представлены единичными документами, и все они возникли в пределах Новгорода и Пскова.

§ 4. Акты 80-х годов XIV — середины 80-х годов XV в.

С конца XIV в. и в XV в. акты превращаются в наиболее эффективный канал юридического воздействия в сфере социально-экономических и социально-политических отношений.

Среди актов социально-экономического происхождения заметное распространение получают данные и купчие грамоты на землю.

Данные грамоты оформляли передачу земли светским лицом (обычно феодалом) духовному учреждению — монастырю, митрополичьей кафедре. В грамоте указываются даритель и получатель земли, объект дарения, послухи. Иногда приводится перечень родственников, на помин души которых дается земля, оговариваются условия вклада (например, право вкладчика владеть землей пожизненно), обозначается граница владения («куда ходила соха и топор и коса»). Встречаются сведения о прежних владельцах отчуждаемой земли и способе ее приобретения, о хозяйстве и т. п.

Купчие грамоты близки к данным по структуре и содержанию, хотя для них не обязательно, чтобы получателем земли был духовный феодал. Покупать землю могли и светские лица. С другой стороны, в купчих оформлялось отчуждение земли не только светскими, но и духовными феодалами. Помимо имен контрагентов, названия объекта сделки, имен послухов, в купчих указывалась сумма, выплачиваемая покупателем продавцу. В купчих фиксировалось обязательство продавца «очищать» землю, т. е. отклонять какие-либо юридически обоснованные претензии на нее со стороны третьих лиц.

Дарение и продажа земли были в ряде случаев способом сохранения светской земельной собственности под патронатом монастыря. В данных и купчих находим запрещение отчуждать объект, переходивший в состав монастырской вотчины в качестве вклада или купли. Но и получатель земли стремился укрепить свои права на приобретаемую собственность. В данных земля давалась «в веки», подчеркивалась недопустимость выкупа ее родственниками вкладчика; в купчих утверждалось, что земля продается «впрок, без выкупа».

Со второй четверти XV в. в Северо-Восточной Руси распространяются меновные грамоты, появившиеся еще в XIV в. в Пскове. Они построены по тому же типу, что и данные или купчие. В меновных грамотах встречается указание на обмен земли «в веки». Эта формула заимствована, вероятно, из данных.

В данных, купчих, меновных обычно упоминается писец грамоты.

С середины XV в. стали составляться и другие акты на землю: закладные, оформляющие получение денежной суммы в долг под заклад (залог) земли; деловые, или дельные, фиксирующие раздел вотчины светского феодала между его наследниками; полюбовные разъезжие, закрепляющие размежевание («разъезд») владений частных феодалов, достигнутое мирным путем, без обращения в княжеский суд. Полюбовные разъезжие (мировые) и дельные (раздельные) были известны как разновидности актов уже в Пскове и Новгороде XIV в.

В духовных грамотах в центре внимания завещателя находились четыре объекта имущественных отношений: земля, движимость, деньги, несвободные слуги — «люди». Распределение всех этих объектов между наследниками, кредиторами и должниками завещателя составляет основное содержание духовной, которую можно рассматривать как договор одного лица (завещателя) с рядом физических и юридических лиц. В роли последних обычно выступают монастыри, получавшие по духовным определенные земельные владения (села, деревни). Духовные всегда начинаются с инвокации («Во имя отца и сына и святого духа») и удостоверяются послухами. Кроме того, сложилась практика утверждения духовных грамот в митрополичьей канцелярии.

С XV в. известны «полные» грамоты. В них фиксировалась самопродажа людей «в полницу», т. е. в полные холопы. Сделки такого рода, совершенные с доклада наместнику, оформлялись в грамотах, которые в литературе получили название «докладных». Акты на холопов дошли в сокращенных записях в новгородских книгах конца XVI в.

Важнейшими актами общегосударственного значения оставались княжеские духовные и договорные грамоты. Особенно заметную политическую роль играли договорные грамоты в период феодальной войны второй четверти XV в. С конца XIV в. до 1471 г. составлялись договорные грамоты московских великих князей с Великим Новгородом. Яжелбицкий (1456) и Коростынский (1471) договоры — последние вехи на пути развития договорных отношений между Новгородом и Москвой. Церковно-княжеской договорной грамотой является договор Василия I Дмитриевича с митрополитом Киприаном.

С конца XIV в. резко возрос удельный вес жалованных грамот в общем комплексе публично-правовых актов. В XV в. жалованные грамоты были наиболее многочисленной группой документов внутривотчинного предназначения, вышедших из великокняжеской и митрополичьей канцелярий. Наряду с московскими князьями жалованные грамоты продолжали выдавать тверские, рязанские, нижегородские князья, Великий Новгород.

Земельные сделки князей с частными феодалами — дарение, купля, мена — оформлялись в жалованных данных, купчих, меновных грамотах.

Типичными для XV в. иммунитетными грамотами были жалованные льготные грамоты, в которых давалось временное освобождение от дани (редко — от дани и яма) и постоянное — от других повинностей и пошлин (подвод, тамги, мыта и т. д.).

К податному разделу льготной грамоты часто присоединялся несудимый раздел, где устанавливался объем судебного иммунитета (из юрисдикции феодалов могли исключаться три категории преступлений: душегубство, разбой и татьба с поличным). Несудимые грамоты существовали и как самостоятельная разновидность.

Жалованные заповедные грамоты накладывали «заповедь» (запрет) на участки земли и воды, превращавшиеся из объекта общего пользования в чью-либо собственность. Посторонним лицам запрещалось, например, проезжать по дороге, проходившей через митрополичье село, ловить рыбу в части реки, отданной монастырю, рубить дрова в лесу, прилежавшем к монастырскому селу, и т. п.

Жалованные проезжие грамоты на право беспошлинного передвижения обозов по территории княжества обычно получало духовенство.

Кроме князей жалованные грамоты выдавали митрополиты, архиепископы и епископы. При этом митрополит выдавал жалованные грамоты не только как глава церкви, но и как глава сложной феодальной организации, имевшей большое количество вассалов. Жалованные грамоты митрополита его подвассальным («домовным») монастырям и светским вассалам характеризуют систему митрополичьего хозяйства и управления вотчинами. Так, жалованная уставная грамота митрополита Киприана Владимирскому Царевоконстантиновскому монастырю 1391 г. показывает структуру отношений между феодалом и зависимыми крестьянами, состав ренты, имущественное неравенство крестьян.

Возникшие акты местного управления представлены уставной Двинской грамотой конца XIV в. и кормлеными грамотами, которые определяли комплекс пошлин, взимаемых кормленщиком (наместником, волостелем) с той административной единицы, куда он назначался (город, село).

Великие князья (московские, тверские, рязанские), а также Новгородская и Псковская республики заключали договоры с иностранными державами.

В целом совокупность актов конца XIV—XV в. и их распределение по группам типичны для периода интенсивного развития феодализма. Акты социально-экономического происхождения из случайного, спорадического явления, каким они были в предшествующее время, превратились в не менее важную и обширную категорию актов, чем публично-правовые грамоты, среди которых в свою очередь усилилось значение актов, регулировавших отношения с частными феодалами (жалованные грамоты). Расширявшаяся практика выдачи жалованных грамот сочеталась с появлением судебных грамот, что также служит показателем быстрого хода феодализационного процесса.

§ 5. Акты конца XV—XVII вв.

С конца XV в. источники актового характера возникают в новых политических условиях, созданных фактом образования единого Русского государства.

Продолжали составляться различные земельные акты: данные, купчие, меновные, закладные, деловые, полюбовные разъезжие и т. д. Однако сделки светских феодалов с монастырями были поставлены под контроль правительства. После запрещения земельных вкладов в монастыри на церковных соборах 1580 и 1584 гг. данные грамоты потеряли свое прежнее значение.

Новыми разновидностями частных актов на землю были оброчные и отступные-посильные грамоты.

Оброчными грамотами земельные собственники оформляли сдачу в аренду земель, находившихся в составе их вотчины, но по тем или иным причинам не обрабатываемых владельческими крестьянами (пустоши, неудобные, отдаленные места). В роли арендаторов выступали иногда помещики, чаще крестьяне и посадские люди. Крестьян-арендаторов такая форма отношений с землевладельцем обычно приводила в состояние феодальной зависимости.

В основе названия «отступные-посильные грамоты» лежат два понятия: «отступить» — уступить, передать и «посилье» — тягловый участок, владение. Распространение этих актов ограничивалось территорией русского Севера, главным образом Двинской земли (известны с 1528 по 1620 г.). Контрагентами сделок являлись черносошные крестьяне, которые передавали друг другу за деньги (фактически продавали) участки «государевой» оброчной земли.

Акты, касавшиеся распределения одновременно движимого и недвижимого имущества, тоже пополнились новыми разновидностями. Наряду с духовными, которые в конце XVII в. составлялись уже не только феодалами, но и зажиточными крестьянами, появляются рядные-сговорные грамоты — брачные контракты, бытовавшие в среде феодалов.

Интересны складные записи XVII в. — договоры хозяйственного предпринимательства. Контрагенты улавливались вложить деньги или имущество в какое-то общее дело (например, постройку мельницы) и определяли размеры долей вклада. Складные известны очень мало.

Со второй половины XVII в. встречаются кортомные записи. В них фиксировалась отдача одним лицом другому того или иного объекта (земли, мельницы) на срок за плату. В кортомных получили дальнейшее развитие принципы оброчных грамот в условиях, когда расширился круг объектов, сдаваемых в аренду, и социальный состав сдающих.

От XVI—XVII вв. сохранились заемные кабалы — договоры о займе денег на определенное время с обязательством «займщика» уплатить долг в срок, а в случае просрочки — с про-

центами (проценты носили название «рост»). В заемных, в отличие от закладных, займ не обеспечивался залогом земли. Поэтому заемные заключались с представителями тех социальных слоев, которые не располагали свободно отчуждаемой земельной собственностью. Известны заемные, где в роли кредитора выступал монастырь, а в роли «заимщиков» — монастырские слуги и крестьяне. Займ являлся одним из средств экономического закабаления трудящихся масс.

Если в предшествующий период все частные акты, за исключением актов на холопов, посвящались вопросам обмена и распределения земельных фондов и в меньшей мере — движимого имущества и денег, то в конце XV—XVII вв. возникли частные акты, имевшие целью регулирование производства и распределение ренты и укрепление норм феодального властвования. В эпоху феодальной раздробленности эти проблемы разрешались в жалованных грамотах — договорах между князем и частным феодалом. Усиление феодальной эксплуатации в конце XV—XVI в., обострение борьбы крестьян против земельных собственников привело к тому, что феодалы стали иногда давать крестьянам-новоприходцам льготные грамоты, освобождая их на первые несколько лет от барщины, оброка и государственных налогов.

С середины XVI в. поступление в крестьяне к частному феодалу оформлялось в порядных грамотах. В большинстве своем эти грамоты дошли от северных уездов. В порядной указывались имена порядчика (т. е. поряжавшегося в крестьяне) и феодала, земельный участок — будущее владение порядчика, обязательства сторон, имена послухов. Порядчик обязывался освоить свой надел (поставить двор, распахать пашню, расчистить пожни и т. п.) и после этого нести повинности в пользу земельного собственника. Феодал давал крестьянину льготу — освобождение на несколько лет от оброка и барщины (иногда отмечается освобождение от государственного тягла) и подмогу (натурой, скотом или деньгами). Формуляр порядных постепенно обрастал статьями, устанавливавшими крепостную зависимость порядчика.

Поступление в черносошные крестьяне фиксировалось в поручной грамоте. Поручная грамота, по существу, не что иное, как трехсторонний договор между порядчиком, волостными властями и «поручниками» — поручителями, бравшими на себя материальную ответственность за выполнение поряжающимся условий порядка.

С 20-х годов XVII в. появляются ссудные грамоты, конкурирующие с порядными и вытесняющие их. По ссудной записи крестьянину предоставлялась денежная ссуда. Получив ее, порядчик должен был без отсрочек начать трудиться на барина. Ссудные в еще большей степени, чем порядные, проникнуты тенденцией внедрения барщины и крепостного права.

Регулированию производственных отношений с крестьянским населением сел и волостей, входивших в состав феодальной вотчины, посвящены монастырские уставные грамоты, из которых

наиболее ранние (Соловецкого монастыря) относятся к концу 40-х годов XVI в. От XVI в., кроме соловецких, дошли уставные грамоты Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского монастырей. Монастырские уставные грамоты составлялись и в XVII в. По форме уставные грамоты носят характер соборных приговоров (постановлений собора монастырских старцев), однако в них называется и коллективный контрагент монастыря — крестьяне того или иного села (выдача грамоты им рассматривается как пожалование). Распорядительный элемент в соборных приговорах преобладал над договорным. Говоря о договорах феодалов с крестьянами, надо учитывать сословное и экономическое неравноправие сторон, возможность навязывания одной стороной (представителями господствующего класса) своих условий и требований другой стороне.

Существенные изменения произошли в конце XV—XVII вв. в области холопских актов. Самопродажа «в полницу» постепенно изживается. Последняя дошедшая до нас полная грамота — от 1554 г. По наблюдениям Е. И. Колычевой, с 1484/85 г. составляются докладные на поступление в привилегированные холопы (ключники и т. п.) С начала XVI в. входит в употребление новая разновидность актов, через которые осуществлялось похолопление, — служилые кабалы. Они близки к заемным, однако по служилой кабале «заимщик» должен был отрабатывать долг заимодавцу (у него «во дворе» «служити по вся дни и всякое дело делати»). В определении контрагентов фигурировало описание физических примет закабаляемого (например: «волосом рус» и др.) и его юридического статуса до заключения сделки (например: «преже сево нигде не служивал, сказался вольной человек»). Описание физических примет — характерный признак акта на несвободного человека. Среди закабалителей было много средних и мелких помещиков.

Когда в сфере крестьянских актов порядные грамоты стали вытесняться ссудными, похожими по существу сделки на служилые кабалы, это означало сближение правового положения крестьян и холопов, слившихся в начале XVIII в. в одну крепостную массу. После 1680 г. похолопление производилось без выдачи займа.

В XVII в. распространились так называемые жилые записи. Согласно жилой, человек обязывался «жить» у своего господина и выполнять его поручения. После окончания срока службы он получал определенное вознаграждение. Жилые являлись актами найма рабочей силы на полукабальных условиях.

В период интенсивного развития крепостного права появились разновидности актов, регулировавших вопросы обмена и распределения крестьян (без земли) и холопов (до этого крестьяне без земли не отчуждались, а распределение холопов между наследниками или отпуск их на волю составляли предмет отдельных постановлений духовных грамот).

Акты отчуждения крестьян — поступные, купчие, отпусные. В поступных записях фиксировалась внешне добровольная уступка («поступился») одним феодалом другому беглых крестьян. Самая ранняя поступная относится к 1597/98 г. Поступающим был прежний владелец беглых крестьян, приобретающим — феодал, у кого они «жили в бегах». В формуляре поступной прежний владелец обычно указывал, что он подал челобитную царю о возврате беглых, но затем, «не ходя на суд», примирился с новым владельцем своих крестьян и отказался от претензий на них. Чаще всего феодалы поступались поместными крестьянами, вотчинными крестьянами поступались реже. В сделках участвовали как светские, так и духовные феодалы. Уступка означала продажу крестьян за определенную сумму. Исследователи отмечают количественный рост поступных с 90-х годов XVII в., связывая это с указом 1690 г., узаконившим поступку крестьянами.

В купчих крестьяне без земли начинают фигурировать в качестве объекта купли-продажи с середины XVII в.

В XVII в. получили хождение отпусные (вольные), в которых фиксировалось своеобразное перераспределение рабочих рук (холопов и крестьян) между различными представителями господствующего класса.

Распределение холопов в XVII в. проводилось и через данные (дарственные) записи. По ним, например, холопы («крепостные люди») переходили как приданое.

Акты отчуждения крестьян и холопов, за исключением отпусных, являвшихся по форме договором феодала с освобождаемым лицом, имели постановление об «очищении», типичное для имущественных сделок.

В некоторых разновидностях частных актов XVI—XVII вв. (рядных, порядных, поступных) содержится так называемая клаузула неустойки, т. е. обязательство одной из сторон уплатить другой неустойку («заряд», «заставу») в случае несоблюдения условий сделки. В порядных это обязательство возлагалось на лицо, поряжавшееся в крестьяне.

В целом частные акты регулировали очень широкий круг вопросов: производство и распределение ренты; закрепощение крестьян; похолопление «вольных»; перераспределение и обмен земельных фондов, движимого имущества, денег, крестьян, холопов; аренду земли; предпринимательство и др.

В конце XV—XVII вв. при увеличении количества разновидностей публичных актов отдельные разновидности актов предшествующего периода исчезают.

В XVI в. перестали составляться княжеские духовные и договорные грамоты. Духовная Ивана III 1503/04 г. еще выдержана в стиле великокняжеских завещаний. Духовная Василия III не сохранилась, хотя летописи упоминают о ней. Самая поздняя сохранившаяся духовная грамота Ивана Грозного (1572 г.) носит ряд черт полемического сочинения. Последняя дошедшая удельно-

княжеская духовная — углицкого князя Дмитрия Ивановича Жилки (1521).

Позднейшая договорная грамота датируется 1531 г. Она определяла отношения Василия III и его сына Ивана, с одной стороны, и дмитровского удельного князя Юрия Ивановича — с другой. Последний документ, фиксирующий в договорной форме взаимоотношения великого и удельного князей, — меновная грамота Ивана IV и старицкого князя Владимира Андреевича, заключенная в период опричнины, в 1566 г.

Исчезновение княжеских духовных и договорных грамот свидетельствует об изменении социально-политической структуры страны и переходе от феодальной раздробленности к единодержавию. На смену духовным и договорным грамотам князей появляются акты земских соборов — договоры царя с сословиями по конкретным политическим вопросам общегосударственного значения. Договорный характер этих документов сочетается с конституционным, законодательным. Самый ранний соборный акт — грамота Земского Собора 1566 г. о продолжении Ливонской войны. Она скреплена многочисленными подписями членов собора от духовенства и боярства.

Изживанию остатков права отъезда бояр и слуг вольных способствовало составление поручных записей по боярам (начиная с 70-х годов XV в.). Поручная запись являлась трехсторонним договором между царем, боярами, неотъезд которых был предметом обязательства, и боярами или представителями духовенства, выступавшими в роли поручителей. Здесь преобладает момент оформления подданнических отношений представителей верхушки господствующего класса с монархом.

Преращение выдачи в XVI в. иммунитетных грамот светским лицам знаменовало ликвидацию договорных, сюзеренно-вассальных отношений между монархом и служилым человеком, переход к монархии нового типа.

Жалованные земельные и иммунитетные грамоты духовным корпорациям продолжали выдаваться в течение всего рассматриваемого периода. Ограничение иммунитета духовных феодалов приближало юридический статус церковно-монастырских вотчин к статусу светского землевладения и было важным шагом на пути перерождения иммунитета в крепостное право.

Наряду с регулированием норм иммунитета частных феодалов, правительство выдавало в XVI—XVII вв. уставные грамоты отдельным крестьянским волостям и селам, корпорациям охотников, рыболовов, ремесленников и купцов. Как и жалованные грамоты, уставные грамоты предоставляли финансовую и судебную автономию, самоуправление. В этих актах можно видеть форму утверждения иммунитета дворцовых земель.

С процессом ограничения иммунитета и развитием крепостного права связано возникновение в середине XVI в. послушных (или ввозных) грамот — документов, в которых царь адресовался к крестьянам определенного владения, передаваемого какому-либо

феодалу, и требовал от них послушания своему новому господину, уплаты ему оброка и исполнения барщины. Послушная (или ввозная) грамота — чисто распорядительный документ: в ее интитуляции указывается царь, в инскрипции — крестьяне. Однако фактически контрагентом царя являлся феодал, получавший землю.

В конце XV—XVII вв. правительство практиковало отдачу земельных угодий на оброк разным категориям временных держателей — светским феодалам, монастырям, зажиточным крестьянам, посадским людям. Отдача на оброк оформлялась в «оброчных» грамотах (их надо отличать от других «оброчных», а вернее, тарханно-оброчных грамот, заменявших взимание податей с иммунитетного владения уплатой «оброка»). На оброк отдавались пустые земли, нуждавшиеся в разработке, рыбные ловли, бортные леса. В ряде случаев претендент, желавший получить держание, уже взятое кем-либо, обещал платить оброк с «наддачей» (прибавкой) и таким путем добивался передачи ему объекта пользования. Оброчные грамоты выдавались правительством и его представителями на местах, часто писцами. Оброчные грамоты дают интересный материал об арендной форме эксплуатации земли, принадлежавшей государству.

Борьба за землю между представителями разных категорий землевладения отразилась в судебных и межевых (разъездных) грамотах. Если в XV в. тяжущимися сторонами были, как правило, монастыри и черносошные крестьяне, то в XVI—XVII вв. монастырям противостояли также помещики и посадские люди.

Значительно пополнилась в конце XV—XVII вв. группа актов местного управления.

Грамоты на кормление широко выдавались до середины XVI в., пока не была отменена система кормлений на основной территории государства. Кормленные грамоты предоставлялись и позднее, но они касались преимущественно окраинных территорий, куда еще посылались наместники и воеводы.

Известный удар по системе кормлений нанесла выдача уставных таможенных грамот, начавшаяся с конца XV в. (самая ранняя из них — Белозерская, 1497). До этого сбор таможенных пошлин входил в компетенцию кормленщиков. Теперь создавались особые органы, ведавшие взиманием таможенных пошлин. Таможенная грамота выдавалась откупным или верным таможенникам на определенный, сложившийся местный рынок — городской или сельский. «Откупные» таможенники получали на откуп сбор таможенных пошлин на данном рынке, в казну же они вносили заранее установленную сумму («оклад»). «Верные» таможенники (старосты, целовальники, «излюбленные», «верные» головы) чаще всего выбирались из верхушки посада или черносошного крестьянства. Все таможенные сборы они обязывались сдавать в казну. В таможенных грамотах определялся размер таможенных пошлин с разных видов товаров и с разных категорий купцов — местных, иногородцев, «иноземцев» (под последними подразумевались

приезжие из других «земель» Русского государства). Таможенные грамоты выдавались вплоть до издания общерусского Торгового устава 1653 г.

Институт откупных и верных таможенников, так же как и институт городских приказчиков, ведавших сбором прямых налогов, сосуществовал с системой кормлений. Прямая борьба с ней началась с конца 30-х годов XVI в. и выразилась в создании института выборных губных старост, которым передавалась одна из самых ответственных функций наместников — преследование «разбойников» и суд по «разбойным» делам. Образование института губных старост юридически оформлялось в уставных губных грамотах (с 1539 г.). Термин «губной» объясняется тем, что эта система первоначально устанавливалась в северных уездах, где «губой» называли местную единицу административно-территориального деления. Губные грамоты выдавались на земли смешанного (т. е. как черносошного, так и частного) землевладения, черносошные, частновладельческие (находившиеся в собственности духовных или светских феодалов). Помимо губных грамот, адресованных разным категориям населения определенного административного округа, имелись еще губные наказы, получаемые должностными лицами губного аппарата управления.

Выдача уставных земских грамот была связана с ликвидацией системы наместничьего управления. Первые земские грамоты относятся к 1551—1552 гг., но основная часть их появилась в 1555—1556 гг. Земские грамоты направлялись только тяглым слоям населения. Они регулировали организацию управления посадскими людьми, черными и дворцовыми крестьянами. В земских грамотах предписывалось ставить во главе выборных органов наиболее зажиточных («лутчих») людей. Вся система земского самоуправления подчинялась строгому правительственному контролю. Земские грамоты делились на собственно уставные, посвященные главным образом сбору налогов с населения, и судные, которые определяли порядок судопроизводства. Губные наказы и земские грамоты выдавались и в XVII в.

К губным и земским уставным грамотам примыкают крестоцеловальные записи губных и земских старост, закреплявшие их обязательства перед царем в добросовестном несении службы.

Образование в конце XV в. единого Русского государства имело естественным следствием сосредоточение внешнеполитических функций в руках московского правительства. Правда, Псков, сохранявший до 1510 г. независимость, заключил в 1503 и 1509 гг. отдельные договоры с Ливонским орденом. Ряд важных договоров был заключен в конце XV—XVII вв. с Литвой, Швецией, Данией и др. Договоры татарских ханов носили название «ш е р т н ы х» грамот (от слова «шертъ» — клятва).

Комплекс актовых источников конца XV—XVII вв. отражает очень сложную структуру общественных отношений. В это время постепенно изживаются разновидности актов, свойственные периоду развитого феодализма (данные на землю, духовные и договорные

грамоты великих и удельных князей, иммунитетные грамоты светским землевладельцам, кормленые).

В области документов социально-экономического происхождения возникают разновидности актов, оформляющие отношения аренды и найма имущества (оброчные, кортомные), займа без залога земли (заемные кабалы), предпринимательства (складные) и т. п. Специальные разновидности актов предназначаются для закрепощения крестьян-новопорядчиков и неимущих должников (порядные, ссудные, служилые кабалы) и для распределения и обмена крепостных (поступные, данные на людей). Отдельные старые разновидности актов приобретают универсальное значение в обществе с развитыми товарно-денежными отношениями и крепостным правом. Так, к концу изучаемого периода духовные, бытовавшие ранее лишь в среде феодалов, начинают составляться и зажиточными представителями других слоев населения, а купчие становятся актами купли-продажи не только земли, но и крестьян без земли.

В области документов социально-политического происхождения частичное исчезновение актов, закрепляющих отношения вассалитета-сюзеренитета, компенсировалось созданием разновидностей актов, в которых разрабатывались нормы сословного подданства разных категорий населения главе государства — царю (губные, земские грамоты, поручные бояр, грамоты земских соборов и др.). В итоге перед нами картина общества, переходящего в стадию позднего феодализма.

ПИСЦОВОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО (XV—XVII вв.)

4

Материалы писцовых описаний охватывают огромный комплекс делопроизводственной документации, связанной с основой основ феодального государства — феодальным землевладением. Вся эта документация тесно связана и обусловлена существованием трех проблем: фиксации права владения землей, изменения в землевладении, государственного налогообложения подвластного населения. В основе всех разновидностей писцовых материалов лежит описание в каждом владении крестьянских дворов и земельных угодий. Основным результатом писцовых описаний являются писцовые книги, создававшиеся в период общих, «валовых» описаний территории всей страны или ее важнейших частей. Писцовым книгам сопутствовали так называемые приправочные книги, бывшие в распоряжении составителей писцовых книг для справок, как вспомогательный материал. В периоды между валовыми писцовыми описаниями, совершавшимися раз в 20—30 лет, по челобитиям с мест составлялись дозорные книги, смягчавшие налоговое бремя во владениях, где в силу тех или иных причин произошло резкое падение платежеспособности подвластного населения. Среди писцовых материалов определенное место занимают платежные книги, составлявшиеся на основе писцовых книг для фиксации доли обложения налогами поместья или вотчины. Писцовым книгам, создававшимся, как правило, на территорию целого уезда, сопутствовали различные вариации выписок из них (на посад, волость, на все территории какого-то конкретного владельца, например Троице-Сергиева монастыря и т. п.). Выписки эти назывались сотницами, сотными выписями или грамотами. (В XVII—XVIII вв. бытовали и простые выписи из писцовых книг.) Наконец, в середине XVII столетия появляется особая разновидность писцовых описаний — переписные книги, которые заменяли прежние писцовые книги и отличались от них особым вниманием к переписи мужского населения.

Тесно связаны с указанными писцовыми материалами описания вотчин и поместий, составлявшиеся в момент перехода владения от одного лица к другому. Важнейшими являются отказные книги, фиксирующие факт передачи владения другому лицу, и описные книги, составлявшиеся при передаче владения в казну.

Материалы писцового делопроизводства являются довольно сложным и трудным историческим источником. Это прежде всего огражается в особой специфике терминологии, в особой «писцовой» трактовке объектов описания, предстающей в виде своего

рода «писцовых шарад», выраженных лакопичным, подчиненным строгому формуляру книг, языком.

Иллюстрируя данный тезис, коснемся терминов, встречающихся в обычном перечне крестьянских дворов в писцовых книгах. Наряду с дворовладельцем и его взрослыми сыновьями или родственниками (зятя, шурины, племянники) в составе крестьянского двора встречаются «суседи», «подсуседники», «захребетники» и т. д. Определить правовое и социальное положение этих категорий населения очень трудно, хотя в целом несомненно, что все они не имеют своих дворов, не несут государственного тягла, находясь «за хребтом» дворовладельца. Характер их взаимоотношений с дворовладельцем часто остается неясным, особенно в тех случаях, когда в захребетниках сидят родственники (сыновья, зятя) или малолетние (6—8 лет). Иногда в состав писцовых книг (особенно переписных) попадает категория «наймитов» и «работников», характер положения которых (наемные они или кабальные) также трудно понять.

Терминология писцовых материалов затрудняет анализ не только в части описания крестьянских дворов. Специфичен язык писцов и там, где речь идет о типах пахотных угодий, сенокосов, лесных участков, окладных единиц систем налогообложения.

Пашенная земля в этой группе источников разделяется, как правило, на «пашню паханую», «пашню наездом», «пашню перелогом» (или перелог), «пашню лесом поросшую» или «пашню перелогом и лесом поросшую». Встречаются и такие уточнения, как «пашня лесом поросла в руку», «в кол», «в бревно», «пашня лесом поросла большим». Если к этому прибавить, что все пашенные угодья представлялись в писцовых книгах разделенными на три равных поля, то будут понятными те трудности, которые были у первых исследователей писцовых материалов. Однако с течением времени стало ясно, что столь многообразная терминология пашенных земель имеет в основе довольно стройную систему. «Пашня паханая» означает пашню, постоянно действующую. Она, как правило, разделена на три поля (озимое, яровое и пар). Поля эти могли быть неодинаковыми по размеру, но при писцовом описании бралась реальная сумма площадей всех трех полей и в итоге деления на три все поля «становились» одинаковыми. Правда, точность этих измерений относительна, так как писцы практически мерили паровые поля, а остальные лишь «смечали», расспрашивая местных жителей. Вследствие этого в писцовых книгах стала традиционной формула: «пашни паханой столько-то четвертей в поле, а в дву потому ж». Вполне понятная при применении к «пашне паханой» эта формула становилась загадочной при употреблении ее, например, к «пашне, лесом поросшей в бревно». В самом деле, какой смысл делить лес на три поля? Историки сделали предположение, что способ деления пашенных земель на три поля постепенно механически распространился с собственно пашни на другие измеряемые территории бывших пашенных угодий. Как известно, в феодальную эпоху огромнейшую роль играли традиционные, раз

и навсегда утвердившиеся обычаи, представления. В частности, большой, ставший уже строевым, лес, если он когда-то был пашней, в силу традиции, а может быть из-за обычая строго учитывать годную к пашне землю назывался «пашней, лесом поросшей». К примеру, в писцовой книге 1615 г. по Чухломе в ряде случаев указывается, что пашня «запустела в лихолетье от хлебного недороду 40 лет», т. е. 40 лет тому назад; «пашня лесом поросла большим 18 четьи... запустела от войны казанских людей 130 лет». Таким образом, пашни уже нет с конца XV столетия, а место до сих пор именуется «пашней, лесом поросшей».

Весьма вероятно, что деление на три поля со временем стало чисто техническим приемом, и судить по нему о применении трехполья нельзя. В частности, в районах Европейского Севера России (Поморья), где не было правильного трехпольного севооборота, писцы всюду употребляют формулу «пашни паханой столько-то в поле, а в дву потому ж».

Наиболее трудными для понимания являются термины «пашня наездом» и «пашня перелогом». В исторической литературе высказаны разноречивые суждения по поводу того явления, которое скрывается в писцовых описаниях под термином «пашня наездом». Например, по мнению Н. А. Рожкова, «пашня наездом» — это пашня без правильного севооборота, «явление регрессивное с хозяйственной точки зрения». В противоположность этому взгляду В. О. Ключевский считал «пашню наездом» не признаком упадка земледелия, а следствием перемещения хлебопашца, свидетельствующим о зарождении земледелия там, где его еще не было. Наконец, Ю. В. Готье и С. Б. Веселовский пришли к выводу, что «наезжая пашня» лишь означает, что при данной пашне нет поселения, люди обрабатывают ее «наездом». Видимо, такая пашня могла обрабатываться регулярно, т. е. с правильным севооборотом. В писцовом наказе 1622 г. наезжая пашня характеризуется следующим образом: «А которые будут земли, паханные наездом, пашут помещики или вотчинники сами на пустошах или в наймы отдают, или которые помещики и вотчинники бедные люди усад своих сами не припахивают и отдают в наймы, им про то сыскивать накрепко, а ссыскивая те пашни писать в наезжую».

Таким образом, в «пашню наездом» зачислялись не только ненаселенные, но распахиваемые земли, но и земли непосредственно усадебные («усадьи»). Такие земли объявлялись наезжими для того, чтобы ввиду бедности владельцев не включать их в число тягловых земель.

Не менее сложно обстоит дело с оценкой термина «перелог». К сожалению, писцы не сообщают «возраст» перелога. А ведь заброшенная «перелегающаяся» пашня может лежать 3—5 лет, 5—10 лет и, наконец, 10—20 лет, когда она зарастает лесом. Правда, в некоторых книгах перелог писцы отличают от «пашни, лесом поросшей», но эта граница очень неопределенна. Отсутствие указаний на возраст «перелога» затрудняет оценку данного явления с точки зрения бытовавших тогда систем земледелия. В самом

деле, если перелог — это всего лишь заброшенная в силу социальных бурь и стихийных бедствий (война, голод, тяжкая эксплуатация крестьян и их бегство и т. п.) пашня, как полагают многие ученые конца XIX — начала XX в., тогда его присутствие при трехпольном севообороте на «пашне паханой» вполне понятно.

Однако в писцовых описаниях встречаются и такие случаи, когда при отсутствии социальных потрясений и бедствий переложная земля не исчезает, т. е. при существовании «пашни паханой» есть и перелог. Тут-то и нужны данные о «возрасте» перелога, ибо если это перелог, забрасываемый на сравнительно короткий период из-за истощения земли, то перед нами быть может пример применения каких-то элементов переложной системы земледелия. Но, к сожалению, писцовые книги не дают четкий ответ на этот важный вопрос.

«Писцовые шарады» наиболее сложны тогда, когда исследователь приступает к изучению материалов, тесно связанных с вопросами налогового обложения.

Поскольку в феодальную эпоху главным средством производства являлась земля, то ее размерами, ее качеством и определялась платежеспособность населения. В качестве единицы оклада с древности фигурировала так называемая соха. Еще в 1275 г. великий князь Василий Ярославич возил в Орду дань по полугривны с «сохи» («а в сохе числиша 2 мужа работника»). В XVI в. мелкие единицы обложения еще сохранялись во многих районах. В Новгороде, например, «соха» (или «сошка») состояла из трех обож (обжа — «один человек на одной лошади пашет»), а 10 «сошек» были равны одной московской «сохе» (30 хозяев).

Примерно с середины XVI в. все более распространяется земельная большая московская соха. Земельная «соха» учитывала не число дворохозяев, а площадь пашенной земли («пашни паханой»). Для разных категорий землевладельцев, судя по писцовым наказам, «соха» обнимала разную по площади территорию.

	Пашни паханой четвертей в поле		
	доброй	средней	худой
Поместно-вотчинное землевладение	800	1000	1200
Монастырское и церковное землевладение	600	700	800
Дворцовое землевладение	500	600	700
Государственное землевладение (черносошное крестьянство)			

В писцовых описаниях существовала так называемая система «одабривания». Если земля была «худой», то к «сохе»

приравнивали большее количество четвертей земли. Помимо налогового урегулирования система «одабривания» имела непосредственную связь с практикой наделения дворян поместными окладами. Поскольку поместные оклады определялись в четвертях только «доброй» земли, для сравнения реальной территории владения с полагающимся окладом необходим был перевод фактической площади «средней» или «худой» земли на четверти земли «доброй». Этот перевод довольно часто встречается в писцовых книгах.

Второй важный момент — изменение размера земельной «сохи» в зависимости от категории землевладельцев. Из таблицы видно, что дворцовое и черносошное крестьянство находилось в худшем положении, чем вотчинно-поместное, так как при взимании налогов одна и та же сумма (например, 30 руб. с «сохи») в поместьях и вотчинах падает на сравнительно большую площадь пашни, чем в дворцовых и черносошных землях, а следовательно, и на большее число крестьян.

При практическом описании земель большая московская «соха» дробилась на доли: четь (четверть) сохи — $\frac{1}{4}$ часть; полчети — $\frac{1}{8}$ часть; полполчети — $\frac{1}{16}$ часть; полполполчети сохи — $\frac{1}{32}$ сохи или полполполтрети сохи — $\frac{1}{24}$ сохи и т. п. Мелкие дробы «сохи» были для писцов буквальным бичом, так как вынуждали их к сложному вычислению. Писцы не знали иных дробей, кроме производных от четверти и трети, а реальные размеры пашни не укладывались в эти доли. Остаток не поместившейся в доли «сохи» писался отдельно либо как излишек, либо как недостаток к соответствующей доле «сохи». Это вело к многочисленным ошибкам.

Вследствие этого, а также ряда других причин писцы в начале XVII в. стали прибегать при расчетах к более дробным единицам. Одной из таких единиц является выть. Выть, как и земельная «соха», приравнивалась к определенному количеству пашенной земли. В поместно-вотчинных и черносошных землях на основании данных писцовых наказов выть составляла или 12 четвертей «доброй» земли, или 14 четвертей средней земли, или 16 четвертей «худой» земли; для монастырских земель — соответственно 10, 12 и 14 четвертей.

При такой более мелкой окладной единице в некоторых писцовых книгах 1624—1628 гг. доли оклада стали доводиться не только до вотчины или поместья в целом, но до каждого двора.

Система поземельного обложения в писцовых материалах осложнялась разделением всех объектов описания на две категории: «в живущем» и «в пусте». Значение этих терминов по существу легко понять из выдержки писцового наказа 1622 г.: Если «послыша писцов, ис тех сел и деревень и починков крестьян и бобылей помещики и вотчинники вышлют по лесам с лошадьми и с животиною, а дворы тех крестьян развезут, а иные пожгут, и те села и деревни и починки учнут у писцов писать за собою в пусте, а землю паханную тех развоженных дворов напишут в пустех», то такие помещики подлежат строжайшему

наказанию. Следовательно, пустое — это то, что действительно запустело, заброшено. В многочисленных дозорных книгах, составленных после польско-шведской интервенции и крестьянской войны начала XVII в., особенно ярок материал, связанный с запустением. Так, в одной из дозорных зафиксировано следующее: «Дер. Кузнецово, а в ней крестьян: во дворе Васька Коротаев, двор пуст Левки Иванова, двор пуст Ивашки Игнатьева, двор пуст Замятенки Игнатьева — сошли безвестно во 116 (1608) году; пашни паханья 4 четьи да перелогу 16 четьи в поле, а в дву по тому ж, сена 30 копен, лесу непашенного болота 10 десятин, в живущем четв. выти, а в пусте выть»¹.

Наряду с этим писцы трактовали «пустоту» и в другом аспекте — с точки зрения платежеспособности населения. «Пусто» — то, что не может быть обложено тяглом. Этот аспект, пожалуй, наиболее сложен для исследователя писцовых материалов. Ведь с точки зрения тягла для крестьянина мог «запустеть», хотя в нем могут жить на льготном положении, т. е. не неся тягла. Об этом можно найти довольно много четких разъяснений в писцовом делопроизводстве. В силу того что писцовые валовые описания производились раз в 20—30 лет, то в период между ними что было «в живущем», могло стать «в пусте», а что было «в пусте», могло снова стать «в живущем». В частности, в писцовой практике, видимо, часто случалось так, что «крестьяне пахут в деревнях пустые одворишные места, а свою тягловую пашню в полях мечут в пусто».

С точки зрения «пустоты» труднее всего анализировать состояние пашенной земли. В «живущее» зачислялась, как правило, только пашня паханая, т. е. полевая. Остальное — «пашня перелогом», «пашня лесом поросла» — зачислялось в «пустоту». Но самое парадоксальное состоит в том, что в «пустоту» зачислялась и «наезжая пашня», т. е. пашня, которая могла быть не запустелой и не заброшенной, а сдаваемой, например, в наем. Больше того, в книгах по территории русского Поморья «наезжая пашня» зачислялась в «живущее», а в описаниях по центру России, особенно в XVII в., та же «наезжая пашня» всюду зачислена в «пусто».

Выяснение соотношения «живущего» и «пустого» следует завершить упоминанием о том, что, в частности, на черносошных землях «пустые выти» писцы должны были сдавать в оброк из так называемого выделенного снопа, т. е. каждый третий или четвертый сноп (25—30%) шел в казну. Широко распространена была отдача (часто принудительная) «пустых» земель на условиях выплаты денежного оброка. Таким образом, в действительности земли распахивались, с них снимали урожай, а для писца, для тягла они «пустыя».

Помимо «сохи» земельной сошное письмо включало и «соху» подворную. Подворная «соха» применялась при переписи городских посадов. Здесь писцы были вынуждены брать в качестве кри-

¹ В выти предполагается 16 четвертей, видимо, худой земли.

терия «прожиточность» (состоятельность) посадского двора и «посильность» его обложения. Так как этот критерий довольно неопределен, то нормы подворной «сохи» часто менялись и были очень разнообразными. В XVII в. наиболее употребительной нормой включения дворов в «соху» была норма, приведенная в вологодском наказе 1627 г., где велено «класти в соху на Вологде на посаде тяглых черных дворов лучших людей по 40 дворов, а средних по 50 и 60 дворов, а молодых по 70 и по 80 дворов, а которые добре бедны и тех по 100 дворов в соху, рассмотря о том накрепко, и по людям, и по прожиткам, и по торгам, и по промыслам, и примеряся к прежним писцовым и платежным книгам... Как бы государеве казне убыли не было, а вологжанам всяким тяглым людям большие тягости не было же».

Как видно из этого текста, подворная «соха» организована была также по принципу «одабривания». «Соху» могли составить 10 дворов «лучших людей», т. е. наиболее платежеспособных, или 50—60 дворов «средних людей», или 70—80 дворов «молодых людей», или, наконец, 100 дворов, «дobre бедных людей». В силу этого при описании городов работа писцов была значительно усложнена, так как в основе ее лежала экономическая оценка посадских черных дворов (дворы служилых людей по прибору, г. е. стрельцов, затинщиков, пушкарей и т. п., а также осадные дворы местных землевладельцев тяглу не подлежали). Кроме того, соотношение лучших, средних и бедных дворов было подвержено частым, иногда весьма существенным колебаниям, вследствие чего по одному и тому же городу при валовых или частных писцовых описаниях нормы «сохи» менялись. Впрочем, довольно часто эти нормы менялись и по прямому произволу властей.

С 30-х годов XVII в. в писцовых книгах намечаются изменения в сошной системе обложения. Несмотря на сложность структуры дворовой посадской «сохи» принцип учета не только земли, но и числа дворов начинает распространяться и на население уездов.

Одним из возможных объяснений этого явления, как считают историки, служит явная неспособность старой сошной системы обложения улавливать неземледельческий доход населения, в то время как с ростом производительных сил, с ростом общественного разделения труда, с ростом неземледельческого населения уезда такой доход несомненно возрастал.

Это нашло свое выражение в том внимании, которое уделяли организаторы писцовых описаний проблеме «бобыльства». В XVI столетии «бобыль» — это крестьянин, разорившийся или обедневший, не тянувший тягла. Писцы включали бобыля из сошного обложения и переводили на более льготное, оброчное обложение. Однако в XVII в. бобыльство — категория более разнообразная по составу, в нее все более включалось «непашенное», торгово-промышленное население. Так возникла проблема возвращения бобыльства в тягло. Видимо, отражая какой-то шаг к решению этой проблемы, примерно с 30-х годов XVII в. в писцовых книгах появляется термин «живущая», или дворовая, четверть. За

этим термином скрывается сильно видоизмененная, а по мнению некоторых историков — новая система оклада налогами. Дворовая четверть означала прежде всего сумму дворов крестьянских и бобыльских. Количество тех и других дворов могло быть представлено в разных вариациях, но в конечном счете в 30—40-х годах XVII в. утвердилось два основных типа дворовой четверти: 8 дворов крестьянских + 4 двора бобыльских; 12 дворов крестьянских + 8 дворов бобыльских.

На практике эта шкала могла быть подвижной, так как возможна была взаимозаменяемость крестьянского и бобыльского двора. Как правило, крестьянский двор приравнялся к двум бобыльским, т. е. при первом варианте нормы дворовой чети крестьянских дворов могло быть 10 (при отсутствии бобыльских) или, наоборот, одних бобыльских дворов могло быть 20 (при отсутствии крестьянских) и т. д. Дворовая четверть еще не отвергала традиций сошного письма, т. е. при определении дворовой нормы, максимальной (12 дворов) или минимальной (20 дворов), учитывалось количество и качество четвертей пашенной земли, наряду с другими показателями. Однако в практике писцового делопроизводства дворовая четверть неизбежно все более отдалялась от сошного письма. Правда, в литературе вопрос этот до сих пор не решен. В начале XX в. крупнейшие буржуазные источниковеды А. С. Лаппо-Данилевский и С. Б. Веселовский придерживались взаимно противоположных точек зрения. Если А. С. Лаппо-Данилевский считал дворовую четверть самостоятельной (отличной от сошного оклада) единицей обложения, служащей своего рода переходом к подворному обложению, то С. Б. Веселовский считал дворовую четверть простым производным от большой московской «сохи» и имел в виду, что дворовая четь составляет $\frac{1}{800}$ часть большой «сохи» в доброй земле для поместных и вотчинных земель и $\frac{1}{600}$ часть — для земель монастырских¹.

Казалось бы, довольно второстепенный вопрос об отношении дворовой чети к сошному письму тем не менее имеет огромное значение с точки зрения оценки степени достоверности писцовых материалов как исторического источника.

Если прав С. Б. Веселовский и дворовая четверть есть $\frac{1}{800}$ часть большой московской «сохи», то это значит, что на полудесятине тяговой пашенной земли в 30—40-х годах XVII в., как правило, сидело 12—20 крестьянских и бобыльских дворов. Если принять во внимание, что бобыли не имели пашни или имели ее очень мало, то в переводе на одни крестьянские дворы на четверти (т. е. полудесятине) тяговой пашни сидело 10—16 дворов. В трех полях эта пашня составит 1,5 десятины, а этого не хватило бы на существование даже одного, а не полутора десятков дворов. Что же это значит? Это значит, что, во-первых, крестьяне имели

¹ См.: С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I, стр. 13. Так же считает А. Ц. Мерзон (см.: А. Ц. Мерзон. Писцовые и переписные книги XV—XVII вв. М., 1956, стр. 6).

еще и другую пашенную землю, а, во-вторых, «пашня паханая» в писцовых книгах является сугубо условной единицей, не отражающей реального количества распаханной земли. Другими словами, если С. Б. Веселовский прав, то писцовые книги являются абсолютно недостоверным источником.

Если принять точку зрения А. С. Лаппо-Данилевского о самостоятельности дворцовых четвертей как окладной единицы, то достоверность данных писцовых книг, хотя и не будет доказана, но вопрос об их абсолютной недостоверности будет снят.

В буржуазной исторической науке, впервые вовлекшей материалы писцового описаний и писцового делопроизводства в исторические исследования, вопрос о достоверности писцовых материалов подвергался длительным и бурным обсуждениям. В полемике участвовали такие крупные историки, как И. Н. Миклашевский, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. А. Рожков, В. О. Ключевский, Н. Нордман, А. А. Кауфман, А. М. Гневушев, С. Б. Веселовский, Г. А. Максимович, В. Седашев и др. В ходе полемики выявились две основные тенденции: а) полное доверие к писцовым книгам (Н. А. Рожков) и б) скептическое отношение к ним (С. Б. Веселовский). В то время как представители первой использовали писцовые материалы как достоверный и массовый статистический источник, вторые считали возможным почерпнуть из них лишь частные наблюдения.

Советским историкам присущ более широкий взгляд на писцовые материалы как исторический источник. В нашей историографии уделялось много внимания писцовым описаниям и книгам как важнейшему источнику по истории закрепощения крестьян. Советские историки использовали писцовые материалы как ценнейший источник по истории крестьянства и многим другим вопросам.

Вместе с тем многие вопросы методики использования писцовых материалов до сих пор не решены. Прежде всего не решены также вопросы, связанные с оценкой землемерных работ писцов. Могут ли служить подсчеты писцов площади пашни, сенокосов и лесов, уровня развития земледелия, степени распаханности угодий и т. п. для исторического исследования.

Разумеется, здесь необходим дифференцированный подход. Наибольшей достоверностью обладают, видимо, данные о всех разновидностях «пашенной земли», так как именно этот вид угодий пользовался наибольшим вниманием писцов, а также был наименее сложным с точки зрения техники обмера. Однако и здесь регулярную пашню отделить от пашни, используемой периодически, пока что не представляется возможным. Это легко увидеть на примере одного из случаев в писцовой практике. В 1618 г. писец Фокин Дуров, описывая Вожбалскую волость (Тотемский уезд), отошел от обычной писцовой практики. Это выразилось в том, что «всякие запольные земли и отхожие пашни и пенники, которые места пахнут не во многие годы и после того много лет лежат в пусте и однохлебные места... писали и мерили в выти в полевою землю». В итоге вместо обычной тягловой земли была

учтена вся регулярная и нерегулярная пашня и в тягле попало земли в 2 раза больше. Около 10 лет разоренное податями население добивалось дозора, который ввел бы порядок описания в обычное русло, т. е. учел в тягло лишь полевую регулярную пашню. Сохранился текст перечневой росписи этого дозора, но в нем нерегулярная пашня снова исчезла под традиционным термином «пашня перелогом», «пашня лесом поросла» либо вообще не была записана в текст. А именно так обстояло дело с описанием пашенных земель в огромном большинстве писцовых материалов.

Второй момент, затрудняющий итоговые подсчеты пашенных земель, состоит во взаимозаменяемости различных угодий. Например, в писцовом наказе 1622 г. предусмотрена следующая ситуация: «А где будет пашня перелогом лежит, а запустела будет от тех помещиков, за которыми те поместные переложные земли, и писцам тем помещикам переложную землю давать в пашен место против пашенных земли, потому, что от них запустело». Таким образом, перелог мог быть записан как пашня паханая.

Сложнее с достоверностью сведений о площади сенных покосов. Причудливая конфигурация сенокосных лугов, полян, перелесков, оврагов затрудняла обмер площади.

Многие ученые считают, что сенокосы не измерялись, а сведения о количестве скашиваемого сена в копнах собирались от населения. Действительный обмер совершался изредка. Лесные угодья часто совсем не обмерялись. По сведениям И. И. Лаппо, из 282 поместий Тверского уезда государственными писцами лес был описан лишь в 115 имениях. По сведениям Е. Сташевского в писцовой книге Московского уезда (конец XVI в.) из 347 имений в 93 лес также не указан. Ю. В. Готье считал, что «лес измерялся только в небольших участках, приписанных к отдельным поместным и вотчинным участкам». Таким образом данные о лесных территориях в писцовых материалах весьма неполные.

С другой стороны, необходимо иметь в виду специфику итоговых данных писцовых книг по лесным участкам. В итогах писцы часто складывали все «длинники» и «поперечники» лесных участков вместе. В результате исследователю подсказывалось перемножение этих компонентов для получения размера площади. Однако этого делать нельзя, ибо полученный итог, как правило, в несколько раз преувеличит истинную площадь. Например, итог площади по трем участкам длиной в версту, шириной в полверсты будет равен 1,5 кв. версты ($1 \times 0,5; 1 \times 0,5; 1 \times 0,5$), в то же время перемножение суммы «длинников» с суммой «поперечников» дало бы площадь в 4,5 кв. версты ($3 \times 1,5$), что грубо искажает действительность. Писцы, видимо, и не имели в виду это перемножение, но в таком случае суммирование «длинников», равно как и «поперечников», лишает исследователя реальных исходных данных для подсчета площади лесных территорий.

Писцовые, приправочные, дозорные и переписные книги являются важным источником по древней топографии русских горо-

дов. Читая писцовую книгу, как бы совершаешь путешествие по средневековой Рязани, Ярославлю или Нижнему Новгороду. Описание, как правило, начинается с кремля, которое дается весьма детально (что служит важным подспорьем при реставрационных работах). Например, в описания нижегородского кремля 1621—1622 гг. отмечается: «Башня Часовая круглая, покрыта; а в ней три бою; верхней, средней, исподней; в исподнем бою под башнею погреб: ставят зелье и кладут всякие городовые запасы. Из-исподнево бою вдоль по стенам для очищенья два окошка боевых; из среднево бою три окошка боевых, с верхнего бою с зубцов восемь окон боевых же. Да на башню из города въсход; лестница каменная, да з города въсход на башню: двои двери, а на башне часы боевые, часы и колокол делан из государевой казны». Вслед за описанием крепости следует описание «пушечного наряду»: «Да на Ивановских воротех вверху, в башне: две пищали волкопси в станках на колесах, а к ним по кружалу 250 ядер, по 2 гривенки без четверти ядро; а к другой 140 ядер — обливаны свинцом ядро гривенка без четверти. А у них пушкарки Петрушка Рукавишников, да Ивашко Денисов». Тщательно описаны церковные здания в крепости и вне ее. Далее идет описание жилых дворов и казенных строений крепости, а затем описание посада. Причем, тщательно ориентированы главные улицы того или иного посада, основные городские слободы. По некоторым писцовым книгам восстанавливается подробнейшая, вплоть до мельчайших деталей, топография средневекового города, с его крепостью, улицами, мостами, торговыми рядами и основными строениями города. Иногда писцовые книги отмечают в сажнях площадь каждого посадского двора с огородами. Имея подобного рода источники за XVI—XVII вв., исследователь получает редкую возможность проследить эволюцию городской территории и самого города. За пределами города писцовые книги дают ценнейшие сведения по топографии уезда, волости, стана, являясь одним из главных источников по исторической географии XVI—XVII вв. В исторической литературе известна предпринятая А. И. Копаневым попытка создания карты феодального землевладения Белозерского края в конце XVI—начале XVII в. на основе комплекса писцовых материалов, а также актов.

Один из важнейших материалов писцовых книг — сведения о численности населения. Достоверность этих материалов среди самих писцовых или отказных, переписных и других книг неодинакова. Например, в XVI в. и в первой трети XVII в. писцовые, приправочные, дозорные книги, сотницы отмечали исключительно дворовладельцев и лишь иногда (в XVII в.) взрослое мужское население двора. Тщательное изучение этих материалов позволит в будущем, используя новые методы исследования статистических материалов, создать ряд поправочных коэффициентов с тем, чтобы дать представление о примерной численности населения той эпохи.

С 1644—1646 гг. писцы, отражая, видимо, общие изменения в эволюции принципов писцовых описаний, исключительное

внимание стали уделять переписи мужского населения, включая малолетних (от 1 до 15 лет) и вдов. Разумеется, речь идет только о тягловом населении. Высшие неподатные слои не включены в эти переписи. В то же время не попадают туда и обедневшие слои населения, неспособные нести тягло. Следовательно, и здесь необходима выработка поправочных коэффициентов. Но тем не менее вопрос о численности населения стал основным вопросом переписи. Это обстоятельство повысило качество и полноту данных, поэтому переписные книги, появившиеся с середины XVII в., являются важнейшим демографическим источником второй половины XVII — начала XVIII в.

Став важным источником по истории численности населения, переписные книги существенно обеднели в другом отношении. Исчезают важнейшие данные о промысловых занятиях горожан и крестьян. Между тем благодаря именно этим сведениям наша литература имеет более или менее приближенные данные о степени развития промыслов и торговли в русском средневековом городе первой половины XVII в. Данные о типах ремесленных и торговых занятий имелись в писцовых и описных книгах по многим торгово-промышленным селам Центральной России. Так, в частности, из писцовой книги 1624—1626 гг. по с. Мурашкину Нижегородского уезда известно о существовавших там 32 ремесленных и торговых специальностях. Писцовая книга отметила торгово-ремесленные занятия в 114 дворах из 454 дворов села. Разумеется, эта цифра приближительна. Сопоставление имен лавководцев, которые тщательно фиксируются писцами, с дворовладельцами дает возможность увеличить список торгово-ремесленных дворов, так как при описи лавок писцы указывали на род ремесленных занятий торговца. В итоге там, где идет роспись дворов, многие лавководцы указаны без специальности, а при описи лавок она дается. Дополнением при разыскании торгово-промышленного населения являются таможенные книги, в которых фиксировались привозные товары и имена торговцев.

При анализе писцовых книг важно сочетание их не только с другими видами источника, но и с разновидностями писцовых материалов, в частности, сопоставление данных писцовых книг с дозорными и описными книгами. В тех случаях, когда разница между писцовым описанием и отпиской владения в казну составляла 5—6 лет, сравнительный анализ помогает уточнить пропуски как в той, так и в другой.

Неточность, приближенный характер сведений писцовых материалов о торгово-ремесленном развитии сочетается с часто встречающейся возможностью отдельных, весьма точных наблюдений. Это касается главным образом судеб отдельных крестьян, посадских людей и их потомков, которые можно проследить при наличии последующих переписных и писцовых книг. При этом следует учитывать, что в XVII в. фамилий в нашем смысле слова еще не было (если отец был Ефим Иванов, то сын мог быть Николай Ефимов, а внук Иван Николаев и т. п.), что сильно затрудняет

поиски. Правда, в XVII в. прозвища иногда переходят по наследству, что в свою очередь облегчает поиск. С этой точки зрения с переписными книгами работать легче, так как эти сведения представлены в них с большей тщательностью. В числе отличий переписных книг от писцовых следует указать на степень платежеспособности населения. Этот материал весьма важен для исследователя, но его также нельзя переоценивать. Следует помнить, что «лучшие» и «молодые» посадские люди — это не столько бедные и богатые, сколько люди, более или менее способные нести тягло. Скажем, какая-нибудь очень богатая вдова могла и не быть в числе «лучших», так как тягло подразумевает еще и обязанность выполнения натуральных повинностей (подворная повинность, служба в целовальниках и т. п.).

Важны материалы писцовых, переписных и других книг, отражающие передвижение населения, бегство посадских людей и крестьян как одну из форм проявления классовой борьбы в эпоху средневековья. В писцовых, а особенно в переписных книгах довольно регулярно фиксируются дворы опустевшие. Писцы отмечали причины запустения: «умре», «сшол в лихолетье, в голодные годы», «убит за Костромою... от лисовского приходу в 117 г.», «сшол безвестно в 122 г.» и т. д. Концентрация таких сведений по возможно более точным датам (война, неурожай, эпидемия в конкретные годы) может дать интересные и важные наблюдения. Подобного рода материалы нужно сочетать с изучением делопроизводства Поместного приказа, где могут иметься важные дополнительные данные (челобития о дозоре и разорении, нормы окладов, приведших к разорению, и т. д.).

При работе с материалами писцового дела следует иметь в виду их наиболее важные разновидности.

Писцовые книги. Наиболее ранние писцовые книги конца XV в. сохранились по району Новгорода (Деревская пятина 1495 г., Обонежская пятина 1436 г., Вотская пятина 1500 г.). От писцовых описаний XVI столетия (1538—1547 гг., 1550—1580 гг.) сохранились лишь отдельные фрагменты (например, Торопецкая писцовая книга 1540 г.).

Значительно больше сохранилось писцовых книг от конца XVI в., охватывающих главным образом центр Русского государства (территории Московской, Тверской, Ярославской, Костромской, Рязанской, Тульской, Орловской, Калужской, Смоленской и Витебской губерний; частично по ряду уездов Пскова). Не исключено, что некоторые из сохранившихся книг служили позднее приправочными и поэтому несут на себе следы сокращений.

Из писцовых книг XVII столетия самым значительным комплексом является комплекс книг, сохранившийся от писцового описания 1624—1628 гг. Писцовые книги этого периода охватывают большинство районов Русского государства и насчитывают сотни экземпляров.

Во второй половине XVII в. количество их резко сокращается. Начинают преобладать переписные книги, хотя попытки составления писцовых книг предпринимались в 1680 г. и 1710 г.

Сотницы. Наиболее важное значение имеют сотные выписки XVI в., так как они восполняют в значительной мере пробел из-за пропажи писцовых книг. Сотные грамоты в большинстве своем не опубликованы.

Приправочные книги сохранились фрагментарно. Для XVI столетия приправочные книги могли представлять собой конгломерат жалованных, ввозных грамот, сотниц и т. п. Большой же частью это были копии с писцовых книг, либо их черновики.

Платежницы. Не всегда книги этого рода сохранились на уезд или город в целом; встречаются платежницы по отдельным станам и волостям. Иногда писцовые книги могли выполнять функции платежниц, если они были насыщены конкретными нормами сошного и оброчного обложения. Платежницы ценны тщательной фиксацией объектов оброчных сборов (оброчные дворы, лавки, полулавки, лавочные места, полки, шалаши в качестве торговых помещений, амбары для хранения клади, кузницы, кожевенные избы и другие промысловые помещения, харчевни, кабаки, мельницы, рыбные оброчные угодья, оброчные пустоши и т. п.), а также размеров оброка, давая косвенное свидетельство о примерной доходности указанных объектов. Платежные книги давали, как правило, подробную картину недоимок (кто за какие годы и сколько должен). Платежницы переписывались заново при каждой новой переоброчке или дозоре, однако сохранились они несистематически в небольшом числе.

Межевые книги. Обвод межи (границ владения) иногда выделялся из писцовых книг в качестве самостоятельного текста. Основная его задача — подробное описание внешних признаков границы владений, а отчасти и территории, по которой идет граница. Разумеется, такого рода источник может дать важные материалы лишь при специальном изучении данной территории. Весьма важен он и при реконструкции общей картины края (соотношение леса, пашни, лугов и т. п.).

Дозорные книги. Основная масса этих книг сохранилась от первой четверти XVII столетия, когда острый экономический и социальный кризис потряс все здание феодального государства. Как отмечалось, дозорные книги интересны в том случае, когда им предшествуют более ранние писцовые книги (или приправочные, платежницы). Именно тогда появляется возможность проследить какую-то эволюцию. Однако наибольшая ценность дозора заключается в отклонениях от трафарета писцовых книг. Дозорщик часто вынужден давать пояснения изменениям, которые произошли в период, предшествующий дозору. Так, дозоры приоткрывают завесу над фактическим использованием земли. Например, в основном тексте дозора 1616 г. стана Баскак в Бежецком Верхе Городецкого уезда значится: «Деревня Олександрово, а в ней крестьян: во дворе Филип Иванов, во дворе Василей Иванов, оба

их живут на полчети выти, во дворе Миня Васильев, во дворе Ваня Семенов, оба их на полчети; во дворе Михайло Васильев, живет на полполтрети и всего в живущем четь выти и полполтрети, да пусто три четвертки вытных без полполполтрети выти». Это типичный текст писцовой книги, и не будь дозора, мы так и не узнали бы, что «сеяли ту пусторную землю (т. е. «три четвертки бес полдругонатцатой доли выти») Филя Иванов да Миня Васильев с товарищи». Значит, вся земля фактически распахивалась. В другой дозорной книге с. Микулинского Переяславского уезда выясняется, что приказчик отдавал пусторные земли «без найму и без окладу». Можно узнать, кто из крестьян их распахивал, какие культуры сеял и сколько. В тех случаях, когда есть площадь пашни и объем посеянного, можно узнать и норму посева. Из дозорных книг можно узнать, что в пустых полях устраивались огороды, что отдельные крестьянские дворы не выпаживали всей своей тяглой пашни, оставляя половину, или треть, или две трети в перелог, и т. д. Таким образом, на материале дозорных книг исследователь может сделать множество таких наблюдений, какие почти никогда не дают писцовые книги.

Переписные книги отличаются тщательной фиксацией населения описываемых территорий (мужского пола). Основная масса переписных книг сохранилась от переписей 1646—1648 гг. и 1676—1678 гг. Отдельные экземпляры книг датируются началом XVIII в.

Переписные книги, как и дозорные, наряду с довольно достоверными сведениями о численности тяглого населения могут быть важным источником и по истории миграции населения. В переписных книгах тщательно отмечены беглые, а часто причины и время их бегства. Встречаются и такие разновидности переписных книг (особенно по южным, вновь осваиваемым районам), где даются основные сведения о том, откуда прибыл тот или иной житель, где он жил в бегах и т. п.

Отказные книги, как правило, довольно лаконично освещают состояние крестьянской части вотчины или поместья. Но так как они выдавались при передаче от одного владельца к другому (по завещанию, по дарственной и т. п.) или фиксировали передачу тому или иному служилому дворянину вотчины или поместья от феодального государства, то этот источник приобретает громадное значение при изучении истории феодального землевладения. Масовые данные отказных книг могут характеризовать основные тенденции и этапы в развитии поместного землевладения, процесс концентрации земельной собственности в руках отдельных лиц, дать представления и характеристику отдельным прослойкам служилого дворянства (мелкого, среднего и крупного), наконец, в результате их изучения могут быть получены более или менее достоверные данные о характере и эволюции вотчинного землевладения.

Основная масса отказных книг (а они сохранились главным образом по XVII в.) не опубликована и не изучена историками, в то время как только они в сочетании с другими писцовыми

материалами могут дать наиболее достоверную характеристику эволюции феодального землевладения, только они могут дать ответ на вопрос, на какой стадии развития находилась феодальная собственность в России XVII в.

Описные книги — это акты передачи имения в руки феодального государства. С этой точки зрения описные книги можно охарактеризовать как наиболее исчерпывающие по своему содержанию, так как казна была весьма заинтересована в полной осведомленности о состоянии и помещичьего, и крестьянского хозяйства. Описные книги сохранились главным образом по XVII и первой половине XVIII в. При этом чем ближе к середине XVIII в. тем беднее они по своему фактическому материалу. Однако в некоторых описных книгах XVIII в. можно встретить подробные указания на состояние господской усадьбы (типы строений, их размер, внутреннее убранство и мебель, характеристику хозяйственных помещений, запасы хлеба молочного и немолочного, количество и вид скота и птицы, рабочий инвентарь и т. п.). Самое же ценное заключается в том, что среди описных книг изредка встречаются такие, где есть характеристика крестьянских хозяйств (население двора, его состав, хоромы и хозяйственные строения, описание крестьянского имущества, включая мебель, посуду и одежду, количество крупного и мелкого скота, в том числе и рабочего, домашней птицы, хлеба молочного и немолочного, размер посевной площади, количество высеянного зерна и т. д.). Данные эти статичны, и для динамической характеристики крестьянского хозяйства они дают недостаточный объем материала. Однако эти крупницы чрезвычайно ценны, потому что это единственный тип делопроизводственной документации XVII—XVIII вв., который дает примерное представление о жизни и труде русского крестьянина.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
XI—XVII вв.

Произведения древнерусской литературы и памятники публицистики среди исторических источников занимают особое место, так как они относятся к группе источников повествовательного характера, содержащих не документальную (юридическую) фиксацию исторических фактов, а их отражение в сознании авторов этих произведений. Именно поэтому публицистические и литературные памятники дают ценный материал для изучения идеологии эпохи. Они имеют первостепенное значение для истории культуры в целом, а также служат источниками общеисторических сведений, ибо нередко другие памятники оказываются утраченными.

Литературные и публицистические произведения XI—XVII вв. — памятники неоднородные и разнообразные как по содержанию, так и по форме. Одни их виды существовали на протяжении всего рассматриваемого периода, другие появлялись на определенном историческом этапе и имели определенное общественное, политическое, идеологическое звучание. В пределах существования того или иного вида могли меняться его содержание и отчасти форма. Раскрывая смысл и значение этих изменений, исследователи в то время должны решать ряд постоянных задач источниковедческой критики. К ним относятся датировка памятника и неразрывно связанная с ней проблема подлинности, вопрос об авторстве, выяснение редакций, определение степени точности отражения памятником конкретных исторических фактов. Методика решения этих задач в силу разнохарактерности рассматриваемых памятников в значительной степени индивидуальна.

В настоящей главе рассматриваются следующие группы произведений XI—XVII вв.: памятники гражданской литературы XII—XV вв.; послания, поучения и хождения XI—XIII вв.; произведения агиографической (житийной) литературы XI—XVII вв.; публицистические памятники XV—XVI вв., связанные с образованием и укреплением Русского централизованного государства; социально-экономические произведения и проекты XVI в.; публицистические произведения XVII в.

**§ 1. «Слово о полку Игореве»,
«Слово о погибели Русской земли», «Задонщина»,
«Сказание о Мамаевом побоище»**

Наиболее ярким произведением русской эпической поэзии и значительным историческим источником является «Слово о полку Игореве». «Слово» посвящено описанию неудачного похода на

половцев, предпринятого в 1185 г. черниговско-северскими князьями во главе с новгород-северским князем Игорем Святославичем. Датировка этого произведения обуславливается самим его содержанием. Оно говорит о князьях Ярославле Осмомысле Галицком и Владимире Глебовиче Суздальском, как о живых. Оба же эти князя умерли в 1187 г. Следовательно, «Слово» могло быть создано между 1185—1187 гг. Палеографическая проверка времени создания и раннего бытования на Руси «Слова» невозможна, так как это произведение не сохранилось не только в списке XII в., но и единственный рукописный сборник со «Словом», относившийся, по-видимому, к XVI в., погиб во время московского пожара 1812 г. До наших дней дошли только копии конца XVIII в. и печатные издания 1800 г. Эти обстоятельства породили сомнения в подлинности «Слова» как произведения XII в. Однако конкретный анализ исторического содержания «Слова», исследование художественного стиля и языка, сопоставление с произведениями ранней средневековой русской литературы показали, что этот памятник мог быть создан на Руси в XII в. Особенно плодотворным оказалось сравнение «Слова» с русскими летописями.

Поход князя Игоря описывается, например, в рассказе «Ипатьевской летописи», помещенном под 1185 г. Историческое содержание «Слова» во многом сходно с летописным рассказом. Сюжетное сходство обоих произведений объясняется тем, что в них речь идет об одном и том же событии, описанном современниками. Но поскольку это были два разных лица, интерпретация одних и тех же фактов была не совсем одинаковой. Трудами большинства русских и советских историков и филологов доказано, что отступления «Слова» от «Ипатьевской летописи» являются не измышлениями позднейшего автора, а действительными историческими фактами. Так, в отличие от «Ипатьевской летописи» князь Олег Святославич (умер в 1115 г.) назван в «Слове о полку Игореве» каганом. Ни в каких письменных источниках этот титул, который был характерен для правителей Хазарии, не связывается с именем Олега Святославича. Казалось, что на этом основании можно было предположить, что автором «Слова» допущена ошибка, и сам автор — не современник событий XII в., а позднейший компилятор. Но в 50-х годах нашего века румынским ученым Н. Бэнеску была опубликована греческая надпись на византийской печати, в котором Олег именовался «архонтом Матрахи, Зихий и всей Хазарии». Таким образом, будучи правителем Хазарии, он мог законно носить титул кагана. Следовательно, титулование Олега Святославича каганом исторически достоверно.

Характеристики русских князей XI—XII вв., данные автором «Слова», описание дружинной стихии (боя, соколиной охоты), четкое понимание политической обстановки на Руси XII в., страстный призыв к единению князей против врагов его родины — все это, облеченное в совершенную художественную форму, говорит о том, что «Слово о полку Игореве» было создано поэтом XII в., человеком, близким воинскому окружению русского князя. На

XII век указывают стиль и язык этого памятника. Опубликованный в 1968 г. известным советским филологом В. П. Адриановой-Перетц «Стилистический и лексический комментарий к «Слову о полку Игореве» показал прочную связь «Слова» с другими произведениями древнерусской литературы XI—XII вв., в том числе с известными «Пouchениями Владимира Мономаха», «Словом Даниила Заточника», «Житием и хождением игумена Даниила» и др.

Доказательством бытования «Слова» в начале XIV в., а следовательно, и его раннего происхождения, является цитирование отрывка этого произведения на псковском «Апостоле» 1307 г. Запись-перефраз сделана в конце текста «Апостола» почерком писца самой рукописи, а поэтому может быть отнесена к 1307 г. Укоряя за раздоры тверского и московского князей, автор записи печалится о родной земле, которой княжеские междоусобицы, как и во времена Киевской Руси, грозили разорением и гибелью. Следы влияния «Слова» имеются и в «Задонщине», памятнике конца XIV в.

× Значение «Слова о полку Игореве» как исторического источника состоит в достоверном отражении взаимоотношений сил русских князей XII в. Исключительный интерес представляет «Слово» как памятник, который, будучи создан в период феодальной раздробленности Руси, призывал к ее государственному единству и сплочению князей в борьбе с внешними врагами. Этот призыв был возможен только потому, что, несмотря на политическую раздробленность, русский народ сохранял единство языка и культуры, единство в ощущении и понимании Русской земли. Само «Слово» — лучший показатель этого единства и любви к родной земле. Большое место автор уделил описанию феодального быта, что ценно для воссоздания колорита эпохи, предметов военного обихода, оружия, одежды, что помогает уточнить определение и датировку вещей, находимых при археологических раскопках или хранящихся в музеях. Наконец, «Слово» служит источником для изучения верований Древней Руси. В нем слабо отразилась официальная церковная идеология (есть единственное упоминание церкви Пирогощей), но языческие представления и обряды (олицетворение сил природы в плаче Ярославны, обращение к славянским божествам Велесу и Дажьд-богу) отражены в высказываниях и действиях героев «Слова». По своей идейной направленности и высокому эмоциональному настрою «Слово о полку Игореве» перекликается с другим произведением древнерусской литературы — «Словом о погибели Русской земли».

• Сюжет «Слова о погибели Русской земли» несложен. Вначале дана поэтическая картина природы Северо-Восточной Руси: «озер многих, дубрав частых, полей дивных». Рисуется «города великие и села». Далее следует тщательно составленное описание исконных границ Русской земли и соседних народов. Вместе с этим описанием идет прославление князей из рода Владимира Мономаха: Юрия Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо, Ярослава

Всеволодовича, которым приписывается честь создания огромной русской державы. Здесь же упоминаются дары, якобы присланные греческим царем Владимиру Мономаху, чтобы тот «Царя-города не взял». Величественная панорама могучей Руси омрачается началом рассказа о бывших и настоящих усобицах князей, о набегах иноземцев. Автор «Слова о погибели» как бы предчувствует, что именно эти раздоры навлекут на его родную землю новые напасти, новую «погибель» от нашествия врагов. Обращаясь к примерам прошлого, времени Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, он зовет Русь к единству действий.

✗ «Слово о погибели» известно по двум рукописям. Оно располагается в них перед «Житием Александра Невского». Поскольку автор «Слова о погибели» воспевал род Владимира Мономаха, из которого происходил Александр Невский, составители или переписчики «Жития Александра» использовали, вероятно, «Слово о погибели» в качестве предисловия к тексту житийной повести. Это предположение подтверждается датировкой «Слова о погибели», которая производится с помощью текстологического анализа. Фраза «до ныняшнего Ярослава и до брата его Юрья князя володимерьского» рассматривается как упоминание названных князей еще при их жизни, т. е. до 1237 г. (года смерти князя Юрия; князь Ярослав умер в 1246 г.). Далее одни исследователи связывают возникновение «Слова» с 1223 г., т. е. временем поражения русских на реке Калке (М. Н. Тихомиров). Другие указывают 1237 г., когда Русь получила первые вести о татаро-монгольском нашествии (А. В. Соловьев). Таким образом, и в том и в другом случае «Слово о погибели» может считаться памятником кануна грозных для Руси событий середины XIII в. «Житие Александра Невского» не могло быть составлено ранее 1263 г. — года смерти князя Александра. Следовательно, «Слово о погибели» является самостоятельным литературным произведением.

⊕ Идейная близость и прямые заимствования связывают «Слово о полку Игореве» с циклом повестей о Куликовской битве 1380 г., в первую очередь с поэтическим «Словом Софония Рязанца» («Задонщиной») и историческим «Сказанием о Мамаевом побоище», которые сложились в конце XIV — первой четверти XV в. и дополнялись на протяжении XVI—XVII вв. Образцом для «Задонщины» послужило «Слово о полку Игореве». Несмотря на разную политическую обстановку, в которой создавались и которую воспроизводили эти произведения (в «Слове» — поражение русских войск, в «Задонщине» — победа над полчищами Мамаю), оба они воспевали единство и величие Русской земли. Отсюда возможность не только заимствования отдельных слов и выражений, но и сходство в построении сюжета.

Имя автора «Задонщины» указано в самом произведении: Софоний Рязанец, т. е. выходец из Рязани. Некоторые списки «Задонщины» XVI—XVII вв. называют его иереем, а Кирилло-Белозерский список XV в. — старцем, т. е. монахом. Однако вряд ли

автор светской воинской повести был священником и тем более монахом. Против этого свидетельствует тот факт, что, судя по более поздней краткой редакции «Задонщины», Софоний не изменил своего имени в конце жизни, как это обычно делали монахи. Поэтому термин «старец» можно рассматривать в качестве возрастной характеристики: пожилой человек, старик. В тверской летописи начала XVII в., в рассказе, посвященном Куликовской битве, о Софонии говорится, как о боярине, но только не рязанском, а брянском. Принимая социальную характеристику Софония, данную в летописи, многие исследователи подвергают сомнению указание на Брянск как на родину автора «Задонщины». В первых, в самой «Задонщине» (а не в более позднем летописном рассказе) Софоний называется рязанцем. Во-вторых, автор «Задонщины» явно проявляет симпатию и сочувствие к Рязанской земле, что тоже может говорить о его рязанском происхождении. В-третьих, в жалованной грамоте рязанского князя Олега 1372 г. в числе рязанских бояр назван некий Софоний Алтыкулачевич, которого В. Ф. Ржига отождествляет с автором «Задонщины». Если принять за дату создания «Слова Софония» конец XIV в. (как это сделал М. Н. Тихомиров на основании упоминания в «Слове Софония» столицы Болгарского царства Тырново, которая пала под ударами турок в 1393 г.), то это отождествление представляется вполне вероятным. Как исторический источник «Задонщина» важна своим идейным содержанием. Ее автор четко выразил мысль, что только единение политических сил Руси привело к победе на Куликовом поле. Он сознавал и международное значение этой битвы: «Шибла слава к Железным вратом, к Риму и к Кафы по морю и Торнаву, и оттоле к Церюграду на похвалу: Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликове» — так характеризовал он резонанс, вызванный в Европе Мамаевым побоищем. В «Задонщине» можно найти и некоторый историко-бытовой материал, но гораздо полнее он представлен в «Сказании о Мамаевом побоище». Созданное в Москве в первой четверти XV в. «Сказание» дошло до нас более чем в 100 списках XVI—XIX вв. Это обстоятельство, как и большая широта исторического содержания «Сказания» по сравнению с «Задонщиной», определяет его значение как исторического источника. «Сказание» подробно описывает сборы Мамаю против Руси и подготовку похода для отражения татарского нашествия Дмитрием Донским, рисует интересные подробности Куликовской битвы, сообщает названия полков и имена воевод. Известную ценность представляет описание московского Кремля, московских дорог и перевозов. Однако при работе с этим памятником следует помнить, что он носит характер компилятивный. В его основу была положена воинская повесть конца XIV в., но уже в первой четверти XV в. она подверглась всесторонней церковной обработке. Кроме того, «Сказание о Мамаевом побоище» дополнялось на протяжении XV—XVI вв. Отсюда пестрота содержания и хронологическая сложность этого источника.

§ 2. «Послания», «Слова», «Поучения»

Большое историческое значение имеют произведения XI—XIII вв., известные под названиями: «Послания», «Слова», «Поучения». Среди этих памятников есть сочинения светские и церковные. Как исторические источники наиболее интересны произведения, авторы которых не принадлежали к духовному сословию. Это «Слово» и «Моление» («Послание») Даниила Заточника, а также «Поучение Владимира Мономаха».

Первый из названных памятников имеет в большинстве сохранившихся списков название «Слово Даниила Заточника еже написа своему князи Ярославу Володимеричю» и представляет собой послание с просьбой о милости. Послание составлено неким Даниилом и обращено к новгородскому князю Ярославу Владимировичу (княжил в Новгороде с перерывами с 1180 по 1199 г.). Автор послания, по-видимому, попал в опалу и был сослан на озеро Лаче (район Каргополя), которое он характеризовал так: «...кому Лаче озеро, а мне на нем седя плачь горький». Свое «Слово», включавшее множество социальных и бытовых описаний, Даниил составил в форме притч и изречений, что делало его произведение очень популярным на Руси. Значение «Слова» во многом определяется личностью автора. Поскольку «Слово» обращено к новгородскому князю, а в словах Даниила есть намек на знание им пределов северной Руси («...кому Бело озеро, а мне черней смолы...» и «кому ти есть Новгород, а мне и углы опали...»), можно говорить о новгородском происхождении автора. Судя по приводимым им поучениям и афоризмам, это был человек достаточно образованный для своего времени. Он хорошо ориентировался в социально-политических отношениях Северной Руси XII в. Высоко ставя личность князя, Даниил видел залог княжеского могущества в отстранении от междоусобных распрей и союзе с умными советниками, «думцами». Однако сам он, по-видимому, не принадлежал к этим «думцам». В «Слове» неоднократно встречаются образы, связанные с описанием помола хлеба, варкой железа, литьем из олова и золота. Естественно предположить, что создатель этих образов был неплохо знаком с городским ремеслом и мог сам происходить из мастеров-ремесленников. Отсюда демократический характер его произведения, его яростная ненависть к боярам, понимание пропасти между богатыми и бедными. «Богат возглаголет, — пишет Даниил, — все молчат и вознесут слово его до облак, а убогий возглаголет, вси на нь кликнуть...». «Слово» — единственный памятник раннего периода древнерусской литературы, который создан представителем демократических кругов. В этом его основная ценность как исторического источника.

Другое произведение, называющее имя Даниила Заточника, — так называемое «Послание» или «Моление» — является переработкой «Слова», выполненной неизвестным автором в XIII в. «Моление» обращено к переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу,

сыну Всеволода Большое Гнездо. Автор «Моления», испытав заключение, подобно Даниилу Заточнику, пишет: «...кому Переславль, а мне Гореславль, кому Боголюбово, а мне горе лютое». Приведенный каламбур позволяет связать происхождение этого человека с Суздальской землей. По своему социальному положению автор «Моления» также отличается от Даниила Заточника. Перед нами выступает служилый человек, дворянин, советник князя, бывалый и много видевший. Так, в его «Послании» дается описание цирковых игр, мало известных на Руси в XIII в. С презрением относясь к холопам («не лепо у свинии в ноздрех рясы златы также на холопе порты дороги»), он не так резко, как Даниил, отзывается о боярах, но превыше всех ставит князя, окруженного «мужами сильными». Не посягая на основы христианской религии, он делает ряд выпадов против монашества. Хотя «Моление» — памятник более поздний и более компилятивный, чем «Слово», он достаточно интересен как исторический источник, так как в нем отразились многие стороны социально-политической жизни Руси.

К другой разновидности гражданской литературы относится «Поучение Владимира Мономаха». Оно известно в одном списке, помещенном как вставка в Лаврентьевскую летопись под 1096 г. Само «Поучение» написано значительно позднее, о чем свидетельствует его содержание. При перечислении воинских подвигов Владимира Мономаха упомянут поход на Глеба Минского, состоявшийся в 1117 г. При описании другого похода «За Глоговы, до Чешского леса» говорится о рождении у Владимира Мономаха сына Мстислава, который назван «детем старейшим новгородским». Однако Мстислав мог называться «новгородским» только до 1117 г., когда Владимир Мономах перевел его с новгородского княжения в Белгород. Следовательно, «Поучение», содержащее эти факты, не могло быть написано ни ранее, ни позднее 1117 г. В летописи оно оказалось под 1096 г. потому, что поздний редактор «Повести временных лет», или Лаврентьевской летописи (оба они ориентировались на династическую линию Мономаховичей), желая подчеркнуть княжеские достоинства Владимира Мономаха и ретроспективно обосновать позицию этого князя на Любечском съезде 1097 г., вставил «Поучение» в летописный текст. По своей форме «Поучение Владимира Мономаха» находит аналогии в римско-византийской III—X вв. и в англосаксонской литературе VIII—X вв., но по своему содержанию — это оригинальное русское произведение. Под общим названием «Поучение» объединены три различных сочинения: поучение к детям, воспоминания и послание к Олегу Черниговскому. В «Поучении», перечислив общие нормы христианской морали, Владимир Мономах переходит к вполне конкретным политическим рекомендациям. Помня о крестьянских и городских выступлениях, которые прокатились по Руси в конце XI — начале XII в., он призывает «...куда же ходяще путем по своим землям, не данти пакости деяти отроком, ни своим,

ни чюжим, ни в селах, ни в житех, да не кляти вас начнуть». Так же, как на Любечском съезде 1097 г., в поучении и послании к Олегу Черниговскому Владимир Мономах выступает за единство действий русских князей против внешних врагов. Ради этого единства он готов примириться со своим давним противником князем Олегом. Большое место как в поучении, так и в воспоминаниях Мономаха занимает описание «путей и ловов» (т. е. военных походов и княжеских охот), а также паставления по ведению хозяйства. Князь — государственный правитель, князь-феодал — таким предстает автор «Поучения». События его жизни являются в большинстве фактами политической истории Руси конца XI — начала XII в., его взгляды отражают мировоззрение дальновидного феодала-правителя. Этим определяется место и значение «Поучения Владимира Мономаха» как исторического источника.

Значительный историко-философский материал содержится в церковных «Словах», «Поучениях» и «Хождениях». Наиболее ранним произведением такого характера является «Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру», составленное митрополитом Илларионом между 1037—1050 гг. В «Слове», отражающем борьбу религиозных и политических идей в Киеве XI в., превозносятся государственная мощь Руси и христианство (благодать) в противоположность иудаизму (закону), который был религией враждебного Руси Хазарского каганата. «Слово» возвеличивает русских покровителей христианства — княгиню Ольгу, князей Владимира и Ярослава.

Интересные сведения о культуре и быте Киевской Руси дают «Поучения Кирилла епископа Туровского» (1171—1182 гг.) и «Послание к смоленскому пресвитеру Фоме» Климента Смолятича (русского митрополита с 1147 г.). Авторы этих сочинений выступают за широкую образованность, порицают стяжательство духовенства и монастырей.

Данными историко-географического плана богаты «Хождения», т. е. описания путешествий, предпринимавшихся русскими людьми в другие страны. Такие описания включают в себя рассказы как об иностранных государствах, так и о самой Руси.

§ 3. «Жития»

Группой исторических источников, которые по своей идейной направленности и содержанию стоят на грани церковных «Слов» и «Поучений», с одной стороны, и исторических повестей — с другой, являются русские жития. В них, как правило, переплетаются религиозно-нравственная проповедь и историко-бытовое повествование.

Ранних русских житий (до XV—XVI вв.) сохранилось сравнительно немного, да и те большей частью в поздних списках. Это жития княгини Ольги и князя Владимира, жития Бориса и Глеба, житие князя Александра Невского, жития Ефросинии Полоцкой и Авраамия Смоленского. Поздние жития (XV—XVII вв.) более

многочисленны. Наряду с традиционными их формами, где облик главного лица схематизирован до общепринятого христианского идеала («Житие Сергия Радонежского» — XV в.), здесь встречаются сочинения, близкие обычным биографиям («Житие Михаила Клопского» XV в.). Рисуя, хотя и несколько одномерно, духовный мир человека древней Руси, произведения русской агиографии дают конкретно-исторические свидетельства о взаимоотношениях князей, военных столкновениях и дипломатических связях (княжеские жития), о выступлениях городской бедноты и крестьян («Житие Авраамия Смоленского»), о состоянии образования («Житие Евфросинии Полоцкой», «Житие Сергия Радонежского»), содержат своеобразнейший этнографический материал по русскому Северу («Житие Зосимы и Савватия» и «Житие Антония Сийского» — XVI в.).

Особую форму агиографических произведений представляют житийные сборники: «Патерики» (сборники рассказов о монахах-отшельниках), «Прологи» (сборники житий краткой редакции), «Четьи-Минеи» (сборники житий пространной редакции, предназначенные для повседневного чтения). Из житийных сборников раннего периода необходимо отметить «Киево-Печерский патерик», сложившийся в течение XIII—XIV вв. и дошедший до нас в двух редакциях: редакции тверского епископа Арсения 1406 г. и редакции монаха Печерского монастыря Касьяна 1462 г. Сборник состоит из сказания об основании Киево-Печерского монастыря, жития одного из основателей этого монастыря Феодосия, двух монашеских посланий и рассказа о двадцати шести печерских черноризцах. Поскольку Киево-Печерский монастырь стоял в центре политической жизни Киевской Руси, описания, связанные с жизнью его обитателей, имеют большую историческую ценность. Перед исследователями «Патерика» встают картины жизни людей разного социального ранга и разного исторического значения: Феодосия, летописца Нестора, художника Алимпия, лекаря Агапита, Николы Святоши (князя Святослава Давыдовича, постригшегося в Печерском монастыре) и др. Рассказы «Киево-Печерского патерика» помогают ответить на ряд источниковедческих вопросов, например на вопрос об авторстве Нестора в русском летописании.

Среди житийных сборников XV—XVI вв. наиболее известны макарьевские «Четьи-Минеи». Созданные в середине XVI в. по инициативе митрополита Макария как свод житий и церковно-поучительной литературы общерусского значения, они были призваны идеологию укрепить политическое объединение России под эгидой Москвы.

§ 4. Памятники политической литературы XV—XVI вв. ⁸

Большой комплекс исторических источников составляют памятники политической литературы, связанные с образованием и укреплением Русского централизованного государства. Ряд

127
литературных произведений этого типа появляется в конце XV—XVI вв. Их объединяет общая идея исконности и неизбежности Русского государства. Наибольшее распространение получили «Повесть о белом клобуке» и «Сказание о князьях Владимирских».

В «Повести о белом клобуке» говорится о том, как знаки высокого священнического сана — белый клобук и кресчатые ризы, пожалованные императором римским Константином папе Сильвестру, были после разделения христианских церквей чудом перенесены в Царьград, а оттуда переданы патриархом Филофеем на Русь новгородскому архиепископу Василию. «Повесть о белом клобуке» имеет более 250 списков, поэтому чтобы выяснить место и значение этого памятника как исторического источника, необходимо предварительно определить его основные редакции, особенности их идейно-политического содержания, установить время их возникновения. Из пяти редакций, которые выявляются с помощью текстологического сопоставления отдельных списков, наиболее резко отличаются по своей идейной направленности, а потому наиболее интересны для историков две: одна из двух Пространных и одна из двух Кратких редакций. В Пространной редакции оттенена мысль о духовном и политическом наследстве, перешедшем от Рима и Византии к России, как единому государству с большим будущим. Если принять во внимание, что «Повесть о белом клобуке» сложилась в Новгороде, то такое выражение общерусского патриотизма можно связать с пребыванием на новгородской епископской кафедре московского ставленника архиепископа Геннадия и, следовательно, датировать эту редакцию концом XV — началом XVI в. Краткая редакция, которая была составлена на основе Пространной, акцентирует внимание на том, что христианские эмблемы были переданы именно в Новгород, тем самым подчеркивая первостепенное значение этого центра по сравнению с Москвой. В то же время в Краткой редакции из-за отдельных сокращений оказались затушеванными общерусские политические идеи («Москва — третий Рим» и др.). Такое узкоместническое направление Краткой редакции объясняется исследователем «Повести о белом клобуке» Н. Н. Розовым как проявление сепаратизма новгородского боярства, который усилился в середине XVI в. К этому времени и должно быть отнесено составление этой редакции. Таким образом, именно в Пространной редакции «Повести о белом клобуке» получила отражение общерусская идея «Москва — третий Рим», в то время как в Краткой редакции отразилась та сложность межобластных отношений, которая была характерна для процесса формирования централизованного Русского государства.

Еще большее богатство политических идей раскрывается в «Сказании о князьях Владимирских». Это произведение было создано по заказу Василия III в начале XVI в. для обоснования родословия великих русских князей. В «Сказании» родословная великих князей владимирских ведется от римского императора Августа через Пруса и Рюрика к великому князю киевскому Вла-

димиру Всеволодовичу, который получает царские регалии от византийского императора Константина Мономаха. Обращая внимание на преемственность русского самодержавия от императора Рима и тем самым подчеркивая безусловную законность первого, «Сказание» вместе с тем показывает неразрывность исторических связей между Киевом, Владимиром и Москвой. В обстановке объединения русских земель вокруг Москвы этот акцент служил идеологическим обоснованием прав московских государей на территории, ранее бывших владениями великих киевских и владимирских князей. Идеи «Сказания о князьях Владимирских» нашли отражение в Степенной книге, Воскресенской летописи, маркарёвских Четьях-Минейх, «Государеве родословце». Несмотря на то что «Сказание» носило легендарный характер, его использовали в политической практике правительства Василий III и Иван IV. Иван Грозный рассматривал «Сказание» в качестве официального источника, делая на него ссылки в своей духовной грамоте 1572 г.

В посланиях Ивана Грозного «Сказание» послужило целям идеологического обоснования прав на неограниченную самодержавную власть. Свои послания, хотя они обращены к определенным лицам (князю Курбскому, Василию Грязному, Симеону Бекбулатовичу, игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме), Иван IV предназначал для широкого круга московских людей, для «всего Российского царства». Отсюда то общее для произведений официальной идеологии направление, которое обуславливает сходство посланий Грозного с письмами лиц его ближайшего окружения. Для выявления эпистолярного наследия Ивана IV (как и любого другого исторического лица) источниковеды, наряду с анализом самого содержания, большое внимание уделяют исследованию литературного стиля и языка его произведений. В посланиях Ивана Грозного сочетаются элементы церковнославянского языка, языка деловой письменности, живая разговорная речь. Это в значительной мере определяет своеобразие словарного состава и литературного стиля посланий Ивана IV. Но если такого рода анализ помогает определить авторство Ивана Грозного, то он недостаточен для определения его автографов. В дополнение к нему требуется провести палеографическое исследование посланий в сохранившихся списках XVI в.

Из посланий, принадлежавших Ивану Грозному, наибольшее значение имеют два его послания князю «крестопреступнику» Курбскому (1564 и 1577 гг.). Переписка этих лиц (Андрей Курбский направил Грозному, три письма в течение 1564—1579 гг.) отражает социально-политические взгляды носителя и идеолога самодержавия, с одной стороны, и представителя боярской оппозиции — с другой. В посланиях, особенно в первом, обстоятельном и обширном, Грозный, отстаивая свое право на неограниченное самодержавие, заявляет, что он наследник византийских императоров и великих киевских князей, что власть досталась ему по закону «божиим изволением и родителей своих благословенем».

Полемизируя с Курбским, Иван IV обосновывает необходимость для России борьбы с Ливонией за бывшие русские территории, за выход к Балтийскому морю, считая войну с Крымом второстепенной задачей своей внешней политики. Большое место отводится Иваном Грозным изобличению политических интриг и козней бояр в дни его малолетства и юности.

Едкое саркастическое послание белозерскому игумену Козьме (1573 г.) направлено против сосланных в Кириллов монастырь и нарушающих монастырские порядки бояр Шереметьева и Хабарова. В послании проявляются опасения Ивана IV за то, что монастыри, благодаря крупным земельным вкладам бояр, превращаются в боярские вотчины.

Послания к Василию Грязному и Симеону Бекбулатовичу представляют большой интерес как редкие источники, дающие возможность выяснить точку зрения Ивана Грозного на роль и значение опричнины. В посланиях сформулированы основные принципы внешней и внутренней политики, которую проводило правительство Ивана Грозного.

Среди литературных памятников конца XV — первой половины XVI в. значительную группу образуют произведения церковно-политической мысли, отразившие взаимоотношения между различными классами и социальными слоями русского общества и ту острую идеологическую борьбу, которая этому сопутствовала. Из них прежде всего следует обратить внимание на сочинения игумена Волоколамского Успенского монастыря Иосифа Санина (1440—1515 гг.). Его «Просветитель» (сборник обличительных слов), послания и монастырский «Устав» представляют, по существу, политические трактаты, рассчитанные на широкие круги светских феодалов и образованных горожан. Иосиф Волоцкий обрушивается на рационалистическую критику основных догматов православной церкви, с которой выступали новгородские еретики. Он выступает не только как воинственный защитник чистоты православного канона. В новгородской ереси он видит угрозу самому существованию церкви, угрозу основам феодальной власти. Поэтому, опираясь на авторитет многочисленных церковных сочинений, прибегая порой к тенденциозной передаче слов и действий представителей новгородской оппозиции, Иосиф Волоцкий требует расправы с инакомыслящими. В «Уставе» и посланиях он отстаивает необходимость церковного землевладения, существование крупных богатых монастырей, которые, по его мнению, должны быть опорой великокняжеской власти и центрами подготовки высшего духовенства из среды феодалов.

Исследованиями установлено, что помимо пространной редакции «Устава» начала XVI в., известной по макарьевским «Четьям-Минеем», существует другая, краткая редакция того же произведения, возникшая в конце XV в. Текст этой редакции сохранился в нескольких рукописях, в том числе в Сборнике, который в 1514 г. был дан в Волоколамский монастырь учеником Иосифа Волоцкого Нилом Полевым. Сравнение этих двух редакций обнаруживает

некоторую эволюцию взглядов Иосифа Волоцкого на имущественный статут монастырей. В краткой, ранней редакции «Устава» Иосиф Волоцкий неизменно условиями монашеской жизни при сохранении общего монастырского имущества ставил полное отсутствие личной собственности и обязательность труда для каждого из монахов. В поздней, пространной редакции «Устава» этих ограничительно-аскетических требований нет, последовательно проводится принцип накопления монастырских богатств, как общих, так и личных. В посланиях Иосифа Волоцкого («Писании к старцам Пафнутьева монастыря» 1479 г., «Послании к вельможе Иосифу» 1494 г., посланиях к Б. В. Кутузову, И. И. Третьякову 1509—1510 гг.) особый интерес вызывает развитие взглядов этого крупнейшего церковного и политического деятеля как официального идеолога центральной власти.

Церковно-политические взгляды Иосифа Волоцкого получили развитие в произведениях его последователей — иосифлян, или стяжателей: в словах и посланиях митрополита Даниила, сочинениях Нила Полева, митрополита Макария, в произведении Зиновия Отенского «Истины показание», направленном против антифеодалного «рабьего» учения Феодосия Косого. Взгляды иосифлян заняли господствующее положение в официальной идеологии централизованного Русского государства XVI в.

В то же время в России развилось другое направление церковно-политической мысли, сторонники которого получили название нестяжателей. Главой этого направления был основатель заволжского (на р. Соре) монастыря Нил Сорский (1433—1507), происходивший из крупного боярского рода Майковых. Сочинения Нила Сорского — монастырский «Устав», «Предание учеником», послания, как и сочинения его последователей, — отражали взгляды боярских кругов, недовольных ростом монастырского землевладения. Нил Сорский призывал монахов обратиться прежде всего к духовному совершенствованию, трудиться только ради пропитания и не заботиться о приобретении материальных богатств. Но он еще не отрицал права монастырей на владение некоторым имуществом. Абсолютное отрицание монастырских земельных владений — принцип его учеников. В частности, этот принцип развивал Вассиан Косой (в миру боярин Василий Патрикеев), который резко выступал в своих посланиях, против церковных имуществ, а из редактируемой им «Кормчей книги» исключил все разделы о монастырских владениях.

К нестяжателям по своим взглядам был близок крупный писатель и церковно-политический деятель первой половины XVI в. Максим Грек. По просьбе великого князя Василия III он прибыл в Москву в 1518 г. в качестве переводчика с греческого языка на русский. В юности живший в Италии и познакомившийся там с проповедями аскетизма Савонаролы, широко образованный Максим Грек по приезде в Россию сблизился с нестяжателями, в том числе с Вассианом Патрикеевым. Втянутый в придворные интриги, он был обвинен в сознательном искажении переводов церковных

книг, осужден церковными соборами на монастырское заключение, в котором и умер в 1555 г. В своих «посланиях», «словах» и «сказаниях» Максим Грек разоблачал стяжательские стремления монахов и распущенность духовенства, писал о жестокой эксплуатации крестьян монастырями, о непосильных поборах с населения. В аллегорической форме он осмеливался даже говорить о «нестроениях и безчиниях царей и властей». Острота поднимаемых Максимом Греком социально-политических проблем делает его произведения одним из ярких источников по истории развития общественно-политической мысли феодальной Руси. С именем Максима Грека связан чрезвычайно своеобразный литературно-публицистический памятник — «Судное дело», известное по нескольким спискам XVI—XVIII вв. Исследование самого раннего списка «Судного дела Максима Грека» (открыт в 1968 г. в составе Сибирского сборника, датируемого 90-ми годами XVI в.) показало, что в нем смешаны сведения о процессах 1525 и 1531 гг., имеются недопустимые в «судоговорении» пропуски, сделаны тенденциозные вставки повествовательного характера (например, во введении дано осуждение «еретических» взглядов Максима Грека). Следовательно, «Судное дело Максима Грека» — это не список подлинных судебных протоколов 1525 и 1531 гг., а их литературно-публицистическая переделка. Сопоставление «Судного дела Максима Грека» с «Судным делом Исаака Собаки» 1548 г. (из того же Сибирского сборника) позволило установить, что первое из них составлено в 40-е годы XVI в. в процессе подготовки суда над бывшим сотрудником Максима Грека — Исааком Собакой. Однако значение «Судного дела Максима Грека» как исторического источника трудно переоценить, так как оно построено на основе протоколов и переписки участников церковно-политических процессов 1525 и 1531 гг., а эти документы до нас не дошли.

Некоторые стороны жизни России XVI в. нашли отражение в литературном памятнике, известном под названием «Домострой». Основное место в этой книге отведено советам по устройству хозяйства и быта семьи (38 глав из 67); но в ней рассматриваются и более общие, социальные вопросы. Первые главы «Домостроя» носят наставительный характер. Среди них имеется особая глава (6-я по счету), в которой говорится о необходимости преданного, почтительного отношения к царю и «властителям». «Царя бойся и служи ему верно, — учит «Домострой», — истину отвечай ему, яко самому богу». Такое подчеркнутое возвышение личности царя позволяет поставить этот памятник параллельно с рассмотренными выше произведениями, связанными с образованием и укреплением централизованного Русского государства.

§ 5. Социально-экономические проекты и трактаты XVI—XVII вв.

Особую группу исторических источников составляют социально-экономические проекты и трактаты XVI—XVII вв. К ним при-

надлежат такие произведения, как «Благохотящим царем правительница и землемерие» Ермолая-Еразма (ок. 1549 г.) и «Большое сказание» Ивана Пересветова (1549 г.), как условно назвал М. Н. Тихомиров свод основных сочинений этого автора.

Творчество Ермолая (в монашестве Еразма) приходится на 40—60-е годы XVI в. Перу этого публициста принадлежит ряд произведений, но далеко не во всех стоит его имя. Круг сочинений Ермолая-Еразма был установлен исследователями путем сравнения их содержания, стиля и палеографических особенностей с произведениями, бесспорно ему принадлежавшими. Таким способом была определена и принадлежность Ермолаю-Еразму трактата «Благохотящим царем правительница и землемерие». Во-первых, в «Молении к царю», которое является сочинением Ермолая-Еразма, так как под ним поставлено его имя «Ермолаиц», сказано, что он напишет Ивану IV еще одно послание, в котором расскажет «о мирьских вещех ... к благоугодию земли и ко умалению насильства», т. е. о том, что составляет содержание «Правительницы». Во-вторых, в «Правительнице» Ермолай, рассуждая об ответственности царя, ссылается на один из текстов священного писания. Этот же текст приведен в более позднем произведении Ермолая-Еразма, в «Поучении к своей душе», где имя автора стоит непосредственно в заглавии. В-третьих, «Правительница» находится в сборнике других сочинений Ермолая, являющихся, по-видимому, его автографом, хотя последнее требует еще дополнительных палеографических изысканий. Время написания «Правительницы» устанавливается с учетом двух фактов. Ермолай-Еразм в своем трактате писал о необходимости закрыть корчмы. Между тем известно, что корчмы в Новгороде были закрыты в 1547 г. Далее, Ермолай выступал за введение новой единицы поземельного обложения. Подготовка государственной реформы поземельного обложения с введением новой единицы — «большой сохи» — была начата в 1549 г. Исходя из того, что целесообразность составления такого проекта существовала только до начала реформы, это произведение следует датировать второй половиной 40-х годов XVI в.

«Правительница» состоит из трех основных частей: проекта податного обложения, землеустроительного проекта и положения о корчмах. Целью преобразований, предлагаемых в этом произведении, Ермолай-Еразм ставил предотвращение «мятежей» на Русской земле путем некоторого облегчения положения крепостных крестьян, труд которых он считал основой благосостояния всего общества, а также путем упрочения положения служилых людей. С помощью реформ автор «Правительницы» надеялся, не посягая на основы крепостнической системы, предотвратить народные выступления, примирить социальные противоречия русского общества XVI в.

Иной характер имеют произведения Ивана Пересветова. Основные сочинения этого автора: «Большая» и «Малая» челобитные, «Повесть о падении Царьграда», Сказания о книгах, о

царе Константине, о Магмете-салтане, первое и второе «Предсказание философов» появились в конце 40-х — начале 50-х годов XVI в. В них нашли отражение взгляды и настроения русского дворянства. Излагая в своих произведениях проекты преобразований, которые охватывали почти все стороны социально-политической и экономической жизни России, Иван Пересветов направлял их к одной цели: укрепить самодержавие, опираясь на служилое дворянство, оттеснив при этом на второй план бояр и подавляя всякие попытки народных выступлений. Первостепенное значение он придавал проекту военной реформы. Опорой царской власти, по его мнению, должно было стать постоянное войско. В этом войске должны служить дворяне, находящиеся на денежном жаловании государства. Чтобы повысить боеспособность войска, Пересветов рекомендовал отменить полное и кабальное холопство, считая, что холопу сражаться не за что и поэтому он не несет никакой ответственности за исход боя. Пересветов предлагал провести судебную реформу: кодифицировать законы, составив «судебные книги», поручить судебное разбирательство специальным судьям, создать сословно-дворянский суд и особый суд губных старост по делам «татей и разбойников». С целью обеспечения армии и государственного аппарата Пересветов рекомендовал сосредоточить все доходы в казне. Основными налогоплательщиками он считал крестьян и горожан, которых рассматривал как объект определенной государственной политики, обходя молчанием вопросы их положения в крепостническом обществе. Такая направленность проекта реформ, выдвигаемого Иваном Пересветовым, во многом определялась социальным положением автора. Поэтому выяснению вопроса, кем был Иван Пересветов, историковеда уделяли большое внимание. В настоящее время наиболее аргументированной представляется точка зрения А. А. Зимина, который, сопоставив факты биографии, приводимые в произведениях самого И. Пересветова, с многочисленными архивными материалами по внутренней и внешней политике России первой половины XVI в., показал, что И. Пересветов, как он сам пишет в Большой челобитной, выехал из Литвы (возможно с территории Белоруссии, где эта фамилия часто встречается). Сведения, сообщаемые им о Польше, Чехии, Молдавии, Венгрии и Турции 20—30-х годов XVI в., в основном подтверждаются другими источниками и потому могут считаться достоверными, как и самый факт пребывания И. Пересветова в этих странах, за исключением Турции. В Россию Пересветов приехал в конце 1538 — начале 1539 г. Эта дата подтверждается сообщением Малой челобитной о встрече Пересветова в момент его приезда в Россию с боярином М. Ю. Захарьиным. Между тем известно, что М. Ю. Захарьин умер осенью 1539 г. О жизни и деятельности И. Пересветова в России сведений чрезвычайно мало. Судя по его произведениям, он влился в сословие служилых людей, стал преданным сторонником централизации и самодержавия, выступившим в защиту прав русского дворянства против боярского самовластия.

§ 6. Литературные произведения XVII в. 3

Многочисленную группу исторических источников образуют литературные произведения, связанные с польско-шведской интервенцией и классово-борьбой в России начала XVII в. Большинство произведений было написано представителями социальных верхов, которые придавали своим сочинениям соответствующую классовую окраску. Поэтому оценки событий, особенно имеющих отношение к народным движениям, в этих произведениях отличаются большей тенденциозностью. По богатству фактического материала и яркой публицистичности первое место занимает «Сказание Авраамия Палицына». Авраамий Палицын был келарем Троице-Сергиева монастыря. Являясь очевидцем «смуты», он описывал ход событий постепенно, отдельными частями. Впоследствии Палицын собрал эти части в единую книгу, окончательно завершив работу, как он сам пишет, в 1620 г. «Сказание Авраамия Палицына» известно по двум редакциям: краткой и полной. Краткая редакция охватывает время с царствования Федора Иоанновича до Василия Шуйского включительно. В полной редакции изложение событий начато с царствования Ивана IV и доведено до 1618 г. Особое место в ней отведено описанию осады Троицкого монастыря польскими войсками в 1609 г. «Сказание Авраамия Палицына» не отличается абсолютной точностью в освещении исторических фактов, в нем встречаются противоречивые данные и оценки, характерно чрезмерное преувеличение заслуг Троице-Сергиева монастыря и своих собственных в борьбе с иностранной интервенцией. В своем сочинении Авраамий Палицын излагает не только историю государственных потрясений в России в начале XVII в., но пытается найти причины этого. Выступая с позиций церковно-феодалных верхов, он видит корень зла в грехах своих соотечественников, а также в том, что «всяк от своего чину выше начаша восходити: раби убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще».

В некоторых сборниках за «Сказанием Авраамия Палицына» следует другое сочинение, о котором говорится: «Той же первой истории последует вторым сказанием, ижи в первой скращено, zde же приполнено, и где в первой полно, zde же скратно писано, Иного творения». Приняв во внимание этот заголовок, издатель памятника Беляев назвал его «Иным сказанием». В результате всестороннего источниковедческого исследования «Иного сказания» С. Ф. Платонов пришел к выводу, что это сочинение состоит из шести самостоятельных частей, включающих повести, летописные заметки, акты и грамоты, которые отражают события 1591—1645 гг. Особую ценность представляет «Повесть 1606 г.», богатая интересными подробностями времени правления Бориса Годунова и Лжедмитрия I. События поданы автором с точки зрения той части московского общества, которая поддерживала правительство Шуйского. Имя автора «Повести» неизвестно. Но, судя по отрывку «Повести 1606 г.»: «а инии братия наша иноцы еще в

живых осташихся и тии ныне вкупе с нами содетельствуют во обители пресвятыи и животворящиа Троицы...», он принадлежал к числу монахов Троице-Сергиева монастыря. Из других частей «Иного сказания» интересен рассказ о восстании Болотникова. Хотя сообщение очень краткое, а крестьянская война, потрясавшая основы феодального общества, представлена только как эпизод среди других выступлений против Шуйского, этот рассказ важен самим фактом своего существования, так как в большинстве других памятников сведения о восстании Болотникова вообще отсутствуют.

Исключение составляет так называемое «Казанское сказание», открытое М. Н. Тихомировым в сборнике Уваровского собрания рукописей Государственного исторического музея и содержащее рассказ о крестьянской войне под руководством Болотникова. «Казанское сказание», названное так по предполагаемому месту его составления, состоит из двух отрывков, входящих в состав литературной компиляции середины XVII в. Начало «Сказания» не сохранилось. Текст начинается «Плачем о пленении, о конечном разорении преевысокого и пресветлейшего государства Московского». Далее следует первый отрывок «Сказания». За ним — грамота Шуйского в Казань и текст о видении в Московском Успенском соборе. К этим произведениям примыкает второй отрывок «Сказания». Оканчивается компиляция отрывками упомянутого «Плача». Соединить два отрывка в целое «Сказание» позволяет, как показал М. Н. Тихомиров, единство их стиля, их лексического состава. Первый отрывок «Казанского сказания» целиком посвящен событиям с начала польской интервенции до свержения Лжедмитрия и воцарения Шуйского. Второй отрывок начинается повествованием о восстании Болотникова, оканчивается рассказом о захвате Москвы поляками после свержения с престола Шуйского в 1611 г. и призывом патриарха Гермогена к борьбе с иностранными интервентами. Исходя из того что в «Казанском сказании» упоминается взятие поляками Смоленска (июнь 1611 г.), но ничего не сказано ни о приходе к Москве первого ополчения, ни о смерти Гермогена (1612 г.), М. Н. Тихомиров датирует это произведение 1611 г. От других публицистических памятников начала XVII в. «Казанское сказание» отличает большая полнота и стройность изложения хода восстания Болотникова, а также уникальные факты и цифры, характеризующие это мощное народное движение. Интересно это произведение и своей классовой направленностью. Составитель «Казанского сказания» принадлежал к господствующему классу. Народное движение он считал наказанием за грехи, а о восставших говорил с ужасом и ненавистью.

Такая же оценка выступлений крестьян и холопов дана в повести, написанной около 1619 г. и известной под названием «Временник Ивана Тимофеева». Причину смуты дьяк Тимофеев видел в том, что «безглавная чадь» решила предать смерти «избранных лучших мужей» и наследовать их имения. Иван Тимофеев, выступая как идеолог и защитник класса феодалов в целом, далеко не

одинаково относится к определенным политическим деятелям. У него есть свои четко выраженные симпатии и антипатии. Ивана Грозного он осуждает за введение опричнины и политическую жестокость, Бориса Годунова — за незаконный, с его точки зрения, захват русского престола, Василия Шуйского — за «самопоставление и скоропомазание». Только царь Федор удостоивается его одобрения и похвалы. Безусловному проклятию подвергается «розстригино беззаконное царство». «Временник Ивана Тимофеева» представляет собой сборник очерков и характеристик отдельных политических деятелей конца XVI — начала XVII в. Его отличает большая достоверность фактов и четкая публицистическая окраска.

Исключительное место в истории русской публицистики XVII в. занимают произведения, сложенные сторонниками простого народа. Это ряд псковских повестей и сказаний, возникших в среде посадских людей, которые так же, как стрельцы и крестьяне, принадлежали к «меньшим людям», т. е. к угнетаемой части городского населения. Из этих сочинений в первую очередь следует отметить «Повесть о разорении Пскова», вошедшую в состав Псковской летописи и отличающуюся своей демократической направленностью. Автор повести с явным сочувствием к «меньшим людям» повествует, как в Пскове разгорелась борьба городских низов с «лучшими людьми» — боярами, купцами и духовенством, как «меньшие люди» захватили в городе власть, но «лучшие люди» составили заговор и подавили восстание. В «Повести» названо имя одного из вождей народного выступления — крестьянина Кудекуши Трелеца, обрисованы подробности хода восстания. В конце «Повести» автор скорбит о горькой судьбе «меньших людей», подвергшихся жестоким пыткам после разгрома восстания. «Повесть о разорении Пскова» представляет собой редкий памятник публицистики, отразивший взгляды угнетенного большинства России первой половины XVII в.

• В ряду исторических источников литературно-публицистического характера XVII в. необходимо отметить «Сочинение о России» Григория Котошихина, «Житие протопопа Аввакума», сатирические повести.

Автор «Сочинения о России в царствование Алексея Михайловича» Григорий Котошихин, будучи подьячим Посольского приказа, участвовал во многих дипломатических переговорах с иностранными государствами, бывал в Швеции и Польше. Изменив России, он в 1664 г. бежал за границу. Котошихин скитался по Польше и Пруссии, был в Любеке и, наконец, перебрался в Швецию, где прожил сравнительно недолго. Однажды, напившись пьяным, он убил своего домохозяина, был за это судим и казнен. Рукопись с русским текстом «Сочинения о России» Котошихина хранится в университетской библиотеке г. Упсалы. Сравнение почерков этой рукописи с известными образцами письма Григория Котошихина показало, что упсальский список является авторским автографом и, следовательно, относится к 60-м годам XVII в. Свое

произведение Котошихин написал по заказу шведского правительства, враждебно настроенного по отношению к России. Желание угодить заказчику сделало труд Котошихина тенденциозным в оценке многих явлений русской жизни. Однако несмотря на это «Сочинение о России» является первостепенным источником.

В 13-ти главах своего труда Котошихин подробно описал обиход русских царей и цариц, чины и разряды московских служилых людей, посольские приемы и образцы дипломатических титулов. Всесторонне охарактеризованы московские приказы, их организация и работа, обязанности дьяков, подьячих, писцов. Значительное место в сочинении отведено описанию русских городов с воеводским управлением. Отдельные главы посвящены крестьянам и торговым людям, при этом местами приведены интересные факты и цифры по землевладению и торговле. Весь этот обширный фактический материал изложен в форме живого описания с элементами оригинального юмора, точным и образным языком. Благодаря этому сочинение воссоздает запоминающуюся колоритную картину жизни России накануне петровских преобразований.

«Житие протопопа Аввакума», появившееся в 70-х годах XVII в. в связи с событиями церковного раскола и известное во многих списках, можно сопоставить с традиционными русскими житиями только по заглавию, отдельным изречениям из книг христианской канонической литературы да некоторым образом церковной фантастики, вкрапленной в текст. По содержанию это автобиография или, если принять во внимание широту охвата Аввакумом современных ему событий, первые русские мемуары. Фанатичный поборник старообрядчества, Аввакум в своих воспоминаниях много рассказывает о перипетиях церковного раскола, о преследовании старообрядцев официальной церковью и государственной властью. Пишет он и о тяжелом положении простого люда, голоде, тюрьмах, жестоких воинских начальниках. В «Житии» есть любопытные бытовые зарисовки, например эпизод прихода в село скоморохов, у которых были «плясовые медведи с домрами и бубнами». Значительное место занимают описания природы и населения Сибири. Содержание «Жития» показывает, что это многоплановый исторический источник. Но особое его значение состоит в том, что это сочинение с его антицерковной и антиправительственной направленностью представляет один из самых выразительных памятников оппозиции официальной идеологии XVII в.

Источником, характеризующим оппозиционные настроения демократических слоев русского общества XVII в., в первую очередь посадских людей, являются сатирические повести: «Азбука о голом и небогатом человеке», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Служба кабаку», «Калязинская челобитная». Пародируя формы делопроизводственных документов и церковной письменности, эти сочинения обличают пороки господствующих классов и официальной церкви.

Так, рассмотренные литературные и публицистические памятники XI—XVII вв. показывают, насколько богатый исторический материал имеется в этих источниках. Не всегда отличаясь документальной точностью, они тем не менее необходимы для исторических исследований. Именно эти памятники позволяют нарисовать полнокровную живую картину эпохи, так как благодаря своей художественной форме передают колорит времени и страны. В них исследователь находит массу бытовых деталей, а нередко и новые исторические факты. Публицистические и литературные произведения служат основными источниками по истории идеологии, отражая взгляды современников на важнейшие процессы и события жизни их общества. Однако при работе с источниками этого типа следует принимать во внимание, что они отличаются сравнительно узким хронологическим диапазоном изображаемых событий. Им, как памятникам повествовательного характера, свойственна политическая тенденциозность и авторский субъективизм. Для них характерно присутствие элементов художественной фантазии, а для многих — сильной церковной окраски. Критически уяснив черты ограниченности литературных и публицистических произведений, их с успехом можно использовать в исторических исследованиях.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ
СССР X—XVII вв.§ 1. Источники по истории Закавказья,
Средней Азии, Прибалтики и монголо-татарских завоеваний
в XI—XIII вв.

Среди источников по истории Армении выделяется «Судебник» Мхитара Гоша (примерно 30-е годы XII в. — 1213 г.) — кодекс армянского феодального права, над которым автор работал с 1184 г. до самой смерти. «Судебник» был своеобразным руководством для судей, и в его основу были положены различные источники. Одну группу источников составили Моисеевы законы в изложении их по Библии, а также постановления некоторых вселенских соборов, статьи Василия Великого, заимствованные из Номоканона (сборник церковных и гражданских законов, относящихся к церкви). Эти источники истолковывались применительно к правовым нормам Армении. Другую группу источников представляли нормы обычного права. Исследователи отмечают, что из 130 статей «Судебника» 56 основаны на обычном праве. «Судебник» дает довольно четкую картину противоречивых социально-экономических взаимоотношений в Армении XII—XIII вв.

В конце X — первой половине XI в. обширную историческую хронику в трех книгах «Всемирную историю» написал Степанос Таронаци (Асохик). В трех книгах излагается библейская история (от Авраама до 286 г. н. э.), история армян до 885 г., история 885—1004 гг. Для первых двух книг Асохик использовал сочинения Мовсеса Хоренаци и Гевонда. Наибольший интерес представляет третья книга, которая составлялась автором по более точным свидетельствам и как современником.

Как бы продолжением третьей части труда Асохика является сочинение армянского историка XI в. Аристакеца Ластивертци — «История Армении» за 1001—1072 г. Ценность этого труда заключается в значительной достоверности приводимых фактов, так как некоторые события описываются очевидцем, о чем автор уведомляет: «Знаю достоверно и видел своими глазами». Ластивертци приводит важные материалы о восстании тондракийцев, которому посвящены две главы «Истории», о падении Багратидского царства в Армении, нашествиях сельджуков, опустошении страны, разрушении крупных торговых городов Ани, Арци и др.

В XIII в. армянским ученым-монахом Варданом (ум. в 1271 г.) была составлена «Всеобщая история» с древнейших времен до 1267 г. Помимо общих сведений о Закавказье, Вардан сообщает о тяжелых последствиях набегов и владычества монголо-татар,

мечла «сосуд горького укуса и осадок гнева божия был излит на народ».

По истории монголо-татарского нашествия и владычества большой материал дает труд Киракоса Гандзакеци (1200—1271 гг.) «История Армении». Первая часть рассматривает события с начала IV в до 1197 г., вторая — с 1197 по 1265 г. Во второй, наиболее ценной части много сообщений, сделанных очевидцем, бывшим и пленю у монгол: «Есть что сам видел своими глазами, есть что сам слушал своими ушами». В ней рассказывается о появлении татар на Кавказе в 1220—1221 гг., их жестокости, разрушении городов, быте татар, дается словарь татарских слов с переводом на армянский язык. Гандзакеци неоднократно выходит за рамки истории Армении, приводя материалы о Грузии и других странах, иногда читателя в обстановку сложных политических взаимоотношений на Кавказе.

Для изучения истории Закавказья обширный материал дают грузинские исторические труды и грамоты. Наиболее важные исторические факты сохранились в сборнике грузинских летописей, возникшем в XII в. и неоднократно пополнявшемся вплоть до XIX в., — «Картлис Цховреба» («Житие Картлии»).

Сохранившиеся списки «Картлис Цховреба» представляют собой сборники летописей, которые в силу их особенностей сложения, редактирования, пополнения можно разделить на две группы. В первую входят летописи до XIV в., составившие так называемую «Древнюю Картлис Цховреба». Вторая представлена сборниками XVIII в., куда вошли отредактированные материалы Древней Картлис Цховреба и изложение истории Грузии XIV—XVIII вв. Особое значение имеют списки летописей первой группы. В их составе находятся: «Жизнеописание первых грузинских отцов и царей» Леонтия Мровели (XI в.), доведенное до V в.; «История царя Вахтанга Горгасали» Джуаншера (XI в.) с событиями V—VIII вв.; «Мученичество царя Арчила» Леонтия Мровели; «Летопись Картли» анонимного автора XI в., охватывающая время VIII—XI вв.; «История царского рода Багратиони» Сумбата Давитсадзе (XI в.); «История царя царей Давида» неизвестного автора XII в.; две «Истории царицы Тамары» (XIII в.); «История царей Дэметрэ, Георгия, Тамары, Лаша Георгия» и «Хронография» с событиями истории Грузии XIII—XIV вв. Составленная из ряда произведений разных авторов летопись не производит впечатление цельного исторического труда. Многие сообщения, и частности Мровели и Джуаншера, носят сказочно-легендарный характер, что сближает их, как отмечают исследователи, со средневековыми хрониками. Значительно больший конкретно-исторический материал имеет «Хронография» анонимного автора XIV в., рассматривающая историю Грузии от царствования Георгия Лаша (1213—1222 гг.) до воцарения Георгия Блистательного (1341 г.). Автор рисует картину разорения страны в XIII в. вначале хорезмшахом Джелал-ад-дином, а затем монголами, отмечает их губительные последствия: голод, истребление населения.

разрушение городов, тяжесть налогов и т. д. Для историка очень важны сообщения о государственном строе, управлении, церковной жизни, быте и других сторонах жизни Грузии этого периода, которых мы не находим в других исторических источниках.

При плохой сохранности архивов Грузии большое значение приобретает тщательное источниковедческое изучение дошедших до нас немногих актовых материалов, представляющих собой грамоты имунитетного характера. Они в основном устанавливают привилегии феодалов. Исследователи отмечают большую достоверность этих актов.

В копии сохранилась древнейшая грамота, оригинал которой относят к X в. В оригинале, на пергаменном свитке дошла грамота — «гуджар» 1058 г., данная царем Багротом Шио-Мгвимскому монастырю. В ней говорится о пожаловании «отца Шио и святым отцам мгвимским» земель в ущелии «во всех его границах с полем, равниною, водою, лесом, мельницею и со всем потребным и непотребным» (т. е. со всеми годными и негодными землями), с освобождением монастыря от всех повинностей в пользу государства.

От начала XII в. (1123 г.) дошла жалованная грамота тому же Шио-Мгвимскому монастырю Давида Строителя, которой определяются повинности монастырских крестьян и передаются монастырю функции суда и расправы над крестьянами. 1193 годом датируют грамоту царицы Тамары, которая была дана монастырю в Гелати. Хотя грамота дошла до нас в испорченном виде, ее текст восстанавливается по позднему списку, сделанному, видимо, с оригинала. Обращает на себя внимание, что и эта грамота составлена по установившемуся формуляру пожалования. В ней перечисляются земли, отходящие к монастырю, «с горой и равниной, лесом, полями, водой, мельницей и со всеми [своими] справедливыми границами и причитающимися ему [землями], годными и негодными».

Жалованные имунитетные грамоты очень важны для изучения феодальных отношений в Грузии XI—XIII вв. В них отражается социальная структура общества, роль и место духовенства, податная система, судебные имунитетные права церкви, положение отдельных групп крестьян.

Письменные источники по истории Средней Азии сложны по составу материалов и характеру изложения. Основной их особенностью является хроникальное описание событий, которое дается с точки зрения идеологии господствующего феодального класса. При довольно большом числе разнообразных трудов, появившихся в XI—XII вв., их материалы требуют тщательного критического анализа.

Наибольшую известность получили сочинения ал-Бируни, Гардизи, Бейхаки и Казвини.

Ахмед ал-Бируни (973—1048) написал ряд трудов по математике, географии, астрономии и т. д. Своеобразный историко-астрономический трактат «Памятники минувших поколений» содержит

много интересных материалов по хронологии и праздникам известных ему народов. Они даются вместе с замечаниями об исторических событиях, которые отличаются высокой достоверностью.

Ученым Бируни считают Гардизи, который между 1049—1053 гг. написал сочинение «Украшение летописей», где собрал большой материал по истории Хорасана. Помимо этого Гардизи изложил историю древнеиранских царей и халифов, для чего использовал материалы источников, не дошедших до нашего времени.

Современник Гардизи, Абу-ль-Фазль Бейхаки (около 996—1077) написал большой тридцатитомный труд «История Бейхаки», который сохранился в небольшой части, относящейся к правлению Масуда (1030—1041). В какой-то степени «Историю Бейхаки» можно считать мемуарами, автор которых около двадцати лет служил в канцелярии Масуда Газневи и был свидетелем многих событий. Сообщаемые в «Истории» сведения раскрывают характер дипломатических отношений, политику Газневидов, дают представление о феодальном быте, положении народа, налогах и других вопросах.

К 1110 г. относятся «Избранная история» и «Услада сердец» Хамзагиша Казвини (1281—около 1350), которые помимо сведений о монгольских плыханах и местных династиях Ирана сообщают интересные факты о Средней Азии и Азербайджане. Особую ценность представляют географические материалы и данные о налоговой политике. О последней Казвини писал как крупный финансовый чиновник, служивший Хулагуидам.

Материалы по истории монгольских завоеваний в Средней Азии и на Кавказе имеются в ряде других исторических трудов на арабском и персидском языках.

Персидский историк и государственный деятель Джувейни (1226—1283), поступивший на службу к монгольским ханам, жил в Средней Азии, в Уйгурии и Монголии. Около 1260 г. им была написана трехтомная «История миропокорителя», где излагалась история монгольских походов и завоеваний Чингисхана, история хорезмшахов и монгольских наместников в Иране. Используя многие устные рассказы и письменные источники, Джувейни не скрывает промонгольской направленности своего труда, хотя и говорит об отрицательных сторонах монгольского владычества.

До 1231 г. довел свою «Полную историю» арабский историк Ибн аль-Асир (1160—1234). Первая часть его труда — это сокращенное изложение «Истории» ат-Табари (до 923 г.), далее следует изложение, основанное на использовании имевшихся письменных источников, устных рассказов и личных наблюдений. У Ибн-Асира есть рассказ о битве русских с монголо-татарами на р. Калке в 1223 г.

Наиболее важным источником по истории монгольских завоеваний и сложившейся политической и социально-экономической обстановке является труд Рашид-ад-дина (1247—1318), служившего vezиром у монгольских ханов в Иране. Ученый-энциклопедист, врач, крупный государственный деятель, Рашид-ад-дин напи-

сал несколько сочинений, из которых особую ценность представляет «Сборник летописей», две части которого (из трех) дошли до нашего времени. В первой части — история монголов, Чингисхана и созданных монголами государств (до 1304 г.), во второй — всеобщая история. С источниковедческой стороны обе части вызывают особый интерес, так как автор пользовался документами архива монгольских ханов, написанными на монгольском языке, и монгольским письмом, которые ранее никому не давали для прочтения.

Рашид-ад-дин сделал смелую попытку создать «Всеобщую историю» известных тогда стран и народов, используя с этой целью свидетельства разных ученых. В труде много материалов, имеющих первостепенное значение для истории Средней Азии, а также Закавказья (особенно Азербайджана) в эпоху монгольских завоеваний.

Об истории монголо-татар повествуют в своих сочинениях западноевропейские авторы: Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло.

Монах-францисканец Плано Карпини (1182—1252), будучи послом папы Иннокентия IV, совершил в 1246—1247 гг. через Киев, Хорезм, Семиречье, Тарбагатай поездку в Монголию (Каракорум). Отчет о поездке составил содержание «Сообщений о татарах». Плано Карпини довольно подробно описывает пройденный путь, приводит сведения о Монгольском государстве и народах, ему подвластных.

В 1253—1255 гг. во главе посольства Людовика IX посетил Монголию монах Виллем Рубрук (Рубруквис) (род. между 1215 и 1220 — ум. около 1270 г.). Его путь в Каракорум проходил через Константинополь, Крым, Донские степи, Среднюю Азию, а обратно он возвращался через Сарай, Астрахань, Дербент, Грузию, Армению, Малую Азию. Труд Рубрука, известный под названием «Путешествие в восточные страны», содержит сведения о Каракоруме, где он пробыл около пяти месяцев, об областях, через которые проходило посольство. Исторические, географические известия отличаются большой достоверностью. Однако следует учитывать, что посольство Рубрука имело определенные политические и религиозные цели (союз против тюрок-сельджуков и Никейской империи и принятие католицизма монголами), которые не были достигнуты. В связи с этим отдельные оценки событий требуют критического отношения со стороны исследователей сочинения Рубрука.

Интересные данные по истории Азии сохранились в «Книге» итальянского путешественника Марко Поло (1254—1324), который вместе с отцом и дядей (венетскими купцами) совершил далекое путешествие в Китай. Около семнадцати лет Марко Поло был на службе у монгольского хана Хубилая, а затем вернулся в 1295 г. на родину.

Описание путешествия было записано на старофранцузском языке пизанцем Рустичано, с которым Марко Поло, захваченный генуэзцами во время войны с Венецией, находился в тюрьме. Сообщение Марко Поло долгое время воспринимались как фантастический рассказ, хотя на самом деле они отличались большой досто-

ностью. Особое значение имеют известия, относящиеся к истории Китая, Средней Азии и Кавказа.

Среди письменных источников по истории Прибалтики выделяется «Хроника Ливонии», составленная в 1224—1227 гг., как предполагают, католическим священником одного из латышских приходов Генрихом Латвийским (около 1187—1259). Идеолог немецких крестоносцев и участник походов в латышские и эстонские земли, автор составил «Хронику» в трех книгах по числу ливонских епископов (примерно с 1180 по 1227 г.): Мейнарда, Бергольда и Альберта. «Хроника» особенно подробно в третьей книге, которая разделена по годам епископства Альберта («второй год епископства Альберта», «третий год...» и так с 1198 по 1226 г.). В книге рассказывается о появлении в Ливонии Альберта, захвате крестоносцами земгальской гавани на Двине и основании Риги (1201), организации ордена немецких рыцарей (меченосцев), разбойничьих походах этих «христовых рыцарей» на ливов и эстов, приводивших к разрушению городов и сел, истреблению населения, уводу в плен женщин и детей. В «Хронике» имеется подробный рассказ об осаде и взятии ливонцами города Юрьева, который защищали эсты и русские во главе с князем Вячко, и истреблении его защитников и населения (1224). В этом источнике сохранились некоторые материалы актового характера. В частности, сообщается о договоре 1222 г. Мстислава Давыдовича Смоленского (от имени Полоцка и Витебска) с Ригой, который до нас не сохранился.

При всей тенденциозности «Хроники» исследователь получает большой конкретный материал по истории народов Прибалтики и их славянских соседей конца XII—XIII вв.

В конце XIII в. возникла так называемая «Рифмованная хроника», автор которой — немецкий рыцарь — поставил перед собой задачу прославить Ливонский орден. Написанная в грубой стихотворной форме, «Рифмованная хроника» дает сравнительно мало материала, лишь описание событий 1278—1290 гг., где автор выступает как очевидец, представляют определенный интерес. Наибольшее значение имеют сведения о битвах ордена с литовцами и рассказ о Ледовом побоище 1242 г. на Чудском озере.

§ 2. Источники по истории Украины, Белоруссии, Литвы, Прибалтики, Закавказья и Средней Азии в XIV—XVII вв.

Акты Великого княжества Литовского. Значение актовых материалов, возникших в Великом княжестве Литовском, важно для изучения не только самой Литвы, но и тех территорий, которые входили в состав государства: Украины (кроме Галиции и Закарпатья), Белоруссии и части русских земель. С образованием Речи Посполитой в 1569 г. украинские земли отошли к Польше, а белорусские оставались в составе Литовского Великого княжества, ставшего частью Речи Посполитой. Русские земли еще в начале XVI в.

вошли в состав Русского государства. Особенностью Великого княжества Литовского был его многонациональный характер с преобладанием украинского и белорусского населения. Лишь на раннем этапе существования Великого княжества Литовского документы составлялись на латинском языке, а с XV в. основная масса их составлялась на русском (белорусском) языке. С образованием Речи Посполитой польский язык распространяется на всю территорию государства (Украину, Белоруссию, Литву).

Основной массив актов Великого княжества Литовского находится в книгах «Литовской метрики», где собраны документы с конца XIV до конца XVIII в. Их можно рассматривать как архив государственной канцелярии, пополнявшийся на протяжении длительного времени. «Литовская метрика» отражает особенность формы записей различных документов в книги. По правилам государственной канцелярии Великого княжества Литовского со всех документов от имени великого князя, государственного совета («панов рады»), сейма, а также входящих документов делались копии или записи более или менее пространного содержания, которые вносились в специальные книги. Они в какой-то степени напоминают «копийные» книги, составлявшиеся в России. Таким образом, «Метрика» в большинстве случаев не сохраняла текст оригинала, а давала только его краткое изложение. Тем не менее «Метрики» составили 600 книг. В конце XVI — начале XVII в. с книг-оригиналов были сделаны копии, в виду того, что оригиналы сильно обветшали и пользоваться ими было трудно. Так как впоследствии большинство этих оригиналов погибло в пожаре, то книги-копии стали единственными источниками, сохранившими акты до конца XVI в.

Все книги «Метрик» в зависимости от содержания делятся на «Книги данин», «Книги справ судебных», «Книги аренд», «Книги посольств». Однако тематический подбор документов не всегда выдерживался.

Огромное значение имеют книги, содержащие документы о социально-экономическом развитии Белоруссии и Литвы. Здесь находятся акты на земельные владения, о создании городов, открытий торгов, ярмарок, корчем, таможенных сборах, арендах, разнообразных привилегиях. Материалы судебного-правового характера раскрывают систему феодальной эксплуатации, социально-классовую политику государства, содержат интересные факты, свидетельствующие о борьбе народа с феодальным гнетом. Документы внешней политики, собранные в особых книгах, представлены «листами» к иноземным правителям, наставлениями послам и другими материалами дипломатического характера.

Большинство документов за XV—XVI вв. написано на белорусском языке, позже — на польском. Несмотря на многочисленные обращения к материалам «Метрик», они еще нуждаются в серьезном источниковедческом анализе.

Значительную группу актовых источников по истории Великого княжества Литовского составляют жалованные грамоты (приви-

тн), которые давались великим князем на земли, освобождение от налогов, горги и т. д. Среди них особо выделяются привилеи (уставы), данные дворянству — шляхте. Они свидетельствуют о феодальных правах дворянства и определяют экономическое и юридическое положение католической церкви. Именно такой характер носит Городельский привилей 1413 г., объявивший унию Польского королевства и Великого княжества Литовского. Этим привилеем определяются прежде всего политические права высшего католического духовенства, панов и шляхты. Католики-феодалы освобождались от ряда повинностей в пользу великого князя, получили права на избрание польских королей и литовских великих князей, а также на участие в совете (раде) Великого княжества Литовского. Основная мысль привилея сформулирована в третьей статье, где говорится: «Паны и также бояре — шляхта земель наших, названных выше, дарениями, привилегиями и пожалованиями, им нами дарованными, данными, уделенными, только католики и Римской церкви подвластные, и кому гербы пожалованы, наслаждаются, владеют и пользуются, как паны и шляхта королевства Польского своими владеют и пользуются».

Расширение прав католического духовенства и шляхты, освобождение шляхетства от посылки своих крестьян для выполнения повинностей в пользу великого князя, передача судебных прав над крестьянами их владельцам зафиксирована в привилее 1447 г. великого князя Казимира.

Помимо привилеев, носивших общегосударственный характер, сохранились жалованные акты на отдельные земли, уезды (поветы) — Смоленской (1505), Киевской (1529), Полоцкой (1547) и других земель, а также грамоты городам о даровании им самоуправления на магдебургском праве (Вильно, Троки — 1387 г., Киев — 1516 г. и др.).

Материалы политической истории, истории шляхетских вольностей сохранились в дневниках государственных сеймов и сеймиков поветов Великого княжества Литовского. Особенно ценны документы, отложившиеся в «Дневнике» Люблинского сейма 1569 г. В течение нескольких месяцев шли дебаты об унии Литовского княжества с Польшей, которые отразили острые противоречия шляхты и литовских магнатов. Две редакции «Дневника» имеют текстуальные различия, хотя и составлены они сторонниками унии, видимо, в Польше. Протокольные записи речей литовских и польских делегатов дают возможность проследить выработку основных положений, на основе которых образовалась Речь Посполитая.

Обширные материалы по социально-экономической истории, положению крестьян, городского населения, ремесленным цехам, судебной системе сохранились в книгах гродских, земских, магистратских судов и в книге высшего судебного органа Великого княжества Литовского (с 1581 г.) — Трибунале.

В земских судах судебными чиновниками, выбираемыми на всю жизнь и утверждаемыми королем, рассматривались гражданские

дела между шляхтой повета. В гродских судах судебные разбирательства совершались городским судьей, подсудком и писарем под председательством воеводы или старосты. Решения этих судов могли быть обжалованы в Трибунале.

Особый характер носили так называемые подкоморные суды. Так как они разбирали споры о поземельной собственности, то отложившиеся дела важны для решения вопросов, связанных с землевладением и землепользованием.

Города, управлявшиеся на основе магдебургского права, имели магистратские суды, в делопроизводстве которых отложились гражданские и уголовные дела, дающие материалы не только чисто судебного порядка, но и рисующие социальные и бытовые условия жизни городского населения.

Для изучения хозяйства и крестьянского населения Украины, Белоруссии и Литвы в XVI—XVII вв. крайне важны уставы, инвентари и ревизии. Уставы предназначались для господарских (великокняжеских) имений и имели областные отличия, что связано с характером хозяйств. Такими были, например, уставы 1514 г. для Виленского и Трокского поветов. На основе местных уставов в 1557 г. был выработан «Устав на волоки», который в дальнейшем дополнялся, уточнялся и был образцом для будущих уставов. Целью устава было размежевание княжеских и боярских земель, проверка прав на владения, возвращение великому князю земель, захваченных боярами, перепись крестьян и их земель, установление крестьянских повинностей. Основной податной единицей была установлена «волока», считавшаяся нормальным наделом для крестьянского двора (около 21 га в трех полях). С этой волоки определялись крестьянские повинности, состоявшие из барщины, натуральных и денежных взносов и т. д. Введение «Устава на волоки» привело к государственному обмежеванию господарских земель, установлению твердых поступлений в великокняжескую казну. Постепенно волочная система была распространена на все феодальные владения (исключая мелкую шляхту), что способствовало укреплению феодальной собственности на землю, разрушило наследственность крестьянских владений, усилило закрепощение крестьян, привело к широкому развитию фольваркового хозяйства за счет крестьянских земель и увеличения барщины.

Хозяйственные описания Великого княжества Литовского сохранились в инвентарях (описях) и ревизиях начиная с XVI в. В инвентарях, как правило, указывается граница имений, сведения о господской усадьбе, хозяйстве (фольварке), о церкви и духовенстве, городах и деревнях, количестве хозяйств в них, обеспеченности земель, рабочей силой, инвентарем. Инвентари отмечают также источники и размеры доходов, подати и повинности горожан, крестьян, общин, национальный состав и вероисповедание населения, качество почв, леса, водные пути и т. д.

Близки к инвентарям ревизии, периодически проводившиеся как в имениях великого князя, так и частных владельцев. Если инвентари представляют описания широкого плана со всесторонним

описанием территории, то многие ревизии имеют более локальную ценность. Так, «Ревизия пущ и переходов» 1559 г. и «ординация» (устаревшее) 1631 г. включают материалы о лесных угодьях Великого княжества Литовского.

Ценные материалы по экономике имеются в писцовых книгах. В них основное внимание уделялось описанию городов и селений, установлению изменений границ между ними, однако в них есть сведения и о крестьянских повинностях.

Законодательные установления Великого княжества Литовского нашли свое отражение в кодексах феодального права — Литовских статутах. Известны три статута — 1529, 1566 и 1588 гг.

Первый Литовский статут был выработан сеймами 1528 и 1529 гг. Он имел 13 разделов, делившихся на артикулы или статьи. Изюмками его были привилеи 1447, 1529 и других годов, материалы текущего судопроизводства, «Русская Правда», некоторые положения римского, польского и немецкого права. Исследователи первого статута отмечают не только неполноту его, но и противоречивость отдельных статей. Возможно, что это было одной из причин, приведших к появлению второго Литовского статута 1566 г. Вопрос о его выработке обсуждался еще на Берестейском сейме 1544 г. Новый статут поправил погрешности предыдущего, дополнил его новыми статьями, включенными в 14 разделов. Однако последовавшая вскоре уния Литвы с Польшей потребовала внесения целого ряда исправлений и добавлений, что было зафиксировано в постановлении Люблинского сейма 1569 г. Необходимо было согласовать нормы Литовского статута 1566 г. с польскими законами.

Третий Литовский статут был утвержден в 1588 г. королем Сигизмундом III и стал законодательным актом для территории Великого княжества Литовского в ее границах после Люблинского унии. Третий статут состоял из 14 разделов. В них говорится о «парсоне господарской», т. е. власти великого князя (раздел 1); об основных положениях военной службы (раздел 2); о вольностях шляхетских (раздел 3); о гражданском и уголовном праве, судьях и судах, приданом, завещаниях, земельных спорах, межах и т. д. (разделы 4—14).

Если сравнивать все три статута, то нетрудно заметить их ярко выраженный классовый характер, изменение расстановки сил феодалов, усиление закрепощения крестьян. В частности, прослеживается эволюция политического строя Великого княжества Литовского от магнатской к шляхетской монархии, установление словных привилегий шляхетства, оформление его кастового характера, защита земельных прав литовской шляхты от посягательств польских магнатов. Статуты дают возможность проследить некоторые этапы закрепощения крестьян, которое завершилось статутом 1588 г., оформившим единое сословие крепостных крестьян.

Если статуты 1529 и 1566 гг. известны по рукописным описаниям, то статут 1588 г. был напечатан на белорусском языке. Некоторые материалы Литовского статута 1588 г. были использованы составителями Соборного Уложения 1649 г.

Украинские, белорусские и белорусско-литовские летописи.

Сохранившиеся летописные памятники XIV—XVII вв. сравнительно невелики и составляют, очевидно, только часть имевшихся летописей. Тем не менее они дают представление о характере летописей, путях их развития, содержаниях.

Густынская летопись, названная так по одному из списков XVII в., принадлежавшего Густынскому монастырю на Полтавщине, состоит из двух частей. Первая по содержанию близка к Ипатьевской летописи, а вторая часть (1300—1597 гг.), хотя и очень краткая, отличается определенной самостоятельностью. Летописец использовал и некоторые другие источники (Воскресенскую летопись, византийские, польские, западноевропейские хроники, русские современники), на которые он делал ссылки на полях рукописи. Возможно, что летопись оканчивалась 1515 г., так как статьи о начале казаков (1516), новом календаре (1582) и унии (1588) носят характер приписок. Наибольшую ценность представляют известия летописи о войне с татарами (1489), восстании Мухи Волошина (1491), войне Ивана III с Литвой. Автор выступает как защитник украинского народа и защитник православной церкви.

Супрасльская летопись представляет собой сборник летописных текстов первой половины XVI в. Рукопись принадлежала Супрасльскому монастырю под Белостоком. В основе летописи — извлечение из Новгородской IV и Новгородской V летописей, восходящих к псковскому своду XV в. Ряд известий восходит к Киевской летописи с событиями за 862—1515 гг. Предполагают, что в последней части события 1491—1514 гг. записаны современником-очевидцем. Среди них находится повесть о битве под Оршей в 1514 г.

Ценнейший исторический материал содержит «Летопись Самовидца», приписываемая исследователями генеральному подскарбию Роману Ракушку-Романовскому. Летопись начинается кратким изложением событий с древнего времени до середины XVII в. Затем идет основная часть — «Летописец о начале войны Хмельницкого», после чего следуют записи дневникового характера до 1702 г. Отдельные списки летописи продолжены до 1734 г. Не исключено, что «Летописец о начале войны Хмельницкого» и продолжение принадлежат разным авторам. Логично видеть в авторе «Летописца» человека, тесно связанного с казацко-старшинскими кругами. Положительно оценивая воссоединение Украины с Россией, всячески восхваляя старшину, автор в то же время видит в освободительной войне под руководством Богдана Хмельницкого лишь проявление борьбы против гнета польской шляхты и администрации. В связи с этим антифеодалные выступления казачьих низов и украинского крестьянства находят резкую, отрицательную оценку. При определенной тенденциозности в оценке событий в летописи отложился значительный конкретно-исторический материал по истории освободительной борьбы украинского народа против гнета панской Польши.

Материалы об освободительной борьбе украинского народа сохранились также в составе Хмельницкой и Львовской (Львовско-русской) летописях.

«Хмельницкая летопись» (от местечка Хмельник на Подолии) охватывает события за 1636—1650 гг., которые происходили на Подолии, отчасти Волыни и Киевщине. Ее неизвестный автор, современник событий, сочувственно относится к крестьянско-казацким восстаниям и начавшейся освободительной войне.

«Львовская летопись», как считают, была написана служителем войсковой канцелярии при Богдане Хмельницком Михаилом Гунашеским. Первая часть летописи (1498—1626) не представляет большого интереса. Во второй части (1626—1649) автор выступает как очевидец и современник, подробно освещая казацкое восстание 1630 г.

Для изучения истории Украины XVII в. большой материал дают летописи Грабянки и Величко, хотя они были созданы в XVIII в.

«Летопись Грабянка» была написана в начале XVIII в. Григорием Грабянкой — видным деятелем казацкой старшины, гадяцким полковником. Идея летописи — дать историю Украины с древнейших времен до 1709 г. (избрание гетманом Скоропадского). Однако наибольшую ценность имеет часть, повествующая о событиях XVII в., особенно периода 1648—1655 гг., от битвы при Желтых Водах до похода Хмельницкого и Бутурлина в 1655 г.

«Летопись» Самуила Величко (1670 — около 1728) также вышла из-под пера человека старшинского круга. Автор ее служил в Генеральной войсковой канцелярии, откуда был уволен после казни В. Кочубея. Используя широкий круг источников: краткие казацкие летописные записи, универсалы, письма, грамоты, — Величко, видимо, недостаточно хорошо в них разбирался, чем объясняются многочисленные ошибки в летописи, охватывающей время с начала освободительной войны украинского народа до 1700 г.

Большое число известий по истории Украины, Белоруссии и Литвы сохранилось в составе белорусско-литовских (или, как их называли, «западнорусских», «литовских») летописей, написанных на белорусском языке. Их делят на две группы — Краткие и Пространные своды. Это деление, хотя и имеет некоторую условность, если судить по размерам летописей, отвечает характеру происхождения известий: в кратких списках имеются сведения главным образом белорусского происхождения, в пространных — литовского.

Краткая редакция белорусско-литовских летописей возникла не ранее конца XIV в. и не позднее XV в. Она состоит из общерусского свода в западнорусской обработке и «Летописца великих князей Литовских», созданного около 1428—1430 гг. Изложение событий в Краткой редакции доводится до 1446 г. Проникнутая идеей возвеличивания Великого княжества Литовского и его князей, Краткая редакция в то же время проявляет большой интерес к Русскому государству и тем связям, которые имелись между двумя соседними странами. Ценность многих известий определя-

ется записями современников, как, например, о Смоленском восстании 1440 г. против наместника великого князя Сигизмунда — Андрея Саковича. Отдельные списки летописи дают описание битвы при Грюнвальде и Танненберге в 1410 г., где объединенные русские, литовские и польские войска одержали победу над немецкими рыцарями.

К Краткой редакции относят «Летопись Авраамки», Супрасльский, Уваровский, Познанский, Никифоровский, Академический списки, а также «Хроники о великих князях литовских» Красинского. Среди них обращает на себя внимание несколько отличная от остальных «Летопись Авраамки», составленная в конце XV в. Название свое она получила от переписчика Авраамки. Летопись использовала компилятивный псковский свод, близкий к Новгородской IV и Новгородской V летописям, что придает ей известный общерусский характер. Вызывает интерес Супрасльский список, представляющий собой летопись в сборнике, переписанном в 1519 г. и впоследствии принадлежавшем Супрасльскому монастырю. В этом списке отразился первоначальный текст белорусско-литовской летописи в Краткой редакции, который лег в основу всех последующих сводов.

Пространная редакция белорусско-литовских летописей — «Летописец великого княжества Литовского» возникла во второй половине XVI в. в период обостренных дискуссий по поводу характера намечавшейся унии между королевством Польским и Великим княжеством Литовским. В этих условиях нужно было идеологическое, политическое обоснование ведущей роли и значения Великого княжества Литовского и его князей по отношению к Польше. Поэтому Краткая редакция летописей в Пространной редакции была дополнена легендарными, недостоверными в своей основе, сведениями о происхождении отдельных родов и литовской шляхты в целом и начальной истории Великого княжества Литовского. В ней нашла, в частности, отражение история о латинском происхождении литовского народа, поэтому летопись начинается с рассказа о некоем князе Палемоне, родственнике Нерона, бежавшем из Рима и поселившемся на Немане.

Пространная редакция представлена несколькими списками, которые, в отличие от Краткой, написанной жителями белорусских земель, по большей части белорусами, составлялись, как правило, в Литве. К спискам Рачинского, Евреиновскому, Румянцевскому и другим близка летопись («Хроника») Быховца, ныне утраченная, но сохранившаяся в издании 1846 г. «Хроника» обрывается на 1506 г. Текстологическое исследование свидетельствует, что кроме общих с Пространной редакцией источников автором использована летопись, близкая к Ипатьевской, а описание событий от 1453 г. носит самостоятельный характер.

По составу сведений обе редакции белорусско-литовских летописей можно разделить на две части — до последней четверти XIV в. они мало достоверны, а для конца XIV—XVI вв. дают значительный материал.

По истории Белоруссии середины XVI — начала XVII вв. первоценнейшее значение имеет Баркулабовская летопись, написанная на белорусском языке в городке Баркулабово (близ Орши) в середине XVII в. Она отличается от остальных белорусско-литовских («западнорусских») летописей не только сочным, живым, образным языком, но и особым, местным характером, так как основное внимание автора обращено на Баркулабово, Могилев, Полоцк и ближайшие районы. Материалы летописи неравномерно распределены во времени. Первое известие записано под 1545 г. (о Берестейском сейме 1544 г.), затем после некоторого перерыва освещаются события с 1563 по 1608 г., а в конце идет запись за 1633 г. Наиболее точные описания относятся к событиям последнего десятилетия XVI — начала XVII вв., где автор выступает их очевидцем. Известия о повседневной жизни простых людей, хозяйственном положении, быте крестьян, о времени и условиях проведения полевых работ заполняют страницы летописи. Чрезвычайное значение имеют записи более чем за 20 лет о ценах на рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, коноплю, горох, капусту, об урожайных и неурожайных годах, голоде и его последствиях для простых тружеников. Глубокий интерес к жизни народа, сочувствие к его страданиям и положению проходят через всю летопись. Летопись имеет ряд интересных сведений о действиях русских войск под Могилевом в конце Ливонской войны, об украинских казаках, бывших в Белоруссии, о Лжедмитрии II.

Церковно-полюемические сочинения XVI—XVII вв. связаны не только с церковным вопросом — взаимоотношениями католической и православной церквей, но и с тем социально-экономическим положением, которое складывалось с принятием той или иной веры. Влияние католической церкви усиливалось с созданием униатской церкви, образованной на церковном соборе в Берестье (Бресте) в 1595 г. Это событие привело к появлению ряда сочинений, одни из которых защищали унию и связанное с нею положение, а другие выступали против нее в защиту религиозных прав белорусского и украинского народов.

В защиту католической церкви и унии выступил ксендз-иезуит, ректор иезуитской академии в Вильне, а затем надворный проповедник Сигизмунда III Петр Скарга (1536—1612). Церковно-идеологическая позиция Скарги совершенно ясна: он был одним из инициаторов Брестской унии 1595 г. и в своем сочинении «Берестейский собор и оборона его» доказывал правомерность создания униатской церкви тем, что константинопольские патриархи православной церкви зависят от турок и «от пана бога прокляты», а также необходимостью церковного единства, под которым понималось подчинение православной церкви католической. По идейно-церковному содержанию к Скарге близок ряд других сочинений иезуитов, а также униатского епископа Ипагия Потя, доказывавшего, что униатская церковь не нарушила обрядов православной церкви.

В ответ на эти сочинения появился ряд белорусских и украинских произведений церковно-полемического характера, отстаивавших самостоятельность православной церкви и право населения ее исповедовать. К ним относится «Апокрисис» («Отповедь»), написанный в конце XVI в. автором, скрывшим свое имя под псевдонимом Христофора Филалета, «Панолидия или Книга обороны кафолической святой апостольской восточней церкви и святых патриархов и о греках и о россах христианех» епископа Захария Копыстенского и др. Наибольшее значение для понимания сути полемики имеет сочинение Ивана Вишенского «Книжка Иоанна мниха Вишенского от святых Афонские горы в напоминание всех православных христиан братствам и всем благочестивым в Малой России в короне Польской жительствоующим». Иван Вишенский (род. между 1540—1545 гг. — ум. в 20-х годах XVII в.) происходил из местечка Вишня в Галиции. Уйдя на Афон, принял монашество. В 1604—1606 гг. жил на Украине, затем снова вернулся в монастырь, откуда присылал послания. «Книжка» состоит из 10 глав с кратким «О чину прочтения сего писания» введением. Хотя основная задача Вишенского — обличение католиков и «латинян», однако по сути это трактат о равенстве народов, праве каждого человека исповедовать свою религию, ненависти народа к крепостничеству и национальному угнетению, праве его на свободу.

Об Украине, Белоруссии и Литве имеются материалы в сочинениях иностранцев. Исследуя эти сочинения, следует учитывать особенности, заключающиеся в подходе средневекового иностранца к явлениям и событиям другой страны, быту, праву, верованиям и воззрениям людей, а также трудности языкового характера (многие географические названия, имена, термины получают искажение).

Среди немногих иностранцев, посетивших в XV в. Восточную Европу, был бургундский рыцарь и дипломат Гильбер де Ланноа (1386—1462). В сочинении «Путешествия и посольства» он рассказал о посещении Ливонии, Новгородской и Псковской земель Литвы, Украины. Наибольший интерес представляют материалы описания городов (Рига, Нарва, Псков, Новгород, Дерпт, Вильно, Троки), а также наблюдения о политической жизни, быте, нравах населения Руси, Литвы, Ливонии.

Ценные сведения об Украине имеет «Дневник» Эриха Ляссоты (ум. в 1616 г.) — участника посольства 1594 г. германского императора Рудольфа II в Запорожскую Сечь для привлечения казаков на императорскую службу против турок. Заметки дневникового характера довольно точно отражают восприятие исторических фактов автором. Он подробно рассказывает о пребывании в Киеве, переговорах с казаками, дает интересные подробности быта и порядков запорожских казаков. «Дневник» Ляссоты включает также материалы о Молдавии, Польше и Швеции.

«Описание Украины» составлено французским инженером Гийомом Бопланом, который в 1630—1648 гг. был на польской службе и принимал участие в строительстве крепостей на юге Украины.

Помимо общих сведений об Украине интерес представляют описание Днепра с порогами, границ, а также составленные карты, изданные в 1648—1650 гг.

Источники по истории Прибалтики. Латвия и Эстония со второй четверти XIII в. до 1561 г. входили в состав Ливонии. Это наложило отпечаток на характер сохранившихся письменных источников как актов, так и описательного характера, написанных в основном на немецком языке.

Актовые материалы судебного характера показывают не только взаимные тяжбы феодалов, но и жесточайшую эксплуатацию эстонского и латышского населения немецким дворянским и бюргерским меньшинством. Источники свидетельствуют о барщине, доходившей в XVI в. в Латвии до 300 дней в году.

Документы органов городского управления, ландтагов, цеховых организаций представляют значительный интерес, так как во многих делопроизводственных записях отразилось социально-экономическое развитие земель, хотя в целом эти материалы носят тенденциозный характер, касаются узкокастовых групп населения. Протоколы ландтагов, статуты устанавливали судебные порядки, нашедшие отражение в судопроизводственной практике. Среди них выделяется Курляндский статут 1617 г., которым устанавливалось крепостное право и связанные с этим юридические и другие отношения.

Среди исторических произведений выделяются хроники, в разной степени продолжавшие развивать тенденции, заложенные ранее в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского и «Рифмованной хронике».

«Новая Рифмованная хроника» XIV в. сохранилась отрывками в составе поздних хроник. В ней даны описания 1315—1348 гг., которые были использованы в конце XIV в. при составлении хроники Германом Вартбергом, начальником канцелярии магистра Ливонского ордена «Хроника» Вартберга представляет интерес для изучения истории 1358—1378 гг., где в кратких записях много сообщений о войнах Ливонии с литовцами.

Наиболее значительным историческим сочинением XVI в. является «Хроника Ливонской провинции», составленная ливонским хронистом Бальтазаром Руссовым (ок. 1542—1600). Она была напечатана на немецком языке в 1578 г., а затем с добавлениями переиздана в 1584 г. Первые две части носят компилятивный характер; история Ливонии доведена до 1561 г. В третьей части (1561—1583) Руссов как очевидец рассказывает о Ливонской войне, оправдывая позицию Ревеля (Таллина) в этой войне и захват эстонских земель Швецией. Наряду с этим в «Хронике» отмечается неизбежность распада Ливонии, высказывается сочувствие тяжелому положению эстонских и латышских крестьян.

Несколько позже написал на немецком языке «Хронику Ливонии» Франц Ниенштедт (1540—1622), купец, помещик, рижский бургомистр. «Хроника» начинается с древнего периода, однако интерес вызывают описания XVI в. Часть их основана на «Хронике»

Руссова, личных воспоминаниях, использовании некоторых документов. Интересно сопоставление материалов «Хроники» с мемуарами Ниенштедта, охватывающих историю Риги (1571—1609).

Источники по истории Грузии XIV—XVII вв. представлены в основном историческими и географическими сочинениями.

«Памятник эриставов» был составлен в начале XV в. Как и другие труды этого времени, он не дает обобщающего представления о Грузии. Автора интересует история феодалов, что приводит к фиксации событий, относящихся к внутренней жизни ксанского и отчасти арагвского эриставств. К этому сочинению примыкает по характеру «Хроника Месхийской псалтыри», где изложены некоторые исторические события княжества Месхети (1559—1587).

Значительный материал по истории Грузии вошел в так называемую «Новую Картлис Цховреба» — летописный сборник, возникновение которого относится к началу XVIII в. Специально созданная «комиссия ученых мужей» как бы ликвидировала «пробел» предшествующих списков «Картлис Цховреба», дополнив их событиями XIV—XVIII вв. Комиссией были взяты материалы как из различных грузинских источников, так и из армянских, греческих, персидских и других памятников, а также из устных рассказов. Комиссия некритически восприняла многие материалы, что снижает значение приводимых известий. Определенной редакционной обработке подверглась «Древняя Картлис Цховреба», чем в значительной мере можно объяснить разночтения поздних списков летописи. В XIX в. к «Картлис Цховреба» причислили еще ряд исторических сочинений XVI—XVIII вв., затрагивавших историю Грузии.

Материалы по истории и географии Грузии до XVIII в. содержит «Сакартвелос Цховреба» («Жизнь Грузии»), составленная Багратиони Вахушти (1695 или 1696—1784 гг.), жившем с 1724 г. в Москве. Особую ценность имеют историко-географические описания Грузии с середины XV в. до 1744 г. с приложением хронологических и генеалогических таблиц, а также хорошо выполненных карт. Хотя многие материалы даются в обработке XVIII в., они восходят к ранним источникам.

Сохранились грузинские актовые материалы XVI—XVII вв., что позволяет с наибольшей достоверностью изучать социально-экономическую историю, особенно историю и положение крестьянства. Большинство сохранившихся грамот — иммунитетные и жалованные. В них отразилась история землевладения и землепользования, иммунитетные права феодалов, обязанности населения. Ряд актов касается судебного-правовых вопросов.

Многие вопросы социально-экономической, политической, правовой истории Грузии отразились в «Законах Вахтанга» — кодексе феодального права, составленном в 1705—1708 гг. при Вахтанге VI и основанном на более ранних юридических памятниках. Особое внимание в «Законах Вахтанга» уделено юридическому оформлению крепостного права.

По истории Армении XIV—XVII вв. сохранилось небольшое число письменных источников, особенно до второй половины XVII в.

Груд Аракела Доврижеци (Тавризского) (1595—1669) «Книга историй» впервые напечатан в 1669 г. в армянской типографии Амстердама. «Книга» рассказывает о событиях, совершавшихся в Армении в 1602—1662 гг., в том числе массовом переселении армян в Южную Персию, проведенном Шах-Аббасом. Аракел много путешествовал, записывал рассказы участников и очевидцев событий, изучал и использовал в своем сочинении памятные записки в рукописях, мелкие хроники и другие источники.

«История» Захария Канакерци (1627—1700) излагает события XV—XVII вв., связанные с Арменией, Ираном, Турцией. Однако наибольший интерес представляют материалы по социально-экономической, культурной истории, этнографии армянского народа XVII в., т. е. те сведения, которые отличаются конкретностью и достоверностью. Захарий Канакерци не ставил задачи критики используемых материалов: «Все, что понаслышке дошло до нас, го и написал я, и ложное, и правдивое..., а вы как хотите, так и делайте».

Наиболее крупным источником по истории Азербайджана XV в. является географическое сочинение ал-Бакуви «Отбор лучших памятников среди диковинок стран». Его ценность определяется интересными, точными описаниями Тебриза, Ардебиля, Барда, Нахичевани и других городов страны. Особенно подробно описан Баку.

В XVI в. была написана «Лучшая из историй». Из 12 томов до нашего времени дошли лишь два последних, охватывающих время с 1405 по 1578 г. Автор ее — Хасан-бек Румлу был придворным историографом, поэтому основное внимание уделено восхвалению деятельности иранских шахов. Наибольшую ценность представляют сведения о системе землевладения, сбориании налогов, народных восстаниях.

Как официальный историограф выступает в сочинении «Мироукрашительная Аббасова история» Искандер Мюнши, служивший секретарем (мюнши) в диване. Он имел возможность пользоваться архивом. Как современник Мюнши особенно подробно описал события 1578—1628 гг., где наряду с политической историей имеются сведения об экономике и народных восстаниях, к которым автор относился явно враждебно.

По истории Дагестана материалы имеются в сочинении конца XVI — начала XVII в. Мухаммеда Рафи Ширвани (из Ширвана) — «Повествование о династии Рустам-хана», у которого Мухаммед Рафи был на службе.

Источники по истории Средней Азии в значительной степени представлены сочинениями на персидском, таджикском и узбекском языках. Многие из них посвящены описанию Тимура (Тамерлана) и его походов. Выделяется труд Низам-ад-дина на персидском языке «Книга побед», составленный в 1401 г., с использованием официальных записей, и «Дневник похода Тимура в Индию» Гиясуддина Али. На их основе после смерти Тимура Шереф-ад-дином

была составлена еще одна «Книга побед», где приводится интересный подробный рассказ о походе Тимура против Тохтамыша.

Источником по истории Средней Азии и соседних стран служит труд Абд-ар-раззака (1413—1482), большую часть своей жизни проведшего в Самарканде и прозванного Самаркандским. В исторической хронике «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей» даны описания истории монголов, Тимура и Тимуридов с 1304 по 1471 г. на основе более ранних источников и дополнений собственных наблюдений.

Несколько повествований по истории Средней Азии сохранилось от конца XV—XVII вв. История ханских завоеваний описана таджикским поэтом Бенаи (ум. в 1512 г.). Одна из сохранившихся редакций известна под названием «Шейбони намэ» (книга о Шейбани-хане). Семитомный труд по истории (от «сотворения мира» до начала XVI в.) был написан Мирхондом (1433—1498): «Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов». Однако оригинальными считаются лишь часть шестого и седьмой тома, впоследствии завершенные, обработанные и дополненные до 1521 г. внуком Мирхонда — Хондемиром.

Ценные сведения по географии, экономике Средней Азии, Афганистана, Индии имеются в «Записках Бабура», составленных на узбекском языке Захиреддином Бабуром (1483—1530) — основателем династии Великих Моголов в Индии. Особую ценность представляют материалы конца XV — начала XVI в., где показана политическая ситуация в Средней Азии, подробно излагаются военные действия в Мавераннахре.

Ряд очень важных известий по истории Средней Азии сохранился в записках путешественников.

Немец Ганс Шильбергер в 1395 г. попал в плен к туркам, жил при дворе султана Баязида, а с 1402 г. — при дворе Тимура. По возвращении на родину (в 1427 г.) написал книгу «Удивительная история как Шильбергер из Мюнхена был уведен в плен и вернулся обратно», где рассказал о Турции, Средней Азии, Золотой Орде, а также о Грузии, Крыме.

Посол кастильского короля к Тимуру Руи Гонзалес де Клавихо в начале XV в. совершил большое путешествие в Самарканд, которое подробно записано в «Дневнике путешествия в Самарканд в 1403—1406 гг.». В «Дневнике» рассказано о приеме посольства Тимуром (Тамур-беком), который в это время «был уже так стар, что почти не мог поднять веки», о садах и дворцах Самарканда и т. д.

О Средней Азии оставил записки арабский путешественник Ибн-Баттута (1304—1377), посетивший среди многих стран также Крым, южные области Руси, Волгу. Рассказы о своих путешествиях он продиктовал секретарю марокканского султана и их можно рассматривать как отчет о его деятельности. Подробности экономического, этнографического и культурно-бытового характера делают записки Ибн-Баттута одним из значительных исторических источников.

Часть вторая

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Период XVIII — первой половины XIX в. характерен большими изменениями в истории нашей страны.

В это время оформляется капиталистический уклад в экономике страны, с которым неразрывно связан процесс разложения феодально-крепостнической системы хозяйства, завершившийся кризисом в 30—50-х годах XIX в.

Вместе с тем этот период характеризуется заметным укреплением могущества абсолютистского государства, резким проявлением его дворянской политики с ее ярко выраженной крепостнической сущностью. Это время наиболее активного нарастания классового антагонизма, завершившегося крахом крепостного права. Именно в эту эпоху пробуждается и развивается антикрепостническая общественная мысль и революционно-демократическое движение. Большие изменения принесли XVIII — первая половина XIX в. в область развития русской культуры.

Указанные аспекты развития исторического процесса повлияли и на характер эволюции исторических источников. Развитие бюрократического аппарата абсолютистского государства, постепенное усложнение и упорядочение системы органов государственного и местного управления приводят к появлению новых форм делопроизводства. К примеру, вместо столбцового делопроизводства к середине XVIII в. четко кристаллизуется система журналов и протоколов, фиксация входящей и исходящей документации, утверждение формы доношений, промеморий и экстрактов. Бюрократическое делопроизводство абсолютизма создает описания, где, помимо фискальных моментов («ревизий»), решаются и более широкие задачи научного изучения производственных ресурсов страны. Так, появляются «Экономические примечания к Генеральному межеванию», топографические описания, а также описания «ученых путешествий», многочисленные статистические описания первой половины XIX в. Государственное управление посредством коллегии, а потом министерств создало огромные фонды делопроизводственной переписки и отчетного материала. Абсолютизм развил систему обнародования государственных актов в области законодательства и государственного управления. Превращение России в великую европейскую державу, активизация взаимоотношений с европейскими государствами, приобщение массы дворян к государственному управлению — все это в конечном итоге

благоприятствовало развитию дворянской культуры. Зарождаются и превращаются в цельную сеть периодические издания, появляются массовые переводы иностранной литературы, что характерно прежде всего для XVIII в. Резкое увеличение рядов дворянской интеллигенции способствовало активизации и бурному развитию общественно-политической мысли, что привело к расцвету жанра политической сочинений и публицистики. Быстро развивается мемуаристика в ее различных жанрах, как массовый источник предстают письма. Важным историческим источником становятся научные сочинения и литературные произведения. Вместе с тем эпоха разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства создает и источники, донесшие до нас дух расчетливой эксплуатации и угнетения крестьянских масс. Этот период породил так называемое вотчинное делопроизводство, изобилующее помещичьими циркулярами и инструкциями, перепиской феодалов с приказчиками, дотошными описями крестьянских дворов, многочисленной документацией по нормам оброчного обложения и размерам барщинных работ, документацией, фиксирующей недоимки и т. п. Источники XVIII — первой половины XIX в. передают классовую борьбу угнетенного крестьянства. Это тексты крестьянских жалоб и наказов, материалов карательных экспедиций, манифесты Е. И. Пугачева и его соратников, материалы политических процессов.

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ.
МАТЕРИАЛЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

**§ 1. Виды законодательных актов
и их особенности как исторического источника**

В XVIII в. в структуре и функциях центральных и местных органов власти и управления России произошли серьезные изменения. В стране сложился абсолютизм в форме самодержавия. Определяя его сущность, В. И. Ленин писал: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением*. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа»¹.

В этот же период сложился централизованный чиновничье-бюрократический аппарат власти, управления, суда, полицейского надзора и сыска. Боярская дума и приказы были заменены Сенатом и коллегиями, а в начале XIX в. на смену коллегиям пришли министерства. Судебные органы постепенно отделяются от административных и возникает громоздкая система сословных судов. Складывается система губернских и уездных административных, финансовых, судебных учреждений. На смену разномасштабным по территории и населению уездам постепенно приходят губернии и уезды, примерно равные по числу населения. Церковь утрачивает роль самостоятельной политической силы и превращается в часть чиновничье-бюрократического аппарата. Политика самодержавия, направленная на сохранение и укрепление крепостничества, выступает в новых формах. Все это определило существенные изменения в характере, содержании и форме законодательных материалов.

В XVIII в. и еще более последовательно в первой половине XIX в. в законодательстве осуществлялся принцип — право издания новых законов принадлежит только царю. Что касается Сената, Синода, коллегий и других правительственных учреждений, то они имеют право лишь обращаться к нему с докладами, предложениями, представлениями. В первой половине XIX в. Сенат, не говоря уже о других правительственных учреждениях, лишился права законодательной инициативы и функции законодательства оказались полностью сосредоточенными в руках царя.

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 4, стр. 251—252.

Среди десятков тысяч законодательных актов этого времени первое место принадлежит манифестам, которые издавались в связи с важнейшими событиями в политической жизни страны: объявление состояния войны или мира, изменения в структуре органов власти и управления, наиболее мощные антифеодальные и противоправительственные выступления, такие, например, как восстание Е. И. Пугачева или восстание декабристов, польское восстание 1830 г., восшествие на трон нового монарха и т. д. Манифесты начинались с «большого императорского титула», состоявшего из перечисления титулов властителей всех земель, входивших в состав Российской империи. Стиль манифеста отличался необычайной напыщенностью и витиеватостью. В манифестах, изданных в связи с восшествием на престол или победоносным завершением войны, обычно содержались пожалования всем подданным или отдельным сословиям. Так, например, в манифесте о восшествии Екатерины II на престол как об особой милости извещалось о снижении цены пуда соли на 10 копеек. Манифестом о завершении первой русско-турецкой войны давалось разрешение всем желающим заводить промышленные предприятия и заниматься ремеслом.

Значительная часть манифестов, излагая причины дворцовых переворотов, устранения предшествующего монарха, указывая цели войны и т. д., дает картину, весьма далекую от действительности. В манифестах отсутствуют какие-либо указания на действительные причины антифеодальных и революционных выступлений, на цели восставших. Для подобных манифестов характерна следующая схема: темнотой и невежеством простого народа ради своей корысти пользуются «злонамеренные люди». Поэтому расправа власти с «ворами и разбойниками», «врагами установленного богом закона и порядка» изображается как забота об общенародном благе и восстановлении порядка.

Манифесты печатались массовым для того времени тиражом, в XIX в. публиковались в газетах, объявлялись всему населению после торжественных богослужений в соборах и церквях. Для лиц и учреждений, которые должны были практически осуществлять мероприятия, предусмотренные манифестом, печатались инструкции, штаты и другие приложения, часть которых не подлежала оглашению.

Так, для тех, кому надлежало осуществлять секуляризацию церковных имений, кроме манифеста был издан доклад комиссии, созданной Екатериной II для подготовки секуляризации, указ Сенату о порядке осуществления секуляризации и 27 приложений. В этих приложениях, составляющих целую книгу, определялись принципы распределений епархий и монастырей по классам, типовые штаты каждого из классов, суммы, отпускаемые на них и т. д.

К манифесту о генеральном межевании, помимо доклада комиссии, были приложены подробные инструкции о принципах, порядке и технике проведения межевания, о форме межевых документов,

планов, описаний, о действиях межевщиков в случае наличия споров между землевладельцами, о порядке рассмотрения этих споров.

Другую, несравненно более многочисленную группу законодательных актов составляют указы. Указы делились на три вида: именные, объявленные из Сената и сенатские. Именные указы являлись распоряжением, приказом императора, направляемым Сенату для исполнения. Указ, объявленный из Сената, был также распоряжением императора, на основании которого Сенат составлял текст указа, предназначенного для обнародования. Наконец, сенатский указ представлял собой решение, постановление Сената по общему или конкретному вопросу, оформленное в форме указа от имени Сената.

По своему содержанию и значению указы весьма различны. Одни из них имеют нормативный характер, т. е. устанавливают какие-то новые юридические нормы, приобретающие силу закона, или отменяют старые нормы права. В этом случае они по своему значению не уступают манифестам, а иногда имеют даже большее значение, так как законодательно оформляют важные изменения в политике правительства по коренным вопросам жизни страны. Другие представляют решения по частным вопросам, конкретизируя осуществление и применение первых.

Указы, предназначенные для обнародования, печатались определенным форматом и снабжались отпечатком государственной печати. Одной из причин этого была борьба со всякого рода подложными рукописными указами и манифестами, особенно распространенными во второй половине XVIII в. Несравненно меньшим тиражом выходила значительная часть указов, направляемых для исполнения соответствующим должностным лицам, а также для сведения всем центральным правительственным учреждениям и всем губернаторам. Отдельные из указов сопровождался текстом докладов, на основании которого был принят данный указ. Наконец, нередко указ состоял из доклада и царской резолюции: «Быть по сему».

Манифесты, указы и другие законодательные акты являются важными историческими источниками. Но для изучения политики правительства, позиций отдельных группировок и деятелей по данному вопросу, действительных целей издания законодательного акта не меньшее значение имеют материалы, связанные с его подготовкой. Между тем в печатном тексте они отсутствуют. Исключение иногда делается для итогового документа — доклада, которому предшествовали проекты, записки, замечания, возражения ведомств, учреждений и отдельных лиц, справки, ведомости и другие материалы, хранящиеся в архивах Сената, коллегий и других учреждений.

Не меньшее значение имеет и вопрос об источниках, положенных в основу того или иного законодательного акта. Известно, что, работая над «Учреждением для управления губерний», Екатерина II широко использовала указы дворян в Уложенную комиссию

1767—1768 гг., выработанные этой комиссией проекты, а также рукопись рижского генерал-губернатора Ю. Ю. Броуна «О судилищах в Лифляндии», сенатскую инструкцию для уездных дворянских комиссаров, записки Г. Р. Ульриха «О судебных местах в Эстляндии» и новгородского губернатора Я. Е. Сиверса «О городах при новом учреждении» и ряд других русских и зарубежных материалов.

Поэтому первостепенное значение имеет выяснение вопросов о том, почему именно эти материалы использовались при составлении законодательного акта, как они использовались, что из них взято целиком, что изменено и что отброшено. За полтора столетия были изданы десятки тысяч манифестов, указов, регламентов, уставов, трактатов, инструкций и других законодательных актов. Они закрепляли существующие порядки, вносили в них изменения и дополнения, противоречили друг другу и создавали невообразимую путаницу, которая открывала неограниченные возможности для волокиты, взяточничества и произвола чиновников административных и судебных учреждений.

Кроме того, большая часть законодательных актов уже не соответствовала тем изменениям, которые произошли в жизни страны. Попытки составления нового уложения, предпринимавшиеся в царствование Петра I, Елизаветы и Екатерины II, не увенчались успехом. В царствование Николая I правительство, не решаясь ставить вопрос о пересмотре действующего законодательства, решило ограничиться его кодификацией, для чего была создана специальная комиссия во главе с М. М. Сперанским.

В результате работы кодификационной комиссии было подготовлено и издано в 1830 г. «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах (I Собрание). В его состав вошла основная масса законодательных актов, начиная с Соборного уложения 1649 г. и до вступления на престол Николая I, расположенных в хронологическом порядке. Законы, издававшиеся после этого, вошли в состав II Полного собрания законов, периодически пополнявшегося новыми томами. Ряд законодательных актов XVIII и первой четверти XIX в. был включен Сперанским в изданный в 1832 г. 15-томный тематический «Свод законов Российской империи».

ПСЗ и сейчас остается наиболее полной публикацией законодательных актов того времени, снабженной именным и предметным указателем. Однако немало важных терминов и вопросов в предметном указателе отсутствует. В приложениях к ПСЗ опубликован ряд штатов, чертежей, форм и других документов.

Полное собрание законов в действительности не было полным. Одни законодательные акты были неизвестны Сперанскому и его сотрудникам, другие представлялись им второстепенными, третьи не были включены из политических соображений. В то же время в ПСЗ, особенно во II Собрание, вошли решения по конкретным судебным делам, инструкции екатерининского времени о разведении и хранении табака и «потетесов или земляных яблок» и другие

документы. С другой стороны, именно во II Собрании много пропусков законодательных актов, продиктованных секретностью и политическими соображениями.

Значительное число законодательных актов XVIII — первой половины XIX в., не вошедших в ПСЗ, опубликовано в «Русском архиве», «Русской старине», «Чтениях в обществе истории и древностей российских», «Сборниках Русского исторического общества» и других изданиях. Наиболее полным дореволюционным изданием актов, относящихся к внешней политике, является многотомное издание Ф. Ф. Мартенса «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Оно дополняется осуществляемым в настоящее время изданием документов по внешней политике России начиная с 1800 г.

§ 2. Важнейшие законодательные акты XVIII— первой половины XIX в.

Среди десятков тысяч законодательных актов этого периода можно выделить те, которые определяли структуру, задачи, функции государственных учреждений, принципы судоустройства, судопроизводства, права и привилегии господствующих сословий, внешнюю политику, изменение территории и границ страны, главные направления внутренней политики и другие важнейшие вопросы жизни страны.

«Генеральный регламент», утвержденный Петром I в 1720 г., служил основным руководством для работы коллегий и других центральных учреждений XVIII в. В нем определяется их структура, штаты, права и обязанности должностных лиц, порядок работы и делопроизводства.

Состоящий из 58 глав «Генеральный регламент» изобилует общими рассуждениями о преимуществе коллегиальной системы, об обязанности всех чиновников «быть послушными рабами и подданными». В то же время в нем отсутствует четкое определение функций каждого из государственных учреждений, что было типично для дореформенной России. Поскольку при составлении «Генерального регламента» широко использовалось иностранное законодательство, его текст изобилует иностранными терминами, определениями и словами, значительная часть которых была непонятной и не привилась.

Своеобразным продолжением и развитием «Генерального регламента» является Манифест об учреждении министерств 1802 г. Коллегии заменялись министерствами. Более четко определялись их структура, функция, порядок деятельности, взаимоотношения с Сенатом, обязанности министров и других должностных лиц.

Вскоре после издания «Генерального регламента» были изданы регламенты отдельных коллегий, конкретизировавших его положения применительно к задачам и функциям коллегий. Написан-

ный Феофаном Прокоповичем и отредактированный Петром I «Регламент духовной коллегии» был издан в 1721 г. Он устанавливал место Синода, заменившего патриарха и превращавшегося в часть чиновничье-бюрократического аппарата в системе других правительственных учреждений. Регламент определял функции Синода, его состав, распорядок работы, формы и методы руководства церковью. Показательно, что основные положения «Духовного регламента» сохраняли силу вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Поскольку упразднение патриаршества вызвало недовольство церковной иерархии, значительную часть «Духовного регламента» занимает обоснование преимуществ коллегиального руководства церковью и ее подчинение власти императора.

Отражением возросшей роли города и изменения политики правительства в отношении посадского населения и управления городом является изданный в 1721 г. «Регламент Главного магистрата». Регламент определяет состав, порядок формирования и функции магистратов и ратуш, создаваемых в городах, и Главного магистрата, создаваемого в Петербурге.

Регламент устанавливал деление посадского населения на регулярное и нерегулярное. Регулярное по имущественному принципу делилось на две гильдии. В городах создавались цеховые организации ремесленников и устанавливались их права. Нерегулярное население, к которому были отнесены «все подлые люди, обретающиеся в наймах и черных работах», отстранялось от участия в выборах и работе магистратов. В центре внимания «Регламента» стояли государственные повинности и службы посадского населения, полицейские функции посадской администрации. Все содержание «Регламента» показывает, что перестройка управления городом была осуществлена в интересах укрепления крепостнического государства.

Значительное развитие горной промышленности и ее роли в экономике страны обусловили издание 1719 г. «Регламента Берг-Коллегии». Спецификой этого «Регламента» было рассмотрение вопросов об условиях открытия и работы горных заводов, привилегиях для них, обеспечении их рабочей силой, сбыте металла и других вопросов, связанных с их деятельностью.

К регламентам примыкают указы, связанные с созданием Сената и определением его функций. Указ 1711 г. определяет место и функции Сената как высшего законодательного, исполнительного и судебного органа страны. Указом 1722 г. вводится должность генерал-прокурора Сената, который стоит на самой верхней ступеньке чиновничье-бюрократической пирамиды и выполняет функции «ока и уха государства».

Указом 1764 г. Сенат был разделен на 6 департаментов, два из которых находились в Москве. Перестав существовать как единое целое, Сенат превратился в своеобразную бюрократическую канцелярию с весьма ограниченными функциями. На примере ука-

из 1764 г. видно, какое значение имеют для историка те материалы, которые явились основой для его издания. В данном случае это был проект Панина о разделении Сената и учреждении Императорского совета из представителей дворянской аристократии. В руках этого олигархического совета и должна была быть сосредоточена вся реальная власть в стране. Но Екатерина II воспользовалась только первой частью проекта Панина. В итоге частичное осуществление проекта Панина привело к результатам, прямо противоположным тем целям, которые он преследовал.

Эта линия в отношении Сената была продолжена указами 1802 г. о должности Сената и 1810 г. о создании Государственного Совета. Эти указы низводят Сенат на роль высшей судебной апелляционной инстанции, учреждения, которое обнародует царские законы и разъясняет их, учреждения, ведающего межевыми делами и осуществляющего ревизии деятельности местных органов власти и управления.

Обсуждение проектов новых законов, подготовленных министерствами и специально создаваемыми комиссиями, перешло в руки Государственного совета. Он и представлял царю эти проекты после обсуждения. При Государственном совете работали Секретный и Главный комитеты по крестьянскому вопросу и Редакционные комиссии, подготовившие проект крестьянской реформы 1861 г.

Важнейшим законодательным актом, определившим структуру, функции, задачи органов власти, управления и суда в губернии и уезде, было «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», изданное Екатериной II в 1775 г. Основные положения «Учреждения» продолжали действовать вплоть до буржуазных реформ 60—70-х годов XIX в. Оно передавало всю полноту власти в уезде в руки сословных организаций дворянства и устанавливало сословный принцип судостроительства и судопроизводства.

«Учреждение о губерниях» открывалось статьей, устанавливавшей новый принцип административного деления страны: «Дабы губерния порядочно могла быть управляема, прилагается во оной от трех сот до четырех сот тысяч душ».

Главы I—IV определяли состав губернских учреждений, их штаты, чины всех должностных лиц губернских и уездных учреждений, порядок определения в должности, права и обязанности губернатора. Главы V, IX, XI, XII, XIII характеризовали задачи, штаты, функции, порядок работы новых губернских учреждений: Губернского правления, осуществлявшего полноту административной и исполнительной власти в губернии; Казенной палаты, которая осуществляла ревизии податного населения, сбор податей, ведала всеми финансовыми вопросами и управляла государственными крестьянами; Приказа общественного призрения, в ведение которого поручались школы, больницы, богадельни, смиренные дома и т. п.

Административная, исполнительная и полицейская власть в уезде передавалась в руки капитана-исправника и возглавляемого им нижнего земского суда (гл. XVII—XVIII), избираемых уездным дворянским собранием из числа дворян уезда.

Город выделялся в самостоятельную административную единицу, во главе его ставился городничий, назначавшийся правительством из дворян и обладавший теми же правами, что и капитан-исправник.

Почти половина глав «Учреждения о губерниях» посвящена созданию громоздкой судебной системы и осуществлению судопроизводства. В основу судебной системы положен сословный принцип. Для каждого сословия создается свой особый суд: для дворян — уездный и верхний земский суд; для посадского населения — городской и губернский магистраты; для государственных крестьян — нижняя и верхняя расправы. Во всех этих судах в роли судей, ассессоров, прокуроров, стряпчих выступают назначаемые правительством чиновники-дворяне. Что касается помещичьих крестьян, то суд и наказание их целиком оставались за помещиками. Эти главы отчетливо показывают, что система сословных судов юридически закрепляла полноправие дворян, неполноправие горожан и бесправие крестьянства.

Шесть глав «Учреждения» посвящены палатам уголовного и гражданского суда, являвшимся кассационными в отношении сословных судов, правам и обязанностям прокуроров и стряпчих, порядку судопроизводства, штатам судебных учреждений, взаимоотношениям судебных и административных учреждений.

Прямым продолжением одного из направлений «Учреждения о губерниях» являлся изданный в 1782 г. «Устав благочиния». Устав учреждал Управу благочиния, возглавляемую в уездных городах городничим, а в губернских — полицмейстером. Каждый город делился на части по 200—700 дворов в каждой, во главе которых стояли частные приставы. Часть в свою очередь делилась на кварталы по 50—100 домов, возглавляемые квартальными надзирателями и их помощниками. На уездного стряпчего возлагались полицейские обязанности в отношении сельского населения уезда.

«Устав благочиния» подробно определял «должности» управы и всех ее чинов, которым предписывалось «всякую новизну, узаконению противную, пресекать в самом начале, охранять «мир и тишину православной святой церкви», запрещать всякое «законном неутвержденное общество, товарищество, братство и иное подобное собрание», не допускать «незаконных сходбищ или скопищ людей», «непокорливого же имать под стражу». Последнюю часть Устава составляют многочисленные «запрещения» и «взыскания» для нарушивших эти запрещения.

Те же цели в условиях обострения кризиса крепостнической системы и возникновения революционного движения преследовали указы 1826 г. об учреждении корпуса жандармов, создании жан-

турецких округов и III отделения собственной е. и. в. канцелярии, составивших Россию наутюной полицейского наблюдения, сыска и с азербайджанского произвола.

Вопишая группа законодательных актов была связана с политической приниельства на национальных окраинах, с распространением на эти территории общерусских законов и учреждений. Примером подобных актов являются указы 1722 г. о создании Малороссийской коллегии и 1764 г. об упразднении на Украине гетманства.

Воинские уставы. Своеобразными регламентами были воинские уставы, которым уделялось особое внимание в петровское время, когда осуществлялось создание регулярной армии и военного флота. В подготовке и редактировании первого из этих уставов — «Воинского устава» 1716 г. — активно участвовал сам Петр I. Совершение устава раскрывает его полное название: «Книга-устав воинский о должности генералов, фельдмаршалов и всего генералитета и протчих чинов, которые при войске надлежат быть и иных воинских делах и поведениях, что каждому человеку учинить должно». Устав, обобщающий опыт боевых действий русской армии и использовавший ряд положений зарубежных уставов, делился на три части. Первая посвящена устройству армии, правам и «должностям» каждого из воинских чинов. Вторая — военному судустройству и судопроизводству, вопросам военной дисциплины. Третья — строевой и тактической подготовке, обучению солдат и войсковых частей, организации войсковой разведки.

В ходе развития армии и совершенствования военной техники «Воинский устав» неоднократно перерабатывался, изменялся и дополнялся. Павлом I в 1796 г. был издан новый «Войсковой устав о полевой пехотной службе», в котором основное внимание сосредоточено на парадной стороне обучения, шагистике, выполнении ружейных приемов, вахт-парадах, жесточайшей палочной дисциплине. Армия рассматривается как своеобразная машина, а солдат — всего лишь как «механизм, артикулом предусмотренный». Основные положения и направленность этого устава находились в кричащем противоречии с боевыми традициями русской армии и передовыми принципами военного искусства и обучения войск. Но он полностью соответствовал крепостным порядкам страны, тем реакционным целям, которым заставлял служить русскую армию царизм. Поэтому хотя в XIX в. этот устав неоднократно перерабатывался, заменялся другими, но его основные положения сохранялись. Армия по-прежнему строилась на сословно-крепостнической основе. Эти положения воинских уставов получили особое развитие во время аракчеевщины и устройства военных поселений.

Аналогичную структуру, содержание и форму имели и морские уставы, первым из которых был «Морской устав» 1720 г. Морские уставы имели известные отличия от воинских, что определялось спецификой флота. Так, например, в них большое

внимание уделялось вопросам сигнализации во время обучения, походов и военных действий.

Законодательные акты о сословных правах, привилегиях и повинностях. Среди законодательных актов видное место занимают акты, посвященные правам и привилегиям господствующих классов, повинностям и обязанностям непривилегированных сословий.

Первым в этом ряду стоит указ 1714 г. о единонаследии, оформивший превращение дворянских поместий в вотчины.

Окончательную победу принципа государственной службы и чина, полученного на службе, над принципом родовитости, господствовавшим в XVI—XVII вв., зафиксировала «Табель о рангах», изданная в 1722 г. Теперь служба всех дворян должна была начинаться с младшего офицерского чина. В сухопутной армии, во флоте и в гражданской (статской, штатской) службе устанавливалась своеобразная лестница из 14 чинов. Шесть нижних объединялись названием обер-офицерских, четырех следующих, начиная с чина майора, назывались штаб-офицерскими и четыре высших, начиная с генерал-майора, — генеральскими. Названия отдельных чинов, особенно в нижней части табели, не раз менялись, но «Табель о рангах» в целом и ее роль в государственном аппарате оставалась неизменной вплоть до Октябрьской революции.

Получение офицерского чина давало право личного дворянства, а получение штаб-офицерского чина — потомственное дворянство и все дворянские права и привилегии. Это вызывало серьезное недовольство дворянства из-за опасности проникновения в его ряды выходцев из других сословий. Поэтому в царствование Николая I «Табель о рангах» дополняется рядом указов и инструкций, крайне затруднявших, а в ряде случаев и прямо запрещавших получение офицерского чина и дворянства лицам других сословий, устранявших беспоместное и мелкопоместное дворянство от участия в выборах и деятельности дворянских сословных учреждений. Указ Николая I 1832 г. учреждал для дослужившихся до офицерских чинов детей личных дворян, духовенства, купцов, разночинцев, интеллигенции два новых сословия — личных и потомственных «почетных граждан», не пользовавшихся сословными правами дворянства.

В 1809 г. были изданы подготовленные Сперанским указы «О придворных званиях» и «О чинах гражданских», предусматривавшие, что для получения чина VIII класса необходимо сдать экзамен за курс университета. Одновременно придворные звания (камергер, камер-юнкер и др.) объявлялись отличиями, которые не дают права на получение чина по «Табелю о рангах».

В 1762 г. «Манифест о вольности дворянства» освободил дворян от обязательной службы, но сохранил ряд преимуществ за дворянами, несущими службу и поднимающимися по лестнице чинов «Табели о рангах».

В 1785 г., в условиях усиления разложения крепостного строя, Екатерина II издаёт «Жалованную грамоту дворянству», закрепляющую и расширяющую его сословные права и привилегии и удовлетворявшую просьбы дворянских наказов и учредившую комиссию. Напыщенное введение «Грамоты» превозносит заслуги дворянства и приписывает ему решающую роль в успехах России на всем протяжении ее истории. В первой части «Грамоты» перечисляются и подтверждаются «на веки неотъемлемо, наследственно и потомственно» все сословные права и привилегии дворян. Вторая посвящена уездным и губернским дворянским собраниям, характеристике функций предводителей дворянства, закреплению и расширению роли дворянских организаций и формированию и деятельности органов власти, управления и суда на местах. Одна из статей этой части разрешает дворянским собраниям построить для себя дом в каждом из губернских городов. В результате в центре каждого из старых городов появляются большие каменные здания с массивным портиком и колонным залом для дворянских собраний и балов. Третьей и четвертой статьями «Грамоты» устанавливаются порядок составления уездных и губернских дворянских «родословных книг», их форму и «доказательства благородства».

Издание «Жалованной грамоты дворянству» было подготовлено рядом законодательных актов, укрепляющих экономическую базу помещиков, расширение их власти над имуществом и личностью крестьянина и т. д. Вот важнейшие из них.

«Манифест о секуляризации церковных имений» 1764 г. закрепил за дворянами монопольное право владения землей и крестьянами. Огромные земельные владения церкви и более миллиона душ крестьян были конфискованы. Бывшие монастырские и архиерейские крестьяне поступали в управление вновь создаваемой Коллегии экономии и стали называться экономическими. Они получили в свое владение значительную часть монастырских земель. Барщина, которую крестьяне выполняли до этого в пользу церкви, заменялась денежным оброком государству, ликвидировалась система повседневных истязаний и наказаний крестьян монастырскими властями. Крестьяне получили некоторую свободу экономической деятельности.

Секуляризация сопровождалась резким сокращением количества монастырей и числа монахов в них. Весьма показательна мотивировка секуляризации в манифесте. С одной стороны, проводится мысль о том, что Екатерина осуществила то, что уже давно намеревались сделать ее предшественники. С другой — секуляризация изображалась как проявление «ревности к богу и вере нашей православной», так как позволяет освободить церковь от не свойственного ей многотрудного дела управления крестьянами и направить доходы с крестьян на богоугодные дела.

«Манифест о генеральном межевании земель» 1765 г. ставил своей целью не только ликвидировать непрерывные споры и тяжбы между помещиками за землю, но и определить

порядок осуществления размежевания помещичьих земель. Он закреплял за помещиками государственные земли, а также земли черносошных, монастырских, приписных крестьян и однодворцев, захваченные и купленные помещиками, даже при отсутствии у них каких-либо документов на эту землю. Осуществление межевания, расширявшего помещичье землевладение, изображается в манифесте как «истинная всего общества польза». Прямым продолжением манифеста о генеральном межевании являлись указы 1782 г. о распространении права собственности дворян на недра земли, леса и воды, находящиеся на территории их владений.

Большая группа указов была связана с распространением крепостничества вширь и вглубь. Указы 1760, 1763, 1765 и 1767 гг. предоставили помещикам право без суда и следствия отправлять своих крестьян в Сибирь, ссылать на каторгу, предусматривали взимание с крестьян расходов, связанных с подавлением их волнений, запрещали подачу каких бы то ни было жалоб на помещиков и объявляли их жалобы государственным преступлением. Одновременно с этим крепостное право было распространено на новые территории. Указы 1783 и 1797 гг. распространили его на Левобережную и Слободскую Украину и на Причерноморье. Характерно, что о распространении крепостного права на Украину в указе 1783 г. говорилось мимоходом, как о чем-то второстепенном.

В конце XVIII и в первой половине XIX в. появляется группа указов, пытающихся трансформировать крепостничество и приспособить его к изменившимся условиям, предотвратить угрозу обострения классовой борьбы, не затрагивая основ крепостного права. Указ 1797 г. «рекомендовал» помещикам ограничиваться трехдневной барщиной. Ничтожную часть крестьян затронули указы 1803 г. о вольных хлебопашцах, предоставившие помещикам право давать за выкуп крестьянам личную свободу и землю. В 1842 г. указ об обязанных крестьянах ограничил и без того куцей закон 1803 г., заменив выкуп крестьянином земли в собственности выкупом земли в наследственное держание. Попыткой как-то регламентировать повинности крестьян было введение на Украине и Белоруссии в 1847 г. инвентарей (определение размеров наделов и повинностей и порядка выполнения этих повинностей крестьянами). В 1837—1841 гг. был издан ряд законодательных актов, связанных с реформой управления государственными крестьянами, осуществлявшейся П. Д. Киселевым. Наконец, указы 1804 г., 1816—1819 гг. осуществляли безземельное освобождение крестьян Прибалтики.

В ряду законодательных актов, связанных с другими сословиями, первое место принадлежит «Жалованной грамоте городам» 1785 г. Она утверждала феодально-сословные принципы в отношении городского населения, которое образовывало сословие мещан. Мещанское сословие делилось на шесть категорий. Купечество в свою очередь делилось по имущественному принципу

и три пильщи, и его права, особенно для купцов первой и второй степеней, значительно расширялись.

Калованная грамота городам», изданная в один день с «Жакованной грамотой дворянству», по построению и форме полностью совпала с последней. Это должно было создать впечатление, что самодержавие в одинаковой степени заботится о благе как дворянства, так купечества и ремесленников. Но за одинаковой формой стояло диаметрально противоположное содержание, поскольку грамота закрепляла неполноправие горожан и сословно-сословническую структуру управления городом. Общая городская дума собиралась лишь для выбора городского головы. Функции городской думы ограничивались раскладкой и сбором податей, и в основном за выполнением государственных повинностей да только узким кругом вопросов, связанных с благоустройством. Вся реальная власть в городе сохранялась в руках городничего, полицмейстера и чиновников. Значительную часть «Грамоты» составляло «Ремесленное положение», регламентирующее деятельность ремесленных цехов.

Из других указов, связанных с городом, купечеством, заводчиками, мещанами, ремесленниками и рабочими мануфактур, можно выделить несколько важнейших. Указ 1753 г. ликвидировал внутренние таможи и уничтожил в торговле и экономике перегородки, явившиеся своеобразным пережитком феодальной раздробленности. Указ 1703 г. разрешил приписку, а указ 1722 г. — покупку крестьян к заводам. Указ 1801 г. разрешил купцам и мещанам покупку земли без крестьян. Указы 1809 и 1816 гг. освободили заводчиков от обязательной поставки своих изделий в казну, но лишили их права приписки и покупки крестьян к заводам. К первой половине XIX в. относится законодательный акт 1835 г., рассматривающий вопрос об отношениях между хозяевами предприятий и наемными рабочими.

Законодательные акты по внешнеполитическим вопросам. Трактаты, конвенции и договоры России с другими государствами в XVIII и первой половине XIX в. сильно отличаются от соответствующих документов предшествующего времени как по форме, так и по содержанию. В них обстоятельно изложены и аргументированы условия, обязательства обеих сторон. Как правило, эти акты сопровождаются ссылками на более ранние документы и сопровождаются всякого рода приложениями — картами, протоколами, дополнительными соглашениями, инструкциями о порядке осуществления договора и соглашений и т. п. В ряде случаев в них содержатся обязательства в отношении других государств, а также секретные статьи.

Так, в Георгиевском трактате 1783 г. о признании Карлаи-Кахетинским царем протектората России секретные статьи предусматривали поддержку Россией действий Ираклия II по объединению всех грузинских земель под его властью, направленные в Тбилиси русских войск для предотвращения гурецкой и

иранской агрессии. Со своей стороны Ираклий II взял обязательство стремиться к прекращению междоусобиц грузинских феодалов.

Секретная статья Ункьяр-Искелесского договора 1833 г. России с Турцией содержала обязательство Турции закрыть проливы и не допустить в Черное море иностранные военные корабли. Тильзитский договор 1807 г. с наполеоновской Францией содержал секретное обязательство России присоединиться к континентальной блокаде Англии.

Особенностью ряда внешнеполитических законодательных актов, связанных с изменением границ и перекройкой политической карты Европы в конце XVIII и первой половине XIX в., является аргументация этих действий договаривающихся сторон необходимостью защиты феодально-абсолютистских порядков от наступления революции. Так, в акте о третьем разделе Польши 1795 г. монархи Австрии, Пруссии и России обосновывают ликвидацию Польского национального государства необходимостью «обуздания мятежа и восстания, обнаружившихся в Польше с стремлениями самыми пагубными и опасными для соседственных Польше держав».

Аналогичный характер носили Заключительный акт Венского конгресса, перекроивший карту Европы, восстановивший на престолах свергнутых монархов, и Акт Священного союза 1815 г., ставивший своей целью объединить силы монархии и реакции для борьбы с нарастанием революционного и национально-освободительного движения народов Европы.

Значительная часть договоров, трактатов, конвенций этого периода завершает войны и определяет новые границы России. Первым в их ряду стоит Ништадтский договор 1721 г., завершивший Северную войну. Он закрепил включение в состав России Эстландии, Лифляндии, Ингрии и Выборга. Целая серия договоров — Кючук-Кайнарджийский 1774 г., Ясский 1791 г., Бухарестский 1812 г., Адрианопольский 1829 г. — завершала столь частые в этот период войны с Турцией.

Особую группу внешнеполитических актов составляют акты, посвященные разработке принципов международной политики и международного права. Наиболее ярким примером является Декларация о вооруженном нейтралитете 1780 г., провозгласившая право нейтральных стран вести морскую торговлю с любыми странами, в том числе и с теми из них, которые ведут войну между собой, право нейтральных стран вооруженным путем защищать свои корабли, участвующие в этой торговле. Впервые сформулированный в Декларации 1780 г., этот принцип стал одним из важнейших принципов международного морского права.

Законодательные акты по вопросам культуры и просвещения. Ничтожное количество законодательных актов, посвященных этим вопросам, свидетельствует о том, что самодержавие не уделяло им должного внимания, а содержание этих актов показывает, что оно

платность, поставить просвещение и культуру на службу крепостничеству, построить образование на сословных принципах.

Одну группу составляют указы, связанные с созданием научных учреждений и учебных заведений, с обеспечением особо привилегированных условий в отношении финансирования и деятельности сословных учебных заведений для дворянства. Наиболее важными являются указы 1724 и 1725 гг. об учреждении Академии наук, Московского университета 1755 г., Академии художеств 1758 г., Сухопутного шляхетского корпуса 1731 г., Медицинской коллегии 1763 г. и Института благородных девиц 1764 г.

Другая группа актов определяет систему образования и принципы управления ею. К ней относятся устав Московского университета 1755 и 1804 гг., устав Главных и Малых народных училищ 1786 г., положивших начало системе общеобразовательных школ в России, «Предварительные правила народного просвещения» 1803 г., устанавливающие новую структуру учебных заведений от низших до высших.

Крайне реакционная политика в вопросах образования отражена в указе о создании в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения и других указах 1820—1830-х годов.

Указ 1827 г. разрешал прием в высшие учебные заведения лиц «только свободного состояния», а Школьный устав 1828 г. положил в основу узкосословные принципы, ликвидировал преемственность между низшей, средней и высшей школой, ввел во все виды школ телесные наказания и определил как главную задачу обучения и воспитания внушение учащимся их обязанности «перед богом и поставленными над ними властями». Наконец, Университетский устав 1835 г. ликвидировал автономию университетов, установил систему наблюдения за студентами, сократил программы, ликвидировал преподавание философии, политической экономии, естественного права и ввел преподавание богословия.

При анализе законодательных актов рассматриваемого периода обращает на себя внимание то обстоятельство, что наиболее важные из них — акты, определяющие структуру и функции центральных и местных органов власти и управления, принципы судостроительства и судопроизводства, формулирующие права, привилегии и повинности различных сословий, принципы внешней и внутренней политики, политики в отношении просвещения и культуры, — относятся к XVIII в. и особенно к его второй половине. В первой половине XIX в. в них вносятся лишь всякого рода дополнения и уточнения.

§ 3. Материалы делопроизводства государственных учреждений

Аппарат государственной власти, управления и суда отличался в XVIII — первой половине XIX в. необычайной сложностью, отсутствием четкого разграничения функций между отдельными учреждениями. Это отражалось на делопроизводстве и на делопроизвод-

ственных материалах того времени — крайне громоздких, сложных, запутанных.

Внешняя характеристика делопроизводственных материалов. Основным материалом для делопроизводства являлась бумага, изготавливаемая первоначально преимущественно на зарубежных, а позднее на русских предприятиях. Особенностью бумаги были периодически меняющиеся водяные знаки, которые позволяют определить место и время ее изготовления и в ряде случаев являются одним из важнейших данных для датировки документа.

В начале XVIII в. столбцы делопроизводства вытесняются листами. К 20-м годам в делопроизводстве полностью утверждается гражданский шрифт, а к последней трети XVIII в. исчезают последние черты скорописи: выносные буквы, титла, буквенные обозначения цифр и т. п. Во второй половине XVIII в. начинает складываться форма письма с нажимом и наклоном вправо. К концу века она уже господствует в делопроизводстве, а в XIX в. широко распространяется каллиграфический «канцелярский» почерк.

С середины XVIII в. делопроизводственные материалы становятся все более единообразными в грамматическом отношении. Распространение синтаксических норм происходит несколько позднее и медленнее, но в XIX в. большинство делопроизводственных материалов написано правильно и в синтаксическом отношении. В то же время окончательно складывается специфический «канцелярский» стиль, характерный для всех документов, создававшихся в недрах чиновничье-бюрократического аппарата. Каллиграфичность сочетается с нанизыванием придаточных предложений, употреблением специфических канцелярских оборотов, выражений, терминов.

Одной из особенностей делопроизводства становится то, что значительная часть бумаг повторяет содержание предыдущих. Чтобы избавить начальство от перечитывания всех документов, к докладу обычно прилагался особый экстракт или справка, кратко и далеко не всегда объективно излагавшая суть дела и имеющихся в нем документов.

Так как значительная часть делопроизводственной документации представлялась высшему начальству, то для его замечаний, предложений, исправлений, резолюций оставлялись широкие поля.

Исковые заявления, просьбы, документы частных лиц могли писаться только на гербовой бумаге определенной цены, являвшейся своеобразной формой взимания налога или пошлины. Размер этой пошлины обозначался особым знаком, отиснутым в верхнем правом углу бумаги, на котором был изображен государственный герб и стоимость листа бумаги. В ходе работы разных рангов государственных учреждений материалы делопроизводства формировались в дела (единицы хранения современных архивов) самых разных размеров и содержания. Можно выделить несколько принципов формирования дел. Значительная часть документов располагалась по хронологическому принципу. Так, напри-

тор, состояло дело с протоколами Сената, коллегий и ряда других государственных учреждений, материалами и документами, представленными на эти заседания, и их решениями. По истечении определенного срока эти документы сдавались в архив.

Другим принципом комплектования дел было сосредоточение в них документов по какой-то отрасли управления, комплексу вопросов. Так, например, в фонде Сената имеется группа дел по делу коллегии, в которых хранятся представления этой коллегии в Сенат, отчеты, ответы на запросы, материалы по вопросам промышленности, рассматривавшихся на заседаниях Сената, в том числе о заводах.

Наконец, огромное число материалов делопроизводства собрано в делах, посвященных рассмотрению конкретных вопросов. Необходимо иметь в виду, что названия, под которыми они фигурируют в описях, далеко не всегда отражают их действительное содержание, что крайне затрудняет поиск необходимых материалов.

Виды делопроизводственных документов. Так как формально все учреждения были коллегиальными, то одним из главных видов делопроизводственных документов являлись протоколы или журналы заседаний и дневные записки. В них фиксировалась дата, время заседания и состав его участников, перечень обсуждавшихся вопросов и решение по каждому из них. Изложение вопроса и ход обсуждения фиксировались не всегда. Мнения отдельных членов коллегии вносились в протокол чаще всего в том случае, если они расходились с мнением большинства и принятым решением.

К докладу нередко прилагались различные материалы по обсуждаемому вопросу: представление нижестоящей или равной по рангу коллегии, доклад специально назначенной комиссии, одного из членов данной коллегии, замечания на доклад, полученные от других учреждений, членов коллегии, ответ авторов доклада на эти замечания и т. д.

Решения Сената оформлялись в виде указов, часть которых предназначалась для обнародования, а часть рассылалась для исполнения тем учреждениям, в функции которых это входило, и для сведения тем учреждениям, которые в какой-либо мере были связаны с данным вопросом. До введения в 1775 г. «Учреждения о губерниях» и установления должности наместника, подчинявшегося непосредственно императору и Сенату, все коллегии и центральные канцелярии, конторы и департаменты имели право посылать указы во все губернские, провинциальные и уездные канцелярии.

Представления, предложения, делопроизводственные материалы, которыми обменивались равные по рангу учреждения, носили название промеморий. Пришедшие на смену «памятей» XVI—XVII вв. промемории сохраняли место и во внутренней делопроизводственной документации учреждений XVIII — начала XIX в.

Нижестоящие учреждения обращались к вышестоящим с рапортами о получении указов, ходе их выполнения, состоянии

того или иного дела и с доношениями и представлениями, в которых сообщали о состоянии какого-то вопроса, ходе дел, излагали предложения и свои мнения и просьбы по данному вопросу.

Формально к этой же категории относились и отчеты. Их значение как источника очень велико, так как в большинстве случаев они содержали характеристику общего состояния определенной отрасли государственного управления или отрасли хозяйства, армии или флота за определенное время или на определенную дату. Так, государственные учреждения в 1801 г., в связи с восшествием на престол Александра I, представляли подробнейшие отчеты о состоянии дел в соответствующей отрасли или на управляемой ими территории. С конца XVIII в. становятся системой представления ежегодных отчетов губернаторов о состоянии вверенных им губерний. В них содержались самые различные цифровые, описательные и оценочные данные об экономическом состоянии губерний, урожайности, землевладении, объеме и характере торговли, числе, размерах, работе, объеме производства промышленных предприятий, деятельности губернских учреждений, числе школ, учащихся, больниц, о крестьянском движении, противоположительственных организациях и др.

Аналогичные отчеты представлялись и министерствами. Круг вопросов, рассматривавшихся в этих отчетах, определялся функциями и задачами данного министерства. Не менее важны годовые отчеты III отделения, содержащие общий обзор политического состояния страны, крестьянского и общественного движения, его наиболее ярких проявлений, политических настроений в стране, вызвавших наибольший общественный резонанс выступлений в прессе и т. д.

По своему содержанию к отчетам близки и материалы сенатских ревизий, содержащих богатый и самый разнообразный материал о состоянии и деятельности губернских и уездных учреждений, о состоянии ряда губерний.

Составной частью отчетов и аналогичных материалов являлись всякого рода ведомости: о государственных доходах и расходах, поступлении податей, таможенных сборах, недоимках, промышленных предприятиях, наборе рекрут, численности армии и флота, штатах различных учреждений, числе и размерах крестьянских волнений и многие другие.

Видное место занимали всякого рода инструкции. Одни из них касались важнейших дел государственного значения, например инструкция Екатерины II князю А. Вяземскому при назначении его главой карательной экспедиции, направляемой на подавление волнений приписных крестьян, охвативших весь Урал. Значительная часть подобных инструкций являлась секретной. Общегосударственное значение имели инструкции, связанные с проведением генерального межевания, секуляризации церковного землевладения, рекрутских наборов, сборе таможенных пошлин. Другие издавались и вырабатывались учреждениями различных рангов по конкретным поводам: в связи с расследованием какого-то дела,

использований того или иного учреждения или отдельных должностных лиц, ведением дипломатических переговоров, подав-
шимся полнения, полицейской слежки за определенными организа-
циями и лицами и т. п.

При составлении указов, докладов, отчетов, рапортов, инструк-
ции составлялся проект документа, в который руководитель
учреждения вносил необходимые исправления и дополнения. После
того текст документа переписывался набело и отсылался по на-
значению. Сохранявшийся в делах данного учреждения черновик
или копия с отосланного документа носили названия отпускиа.

Особую группу документов составляют материалы комиссий,
созданных для подготовки новых сводов законов. Наиболее важ-
ными из них являются «Комиссия по составлению Нового уложе-
ния» 1767—1768 гг. и «Второе отделение собственной е. и. в.
канцелярии», созданной в 1826 г. для кодификации законов.

«Комиссия по составлению Нового уложения» состояла из депу-
татов от сословий, но помещичьи, дворцовые, экономические,
посессионные крестьяне, а также крестьяне Украины и Прибалтики
были лишены права посылать своих депутатов в Комиссию. Депу-
таты привезли на казны своих избирателей. В Комиссии обсужда-
лись действующие законы о дворянстве, купечестве, судеустройстве
и судопроизводстве, а также проект «Правам благородных». Были
подготовлены, но не обсуждались проекты прав «среднего и ниж-
него рода» и некоторые другие разделы будущего «Уложения». В
Комиссию был подан ряд представлений депутатов, должност-
ных лиц и учреждений.

В ходе обсуждения развернулась критика крепостных порядков,
помещичьего произвола, требования расширения имущественных
и личных прав крестьян. Это послужило причиной роспуска Комис-
сии, но наказания, в первую очередь дворянские, проекты, подготов-
ленные ею, прокрепостнические выступления в ходе их обсужде-
ния и другие материалы были широко использованы в законода-
тельной практике последней четверти XVIII в., в частности при
подготовке «Учреждения о губерниях», «Устава благочиния», жа-
лованных грамот дворянству и городам.

Документы Комиссии (протоколы, речи депутатов, наказания дво-
рян, городов, правительственных учреждений) составляют 14 томов
«Сборников Русского исторического общества», изданных в 1869—
1916 гг. Неизданными остались наказания казаков и основная масса
наказов различных категорий крестьян. Причину этого недвусмы-
сленно раскрыл Александр II, поручивший выяснить, какие из до-
кументов неудобно издавать «по щекотливости и политическому
значению некоторых вопросов, которые были возбуждены в Ко-
миссии». А самым «щекотливым» вопросом и был вопрос о кре-
стьянстве и крепостном праве.

Составленные одновременно в различных районах страны
всеми категориями государственных крестьян, сотни их наказов
являются уникальными для XVIII в. источниками. Почти половина
населения страны сама рассказывает о своем положении, нуждах,

излагает жалобы и просьбы. Их наказы позволяют выяснить, какие действия крепостнической администрации вызвали наибольшее число жалоб, чем отличалось положение, жалобы, просьбы различных категорий крестьян разных районов, в каких формах осуществлялось усиление крепостного гнета, как и какие черты крестьянской идеологии отражаются в наказах, в какой степени совпадают жалобы и просьбы наказов с жалобами и просьбами крестьянских челобитных и с материалами правительственных ревизий, комиссий, карательных экспедиций.

Второе отделение, занимавшееся кодификацией законов, подготовило и издало I и II Полные собрания и Свод законов. В его фондах сосредоточено огромное количество законодательных актов, которые не были включены в ПСЗ. Очень много неопубликованных законодательных актов и еще больше всякого рода подготовительных материалов к ним, а также материалов делопроизводства, которые содержат не менее важные сведения, чем сами законодательные акты, хранятся в архивных фондах центральных и местных органов власти и управления. Естественно, что в каждом из них основная масса материалов относится к той сфере управления или территории, которой ведало данное учреждение.

Историк должен помнить, что одними и теми же вопросами занимался ряд государственных учреждений, поэтому интересующие его материалы могут находиться в архивах самых различных учреждений и ведомств и только исследование и использование всего комплекса печатных и архивных источников может помочь выяснить действительный ход событий, причины и особенности тех или иных явлений, их место и значение в истории.

Таковы основные виды делопроизводственных материалов XVIII — первой половины XIX в. Другие их виды будут охарактеризованы в главах, посвященных характеристике социально-экономических и других источников этого периода.

Значение делопроизводственных материалов. Значение материалов делопроизводства определяется не только тем, что это самый массовый вид источников. Материалы делопроизводства показывают, как на практике осуществлялись те или иные законодательные акты и различные мероприятия правительства во внутренней политике. Материалы делопроизводства лучше, чем какие-либо другие источники, позволяют увидеть весь механизм работы чиновничье-бюрократического аппарата Российской империи во всех его звеньях, в самых различных сферах и направлениях.

При наличии общих черт материалы центральных и местных государственных учреждений имеют и существенные различия.

Каждое из центральных учреждений власти и управления ведало определенной отраслью или сферой политической, экономической, культурной жизнью страны. Поэтому делопроизводственные материалы этих учреждений содержат сведения общего характера, дают возможность проследить, как обстояло дело в той или другой отрасли управления на всей территории Российской империи, какими методами осуществлялось то или иное мероприя-

то приема, с какими трудностями сталкивалось его проведение, с какими результатам оно приводило. В этом несомненное достоинство материалов делопроизводства центральных учреждений. Одновременно эти достоинства порождают и определенные недостатки. В ценности материалов делопроизводства центральных учреждений сказываются слишком обобщенными. Для большинства этих материалов характерно стремление дать картину полного благополучия в стране и порядка в работе государственного аппарата. Особенно это типично для документов, выходявших из центральных органов власти для представления императору.

Материалы делопроизводства губернских и уездных учреждений, естественно, локальны по своему характеру, поэтому часто не дают необходимых сведений для обобщений. К этому необходимо добавить, что в большинстве случаев состояние и сохранность материалов делопроизводства местных учреждений несравнимо хуже сохранности материалов центральных учреждений. В результате историк нередко может получить из материалов делопроизводства местных учреждений весьма отрывочные сведения по интересующим его вопросам. Наконец, если публикации материалов делопроизводства центральных учреждений крайне редки, то публикации аналогичных документов местных учреждений практически отсутствуют.

Но при всем этом материалы делопроизводства местных учреждений имеют и ряд достоинств. Именно они являются первичными источниками, в которых содержится огромное количество фактов и деталей, не находящихся отражения в материалах центральных учреждений. Другими словами, именно материалы делопроизводства местных учреждений позволяют проникнуть в «кухню» государственного аппарата и лучше увидеть самую действительность.

Поэтому только сочетание документов делопроизводства как центральных, так и местных учреждений обеспечивает научное и объективное исследование интересующего вопроса.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ И ПУБЛИЦИСТИКА

II § 1. Политические сочинения XVIII в.

На различных этапах исторического процесса России роль и место политических сочинений и публицистики среди других источников были весьма различными. В древней и средневековой Руси число их было сравнительно невелико. В XVIII, а тем более в XIX в. их число значительно увеличивается, а вместе с этим резко возрастает их значение в общественно-политической жизни и идейной борьбе.

Одновременно с этим они постепенно теряют роль самостоятельного вида источников, как это было в предшествующую эпоху, и превращаются в одну из разновидностей источников, связанных с деятельностью политических организаций, а затем и партий, с их программными документами, с прессой того времени. Поэтому уже для первой половины XIX в. трудно, а порой и невозможно четко определить, к какому из названных видов относится тот или иной источник. Скажем, «Русскую правду» Пестеля, «Россия и русские» Н. И. Тургенева и другие произведения, которые несомненно являются политическими сочинениями, нельзя рассматривать вне круга источников, связанных с деятельностью революционных организаций.

Точно так же невозможно провести четкую грань между публицистическими и политическими сочинениями, поскольку и в тех и в других рассматриваются актуальные вопросы социально-экономической, общественно-политической и идейной жизни страны, пути и направление ее развития, оценивается политика и отдельные мероприятия правительства как во внутренней, так и внешней политике.

Можно сказать, что публицистические произведения отличаются большей злободневностью, что они рассчитаны на более широкий круг читателей. Политические же сочинения ориентируются на специалистов в данной области, на подготовленного читателя и характеризуются солидной и развернутой аргументацией. Они далеко не всегда в тот период писались для опубликования.

Особенностью источников этого вида является их политическая заостренность, направленность либо на обоснование существующего строя и проводимой им политики, либо на их критику. В последнем случае значение источников в значительной степени определяется тем, с каких позиций и во имя чего ведется эта критика, интересы каких классов, сословий и социальных групп она выражает, что из себя представляет положительная программа, выдвигаемая критиком, какое влияние может оказать ее осуществление на развитие страны.

На публицистических произведениях с особой силой сказались время, степень накала политической и идейной борьбы, аудитория, для которой они были рассчитаны, цели, которые ставил перед собой автор. Учет всех названных обстоятельств необходим для правильной оценки публицистического произведения, его места как исторического источника.

На содержание публицистических произведений, их форму, аргументацию, формулировку выводов, направление критики огромное влияние оказывало назначение произведения. Одно дело, если автор писал его для себя или для узкого круга читателей. Другое, — если это произведение должно было пройти цензуру и быть предназначено для опубликования в бесцензурной печати.

Так, большая часть публицистических произведений князя А. М. Щербатова не предназначалась для печати. Поэтому автор не скупился на резкие характеристики Елизаветы Петровны, Екатерины II, их двора и фаворитов, на самые отрицательные оценки их политики, указов и действий.

В печатный текст «Наказа» Екатерины II не вошел ряд статей из первоначального варианта «Наказа». В частности, было опущено большинство статей, в которых говорилось о положении крепостного крестьянства, о том, что необходимо принять какие-то меры для того, чтобы повысить производительность их труда и предотвратить угрозу нарастания волнений крестьян. Екатерина II и ее окружение боялись, что провозглашение этих положений, укрепив веру крестьян в «хорошего царя», приведет к усилению волнений крестьян.

Еще сильнее это обстоятельство сказывалось на произведениях прогрессивного направления. Так, Вольное экономическое общество потребовало от А. Я. Поленова, чтобы он полностью изменил свою конкурсную работу «О крепостном состоянии крестьян в России». В результате возникла вторая редакция работы, лишившаяся самой важной и острой части, в которой автор критиковал крепостной строй и крепостные порядки.

Существование нескольких редакций нередко ставит перед исследователями ряд сложных вопросов о времени и условиях их возникновения. Наиболее ярким примером является наличие трех редакций или списков радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», в которых имеются тексты, отсутствующие в печатном издании 1790 г. В связи с этим возникает ряд вопросов, значительная часть которых и сейчас остается нерешенной. Большинство исследователей считает, что эти дополнения были сделаны Радищевым до публикации книги, но по каким-то причинам не были включены в печатный текст. Другие, преимущественно литературоведы, утверждают, что Радищев продолжал работу над книгой по возвращении из Сибири и дополнения относятся к этому времени. Ответ на эти вопросы имеет первостепенное значение для изучения мировоззрения, деятельности Радищева и его книги.

При оценке места и значения тех или иных политических сочинений необходимо учитывать, что важнейшие произведения

Щербатова, Посошкова, Татишева, Поленова и других не были опубликованы в XVIII в. и остались неизвестными для большинства современников, что резко ограничило степень их влияния на последующее развитие общественно-политической мысли. В то же время другие политические произведения, не только опубликованные, например, речи и оды Ломоносова или «Наказ» Екатерины II, но и распространявшиеся в списках, как радищевское «Путешествие» или письмо Белинского к Гоголю, оказали огромное влияние на современников и последующее развитие общественно-политической мысли и идейной борьбы в стране.

Немаловажное значение имеет форма публицистических произведений. Так, часть произведений Феофана Прокоповича представляет собой церковные проповеди, и это определяет их построение, аргументацию, широкое использование текстов священного писания, их риторичность и т. д. Среди работ Десницкого много «слов», произнесенных на торжественных собраниях Московского университета. По уставу оратор должен был начинать «слов» с похвал в адрес императрицы и ее забот о благе подданных. Поэтому первая обязательная часть «слов» Десницкого нередко находится в кричащем противоречии с содержанием и направленностью их основной части.

Наконец, нужно иметь в виду, что в XVIII в. было широко распространено использование чужого текста, положений, аргументов без указаний на источник. Так, екатерининский «Наказ» являлся компиляцией из произведений западноевропейских просветителей. Большая статья Н. И. Новикова о торговле является в сущности переводом одного из разделов книги Рейналя. Но если Новиков сохранил идейную направленность переводимой работы, то Екатерина II использовала положения просветителей в интересах укрепления самодержавия и крепостничества, устранив из них антифеодальную, антиабсолютистскую направленность. Поэтому при работе над публицистикой XVIII в. одной из важнейших задач является определение литературы и источников, использованных автором, выяснение, что и почему он взял из чужих работ, как использовал и интерпретировал взятое.

Сочинения петровского времени. Политические сочинения первой четверти XVIII в. были порождены той острой политической борьбой, которая развернулась вокруг петровских реформ и проводимой им внешней и внутренней политики. Новгородский архиепископ, один из руководителей Синода Феофан Прокопович был автором проповедей, в которых доказывал, что успехи России на полях сражений, в развитии торговли и промышленности являются результатом укрепления самодержавной власти царя и проведенных им преобразований. Эти идеи пронизывают его произведение «Правда воли монаршей», изданное в качестве законодательного акта. Написанное в связи с указом Петра о праве царя самому назначать себе наследника, оно является теоретическим обоснованием абсолютизма. В качестве аргументации Прокопович использует не только религиозные

догмы, но и доводы рационалистов, теории естественного права, договорного происхождения государства, теорию «общего блага». Но эти прогрессивные теории в трактовке Прокоповича лишаются своей антифеодальной направленности и сочетаются со средне-нековой схоластикой.

Обоснованию активной внешней политики и показу значения Севернoй войны посвящено «Рассуждение, какие законные причины его величество Петр Великий... к началу войны против короля XII шведского 1700 году имел», написанное вице-канцлером П. П. Шафировым при участии самого Петра. В «Рассуждении» доказываются законность прав России на Балтийское побережье, агрессивность Швеции и миролюбие России, подчеркивается связь между военными победами, преобразованиями и созданием регулярной армии и флота.

Произведения противников Петра и его преобразований принадлежат преимущественно представителям духовенства, осуждавшим ликвидацию патриаршества и создание Синода, ограничение церковного землевладения и преобразования в области культуры.

Наиболее серьезным и интересным произведением петровского времени является «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова, приведшая автора в застенки Тайного приказа, где он и умер. В этой работе Посошков выдвинул проект системы реформ, которые, по его мнению, должны были превратить Россию в экономически и политически независимую, сильную и богатую страну с развитой промышленностью и торговлей. Выражая интересы купечества, он в то же время не предусматривал в своих проектах изменений, затрагивающих основы крепостного строя. В девяти главах этой «Книги» рассматривается вопрос о положении каждого из сословий.

Глава первая посвящена духовенству, которое автор считает «столпом всему благочестию». Резко отрицательно оценивая современное ему духовенство и подтверждая эту оценку рядом конкретных примеров, Посошков требует создания училищ для обучения духовенства, советует обратить внимание на его внешний вид и поведение.

Во второй главе «О воинских делах» рисуется картина бедственного положения солдат, вынужденных либо голодать, либо заниматься грабежом, и предлагается, чтобы солдат был обеспечен хорошей амуницией, обмундированием и пищей.

Третья глава посвящена правосудию — судебным учреждениям и порядкам, состояние и действия которых вызывали всеобщее недовольство. Посошков показывает произвол в суде и невозможность добиться в нем правды.

Особое значение имеют главы, посвященные купечеству, ремесленникам и крестьянам. В книге всячески подчеркивается значение торговли. «А торг дело великое! Купечеством всякое государство богатитца, а без купечества и малое государство быть не может, и того ради под великим охранением блюсти их надлежит и от обид их оберегати». Посошков требует, чтобы правительство

обеспечило развитие инициативы купечества и свободу торговли, но одновременно настаивает на том, что торговля должна остаться сословной монополией купечества и ею не должны заниматься иностранцы и люди других сословий.

В развитии ремесла и торговли, улучшении положения ремесленников и создания мануфактур Посошков видит главное средство обогащения страны. В соответствии с этим он требует осуществления принципов меркантилизма и протекционистской политики, подчеркивая, что Россия имеет самые благоприятные условия для создания промышленных, особенно текстильных, предприятий.

Глава седьмая посвящена крестьянству, положение которого Посошков считает крайне тяжелым, а состояние сельского хозяйства — неудовлетворительным. Он резко критикует действия помещиков, которые не заботятся о состоянии крестьян и отягощают их излишними работами. Но к крестьянству Посошков подходит с позиций выгоды казны и не помышляет о возможности ликвидации крепостной неволи. Главную причину бедности крестьян он объясняет прежде всего так: «Крестьянское житие скудно ни от чего иного, токмо от своей их лености» — и лишь во вторую очередь говорит о «помещичьем насилии», о «небрежении их». Однако Посошков считал необходимым регламентацию крестьянских повинностей.

Таким образом, произведение И. Т. Посошкова является очень сложным источником, в котором причудливо переплетаются идеи и представления средневековые, чисто сословные с отдельными мотивами и требованиями нарождающейся буржуазии, старые религиозные догмы с элементами рационализма, отстаивание покровительственной политики в отношении отечественной промышленности и отсутствие постановки вопросов о рабочей силе для нее, указание на необходимость регламентации крестьянских повинностей с утверждением, что основной причиной бедности крестьян является их «леность и нерадение». Противоречивость идей и положений произведения Посошкова, отражавшая противоречивость положения и позиции русского купечества в XVIII в., является основой противоречивости взглядов Посошкова.

Наиболее значительными произведениями второй четверти и середины XVIII в. являются произведения В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова. В. Н. Татищев придавал большое значение развитию в стране торговли и промышленности и предлагал проведение протекционистской политики, внедрение агротехнических усовершенствований в сельское хозяйство, подготовку специалистов по агротехнике, создание в стране системы кредита. В ряде работ Татищева, например в «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ», выступают элементы рационализма. Резко отрицательно оценивая влияние церкви на развитие просвещения и науки, Татищев считал делом первостепенной важности развитие светского образования. Будучи идеологом дворянства он обосновывал незыблемость самодержавия и крепостного строя.

Иные позиции занимал М. В. Ломоносов. В «Похвальном слове Петру Великому», в работе «О сохранении и размножении российского народа», в одах, которые были не только литературными, но и публицистическими произведениями, в научных исследованиях Ломоносов отстаивал материалистические идеи, противопоставлял их религиозным догмам и требовал запрещения вмешательства церкви в дела науки и просвещения. Идеализируя Петра I и его реформы, Ломоносов выдвигал программу продолжения преобразований, последовательного изучения и использования природных ресурсов, активного содействия развитию торговли и промышленности, распространению просвещения и «драгих наук в любезном отечестве». При этом он отстаивал принцип бессловной средней и высшей школы и добился его практического осуществления в созданном по его инициативе Московском университете. Выступая сторонником просвещенного абсолютизма, он исходил из общенародных, общенациональных интересов, считал, что главной задачей монарха является обеспечение экономического и культурного развития страны, забота о благосостоянии всех подданных, а не только дворянства.

Произведения Екатерины II и князя Щербатова. В уже упоминавшемся «Наказе», в «Антидоте» и других произведениях, отличающихся крайним лицемерием, использованием просветительской фразеологии и социальной демагогии, Екатерина II доказывает, что самодержавие является лучшей и единственно возможной формой правления России, так как «всякое другое правление не только было бы в России вредно, но и в конце разорительно». Она много пишет о всеобщем благе, вольности, вреде невежества, чрезмерных отягощений крестьян. Но под вольностью и всеобщим благом она понимала в действительности сохранение и расширение прав и привилегий дворянства. Крестьянам она внушала и словом и делом, что они должны своих господ любить и почитать, повиноваться им «от всего сердца», все их приказания и помещицы повинности «охотно, верно и в надлежащее время исправлять».

Наиболее ярко охранительная идеология дворянства второй половины XVIII в. выражена в произведениях князя М. М. Щербатова. Одни из них представляют выступления в Уложенной комиссии, другие — разбор законодательных актов Екатерины II, третьи — всякого рода «рассуждения» и «размышления». Он требовал не только сохранения, но и значительного расширения сословных прав дворянства, распространения крепостничества на новые территории, категории населения и сферы социально-экономической жизни. В частности, Щербатов предлагал передать помещикам всех экономических и дворянских крестьян, создать военные поселения и т. п. С этих позиций им резко критиковалась политика и законодательные акты Екатерины II. В «Размышлении о неудобствах в России дать свободу крестьянам» и других работах он утверждал, что даже разговоры о возможности какого-либо смягчения крепостного права и ограничения власти

помещиков неминуемо приведут к усилению крестьянских бунтов. Щербатов прямо связывал восстание Пугачева с обсуждением крестьянского вопроса в Уложенной комиссии и Вольном экономическом обществе.

Политические идеалы Щербатова выражены в его утопическом сочинении «Путешествие в землю Офирскую» — вымышленную, основанную на строго сословных принципах страну, в экономике, управлении и духовной жизни которой безраздельно господствует дворянская аристократия.

Этому утопическому государству Щербатов противопоставил екатерининский двор, положение и нравы дворянства, порядки в екатерининских учреждениях в блестящем сочинении «О повреждении нравов в России». Существующие современные порядки и нравы Щербатов сравнивает с допетровской Русью. Преобразования Петра I он считает «нужными, но, может быть, излишними». С особым раздражением и нескрываемой враждебностью он пишет о Екатерине, подчеркивает лицемерность ее политики и всех ее действий, утверждает, что политика Екатерины и Елизаветы Петровны ухудшила положение России и привела к «повреждению нравов». Но этот «строгий разбор дворцового разврата», как назвал его книгу А. И. Герцен, ведется Щербатовым с реакционных позиций во имя утверждения еще более крепостнических порядков и институтов, во имя своекорыстных интересов старой дворянской аристократии, недовольной тем, что ее оттеснили на второй план представители служилого дворянства и многочисленные фавориты императрицы. Произведения Щербатова наиболее ярко показывают, как важно определить цели и направленность, классовую сущность политического сочинения для правильной его оценки. Взятые изолированно от этого, отдельные положения о самодержавии, царском дворе, недопустимости применения крепостного труда на купеческих предприятиях, о всенародном благе приобретают совсем иной смысл. Недаром один из историков, пойдя по этому пути, увидел в Щербатове «русского Мирабо».

Произведения просветителей и А. Н. Радищева. Во второй половине XVIII в. появляются политические и публицистические произведения, выдвигающие ряд мер, направленных на ограничение и смягчение крепостничества и отличающиеся антидворянской и антикрепостнической направленностью.

С. Е. Десницкий в своих «словах» и «рассуждениях» рассматривал вопрос о происхождении Государства и семьи, связывая его с возникновением и развитием имущественного неравенства и частной собственности. Он подчеркивал значение собственности на землю и первый утверждал, что между феодальным землевладением Запада и России нет принципиальной разницы.¹

В начале 1768 г. Десницкий подал в Уложенную комиссию «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», являющееся в сущности проектом конституции, превращавшим самодержавную Рос-

сию в конституционную монархию.] Он предусматривал, что законодательную власть в стране осуществляют монарх и Сенат, члены которого избираются на основе имущественного ценза и пользуются равными правами независимо от их сословной принадлежности. Административная власть не только отделялась от суда, но и становилась под контроль последнего. Власть в городе передавалась в руки выборного органа, представлявшего интересы купцов и промышленников. [Не предусматривая ликвидации крепостного права, Десницкий предлагал ряд мер, направленных на его ограничение.] Наиболее последовательно буржуазные принципы приводились Десницким в разделе о «Судительной власти», где он предусматривал полную независимость и отделение судебных учреждений от административных, публичность и гласность судебного процесса, введение адвокатуры и присяжных заседателей, несменяемость судей, равенство всех граждан перед законом, независимо от их сословной принадлежности.

Конкурсная работа 1768 г. А. Я. Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России» ставила своей задачей принятие действенных мер в защиту крепостных крестьян «от наглостей их помещиков, которые их без всякой пощады и милосердия мучат, отнимают все то, что им в глаза попадает, и через то приводят их в несказуемую бедность, от которой они никогда не в состоянии избавиться». Как и Десницкий, Поленов ограничивался предложениями о наследственном владении крестьянами землей, строгой регламентации их повинностей, сокращении барщины до одного дня в неделю, предоставлении крестьянам права собственности на движимое имущество, учреждении судов для защиты крестьян от произвола помещиков, создании в деревнях школ и больниц.

В источниковедческом плане большой интерес представляет выяснение того, какие положения западноевропейского просветительства Поленов использует в своей работе, как он их применяет к русской действительности. Сильной стороной работы Поленова, как и произведений западноевропейских просветителей, являлась страстная критика крепостничества и всех его порождений. Именно поэтому руководители Вольного экономического общества нашли в его работе «многие дерзкие и по здешнему состоянию неприличные выражения» и заставили Поленова представить вторую редакцию работы. Источниковедческий анализ двух редакций позволяет установить, что представлялось идеологам дворянства наиболее неприемлемым и опасным в теоретическом и практическом плане, что стояло за очень близкими по форме положениями «либерального» дворянства и рождающегося русского просветительства.

А. Н. Радищев является выдающимся политическим писателем XVIII в., оказавшим огромное влияние на развитие русской политической мысли и возникновение революционного движения. В то же время в его произведениях дано наиболее яркое и правдивое изображение жизни и крепостных порядков в стране.

В статьях «О самодержавстве», «Письмо другу, жительствовавшему в Тобольске», «Беседа о том, что есть сын отечества» он утверждает, что самодержавие является «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием», что не было и не будет монархов, которые добровольно откажутся от власти, что прогрессивные преобразования Петра I сопровождались усилением крепостного гнета, что подлинным патриотом является лишь тот, кто борется за освобождение народа.

Главным произведением Радищева является «Путешествие из Петербурга в Москву», напечатанное им в 1790 г. Книга написана в виде путевых очерков. Каждая из глав обозначена названием почтовой станции на пути из Петербурга в Москву и показывает одну из сторон крепостного строя. Как метко выразился Герцен, издавший запрещенную книгу Радищева в Лондонской типографии: «Он едет по большой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, рекрутами и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию — громкий протест против крепостного состояния».

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй» — таков эпиграф книги. Этим чудищем в глазах Радищева был самодержавно-крепостнический строй со всеми его порождениями. Он не только нарисовал картину потрясающего произвола крепостников в отношении размеров барщины и оброка, наказаний крестьян, продажи их наравне со скотом, вторжения в их семейную жизнь, насилия над крестьянками, но и первым в России выдвинул требование ликвидации крепостного права.

Радищев не исключал при этом путь реформ и в одной из глав предложил план постепенного осуществления мероприятий, которые должны были завершиться «совершенным уничтожением рабства». Однако он мало верил в то, что помещики, эти «звери алчные, пиявицы ненасытные», согласятся на такие реформы, что их осуществит монарх. Он грозил помещикам, что доведенные до отчаяния крестьяне «разобьют железом главы» ненавистных господ. В «Путешествии» Радищев включил текст оды «Вольность», в которой славил грядущую революцию и день, когда восставший народ «на плаху возведет царя», когда восторжествует вольность, когда в стране будет установлен республиканский строй. Он верил, что это не пустая мечта. «Я зрю сквозь целое столетие», — писал он.

Одним из самых сложных и спорных вопросов при использовании этого произведения является вопрос о том, все ли разговоры, проекты, рассуждения, содержащиеся в книге, отражают взгляды автора или только те, в которых содержится прямой призыв к революции, являются ли проекты реформ одним из путей, которые допускал Радищев, или же они помещены в «Путешествии» для показа их несостоятельности. В зависимости от ответа на эти и подобные вопросы находится и общая характеристика взглядов и позиции Радищева по узловым социальным и политическим вопросам развития России.

§ 2. Публицистика и политические сочинения первой половины XIX в.

В условиях отсутствия бесцензурной печати и невозможности выступления в прессе по важнейшим вопросам общественной жизни широкое распространение получают ходившие по рукам списки вольнолюбивых, антикрепостнических литературных и публицистических произведений. «Деревня», «Вольность», «Кинжал» и многие другие произведения Пушкина, «Думы» Рыльева, агитационные песни Бестужева, «Сашка» Полежаева, «Горе от ума» Грибоедова, произведения Кюхельбекера, В. Раевского, Лермонтова, Одоевского оказывали огромное влияние на формирование взглядов и деятельность передовых представителей дореформенной России. Они являются очень важными, но своеобразными источниками для изучения идеологии передовой, революционной России, ее отдельных представителей, выяснения роли и значения литературы в революционной борьбе.

Наиболее ярким примером является знаменитое письмо Белинского к Гоголю, которое В. И. Ленин считал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати»¹. Хотя в своем письме В. Г. Белинский по вполне понятным соображениям не писал о революции и уничтожении самодержавия, но все его письмо звучало призывом к революционной борьбе против самодержавия и крепостничества, уничтожение которого он относил к числу «самых живых, современных национальных вопросов в России». Оно было проникнуто гневным протестом против попыток увести передовую Россию на ложный путь решения жгучих социальных и политических проблем, на путь религии, мистицизма, нравственного самоусовершенствования.

В 40—50-х годах роль своеобразных программных документов революционного движения выполняли произведения А. И. Герцена: «Письма об изучении природы», «Крещеная собственность», статьи в «Колоколе», в которых он по определению В. И. Ленина, «горой стоял за освобождение крестьян».

Паряду с ходившими в списках вольнолюбивыми литературными произведениями, важнейшим источником для изучения процесса формирования революционной идеологии, оппозиционного и революционного движения, изучения общественной жизни того времени является публицистика. Жесточайший цензурный режим, невозможность выступать непосредственно по политическим и социальным проблемам привели к тому, что большая часть публицистических произведений дореформенной России носила характер литературно-критических, философских, научных статей, авторы которых широко использовали приемы эзоповского языка. Учитывая российские самодержавно-крепостнические порядки, авторы публицистических произведений ссылаются на примеры из далекого прошлого, жизни других стран и народов, но имеют в виду

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

осуждение «своих внутренних турок». Эти особенности характерны для большинства подцензурных статей Белинского и Добролюбова, для публичных лекций Т. Н. Грановского и других явлений в публицистике.

К публицистике первой половины XIX в. примыкали и отдельные политические работы прогрессивного направления, написанные как научные и философские книги. К ним можно отнести «Опыт о просвещении» И. Пнина (1804), в котором автор выступает с острой критикой крепостного права, помещичьего произвола, самодержавия, выдвигает требование служения каждого гражданина своей родине и народу; «Право естественное» профессора Царскосельского лицея А. П. Куницына (1818—1820), в котором осуждается самодержавие и крепостной строй; научные работы К. Ф. Рулье — профессора Московского университета и крупнейшего представителя эволюционной биологии до Дарвина, убежденного материалиста.

Однако в условиях крепостничества, жесточайшего цензурного режима и полицейского произвола передовое, освободительное и революционное направление в политических и публицистических сочинениях не было и не могло быть не только единственным, но и преобладающим. Именно эти произведения отчетливо показывают, каким сложным и мучительным был процесс становления революционной идеологии, поисков путей и методов борьбы против самодержавия и крепостничества.

Ярким свидетельством этого является знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, которое Герцен назвал «выстрелом, раздавшимся в темную ночь». Проникнутое страстной ненавистью к крепостничеству, презрением к официальным теориям о будто бы всеобщем благополучии в России, возмущением господством самодержавно-полицейского произвола в стране, письмо Чаадаева этими своими сторонами непосредственно смыкалось с революционными идеями декабристов, передовой публицистикой 30-х годов XIX в. Но в то же время оно было наполнено безысходным пессимизмом и отчаянием, которые привели автора к крайне отрицательной оценке прошлого, настоящего и будущего России, к апологии католичества, религиозного идеализма, к перенесению обсуждения социальных вопросов на религиозно-нравственную почву. При пользовании этим противоречивым источником необходимо не только учитывать обстановку, в которой он возник, но брать его в комплексе с другими семью ненапечатанными «Философическими письмами» Чаадаева (они обнаружены и изданы только в советское время), с его «Апологией сумасшедшего», с прокламацией, написанной им в связи с революцией 1848 г., с теми откликами, которые вызвало появление «Философического письма» в официально-реакционных и в демократических кругах русского общества. Письмо Чаадаева было продиктовано страстной любовью автора к родине, которая приняла болезненные формы и привела его к явно неправильным выводам.

Где более уродливые формы приняла любовь к России и ее народу в политических сочинениях и публицистике славянофилов. Щепетильно относясь к крепостничеству и самодержавно-полицейскому произволу, они довольно резко критиковали его. Но залог будущего и спасение России они видели в сохранении ее «самобытности», основными чертами которой считали крестьянскую общину, объединение всех славянских народов под властью православного русского царя, идеалистическую, пронизанную догмами православия, философию. Уделяя большое внимание изучению быта, творчества народа и его «духа», славянофилы утверждали, что главной чертой русского народа является то, что он чужд идеям революции и революционной борьбы. Подобные представления пронизывали «Девятнадцатый век» И. В. Киреевского, «О старом и новом», «Записки о всемирной истории» А. С. Хомякова, «Об основных началах русской истории» К. С. Аксакова, сочинения И. С. Аксакова, славянофильские сборники и журналы.

Если в 30—40-х годах XIX в. славянофилы выступали как одно из оппозиционных направлений, имевшее ряд точек соприкосновения с революционной демократией, то в канун и тем более во время крестьянской реформы они стремительно эволюционировали в направлении официально-монархического лагеря и вели яростную борьбу с революционно-демократическими идеями и организациями.

Для оценки политического или публицистического сочинения, определения его места и роли в общественно-политической жизни и идейной борьбе того времени мало выяснения степени последовательности и эволюции их авторов, необходимо их сопоставление с политическими сочинениями, вышедшими из реакционно-охранительного и либерального лагерей.

Для политических и публицистических произведений консервативно-охранительного лагеря характерна «Записка о древней и новой России» писателя и историка Н. М. Карамзина, поданная Александру I в 1811 г. Главным условием развития, славы и будущего России Карамзин объявил незыблемость самодержавия. «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья», — заявлял он, уверяя при этом, что недовольство русских вызывает «единство излишняя любовь Александра I к государственным преобразованиям», которые потрясают основу империи. Карамзин решительным образом выступил против всяких попыток «отнять у господ всю власть» над крестьянами или ограничить ее, уверял, что «для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не во время свободу», и угрожал Александру I, что он «будет ответственать богу, совести и потомству» за все зло и все последствия попыток ограничить власть помещиков и изменить положение крестьян. Обосновывая эти положения, Карамзин поднимает на щит роль дворянства на всех этапах истории России, уверяет, что это «братство знаменитых слуг великокняжеских или царских» и сейчас

остаётся «главным необходимым орудием, двигающим состав государственный», поэтому важнейшей задачей является «возвышение сана дворянства, коего блеск можно назвать отливом царского сияния».

Из программных произведений, авторы которых исходили из необходимости приспособления феодально-крепостнического строя к изменившимся условиям, наиболее показательны «Записка о правах Сената» адмирала Н. С. Мордвинова и «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений» М. М. Сперанского. Автор первого произведения, вслед за Екатериной II, использует в интересах дворянства теорию разделения властей и теорию естественного права, критикует деспотический строй самодержавия, много говорит о принципах законности и ограничения власти монарха Сенатом, который превращается в сословно-представительный орган дворянства, призывает к предоставлению политических прав фактически только дворянству, к сохранению зависимости крестьян от помещиков. Этому не противоречило то обстоятельство, что в своих работах по вопросам экономики Мордвинов высказывал ряд важных и правильных положений по вопросам развития торговли и промышленности.

Более глубокой, с точки зрения естественного права, теорией разделения властей и необходимости ослабления «деспотизма» была критика существующего строя, законодательства и органов власти и управления в работах М. М. Сперанского. Он считал необходимым выработку конституции, основанной на «коренных или непрременных законах», которые неуклонно должны соблюдаться всеми подданными, представителями всех органов власти и самим монархом. Однако предлагаемая программа преобразований была весьма не последовательна. Сохранялись сословия и значительные сословные дворянские привилегии. Ликвидация крепостного права предполагалась в результате постепенных реформ, растянутых на неопределенно долгий срок. Конечно, осуществление проекта Сперанского несколько расширяло возможности развития капиталистических отношений и экономического прогресса, в какой-то степени ограничивало самодержавно-полицейский произвол, царивший в стране. Именно в этом причина того, что первые революционные организации и их руководители в условиях, когда революционного массового движения в стране еще не существовало и четкого размежевания между революционным и либерально-оппозиционным движениями еще не было, питали иллюзии, что Сперанский и Мордвинов — это именно те люди, которые войдут в правительство, созданное после удачного революционного выступления.

В действительности же проекты Сперанского были направлены на приспособление существующего строя к изменившимся условиям, на втискивание новых явлений и процессов в старые отжившие учреждения и институты. Недаром и Сперанский и Мордвинов оказались в числе тех, кто судил декабристов, а приговор и манифест были написаны тем же Сперанским. Недаром от составления

проектов государственного устройства и новых принципов законодательства Сперанский перешел к кодификации существующего феодально-крепостнического законодательства, которое было одним из действенных форм в борьбе за сохранение уже изжившего себя строя.

Таким образом, только весь комплекс политических и публицистических сочинений, вышедших из различных лагерей, отражающих и выражающих интересы и позиции различных социально-экономических групп и классов, является надежным историческим источником для изучения и понимания основных направлений и форм идейной борьбы, расстановки сил в этой борьбе, ее тактики, создания условий и характера деятельности первых революционных организаций.

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Разложение крепостнических и сопутствующее этому зарождение и развитие капиталистических отношений, обострение социальных противоречий, классовая и идейная борьба, начало эпохи буржуазных революций в передовых странах мира приводят к тому, что к концу XVIII в. критика крепостничества перерастает в возникновение революционной идеологии. Это явилось важной предпосылкой возникновения политических, общественных, революционных организаций, начала первого, дворянского этапа революционного движения. Уходящее своими корнями в антикрепостническую борьбу народа, революционное движение на этом этапе еще не сливается с ней, не носит массового характера. «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа», — писал В. И. Ленин, характеризуя первый этап революционного движения в России¹.

Состав первых революционных организаций, условия их деятельности определили форму организаций, их программу и тактику, а также характер программных документов. Нужно иметь в виду, что в первой половине XIX в., не говоря уже о XVIII в., в России не было нелегальных типографий. Лишь в первые годы второй половины XIX в. Герцен и Огарев основывают в Лондоне Вольную русскую типографию и изданием «Полярной звезды», а затем «Колокола» кладут начало бесцензурной русской прессе. Скванная «чугунным» цензурным уставом, подцензурная пресса не давала и не могла давать программных документов революционного движения. В лучшем случае она могла эзоповским языком говорить об отдельных положениях этих программ, используя научные, философские, литературные темы. Эта особенность источников по истории революционного движения рассматривалась в главе о политических сочинениях и будет рассматриваться в главе о прессе этого периода. Добавим, что немало материалов по данному вопросу имеется в мемуарах участников революционных организаций, например в мемуарах декабристов, в «Былом и думах» А. И. Герцена и др.

Программные документы крестьянских выступлений. Первые революционные организации создаются в России только в начале XIX в., а до этого шла ожесточенная антифеодалная борьба в городе и деревне, принимавшая самые различные формы. Даже в тех случаях, когда эта борьба принимала характер крестьянской войны, она оставалась проявлением стихийного протеста против роста крепостной эксплуатации, помещичьего произвола, проявления крепостничеством наиболее грубых и тяжелых форм. В про-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

иссе этой героической борьбы крестьянство не противопоставляло и не могло противопоставлять крепостническому строю новый общественно-экономический строй. Оно не выдвигало и не могло выдвинуть цельной политической программы. Выступления крестьян проходили под царистскими лозунгами, под знаком веры «в хорошего царя», что в значительной степени определяло как форму, так и содержание документов движения. О программном характере крестьянских выступлений можно говорить только в том плане, что они отражали и выражали нужды и чаяния, мечты и требования крестьянства и посадского люда, обличенные в форму челобитий, «прелестных писем», отписок и других подобных документов.

К тому же документы и материалы, связанные с антифеодальной борьбой и дошедшие до нас, как правило, принадлежат противникам восставших, а архивы их не сохранились. «Прелестные письма», указы, распоряжения, решения и другие документы восставших изымались и уничтожались карательными и следственными органами самодержавия. Единственным исключением является обнаруженный архив Астраханского восстания 1705—1706 гг. Материалы этого крупного городского восстания, когда восставшие создали свое правительство и целый год удерживали власть на значительной территории, позволяют раскрыть не только социальный состав восставших, позицию отдельных сословных групп, но и особенности восстаний этого времени, их сильные и слабые стороны, рассмотреть основные черты идеологии восставших и т. д. Наиболее важны в этом отношении решения восставших о наказании царской администрации в Астрахани, ответы на указы Петра I, указы руководителям отрядов, направленных для взятия Царицына, письма донским казакам, решения о действиях отдельных выборных лиц и другие документы. Материалы Астраханского восстания с особой силой показывают, что восставшие не противопоставили самодержавию, крепостным отношениям и существующим органам власти и управления, сословному строю ничего принципиально нового, выводившего их за рамки феодальных отношений.

Исключительно важный и своеобразный комплекс источников, в том числе и «программного» характера, составляют материалы крестьянской войны под предводительством Пугачева. Помимо именованных местных властей, протоколов допроса ее участников, приговоров, сведений о карательных экспедициях и других материалов до нас дошли отдельные документы пугачевской военной коллегии, а главное, указы и манифесты Пугачева.

В указах отчетливо выражены нужды, требования и мечты различных социальных и сословных групп и категорий, участвовавших в Крестьянской войне. Источниковедческий анализ этих документов позволяет проследить, как нарастала их антикрепостническая, индворянская направленность, как в зависимости от района, участвовавшего в данный момент основным центром восстания, и от состава его участников менялись «пожалования» указов и

манифестов Пугачева, как от удовлетворения требований отдельных сословных и социальных категорий они становятся выражением интересов всего закрепощенного народа. В этом отношении огромное значение имеет сопоставление содержания указов с показаниями самого Пугачева о том, как появлялись его указы, почему в них содержались именно эти пожалования.

Пожалования в первом указе Пугачева имели чисто сословный, казацкий характер, поскольку основную часть первого пугачевского отряда составляли яички казаки. В указ было включено все, о чем «его о том просили» сами казаки. В то же время как в этом, так и в других указах Пугачева, изданных в период осады им Оренбурга, почти ничего не говорится о дворянах и крестьянах.

Но восстание, поднятое Пугачевым, быстро перерастало в Крестьянскую войну. После первого указа не прошло и трех месяцев, а новые пугачевские указы уже называют помещиков «сущими преступниками закона и общего покоя», «злодеями и противниками воли моей императорской» и приказывают крестьянам «казнить их смертью, а дома и имение брать себе в награждение».

Перейдя на правобережье Волги, один из центров крепостничества и помещичьего землевладения, Пугачев издает 31 июля 1774 г. настоящую «Жалованную грамоту крестьянам», жалует «всех находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков... вольностью и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и солеными озерами без покупки и без аброку». Дворян как «возмутителей империи и разорителей крестьян» он приказывает «ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами крестьянами».

Пугачевские указы и манифесты с исключительной силой показывают и другую важнейшую особенность Крестьянской войны — ее царистский характер. Это выражается и в принятии Пугачевым имени Петра Третьего, и в самой форме «императорских» указов и манифестов Пугачева, и в их терминологии, и в том, что участники восстания, крестьяне, рабочие люди, нерусские народы, казаки и другие категории населения именуется в указах «верноподданными рабами», «рабами короны нашей» и призываются послужить «великому государю» также, «как деды и отцы ваши прежним царям служили до капли своей до крови» и т. д.

Наконец, пугачевские указы и другие материалы Крестьянской войны позволяют выяснить, что нарождавшееся третье сословие и города вообще не играли в ней сколько-нибудь видной роли, что многонациональный характер Российской империи наложил серьезный отпечаток на состав восставших, формы борьбы, характер требований. Религиозная оболочка, в которой выступали все антифеодальные движения на Западе, здесь играла второстепенную роль и выступала в иных формах.

Массовое крестьянское антикрепостническое движение и деятельность первых революционных организаций в дореформенной

России шли разными путями. Более того, большинство участников дворянского этапа революционного движения видело в крестьянских восстаниях лишь «кровавый и бессмысленный бунт», не понимало значения и боялось их. Но это не снимает вопроса об огромном их влиянии на формирование антикрепостнической, революционной идеологии в России, на программные документы и деятельность первых революционных организаций. Решительно выступая против попыток авторов сборника «Вехи» извратить историю освободительного движения в России, В. И. Ленин писал: «Может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»¹. Выявление этой связи и этого влияния и является одной из самых сложных и важных задач.

Программные документы революционных организаций. В дореформенной России почти полностью отсутствуют такие важнейшие для последующих этапов революционного движения источники, как листовки и прокламации. Характерно, что немногие известные нам прокламации непосредственно не связаны с деятельностью революционных организаций и кружков. Мы знаем лишь о планах кружка братьев Критских «испытать дух народа одной прокламацией», при помощи которой «стараться возбудить в народе ненависть к монархическому правлению, написать сколько было невинно повешенных и сосланных в Сибирь». Эту прокламацию кружок Критских был намерен подбросить к пьедесталу памятника Минину и Пожарскому в день коронации Николая I, но план остался неосуществленным.

В делах III отделения, жандармских округов и аналогичных учреждений сохранилось несколько проектов, антиправительственных записок и других материалов, принадлежавших не организациям или кружкам, а одиночкам. Так, молодой офицер Ситников составил и разослал городским думам и отдельным лицам 16 экземпляров своего проекта нового политического устройства на «вечесвых началах». В проекте предусматривалась ликвидация самодержавия, установление республики, уничтожение крепостного права, роспуск полиции и жандармерии, установление срока службы в армии в шесть лет, введение выборного суда и ряда других мероприятий. Этот проект, составленный от имени несуществующей организации, с одной стороны, интересен как проявление распространенности идей необходимости уничтожения самодержавно-крепостнического строя, а с другой стороны, как проявление крайней незрелости революционного движения на этом этапе.

Авторы ряда подобных документов и сейчас остаются неизвестными. Так обстоит дело с самыми «массовыми» прокламациями этого периода — «муромскими листками», рукописными прокламациями, распространявшимися в 1830 г. в Муромском и соседних

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.

уездах. В этих листках, которых было несколько сот, крестьяне «возмущались против своих помещиков». Следствие длилось очень долго, было арестовано или допрашивалось много дворян, купцов, мещан, чиновников, учащихся, церковников, крестьян, но ни авторы, ни распространители «муромских листков» так и не были обнаружены. Противоречивость содержания листков, а также наличие нелитературных оборотов, орфографических ошибок и ряд других внешних признаков свидетельствуют о том, что листки вышли из непривileгированной среды.

Для «муромских листков» характерно неприкрытое возмущение помещичьим произволом, продажей крестьян в розницу, тяжелым положением крестьян, длительностью солдатской службы. Одновременно с этим в «листках» осуждалось восстание, говорилось, что земля и после освобождения крестьян должна остаться у помещиков, и тогда они повысят свои доходы; что все беды от того, что царь не может сам «уследить за всеми делами», поэтому нужно дать ему в помощь выборных от дворян и купцов, «но крестьяне же, дворовые люди, мещане и солдаты к таким выборам ни под каким видом не допускаются». Как исторический источник «муромские листки» весьма показательны для времени, когда первое революционное выступление против крепостничества и царизма потерпело поражение, когда шли мучительные поиски формы борьбы и когда ненависть к существующему строю выражалась в самых различных, порой неожиданных и противоречивых формах.

В этом их главное отличие от подлинно программных документов декабристских организаций, первых революционных организаций в России, разработавших проекты конституции, аграрных, политических и других преобразований. Большинство этих документов представляет самостоятельный вид исторического источника, и их значение выходит далеко за рамки того комплекса судебно-следственных материалов, в составе которого они дошли до нас. Кроме того, разрабатывались, перedelывались, обсуждались они задолго до следствия. Как уже отмечалось, в ходе следствия судебно-следственные органы фактически старательно обходили программы и подлинные цели революционных организаций и революционных выступлений. Так, в допросах П. И. Пестеля почти отсутствуют вопросы по содержанию его «Русской Правды», хотя следственный комитет придавал огромное значение ее обнаружению и изъятию, вопросу о том, кто, когда, где ее спрятал, кто ее читал и т. д.

Важнейшими программными документами этого периода являются «Конституция» Никиты Муравьева и «Русская Правда» П. И. Пестеля. Это очень сложные по своему составу и происхождению источники, работа над которыми продолжалась ряд лет. Несмотря на это «Русская Правда» осталась незавершенной. Пестелем было составлено пять глав — примерно половина предполагаемого объема. Изучение текста программных документов и их редакций, а «Конституция» Н. Муравьева дошла до нас в трех редакциях, позволяет судить о различных по радикальности направ-

лениях внутри единого революционного движения, о той эволюции, которую в ходе деятельности революционных организаций проделывали авторы этих программных документов и та часть декабристов, которая разделяла их взгляды. Так, Н. Муравьев в первой редакции допускал безземельное освобождение крестьян. Но затем под давлением радикальной части членов Северного общества он предусматривал передачу крестьянам усадьбы и двух десятин земли на крестьянский двор. Окончательная редакция «Конституции», над которой Н. Муравьев закончил работу осенью 1825 г., была уничтожена автором накануне ареста.

На примере «Конституции» Н. Муравьева отчетливо прослеживается опасность того, когда из источника можно использовать отдельные положения, приводящие к совершенно неправильной оценке источника в целом и позиций его автора. В самом деле, «Конституция» Муравьева сохраняла помещичье землевладение, власть императора, получавшего огромное жалование, представляла политические права лишь владельцам крупного имущества. Уже эти положения могут показаться достаточными, чтобы поставить ее в один ряд с конституционными проектами Сперанского, Мордвинова и других либералов.

Но «Конституция» Муравьева одновременно с этим предусматривала, что «крепостное состояние и рабство отменяются», подлежит немедленной отмене Табель о рангах, все должности в государстве становятся выборными, немедленно уничтожаются военные поселения, в стране провозглашается свобода вероисповедания, слова, печати, собраний и передвижения, императору принадлежит лишь исполнительная власть, все придворные лишаются избирательных прав и таким образом придворная клика устраняется от политической жизни, уничтожаются все сословия и устанавливается равенство всех граждан перед законом, высшим органом власти в стране становится двухпалатный парламент — «Народное вече».

Таким образом, несмотря на все присущие ей черты классовой ограниченности, «Конституция» Н. Муравьева является программным документом не либеральных, а революционных организаций первого, дворянского этапа революционного движения в России.

При изучении и использовании программных документов революционных организаций следует выяснить, в какой степени данный документ является действительной программой всего революционного общества или же отражает программу, позицию части членов революционной организации.

Вернемся к «Конституции» Никиты Муравьева. Положения этой «Конституции» принимал и разделял ряд членов Северного общества, но она никогда обществом не обсуждалась, как его программа не принималась. Более того, значительная часть членов Северного общества, игравших в нем наиболее видную роль накануне восстания 14 декабря, стояла на несравненно более радикальных позициях.

В отличие от «Конституции» Н. М. Муравьева, «Русская Правда», созданная руководителем Южного общества декабристов, имеет все основания для того, чтобы ее рассматривали как программу всего Южного общества. Ее отдельные главы обсуждались и были приняты обществом, а ее основные положения разделялись почти всеми его членами.

Существование нескольких программных документов позволяет сравнивать их, выяснить наличие различных по степени радикальности групп и течений в революционном движении, их позиции и установки по узловым кардинальным политическим, социально-экономическим и другим проблемам. Как нельзя лучше для подобного сопоставления с Конституцией Н. Муравьева подходит «Русская Правда» П. И. Пестеля.

Первая редакция «Русской Правды» относится к 1822—1823 гг., вторая — к 1824 г. Пестель успел завершить окончательную переработку текста введения и двух первых глав. Третья доведена до середины, а остальные остались в первоначальном виде с отдельными набросками для переработки.

В первой редакции, предусматривая ликвидацию самодержавия, крепостного права и сословий, Пестель в то же время предполагал осуществлять освобождение крестьян постепенно, растягивая этот процесс на ряд лет и сохраняя переходный период с выполнением определенных повинностей и выплатой оброка, с тем чтобы освобождение крестьян не привело к уменьшению доходов помещиков. Сохранялись и отдельные сословные привилегии за той частью помещиков, которые «оказали Отечеству большие услуги».

Во второй редакции предусматривалось немедленное и безоговорочное уничтожение крепостного права. Дворянин, пытавшийся помешать этому, объявлялся «извергом» и подлежал немедленному аресту и строжайшему наказанию. Крестьяне должны были получить половину всей помещичьей земли, т. е. больше, чем они получили в период крестьянской реформы 1861 г. Сословия, все сословные права и привилегии уничтожались и все граждане становились равными перед законом. В соответствии с этим ликвидировалась система сословных судов и сословная система комплектования армии. Самодержавие не только уничтожалось и заменялось республикой, но о нем запрещалось и упоминать. Во избежание опасности реставрации уничтожению подлежала вся царская фамилия. Однопалатный парламент избирался всеми гражданами, достигшими 20 лет без всякого имущественного ценза. Другими словами, вторую редакцию «Русской Правды» отличало стремление наиболее последовательно решить все коренные проблемы, стоявшие перед страной, революционным путем. И в этой последовательности, нарастании радикальности от первой ко второй и окончательной редакции «Русской Правды» ее существенное отличие от «Конституции» Н. Муравьева. Конечно, это не означает, что «Русская Правда» и ее автор полностью избавились от черт ограниченности, от компромиссности, что они смогли выйти за те рамки, которые были характерны для дворянского этапа русского революционного

движения. Достаточно вспомнить, что при всей радикальности в решении вопроса о крепостном праве и земле для крестьян Пестель не предусматривал полной ликвидации дворянского землевладения, что, предоставляя всем гражданам России равные права, он отрицал право нерусских народов на самостоятельное решение ими вопроса о своей судьбе.

Анализ дошедшего до нас текста «Русской Правды» связан с огромными трудностями, поскольку необходимо определить, как, и в каком направлении подлежали пересмотру те ее части, которые дошли до нас не в окончательной редакции, как их согласовать с теми статьями и главами, которым Пестель успел придать окончательный вид.

Исследуя программные документы декабристов, сравнивая отдельные редакции, сопоставляя трактовку в них отдельных вопросов, их классовую сущность и направленность, вскрывая их классовую ограниченность, необходимо помнить, что и Конституция П. Муравьева, и «Русская Правда» Пестеля являются революционными программами.

При всей разнице и различной степени последовательности эти две декабристские программы предполагают осуществление радикальных перемен в политическом и социально-экономическом строе России, которые могут быть осуществлены только революционным путем.

Поэтому сравнение программных документов должно идти не по пути их противопоставления, не по пути «обличения» авторов более умеренных программ, а по пути выяснения общего и особенного, по пути показа того, к чему подошло русское революционное движение в наиболее радикальных программных документах.

В источниковедческом плане программные документы декабристов представляют значительный интерес еще в одном отношении: они дают возможность выяснить, как программа дворянской революционной организации влияла на формы создания и деятельности обществ декабристов, на избранную ими тактику, подготовку восстания и на само восстание.

Кроме названных двух основных программных документов движения декабристов, к этому же виду источников можно отнести обнаруженный в бумагах С. П. Трубецкого проект манифеста к русскому народу. После победы революционного выступления он должен был объявить об уничтожении крепостного права, сословий, рекрутской системы, военных поселений, о предоставлении свободы вероисповеданий, об установлении гласного суда с присяжными заседателями и об учреждении временного правительства «до установления выборного». С некоторыми оговорками можно рассматривать как программные документы и «Революционный катехизис» С. И. Муравьева-Апостола, предназначенный для агитации среди солдат и излагавший в форме катехизиса ряд программных положений Южного общества, а также «Правила» Общества соединенных славян, которые хотя далеко не полностью, но все же характеризуют позиции этой декабристской организации.

Программные документы декабристов наглядно показывают, какой огромный шаг вперед сделала русская революционная общественно-политическая мысль и русское революционное движение по сравнению не только с просветителями XVIII в., сосредоточившими внимание на критике крепостного строя и всех его порождений и возлагавшими надежды на «благоразумие» дворянства и реформу сверху, не только со стихийными крестьянскими восстаниями, в том числе и с Крестьянской войной под предводительством Пугачева, но и с предтечей революционного движения — А. Н. Радищевым. Они показывают возникновение и все увеличивающийся водораздел не только между революционными организациями, с одной стороны, и официальной Россией и идеологами откровенных крепостников — с другой, но и с представителями «дворянского либерализма».

Ознаменовавшиеся господством безудержной реакции и полицейского террора десятилетия после поражения восстания декабристов были временем, когда в стране не существовало устойчивых революционных организаций. Небольшие революционные кружки, возникавшие в это время, быстро выслеживались и раскрывались III отделением и жандармерией. Не успел превратиться в тайное революционное общество с четкой программой и разгромленный царизмом кружок петрашевцев. Поэтому для характеристики позиций петрашевцев и их программы историки пользуются «Моими афоризмами», «Запасом общепользнего», «Проектом об освобождении крестьян» и другими произведениями М. В. Петрашевского, речами, статьями, набросками Н. А. Спешнева, Н. А. Момбели, «Карманным словарем иностранных слов», в создании которого участвовали петрашевцы и который отразил идеологию и позицию складывающегося нового революционного общества в России.

МАТЕРИАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

§ 1. Карательные и судебные органы
в XVIII — первой половине XIX в.

Для XVIII — начала XIX в. характерны политические процессы по делу о выступлениях первых представителей антикрепостнического, а затем и революционного направления русской общественно-политической мысли, процессы, вызванные созданием и деятельностью первых революционных организаций в России.

Поскольку судопроизводство и судебный процесс дореформенной России имели ряд особенностей, определивших состав и характер судебно-следственных документов, то, прежде чем характеризовать последние, необходимо предварительно дать краткую характеристику судебных и карательных органов, судопроизводства и судебного процесса XVIII — первой половины XIX в.

В XVIII в. функции полицейского надзора, сыска и следствия по делам о политических преступлениях и вынесения приговора, который утверждался императором, принадлежали сменявшим друг друга различным правительственным учреждениям. Первым из них был Преображенский приказ (1695—1729); с 1718 г. параллельно стала действовать Тайная канцелярия. С 1731 по 1762 г. функционировала Тайная канцелярия розыскных дел. Процедура следствия по поступившему доносу складывалась из допросов доносчиков, обвиняемого, свидетелей, сопровождавшихся троекратными жесточайшими пытками: битьем кнутом, поднятием на дыбу, прижиганием раскаленным железом.

На основе «допросных» и «пыточных речей», записывавшихся секретарями, составлялись «выписки», которые представлялись членам канцелярии — «министрам», имевшим право выносить приговор. Во время особо важных допросов присутствовали члены канцелярии, а иногда и сам император.

Действовавшая совершенно бесконтрольно и подчинявшаяся непосредственно царю, строившая следствия только на допросах и жесточайших пытках, Тайная канцелярия возбуждала страх и недовольство не только народных масс, но и дворянства. Поэтому в 1762 г. Тайная канцелярия розыскных дел была ликвидирована. Через полгода после ее упразднения в составе Сената была создана Тайная экспедиция, формально возглавлявшаяся генерал-прокурором Сената, а фактически подчинявшаяся императору и являвшаяся самостоятельным центральным учреждением политического сыска и расправы. В XVIII в. ее возглавил один из руководителей прежней Тайной канцелярии С. Шешковский, по выражению А. С. Пушкина, «домашний палач» Екатерины II.

Для расследования отдельных крупных дел создавались специальные секретные следственные комиссии, подчинявшиеся Тайной экспедиции. Так, для следствия и расправы над участниками Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева были созданы такие комиссии в Оренбурге, Казани, Уфе, Царицыне и Симбирске. Материалы этих комиссий поступили в Тайную экспедицию, туда же были доставлены и руководители восстания. Допросы восставших осуществляла уже сама экспедиция. На основе допросов в экспедиции был составлен утвержденный Екатериной II приговор и осуществлена расправа.

С образованием в 1802 г. системы министерств политической сыск и карательные функции осуществляло Министерство внутренних дел, которому было поручено «печись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствию, тишине и благоустройстве империи».

На первое вооруженное выступление против самодержавно-крепостнического строя царизм ответил созданием в 1826 г. III отделения Собственной е. и. в. канцелярии. III отделение, исполнительным органом которого был корпус жандармов, ведало организацией политического сыска и наблюдения, вело следствие по политическим делам, осуществляло казни, ссылки и другие карательные меры, руководило общегосударственными политическими тюрьмами, производило политический надзор за прогрессивными деятелями просвещения, науки, литературы и искусства, за прессой, театром, возглавляло борьбу с крестьянскими движениями, представляло царю ежегодные отчеты о настроениях различных категорий населения, наиболее острых вопросах, вызывающих обсуждение.

Стоявшее над всеми органами власти, управления и суда Российской империи III отделение в значительной степени пользовалось теми же приемами и методами следствия, которые применяли аналогичные органы XVIII в. Правда, пытки, телесные наказания в отношении лиц неподатных сословий не применялись, но их место заняли угрозы, моральные истязания, кандалы, карцер, содержание на хлебе и воде и т. д.

Судебный процесс в современном понимании слова отсутствовал. Доносы, перлюстрация писем, агентурные сведения, информация жандармских управлений, «слухи» являлись основанием для обысков и арестов, дававших в руки III отделения всякого рода «вещественные доказательства» противоправительственной деятельности. А дальше начиналась процедура допросов, очных ставок, письменных объяснений.

Если в XVIII в. для следствия по делу о наиболее массовых и значительных политических выступлениях создавались специальные секретные экспедиции, то в первой половине XIX в. иногда создавались чрезвычайные суды и особые следственные комиссии. Так, следствие по делу декабристов осуществлял специально созданный Николаем I «Тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества», в состав которого входил весь цвет служилой дворянской аристократии. Этот комитет системати-

ировал сведения об участии в декабристском движении каждого из обвиняемых, о деятельности декабристских организаций, истории их создания и программе, о восстаниях 14 декабря и Черниговского полка, о лицах, связанных с декабристскими организациями.

Все материалы «Тайного комитета» поступали в Верховный уголовный суд, который был также специально создан Николаем I и высших сановников империи. Задача этого суда сводилась к тому, чтобы на основании материалов «Тайного комитета» определить степень вины каждого из обвиняемых, распределить их «по рядам» и дать наказание каждому из разрядов. Обвиняемые вызывались в суд лишь для объявления приговора, который фактически был давно предreshен заключением Тайного комитета и указаниями царя. Создание суда преследовало цель придать видимость законности расправе над декабристами. В других случаях, как это было во время суда над участниками польского восстания и петрашевцами, обвиняемые предавались военному генерал-аудиторскому суду, роль которого сводилась к определению меры наказания и объявлению приговора.

Екатерининское «Учреждение для управления губерний» 1775 г. отделило судебную власть от административной, исполнительной власти, но на деле она по-прежнему оставалась придатком царской администрации и полиции. В делах, связанных с политическими преступлениями, с крестьянским и революционным движением, это выступало наиболее обнаженно. Суду, да и то не всегда, предоставлялось право оформлений уже предreshенного властями приговора и его объявления подсудимым.

Следствие осуществляли полицейские органы и органы политического сыска и надзора. Основной задачей следствия являлось доказать вину подсудимого, а главным доказательством вины считалось его собственное признание. Поэтому в процессе следствия полицейские органы, не останавливаясь ни перед чем, добивались признания подсудимого. Следует иметь в виду, что в процессе следствия и составления приговора; судебные органы руководствовались сословными принципами. Даже в Уголовном уложении, утвержденном незадолго до крестьянской реформы (в 1845 г.), суду предписывалось: «При равной степени достоверности законных свидетелей, в случае противоречия их, давать преимущества: 1) мужчине перед женщиной; 2) знатному перед незнатным; 3) ученому перед неученым; 4) духовному лицу перед светским».

Материалы следствия, осуществленного полицейскими учреждениями, передавались соответствующему судебному органу. На основании этих материалов чиновники суда составляли подробную записку, в которой излагалась сущность дела, характер обвинения, показания и объяснения подсудимых, свидетелей, делались ссылки на указы, регламенты, уставы и другие законодательные акты, в нарушении которых обвинялся обвиняемый, отмечалась мера наказания, предусмотренная соответствующими законами за каждое из преступлений обвиняемого. Краткое заключение по делу

докладывалось на закрытом заседании суда, на котором ни обвиняемый, ни свидетели, ни представители обвиняемого не имели права присутствовать. Этот канцелярско-бюрократический принцип судопроизводства, построенный на теории формальных доказательств, открывал неограниченные возможности для произвола, волокиты и взяточничества.

Характер следствия и судопроизводства, роль полицейских органов в судебных делах XVIII — первой половины XIX в. определяют состав и степень достоверности и полноты источников по истории крестьянского, освободительного и революционного движения этого периода.

Состав источников, их характер и особенности весьма различны в каждом конкретном политическом процессе, тем более если они отделены друг от друга рядом десятилетий, если в одном случае мы имеем дело с попыткой очередного дворцового переворота, в другом — с изданием «Путешествия из Петербурга в Москву», в третьем — с вооруженным выступлением против царизма, а в четвертом — со стихийным крестьянским восстанием.

§ 2. Судебно-следственные материалы

Начало значительной части дел положили доносы, донесения платных и добровольных агентов, сведения органов полицейского надзора о слухах, распространившихся в стране или данном городе. Эти источники, как, впрочем, и другие материалы следствия, требуют осторожного и критического отношения.

Доносы. Значимость этого источника различна. Она во многом определяется тем, кто был автором доноса, побудительными причинами его представления, насколько доносчик был осведомлен о составе революционной организации или кружка, их деятельности, целях, разбирался ли он в тех вопросах, о которых доносил, и рядом других моментов.

Нередко встречаются нелепые, не имеющие под собой никакой реальной почвы, доносы. Одни из них основаны на передаче всякого рода слухов и сплетен. Другие являются актом сведения личных счетов. Третьи, принадлежащие платным и добровольным агентам, содержат сведения о каком-то реальном факте, вокруг которого нагромождены небылицы. В ряде случаев это продиктовано стремлением раздуть дело и тем самым повысить качество своего доноса и вознаграждение за его подачу. Подобная тенденция характерна и для некоторых представлений и донесений царю III отделения и других полицейских органов, стремившихся подчеркнуть свою осведомленность и свои заслуги в борьбе с «крамолой». В связи с этим доносчики зачастую заменяли отсутствующие у них сведения выдумкой, слухами, догадками. Вдобавок к этому часто по своему умственному и образовательному уровню они были неспособны разобраться в целях организации, в обсуждаемых общественно-политических и философских проблемах.

Различна была роль доносов в процессе следствия и суда. Восстанию декабристов предшествовали доносы Шервуда, Бошняка, Вига, в которых содержались сведения о существовании тайного общества, об его отдельных членах и их действиях; донос члена Южного общества капитана Майбороды, назвавшего в своем доносе почти 50 имен декабристов; и наконец, донос Ростовцева накануне 14 декабря. Суд над декабристами происходил уже после восстания, поэтому сведениям доносов не уделялось большого внимания. В то же время эти доносы позволяют судить о том, какими сведениями располагало накануне восстания правительство, объясняют принятые им меры (арест Пестеля, Сергея Муравьева-Апостола, приведение к присяге Сената рано утром 14 декабря и т. д.).

В других делах, например в деле петрашевцев, доносам принадлежит огромная, если не решающая роль. П. Д. Антонелли, тайный агент Министерства внутренних дел, пользовался полным доверием Петрашевского, регулярно бывал на собраниях петрашевцев, участвовал в их беседах и спорах, был в курсе всех их замыслов. Поскольку он был в свое время студентом университета, то ориентировался в существе деятельности кружка, довольно правильно передавал содержание бесед, споров, планов, что были вынуждены признать сами петрашевцы во время следствия. Гораздо меньшую ценность имеют те доносы Антонелли, которые он писал с чужих слов или на основании косвенных наблюдений и свидетельств.

По донесениям Антонелли отчетливо видны их побудительные мотивы и влияние этих мотивов на содержание и характер доносов. Превратившись в полицейского шпиона, Антонелли рассматривал свои доносы как способ сделать блестящую карьеру и получить большую награду. Поэтому он всячески пытался раздуть опасность деятельности кружка петрашевцев, придать ему характер опаснейшего антигосударственного заговора общерусского значения. Он не останавливался перед домыслами, натяжками, преувеличениями, а после осуждения петрашевцев доказывал, что правительство не в полной мере поняло всю опасность их деятельности и недостаточно вознаградило его.

Понятно, что историческая ценность всякого рода слухов, зафиксированных в донесениях полицейских агентов и других материалах полицейского сыска, весьма сомнительна. В то же время полностью игнорировать их нельзя. Достаточно сказать, что следствие по делу Радищева началось со следующих писем графа А. А. Безбородко графу А. Р. Воронцову: «Е. и. в., сведав о вышедшей недавно книге под заглавием «Путешествие из Петербурга в Москву», оную читать изволила и... указала исследовать о сочинителе сей книги. Между тем достиг к ее величеству слух, что она сочинена г. коллежским советником Радищевым...». Как видим, в отношении авторства книги слухи соответствовали действительности.

Пыточные речи. Протоколы допросов. Письменные показания. Эти источники отличаются необычайной сложностью, их значение весьма противоречиво и они требуют тщательной проверки.

Необходимо выяснение тактики, избранной подсудимым, причин изменения им своих показаний по ряду вопросов, связи между показаниями и предшествующей позицией и деятельностью подсудимого, а также влияния показаний на приговор и последующую борьбу обвиняемого.

Во всех этих источниках содержатся важные и в большинстве случаев правильные сведения биографического характера об обвиняемых. В них немало фактического материала о составе революционных кружков и организаций, их деятельности, роли отдельных членов, планах и целях организаций, их программе, ходе ее выработки и по другим вопросам.

В то же время нужно иметь в виду характер и условия возникновения данных источников, методы, которыми в дореформенной России осуществлялось следствие и суд. В этом плане уже само название «пыточные речи» говорит о многом. Немало обвиняемых, измученных пытками и допросами, были готовы признать все, в чем их обвиняли. В результате появились признания в преступлениях, которые обвиняемый не совершал, участниками преступлений назывались лица, которые не имели к данному обществу, движению, заговору никакого отношения, и т. д.

При пользовании протоколами допросов следует помнить, что они велись представителями Тайной канцелярии, III отделения и других учреждений полиции. Это определяет не только формулировку вопросов, но формулировку и терминологию ответов, которые в действительности принадлежат не обвиняемому, а тому, кто вел протокол допроса. Так, в записи показаний Е. И. Пугачева (он был неграмотен) встречаются выражения, принадлежащие не ему, а писцу: «В первый день приходу его с своею сволочью под город Яик... Приехал он с своею злою шайкою на хутор... В сей злодейской составленной мерской бумаге написано было, что называли его Петром третьим...» и т. д.

С этой особенностью источников мы встречаемся не только в тех условиях, когда имеем дело с записью показаний неграмотных обвиняемых, но и в показаниях Новикова, Радищева, декабристов.

Для абсолютного большинства показаний характерно, что обвиняемые давали показания лишь по тем сведениям, которые были известны следователям и отрицать которые было бессмысленно. После ознакомления с протоколами первых допросов и первыми показаниями обвиняемых, сравнения их между собой, сопоставления со сведениями доносов, агентурными и прочими данными руководители следствия составляли дополнительные вопросы, на которые обвиняемый должен был дать письменный ответ. Целью этих «допросных пунктов», в составлении которых по делу Новикова и Радищева участвовала лично Екатерина II, а по делу декабристов — Николай I, было заставить обвиняемых давать показания по тем вопросам, которые представлялись следователям наиболее важными и которые обвиняемые старательно обходили.

Как первые показания — протоколы допросов, так и ответы на «вопросные пункты» обвиняемых различны. Одни предельно

кратки, даже можно сказать формальны, в них почти отсутствуют факты, имена. Другие пространны, но крайне общи. Третьи, которые следователи характеризовали как проявление раскаяния и чистосердечного признания, пестрят датами, именами, фактами. Эти различия определяются целым рядом факторов. В одних случаях решающую роль играет стойкость и убежденность обвиняемого в правоте дела. В других все определяется той тактикой, которую избрал обвиняемый, и теми целями, которыми порождена эта тактика. Немало случаев, когда характер показаний в первую очередь обусловлен реакцией обвиняемого на неудачу революционного выступления, арест, тюремный каземат, обстановку следствия и его методы. Различия в показаниях обвиняемых с особой силой выступают в ответах на дополнительные вопросы, поскольку подсудимый, находясь в тюремной камере, имел возможность обдумать свои ответы.

Среди декабристов были такие, кто упорно отказывался давать показания, называть имена участников движения, давать требуемые от них объяснения. Так, Пестель первоначально занял позицию полного отрицания своего участия в движении декабристов. Отказывались давать показания и называть имена членов организаций М. С. Лунин, И. Д. Якушкин, И. И. Пущин, А. И. Борисов. Полный убежденности и достоинства, М. С. Лунин дал ответ на вопрос о том, как он был принят в тайное общество: «Я никем не был принят в число членов тайного общества, но сам присоединился к нему. Открывать имена их почитаю противным моей совести, ибо должен был бы обнаружить братьев и друзей».

Именно поэтому Якушкин был отправлен в Петропавловскую крепость с собственноручной запиской Николая I: «Присылаемого Якушкина заковать в ножные и ручные железы; поступать с ним строго и не иначе содержать, как злодея». Подобных царских записок было много.

Широко используя угрозы, шантаж, кандалы, содержание на хлебе и воде и другие проявления наистрожайшего содержания в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, следственный комитет и Николай I в отношении подсудимых не скупилась на обещания «царской милости», прощения, на уверения, что создание гайного общества является чуть ли не недоразумением, так как правительство стремится к тем же целям.

Пользуясь показаниями как источниками, нужно иметь в виду по крайней мере еще два обстоятельства. Отстаивание своих революционных взглядов и деятельности, несомненно, было актом мужества и стойкости убеждений, но декабристы и другие участники революционного движения в дореформенной России не могли не считаться с тем, что канцелярский характер следствия и суда не дает возможности использовать суд в качестве трибуны.

Хотя канцелярское судопроизводство и не оставляло места для состязательного процесса, лежащего в основе буржуазного судопроизводства, но в действительности на протяжении всего следствия непрерывно шло состязание следователей и обвиняемых.

Первые стремились доказать вину обвиняемых в совершении самых тяжелых политических преступлений, обосновать применение к ним самого тяжкого наказания. Обвиняемые преследовали прямо противоположную цель. Поэтому они старались всячески обойти наиболее опасные вопросы деятельности революционной организации и своей роли в отдельных событиях движения, стремились уменьшить не только ее, но и само движение, степень его революционности.

«Искренние показания» и «раскаяние» нередко были формой состязания со следователями, определенной тактикой, рассчитанной на «чистосердечное» признание того, что уже невозможно отрицать и под предлогом «искренних показаний» обходить острые углы следствия. Другое дело, если обвиняемый при этом шел на раскрытие следствию неизвестных фактов и членов организации. Стойкость во время следствия, непримиримая ненависть к самодержавию Лунина, Якушкина, Пущина и других декабристов находят логическое продолжение в их мужественном поведении на сибирской каторге. Рядом с этим немало примеров разительного противоречия в поведении декабристов до восстания и во время следствия и после суда. Преданный друг Рылеева, молодой офицер А. И. Одоевский с пылом действует в Северном обществе. Его квартира — своеобразный штаб общества или, точнее сказать, радикального «рылеевского» крыла. 14 декабря он командовал ограждением площади и агитировал конную гвардию не выступать против восставших. Оказавшись в Петропавловской крепости, А. И. Одоевский дает самые откровенные показания. Более того, он горько кается, умоляет дать ему возможность искупить свою вину, обещает дать показания даже о том, о чем он в действительности знать не мог. Сосланный на 12 лет на сибирскую каторгу, он пишет прошения, в которых умоляет о прощении. И в то же самое время А. И. Одоевский пишет свой знаменитый ответ на пушкинское послание в Сибирь, ответ, полный презрения и ненависти к самодержавию, полный веры в то, что «из искры возгорится пламя». Позже, уже на Кавказе, он приветствует польских повстанцев. Он снова говорит о верности делу «святых имен» — казненных декабристов и до конца недолгих своих дней сохраняет «веру гордую в людей и жизнь иную».

Пример Одоевского свидетельствует о сложности вопроса о степени «искренности» и истинности «раскаяния» декабристов, показывает, что невозможно рассматривать показания изолированно от предшествующих позиций и деятельности данного декабриста в революционных организациях, без учета того, как он себя вел в дальнейшем. С учетом этого можно сказать, что далеко не все «раскаявшиеся» декабристы дали действительно искренние показания и действительно раскаялись.

При пользовании показаниями обвиняемых необходимо учитывать, что они умышленно ссылались при объяснении своих позиций, взглядов и действий на разрешенные цензурой издания, переводы произведений, которые не были запрещены в России, отдельные

положения законодательных актов и правительственных деклараций, заявления самого царя. Так, в ряде своих ответов Радищев воспроизводил положения екатерининского «Наказа», ссылаясь на Монтескье, которого цитировала сама Екатерина, говорил о том, что он писал о дурных царях, а отнюдь не «о такой самодержице, которой удивляется свет». Новиков систематически подчеркивал, что книги, в издании которых его обвиняют, были ранее разрешены университетской цензурой или полицией. Только сейчас, познакомившись с их содержанием, он «ужаснулся, что они были напечатаны». Петрашевский подробнеем образом рассказывал о том, какое сильное впечатление произвела на него книга Фурье. Он много беседовал о ней с друзьями, расхваливал социальную систему, предлагаемую Фурье. Эта тактика будет понята, если знать, что книга Фурье не была запрещена в России. Пестель, Н. Муравьев и многие другие декабристы ссылались на некоторые указы и высказывания Александра I в начале его царствования, на конституционные проекты Сперанского, деятельность Негласного комитета, на указ о вольных хлебопашцах и уверяли, что не только не считали свою деятельность антиправительственной, но, наоборот, думали, что они помогают правительству в осуществлении его намерений. Таким образом, при использовании показаний и других следственных материалов нужно определить и отделить заявления и утверждения, сделанные из тактических соображений, от действительных взглядов и намерений обвиняемых.

Вещественные доказательства. Заключения о бумагах обвиняемых. Важным источником о деятельности, программе, планах революционных организаций и их членов являются бумаги обвиняемых, обнаруженные полицией во время обыска и ареста: дневники, письма, заметки, программные документы, политические и литературные произведения, записные книжки. Правда, зная о возможности ареста, обвиняемые успевали заблаговременно уничтожить большую часть компрометирующих их документов. Так было с бумагами Новикова, Радищева, Пестеля, Волконского, Орлова, Муравьевых, Грибоедова, Лунина и многих других.

Ценность этих источников в том, что они позволяют выяснить действительные взгляды обвиняемого, его позицию по важнейшим вопросам, процесс формирования и развития его революционных взглядов, роль в деятельности тайной организации.

В числе вещественных доказательств нередко фигурируют книги и другие издания с пометками обвиняемого, что также дает важные данные для определения его интересов, выявления авторов и произведений, оказывавших влияние на формирование его взглядов.

Для изучения истории революционных организаций и деятельности его членов важна точная датировка писем и других документов, отобранных при аресте. Не менее важно определение авторства этих документов. Сплошь и рядом в бумагах декабристов оказывались копии документов других декабристов. Важно точное определение лиц, упоминаемых в этих документах. Между тем

очень часто они обозначены только инициалами, одной буквой, псевдонимом, прозвищем. Отдельные записи дневников, заметки зашифрованы и далеко не всегда поддаются расшифровке. Достаточно вспомнить, что уцелевшая часть «декабристской» главы «Евгения Онегина» была расшифрована через сто с лишним лет.

Для решения этих задач необходимо совмещение приемов анализа содержания, направленности, степени революционности документа и его сопоставления с датированными аналогичными документами, авторство которых точно известно, с изучением бумаги, цвета чернил, почерка, манерой записей и других элементов «внешней характеристики» источника.

Особенностью судебно-следственных дел дореформенной России было то, что материалы, изъятые у обвиняемого, редко включались в состав следственного дела. Обычно для их разбора и изучения выделялись особые чиновники, которые составляли обзор изъятых материалов или заключение о разборе бумаг арестованного. В заключение включались выдержки из изъятых документов, иногда прилагались копии документов, которые казались наиболее важными для следствия. Заключение в качестве исторического источника имеют важное значение. Во-первых, они показывают, что особенно интересовало следственные органы, какие документы и вопросы привлекали их внимание, как интерпретировались эти документы, какое влияние они оказывали на ход следствия, приговор и судьбу обвиняемых. Во-вторых, довольно часты случаи, когда после завершения следствия вещественные доказательства частично или полностью уничтожались. Так, по приказанию Николая I из материалов следственного комитета были изъяты и уничтожены все вольнолюбивые и революционные стихи Пушкина, Рылеева, Бестужева. По приказу Екатерины II уничтожались вышедшие из лагеря восставших манифесты, указы, распоряжения Пугачева и пугачевской «военной коллегии», фальшивые указы, ходившие среди крестьян, и другие документы. Не сохранились бумаги, изъятые во время ареста у Радищева (за исключением рукописи «Путешествия из Петербурга в Москву») и Новикова, уничтожено было большинство рукописей Петрашевского и т. д.

В этих случаях значительно возрастает значение заключения. Сами заключения далеко не равноценны. Одни из них носят чисто формальный характер и о содержании, характере и значении изъятых материалов дают мало представления. Другие составлены малограмотными полицейскими чиновниками, которые плохо разбирались в вопросах, рассматриваемых в документах. Третьи составлены весьма квалифицированно, в них содержится обстоятельная характеристика изъятых материалов, составители свободно ориентируются в проблемах, которые содержатся в документах обвиняемого. Но независимо от степени квалификации и подготовленности составителей заключений, почти для всех этих источников характерна крайняя тенденциозность, стремление подобрать и выделить материал, уличающий обвиняемого даже

в тех случаях, когда данный документ не дает для этого оснований. Поэтому в заключениях нередко произвольные толкования документов и их отдельных положений, натяжки, домыслы, необоснованные выводы.

Заключения следствия. Приговоры. Итоги следствия оформлялись в специальный документ, который в разное время и в разных делах носил различные названия: донесение, заключение, решение, представление. Но от изменения названия его содержание и назначение не изменялось, даже в том случае, когда дело решалось без передачи его в суд, как это было со следствием по делу Новикова, кружков братьев Критских, Герцена и Огарева и ряду других. В этом случае его роль выполнял доклад царю Тайной канцелярии, III отделения или другого полицейского учреждения.

Ценность заключения как исторического источника в том, что в нем подведены итоги следствия, излагается история создания и деятельности революционной организации, характеризуется роль и поведение во время следствия ее отдельных членов, приводятся наиболее важные факты и показания обвиняемых, дается оценка степени «преступности» общества в целом и каждого из его членов. В случаях утраты следственного дела, как произошло со следственным делом петрашевца Н. А. Спешнева, заключение оказывается главным, если не единственным источником о революционной деятельности данного члена общества.

Заключение следственного органа и приговор — это не столько источник по истории той или иной революционной организации, деятельности того или иного представителя русского революционного движения, сколько источник по истории внутренней политики самодержавия и его борьбы с революционным движением. В них грубо извращаются и сознательно фальсифицируются цели революционных организаций и их деятельность, клеветнически изображаются их руководители и члены. В ряде случаев в этих источниках всячески обходится, замалчивается главная сторона и цель движения, которая представляла наибольшую опасность для самодержавно-крепостнического строя. Именно поэтому царизм предпочитал изображать участников революционных организаций изменниками и обычными уголовниками.

В приговоре по делу Е. И. Пугачева и его соратников ни слова не говорилось о том, что Пугачев призывал к истреблению помещиков, ликвидировал их власть над крестьянами, жаловал крестьян землей, освобождал их от податей и рекрутских наборов, осуществлял вековые мечты крестьян о земле и воле. В них говорилось лишь о «известном бунтовщике, самозванце, государственном злодее Емельяне Пугачеве», о «лютости и варварстве сего бунтовщика, самозванца и мучителя». Поэтому расправа с Пугачевым изображалась как величайшее благодеяние человечеству, оказываемое «премудрой Екатериной».

В указе Екатерины по делу Н. И. Новикова ничего не говорится ни о его выступлениях против крепостнических порядков и

крепостнического произвола в стране, ни о его просветительской издательской деятельности. Он обвинялся в «любоначалии и корыстолюбии», в «слепоте, невежестве и развращении последователей». Объявляя Новикова невеждой, шарлатаном и обманщиком, достойным «тягчайшей и нещадной казни», Екатерина II характеризует свой указ о заключении его без суда на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость как проявление «сродного ей человеколюбия».

Уже в самом начале следствия над декабристами отчетливо определялись цели их выступления: ликвидация крепостного права, уничтожение самодержавия, преобразование армии и существующих в ней крепостнических порядков. Николаю I стало совершенно ясно, что объявить об этом — значило нанести самодержавно-крепостническому строю новый, может быть, еще более страшный удар. Поэтому начальник главного штаба барон Дибич передал следственному комитету приказ царя: «Исключив из доклада, представить государю императору в особом приложении: 1) об убавке срока службы солдатам; 2) о разделении земель; 3) об освобождении крестьян; 4) о намерении возмутить военных поселян; 5) о государственных лицах». Через заключение, приговор и манифест красной нитью проводилась мысль, что «не в свойствах и не во нравах русских был сей умысел. Составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную, но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и всегда будет неприступно».

Извращение целей и характера движения декабристов выразилось и в том, что на грудь каждого из декабристов, осужденных на смертную казнь, была повешена доска с надписью: «царевубийца».

Наконец, рассматривая следственное заключение и судебный приговор как исторический источник, следует иметь в виду, что эти документы являются лишь оформлением предрешенного приговора. Так, приговор Пугачеву и его сторонникам был оформлен 9 января 1775 г., но еще в декабре 1774 г. генерал-прокурор Сената кн. А. А. Вяземский писал Екатерине о том, как он считает наиболее целесообразно осуществить их казнь, уверял, что во время «самой экзекуции» будет всемерно стараться выполнить волю императрицы, и заверял ее, что все они «спешат сочинением сентенции» (т. е. приговора), и поэтому не думает, «чтоб она долго замедлилась сочинением». Николай I первоначально предполагал покончить с главными «извергами» с помощью военного суда и расстрелять их через 24 часа. Лишь необходимость допросов для выявления всех участников движения и боязнь общественного мнения заставили Николая I отказаться от этого метода расправы. Но смертная казнь и каторга были предрешены еще до начала суда.

Необходимо иметь в виду еще одну особенность почти всех решений по политическим вопросам. Вынося приговор, суд умыш-

ленно определял заведомо непропорциональную меру наказания, приговаривая, например, подсудимого к четвертованию, которое не применялось с середины XVIII в. Это заранее согласовывалось с царем и делалось для того, чтобы дать ему возможность выступить в роли милостивого государя, смягчающего приговор. Широко известна легенда о палаче, отрубившем голову Пугачеву и спасшем его от мучительной казни, предписанной приговором Екатерины II. Но из ее переписки с князем Вяземским известно, что такой порядок казни был определен еще до вынесения судебного приговора. Смертные приговоры Новикову и Радищеву заменились Сибирью и Шлиссельбургом в расчете, что живыми они отсюда не выйдут, а устранение их произойдет спокойнее, да еще под покровом царского милосердия. Даже Николай I, утверждая зверский приговор по делу декабристов и извещая о казни, пытался разыгрывать роль справедливого и милосердного монарха.

Другие полицейские материалы. Среди полицейских материалов важное значение имеют годовые обзоры политического положения в стране, представлявшиеся царю III отделением и Министерством внутренних дел. В них содержится характеристика вопросов, которые привлекали особое внимание общества, рассматривались наиболее опасные направления в обсуждении этих вопросов в прессе, слухи и толки, распространявшиеся среди разных социальных слоев и групп населения, масштабы, формы, места крестьянского и солдатского движения, сообщалось о «противоправительственной деятельности» отдельных лиц и т. д. Аналогичное значение имели соответствующие разделы ежегодных отчетов губернаторов с той разницей, что эти вопросы характеризовались на материале данной губернии.

Важное значение имеют материалы III отделения и карательных органов о судьбе осужденных, их пребывании в тюрьме, в ссылке, на каторге, о дополнительных репрессиях по отношению к ним, о лицах, состоящих под надзором полиции, апелляции и просьбы о помиловании и другие документы.

Большой круг источников, связанных с революционными выступлениями, стихийными восстаниями и проявлениями недовольства в армии, содержит архивы Военного министерства. В первую очередь это материалы военно-аудиторского суда, осуществлявшего судебную расправу с участниками этих выступлений. Как следствие, так и судебно-следственные материалы принципиально не отличаются от уже охарактеризованных. Но суд и следствие происходили ускоренным порядком, нередко в 24 часа. На солдат — участников выступлений военный полковой суд даже не заводил дел, а решал их скопом. По весьма неполным сведениям (дела до нас дошли далеко не все, а суд осуществлялся тайно), по делу декабристов около 200 солдат было приговорено к наказанию шпицрутенами от 1 до 12 тысяч ударов, 25 человек — к 200—300 «лозанам» и ссылке и около 3 тысяч солдат сослано на Кавказ. Не менее жестокой была расправа с участниками восстания военных поселений и других военных волнений в армии.

Приговоры по этим делам отличались только тем, что солдаты не осуждались на смертную казнь, их забивали насмерть палками.

Близки к охарактеризованным судебнo-следственные материалы по делам о крестьянских выступлениях. Любое неповиновение и выступление крестьян правительство рассматривало как бунт, направляло на его усмирение воинскую команду и осуществляло массовую экзекуцию, во время которой десятки и сотни крестьян подвергались наказанию кнутом, палками, розгами без всякого следствия и суда, исключительно по произволу начальника карательной экспедиции.

Суду предавались лишь «возмутители» и «заводчики», но в сущности это был не суд, а откровенная полицейская расправа. Суд и следствие не интересовали действительные причины крестьянских выступлений, справедливость их обвинений по адресу помещиков и царской администрации.

Особый тип документов, исходивших от народных масс, составляют крестьянские жалобы и челобитные, значительная часть которых предшествовала и сопутствовала волнениям. В них содержится большой фактический материал о положении крестьян, их повинностях, непосредственных причинах и поводах волнений, просьбах, нуждах и требованиях восставших. Крестьянские жалобы и челобитные являются важнейшими источниками и для изучения крестьянской идеологии того времени, выяснения сильных и слабых сторон движения. Однако, пользуясь ими, необходимо иметь в виду, что в них возможны и некоторые преувеличения в отношении размеров повинностей, степени разоренности крестьянства, хотя сопоставление фактического материала крестьянских челобитных с материалами правительственного происхождения подтверждают абсолютное большинство сведений и жалоб крестьянских челобитных. Нужно иметь в виду и противоречие между униженной формой челобитных и содержащихся в них просьб и самой направленностью челобитных, проникнутых ненавистью к крепостникам-помещикам, крепостной администрации и суду. Это противоречие обусловлено целым рядом причин: верой в «хорошего царя», самой формой документа, тем, что значительная часть крестьянских челобитных составлялась не самими крестьянами, так как почти все они были неграмотны, а мелкой приказной сошкой, низшими категориями духовенства, разночинцами. Составители подобных челобитных, особенно в тех случаях, когда они предшествовали восстанию или составлялись в ходе восстания, рассматривались правительством как «заводчики бунта» и наказывались особенно жестоко. Поэтому за составление их мог браться только тот, кто был уверен в их справедливости и именно поэтому облакал их в привычную, законную форму.

Таков основной круг документов, откладывавшихся в ходе следствия и суда над участниками стихийных народных и революционных выступлений.

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ

Комплекс экономико-географических материалов XVIII — первой половины XIX в. представляет довольно пеструю по характеру и структуре группу исторических источников. Их объединяет не столько общность происхождения и единые принципы построения, сколько общность тематики.

Новые условия социально-экономического развития России, наиболее четко отразившиеся в формировании с середины XVIII столетия капиталистического уклада, в росте торговли и промышленности, определили пристальное внимание правительственных кругов и общественности к изучению хозяйственной жизни страны и ее природно-экономических ресурсов. Возникают ростки, хотя еще довольно примитивные, так называемого государственоведения — одной из ранних форм статистики. Указанное выше обстоятельство лежит в основе появления ряда обширных групп исторических источников, донесших до нас важные сведения о географии России XVIII — начала XIX в., ее климатических условиях, о развитии ремесел, торговли, промышленности, сельского хозяйства и т. п.

Обширная документация, сохранившая эти сведения, создавалась путем проведения в жизнь различных мероприятий, обусловивших разнообразие как структуры документации этого рода, так и ее конкретного содержания. Неравнозначность качества экономико-географических описаний, различие в принципах и масштабах описаний, в хронологии делают проблему классификации и группировки такого рода материалов чрезвычайно трудновыполнимой.

Анкетные обследования. В первую группу источников названной тематики могут быть условно включены материалы анкетных обследований, предпринимавшихся в 60—80-х годах XVIII в. По степени детализации опроса, по охвату территории они выглядят весьма примитивно и ни в коей мере не могут быть сравниваемы со статистическими обследованиями XIX в. И все-таки они заслуживают внимания как единственный в своем роде материал, дающий возможность судить о наиболее существенных штрихах экономико-географического развития многих районов Европейской России.

Зачинателем анкетных обследований в России был М. В. Ломоносов. В 1759 г. он составил примерный вопросник по городам России. В нем были выделены такие моменты, как местонахождение города, система его укреплений, численность населения округа, количество домов, периодичность ярмарок и размер их оборота, степень развития судоходства, торговые связи, ассортимент

культивируемых сельскохозяйственных растений, характер развития промыслов, перечень «фабрик», «заводов» и т. д.

На основе расширенного до 35 пунктов ломоносовского вопросника в 1760 г. Академией наук была разослана по городам России анкета. В том же году Шляхетский корпус разослал аналогичную анкету, разработанную Г. Ф. Миллером. Вопросы этой анкеты требовали более подробных и обстоятельных ответов.

Анкеты получили частичный отклик: академическая анкета — 122 ответа, а шляхетская — 129 ответов. Более чем сотня городов на них не ответила. Материалы этих ответов носят пестрый характер. В одних случаях воеводские канцелярии поручали ответы какому-либо регистратору, в других собирали сведения от местных жителей. Кроме того, одни из них давали общую сводную характеристику, скажем, земледелия в уезде, а другие сообщали эти сведения на примере одной-двух деревень. Подобная разница в характере ответов сильно затрудняет возможность создания обобщенной картины. В анкетах почти отсутствует конкретный цифровой материал, так как стиль ответов сугубо описательный. Правда, встречаются отдельные обстоятельные ответы, насыщенные точными цифровыми данными.

Гораздо более интересна и квалифицирована программа анкеты Вольного экономического общества, разосланная в 1765 г. в адрес провинциальных прокуроров. В ней 65 вопросов, посвященных главным образом сельскому хозяйству и отчеты развитию промыслов и промышленности. Анкета требовала точных фактических справок, чем обеспечивала минимум единообразия ответов. Таким образом была создана важная предпосылка для обобщения этих материалов. К сожалению, сохранность ответов по этой анкете незначительна (по 30 провинциям).

Широкую известность приобрела в литературе так называемая сенатская анкета о причинах повышения цен на хлеб, разосланная в 1767 г. Анкета имела 14 пунктов, касающихся как общеэкономических, так и конкретных причин вздорожания хлеба. Материалы ответов на эту анкету были получены от 121 уездного города, 29 ответов — от провинций и 13 губернаторских ответов.

Среди материалов анкетных обследований необходимо выделить особую группу анкет, специфику которой составляет довольно узкая направленность опроса. Такой материал часто сливается с ведомственной отчетностью, поскольку фактические данные ответов на эти анкеты обобщались в виде ведомостей. К ним можно отнести, в частности, обобщенные сведения по купечеству в ведомости Главного магистрата от 1761 г., которые были собраны в ответ на анкету «Комиссии о коммерции»; отчетные ведомости Мануфактур-коллегии за 1761—1763 гг., составленные на основе ответов на ту же анкету «Комиссии о коммерции», а также ведомости о заводах Берг-коллегии, составленные по запросу «Комиссии о коммерции» в 1769 г. Наконец, ведомость 1769 г. по 212 городам России также обязана своим происхождением анкетному запросу «Комиссии о коммерции». Богатый материал был собран

в 1780—1781 гг. в ответ на запрос Сената о ярмарках, а в 1786—1787 гг. — в ответ на запросы «Комиссии о хлебе» и т. д. В основном это были данные, прошедшие сквозь «сито» многих бюрократических инстанций, вследствие чего целесообразно их сопоставление со сведениями, собранными нижними земскими судами, исправниками, городничими. Особенно осторожно следует обращаться с данными о посевах и урожае, ибо методика сбора этих сведений была совсем не разработана. При всей важности анкетных обследований и запросы 60—80-х годов XVIII в. были отражением работы слишком слабо отлаженного «механизма» программирования и сбора сведений. Резким контрастом по отношению к ним являются материалы, связанные с так называемым генеральным межеванием.

«Экономические примечания» XVIII—XIX вв. Грандиозное размежевание земель, предпринятое правительством Екатерины II, помимо главной и непосредственной задачи упорядочения границ земельных владений имело своей целью создание обширного «камерального» экономико-финансового описания страны. Это описание имело единую программу, включавшую в себя довольно обширную группу вопросов, дать ответ на которые землемеры могли не только на основе проведенных землемерных работ, но и в итоге анкетного обследования того или иного селения или группы селений (так называемых «дач»). Впервые круг вопросов, подлежащих освещению в ходе создания экономико-географического описания (получившего название «Экономические примечания» к планам генерального межевания), был определен в 1765 г. в «Наставлении землемерам». Это были сведения: о реках, их судоходстве, перевозимых товарах; о почвах того или иного селения, фауне и флоре; о форме эксплуатации крестьян того или иного селения; о крестьянских промыслах; о существующих в данной местности «фабриках», «заводах», мельницах; наконец, о торгах или ярмарках. В специальных графах давались цифры о населении каждой из «дач» (по последней ревизии и на момент межевания), количестве пашни, сенокоса, леса, усадебных угодий и т. п. Краткая характеристика давалась и на каждый уездный город. «Экономические примечания» излагали эти сведения в сжатых и однотипных формулировках, следуемых в строго определенном порядке. Такая «стандартизация» служит благоприятной основой для различного рода статистических обобщений.

В 1782 г. программа «Экономических примечаний» была расширена за счет детализации названных выше вопросов. С этого момента межевые землемеры стали выпускать два варианта «Экономических примечаний»: а) по старой программе («Краткие примечания»), б) по новой программе («Полные примечания»). Краткий вариант служил приложением к Атласам и был составлен почти на всю европейскую часть России. Этот хорошо сохранившийся комплекс источников может служить основой для многих важных обобщающих наблюдений (обеспеченность пашней и другими угодьями, специфика в распространении форм феодальной

эксплуатации и др.). «Полные экономические примечания» были приложением к генеральным планам. Несмотря на то что «Полные примечания» уцелели всего лишь по нескольким десяткам уездов, они сохранили ценнейший, а подчас просто уникальный материал, в частности по размерам барщины и оброка, по географии крестьянских промыслов и т. п. Причем эти сведения даются не сами по себе, а в едином комплексе важнейших статистических сведений о населении, количестве и качестве сельскохозяйственных угодий. Это обстоятельство делает «Экономические примечания» одним из важнейших источников по социально-экономической истории России второй половины XVIII в.

В 90-х годах XVIII в. было положено начало созданию новой большой группы «Экономических примечаний», именуемых иногда «павловскими». Их появление связано с изменениями в административном делении России. Эта группа примечаний является сложным компилятивным источником, дающим сведения за XVIII в., а также и новейшие данные. Составление «павловских примечаний» растянулось на всю первую треть XIX в. Это обстоятельство осложняет работу по систематизации и обобщению этого материала.

Наконец, в конце 40-х — начале 60-х годов XIX в. была создана еще одна группа «Экономических примечаний». Своим появлением она обязана так называемому межеванию Менде. Это межевание, руководимое генерал-майором Менде, должно было повторить весь комплекс работ генерального межевания на более высоком техническом и научном уровне. Однако геодезические работы охватили лишь восемь центральных губерний. По ним были составлены губернские и уездные карты и приложения к ним в виде межевых ведомостей и «Экономических примечаний». Структура «Экономических примечаний» середины XIX в. целиком соответствует прежним, а по характеристике торгово-промышленных занятий они значительно полнее.

Топографические описания. Третья группа источников представлена топографическими описаниями. Этот источник являет собой следующий шаг правительства России по изучению народнохозяйственных ресурсов страны. Топографические описания характеризуют более глубокое порайонное изучение экономики и природных богатств России.

Организация программы топографических описаний не была столь четкой, как, скажем, при создании «Экономических примечаний», ввиду того что за подготовку их взялись в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII в. одновременно и Сенат, и Кабинет императрицы, и Академия наук. Таким образом в ходу было, видимо, несколько программ, и это в значительной мере объясняет некоторый разнородность в структуре и объеме сведений самих описаний.

Если «Экономические примечания» составлялись в рамках единого ведомства межевными землемерами с помощью анкетных опросов населения (составление так называемых сказок к «Эко-

помическому примечанию»), то топографические описания составлялись «комбинированным» способом. Канцелярия губернатора посылала запросы в бесчисленный ряд местных учреждений, а затем терпеливо добивалась ответов. Пример процедуры составления описаний по Симбирску, Вятке и другим районам показывает, что в основу топографических описаний положены сведения местных губернских и уездных учреждений, добытые путем канцелярских запросов.

В массе топографических описаний второй половины XVIII в. может быть выделена довольно большая группа, составленная в 1784—1786 гг., характерной особенностью которой является наибольшее единообразие программы. Каждое топографическое описание этой группы состоит из трех частей.

В первой дается общее описание губернии (ее размеры, природные условия, население, города, уезды, реки, пути сообщения и т. п.).

Вторую часть составляет описание уездных городов. Много места уделено топографии города, характеристике рельефа окружающей местности, истории этих городов, описанию достопримечательностей города (здания, монастыри, церкви, городские укрепления, казенные присутственные места, училища, больницы и т. д.). Наиболее важны те разделы описания, где освещается численность населения города и его занятия. Программа топографических описаний требует точных ответов на целые циклы вопросов. Однозначно ответить на них было трудно, но степень подробности ответов была разной. Вследствие этого в одних описаниях, например, предметы городской торговли составляют длинные перечни, а в других даются в самой общей форме.

В третьей части описания характеризовался уезд. Приводилось много общих сведений о природно-географических условиях. К числу важнейших относится цикл вопросов о земледелии: «...Какой материк вообще и плодородие земли. Какой хлеб по большей части сеют и каков по примеру урожай бывает... Какими орудиями землю пашут, т. е. плугами или сохой, волами или лошаадьми и как чем землю удобряют, т. е. навозом или другим чем, по сколько раз пашут и боронят, в какое время начинают пахать и сеять». Даже минимальное выполнение требований такого комплекса вопросов давало материал для важных и широких обобщений. Столь же тщательно был подобран и цикл вопросов по торгово-промышленному развитию уезда.

Степень подробности освещения вопросов в различных описаниях была неодинаковой. В большинстве случаев господствовал чисто описательный метод с употреблением неопределенных критериев типа «мало», «много» и т. п.

Тем не менее топографическим описаниям в целом свойствен обстоятельный и всесторонний обзор важнейших черт экономического развития того или иного района.

Наряду с материалом, который отвечает задаче изучения экономики и ресурсов страны, топографические описания имеют

моменты и чисто научного характера. Видимо, под влиянием «запросных пунктов» Академии наук программа описаний обнаруживает интерес к местной истории, к достопримечательностям, к особенностям нравов, обычаев и быта населения (специфичности его одежды, утвари, поверий и обрядов и т. д.).

Помимо большой группы описаний, в основе которых лежала единая программа, в архивах сохранились и многие другие типы топографических описаний. Среди них следует упомянуть обстоятельнейшие описания, созданные знатоками-краеведами. Лучшие среди них описания Оренбургской губернии П. Рычкова (1762 г.), Черниговского наместничества Аф. Шафонского (1786 г.), Тульской губернии Вас. Левитина (1803 г.), Пермской губернии Н. Попова (1801 г.), Костромской губернии Васькова.

Такого рода деятельность энтузиастов-краеведов (а среди них были люди разных положений) отражает усиленное внимание к проблемам изучения экономики и природных ресурсов страны.

Во второй половине XVIII в. топографические описания были довольно популярным методом изучения хозяйственных и финансовых проблем. На многие губернии Европейской России они составлялись неоднократно. Более или менее сложившийся тип топографического описания в начале XIX столетия претерпевает известную эволюцию.

Военно-топографические описания разных видов составлялись на протяжении всей первой половины XIX в. В 1808 и 1818 гг. создавались большей частью не топографические описания, а своего рода дорожники. Главным объектом в них было описание состояния дорог, рельефа и характера местности, по которой они проходят, скрупулезное фиксирование всех мостов, с описанием их высоты и ширины, указания на строительный материал, степени износа, их состояния в момент весеннего разлива и т. п. В таких описаниях давалась характеристика всей сети почтовых и торговых дорог в каждой губернии и в каждом уезде, с указанием расстояний между населенными пунктами. Иные описания сделаны настолько мастерски, что, читая их, можно мысленно проехать по многим дорогам Европейской России начала XIX в. Комплекс таких описаний может служить ценнейшим справочником при работе над самыми различными проблемами, начиная с вопросов истории торговли и кончая исследованиями историко-биографического характера. Подобные описания — важнейший источник и по изучению изменений рельефа, лесистости и другим вопросам исторической географии.

В 1817—1823 гг. квартирмейстерами русской армии была предпринята попытка создания более обстоятельных военно-топографических описаний. В них помимо маршрутных описаний и схем квартирования армейских частей немалое внимание уделялось систематическому описанию экономики того или иного края (губернии). Такого рода описания назывались «Военно-топографо-статистическими описаниями». Каждое из них имело три раз-

дела. В первом давалась общая географическая характеристика пространства губернии. Второй раздел содержал статистические сведения о населении губернии, наличии у него тягловой рабочей силы (лошадей) и рогатого скота, поуездные ведомости о посеве и урожае за один-два года, цифровые сводки о «фабриках» и «заводах», о промыслах. Заключает раздел описание ярмарок, еженедельных торгов и краткие характеристики уездных городов и крупнейших сел той или иной губернии. В третьем, основном по объему, разделе давалась характеристика маршрутов (дорожной сети) и гидросистемы губернии.

В основе сведений лежал материал, собранный в местных учреждениях губернии.

Синхронность статистических материалов в таких описаниях варьируется в пределах четырех-пяти лет и подобные материалы могут быть использованы далеко не во всех случаях.

В середине XIX в. создается наиболее крупная серия военно-топографических описаний. Речь идет о 18-томном издании «Военно-статистического описания губерний и областей Российской империи», подготовленном офицерами Генерального штаба и вышедшем в 1848—1853 гг. Это издание является наиболее фундаментальным как по охвату сюжетов, так и по глубине и подробности их описания. Структурно каждый том состоит из шести больших отделов: общие сведения о губернии; сведения о жителях губернии; характеристика промышленности, сельского хозяйства и торговли; очерк об образовании; военно-топографический раздел; характеристика уездных городов. Наибольшего объема, как правило, достигают первые три раздела.

Характерной чертой этого многотомного труда было стремление дать не просто комплекс каких-то фактических сведений, а представление о сути описываемых явлений. Так, в описаниях крестьянских промыслов наряду с фактическими данными довольно часто даются ценнейшие сведения о технологии того или иного промысла и экономические расчеты

Первичный материал для такого рода описаний был очень обильным. Достаточно отметить, что сведения о сборе хлебов и урожайности даются в военно-статистических описаниях по так называемой десятилетней сложности.

Техника заготовки первичного материала была традиционной, т. е. основные статистические данные шли из канцелярии гражданского губернатора. Наконец, важно отметить, что изданные экземпляры описаний этой серии значительно сокращены по сравнению с подлинниками, большей частью хранящимися в ЦГВИА.

Хозяйственные и статистические описания. Топографические описания положили начало эволюции и другой ветви описаний, в центре внимания которой находится экономика края, губернии или области.

В 1790 г. Вольное экономическое общество утверждает примерную программу описания, состоящую из шести разделов, где первые два посвящены географическому описанию, третий

характеризует сельское население, четвертый — города, пятый — сельское хозяйство и промыслы, шестой — вопросы торговли.

Описания, в основу которых была положена программа ВЭО, были созданы по многим губерниям (Московской, Тульской, Ярославской, Саратовской, Воронежской, Астраханской, Пермской, Вольнской, Кавказской и др.). Часть из них была опубликована. Однако, как изданные, так и неизданные описания не отличаются тем единообразием программы, которое свойственно военно-топографическим описаниям. На этих описаниях в большой мере сказывалась индивидуальность их составителя.

Наряду с локальными описаниями с конца XVIII в. начинают предприниматься серьезные попытки описания страны в целом. Здесь мы сталкиваемся с так называемым государствоведением — одним из ранних направлений в развитии статистики, представители которого считали предметом статистики само государство, точнее, «достопримечательности» государства, влияющие на его благосостояние. В их числе было население страны, ее природно-климатические условия, ресурсы, государственный строй и управление, экономика страны.

К представителям государствоведения можно отнести И. К. Кириллова, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и др. В 1790 г. появляется крупнейшая работа по русскому государствоведению «Статистическое описание России» И. Ф. Германа, а в 1797—1803 гг. «Историко-статистическая картина Российского государства в конце XVIII столетия» А. К. Шторха. Оба труда насыщены богатейшим цифровым материалом по экономике России конца XVIII в. В 1815 г. выходит еще одна важная работа государствоведческого характера: «Статистические описания Российской империи... с обозрением Европы» Е. Зябловского. В 1818—1819 гг. выходят труды крупных теоретиков государствоведения К. Ф. Германа «Статистические исследования относительно Российской империи» и К. И. Арсеньева «Начертание статистик Российского государства».

Все эти работы продолжают и развивают комплексность описания, намеченного еще топографическими описаниями XVIII в., хотя сферы описания сильно расширяются. Вместе с тем эти труды не имели собственно статистического характера, ибо в основе их лежало описание, повествование, обильно оснащенное цифровым материалом.

Производной этого направления служат многочисленные локальные «статистические описания». Создание такого рода описаний чаще всего обуславливалось личной инициативой какого-либо энтузиаста. Поэтому опубликованные в первой половине XIX в. статистические описания не имели в своей основе единой программы, хотя точек соприкосновения в них довольно много. Из ряда изданий следует упомянуть наиболее интересные. Прежде всего это «Опыт описания Вологодской губернии» известного статистика Н. П. Фортунатова (1833 г.), хотя официально этот труд подписан Н. Брусиловым. В 1839 г. вышло «Статистическое опи-

сание Саратовской губернии» А. Леопольдова. Выдающееся значение имеет обширное трехтомное «Статистическое описание Киевской губернии» Д. П. Журавского (1852 г.), а также трехтомное «Статистическое обозрение Сибири» Ю. А. Гагемейстера (1854 г.).

«Путешественные записки» российских ученых. Видное место среди эконом-географических описаний занимают записки российских путешественников. Автором наиболее ранних из них является Степан Петрович Крашенинников — участник второй Камчатской экспедиции (1733—1743), составивший обширный труд «Описание Камчатки».

Основная группа записок была создана в конце 60—начале 70-х годов XVIII столетия. Авторами их были участники экспедиций, организованных Академией наук для изучения производительных сил страны. В частности, в 1768—1774 г. были организованы крупнейшие из них: Оренбургская и Астраханская экспедиции. Последнюю возглавляли А. И. Гильденштедт и С. Г. Гмелин, а тремя отрядами Оренбургской экспедиции руководили П. С. Паллас, И. П. Фальк и И. И. Лепехин. Многолетние работы обеих экспедиций послужили обширным материалом для создания их участниками серии интереснейших «путешественных записок».

Среди них видное место занимают «Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъютанта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», «Путешествие по разным провинциям Российской империи» П. С. Палласа, «Записки путешествия академика Фалька», подготовленные И. Г. Георги, «Путешествие по России для исследования трех царств природы» С. Г. Гмелина, «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российской империи. 1769 и 1770 гг.».

По объектам и характеру наблюдений записки путешественников отличаются большим разнообразием. В них можно найти беглые, но при этом драгоценные заметки о состоянии сельского хозяйства, качестве почв, приемах обработки пашни, описание некоторых сельскохозяйственных орудий. Вместе с тем в записках содержатся подробные описания технологий некоторых видов ремесленного производства. В записках Палласа, Фалька приводятся сведения об уральских металлургических заводах, о сибирских металлургических промыслах (например, о кузнецких руднях). Почти все путешественники подробно описывают знаменитые рыболовецкие промыслы астраханских жителей и яицких казаков, сопровождая наблюдения записью рецептов изготовления паюсной и зернистой черной икры, копчения осетров, севрюг и т. п.

Путешественники оставили свои впечатления о городах России, ее наиболее интересных селах, отдельных народностях.

Из более поздних путешествий важно отметить оригинальные маршруты 1785 г. Н. Я. Озерецковского по озерам северо-запада

России (Ладожскому, Онежскому, Ильмень, Селигер), а также путешествия Василия Зуева по югу России и в Крым в начале 80-х годов XVIII в. Материалы последнего особенно ценны, как исторический источник, поскольку В. Зуев был одним из первых вдумчивых наблюдателей вновь осваиваемых территорий Причерноморья и Крыма.

Наконец, в 90-х годах XVIII в. было создано описание еще одного интереснейшего путешествия. Речь идет о «Дневнике путешествия по Северу России в 1791 г.» Петра И. Челищева. Его записки отличаются от ученых «путешествий» большим вниманием к вопросам экономики. Несмотря на сухой, сжатый стиль изложения, дневник Челищева богат данными о быте и истории населения Олонецкой, Вологодской, Архангельской и Новгородской губерний России.

По более позднему периоду «путешественные записки» становятся довольно заурядным и отнюдь не редким источником. Наиболее интересны среди них описания Средней Азии, Кавказа, полярных районов Сибири и т. д. Подводя итог, следует подчеркнуть, что «путешественные записки» могут дать такие детали, штрихи и наблюдения, каких нет ни в ведомственной отчетности, ни в вотчинной переписке, ни во многих других разновидностях исторических источников.

Географические словари. К эконом-географическим описаниям относится и группа географических словарей второй половины XVIII в. Правда, собственно географическими их назвать еще трудно, так как это были типично государствоведческие обозрения России на тот или иной период.

Тематическая направленность таких сочинений видна из заглавия первого неоконченного словаря, созданного В. Н. Татищевым: «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский». В основе словаря лежит краткое описание губерний, провинций, уездов, городов, рек, озер и т. п. Заметное место занимает характеристика торговли, промышленности. В то же время точные цифровые характеристики у В. Н. Татищева редки. Наряду с разнообразным литературным материалом автор включил в словарь массу личных наблюдений.

Первым законченным изданием географического словаря явилось издание в Москве в 1773 г. «Лексикона» верейского воеводы Федора Полунина, подготовленное Г. Ф. Миллером. Основной недостаток этого словаря — случайность в подборе материала для его словника. В связи с этим Полунинский словарь довольно быстро устарел, а на смену ему в 1788—1789 гг. вышел словарь Л. М. Максимовича, изданный П. И. Новиковым. Словник нового словаря значительно обширнее, а объем пятикратно превышает объем Полунинского словаря. Л. Максимович учел и использовал данные некоторых топографических описаний, материалы «ученых путешествий». В его словарь вошел почти весь материал Ф. Полунина. Последнее обстоятельство сказалось на хронологическом разном фактических данных словаря Максимовича.

Видимо, немалая популярность изданий такого типа вызвала появление в 1796 г. нового словаря И. А. Гейма («Опыт полной географико-топографической энциклопедии Российского государства в алфавитном порядке»). Словарь Гейма самостоятельного значения не имел. По существу, это улучшенный словарь Л. Максимовича.

В 1801—1809 гг. в издании Московского университета в семи томах выходит фундаментальный словарь Афанасия Щекатова, озаглавленный «Словарь географический государства Российского». Этот труд аккумулировал гигантский по тому времени объем информационного материала и оставил далеко позади все то, что до тех пор было издано в России. Даже современный исследователь находит в нем немало интересных и оригинальных сведений. История, география, сельское хозяйство, промышленность, торговля, этнографические материалы — таков диапазон тематики тысяч статей и заметок словаря Аф. Щекатова.

Основной костяк словника составляют статьи обо всех российских губерниях, уездах, их городах. Фактические данные статей опираются на топографические описания, хотя и не всегда самые новейшие. Аф. Щекатов привлек целый ряд неопубликованных описаний (например, по Тверской губернии), а самое важное заключается в том, что ряд материалов был собран специально для словаря.

В силу огромного объема фактического материала издателям не хватало ни сил, ни времени на его редактирование и обработку, поэтому многое списано почти дословно из словарей Ф. Полунина, Л. Максимовича, из различных «Путешественных записок», из этнографического обзора России И. Георги и т. д. При этом нередки искажения и описки, существенно изменяющие содержание статей. Особенно много искажений в цифрах. Например, ряд цифровых материалов о количестве населения российских городов был взят Щекатовым у Л. Максимовича с припиской «по последней ревизии». Но у Л. Максимовича она означала третью ревизию (1764 г.), а в тексте Щекатова воспринимается как четвертая и даже пятая ревизия.

Ряд южноукраинских городов (Никополь, Крюков, Елисаветград и др.) охарактеризован материалами по одноименным уездам, взятым из путешествия В. Зуева. Слабо представлена Прибалтика, Украина и Белоруссия.

Таким образом, географические словари второй половины XVIII — начала XIX в. являются сложным и компилятивным источником.

В XVIII — первой половине XIX в. под сенью господствующего государственоведческого направления в статистике исподволь появлялись и источники собственно статистические. В первую очередь к ним следует отнести демографическую статистику.

Материалы ревизий. Основным источником для изучения динамики народонаселения являются материалы ревизий. С 1719 по 1857 г. в России было проведено 10 ревизских описаний,

учитывавших податное население, подлежащее подушному обложению и воинской повинности. Ряд ревизий фиксировал и неподатное население. (Поскольку каждая из ревизий растягивалась на несколько лет, исследователи выделяют «основной год» каждой ревизии. т. е. год, когда была учтена наибольшая масса населения. Так, «основным годом» первой ревизии считается 1719 год, хотя сама ревизия длилась с 1719 по 1721 г. Основным годом второй ревизии был 1744 год, третьей — 1762—1763 годы, четвертой — 1782 год, пятой — 1795 год, шестой — 1811 год, седьмой — 1815 год, восьмой — 1833 год, девятой — 1850 год и десятой — 1857 год.) Точность ревизского учета была различной, так как в ходе ревизии немалый процент населения ускользал от учета. Поэтому ряд лет непосредственно после ревизии уходил на выявление неучтенных, так называемых прописных и беглых душ. Так, например, по окончании первой ревизии было учтено около 4800 тыс. душ мужского пола, а выявление «прописных» душ на 1727 г. дало цифру податного населения около 5700 тыс. душ мужского пола. Такое огромное количество «прописных» и беглых душ (около 19%) объясняется несовершенством техники проведения первой ревизии. Обычно процент «прописных» и утаенных душ колебался от 1,6 до 1,8%, хотя отдельные ревизии резко завышают этот процент (третья ревизия — до 7%, а седьмая ревизия — до 5%). В практике проведения ревизского учета в конце концов сложилось так, что розыски беглых и «прописных» душ проводились вплоть до начала следующей ревизии. В связи с этим важно подчеркнуть, что наиболее точные данные по ревизии приходятся не на год окончания этой ревизии, а на год, предшествующий следующей, очередной ревизии. Например, седьмая ревизия окончилась в 1817 г., но проверка данных длилась вплоть до 1835 г. и наиболее точные данные по учету населения этой ревизии приходятся на 1835 г.

Чтобы понять парадокс этого положения, ознакомимся с основной документацией ревизского учета.

Первичным материалом ревизий служила ревизская сказка, составлявшаяся на отдельное лицо или семью. В ходе ревизии появлялись сводные ревизские сказки на отдельные селения, волости и т. п. Форма ревизских сказок по двум первым ревизиям была наиболее сложной, к тому же в процессе ревизии она обрастала дополнениями. С третьей ревизии вводится единая более простая форма сказки, просуществовавшая до седьмой ревизии, когда формуляр сказки подвергся дальнейшему упрощению. С этого момента сказка содержит название (год, месяц, число подачи, губерния, уезд, село, владелец крепостного населения, если сказка дана по помещицкому селу), графу с номером семьи, цифры состава семьи «по последней ревизии», число и состав «выбывших» и «прибывших», лиц, временно отсутствовавших, и итоговые данные «ныне налицо». В заключение стоят подписи ответственных лиц. Сказка содержит сведения о сословной принадлежности, национальности, размере податных платежей и т. п.

Сведения ревизских сказок обобщались в сводной документации ревизии, состоящей из перечневых ведомостей, генеральных таблиц и окладных книг.

Перечневые ведомости — это первый этап обобщения данных ревизских сказок в масштабах уезда, провинции и губернии. На этом этапе сводные данные содержат материал и о мужском, и о женском населении (кроме первых двух и четвертой ревизии). Перечневые ведомости дают сопоставление данных текущей ревизии с окончательным проверенным итогом предыдущей ревизии. Можно выделить два типа ведомостей: составляемые в ходе ревизии и составляемые ежегодно (с 80-х годов XVIII в.). Перечневые ведомости за годы ревизии содержат сведения о численности, половом составе населения и его сословной принадлежности. С 1830 г. ведомости включают не только податное, но и неподатное население уезда или губернии. В ведомостях этого типа систематически проводится сопоставление данных текущей ревизии с окончательными итогами предыдущей. В ведомостях второго типа, составляемых ежегодно казенными палатами, такого сопоставления нет. Вместе с тем они дают сведения об изменениях населения на каждый год, за счет его перемещений и, наконец, о частичных переходах из сословия в сословие.

Генеральные таблицы составлялись лишь в годы ревизий, сообщая данные на момент полного окончания ревизии. Сведений о «прописных» и утаенных душах в табелях нет. В остальном они сходны с перечневыми ведомостями.

Наконец, третий тип сводных материалов — общероссийские окладные книги — стал составляться, вероятно, с четвертой ревизии. В них нет сведений о женском населении, так как эта документация предназначалась для расчета податных сборов. Нет в них и сопоставлений с данными предыдущей ревизии. С 80-х годов XVIII в. окладные книги составлялись ежегодно на основе сведений перечневых ведомостей, фиксируя изменения численности населения по годам за счет переселений. С 1827 г. эти данные выделены в особые таблицы. В целом ежегодно окладные книги оперировали данными о населении по одной и той же ревизии. Уточнения вносились лишь за счет выявленных «прописных» или утаенных душ.

Наряду с обычными ежегодными окладными книгами (иногда их называют первичными) необходимо упомянуть о сводных окладных книгах, где объединены данные за целый ряд лет. Окладные книги — важный источник изучения демографических процессов.

Уточнение и проверку ревизских данных, особенно по неподатным сословиям, можно осуществлять, используя материалы церковного и административно-полицейского учета населения. Речь идет, в частности, о текущих записях духовенства в метрических книгах и ежегодных клировых ведомостях, которые могут дополнить и уточнить данные ревизских сказок. Что касается форм

административно-полицейского учета населения, то они напоминают основные типы ревизской документации.

Ведомости фабрик и заводов. Второй обширной группой источников статистического характера является большой комплекс документальных материалов, известный под названием «ведомости фабрик и заводов».

Ведомости представляют собой форму отчетности владельцев предприятий и служат наиболее массовым, а часто и единственным, источником по истории развития промышленности в России XVIII—XIX вв. Начало этой формы отчетности историки обычно относят к указу Петра I от 31 января 1724 г.¹

Правительство неоднократно меняло формуляр «ведомостей фабрик и заводов». Основной состав его утвердился примерно в 60—70-х годах XVIII в. В этот период ведомости приобретают табличную форму, в них расширяется характеристика производственной мощи предприятия, более стабильной становится форма показателей рабочей силы и ее характера (вольнорабочий и крепостной труд).

В первой половине XIX в. формуляр ведомостей подвергался частым изменениям. Так, в 1804 г. были исключены данные о «капитале», в частности, о стоимости готовых и проданных изделий. Этот показатель вновь появляется с 1834 г., когда формуляр был окончательно утвержден и приобрел наиболее жесткую стабильную однотипность, столь важную для последующей статистической обработки показателей.

Первичные материалы ведомостей с мест в 30—40-х годах XVIII в. посылались через экспедицию фабрик и мануфактур Коммерц-коллегии и Генерал-Берг-директориум, а впоследствии — через Мануфактур- и Берг-коллегию в Сенат. С 1766 г. ведомости сосредоточивались в Комиссии о коммерции. В 1775 г. вместо полугодовых ведомостей была предписана подача годовых ведомостей, однако в связи с ликвидацией Мануфактур-коллегии это практически сделать не удалось. Лишь с 1804 г. окончательно утверждается годовая ведомость.

В связи с организацией министерств с 1804 г. была упорядочена процедура сбора ведомостей. От владельцев предприятий через городскую или уездную полицию «ведомости фабрик и заводов» в двух экземплярах попадали в канцелярию губернатора. Отсюда один экземпляр передавался в Министерство внутренних дел (с 1819 г. в Министерство финансов).

«Ведомости фабрик и заводов», будучи основным источником по истории промышленности, были положены в основу многих разновидностей статистических сводок по промышленности как в XVIII в., так и в XIX в. В частности, опубликованные материалы фабрично-заводской статистики первой половины XIX в. опираются исключительно на «ведомости фабрик и заводов». Вследствие этого проверка достоверности самих ведомостей дело трудное и

¹ См.: ПСЗ, Собрание 1, т. VII, № 4447.

часто невыполнимое, ибо отсутствуют какие-либо параллельные источники, сведения которых были столь же первичны, как сведения ведомостей. Частичные проверки материала ведомостей по обрабатывающей промышленности могут быть предприняты путем использования так называемых отчетов губернских механиков, а также по выставочным свидетельствам участников российских промышленных выставок за отдельные годы и по отдельным предприятиям.

В «ведомостях фабрик и заводов» содержатся данные не только по крупной мануфактурной промышленности, но и по мелкому кустарно-ремесленному производству. Отделить мелкую промышленность от крупной на основании ведомостей весьма сложно. Наконец, несколько слов о сохранности огромного комплекса материалов «ведомостей фабрик и заводов». Полного комплекта ведомостей (по всем предприятиям и за все годы) не существует. Причиной тому (помимо плохой сохранности документов) нерегулярная подача ведомостей владельцами предприятий особенно в XVIII веке. Как правило, ведомости фабрик и заводов по любому району и за любой период времени сохранились фрагментарно.

Губернаторские отчеты. К числу важнейших типов статистических источников относятся губернаторские отчеты. В отличие от промышленной или демографической статистики губернаторские отчеты представляют многоплановый источник — это типичный образец административной статистики, еще не порвавшей с государственным ведомством. Поэтому в отчетах можно встретить разнообразнейшие сведения и по истории демографических процессов, и по истории промышленности, и по истории эпизоотий и эпидемий, и по истории сельского хозяйства, промыслов и т. д.

«Всеподданнейшие отчеты» губернаторов стали подаваться на имя императорской особы еще со времен Екатерины II. Однако в XVIII в. эта практика была нерегулярной, поэтому отчеты как источник особенно ценны для первой половины XIX в.

Губернаторские отчеты состоят из двух частей — собственно отчета и приложений к нему. Сам отчет является довольно заурядным, канцелярским сочинением, на характере которого иногда сказывается личность губернатора. Вступивший на пост губернатор был склонен подчеркивать темные стороны жизни вверенного ему края, губернаторы со стажем вносили в отчет больше оптимистических ноток.

Структура отчетов со временем менялась. С 1804 г. губернаторский отчет имел три раздела (административный, хозяйственный и общий). С 1828 г. сведения разносили по четырем разделам: департаменту полиции исполнительной; по хозяйственному департаменту; по департаменту государственного хозяйства; по медицинской части. В 1837 г. отчет вновь вернулся к трехчленному делению: судебнопольцейская часть и здравоохранение; хозяйственная часть; общие замечания. В 1853 г. форму отчета вновь перекроили.

Приложение к губернаторскому отчету представляет главный интерес. В приложении содержатся статистические таблицы по всем разделам отчета, включающие огромный цифровой материал, характеризующий развитие основных отраслей экономики губернии. Число таких таблиц довольно велико. Подобные данные имеются за каждый год — с 1802 по 1917 г.

Тематика статистических таблиц была самой разнообразной. В 40—50-х годах XIX в. в губернаторском отчете насчитывалось по 20—27 ведомостей, среди которых важнейшими были ведомости о населении, посевах и урожае, численности скота, фабриках и заводах, судоходстве, ярмарочных оборотах, торговых ценах на важнейшие товары, числе войск, падеже скота, рекрутских наборах и т. д.

Губернаторские отчеты были частью административной статистики Министерства внутренних дел. Сбор данных шел через полицейские инстанции (исправник, становой пристав, волостное правление), казенные учреждения и предводителей дворянства. Довольно примитивная обработка их производилась в канцелярии губернатора. С 1835 г. для более успешной обработки статистических данных были созданы губернские статистические комитеты. И тем не менее неточностей по-прежнему было много, ибо не устранена была основная причина — спешка в подготовке отчета (он сдавался к 1 марта каждого следующего года). Естественно, за столь короткий срок собрать исходный материал от 76 учреждений губернии и обработать его царским чиновникам было не под силу.

Тем не менее отчеты являются ценнейшим источником, так как позволяют выявить основные черты и тенденции развития применительно к длительным периодам времени и крупным районам (нередко нескольких губерний).

Таким образом, в своей совокупности экономико-географические и статистические описания XVIII — первой половины XIX в. представляют важный комплекс исторических источников.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

§ 1. Общая характеристика периодической печати

Периодическая печать возникла в России с начала XVIII в. Она быстро росла количественно (по числу изданий), дифференцировалась (по типам изданий) и приобретала важное значение в общественно-культурной жизни. Журналы, газеты, повременные сборники, ученые труды и записки занимали все возрастающее место в печатной продукции России. Журналистика и происходившая в ней идейная борьба стали осознаваться как своеобразная политическая арена. В письме 1840 г. к В. П. Боткину Белинский писал: «Журналистика в наше время все: и Пушкин, и Гете, и сам Гегель были журналисты. Журнал стоит кафедры»¹.

Первенцем периодической печати в России были «Ведомости» — газета, начавшая выходить в Москве с декабря 1702 г. В течение первой четверти XVIII в. эта газета — единственное русское повременное издание. В 1728 г. при Академии наук стала выходить газета «Санкт-Петербургские ведомости». Как приложения к ней появились «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1728—1742) — первый русский литературный и научно-популярный журнал.

От первых «Ведомостей» по 1800 г. включительно выпущено было 119 периодических изданий. С 1801 по 1861 г. отмечено издание новых 595 периодических органов, а с 1862 по 1894 г. включительно насчитывается 1680 таких изданий. Следовательно, за 1801—1894 гг. (т. е. почти за весь XIX в.) отмечено 2275 периодических изданий, тогда как за XVIII в. только 119.

Большинство периодических изданий были недолговечными. Средняя продолжительность изданий XVIII в. — 3,6 года. Средняя долговечность отдельного органа русской периодики за время с 1703 по 1900 г. — 9,3 года. Немногие органы существовали подолгу. Это были главным образом официальные и справочные издания, устойчивость которых обеспечивали субсидии казны. Наиболее длительными русскими изданиями из газет можно назвать: «Санкт-Петербургские ведомости» (1724—1917), «Московские ведомости» (1756—1917), «Русский инвалид» (1813—1917); из журналов — «Труды Вольного экономического общества» (1765—1915), «Современник» (1836—1866), «Отечественные записки» (1839—1884), «Русский архив» (1863—1917), «Вестник Европы» (1866—1918), «Нива» (1870—1917).

Первоначально русская периодика принадлежала казне. Журналистика в России, как и в Западной Европе (где самая ранняя

¹ В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. XI, стр. 453.

из сохранившихся до нас печатных еженедельных газет относится к 1609 г.), возникла из государственной потребности в международной информации. Составлявшиеся при дворе московских царей рукописные газеты, известные под названиями «Вестовые письма» или «Куранты» (самые ранние дошли до нас от 1621 г.), состояли сплошь из международных известий. Предназначались они для внутреннего потребления — читали их царь и крайне узкий круг государственных деятелей — придворных лиц.

Только с появлением печатных «Ведомостей» периодические издания стали органом общественного воздействия. Уже Петр I старался сделать «Ведомости» — информационный официоз — пропагандистом своих преобразований. С появлением в 1759 г. ежемесячника А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» начинается история частной периодики в России.

Вся русская периодика в первые восемь десятилетий своего развития сосредоточивалась в Москве и Петербурге. За их пределы она вышла лишь с 1786 г., когда в Ярославле стал издаваться первый русский провинциальный журнал «Уединенный пошехонец». В истории провинциальной прессы важное значение имели правительственные решения (30-х годов XIX в.) об издании местных газет под названием «Губернские ведомости» (такой-то губернии). Уже в 1851 г. такие «Ведомости» издавались в 44 губернских городах Европейской России; с 1857 г. такие издания появились в Сибири.

Учитывая возрастающее общественное воздействие периодики, не следует его переоценивать. Органы печати издавались в весьма скромном количестве экземпляров — газеты по несколько тысяч экземпляров, а журналы намного меньше.

Периодика делится на два главных вида — газета и журнал. Газета — повременное издание, выходящее часто, как правило ежедневно, имеющее главным образом задачу сообщения известий о текущих событиях и печатания разного злободневного информационного материала. Журнал — повременное издание, выходящее не чаще раза в неделю, как правило ежемесячно, в виде книг с разнообразным политическим, научным, литературным материалом.

Единой, общепринятой классификации органов периодики нет. Обычно их разделяют:

- по периодичности;
- по территориальному признаку (печать столичная, центральная, провинциальная);
- по языку (русские газеты и журналы, иноязычные газеты и журналы);
- по издателям (печать официальная — правительственная, ведомственная, печать частная и общественных организаций);
- по отношению к цензуре (подцензурная, легальная печать; вольная русская зарубежная печать, например «Колокол», нелегальной печатной периодики в России до 1861 г. не было);

по содержанию и исторически сложившимся разновидностям периодики: а) журналы и газеты литературно-общественные; б) официально-ведомственные; в) научные и специальные; г) отраслевые; д) сатирические; е) иллюстрированные.

Число таких разновидностей периодики, группируемых по содержанию или назначению, велико.

Обращаясь к органу печати, к отдельным материалам этого органа, сначала следует определить общие признаки такого издания, принадлежность его к той или иной разновидности.

В работе с периодикой есть два главных подхода, каждому присущи свои источниковедческие особенности: 1) всестороннее изучение данного органа печати как целостного источника (как темы); 2) отыскание и изучение в данном органе (органах) печати отдельных источников по теме, которая сама по себе не является темой об этом органе.

При первом подходе прежде всего нужно использовать методы и приемы, выработанные историками журналистики. При втором важно сначала правильно определить жанровую принадлежность того отдельного источника, находящегося в периодическом издании, который интересует исследователя.

В русской периодике уже до 1861 г. сложилось несколько устойчивых жанров: очерк, фельетон, обзор печати, критическая статья, рецензия, письмо в редакцию, некролог, объявление. Источниковедческая ценность сведений, цифр, извлеченных из текстов разных жанров, весьма различна.

Существует обширная научная литература по истории отечественной периодики XVIII и первой половины XIX в.

Из двух главных видов периодики журналы изучены лучше газет. Литература по истории отечественной печати, как правило, касается журналов и почти не затрагивает газет.

Заниматься историей печати нельзя без знания развития отечественной библиографии. Историк-источниковеду очень полезны работы Н. В. Здобнова, особенно его «История русской библиографии до начала XX века». В поисках печатных известий о журналах и газетах постоянно приходится обращаться к справочно-библиографическим трудам А. В. Мезьер, в них учтена литература, изданная до середины 1930-х годов. Учета литературы по периодике, появившейся за последние тридцать лет, нет.

Материалы для источниковедческого изучения истории отечественной печати. Главные материалы, необходимые для изучения памятников периодики и использования отдельных источников из периодических органов, можно поделить на четыре группы: 1) комплекты журналов и газет; 2) архивы цензурных и других учреждений, ведавших печатью; 3) архивные фонды редакций и издательств периодических органов, личные архивные фонды журналистов, издателей, писателей, ученых, деятельно участвовавших в периодике; 4) опубликованные мемуары, дневники, переписка, относящиеся к истории печати.

Первоосновой является самый текст журнала или газеты. Нужно отыскать полный экземпляр первоисточника — комплект органа печати за все время его издания или за нужный год. В периодических изданиях XVIII и особенно XIX в. применялась пагинация (порядковая нумерация страниц) по отделам, частям; иногда части или отделы журнала выходили самостоятельными книжками. Оглавления журналов, часто печатались на обложке, при переплетании обложки нередко утрачивались. Иногда в переплет вместе с основной книжкой журнала не попадали приложения, которые печатались на листах разного формата и вкладывались в номер журнала или газеты. Только совокупность всех этих элементов составляет полный комплект периодического издания.

В архивах учреждений, ведавших печатью, прежде всего в цензурных архивах, отложились документы, важные для изучения внутренней истории журналов и газет. Обязательная помета о цензурном разрешении, имеющаяся на изданиях дореформенного времени, содержит исходные данные (дата, указание места, где дано позволение, фамилия и звание цензора), нужные для обращения в архив. В названных архивах сохраняются программы периодических изданий, которые обязаны были представлять издатели; тексты, не допущенные цензурой к печатанию; различные обзоры периодики, время от времени секретно составляемые для ведомственных нужд.

Личные архивные фонды издателей и типографщиков (И. И. Готье, А. А. Краевского, А. Ф. Смирдина, К. Т. Солдатенкова и др.), литераторов, редакторов, журналистов, ученых (И. А. Крылова, Н. М. Карамзина, П. П. Свиньина, П. А. Плетнева, Н. А. Полевого, Н. И. Надеждина, М. П. Погодина, В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова и др.), художников-иллюстраторов периодических изданий (А. А. Агина, В. Ф. Тимма, Н. А. Степанова и др.) содержат много источников для истории периодики. Но в целом виде этих фондов сохранилось немного; бумаги большинства указанных деятелей разрознены и находятся в разных коллекциях, музеях и хранилищах.

Опубликованные мемуары, дневники, частная переписка лиц, связанных с периодикой, содержат разнообразные материалы, могущие быть полезными для историка. Для примера можно указать на воспоминания К. А. Полевого, И. И. Панаева, записки и дневник А. В. Никитенко, переписку А. А. Краевского, П. А. Плетнева, М. П. Погодина, В. Г. Белинского, А. В. Дружинина, Н. А. Некрасова.

Общественно-политические условия развития периодики в крепостной России. Органы периодики играли важную роль во всей общественно-политической жизни страны.

Историк, обращающийся к отдельным органам печати, обязан отчетливо представить себе конкретную социально-политическую и культурно-бытовую историю того времени, когда они выходили в свет. Условия существования периодики определялись законо-

дательством о печати, цензурными правилами и уставами, распоряжениями о типографиях, наконец, всей совокупностью мер практической реализации внутренней и внешней политики правительства. Притом следует иметь в виду, что в самодержавной России личные царские указания подчас оказывались действеннее цензурных уставов. Так, при Николае I твердо установилось мнение о периодике как главном рассаднике вольнолюбия, утвердилось представление о необязательности законодательных норм для самих властей. Начальник III отделения личной канцелярии царя шеф жандармов А. Х. Бенкендорф вызвал для объяснения в 1830 г. барона А. А. Дельвига — издателя «Литературной газеты» — по поводу помещения в ней либеральной статьи. В своем объяснении Дельвиг заметил, что на основании закона издатель не отвечает, когда статья разрешена цензурой к печатанию. Тогда шеф жандармов разъяснил издателю свое понимание законов: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться или ими оправдываться».

История цензуры, ее учреждений, уставов и постановлений, повседневной цензурной практики — область знания, необходимейшая при работе с периодикой.

Распоряжения по части цензуры в императорской России открываются указами 20-х годов XVIII в., которые подчинили существовавшие вольные типографии цензуре духовной коллегии. Вначале цензура установила контроль только над сочинениями «богословского письма». В следующем десятилетии распоряжения уже предписывали цензурование светских сочинений, в частности журналов. Постепенно цензурное дело сосредоточилось в Академии наук. Однако общего и единого устройства и законодательства цензура по-прежнему не имела и ею занимались различные учреждения.

Первый в России общий «Устав о цензуре» был издан 9 июля 1804 г. Устав узаконил предварительную цензуру всех изданий. Заведование цензурой было поручено Министерству народного просвещения. В годы либеральных начинаний александровского царствования, положение печати стало несколько более свободным. В итоге с 1801 по 1811 г. возникло 84 новых периодических издания. Вспомним, что за весь XVIII в. в России издано около 120 органов печати¹. Такое относительно благополучное положение длилось недолго. Уже в 1811 г. при Министерстве полиции был учрежден Особый комитет для «цензурной ревизии» выпускаемых периодических изданий и книг и строгого надзора за цензорами. Тем самым цензура Министерства народного просвещения была подчинена надзору Министерства полиции. В 1815—1825 гг. строгости цензуры неуклонно возрастали. Постепенно сложились следующие системы цензуры: общая,

¹ См.: В. Г. Березина. Русская журналистика первой четверти XIX в. Л., 1965, стр. 5.

светская, гражданская; духовная; иностранная; военная; театральная.

При Николае I цензурный устав 1804 г. был сменен новым Уставом о цензуре 10 июня 1826 г. Современники назвали его чуждым. Вскоре этот устав заменил третий Устав о цензуре 22 апреля 1828 г. — более сжатый, устанавливавший упрощение цензурного аппарата и прохождения через него рукописей, но по духу столь же консервативно-охранительный. Устав 1828 г. без существенных изменений действовал почти до 1861 г. Сверх устава было издано много предписаний и распоряжений. Неоднократно цензуре предлагалось «рассматривать периодические издания с особым вниманием и в пропуске назначаемых для них статей соблюдать крайнюю осмотрительность и осторожность, под опасением строгой ответственности цензора, которой вместе с ним подвергаются лично и редакторы, за всякое дурное направление их изданий»¹.

Особыми постановлениями были запрещены частные периодические издания: «Литературная газета» (1830), журналы «Европеец» (1832), «Московский телеграф» (1834), «Телескоп» (1836), газета «Молва» (1835). 1 октября 1836 г. было постановлено: «Представления о дозволении новых периодических изданий на некоторое время воспрещаются»². Постановление это оставалось в силе двадцать лет. Только с 1856 г. начали появляться новые органы периодики.

Из обзора истории цензуры видно, что при ее помощи самодержавие старалось управлять общественным мнением, дирижировать органами периодики. По требованию цензоров в авторские и в переводные статьи, во все материалы, предназначавшиеся к публикации в периодической печати, вносились многообразные изменения. По предложениям издателей и редакторов журналов и газет, заинтересованных в проходимости подготовляемых текстов, авторы вносили в свои произведения соответствующие изменения. Необходимо учитывать разные способы и приемы, которые были выработаны и применялись авторами, редакторами, издателями периодических органов для усыпления бдительности цензоров. Мастерство эзоповского языка достигало в русской подцензурной печати XVIII—XIX вв. уровня высокого искусства. Намеки, иносказания, притчи, многозначительные умолчания и красноречивые многоточия, за которыми изощренный читатель улавливал скрытую мысль, помогали журналистам доводить до читателя то, о чем открыто в печати крепостной России судить воспрещалось.

Нужно внимательно учитывать все условия существования и прежде всего цензурные обстоятельства периодики дореформенной России при источниковедческом анализе и использовании органов печати и их материалов.

По истории цензуры в крепостной России имеется богатая литература и опубликованы многие источники.

¹ «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г.». СПб., 1862, стр. 219.

² Там же, стр. 227.

§ 2. Общая историческая эвристика в работе с периодической печатью

Приемы и правила источниковедческого анализа исторических памятников составляют историческую эвристику.

Следует выделять четыре группы общих вопросов исторической эвристики для историка, имеющего дело с русской периодической печатью: вопросы установления и изучения текста; вопросы происхождения и истории; вопросы истолкования, установления полноты и достоверности; вопросы соотношения и синтеза.

Филологи различают две взаимосвязанные отрасли ведения памятников литературы — текстологию и герменевтику. Первая преимущественно устанавливает критически проверенный, подлинный текст памятника, подготавливает его к изданию. Вторая комментирует, истолковывает, объясняет текст памятника, раскрывает его подлинный, внутренний смысл, указывает и устанавливает соотношение этого памятника с другими, их содержанием и значением. Первые две группы выше выделенных вопросов — историческая текстология; вопросы третьей и четвертой групп составляют историческую герменевтику.

Вопросы установления и изучения текста. Памятники русской периодики по природе своей — печатные источники. Рукописных периодических органов XVIII в. не известно; существует незначительное количество рукописных журналов и газет (главным образом первой половины XIX в., отчасти периода 1861—1917 гг.). Прочтение печатных источников в сравнении со чтением рукописей дело нетрудное. После прочтения любого произведения, находящегося в периодическом органе, следует установить, как оно обозначено в оглавлении этого органа и в указателях к нему. В оглавлениях нередко сообщались сведения, которых нет непосредственно при тексте изучаемого произведения (например, указывался автор, его инициалы, звание, сословная принадлежность; определялся жанр произведения — письмо в редакцию, критика, антикритика; иногда указывалось происхождение произведения — доставлено таким-то учреждением, извлечено из такого-то органа, найдено в бумагах такого-то лица и т. п.). Сводные годовичные оглавления обычно давались в последней книжке журнала, в последнем номере газеты за данный год. Полезными при поисках дополнительных сведений являются также сводные вспомогательные указатели содержания отдельных периодических органов, издававшиеся обычно отдельными книжками или прилагавшиеся при последней годовой книжке.

После прочтения печатного текста и сбора о нем указанных сведений желательно установление первоначального (рукописного) текста его оригинала: 1) в том виде, как это было завершено автором, составителем и представлено в редакцию периодического органа; 2) в том виде, в каком оно поступило в цензуру и вышло из нее с дозволением к напечатанию. Здесь приходится

иметь дело уже с рукописями (авторскими, редакторскими, цензорскими) или с цензурными рабочими экземплярами набранного текста — гранки, верстка.

Общие принципы изучения текстов, методика такого изучения освещены в работах советских историков и филологов С. Н. Валка, А. Г. Фомина, Д. С. Лихачева, Н. Ф. Бельчикова.

Чтобы не было обнаружено при установлении первоначального текста оригинала произведения или материалов, опубликованных в периодических органах, следует не забывать, что до читателя современника изучаемого источника доходило только то, что было напечатано в этих органах.

Вопросы происхождения и истории. При работе с материалами периодической печати нужно установить: обстоятельства возникновения, цели и назначение периодического органа и того произведения, которое в нем напечатано и является источником; номинальных и действительных редакторов, издателей периодического органа; автора (авторов, составителей, доставителей) изучаемого произведения или материалов (проблема псевдонимов и анонимов); время и место напечатания и написания произведения или материалов; главные этапы истории периодического органа.

Легальные периодические издания печатались только с разрешения властей, по представленной и утвержденной программе. Появлению нового органа печати обычно предшествовала публикация объявления о нем, его программе, условиях подписки и продажи, приложениях, а иногда и с перечнем авторов, обещавших свое сотрудничество. Разрешение на издания органов печати в первой половине XIX в. давало Министерство народного просвещения, куда издатели обращались с прошениями. Прощения издателей, приложенные к ним программы изданий, печатные тексты объявлений об издании — важнейшие исходные источники для изучения характера и идейной направленности данного издания. Программу, по которой разрешено было издание, нужно сопоставить с программой издания, как она реально воплощена во всем его содержании и духе. Имели место случаи существенного расхождения между официально заявленной и разрешенной программой издания и действительной его идейной направленностью. Наряду с прошением издателя и программой издания существенно важны вступительные статьи, предуведомления, разные обращения издателей к читателям, которые обычно помещались в первых книжках периодических изданий, начиная со второй половины XVIII в. Важно обратить внимание также на посвящения и эпиграфы, весьма обычные в периодических изданиях XVIII в. и некоторых изданиях первой половины XIX в. Основная тема, идейная направленность органа выпукло, образно, кратко раскрыта в таких эпиграфах и посвящениях. Например, Н. И. Новиков избрал эпиграфом к «Трутню» слова: «Они работают, а вы их труд ядите», откровенно осуждавшие паразитизм крепостников.

Разрешения на новые частные периодические издания давались неохотно. При таком положении новые издатели и редакторы

путем покупки приобретали право на преемственное издание прежде разрешенного органа от тех лиц, которым такое разрешение было предоставлено. Имя прежнего издателя при такой сделке иногда сохранялось на издании, хотя носитель этого имени в издании не участвовал. Право на издание «Отечественных записок», прекратившихся в 1830 г., перешло в 1839 г. по договору от П. П. Свиньина, которому оно было дано в 1818 г., к А. А. Краевскому. Право на издание «Современника», которое было предоставлено в 1835 г. А. С. Пушкину, по соглашению 1846 г. было уступлено П. А. Плетневым И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову, а официальным редактором был либеральный цензор А. В. Никитенко. Поэтому необходимо выяснение номинальных (официальных) и действительных (неофициальных) издателей и редакторов.

Установление авторства изучаемого произведения — очень кропотливая и трудная, во многих случаях безрезультатная работа. В периодической печати XVIII—XIX вв. много произведений и материалов публиковалось анонимно, или под псевдонимами, инициалами, или просто под разными условными обозначениями. Особенно много анонимных и псевдонимных текстов в журналистике XVIII в. Анонимны были почти все тексты и материалы таких отделов периодических органов, как «Критика и библиография», «Летопись», «Хроника», «Смесь». Широкое распространение практики печатания анонимных и псевдонимных текстов беспокоило цензурные учреждения. Неоднократные цензурные предписания требовали, чтобы все поступающие в журналы и газеты оригинальные и переводные статьи, за исключением объявлений, при представлении их в цензуру были снабжены полными подписями сочинителей и переводчиков, независимо от того, будут они печататься под псевдонимами или анонимно. Но предписания эти часто не исполнялись. Однако такие сообщения редакций в цензурные учреждения с перечислениями фамилий и имен авторов, участвовавших в таком-то номере журнала, газеты, могут помочь при установлении авторства.

Пособием в таких поисках служат имеющиеся труды и справочники по русским псевдонимам и анонимам. Это в первую очередь «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова.

Определение времени и места печатания издания обычно несложно. Цензурное разрешение на печатание имеется на каждой типографской единице издания. На самом издании указывались город и типография, где оно было отпечатано. После цензурного разрешения проходило, как правило, немного времени до выхода издания в свет. Но некоторые издания сильно запаздывали. Издатели, наверстывая упущенное время, сдаивали и даже страивали книжки. Поэтому необходимо сопоставлять даты цензурных разрешений и периодичности.

Определение времени написания произведений и материалов периодики несравненно труднее. За отсутствием источников (ори-

гиналы рукописей) установление такого времени при работе с периодикой невозможно.

Выявление главных этапов истории периодического органа основывается на изучении полного комплекта этого издания, перемен в составе его издателей, редакторов и основных авторов-сотрудников, эволюции его содержания. В случае закрытия, запрещения издания необходимо искать в архивах специальную документацию.

Вопросы истолкования, установления полноты и достоверности. Интерпретация содержания, определение объективной ценности сведений, анализ и установление общественно-идейной и политической направленности периодического издания (а равно и отдельных произведений и материалов) ведется на основе всестороннего исследования полного комплекта издания. Понятно, что научным такое исследование может быть только при одновременном общем анализе политических и культурных условий, социальных и экономических процессов, классовых противоречий и борьбы того времени, к которому относится исследуемый орган периодики. Полнота и достоверность сведений периодической печати проверяются при сравнении их с данными других изданий, с материалами по тем же вопросам, имеющимся в иных видах источников.

Вопросы соотношения и синтеза. Полный синтетический анализ периодического издания возможно осуществить только при соотношении данного издания с другими органами печати того же времени. Такое соотношение следует установить с органами, идейно и по содержанию близкими к исследуемому, а также с органами отличной от него общественно-идейной направленности.

Художественная литература, публицистика, периодическая печать были в крепостной России главными сферами выявления общественного мнения. В спорах, критике и полемике органов периодики в конечном итоге проявлялись и выражались классовые, сословные и политические противоречия и борьба разных социальных сил.

В итоге аналитических разысканий по разным аспектам четырех групп рассмотренных главных вопросов складывается общий, единый историко-источниковедческий синтез отечественной периодики XVIII—XIX вв.

§ 3. Обзор периодической печати XVIII — первой половины XIX в.

Журнальная печать. Журналы составляли большую часть периодических органов, издававшихся в крепостной России.

Журналы содержат множество отдельных частных источников (литературно-художественные произведения; публицистические, критические, научные статьи; официально-документальные

и законодательно-административные материалы; деловые сообщения информационного характера; объявления и рекламы) по разнообразной тематике. Естественно, что нужно применять и соответствующие каждому виду таких журнальных источников источниковедческие приемы. Историк, разрабатывающий конкретную тему по социально-экономической, политической, общественно-идейной, историко-культурной проблематике, обязан знать научные справочники по печати России, научно-библиографическую литературу по периодике, особенно указатели содержания отдельных журналов и газет. На основе такой литературы можно предварительно определить круг нужных периодических органов и имеющих в периодике интересных для конкретной темы материалов.

Существуют три главные исторически сложившиеся разновидности русских журналов XVIII—XIX вв.: общие литературно-общественные журналы; официально-ведомственные журналы; научные и специальные, отраслевые журналы. Первые имели наиболее разнообразное содержание, ориентировались на широкого читателя разных интересов. Более узким, зачастую прямо ведомственным было содержание и общие установки вторых. Характер третьей разновидности определялся предназначением для более или менее точно установленных кругов читателей — журналы для ученых и специалистов, духовно-религиозные и нравственные, педагогические, дамские и детские. Сюда же относятся журналы сатирические и юмористические; журналы, имевшие целью предлагать читателям главным образом локальные материалы — «Сибирский вестник», «Азиатский вестник», «Украинский вестник», «Харьковский Демокрит».

Общие литературно-общественные журналы издавались обычно частными лицами. Издателями и редакторами выступали крупные деятели русской культуры: в «Трудолюбивой пчеле» А. П. Сумароков, в «Трутне», «Кошельке» и «Живописце» Н. И. Новиков, в «Почте духов» И. А. Крылов, в «Московском журнале» и «Вестнике Европы» Н. М. Карамзин (а после него В. А. Жуковский и М. Т. Каченовский), в «Московском телеграфе» Н. А. Полевой, в «Современнике» А. С. Пушкин (позднее П. А. Плетнев, потом И. И. Панаев и Н. А. Некрасов), в «Москвитянине» М. П. Погодин.

Предшественником всех таких журналов были «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», издававшиеся (1755—1764) Академией наук по инициативе М. В. Ломоносова, а первым их представителем — «Трудолюбивая пчела» (1759) А. П. Сумарокова. Многочисленные журналы Н. И. Новикова — «Трутень», «Кошелек», «Живописец», «Пустомеля», «Утренний свет», «Московское ежемесячное издание» и др. — во многом помогли формированию типа русского общественно-литературного журнала XVIII в.

Журнал «Вестник Европы» (1802—1830) Н. М. Карамзина открывает собой историю русской журналистики в XIX в. В этом

органе появился особый отдел «Политика». В первые годы журнал имел либерально-монархический характер. Из такого типа изданий первых десятилетий XIX в. отметим журналы Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, особенно «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818—1825), «Дух журналов» (1815—1820) Г. М. Яценкова, «Сын отечества» (до 1825 г.) Н. И. Греча. Видное место принадлежало декабристским журналам и альманахам («Соревнователь», «Невский зритель», «Полярная звезда»).

Наиболее влиятельными и богатыми по содержанию прогрессивными литературно-общественными журналами 30—50-х годов были «Московский телеграф» (1825—1834) Н. А. Полевого — орган заметно выявленной либерально-буржуазной идеологии; «Отечественные записки» в период сотрудничества в них В. Г. Белинского; «Современник» (1847—1866) при руководстве им И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым и сотрудничестве В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. После Крымской войны вступили в полемику новые журналы — западнический «Русский вестник» (1856—1906), основанный М. Н. Катковым, и славянофильская «Русская беседа» (1856—1860) А. И. Коселева.

Консервативные и даже прямо реакционные позиции сильнее всего были выражены монархически-патриотическим «Русским вестником» (1808—1820) С. Н. Глинки, а позднее — популярным журналом О. И. Сенковского «Библиотека для чтения» и «Москвитяином» (1841—1856) М. П. Погодина.

Официально-ведомственные журналы как особый, устойчивый вид русской периодики начали формироваться с первых лет XIX в., когда учреждены были министерства, и получили значительное распространение с 30—50-х годов. Издавались они министерствами, департаментами, главными управлениями и комитетами разных центральных ведомств. Редакторами в них назначались высокопоставленные чиновники соответствующих ведомств из числа людей, прикосновенных к науке и литературе.

Как правило, официально-ведомственные журналы состояли из двух отделов — официального и неофициального. В первом печатались высочайшие указы, правительственные узаконения, ведомственные нормативно-распорядительные документы — предписания, министерские циркуляры, уставы учреждений, инструкции, разъяснения, различные правила, регламенты, текущие известия по данному ведомству о назначениях, производствах в чины, награждениях и пр. Понятно, что официальная часть состояла из материалов, предназначенных для опубликования, — все секретные, конфиденциальные бумаги, распоряжения, указания по самой их природе в печать не шли. Их можно искать только в архивах или же в позднейших ретроспективных (научно-исторических) публикациях. Неофициальные отделы были гораздо разнообразнее, богаче по своему содержанию. В них печатались научные статьи, тематические обзоры печати, разные статистико-информа-

ционные материалы, описания отдельных местностей, обзоры выставок, указатели литературы по специальности данного журнала. Эти официальные журналы распространялись главным образом ведомственными путями в обязательном порядке по учреждениям, подчиненным соответствующему ведомству. Тиражи некоторых из них были довольно значительными — так, «Журнал Министерства внутренних дел» имел в 1829 г. 2500, а в 1860 г. — 5300 подписчиков; «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» имел тираж до 2000 экземпляров.

Наиболее богаты материалами и разнообразными источниками были издания Министерства внутренних дел — «Санкт-Петербургский журнал» (1804—1809), «Журнал Министерства внутренних дел» (1829—1861), органы Министерства просвещения — «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (1803—1819), «Журнал Департамента народного просвещения» (1821—1824), «Журнал Министерства народного просвещения» (1834—1917). Самыми ценными для экономической истории России являются: «Журнал мануфактур и торговли» (1825—1860) Департамента мануфактур и внутренней торговли, «Журнал Министерства государственных имуществ» (1841—1864), «Журнал Министерства путей сообщения» (1826—1845) и его продолжение «Журнал главного управления путей сообщения и публичных зданий» (1845—1864).

Близкими по типу и содержанию к официально-ведомственным органам были сельскохозяйственные журналы старейших русских агрономических обществ — «Труды Вольного экономического общества» (с 1765 г. и с перерывами до 1915 г.) — в Петербурге и «Земледельческий журнал» (1821—1840), «Журнал сельского хозяйства и овцеводства» (1841—1850), «Журнал сельского хозяйства» (1851—1859), «Сельское хозяйство» (1860—1862) в Москве.

Научные и специальные, отраслевые журналы также являлись изданиями обществ или учреждений, но по содержанию были еще более специализированными. Издавались такие журналы и в частном порядке отдельными учеными, среди их редакторов-издателей были, например, профессора Московского университета И. А. Двигубский, М. Г. Павлов, К. Ф. Рулье.

Устойчивым видом такой периодики с 30-х годов XIX в. стали «Вестники», «Ученые записки», «Записки» высших учебных заведений во главе с университетами. Наиболее ранним из этих изданий были «Ученые записки императорского Московского университета» (с 1833 г.). Среди этих изданий выделялся «Казанский вестник» (1821—1833), который сменили «Ученые записки императорского Казанского университета», а также «Записки Горыгорецкого земледельческого института» (1852—1857).

Официальными органами являлись такие специальные журналы, как: «Инженерные записки» (1826—1856), «Военный журнал» (1827—1859), «Записки ученого комитета Морского штаба» (1828—1834), «Записки ученого комитета Морского министерства» (1835—1845), «Морской сборник» (1848—1917).

Из частных журналов — богатые разными источниками «Сельский житель» (1778—1779) и «Экономический магазин» (1780—1789), которые редактировал А. Т. Болотов; «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических» (1820—1830) И. А. Двигубского; «Записки для сельских хозяев заводчиков и фабрикантов» (1828—1830) и «Русский земледелец» (1838—1839) М. Г. Павлова; пользовался большим спросом «Эконом» (1841—1853) Ф. В. Булгарина и В. П. Бурнашева.

Уже с последней четверти XVIII в наряду с общими журналами широкого профиля получает развитие отраслевая журналистика: медицинская, театрально-музыкальная, педагогическая, адресованная специально женщинам и детям. Особый интерес среди отраслевой периодики представляет историческая журналистика. Если знаменитая «Древняя Российская вивлиофика» (1773—1775; изд. 2 — 1788—1791) Н. И. Новикова была скорее сборником исторических материалов, чем журналом, то «Российский магазин» (1792—1794) Ф. И. Туманского — первый русский исторический журнал. За ним последовали периодические издания старейшего русского исторического общества, учрежденного в 1804 г. при Московском университете, — «Русские достопамятности», «Труды и Летописи», «Русский исторический сборник» и наиболее богатые источниками «Чтения общества истории и древностей Российских» (1845—1848, 1858—1916), созданные О. М. Бодянским, и «Временник» (1849—1857), редактируемый И. Д. Беляевым. Из частных органов исторической журналистики много ценных материалов по отечественной этнографии и археологии опубликовано в «Отечественных записках» (1818—1830) П. П. Свиньина. Общий журнал М. П. Погодина «Москвитянин» имел богатый отдел «Материалы для русской истории и истории русской словесности», который явился предшественником знаменитого «Русского архива» (1863—1917) П. И. Бартенева.

Подлинники многих источников, напечатанных в дореволюционных исторических журналах, позднее были утрачены. Обращаясь к таким публикациям, нужно быть очень осторожным — публикации эти нередко несовершенны.

Газетная печать. Большинство газет России являлось официальными изданиями. Выходили газеты по одному, два, три раза в неделю. Ежедневных газет было очень мало. Первая ежедневная газета в Москве — «Московский городской листок» — появилась в 1847 г. Тиражи газет были невелики. Главные представители дореформенной газетной прессы «Губернские ведомости» печатались, например, всего в нескольких сотнях экземпляров. Распространялись газеты по подписке; розничная продажа была крайне редкой. Издатели даже не обозначали цену отдельного номера.

По основному содержанию газеты преимущественно являлись «ведомостями» — состояли из бытовой и политической (внутренней и зарубежной) информации. Сообщения (сначала внутренние, затем зарубежные) печатались с указанием в заглавии даты и

места событий. Сколько-либо значительные статьи появлялись относительно редко; литературно-художественные произведения в газетах почти не публиковались. Подписные цены на газеты были значительно ниже цен на журналы. Газеты выходили регулярнее журналов, как правило, в указанные сроки, без задержек и больших опозданий. Почти полное отсутствие оперативной текущей информации в журналах привлекало внимание многих читателей к газетам.

В связи с растущим интересом к чтению газет со стороны бедных читателей, посетителей трактиров, обитателей лакейских, мещан, чиновников, купцов цензурные власти были особенно придирчивы к газетной прессе. Информация о текущей политике и общественной жизни допускалась по возможности в минимальных дозах, сильно урезанная и обесцвеченная.

За XVIII в. упрочились всего две газеты: «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1728 г.) и «Московские ведомости» (с 1756 г.). Обе газеты вплоть до 1861 г. продолжали оставаться главными, наиболее устойчивыми и читаемыми официозами. С начала XIX в. постепенно число газет возрастало. По подсчетам Н. М. Лисовского (без «Губернских ведомостей») в 1831 г. издавалось 12 газет, в 1859—1860 гг. — 15, в 1861 г. — 20, в 1865 г. их было уже 28, а к 1870 г. — 36. Число газет с конца 30-х годов заметно возросло за счет издания «Губернских ведомостей». К 1861 г. «Ведомости» издавались уже почти во всех губерниях Европейской России, а также в Сибири. Для историков «Губернские ведомости» являются весьма ценным источником.

Русские газеты 20—40-х годов XIX в. советский исследователь А. И. Станько классифицирует на пять типов: литературные; общественно-политические (например, «Санкт-Петербургские ведомости», столичные и провинциальные «Губернские ведомости», «Северная пчела» и др.); специальные, посвященные промышленности, торговле, земледелию, домоводству, медицине; по различным видам искусства (например, «Художественная газета», «Театральная летопись»); справочные (например, «Санкт-Петербургский прейскурант», «Киевские объявления» и др.).

Официальные газеты, в том числе и «Губернские ведомости», состояли из двух частей: первой — официальной (распоряжения правительства и властей, объявления о торгах, продажах, беглых, производства в чины и др.), второй — неофициальной (разные статьи, материалы, художественно-литературные произведения). В частных газетах сначала также публиковали правительственные распоряжения и другие официальные материалы. С 30-х годов в некоторых столичных газетах появился новый отдел — «фельетон». Передовая статья стала превращаться в особый газетный жанр только с конца 50-х годов XIX в.

Из официальных газет первой половины XIX в. часто приходится иметь дело, кроме упомянутых «Петербургских» и «Московских ведомостей», с такими изданиями, как «Северная почта» (1809—1819), «Сенатские ведомости» (с 1808 г., с разными по-

следующими к ним прибавлениями); «Коммерческая газета» (1803—1860). Много описательных и статистических источников содержит «Земледельческая газета» (1834—1905, 1913—1917).

Справочные газеты были также официальными органами. Они содержат чрезвычайно важный разнообразный статистический материал по экономике и демографии и множество всевозможных объявлений, рекламных публикаций.

Частные газеты политического содержания представлены в до-реформенной России немногими изданиями: например, «Гений времен» (1807—1809); «Русский инвалид», возникший в 1813 г., вскоре стал официальным органом. Инициатива опытных журналистов Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча положила основание газете «Северная пчела» (1825—1864), которая открыто стала правительственной. При помощи послушных официальных издателей III отделение направляло «Северную пчелу», порой ее субсидировало. Из частных экономических газет можно отметить следующие: «Купец» (1832—1835), «Северный муравей» (1830), «Посредник» (1840—1855, 1857—1863), «Акционер» (1860—1863).

Совершенно исключительное значение имела единственная свободная русская газета — бессмертный «Колокол» (1857—1867) А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Это был тот орган зародившейся в эпоху падения крепостного права вольной русской печати, который, по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»¹. Эта первая революционная газета открыла собой всю последующую славную историю нелегальной (зарубежной и подпольной) русской печати. Советские историки и литературоведы сделали много для источниковедческого изучения «Колокола» (работы З. И. Базилевой, М. А. Соколовой, Н. Я. Эйдельмана, академическое переиздание всего «Колокола»).

Изобразительные источники русской периодики. Вся масса периодических изданий крепостной России является источниками письменными. Но с начала XIX в. в русских журналах начинают появляться графические изобразительные источники. К середине века в отечественной периодике имелось уже довольно много изобразительных источников.

«Журнал карикатур на 1808-й год» художника А. Г. Венецианова, запрещенный цензурой на первом номере, был первым в России органом политической сатиры в графике. Сатирическая и юмористическая графика позднее богато была представлена изданиями: «Листок для светских людей» (1839—1844) и «Ералаш» (1846—1849).

Отдельные гравюры, литографии, рисунки, чаще одноцветные, черные, значительно реже красочные, подцветенные, имелись в некоторых русских журналах начала XIX в. («Русский зритель» (1828—1830), «Отечественные записки» (1818—1830), «Московский телеграф» и др.). Но специально иллюстрированные перио-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 259.

дические издания стали появляться только со второй половины 30-х годов. Таковы, например, «Живописное обозрение» (1835—1844), «Художественная газета» (1836—1841). Такие издания включают в себе множество рисунков разнообразного содержания — портреты, виды местностей и старинных памятников, типы населения России, изображения орудий и механизмов, зданий и т. д.

Особые виды изобразительной графики в периодике крепостной России — географические карты и схемы; чертежи машин, планы городов, крепостей, портов; факсимиле знаменитых людей.

В последнее десятилетие перед 1861 г. возникло еще несколько богато иллюстрированных периодических изданий — «Русский художественный листок» (1851—1862), «Живописный сборник» (1857—1859), «Иллюстрация» (1858—1869). После Крымской войны, в условиях смягчения цензурного гнета, появилось сразу несколько иллюстрированных сатирических и юмористических журналов. Лучшим из них была знаменитая «Искра» (1859—1873) В. С. Курочкина и Н. А. Степанова.

Изобразительные источники русской периодики не подвергнуты еще систематическому выявлению. До сих пор они привлекали внимание главным образом музейных работников и искусствоведов. Одна из назревших задач отечественного исторического источниковедения — обращение к изобразительным памятникам русской периодической печати.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПЕРЕПИСКА

§ 1. Мемуары и дневники

Особенности мемуаров и дневников как источника. Мемуары-воспоминания и рассказы очевидцев и современников о различных событиях личной и общественной жизни можно разделить на воспоминания или собственно мемуары, автобиографии и дневники. Мемуары содержат значительное число фактов и деталей, современником, свидетелем и участником которых был их автор. Зачастую эти детали и факты не отражены в других видах источников. Кроме того, именно мемуары дают возможность почувствовать дух исследуемого времени. В этом огромная ценность мемуаров как исторического источника. Но, с другой стороны, мемуары имеют ряд существенных недостатков. Как правило, они пишутся много лет спустя после описываемых событий. В них нередко спутаны даты, смещены события, поступки, действия одного лица приписаны другому и т. д. Если автор мемуаров, не полагаясь на свою память, привлекает другие источники и литературу, то подчас трудно отделить его от оценки того, что им взято из литературы, выяснить, что он пишет с чужих слов и чему он сам был свидетелем. ✓

Спецификой, которая часто превращается в недостаток мемуаров, является то, что они больше, чем какой-либо вид источников, отличаются крайней субъективностью. Она выступает не только в классовой позиции автора, рассказывающего о том или ином событии. Для многих мемуаров характерно стремление автора преувеличить свою роль в событиях описываемого времени. Таковы, например, записки Екатерины II, в которых она ставит целью оправдать свои действия в период Семилетней войны, в период подготовки и осуществления переворота 1762 г. и убийства Петра III, обосновать свои права на русский престол. Она рисует картину, далекую от действительности, и изображает себя в роли мечтательницы о всеобщем благе. В то же время она не скупится на самые мрачные краски при изображении своих противников на пути к престолу и состояния страны накануне осуществления ею дворцового переворота, чтобы подчеркнуть успехи, достигнутые в ее царствование.

✓ Но крайняя субъективность мемуаров одновременно представляет большую ценность. Ведь именно она позволяет наиболее четко выяснить позицию автора и соответствующей общественной и социальной группы в описываемых событиях.

✓ Наконец, перед автором мемуаров при описании событий прошлого стоит еще одна трудность. Работая над мемуарами, он уже знает, как закончилось то или иное событие, какое место

оно заняло в истории, как повлияло на последующие, как в дальнейшем действовали его участники и т. д. Это откладывает отпечаток и на отбор материала, и на оценку событий и действующих лиц. Поэтому для мемуаров в большинстве случаев характерны позиции и оценки не времени описываемых событий, а времени написания мемуаров. Время, отделяющее мемуары от описываемых событий, усиливает либо, наоборот, ослабляет симпатии и антипатии автора в отношении определенных учреждений, организаций, органов, лиц. Нередко автор мемуаров умалчивает о ряде крупных событий и своем участии в них. Особенно часто мы встречаемся с подобным положением в мемуарах людей, прорвавшихся эволюцию от революционности, демократизма или либерализма к консервативности и реакции.

Масштабы и хронологический охват мемуаров различны. Так, мемуары Н. А. Бестужева — это два небольших рассказа о Рылееве и о 14 декабря 1825 г., а мемуары А. Т. Болотова охватывают более половины века и рассказывают об огромном числе как важных общественно-политических событий, так и фактов повседневной жизни провинциального помещика.

Весьма различна и форма мемуаров. Одни из них, как, скажем, записки гр. Бенигсена о войне со Швецией в 1806—1807 гг., носят форму полупротокольного изложения. Другие воспринимаются как литературное произведение. Наиболее ярким представителем этого направления мемуаров является «Былое и думы» А. И. Герцена.

Особой формой мемуарной литературы являются дневники. Они отличаются большей достоверностью и точностью в воспроизведении событий и фактов, так как пишутся одновременно с описываемыми событиями под их непосредственным впечатлением, хотя наряду с этим в дневниках нередко встречаются всякого рода неподтвердившиеся слухи, версии о событиях, в которых автор непосредственно не участвовал, и т. п.

Автор воспоминаний описывает события, ход и результаты которых он уже знает, значение которых он осмыслил и оценил. Автор дневника находится в ином положении, поэтому он нередко подробно пишет о второстепенных и третьестепенных событиях и лишь мимоходом упоминает о событиях и фактах, которые, как выясняется в дальнейшем, имеют огромное значение.

В литературном отношении дневники значительно уступают воспоминаниям и отличаются отрывочностью, сухостью, краткостью, наличием большого количества сокращений, намеков и полунамеков, а то и просто зашифрованностью в описании отдельных событий и их участников. В ряде случаев дневники становятся основой мемуаров, за написание которых автор принимается много лет спустя. Дневникам также свойственна крайняя субъективность. Очень редко можно говорить о полной искренности и откровенности авторов дневников, поскольку большинство из них не рассчитывает, что они останутся единственными читателями написанного ими. В том случае, если автор занимается

революционной деятельностью, откровенное ведение дневника просто невозможно и было бы нелепым риском не только для самого автора, но и для его единомышленников и организации, в которую он входил.

Одним из сложных вопросов, связанных с работой над дневниками и мемуарами, является не только определение тенденции автора, которая важна для выяснения его позиций и мировоззрения, но и установления степени достоверности содержащегося в них материала.

Воспоминания, автобиографии, дневники в XVIII в. получают значительное распространение в дворянской среде. Лишь в конце XVIII в. появляются первые мемуары чиновников, а в первой половине XIX в. — разночинцев, но их число, как и число мемуаров купцов, мещан и тем более крестьян, остается незначительным. Новым для мемуаров первой половины XIX в. является появление мемуаров революционеров-разночинцев и значительного числа мемуаров дворянских революционеров-декабристов.

Мемуары XVIII в. В большинстве мемуаров XVIII в. центральное место занимает описание порядков при дворе, дворцовых интриг, борьбы придворных группировок за власть, дворцовых переворотов, характеристика личности и действий царей и цариц, их фаворитов и приближенных. События первой половины века отражены в мемуарах И. Я. Желябужского, И. И. Неплюева, Х. Манштейна, Н. Б. Долгорукой. Их форма и характер в значительной степени определяются уровнем и состоянием светской литературы в это время. В записках Желябужского наиболее важны сведения о стрелецких бунтах и деятельности Преображенского приказа. В мемуарах Неплюева особую ценность представляют разделы об обучении за границей русских дворян кораблестроению и кораблевождению, об экзаменах по возвращении на родину. Записки Манштейна и Долгорукой — ценнейший источник для изучения дворцовых переворотов и порядков при дворе 20—30-х годов XVIII в.

К названным мемуарам близки относящиеся ко второй половине века мемуары А. В. Храповицкого и Н. А. Саблукова. Дневник секретаря Екатерины II Храповицкого содержит ряд важных замечаний, приказаний и высказываний Екатерины, в том числе и знаменитую ее фразу о том, что «Радищев бунтовщик хуже Пугачева». В записках Саблукова приводится большой фактический материал о порядках при дворе Павла I, о недовольстве в армии, об атмосфере тревоги и неуверенности в дворянской среде Петербурга, характерной для царствования Павла I.

Центральное место среди мемуаров XVIII в. занимают огромные по размерам и хронологическому охвату записки Андрея Тимофеевича Болотова. Мелкопоместный дворянин, он стоял далеко от двора, не участвовал в крупных политических событиях, но прекрасно знал и описал быт, нравы, духовные интересы провинциального дворянства и общественную жизнь России второй

половины XVIII в. Зачинатель русской агрономии, издатель первых агрономических и сельскохозяйственных журналов, автор многочисленных работ по агротехнике, Болотов был тесно связан с Вольным экономическим обществом и Московским университетом.

Детство и обучение в семье провинциального дворянина, пребывание в пансионе, армия и Семилетняя война, в которой он участвовал, переворот 1762 г. и выход в отставку составляют содержание первой части записок Болотова. Все остальные части связаны с временем, когда он поселился в небольшом имении на границе Тульской и Московской губерний и прежил там более 70 лет.

Жизнь провинциального дворянства, порядки и нравы в провинциальных учреждениях, сельское духовенство, крестьяне, их повинности, их волнения и взаимоотношения с помещиками, попытки рационализации помещичьего хозяйства составляют основное содержание болотовских записок. Часто бывавший в Москве по служебным и издательским делам, он оставил ценнейшие сведения о «чумном бунте» 1771 г., о настроении дворян и крестьян в период Крестьянской войны, о казни Пугачева, очевидцем которой он был, о проведении генерального межевания и создании в 70-х годах системы губернских учреждений. Скептически настроенный в отношении придворной аристократии и не раз делающий выпады против екатерининских фаворитов, Болотов был апологетом крепостного строя и не допускал малейшей возможности его изменения и ограничения дворянских прав. Но несмотря на консервативность автора, его записки являются одним из самых важных и обстоятельных источников XVIII в.

Мемуары первой половины XIX в. Для этого времени характерен значительный количественный рост мемуаров. Мемуары придворной знати представлены дневниками князя А. Чарторыйского и А. С. Шишкова, относящимися ко времени царствования Александра I. Крупный польский магнат, занимавший высокие посты в правительстве первых лет царствования Александра I, князь А. Чарторыйский писал свои записки много лет спустя, будучи лидером польской аристократической эмиграции в Париже. Это определяет характер и направленность мемуаров, в которых наибольшую ценность представляют разделы, относящиеся к первым годам царствования Александра I, деятельности Негласного комитета, внешней политике России.

Мемуары Шишкова состоят из воспоминаний, дневниковых записей, заметок об отдельных событиях, в которых он участвовал как государственный секретарь, президент Академии, министр, литератор, автор ряда царских манифестов. Записки Шишкова не отличаются цельностью, широтой картины и полнотой сведений. Они являются одним из наиболее ярких примеров воинствующей реакционности автора, отстаивающего незыблемость самодержавия и крепостничества и требующего беспощадной

борьбы с любыми проявлениями вольномыслия и даже либерализма.

Типичными для мемуаров среднего ранга чиновников-дворян, занимающих охранительные позиции, являются записки Ф. В. Вигеля и С. П. Жихарева. В мемуарах Вигеля много интересных фактов и наблюдений, относящихся к политической, общественной и особенно культурной жизни того времени, что делает их ценным и интересным источником. Дневник Жихарева является первоклассным источником для изучения дворянского быта, настроений, духовной жизни, интересов московского дворянства, состояния и репертуара московского театра начала XIX в. и положения актеров.

Ряд особенностей имеют появившиеся в первой половине XIX в. военные мемуары. Особенно много их связано с событиями Отечественной войны 1812 г. Они сильно отличаются друг от друга по масштабам, кругозору, охвату событий, что определяется служебным положением их авторов в армии.

А. П. Ермолов был одним из главных руководителей русской армии в этой войне. Его записки насыщены большим фактическим материалом. Записки Ермолова содержат характеристику и оценку планов войны, важнейших операций, отдельных сражений, портреты руководителей армии, передают настроения армии и населения на различных этапах войны. В частности, в них содержится обстоятельный рассказ о первом этапе Бородинской битвы, о совете в Филях. Более узки по содержанию, характеризующие один, но чрезвычайно важный аспект Отечественной войны — партизанское движение, записки поэта-партизана Дениса Давыдова. Война глазами солдата, правда, солдата необычного, — главная особенность любопытнейших записок «гусар-девицы» Надежды Дуровой.

Мемуары разночинцев, купцов и крестьян. Первая половина XIX в. очень бедна такого рода мемуарами, а имеющиеся, как правило, узки по содержанию, носят преимущественно бытовой характер. Бурное развитие разночинной мемуаристики начинается лишь во второй половине века, число купеческих мемуаров возрастает в самом его конце, а крестьянскими мемуарами весь XIX в. крайне беден. Большинство крестьянских мемуаров — это небольшие рассказы о своей жизни, помещиках, прославившихся жестокостью и истязаниями крестьян, о быте и положении дворян.

В этой группе мемуаров есть источник первоклассного значения — «Дневник» А. В. Никитенко. Автор прошел большой и трудный жизненный путь. Сын крепостного крестьянина, затем учитель, после окончания университета становится профессором, академиком, одним из руководителей цензурного ведомства. Весьма умеренный либерал, Никитенко отрицательно относился как к проявлениям реакции и обскурантизма, так и к революционным идеям и революционному движению.

Десятки лет, день за днем, он вел свой дневник, пунктуально внося в него обстоятельные записки обо всем, участником и свидетелем чего он был. Записи его отличаются точностью и обилием самого разнообразного фактического материала о деятельности учреждений, в которых он служил, о руководителях этих учреждений, о состоянии и условиях развития просвещения, науки, литературы, искусства, о цензуре, газетах и журналах, их редакторах и сотрудниках, о студенчестве и студенческом движении, об общественной и культурной жизни 20—70-х годов. По страницам дневника Никитенко проходят Пушкин, Гоголь, Крылов, Кольцов, Белинский, Чернышевский, Герцен, Брюллов и многие другие писатели, художники, ученые, с которыми он вместе работал в университете и академии, сталкивался в цензуре, встречался дома и в обществе. По богатству, разнообразию, достоверности сведений, по обилию затрагиваемых вопросов, по охвату событий за полувековой период дневник Никитенко является первоклассным источником. Для первой половины XIX в. он имеет такое же значение, какое для XVIII в. записки Болотова. Но в центре внимания Болотова — деревня и помещики, а Никитенко — общественная и культурная жизнь Петербурга.

Мемуары декабристов. Мемуары участников революционных организаций и революционного движения — новая и важная часть мемуаров первой половины XIX в. В числе их авторов представители различных декабристских организаций и различных направлений в этом движении. Особенностью большинства мемуаров декабристов было то, что они их писали не только много лет спустя после описываемых событий, но и после разгрома восстания, после того, как их авторы более четверти века провели в казематах и на сибирской каторге, после того, как на эшафоте, в ссылке, на каторге погибло большинство декабристов. Они писались в условиях кануна крестьянской реформы, когда на арену революционной борьбы выступили новые силы, новые идеи и новые революционные организации. Духовная эволюция, которую проделали бывшие декабристы, была различной, и это определяло цели, характер и содержание мемуаров, подбор материалов, их освещение, оценку событий, роли и позиций руководителей декабристских организаций и отдельных их членов. Первыми мемуарами декабристов была книга Н. И. Тургенева «Россия и русские», ценная тем, что в ней раскрыто влияние войны 1812 г. и заграничного похода на формирование освободительного движения в России, материалами по истории Союза Благоденствия. Участник первых декабрьских организаций, затем отошедший от движения, осужденный заочно, Тургенев, работая над своей книгой, ставил целью доказать незаконность своего осуждения. Это привело к существенному искажению им истории декабризма. Тургенев фактически отрицает существование тайных обществ, подготовку вооруженного восстания, утверждает, что само восстание явилось результатом стечения случайных обстоятельств. Очень важна вторая часть книги, в которой Тургенев излагает

свои взгляды на настоящее и будущее России, но это уже не мемуары, а политическое сочинение.

К книге Тургенева близки «Записки» князя С. П. Трубецкого — главы умеренного крыла Северного общества, накануне восстания избранного диктатором. Его «Записки» содержат материал об истории и деятельности Северного общества, но в ряде случаев нарисованная им картина далека от действительности. Возвратившийся из ссылки Трубецкой стремится реабилитировать себя, изобразить свою роль в выгодном свете, лишить движение декабристов революционной направленности. Мемуары Трубецкого интересны и для выяснения позиций и тактики умеренного крыла декабристов, и для раскрытия духовной эволюции участников восстания, сломленных неудачей восстания и ссылкой.

Иной характер имеют записки И. Д. Якушкина и неизвестного члена Общества соединенных славян. Последние были опубликованы во второй половине XIX в.

Якушкин и неизвестный автор записок сохранили верность идеям и делу декабристов и стремились дать правдивую историю движения. В этих целях автор записок опирается не только на свои воспоминания, но и на рассказы других членов Общества соединенных славян, сопоставляет, проверяет их и редко допускает неточности в датах и фактах. Видное место в этих записках занимает вопрос о переговорах и взаимоотношениях Общества соединенных славян с Южным обществом, о восстании Черниговского полка, о судьбе «славян» после восстания. При этом в записках подчеркивается расхождение «славян» с Южным обществом и преуменьшается роль последнего в восстании Черниговского полка.

Значение записок Якушкина определяется его стремлением как можно полнее, точнее и объективнее дать историю декабристских организаций. Он уделяет много внимания выяснению факторов, определивших создание и деятельность тайных обществ, рассказывает о съездах декабристов, спорах о программе и тактике, о решении важнейших вопросов политического строя и жизни страны. В то же время Якушкин ярко рисует крепостную деревню, царящий там произвол помещиков и безуспешность своих попыток освободить крестьян. Наконец, он рассказывает о следствии и суде над декабристами, об их содержании в казематах Петропавловской крепости.

Мемуары Трубецкого, с одной стороны, и мемуары Якушкина — с другой, являются крайними выражениями двух направлений мемуаров декабристов. Все остальные приближаются либо к одним, либо к другим. Несколько особняком стоят мемуары жен декабристов, последовавших за ними в Сибирь и рассказывавших о жизни декабристов в ссылке и на каторге.

Мемуары революционных демократов. Дневники А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова относятся лишь к их студенческой жизни. Только дневник Т. Г. Шевченко относится к зрелым годам. Но он охватывает слишком небольшой период

(с июля 1857 г. по июль 1858 г.), а главное, в нем обойдены вопросы, стоявшие в центре внимания и деятельности автора в последние месяцы его ссылки и первые месяцы его пребывания на свободе. Дневниковые записи отличаются крайней осторожностью. По вполне понятным причинам поэт подробно пишет о новостях литературы и искусства, о людях, с которыми встречается, но обходит почти все политические вопросы. Его истинные взгляды прорываются лишь тогда, когда он касается крепостного права, недавно умершего Николая I, которого он называет «тормозом», да тогда, когда речь заходит об «апостоле нашем и изгнаннике» — А. И. Герцене и его знаменитом «Колоколе».

Вершиной мемуаристики дореформенного периода являются «Былое и думы» А. И. Герцена. Это произведение необычайно многообразно по степени охвата важнейших вопросов: крепостные порядки и быт дворянства, нравы в провинциальных учреждениях, жизнь университета и студенчества, революционные кружки и международная эмиграция в Европе, западники и славянофилы, проникновенные образы Огарева, Полежаева, Грановского, Белинского, Чаадаева, Бакунина, Гарибальди, Мадзини, Ворцеля, убийственные портреты и характеристики Николая I, петербургских и московских сановников, деятельность Вольной русской типографии в Лондоне, издание «Колокола», восстание 1863 г. и множество других событий, фактов, портретов, споров, мечтаний, надежд и планов доносит до нас эта удивительная книга. Создав неповторимый синтез мемуаров, страстной публицистики и литературного шедевра, Герцен нередко ради создания сочных, художественно убедительных картин и образов отступал от хронологической последовательности, делал философские, публицистические и лирические отступления. Но это не умаляет значения «Былого и дум» как исторического источника, поскольку они точно и ярко передают дух эпохи, сущность событий и людей, о которых рассказывают. Являясь вершиной творчества Герцена-писателя, «Былое и думы» одновременно являются органической частью деятельности Герцена-революционера и по праву стоят рядом с его «Колоколом».

• § 2. Переписка

Переписка как исторический источник соприкасается в одном случае с публицистикой, в другом — с мемуарами, но имеет и ряд специфических только для нее признаков. Естественно, что имеется в виду частная переписка. Служебная, деловая переписка является одной из форм делопроизводственных материалов. Аналогичным образом обстоит дело с дипломатической и коммерческой перепиской. Не могут быть отнесены к переписке и литературные, публицистические, научные произведения, написанные в эпистолярной форме: «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина,

«Письмо другу, жительствовавшему в Тобольске» А. Н. Радищева, «Письма русского офицера» С. Н. Глинки, «Письма об изучении природы» А. Н. Герцена и другие аналогичные произведения.

Частную переписку, как исторический источник, можно разделить условно на две большие группы: на переписку, в центре которой стоят интимные вопросы, вопросы быта, личных и семейных отношений, и на переписку, в центре которой стоят вопросы общественно-политической и культурной жизни. К первой группе можно отнести переписку Герцена и Пушкина с их женами, Белинского с родителями, а ко второй — переписку Герцена и Огарева, братьев Тургеневых, Ломоносова. Но и в переписке, относящейся к первой группе, хотя и не так часто, встречаются материалы, относящиеся к крупным событиям общественно-политической жизни и дополняющие сведения других источников. Так, например, о своем посещении Московского университета и спорах с Каченовским, отрицавшим подлинность «Слова о полку Игореве», Пушкин рассказал в двух письмах к жене. Письма Белинского к родителям ярко рисуют обстановку жизни московских студентов, их настроения, обстоятельства его исключения из университета. С другой стороны, в письмах, относящихся ко второй группе, немало бытовых, чисто личных, интимных сведений и вопросов.

Бурное развитие переписки в первой половине XIX в. было обусловлено не только теми причинами, которые способствовали появлению большого числа публицистических и мемуарных произведений. Этому способствовало значительное усовершенствование и развитие почтовой связи в стране, что обусловило превращение переписки в важнейшее средство общения и информации в условиях крайней медленности и дороговизны средств сообщения, отсутствия в прессе регулярной информации о важнейших событиях в области культуры, внутренней и международной жизни, в условиях жесточайшего цензурного режима.

В таких условиях частная переписка нередко становилась главным, а порой и единственным средством информации о важнейших событиях и их истинном характере, о явлениях идейной жизни, об антиправительственных настроениях, выступлениях, о запрещенных цензурой произведениях и о многих других событиях и явлениях. Поэтому среди переписки этого времени нередко встречаются письма весьма значительного размера, целые трактаты, подробнейшие рассказы и т. д.

Как источник переписка имеет ряд особенностей, перекликающихся с особенностями мемуаров вообще и в первую очередь с особенностями дневников: крайняя субъективность, отрывочность, передача всякого рода слухов, непроверенных фактов, обилие чисто личных и бытовых подробностей. Как и дневники, частную переписку характеризует широкое использование всякого рода намеков и полунамеков, значительная часть которых понятна лишь автору и адресату. В переписке много шуточных или специально зашифрованных имен, названий.

Все это крайне усложняет понимание и использование переписки как источника. Такие особенности частной переписки продиктованы различными причинами. В одних случаях это объясняется тем, что участники переписки пользовались хорошо знакомыми им прозвищами, шутивными названиями, не считали нужным разъяснять то, что им было понятно с полуслова. В других, а это было широко распространено, и автор письма, и адресат прекрасно знали, что значительная часть переписки подвергается перлюстрации не только со стороны чиновников, но и со стороны III отделения, жандармского управления и других органов политического наблюдения и сыска. Недаром значительная часть частной переписки участников революционного движения известна нам по копиям, снятым этими органами, или по задержанным ими оригиналам, которые фигурировали на суде как вещественные доказательства.

Эти обстоятельства сильно отражаются и на изданиях переписки. Нередко при издании опускаются не только отдельные части писем, но и целые письма и даже комплексы писем. В одних случаях это делали близкие люди автора или адресата, а также издатели, считавшие ненужным, неудобным, несвоевременным публикацию писем интимного характера, писем, связанных со всякого рода хозяйственными или денежными делами, писем, показывающих автора в невыгодном свете, или писем по острым политическим вопросам. В других случаях пропуски вызваны препятствиями со стороны цензуры, которая калечила издания переписки в первую очередь представителей прогрессивного и революционного направления. Так, знаменитое письмо Белинского к Гоголю увидело свет лишь после революции 1905 г.

Работая с перепиской, при ее использовании в качестве одного из источников очень важно располагать не только теми письмами, которые получал данный человек, но и его ответами. Тогда целый ряд мест в письмах не только становится понятнее, но и их значение резко возрастает. К сожалению, такая возможность представляется редко и в нашем распоряжении оказывается обычно одна часть переписки. Так, мы располагаем письмами Ломоносова, Пушкина, Белинского и почти не имеем писем к ним. Еще отчетливее этот недостаток выступает в изданиях писем видных деятелей науки, культуры, общественно-политической жизни и революционного движения. В них, как правило, помещены письма данного деятеля, а о письмах, на которые он отвечал, говорится лишь в комментариях.

В условиях низкой грамотности в среде непривилегированного населения, господства патриархальности в его быту переписка в этой среде не могла иметь широкого распространения. К тому же эти письма никто не собирал и не хранил. Поэтому до нас дошли отдельные случайные письма разночинцев, купцов, мещан XVIII и первой половины XIX в. Погибло и большинство дворянской переписки этого времени, хранившейся в барских усадьбах и сундуках, чуланах, на чердаках. В пореформенное время большая часть

усадеб приходит в упадок и разрушается или переходит в руки купцов, которые не считают нужным хранить «старый хлам». Не забываются об этом и потомки прежних владельцев усадеб. В результате лишь в счастливых случаях отдельные комплексы дворянской переписки вместе с другими их документами попадают в руки коллекционеров, собирателей, в библиотеки или архивы.

Лучше сохранилась частная переписка лиц императорской фамилии и некоторых родов дворянской аристократии. Наиболее значительными комплексами этого рода переписки являются: письма Петра I, переписка Екатерины II с Вольтером и ее зарубежным агентом бароном Гриммом, переписка Александра I с сестрой Екатериной и Николая I с братом Константином. При этом, если переписка Екатерины с Вольтером и Гриммом в ряде случаев приобретает черты публицистики, то переписка Александра I с Константином носит характер служебной переписки. Черты публицистичности, служебной переписки дополняются чертами дипломатической, хозяйственной, интимной переписки в огромном комплексе переписки гр. Воронцовых между собой и рядом крупных государственных и политических деятелей, писателей, ученых, деятелей искусства. Большинство дошедших до нас писем Радищева сохранилось именно в этом комплексе.

Особенностью подобных комплексов переписки является наличие в них не только писем, получаемых адресатом, но и копий его ответов. Второй особенностью было то, что значительная часть переписки дворянской аристократии велась на французском языке.

Переписка передовых, революционных деятелей этого времени сохранилась несравненно хуже. Многие уничтожались сразу же по получении, другое — в случае угрозы обыска и ареста, третья конфисковывалась.

Часть третья

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

После 1861 г., писал В. И. Ленин, начался капиталистический период русской истории. Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. отменила крепостное право. За ней последовали крупные внутренние реформы — земская, судебная, городская, военная. Совокупность всех этих перемен явилась первым шагом по пути превращения Российской империи из феодальной монархии в монархию буржуазную.

В процессе развития капитализма в 60—90-х годах XIX в. и в условиях монополистической стадии капитализма в начале XX в. претерпели значительные изменения и социальная структура России, и органы государственного управления; возникли многие нового типа общественно-политические и хозяйственные организации и институты. В качестве главных антагонистических классов в этот период противостояли друг другу российский пролетариат и российская буржуазия. Непримиимо острыми стали взаимно противоположные интересы помещиков и крестьян.

Капиталистический период характеризовался ростом классовой борьбы, небывалым обострением политических противоречий, неуклонно крепнущим натиском революционных сил. Не раз в стране возникали революционные ситуации — 1859—1861 гг., 1879—1880 гг., 1904 г. Наконец, революционная обстановка начала XX в. переросла в первую буржуазно-демократическую революцию 1905—1907 гг.

В итоге ударов, нанесенных этой революцией самодержавию и эксплуататорским классам, царизмом были сделаны новые уступки, совершен второй шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Принципы манифеста 17 октября 1905 г., аграрная реформа Столыпина, деятельность государственных дум, легализация политических партий и профессиональных союзов, возникновение легальной большевистской печати и рабочих организаций были важными элементами этого шага.

Вторая буржуазно-демократическая революция в России (февраль — март 1917 г.) добилась великой победы народа — самодержавие было низвергнуто. Эта победа послужила отправной базой для быстрого движения революционных сил к социалистической революции. Октябрь 1917 г. положил конец капиталистическому периоду истории России.

Особенности социально-экономического развития, перемены в государственном и общественном устройстве (выборные земские и городские учреждения; так называемые представительные организации буржуазии; государственные думы; многочисленные общественные и профсоюзные объединения и пр.), острая политическая борьба — все это обусловило количественный рост разнообразных письменных источников, появление некоторых новых видов источников.

Для капиталистического периода характерны такие, в значительной мере новые, очень крупные группы источников, как: 1) документация политических организаций и партий и тесно связанные с ними материалы политических процессов; 2) богатейшая периодическая печать, центральная и местная; журналы и газеты разного общественно-политического направления, органы легальной, официально дозволенной прессы и издания вольной прессы, выходящей нелегально в глубоком подполье или же вне пределов Российской империи; 3) статистические материалы — собиранис, обработка, публикация различных статистических показателей получили широкое распространение — данные статистики официально-правительственной, земской и общественной в 1861—1917 гг., подвергнутые взаимному сопоставлению и критической проверке, позволяют представить многие стороны истории капиталистической России.

Существенно изменяются в своем содержании и формах, количественно вырастают и такие группы источников, как материалы законодательства; делопроизводственная документация; источники личного происхождения — воспоминания, дневники и личная переписка.

В предреволюционной России существовал сложный бюрократический аппарат. В результате деятельности органов государственного управления в архивах отложился огромный комплекс документов официального делопроизводства. Государственный аппарат царской России как средство насилия и угнетения оставил множество документальных источников, свидетельствующих о борьбе царизма с революционным, общественным и массовым движением. Обострение международных противоречий в условиях империализма усложнило внешнеполитическую деятельность государства и сопровождалось созданием крупного комплекса источников по внешней политике России.

Источники и материалы политических организаций и партий капиталистического периода относятся к двум этапам развития революционного движения в нашей стране — разночинно-демократическому (от начала 60-х годов и примерно до середины 90-х годов XIX в.) и рабочему, пролетарскому (примерно с середины 90-х годов XIX в.). Тесно примыкают к этой группе источников материалы политических процессов.

Заметно изменился социальный аспект источников личного происхождения — мемуаристика и личная переписка в значительной степени утратили свой преимущественно дворянский характер.

Воспоминания и переписка писателей и общественных деятелей, выдающихся и рядовых участников революционного движения стали занимать видное место в источниках личного происхождения. В русской мемуаристике заметно выделяются воспоминания купцов, мещан, рабочих, крестьян, солдат. Публикация мемуаров, дневников, писем приобрела небывалый размах.

Главным группам источников и документов, наиболее характерным для исторического процесса 1861—1917 гг., посвящены главы третьей части.

Понятно, что эти группы не охватывают все письменные источники, отложившиеся в процессе истории капиталистической формации в России. Вне специального рассмотрения оставлены источники, созданные в процессе научного и художественного творчества (ученые, художественно-литературные, фольклорные произведения); источники, относящиеся к истории церкви и религиозных организаций всех культов. Источники по внешней политике, дипломатическая документация охарактеризованы в общих чертах. Сообщены важнейшие краткие сведения о графических источниках, имеющихся в периодической печати. Следует заметить, что источниковедческое изучение указанных групп материалов является в значительной степени делом будущего.

Последнее, на что необходимо обратить внимание: в капиталистический период истории России в отечественной исторической науке начала формироваться такая важная отрасль, как историческое источниковедение. Труды К. Н. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского, Н. П. Лихачева, А. С. Лаппо-Данилевского и других ученых второй половины XIX — начала XX в. имели важное значение в становлении источниковедения.

МАТЕРИАЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 1. Основные законодательные источники;
их типы и публикации

Законодательный документ, прежде чем стать актом, определяющим законодательные нормы, проходит несколько стадий формирования: почина (или законодательной инициативы), разработки законопроекта и его обсуждения, утверждения, или санкции, и обнародования. Материалы, отложившиеся на этих стадиях, можно разделить на две основные группы: юридически оформленные акты (т. е. собственно законодательные акты) и материалы, связанные с их разработкой и применением.

Вопрос о классификации законодательных актов сопряжен с определенными трудностями, так как для многих их видов долго не существовало какого-либо четкого определения.

В законодательстве России периода капитализма имелись такие наименования законодательных актов: законы, манифесты, положения, указы, рескрипты, правила, инструкции, разъяснения. Казалось бы, что каждому из этих актов должна была бы соответствовать специфическая форма, определяемая содержанием и назначением документа. Однако вследствие неразработанности четких понятий наименования законодательных актов часто не совпадали с тем значением, которое им придавалось правительством. Это особенно относится к закону. До революции 1905—1907 гг. не только в периодической печати, но и в официальной правительственной документации законами нередко назывались указы, положения и даже временные правила.

Следует различать понятие закона как общей правовой категории и понятие закона как одной из форм законодательных актов.

В марксистско-ленинской науке под законом как общей правовой категорией понимается закрепленная государственной властью воля господствующего класса. В. И. Ленин писал: «А что такое закон? Выражение воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть»¹. Следовательно, в общеправовом значении всякий законодательный акт, поскольку в нем выражена воля господствующего класса, является законом.

Значение закона как одной из форм законодательных актов, естественно, уже. Определение его понятия в этом смысле, как и выработка оснований для разграничения законодательных актов вообще зависит от характера власти.

Неразграниченность законодательных актов отвечала духу самодержавного строя, при котором, как гласила официальная

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 306.

доктрина, «всякое повеление государя есть закон». Поэтому и официальная наука, и правительственная практика долгое время ограничивались установлением некоторых формальных отличий закона от других законодательных актов. Лишь во время революции 1905—1907 гг. в определение понятия закона были внесены юридические основания.

Первым актом в этом направлении был манифест «Об усовершенствовании государственного устройства», объявленный 17 октября 1905 г. В нем одновременно с обещанием гражданских свобод самодержавие было вынуждено заявить о расширении избирательных прав в Государственную думу и признать ее законодательным органом. В манифесте сказано: «Установить как неизбывным, правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы...»

Следовательно, юридическим основанием понятия закона должно было служить одобрение законодательного акта Государственной думы.

Вторым актом, содержащим юридические основания понятия закона, явился манифест 20 февраля 1906 г. «Об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы». К этому времени декабрьское вооруженное восстание было подавлено. Самодержавие поспешило закрепить свою победу законодательным путем. Поэтому в манифесте 20 февраля говорится об общем правиле, по которому ни один закон не мог иметь силы без утверждения царя и одобрения Государственного совета и Государственной думы.

Эти положения нашли окончательное выражение в «Своде Основных государственных законов», опубликованном 23 апреля 1906 г. Статья 86 «Свода» формулировала их так: «Никакой закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора». Статья 87 «Свода» вносила такие дополнения: если «чрезвычайные обстоятельства вызовут», то в период между созывами думы законодательные акты, представленные на утверждение царю непосредственно, получали силу закона, впредь до одобрения их Государственной думой.

Приведенные акты отразили определенную зависимость изменений в царском законодательстве от тех сдвигов в расстановке классовых сил, которые происходили на разных этапах революции. Вместе с тем они свидетельствуют об исторической обусловленности понятия закона. Все это необходимо учитывать при изучении законодательных актов.

Законов, проведенных в соответствии с 86 статьей «Свода» немного. Почти все они относятся к периоду III и IV Дум. По своему значению они делятся на две группы: одни (их большая часть) напоминают распоряжения по мелким вопросам административного управления; другие затрагивают такие социальные проблемы, как аграрный и рабочий вопросы. В качестве примера актов первой группы можно привести закон «Об отпуске из государственного

казначейства дополнительных средств на освещение дома военного министерства». Такое законодательство современники называли «законодательной вермишелью». Из второй группы следует выделить закон 14 июня 1910 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении».

Статья 84 «Свода учреждений Государственного совета» 1832 года в качестве первой формы, в которую должны быть облечены законодательные акты, назвала манифест.

По содержанию манифесты можно разделить на две группы: манифесты о восшествии на престол, в которых иногда провозглашалась программа царствования, и манифесты с обращением к народу в связи с какими-то крупными политическими событиями. В манифестах обычно содержались новые законодательные нормы или возвещалось об их опубликовании в ближайшем будущем. Например, манифест 19 февраля 1861 г. провозглашал отмену крепостного права, а также извещал об опубликовании положений, определявших ее условия. В периоды обострений классовой борьбы самодержавие использовало форму манифестов для широковещательных обещаний о реформах. Так, 23 февраля 1903 г. царь опубликовал манифест с обещанием пересмотреть законодательство относительно вероисповедания, «сельского состояния» и участия в пересмотре этого законодательства лиц, «пользующихся доверием общества», а также облегчения выхода крестьян из общины. Конкретных мер в манифесте не называлось. Опубликован он был для того, чтобы успокоить «общественное мнение» и привлечь на свою сторону либеральные элементы. Однако сам факт обращения правительства к «общественному мнению» весьма знаменателен: он свидетельствовал о колебаниях царизма, о признании им того факта, что борьба с революцией при помощи одних репрессий не имела успеха.

О глубоко кризисе царизма свидетельствовало появление манифеста 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» и особенно манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», введших новые законодательные нормы относительно управления государством.

В период революции самодержавие не скупилось на манифесты. 22 октября 1905 г. был опубликован манифест, которым приостанавливалось действие чрезвычайного законодательства 1899—1903 гг., нарушившего все основные законы в отношении Финляндии. 3 ноября 1905 г. обнародован манифест «Об улучшении благосостояния и обеспечении положения крестьянского населения» которым самодержавие пыталось внушить крестьянам иллюзию о возможности «прочного улучшения» их благосостояния мирным и законным путем.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что форма манифеста использовалась тогда, когда самодержавие вынуждено было обращаться к народу или с обещаниями реформ, или с их провозглашением, с призывами к поддержке своей политики и даже с объяснениями своих действий. В манифестах наглядно про-

явились колебания царизма в выборе средств борьбы за сохранение своего господства в условиях революционного кризиса.

Распространенной формой законодательного акта было положение. Положение — это совокупность правил, определявших устройство, права и обязанности государственных учреждений, учебных заведений, научных и иных обществ, а также права и обязанности должностных лиц, устройство быта отдельных сословий и групп населения. Обычно это было положение Государственного совета или какого-либо другого органа власти, утвержденное царем. Например, основной формой законодательного акта, оформившего крестьянскую реформу 1861 г., было «Высочайше утвержденное Положение Главного Комитета об устройстве сельского хозяйства».

В качестве примера положения как совокупности правил об управлении можно привести часто издававшиеся во второй половине XIX и начале XX в. положения об усиленной и чрезвычайной охране, об управлении каким-либо краем («Об управлении Туркестанским краем» и т. п.). Устройство различных учреждений определялось такими особыми положениями, как: «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» (1864), «Положение о земских учреждениях» (1890), «Положение об учреждении Государственной думы» (6 августа 1905 г.), «Положение о выборах в Государственную думу» (1906).

Статья 84 «Свода учреждений Государственного Совета» устанавливала, что «прочие дела, т. е. кроме тех, которые имели форму манифестов, могли оформляться как «Высочайше утвержденные мнения Государственного совета». Именно таким был законодательный акт 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах», а 11 июня 1885 г. издано высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О дальнейшем издании Полного собрания законов Российской империи».

Среди законодательных актов значительное место занимали указы. Прежде всего это царские указы — «Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату». Кроме того, издавались сенатские указы. Они касались применения царских распоряжений в области государственного управления и законодательства.

Указы можно разделить на две группы: указы, в которых содержались новые правовые нормы (нормативные указы), и указы, распространявшие ранее введенные правовые нормы на новые регионы или сословия (ненормативные указы). Примером нормативного указа может служить указ 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Из ненормативных можно назвать указ 14 марта 1911 г. «Об учреждении земств в шести западных губерниях Российской империи». Этим указом «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г. с некоторыми ограничениями было распространено

казначейства дополнительных средств на освещение дома военного министерства». Такое законодательство современники называли «законодательной вермишелью». Из второй группы следует выделить закон 14 июня 1910 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении».

Статья 84 «Свода учреждений Государственного совета» 1832 года в качестве первой формы, в которую должны быть облечены законодательные акты, назвала манифест.

По содержанию манифесты можно разделить на две группы: манифесты о восшествии на престол, в которых иногда провозглашалась программа царствования, и манифесты с обращением к народу в связи с какими-то крупными политическими событиями. В манифестах обычно содержались новые законодательные нормы или возвещалось об их опубликовании в ближайшем будущем. Например, манифест 19 февраля 1861 г. провозглашал отмену крепостного права, а также извещал об опубликовании положений, определявших ее условия. В периоды обострений классовой борьбы самодержавие использовало форму манифестов для широковещательных обещаний о реформах. Так, 23 февраля 1903 г. царь опубликовал манифест с обещанием пересмотреть законодательство относительно вероисповедания, «сельского состояния» и участия в пересмотре этого законодательства лиц, «пользующихся доверием общества», а также облегчения выхода крестьян из общины. Конкретных мер в манифесте не называлось. Опубликован он был для того, чтобы успокоить «общественное мнение» и привлечь на свою сторону либеральные элементы. Однако сам факт обращения правительства к «общественному мнению» весьма знаменателен: он свидетельствовал о колебаниях царизма, о признании им того факта, что борьба с революцией при помощи одних репрессий не имела успеха.

О глубокоом кризисе царизма свидетельствовало появление манифеста 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» и особенно манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», введивших новые законодательные нормы относительно управления государством.

В период революции самодержавие не скупилось на манифесты. 22 октября 1905 г. был опубликован манифест, которым приостанавливалось действие чрезвычайного законодательства 1899—1903 гг., нарушившего все основные законы в отношении Финляндии. 3 ноября 1905 г. обнародован манифест «Об улучшении благосостояния и обеспечении положения крестьянского населения» которым самодержавие пыталось внушить крестьянам иллюзию возможности «прочного улучшения» их благосостояния мирным и законным путем.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что форма манифеста использовалась тогда, когда самодержавие вынуждено было обращаться к народу или с обещаниями реформ, или с их провозглашением, с призывами к поддержке своей политики и даже с объяснениями своих действий. В манифестах наглядно про-

явились колебания царизма в выборе средств борьбы за сохранение своего господства в условиях революционного кризиса.

Распространенной формой законодательного акта было положение. Положение — это совокупность правил, определявших устройство, права и обязанности государственных учреждений, учебных заведений, научных и иных обществ, а также права и обязанности должностных лиц, устройство быта отдельных сословий и групп населения. Обычно это было положение Государственного совета или какого-либо другого органа власти, утвержденное царем. Например, основной формой законодательного акта, оформившего крестьянскую реформу 1861 г., было «Высочайше утвержденное Положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния».

В качестве примера положения как совокупности правил об управлении можно привести часто издававшиеся во второй половине XIX и начале XX в. положения об усиленной и чрезвычайной охране, об управлении каким-либо краем («Об управлении Туркестанским краем» и т. п.). Устройство различных учреждений определялось такими особыми положениями, как: «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» (1864), «Положение о земских учреждениях» (1890), «Положение об учреждении Государственной думы» (6 августа 1905 г.), «Положение о выборах в Государственную думу» (1906).

Статья 84 «Свода учреждений Государственного Совета» устанавливала, что «прочие дела», т. е. кроме тех, которые имели форму манифестов, могли оформляться как «Высочайше утвержденные мнения Государственного совета». Именно таким был законодательный акт 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах», а 11 июня 1885 г. издано высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О дальнейшем издании Полного собрания законов Российской империи».

Среди законодательных актов значительное место занимали указы. Прежде всего это царские указы — «Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату». Кроме того, издавались сенатские указы. Они касались применения царских распоряжений в области государственного управления и законодательства.

Указы можно разделить на две группы: указы, в которых содержались новые правовые нормы (нормативные указы), и указы, распространявшие ранее введенные правовые нормы на новые регионы или сословия (ненормативные указы). Примером нормативного указа может служить указ 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Из ненормативных можно назвать указ 14 марта 1911 г. «Об учреждении земств в шести западных губерниях Российской империи». Этим указом «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г. с некоторыми ограничениями было распространено

на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии.

Большая часть наиболее распространенных законодательных актов была напечатана в специальных публикациях и в периодической печати. Секретное законодательство обнародованию не подлежало, его следует искать в советских публикациях, или в соответствующих архивных фондах.

Основные правительственные публикации и законодательных источников — «Полное собрание законов Российской империи», «Собрание узаконений и распоряжений правительства» и «Свод законов Российской империи».

«Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ) состоит из трех изданий. Первое издание относится к истории периода феодализма (в него вошли законодательные акты с 1649 по 1825 г.). Второе публиковалось с 1825 по 1881 г. (оно состоит из 54 томов). В него включалось текущее законодательство этого периода. Третье издание публиковалось с 1881 по 1917 г. В него вошли законодательные акты с 1881 по 1913 г. Оно состоит из 16 томов, вышедших в 18 книгах.

Порядок расположения документов во всех трех изданиях хронологический. Исключение делалось лишь для таких документов, как штаты учреждений, таблицы, планы городов, таможенные тарифы, гербы, чертежи, рисунки и другие дополнения к текстам законодательных актов. Все они в третьем издании публиковались в приложениях к соответствующим томам. В первом и втором изданиях эти документы составили последние тома. До 1885 г. не существовало точного критерия отбора законодательных актов, для публикации в ПСЗ. В 1885 г. специальным актом «О дальнейшем издании «Полного собрания законов Российской империи»¹ было установлено предварительное обнародование законодательных актов в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» или отдельными листками.

Не все из обнародованных актов включались в ПСЗ. Не подлежали публикации такие важные законодательные акты, как уставы акционерных компаний, городских, земских и частных кредитных учреждений. Делались исключения только для особо важных из них и то с высочайшего разрешения. С третьего издания в ПСЗ не включались постановления, изданные министрами и главноуправляющими департаментов, сенатские указы, за исключением тех, которые подлежали публикации в Своде законов². Такие изъятия обедняли третье издание, но делали его более однородным. По узаконению 1885 г. размещение законодательных актов должно было точно соответствовать времени их утверждения. Каждый публиковавшийся в ПСЗ документ получал порядковый номер, а в примечании делалась ссылка на номер «Собрания узаконений и распо-

¹ См.: ПСЗ, изд. 3, т. V, 1885, № 3050. СПб., 1887.

² См. там же.

ряжений», в котором он был обнаружен. Узаконением 1885 г. подтверждалась практика публикации в ПСЗ вместе с законодательными актами и послуживших для них основанием так называемых соображений в виде всеподданнейших докладов, мнений Государственного совета и других документов. Такой способ публикации, применявшийся в третьем издании, удобен для изучения происхождения текста законодательного акта. Конечно, во многих случаях необходимо обращение и к неопубликованным документам подобного характера.

ПСЗ содержит материалы по истории нашей страны за 264 года (с 1649 по 1913 г.). Особенно важна эта публикация для изучения внутренней и внешней политики России. Много ценного содержит это издание и для изучения истории классовой борьбы, опосредованным путем отраженной в законодательных актах. При всей высокой оценке «Полного собрания законов Российской империи» не следует забывать и о его серьезных недостатках:

1. Неоднородность изданий как следствие различного подхода к отбору актов для публикации в первом, втором и третьем изданиях.

2. В ПСЗ проявилась определенная тенденциозность, вследствие чего не только по соображениям секретности, но и по другим причинам большое количество законодательных документов в издание не вошло.

3. Наконец, в ПСЗ имеется много неточностей и даже грубых ошибок в передаче текстов.

Все это требует от исследователя привлекать другие публикации и архивные документы, чтобы в каждом случае путем сопоставления устанавливать пропуски, ошибки и неточности¹.

«Собрание узаконений и распоряжений правительства» издавалось с 1862 г. при Правительствующем Сенате. Издание было периодическим, выходило небольшими сборниками сначала 2 раза в неделю, затем — еженедельно, иногда по 2—3 номера в день.

В «Собрание узаконений...» включались все акты, подлежавшие опубликованию. Общее количество документов в этом издании составляет около 200 тыс. Большая часть их касается незначительных вопросов, некоторые вообще не содержали законодательных норм и имели лишь информационное значение. Оценивая «Собрание узаконений и распоряжений правительства» как исторический источник, В. И. Ленин отмечал, что оно периодически вещало «о каждом мероприятии правительства»². В этом главная ценность издания: оно показывает «правительство в его будничном

¹ Детальнее о содержании и археографических особенностях ПСЗ см.: Н. Н. Корев. Собрание сведений об изданиях Свода законов и продолжений к нему, Полного собрания законов, Сводов военных и морских постановлений, а также об издании местных законов. СПб., 1917.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 423.

виде»¹, позволяет проследить характер его повседневной деятельности.

Документы в «Собрании узаконений...» располагались не в порядке утверждения, а по мере их поступления в Правительствующий Сенат. В соответствии с этим осуществлялась нумерация опубликованных актов (поэтому ранее утвержденный акт имел иногда больший номер, чем утвержденный позже). Работая с «Собранием», следует пользоваться хронологическими и алфавитными указателями, составлявшимися за каждое полугодие.

«Свод законов Российской империи» — свод действовавшего законодательства. Источником для него служило ПСЗ, а затем «Собрание узаконений». «Свод законов» — издание систематическое (или предметно-тематическое). Каждый его том содержит свод законодательства, посвященного определенному предмету, например: «Уставы о повинностях» (том IV) или «Законы гражданские и межевые» (том X).

Такая группировка законодательных актов делает данное издание удобным при изучении законодательства по отдельным вопросам. Следует учитывать, что при сведении законодательных актов в статьи значительная часть текстов аналогичных по содержанию законодательных актов отбрасывалась, а сам текст, как правило, передавался в пересказе. Следовательно, при изучении «Свода законов» сверка его с подлинниками законодательных актов еще более необходима, чем при использовании ПСЗ и других публикаций материалов законодательства.

Впервые «Свод законов» был опубликован в 1832 г. В январском манифесте 1833 г. было объявлено об окончании Свода и вступлении его в силу с 1835 г. В том же манифесте указывалось, что новое текущее законодательство будет составлять продолжение Свода, а через каждые 10 лет он будет полностью переиздаваться вместе с продолжениями. Однако «Свод законов» переиздавался только два раза — в 1832 и 1857 гг. (отдельные тома переиздавались и в другие годы). При переизданиях исключалось переставшее действовать законодательство, Свод дополнялся новыми статьями, старые статьи уточнялись, иногда подвергались существенной переработке, как, например, в издании «Основных государственных законов» в 1906 г.

Кроме общеимператорского «Свода законов» издавались ведомственные своды законодательных документов: «Свод военных постановлений», «Свод морских постановлений», «Свод удельных постановлений», а также своды по отдельным регионам².

При использовании публикаций законодательных актов следует иметь в виду, что каждая из них осуществлялась в соответствии с определенной политической концепцией. Примером этого может служить сборник «Законодательные акты переходного времени», опубликованный буржуазно-либеральным издательством «Право»

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 424.

² Сведения о них см. в названной выше книге Н. Н. Корего.

под редакцией Н. И. Лазаревского. В него вошли законодательные акты периода первой русской революции¹. Буржуазно-либеральная тенденция проявилась в самом названии сборника — «Законодательные акты переходного времени», переходного, согласно буржуазно-либеральной концепции, от неограниченной монархии к конституционной. В соответствии с этим в сборник отбирались акты, которые, по мнению редактора, «имели отношение к преобразованию государственного строя России»².

§ 2. Документация по разработке и применению законодательных источников

Понятно, что во всем содержании законодательных актов, как и в их форме, языке, стилистике, сказывалось стремление самодержавия скрыть истинные цели своей политики. Расхождение между мнимыми целями и действительным содержанием — характерная черта царского законодательства. Не только во время подъемов революционного движения, но и в годы реакции самодержавие пыталось придать законодательным актам видимость заботы об интересах народа, о благе всех подданных.

Чтобы выявить действительные цели царского законодательства, исследователю приходится обращаться к материалам первых (подготовительных) стадий процесса создания законодательного акта, т. е. к материалам стадии почина и стадии разработки законопроектов. Некоторые из этих материалов публиковались во время их появления в специальных изданиях и в периодической печати. Часть материалов, главным образом секретных совещаний, была опубликована в советское время. Огромное количество документации, связанной с происхождением законодательных актов, хранится в архивных фондах.

Выявление и использование этой документации невозможно без знания истории государственных учреждений царской России³. Это прежде всего высшие государственные учреждения — Государственный совет, Правительствующий Сенат, Комитет министров, Совет министров, Государственная дума.

Много материалов обсуждения законодательных предположений и законопроектов отложилось в архивах центральных учреждений — министерств и ведомств, а также местных учреждений государственной власти — губернских правлений, канцелярий губернаторов, генерал-губернаторов и т. п. Эти материалы огромны

¹ Сборник имел три издания. Законодательные акты, включенные в каждое из них, охватывают период: в первом издании — с 12 декабря 1904 г. по 1906 г., во втором издании — с 12 декабря 1904 г. по 1907 г., в третьем издании — с 12 декабря 1904 г. по 1 сентября 1908 г.

² «Законодательные акты переходного времени», изд. 3. СПб., 1909, предисловие.

³ См.: П. Н. Ершкин. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

по объему и весьма разнообразны по форме, происхождению и содержанию.

Для первой стадии — стадии почина — характерны документы с законодательными предположениями. Форма их была различной. Но в какую бы форму ни были облечены эти документы, их содержание тесно связано с происхождением. Следовательно, в одной и той же форме могли быть выражены законодательные предположения не только по различным предметам, но и отражавшие интересы различных слоев общества. Поэтому обязательным условием правильной оценки данного законодательного предположения является выяснение его происхождения, причем не только в смысле учета особенностей исторической обстановки, но и общественной среды, в которой оно возникло.

Законодательные предположения поступали в высшие инстанции от местной администрации — губернаторов, председателей различных комитетов и комиссий, учрежденных на местах по распоряжению высшей власти. Они интересны не только характеристикой положений отдельных районов страны. Взятые в совокупности, они дают представление о борьбе внутри господствовавшего класса. Однако законодательные предположения в таких документах в большей степени ограничены официальными рамками: почти всегда эти документы возникали в ответ на объявленную правительством программу. Примером могут служить «Записки» председателей губернских комитетов «Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». Как известно, рескрипт Александра II об учреждении этих комитетов содержал официальную программу, из которой должны были исходить местные органы в своих законодательных предположениях об условиях отмены крепостного права.

Кроме официальных документов с законодательными предположениями появлялись всевозможные материалы неофициального происхождения. Иногда они проникали в подцензурную печать, чаще публиковались за границей или распространялись в списках. Несмотря на запреты эта общественная «законодательная инициатива» росла. Она особенно активно проявлялась в периоды подъема революционного движения.

Стремясь подчинить общественную инициативу своему влиянию, правительство указом 18 февраля 1905 г. возложило рассмотрение и обсуждение «Предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» на находившийся тогда под председательством царя Совет министров. Издавая указ, самодержавие хотело ограничить активность населения, возбужденную событиями 9 января. Но вопреки целям правительства, указ послужил своеобразным толчком к развертыванию массовой кампании по составлению законодательных предположений, большинство которых выходило за рамки, определенные указом 12 декабря 1904 г. и рескриптом на имя А. Г. Булыгина. В адрес Совета министров хлынул поток всякого рода предположений.

В период, предшествовавший созыву Думы, законодательные предположения масс выражались в «Наказах» избирателей своим депутатам. Особенно много «Наказов» было выдвинуто крестьянскими обществами. Когда Дума начала действовать, своеобразной формой выражения законодательных предположений стали «Запросы». Обращаться к правительству с запросами имели право группы депутатов численностью не менее 30 человек. Со II Думы, когда внутри этого учреждения оформились партийные фракции, «Запросы» возникали по их инициативе. Поэтому в каждом «Запросе» отразились программные и тактические установки партии, фракция которой его выдвинула. Например, социал-демократическая фракция в III Думе, выдвинув ряд запросов, отстаивавших классовые интересы пролетариата, «активно участвовала, — как свидетельствует ее отчет, — во всех запросах, направленных на защиту интересов народа». Законодательные предположения, содержащиеся в «Запросах», в подавляющем большинстве были «похоронены» в стенах Думы. Тем не менее их значение как исторического источника велико. Их содержание, обстановка, в которой происходила защита того или иного запроса, ярко отразили борьбу, в условиях которой складывалось законодательство.

Вторая стадия формирования законодательного акта начиналась с выработки законопроекта. Иногда эта процедура продолжалась годами. Прошло более 15 лет со времени появления первых законопроектов об ограничении рабочего дня на фабриках и заводах до издания закона 1897 г. Не один десяток лет насчитывает история разработки проектов законодательства об ответственности предпринимателей за увечье рабочих на производстве. Многие годы длилась разработка столыпинского законодательства по крестьянскому вопросу. Указу 9 ноября 1906 г. предшествовал ряд законопроектов. Вокруг проектов развертывалась острая борьба внутри господствующего лагеря. И, наверное, прошло бы еще очень много времени до окончательного оформления законодательного акта, если бы не рост крестьянских восстаний, заставивший правительство поторопиться с изданием указа.

Все это показывает, что не только окончательный законопроект, но и различные варианты, возникавшие в ходе его разработки, представляют собой важный источник для изучения происхождения законодательного акта. Сопоставление текстов различных проектов по одному и тому же вопросу дает наглядное представление о причине его появления, влиянии политической обстановки на его содержание.

Различные варианты законопроекта помогают проследить и ход обсуждения подготавливаемого законодательного акта. Но более ценными являются материалы первоначального обсуждения законопроекта или вопроса, связанного с ним, в заседании того или иного учреждения. Эти материалы откладывались в виде делопроизводственной документации в фондах соответствующих учреждений.

В конце XIX в. стенографирование заседаний стало распространенным явлением. Стенограммы, стенографические отчеты более точно фиксировали все выступления и реплики, хотя в них подчас проявлялся субъективизм стенографа, а иногда их текст намеренно искажали редакторы. Примером стенографически оформленных протоколов являются «Стенографические отчеты Государственной думы». Они своевременно публиковались и легко доступны исследователю. Этим источником часто пользовался В. И. Ленин. Он писал: «Стенографические отчеты Государственной думы — даже III Думы — представляют из себя замечательно интересный и поучительный политический материал»¹.

Помимо официальной делопроизводственной документации, первые две стадии формирования законодательных актов отразились в ведомственной и частной переписке, исторических справках о законодательстве по тому или иному вопросу и других материалах, имеющих отношение к разрабатываемому проекту закона. Кроме того, следует использовать материалы периодической печати, мемуарную литературу, особенно дневники и воспоминания лиц, участвовавших в разработке законопроекта.

Борьба классов и партий оказывала то или иное влияние на судьбу законопроекта и после того, когда подготовка его в соответствующих учреждениях заканчивалась. Поэтому при изучении сущности законодательства большое значение имеют документы, связанные с утверждением и публикацией законодательных актов. Они позволяют полнее представить отношение верховной власти к подготовленному проекту, помогают выяснить, какие силы оказывали решающее воздействие на ее волеизъявление на заключительном этапе. Можно сослаться на такой пример. В конце 1882 г. в Государственный совет был внесен проект нового университетского устава. В Совете проект встретил значительную оппозицию. И хотя в процессе обсуждения защитникам проекта нового устава удалось добиться согласия большинства членов Государственного совета, это не означало их полной победы. Ее нужно было закрепить утверждением царя. Но и на этом этапе дело без борьбы не обошлось. Александр III вынужден был перед тем, как утвердить устав, обсуждать этот вопрос в особом совещании, созванном им из представителей различных мнений.

Иногда в подготовленный проект при его утверждении вносились более или менее значительные поправки. Следы их можно встретить на экземплярах, представленных на утверждение. Они легко прослеживаются при сравнении текстов законопроекта и утвержденного акта.

С 1906 г. подготовительный проект закона перед утверждением его царем подлежал одобрению Государственной думы и Государственного совета. Документация, отразившая эту процедуру, помо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 104.

гает полнее представить действительную роль названных учреждений, которые в буржуазной печати нередко назывались «законодательными палатами».

Следует иметь в виду, что и утвержденные законодательные акты не всегда подлежали обнародованию, а многие и после обнародования долго не вступали в силу или имели ограниченное действие. Так, например, закон о штрафах, взимаемых с рабочих, опубликованный 3 июня 1886 г., был введен в действие с 1 октября 1886 г. всего лишь в трех губерниях. Только через 5 лет он был распространен еще на две губернии, а еще через три года — на 13 других губерний. Закон этот имел ограниченное действие и в том отношении, что распространялся почти исключительно на крупные предприятия.

Подобного рода «расхождений» между провозглашенными законодательными нормами и фактическим их действием множество. Поэтому нужно учитывать и такие виды документов, как правила и инструкции о применении этих норм. Они дают много материала о действительном характере законодательства. Поясним это на примере закона о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах. Он был опубликован 2 июня 1897 г. Через четыре месяца, т. е. еще до введения закона в действие, появились «Правила», а затем и «Инструкция чинам фабричной инспекции» о применении закона, разработанные Министерством финансов. Под видом разъяснения в них указывались «лазейки», используя которые предприниматели могли (на «законном основании») нарушать нормы, установленные законом. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Императорское правительство очень любит писать хорошие слова в законах, а затем позволять обходить эти законы, заменяя их *инструкциями*»¹.

§ 3. Приемы и методы анализа законодательных источников

Обязательным условием научного подхода к изучению источников является их совокупное использование. Это общее правило приобретает особое значение при изучении материалов законодательства, так как в их состав входят документы различные по форме, происхождению и содержанию. В структуре источника все они находятся во взаимосвязи и взаимозависимости. Поэтому только совокупное изучение документов, отразивших стадии процесса формирования законодательного акта, позволит с достаточной полнотой вскрыть причины его появления, классовый характер,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 302.

определить место и значение данного акта в системе законодательства в целом или по отдельному периоду и отдельному вопросу.

Из других методов, применяемых при изучении материалов законодательства, особо следует обратить внимание на метод грамматического толкования законодательного документа и изучения литературно-юридических форм его изложения¹, статистический метод и метод сравнительного анализа.

Чтобы правильно прочесть законодательный акт, необходимо учесть временное и юридическое значение слов, а также знать специфику примененных в тексте понятий. Например, сравнение толкования понятий «преступник», «правонарушитель», «преступное деяние» в царском законодательстве с толкованием аналогичных слов в советском праве дает представление о классовой направленности дореволюционного законодательства в целом.

Литературно-юридические формы изложения законодательного акта также имели свои особенности. Знание их облегчает выяснение сущности политики самодержавия. Блестящий образец анализа литературно-юридических форм изложения царских законодательных актов содержится в произведениях В. И. Ленина, особенно в его статьях о законодательстве по рабочему вопросу. Так, в статье «Новый фабричный закон», чтобы разъяснить рабочим истинный смысл закона об ограничении рабочего дня, В. И. Ленин показал, как при помощи особых приемов формулирования отдельных статей правительство стремилось скрыть их антирабочую направленность. В частности, В. И. Ленин обратил внимание на расплывчатые, неопределенные понятия, применявшиеся в случаях, когда речь шла о правах рабочих. Например, что считать рабочим временем, или как понимать условия, при которых разрешалось применять сверхурочные работы. При помощи неопределенно сформулированных определений и добавлений словечек «и тому подобное», «и прочие» («и т. п.» и «пр.») правительство открывало «лазейки» произвольного толкования закона заводчиками и фабрикантами. «Русские законы, — писал В. И. Ленин, — можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены какие-нибудь права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрещают что-либо и позволяют чиновникам запрещать. В первых законах все, самые мелкие права рабочих *перечислены с полной точностью* (даже, напр., право рабочих не являться на работу по уважительным причинам) и *ни малейших* отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар. В таких законах никогда уже вы не встретите ни одного «и т. п.» или «и пр.». В законах второго рода *всегда* даются только общие запрещения *без всякого точного перечисления*, так что администрация может запретить *все, что ей угодно*; в этих законах всегда есть маленькие, но очень важные добавления:

¹ См.: В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период капитализма. М., 1962, стр. 344.

«и т. п.», «и пр.». Такие словечки наглядно показывают всевластие русских чиновников, полное бесправие народа перед ними...»¹.

Материалы законодательства — источник массовый. Поэтому к нему, как к любому массовому источнику, применим статистический метод, т. е. метод группировок. Преимущество статистического метода состоит в том, что, характеризуя количественную сторону явления, он помогает полнее представить присущую им закономерность, в данном случае классовую направленность царского самодержавия и его эволюцию.

Образец применения к изучению законодательства статистического метода также находим в произведениях В. И. Ленина. В этом отношении интересна чрезвычайно выразительная по четкости постановки вопросов работа В. И. Ленина «Случайные заметки»². В ней статистическому анализу подвергнута сумма законодательных актов, опубликованных в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» за период с 29 декабря 1900 г. по 12 января 1901 г. Приступая к статистическому анализу, В. И. Ленин прежде всего подчеркнул объективность метода, так как ничего не может быть «объективнее и беспристрастнее статистики законов — простого подсчета того, что само правительство постановляет»³. Кроме того, объективность подхода состояла и в том, что анализу подвергалось «будничное» законодательство, в котором не было «ничего такого, что отодвигало бы совершенно на задний план все остальное и налагало бы особую печать на данный период внутреннего управления»⁴. Затем законодательные акты были сгруппированы по их назначению, т. е. в пользу какого класса они издавались. Такая группировка вытекала из самой постановки вопроса, так как задача состояла в разоблачении классовой сущности попыток самодержавия приписать своему законодательству объективный характер.

Анализ показал, что все акты издавались в интересах эксплуататорских классов, причем большая их часть (примерно 65%) служила «непосредственному удовлетворению различных практических нужд наших капиталистов и (отчасти) охране их от рабочих возмущений»⁵. Правительство не преминуло позаботиться о собственных интересах (узаконение о расширении площади лесов для царской охоты), а вот «попечительство о народе» выразилось лишь в учреждении трех низших сельскохозяйственных школ, которые должны были готовить работников для помещичьих хозяйств.

Сравнительный анализ, широко используемый при изучении различных видов исторических источников, применим и к материалам законодательства. Анализ законодательных актов по одному и тому же вопросу, но изданных в разное время, позволяет проследить изменение политики самодержавия, направление

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 285.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 397—428.

³ Там же, стр. 423.

⁴ Там же, стр. 423—424.

⁵ Там же, стр. 424.

его эволюции в связи с изменениями исторических условий. Например, сравнение указа 9 ноября 1906 г. и закона 14 июня 1910 г. показывает, как правительство использовало временное отступление революции для усиления насильственного характера столыпинского аграрного законодательства. Значение такого анализа можно проиллюстрировать и на примере сравнения актов по времени более отдаленных друг от друга, например Основных государственных законов 1832 г. и 1906 г.

Основные государственные законы впервые были выделены из общего законодательства при составлении «Свода законов» в 1832 г. Основные законы до 1906 г. почти не подвергались каким-либо изменениям. Об утверждении нового свода Основных государственных законов было объявлено в указе 23 апреля 1906 г. В нем говорилось, что новый свод издавался «в видах укрепления основ обновляемого строя» с тем, чтобы «дополнить их положениями, точно разграничивающими область принадлежащей нам нераздельно власти государственного управления от власти законодательной»¹.

Дополнения и изменения некоторых формулировок и статей, внесенные в новое издание Основных законов, были сделаны с целью создать видимость обновленного строя. Об этом свидетельствует, в частности, глава I «О существе Верховной самодержавной власти». В Своде 1832 г. статья I начиналась словами: «Император Всероссийский есть Монарх Самодержавный и неограниченный». В Своде же 1906 г. аналогичная статья сформулирована иначе: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная самодержавная власть». Слова «монарх» и «неограниченный» здесь опущены. В Своде 1832 г. о власти верховного управления сказано всего в двух статьях (80 и 81), в Своде 1906 г. только в одной главе I этому предмету посвящено 18 статей. Формально их назначение служило «точному», как сказано в указе, разграничению власти управления и власти законодательной. На самом деле все они пронизаны стремлением охранить прерогативы самодержавия. Поэтому в них подробнейшим образом перечислены области управления, принадлежавшие исключительно власти царя: сношения с иностранными государствами, объявление войны, «верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами государства», назначение и увольнение председателей Совета министров, министров и главноуправляющих и т. д. В 30-е годы XIX в. самодержавие не нуждалось в подробном раскрытии положения основных законов о том, что «власть управления во всем ее пространстве принадлежит государю»². В 1906 г. в защиту пошатнувшейся в результате революции власти царя выдвинут целый арсенал статей нового издания Основных законов.

¹ «Законодательные акты переходного времени», стр. 372.

² «Свод законов», т. I — «Основные законы и учреждения государственные». СПб., 1832, ст. 80.

В свод 1906 г. введена новая глава — «О правах и обязанностях российских поданных». В своде 1832 г. ее нет. Глава эта также знаменательна тем, что в ней довольно рельефно отражены противоречия эпохи первой революции. Анализ ее может быть предметом специального рассмотрения. Отметим лишь одну характерную особенность ее редакции — усиленное подчеркивание роли закона, на котором якобы основывается каждая статья главы. Дело в том, что большинство статей (их в главе 15) формально вешало о правах «поданных», в том числе даже о правах устраивать собрания, «высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами», образовывать общества и союзы. Но все это «в пределах, установленных законом»¹. Постоянной ссылкой на законы преследовалась цель создать впечатление законности запретных и ограничительных действий правительства.

Из других дополнений и изменений, внесенных в свод 1906 г., следует указать еще на две главы, которых в издании 1832 г. нет. Это глава «О Государственном совете и Государственной думе и образе их действия» и глава «О Совете министров, министрах и главноуправляющих отдельными частями». В своде законов 1832 г. «Учреждения государственные» составляют особую часть первого тома, непосредственно не связанную с Основными законами. Внесение названных глав в свод Основных законов 1906 г. преследовало цель придать большую устойчивость и силу законоположениям о государственных учреждениях, подчеркнуть их подчиненность верховной власти.

Конечно, речь идет здесь прежде всего о Государственной думе. Самодержавие стремилось обезвредить думу, превратить ее в послушное орудие своей политики. Государственной думе здесь отводится даже меньше прав, чем Государственному совету — учреждению вполне бюрократическому. Кроме того, Дума, как и всякое подчиненное самодержавию учреждение, могла быть распущена царским указом до истечения срока ее полномочий. Что касается ее прав, то, как и Государственный совет, она не имела их в отношении пересмотра основных государственных законов, ряда вопросов, касавшихся государственной росписи доходов и расходов, государственных займов, мобилизации в армию и др. Таким образом была достигнута цель, которую на секретном по пересмотру Основных законов совещании в апреле 1906 г. (Царскосельское совещание) председатель Совета министров С. Ю. Витте выразил следующим образом: «Убрать» в Основные законы все, что никак нельзя давать Думе: «Бюджет, займы, армию, внешнюю политику. Что же касается самих Основных законов, то они могут пересматриваться только по почину царя»².

¹ «Законодательные акты переходного времени», стр. 632—633.

² Журнал «Былое», 1917, кн. 4, стр. 189—190.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

Делопроизводственная документация — очень большая группа разнообразных источников. С ними приходится иметь дело при занятиях любой исторической тематикой. Число сохранившихся делопроизводственных бумаг чрезвычайно велико. Под делопроизводством в источниковедении «понимается система документирования и документации в учреждениях, организациях и предприятиях, обязательная и необходимая в силу закона или потребности их деятельности»¹.

Делопроизводственная документация периода капитализма делится на три основные группы: документация государственных учреждений; документация банков, частных предприятий и объединений; документы политических организаций и партий.

Внешне документы второй половины XIX — начала XX в. несколько отличаются от предшествующего времени. Основным материалом, на котором составляются документы, остается бумага. Развитие бумажного производства, появление новых бумагоделательных машин привело к увеличению разновидностей бумаги: газетная, типографская, литографическая, документная, писчая, конторская, почтовая. Употребление разных видов бумаги зависело от назначения документа, а также от положения учреждения в системе государственных органов.

По-прежнему преобладали рукописные документы. Но постепенно все больший удельный вес занимают документы, воспроизведенные механическим способом. Наряду с типографскими, появляются документы, отпечатанные на множительных аппаратах: гектографе, мимеографе, стеклографе. В конце XIX в. появляется машинопись (бумаги, отпечатанные на пишущей машинке, появились в России только после 1898 гг.)².

Наиболее значительным было количество документов, отпечатанных в типографиях и на пишущих машинках. Большое распространение в делопроизводстве получают различные типографские бланки. Бланк — это лист бумаги со штампом учреждения, нередко даже с определенным текстом, в который надо было лишь вписать отдельные слова, фразы.

Особенностью делопроизводства изучаемого времени является строгое регламентирование документов как по их внешним признакам, так и по содержанию. Документы государственных учреждений, частнокапиталистических предприятий должны были иметь соответствующие заголовки, делопроизводственные индексы, со-

¹ К. Г. Митяев. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1957, стр. 7.

² См.: Г. М. Горфейн, Л. Е. Шепелев. Архивоведение. Л., 1971, стр. 67.

стоять из установленных разделов. Основные моменты оговаривались в законах и распоряжениях верховной власти. Кроме того, появилось много изданий по ведению делопроизводства как государственных учреждений, так и частнокапиталистических предприятий и организаций (различные руководства по письмоводству и делопроизводству, составлению деловых бумаг, порядку «административного течения бумаг», бухгалтерскому и другим формам учета).

В делопроизводственной документации можно выделить несколько групп документов, возникающих на разных стадиях работы с ними в учреждении, предприятии, организации. Такими группами являются: протокольная документация, распорядительная, плановая, переписка, отчетная, учетная, бухгалтерская, техническая. Каждая из групп объединяет определенные виды документов. Например, протокольная документация включает такие виды документов: протокол, журнал, стенограмма; переписка: письмо, «сношение», мнение, известие, рапорт, отношение. К отчетной документации относятся: доклад, докладная записка, отчет.

Особенности образования тех или иных групп документации зависят прежде всего от функций, характера учреждения, предприятия или организации. Обычно цели, задачи, структура учреждения, предприятия или организации определяются в уставе, положении, программе или договоре. Строго говоря, эти виды документов не относятся к делопроизводственной документации и представляют акты или нормативные документы. Они возникают не в процессе деятельности данного учреждения, предприятия или организации, а предшествуют их созданию в инстанциях, которые создают эти учреждения, предприятия или организации. Но именно эти документы определяют характер той или иной группы делопроизводственной документации; их нужно знать.

§ 1. Документация государственных учреждений

Для изучения делопроизводственной документации государственных учреждений необходимо прежде всего ознакомиться с законодательными актами или административными распоряжениями, которые являлись основой создания и деятельности соответствующих учреждений. Такие акты (распоряжения) определяли компетенцию, структуру, штаты, организацию делопроизводства, порядок взаимоотношения с другими учреждениями, виды документации данного учреждения.

Основой деятельности высших и центральных органов власти были соответствующие законодательные акты. Актами определялись все, даже самые мелкие изменения в таких органах.

Знакомство с документами, лежащими в основе деятельности учреждения, помогает определить содержание данного делопроизводственного комплекса, основные виды его документации и порядок прохождения бумаг в его системе делопроизводства.

Протоколы, журналы. Одной из основных групп делопроизводительной документации является протокольная. Наиболее распространенным ее видом в России был журнал. Журналы составлялись в Совете министров, в различных Особых, междуведомственных совещаниях, в комитетах. По существу журналы являются более или менее подробной протокольной записью заседания. В журнале указывалось, какому учреждению он принадлежит, проставлялся номер, дата заседания, присутствовавшие. Далее излагалось содержание рассматриваемого вопроса и мнения присутствующих. Однако обсуждение обычно записывалось безлично: указывалась точка зрения большинства и меньшинства или только резолюция по вопросу.

Показательны журналы многочисленных комиссий и комитетов, занимавшихся разработкой и проведением крестьянской реформы 1861 г. и связанных с ней преобразований. Например, из журналов Главного комитета об устройстве сельского состояния можно узнать только содержание обсуждавшихся документов и заключение по ним. Ход прений в журналах не отражен¹. Так же составлялись журналы Комиссии о губернских и уездных учреждениях. Они нередко завершались фразой: «После происшедших рассуждений это последнее заключение было принято большинством членов комиссий»². Помочь в восстановлении хода обсуждения могут сопутствующие журналам документы: особые мнения участников заседания, замечания на представленные к обсуждению документы, а также дневники, воспоминания, письма. К сожалению, почти совсем нет предварительных, черновых протокольных записей, которые служили основой для составления журналов. Отдельные сохранившиеся их экземпляры показывают, насколько приглашенным выходил официальный текст журнала. Рассмотрим к примеру журналы Совета министров. Комплекс этих бумаг включает документы различного содержания по основным вопросам внутренней и внешней политики России с 19 октября 1905 г. до 10 марта 1917 г.³ Журналы Совета министров составлялись по законопроектам ведомств и самого Совета, по законодательным предположениям или запросам членов Государственной думы, по донесениям, ходатайствам, запискам и проектам отдельных лиц, учреждений. В составе архивного фонда Совета министров сохранились подлинные особые и общие журналы заседаний Совета. Имеются многочисленные типографские копии этих журналов. Подлинники журналов представляют пересказ содержания обсуждавшегося документа и суммарное изложение мнений большинства и меньшинства членов Совета без указания их фамилий. В заключение дается подробное изложение принятого решения в виде соот-

¹ См.: «Журналы Главного Комитета об устройстве сельского состояния», т. I, 5 марта 1861 г. — 28 декабря 1862 г. П., 1918.

² «Материалы по земскому общественному устройству (Положение о земских учреждениях)», т. I. СПб., 1885, стр. 179.

³ См.: П. П. Дятлова, Р. Ю. Мацкина. Обзор фонда Совета министров. «Археографический ежегодник», 1958.

ветствующего законопроекта, оснований договора и т. д. Такие «глухие» протоколы не позволяют восстановить всю картину обсуждения. Сохранившиеся отдельные экземпляры предварительных текстов журналов показывают, что сначала составлялась черновая протокольная запись заседания, которая была очень краткой и велась, очевидно, на самом заседании. В этой записи фиксировались прения, но отсутствовало содержание обсуждавшегося документа и окончательный текст решения. В подобных черновых записях довольно много откровенных высказываний, но они никогда не предавались гласности и, вероятно, вскоре уничтожались. На это указывает почти их полное отсутствие. Например, 29 мая 1916 г. Совет министров обсуждал проект «Положения об Особом совещании для Объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения». В сохранившейся черновой протокольной записи этого заседания¹ оказались записанными не только мнения отдельных министров об учреждаемом совещании, но и мотивы принятия подобного решения, откровенные высказывания о демагогической тактике правительства по обману думской оппозиции. Министры И. Г. Щегловитов, Н. А. Маклаков считали принципиально неправильным создание вместо органа межведомственного органа вне ведомств, который будет главенствовать над всеми министрами. Создание такого учреждения, по их мнению, «вне всяких правил нашей государственности». Им возражали В. А. Сухомлинов, А. С. Лукомский, П. Л. Барк. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов заявил, что образование совещания — «это признание несостоятельности правительства, но такое тяжелое сотрудничество с Думою неизбежно». Большинство членов Совета министров согласилось на учреждение совещания под властью военного министра, сопроводив свое решение такими высказываниями: «Надо все сделать, чтобы Родзянко и всем членам Думы казалось, что это новое и важное дело, и чтобы они сознавали свою ответственность. Надо сказать, что «сверх прав». Будет польза политическая». Подобные высказывания, конечно, никак не отразились в окончательном тексте журнала, главное содержание которого представляет текст Положения о новом совещании.

В тех случаях, когда нет черновых протокольных записей, ход обсуждения приходится восстанавливать при помощи других документов. Во-первых, сравнение текста документа, поступившего на рассмотрение Совета министров, с принятым по нему решением. Во-вторых, привлечение переписки председателя Совета министров и управляющего делами канцелярии Совета министров с разными учреждениями и лицами, прежде всего с министрами. В-третьих, следует использовать информационные записки, составлявшиеся в департаменте полиции, где ход прений получал отражение. Кроме того, составлялись справки о высказанных суждениях в заседании в канцелярии самого Совета министров. В-четвертых,

¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 888, лл. 271—272 об.

могут помочь письма, дневники, воспоминания министров и лиц, близких к ним, в которых иногда раскрываются прения в заседаниях Совета министров, высказанные предложения.

Суммарно фиксировали ход обсуждения и журналы других государственных учреждений.

Особенно краткими были журналы Комитета министров, присутствий департаментов Сената и их общих собраний, различных временных комитетов и междудементов Особых совещаний, а также губернских и уездных учреждений.

Наиболее полными со второй половины XIX в. были журналы Государственного совета. В них подробно излагались поступившие на обсуждение документы, сообщались мнения отдельных лиц совета с указанием фамилий. Восстановлению картины прохождения в Государственном совете того или иного вопроса помогают сохранившиеся черновики протоколов наиболее важных заседаний, а также приложения к журналам, которые включают не только представленные проекты, доклады, но и замечания к ним, первоначальные и отредактированные записи речей.

Понятна необходимость критического анализа и самых полных записей и весьма откровенных высказываний в заседаниях Государственного совета. Интересна в этом отношении речь Александра II в заседании 28 января 1861 г. С одной стороны, он прямо говорит о «беспокойстве» среди помещиков, так как предполагаемая реформа касается «до самых близких и материальных интересов каждого». С другой стороны, вопреки известным ему случаям крестьянского движения накануне реформы, царь заявляет о «доверии и спокойствии», с которым якобы народ ожидает реформу¹.

Более подробной записью заседания, отчета о нем является стенограмма. Следует иметь в виду, что делопроизводство государственных учреждений XIX в. почти не знало стенограммы. В начале XX в. стенографические отчеты составлялись о заседаниях Государственного совета и Государственной думы. Стенографировались некоторые важнейшие судебные политические процессы.

Безусловно, что стенограммы заседаний Думы и Совета являются более полным изложением прений в этих учреждениях. В Государственной думе стенографические отчеты составлялись присяжными стенографами, затем протокол просматривался членами Думы, которые могли вносить свои замечания, и потом одобрялся председателем Думы. Стенографические отчеты заседаний Государственной думы позволяют раскрыть картину классовую и внутриклассовую борьбы в стране, столкновения отдельных партий и партийных группировок. По стенограммам видно, как прерывались выступления рабочих депутатов, как правое большинство Думы не давало прозвучать слову представителей российского

¹ См.: «Журналы и мемории общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу (28 января — 14 марта 1861 г.)». П., 1915, стр. 182.

пролетариата и крестьянства. Это делалось не случайно. Если рабочий депутат не смог огласить текст того или иного заявления, а председатель Думы отказывался его принять, то этот документ не попадал в отчет заседания. Ясно, что стенографические отчеты Государственной думы не отражают в полной мере взгляды левых. Данные отчетов должны быть дополнены сведениями о выступлениях рабочих депутатов, которые помещались на страницах большевистских газет, документами из архивов социал-демократических фракций в Думе, воспоминаниями рабочих депутатов. Не следует преувеличивать значение стенографических отчетов Думы в отношении выступлений правых депутатов. Гласность отчетов не способствовала откровенности в изложении такими депутатами своих взглядов. Подлинные цели того или иного законопроекта, действительное существование позиции нередко окутывались лживыми, демагогическими фразами. Следует учесть, что существовали стенограммы закрытых заседаний, особенно по вопросам обороны. Эти отчеты не публиковались.

Стенограммы заседаний Государственного совета являются более однородным источником по своей классовой природе. Отсутствии среди членов Совета представителей трудящихся, меньшая распространенность стенографических отчетов Совета и полное отсутствие гласности в работах подготовительных комиссий Совета способствовали более откровенному изложению взглядов по обсуждавшимся вопросам представителями царской бюрократии и верхушки российской буржуазии.

Большой интерес представляют стенограммы, составлявшиеся для внутренних потребностей. Они обычно служили исходным материалом для составления гласных журналов учреждения. Примером подобных журналов и стенограмм являются документы Эвакуационной комиссии Особого совещания по обороне государства и Металлургического комитета этого же совещания (совещание было образовано законом 17 августа 1915 г.). Журналы Эвакуационной комиссии и Металлургического комитета фиксировали прения суммарно. Особенно краткими были журналы комитета. Сравнение стенограмм и подлинников журналов показывает, что многие важные факты не попадали в тексты журналов.

В Эвакуационной комиссии рассматривались ходатайства различных предприятий о выдаче им ссуд, пособий на восстановление их деятельности на новом месте. В стенограммах заседания подробно излагались мотивы поддержки или отклонения ходатайства, давалась характеристика предприятия. Так, при обсуждении прошения завода «Феникс» сообщался капитал общества, перечислялась основная продукция завода, его финансовое положение, указывалось количество рабочих на заводе перед войной, размеры заводских зданий, мощность двигателей, сумма ежегодной выработки, количество эвакуированного имущества и пункт эвакуации. В ходе обсуждения условий выдачи безвозвратной ссуды председателем комиссии особенно интересовало участие иностранцев в данном акционерном обществе и связи его с банками. По всем

этим вопросам были даны ответы членами комиссии¹. В журнале заседания Эвакуационной комиссии эти подробности опущены, лишь констатируются условия выдачи ссуды и ее размеры.

Стенограммы заседаний — источник гораздо более полный, чем журналы заседаний. Но сокращенные, исправленные тексты журналов свидетельствуют о том, что именно хотелось скрыть их составителям. Обычно это были факты из области промышленной и финансовой тайны, примеры беззащитной наживы промышленников на государственных заказах, безудержного повышения ими цен на важнейшие материалы, сведения о репрессиях против рабочего движения. За всем этим нередко стоит стремление приукрасить обстановку в стране, скрыть остроту классово-борьбы.

Необходимо отметить, что в стенограммы заседаний и в черновики протоколов не заносилось содержание обсуждавшегося документа и не всегда было отчетливо сформулировано решение. Эти важнейшие элементы заседания более полно и четко были отражены в окончательных текстах журналов. Таким образом, эти две разновидности документов (протоколы и журналы) существенно дополняют друг друга и должны изучаться совместно.

Рассмотренная группа материалов (протоколы, журналы) принадлежит к числу одних из самых важных источников в том или ином делопроизводственном комплексе. В них обычно наиболее сконцентрированно представлена деятельность данного государственного учреждения, и они часто служат ключом к розыску других разновидностей делопроизводственных документов в архивном фонде.

Отчеты и доклады. К числу важных источников в делопроизводственном комплексе принадлежит отчетная документация. Она включает такие виды документов, как отчет, доклад, докладная записка. Существовали отчеты различных типов. Во-первых, можно выделить отчеты о деятельности центральных и высших государственных учреждений и отчеты местных учреждений. Во-вторых, отчеты различаются по времени: были годовые отчеты и отчеты-обзоры за несколько лет. В-третьих, в особую группу выделяются отчеты, представлявшиеся царю как «всеподданнейшие».

Необходимость представления отчетов высшими (Государственный совет) и центральными (министерства) учреждениями определялась рядом законодательных актов и специальных распоряжений в течение XIX в. не раз. Несмотря на эти указания, отчеты представлялись не систематически. Бюрократические учреждения России стремились избежать любых форм контроля и постоянно нарушали порядок представления отчетов.

Одной из важнейших разновидностей отчетов этой группы учреждений являлись министерские отчеты. Главными принципами составления отчетов министерств было освещение деятельности по структурным частям (отделов, департаментов) или по

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 6, д. 38, лл. 1—6.

определенным тематическим разделам. Например, отчеты Министерства торговли и промышленности, Министерства финансов формировались по структурному признаку. Осуществлялись даже публикации отчетов отдельных департаментов и отделов этих министерств (например, отчеты отдела промышленности Министерства торговли и промышленности издавались ежегодно с 1910 по 1914 г.). Отчеты других министерств составлялись по тематическому принципу. Например, так строился отчет Министерства внутренних дел, который имел разделы «Крестьянское дело», «Охранение внутренней государственной безопасности» и др.

Важнейшей составной частью отчетов министерств являются прилагаемые к ним статистические ведомости и таблицы, придающие им особую ценность. Систематичность данных этих ведомостей и таблиц, мало изменявшаяся форма представления позволяют изучать соответствующие сведения в сопоставлении за несколько лет. Отсутствующие отчеты министерств частично могут быть восполнены сохранившимися подготовительными материалами к ним, а также изданными историческими обзорами о деятельности министерств. Несколько подобных обзоров появилось в связи со столетием министерств в 1902 г. Такие издания выходили и ранее. Например, «Очерк 50-летия деятельности Министерства государственных имуществ. 1837—1887 гг.» (СПб., 1887), «Обзор деятельности Министерства путей сообщения за время царствования императора Александра III» (СПб., 1902). В этих обзорах много места отведено подробному рассказу об основных направлениях деятельности министерств, проведенных преобразованиях, о лицах, возглавлявших министерство. Насыщенность этих очерков фактическим материалом делает их интересным источником. Но следует критически относиться к содержащимся в обзорах оценкам итогов деятельности министерств: для юбилейных изданий характерно замалчивание недостатков и восхваление итогов деятельности министерств и министров.

Одним из самых систематических источников по истории отдельных регионов России являются губернаторские отчеты. На протяжении второй половины XIX в. тематика и количество сведений, содержащихся в этих отчетах, все время расширялись. Губернаторы давали обзор природных условий, численности населения с указанием сословий, вероисповедания, освещали состояние сельского хозяйства, технику земледелия, развитие промышленности и промыслов, а также сообщали данные о рабочем и крестьянском движении.

С 1870 по 1898 г. отчет делился на две части: собственно отчет, содержащий сведения, достойные внимания царя, и обзор, который давал полную характеристику положения губернии и имел в качестве приложения 8 ведомостей. В 1897 г. обзоры были отделены от отчетов, и для последних отменялась строго определенная форма.

Сведения отчетов министерств и отчетов губернаторов должны проверяться. Во-первых, в критическом анализе нуждаются те

выводы, оценки, мотивы действий, которые изложены в отчетах с позиций господствующего класса и носят к тому же часто ведомственный характер. Во-вторых, система сбора сведений, в том числе и статистических, к отчетам была далеко не совершенна, поэтому они не свободны от фактических неточностей. Однако это не мешает оставаться отчетам министерств и губернаторским отчетам важнейшими источниками, отражающими экономику, политику, общественное движение в России.

По форме очень близки к отчетам доклады министерств и губернаторов, которые представлялись царю («всеподданнейшие»), в Совет министров, в министерства (от губернаторов) и другие центральные и верховные учреждения. В отличие от отчетов, доклад посвящался конкретному вопросу, проблеме или событию.

«Всеподданнейшие» доклады представляют большой интерес не только с точки зрения изложения взглядов какого-то лица, государственного деятеля, руководителя ведомства. На этих документах имеют значение пометы царя, которые отразили его отношение ко многим важным вопросам развития России. Рассмотрим пометы Николая II на докладе С. Ю. Витте от 10 января 1906 г. по аграрному вопросу. И сам доклад, и пометы царя характерны своей откровенностью, которая присуща негласным документам. Витте пишет в докладе: «Представляется, по-видимому, предпочтительным для помещиков поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 г., и обеспечить за собою владение остальной частью, нежели лишиться всего». На это Николай II замечает: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной». В ответ на слова доклада, что «проявления революции в городах точно так же, как и в других местностях, за исключением аграрного движения, могут считаться подавленными настолько, что в резких формах революционные покушения происходят более не будут», — царь заметил: «Давай бог».

Циркулировавшие в государственных учреждениях России доклады обычно состояли из трех частей: введение с изложением дела, обоснование со ссылками на законодательство и заключение или «соображение», в которых формулировались выводы по докладу. Это могли быть распоряжения, предложения (в том числе законодательные), ходатайства и просьбы. Точное формулирование выводов было важным требованием к докладам, так как по ним должно было составляться какое-то решение. В делопроизводстве уже в начале XIX в. подробное изложение содержания всех предшествующих по данному делу документов заменяется кратким их пересказом, но вводная часть доклада с изложением дела остается все-таки значительной даже в начале XX в.

Доклады и докладные записки часто являются первичным, инициативным документом в формировании дела. Эта разновидность делопроизводственной документации выступает как приложение, сопутствующий документ к другим видам материалов официального делопроизводства. Различные доклады, справки, докладные

записки прилагались, например, к журналам заседаний коллегиальных органов.

Цирюляры. Распространенной разновидностью распорядительной документации являются циркуляры. Цирюляры обычно разъясняют законодательные акты или административные распоряжения. Большая группа подобных документов была секретной, связанной с ограничением использования законов или непосредственно с борьбой против революционного движения. Многие из подобных циркуляров хотя и издавались отдельными министрами, получали одобрение царя. Вот образец такого секретного циркуляра, изданного министром внутренних дел 6 июля 1870 г.: «Господину начальнику губернии... Государю императору благоугодно было повелеть мне поручить г.г. губернаторам, чтобы они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением...». Далее циркуляр давал право губернаторам без судебного разбирательства высылать участников стачек¹.

Переписка. Важнейшей группой делопроизводственной документации являются материалы переписки. Они отличаются многообразием видов документов. Переписка государственных учреждений делится на три основные группы: переписка вышестоящих органов с подчиненными им учреждениями; переписка равных учреждений или не находящихся в подчинении друг у друга; переписка нижестоящих учреждений с вышестоящими. Для каждой из этих групп характерны определенные виды и разновидности документов. Например, в состав первой группы входили предписания, распоряжения, приказы, циркуляры, запросы. Основной формой переписки равных учреждений были официальные письма, «сношения», отношения, сообщения. Снизу вверх направлялись рапорты, донесения, представления, прошения, жалобы. Существовали многочисленные правила составления деловой переписки. Например, учреждениям, равным по положению, адреса писались с предлогом: «В такой-то департамент», «В Правительствующий Сенат». К подчиненным учреждениям и лицам обращались в дательном падеже: «Чиновнику особых поручений», «Господину начальнику губернии».

При работе с различными видами переписки следует иметь в виду, что все эти документы существовали в двух экземплярах. Подлинник отправлялся адресату, а в делах учреждения-отправителя оставался отпуск, т. е. копия данного письма. Наличие отпуска часто помогает восстановить погибшие документы. Необходимо учитывать, что как отправленный подлинник, так и отпуск должны иметь соответствующие удостоверения: подпись автора письма или делопроизводителя, дату, входящие или исходящие номера. Если этих указаний на документе нет, факт отправки письма или циркуляра может быть подвергнут сомнению. В делах нередко сохранялись различные варианты проектов того или иного

¹ См.: «Хрестоматия по истории СССР, 1861—1917». Сост. С. С. Дмитриев и Р. Г. Эймонтова. М., 1970, стр. 167.

письма, которые могли быть написаны или даже отпечатаны на бланке учреждения, но не были отправлены. Кроме того, эти проекты могли существенным образом быть изменены и не соответствовать тексту отправленного документа.

При рассмотрении материалов переписки следует иметь в виду деление ее на входящую и исходящую документацию. Особенности исходящей определяются характером и структурой учреждения-отправителя. Входящая документация бывает более разнообразной. Например, в делах государственных учреждений России в разделе переписки представлены документы не только государственных органов и частнокапиталистических предприятий, но и документы, принадлежащие трудящимся классам. В различных центральных и местных учреждениях отложились тысячи крестьянских документов: писем, прошений, жалоб, коллективных и индивидуальных ходатайств, приговоров волостных и сельских сходов и т. д.

Учетная документация. Важным направлением деятельности в развитии делопроизводства является учет и систематизация документов. В государственных учреждениях России учет осуществлялся прежде всего в виде журналов или реестров входящих и исходящих бумаг. В подобных учетных единицах составлялась краткая запись о содержании документа, проставлялся делопроизводственный индекс, дата регистрации, указывалось дальнейшее движение документа. Такие журналы и реестры служат важным справочным документом к тому или иному архивному фонду и помогают в розыске материалов. Кроме того, документы фиксировались и учитывались в виде описи бумаг того или иного дела.

Систематизация и хранение документов в делопроизводстве государственных учреждений осуществлялись в виде различных «дел» и «досье». Можно выделить несколько категорий «дел», составленных на основе различных принципов подборки документов. Во-первых, существовали «дела», в которых в хронологическом порядке откладывались документы по мере прохождения того или иного вопроса, его постановки, разработки и решения. Такие дела возникали при рассмотрении законопроекта, жалобы, ходатайства и т. д. Во-вторых, «дела» подбирались тематически. В-третьих, большую категорию составляли «дела», которые заводились на основе комплектования отдельных разновидностей документов. Например, в такие «дела» объединялись журналы заседаний какого-либо учреждения.

Материалы переписки обычно формировались по корреспондентскому признаку. Одной из самых распространенных форм комплектования переписки было объединение ее в дела под такими рубриками: «Разная переписка», «Общее: текущие сношения», «Общее: справочные сведения», «Переписка по разным вопросам».

Характеризуя делопроизводственную документацию государственных учреждений, следует подчеркнуть, что кроме общего исполнительного делопроизводства существовали специальные системы документирования. Они были представлены б у х г а л т е р -

ской, военной, дипломатической и судебно-следственной документацией. Рассмотрим для примера дипломатическую документацию, не касаясь международных договоров, которые относятся к группе внешнеполитических актов.

Дипломатическая документация возникает в процессе деятельности центрального внешнеполитического ведомства, каким было Министерство иностранных дел России, и его заграничных учреждений (посольств, миссий, консульств). Разновидности дипломатической документации определяются не только делопроизводственной практикой данной страны, но и нормами международного права и протокола.

В области межгосударственных отношений функционировали такие документы, как ноты, меморандумы, памятные записки. Они относятся к категории дипломатической переписки и использовались государствами для взаимной информации, обмена мнениями по отдельным вопросам международной жизни, обращения внимания того или иного государства на какие-то факты и события. Каждая из этих форм дипломатической переписки в зависимости от юридической природы содержащейся в ней информации имела соответствующие заверительные подписи и формулы.

Особую группу, фиксирующую межгосударственные дипломатические отношения, составляют так называемые записи бесед. Эти документы отражают встречи, переговоры, которые вели чиновники МИДа и его заграничных учреждений с представителями других стран. Записи бесед являются важнейшим источником, отражающим процесс развития межгосударственных отношений, проведение определенной внешнеполитической линии. Специальный комплекс составляет документация внешнеполитического ведомства. Она представлена документами МИДа России, направлявшимися царю, поскольку внешняя политика оставалась его прерогативой. Это были всеподданнейшие доклады министров иностранных дел, годовые отчеты министерства.

Наиболее детальная информация по вопросам внешней политики содержится в переписке МИДа России со своими заграничными учреждениями. Министерство рассылало циркуляры, запросы в посольства, консульства, миссии, а в ответ получало донесения, докладные записки, депеши, годовые обзоры, справки. Особое распространение в этой переписке имели телеграммы, передававшиеся в зашифрованном виде. С начала XX в. информация посольств и миссий литографировалась, поэтому многие письма, депеши, телеграфные сообщения существуют в нескольких экземплярах.

§ 2. Документация банков, частных предприятий и объединений

Основной формой организации частнокапиталистических предприятий в России во второй половине XIX — начале XX в. была акционерно-паевая. Это было характерно как для торгово-про-

мысленных заведений, так и для банков. Общность целей каждой из этих групп обеспечивала общность элементов структуры, функций и делопроизводства этих предприятий. Все это строго регламентировалось соответствующими законодательными актами, на основе которых вырабатывались уставы различных акционерных обществ. Эти уставы были главными документами, определяющими внутреннюю структуру предприятия, ведение делопроизводства и состав основных материалов.

Следует учитывать при этом, что частнокапиталистический характер предприятий накладывал определенный отпечаток на документацию, и не всегда достигалась унификация форм отдельных документов. Например, несмотря на все попытки выработать единую форму баланса акционерных банков, баланс существовал в разных вариантах, что явилось выражением стремления уйти от регламентации и надзора за деятельностью банков. Варьирование выражалось в произвольной группировке статей баланса. Однако не стоит преувеличивать эти различия, поскольку единый характер капиталистического предпринимательства гораздо в большей степени влиял на общность документации. Одинаковость групп основных материалов частнокапиталистических предприятий определялась прежде всего существованием единой внутренней организации этих предприятий.

Для акционерных коммерческих банков главными элементами структуры были распорядительные, исполнительные и контрольные органы. Распорядительные включали операционные отделы (вексельный, фондовый, курсовой, товарный, вкладов и текущих счетов) и вспомогательные (корреспонденция, справочный, архив, хозяйственный). Исполнительные органы объединяли денежную, вексельную, фондовую и товарную кассы, а контрольные функции возлагались на бухгалтерию. Документы в акционерных банках группировались следующим образом: материалы органов управления, материалы о клиентах банка и операциях с ними, материалы о деятельности отделений, хозяйственные материалы, бухгалтерские материалы.

Одной из самых важных и значительных групп является группа материалов органов управления, которая концентрирует наиболее обобщенные документы о деятельности того или иного банка. Это типичные образцы делопроизводственной документации: журналы собраний акционеров, правлений и совета банка, доклады правления, отчет банка, переписка директоров правления, циркуляры местным отделениям. Многие журналы, протоколы и доклады общему собранию акционеров носили довольно общий характер, в них далеко не всегда излагались подлинные мотивы тех или иных операций банка. Более откровенно такие мотивы выступали в циркулярных письмах в местные отделения банков. Большой интерес представляют очень достоверные ежемесячные отчетные ведомости правления о состоянии операций и крупнейшей клиентуре банка.

В документах второй группы (материалы о клиентах банка и операциях с ними) выделяются прежде всего досье клиентов банка, которые отличались обилием содержащейся в них информации. Досье включали как собственные документы клиентов (устав, списки акционеров, отчеты, балансы, протоколы собраний), так и специальную документацию, создаваемую делопроизводством банка (обзоры, справки об имуществе, техническом и финансовом положении и т. д.). В этой группе откладывалась переписка с клиентами. Следует обратить внимание на такую ее особенность: законом устанавливалась обязательность копирования всей исходящей корреспонденции коммерческих предприятий. В банках, как и в других частнокапиталистических предприятиях, существовали книги копий, которые уже в конце XIX в. состояли из пресскопий корреспонденции (копия на тонкой папиросной бумаге, полностью воспроизводящая отправленный документ за исключением типографских знаков).

Интересная документация о клиентах отложилась в фондах земельных банков: залоговые свидетельства, подробные оценочные описи имений, составлявшиеся владельцами, поверочные описи, составлявшиеся банком, планы имений, документы на право владения. В отчетах земельных банков содержатся данные о количестве заложенной земли, распределении ее по угодьям, оценка этой земли, размеры выданных ссуд.

Особенностью переписки всех частнокапиталистических предприятий, в том числе банков, было дословное повторение ответной корреспонденцией содержания наиболее важных писем. Вот образец такого повтора: «Милостивые государи. Я получил ваше письмо от 24 с. м. нижеследующего содержания: «Милостивый государь, учитывая, в связи с последствиями военных действий и изменившимся положением дел в стране, необходимость объединения и взаимной помощи в дальнейшей деятельности Русского торгово-промышленного банка, Петроградского международного коммерческого и Русского для внешней торговли банков, Русский торгово-промышленный банк образовал консорциум для покупки и последующей реализации акций Русского для внешней торговли банка на основаниях, которые будут сообщены нами вам впоследствии».

Предлагая вам участие в настоящем консорциуме в размере 10 (десяти) процентов, настоящим покорнейше просим подтвердить нам ваше согласие на то.

На каковое изъявляю свое согласие», — и подпись¹.

В делопроизводстве банков бухгалтерия и счетоводство были выделены в специальную группу. Основными обобщенными документами были баланс и отчет, которые составлялись на основе бухгалтерских книг и ведомостей. В России была принята двойная (итальянская) система бухгалтерии.

¹ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. I. М. — Л., 1957, стр. 149.

Документация частнокапиталистических торгово-промышленных заведений имеет много общего с банковской и в формах документов и в порядке их составления. Она может быть сгруппирована по таким разделам: материалы центрального управления, материалы филиалов и местных контор, материалы производственных предприятий. Первая группа документов представлена протоколами собраний акционеров, журналами правлений, совета, ревизионных комиссий, докладов и отчетов этих последних. Многие из этих документов предназначались к публикации. Гласность мешала детализации сведений, искажала многие факты, особенно если речь шла о причинах каких-то действий. Представляет интерес сравнение отчетных ведомостей, предназначавшихся к публикации, и ведомостей, составлявшихся для внутреннего потребления. Последние были во много раз больше первых, они содержали интересные сведения о себестоимости продукции, сбытовых ценах.

В документах производственных предприятий отложились сведения о найме рабочих, условиях труда и собственно техническая документация: списки, ведомости станков, оборудования, чертежи, схемы технологического процесса, данные о выпускаемой продукции, ее технические характеристики. Такие документы являются главными источниками о развитии производительных сил в стране. Например, ведомости станков, описание цехов завода, схема технологического процесса, технические характеристики продукции помогут ответить на вопрос: было производство этого завода самостоятельным или зависело от иностранного ввоза.

Для всей документации частнокапиталистических предприятий, как банковских, так и торгово-промышленных, характерно требование коммерческой тайны. Многие из таких документов увидели свет только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Подытожим общие принципы работы с любым делопроизводственным комплексом.

Исследование делопроизводственной документации должно начинаться с изучения истории учреждений, организаций и предприятий. Прежде всего выясняются функции, задачи данного фондообразователя, что является определяющим моментом в тематическом содержании материалов.

Нельзя упускать из виду, что материалы по интересующей проблеме могут отложиться в нескольких делопроизводственных комплексах. Например, вмешательство государства в дела промышленных предприятий приводило к отложению документов соответствующих государственных учреждений в фондах отдельных акционерных обществ. Эти материалы являются важным источником по истории экономической политики царизма. Наоборот, обращение промышленных заведений с ходатайствами о выдаче казенных заказов привело к отложению их документов в фондах государственных учреждений. Все это требует от исследователя знания взаимоотношений между государственными учреждениями, пред-

приятиями и организациями. При таком знании работа по розыску источников делается более целенаправленной.

Анализируя делопроизводственную документацию, важно уделять максимальное внимание внутренней структуре учреждения, предприятия. Необходимо выявить основные его структурные единицы, которые осуществляли непосредственно решение всех вопросов, входящих в компетенцию данного учреждения или предприятия. Именно это поможет определить особенности делопроизводства, порядок прохождения дел, систему учета, комплектования бумаг, наконец, основные виды делопроизводственной документации учреждения и предприятия. Такими структурными частями в министерствах были: канцелярия, совет, департамент или управление (иногда отделы). Последние делились на отделения (делопроизводства) и столы.

Акционерные торгово-промышленные общества делились на центральные управления, филиалы и местные конторы, производственные предприятия, подразделявшиеся на более мелкие исполнительные единицы.

Сложным вопросом является проблема авторства делопроизводственных документов. Такие документы, как отчет, обзор, докладная записка, часто обобщали многие предшествующие документы. Иногда они составлялись не одним лицом, а коллективно. Подпись на документе того или иного лица не определяет еще авторства. Поэтому при решении проблемы авторства делопроизводственных документов знание системы делопроизводства, порядка ведения бумаг, источников информации совершенно обязательно.

Необходимо комплексное изучение делопроизводственных материалов. Это связано не только с общим требованием изучать всю совокупность источников, но со спецификой, самой природой именно этого вида источника. Делопроизводственные документы не существуют единично, это всегда система документов, связанных друг с другом¹.

¹ Подробнее о некоторых видах делопроизводственных документов см.: Л. В. Виноградова. Основные виды документов Сената и организация его делопроизводства. «Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX—начала XX века». Л., 1967; Н. П. Дятлова. Отчеты губернаторов как исторический источник. «Проблемы архивоведения и источниковедения». Л., 1964; Л. Е. Шепелев. Архивные фонды акционерных коммерческих банков. «Проблемы источниковедения», т. VII. Его же. Частнокапиталистические торгово-промышленные предприятия России в конце XIX — начале XX в. и их архивные фонды. «Информационный бюллетень ГАУ». М., 1958.

ДОКУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Документы политических партий и организаций России до 1917 г. представляют совокупность различных материалов. В их числе программно-уставные документы, делопроизводственная документация, листовки. Как система документирования и делопроизводства такие комплексы материалов возникают в России со второй половины XIX в. Возникновение их обусловлено развитием революционного движения в стране, усилением структурной четкости политических партий и организаций. В историческом развитии таких комплексов было два периода: первый — разночинский, народнический; второй — пролетарский. Первый представлен документами народнических организаций и первых рабочих союзов, второй — комплексом документов РСДРП, образованию которого предшествовали документы группы «Освобождение труда» и «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса». Хронологически ко второму периоду относится также документация буржуазных, мелкобуржуазных, монархических политических партий и организаций, сложившихся главным образом после 1905 г.

§ 1. Документы народнических организаций

Документы революционных народнических организаций почти не представлены в самостоятельных архивных фондах. Большинство из них входит в состав материалов политических процессов, или в личные фонды народников. До Великой Октябрьской социалистической революции были опубликованы отдельные документы этих организаций. В настоящее время наиболее систематизированно они представлены в двух публикациях: «Архив «Земли и воли» и «Народной воли» (М., 1932) и «Революционное народничество 70-х годов XIX в.» (М., 1964—1965).

Ограниченное количество народнических документов в значительной степени является результатом строгой конспирации, тяжелых условий подполья, в которых приходилось действовать революционным политическим организациям в России. Условия конспиративной деятельности сдерживали процесс создания документов. Многие распоряжения, инструкции в организациях передавались устно. Часто документы уничтожались при арестах, обысках или из-за опасения их захвата царскими властями.

Кроме того, характер многих ранних народнических организаций (кружков) не требовал документирования своей деятельности. Только развитие движения, появление таких крупнейших организаций, как «Земля и воля», «Народная воля», создали предпо-

сылки для введения правил документирования и повлекли создание специальных архивов этих организаций.

С точки зрения разновидностей документы народнических организаций включают в себя: программные и уставные документы, листовки, переписку, инструктивные материалы, отчетную документацию и некоторые другие группы.

Программные и уставные документы. Программный документ существовал не во всех народнических организациях. На первых этапах народнического движения программу заменяли отдельные сочинения, статьи идеологов народничества. Подобного рода документы не всегда официально принимались, хотя являлись предметом споров, обсуждений в организациях, печатались на страницах народнических периодических изданий. Но это не мешало стать такому документу программой деятельности кружка, движения, целого поколения революционеров.

Программный характер был присущ политическим, публицистическим сочинениям П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева, П. А. Кропоткина. Роль программных документов выполняли статья П. Л. Лаврова «Вперед!—Наша программа» (передовая статья в журнале «Вперед»), «Прибавление «А» к книге М. А. Бакунина «Государственность и анархия», работа П. Н. Ткачева «В чем должна состоять ближайшая практически достижимая цель революции?» (программа журнала «Набат»).

При рассмотрении программных документов важно выяснить, насколько широко был распространен этот документ в революционной среде, признавался ли он полностью. Например, идеализация Бакуниным разбоя не нашла сколько-нибудь широкой поддержки. Особое внимание следует уделить анализу своеобразной терминологии русского народнического утопического социализма. Необходимо учитывать использование народниками отдельных марксистских понятий; однако такое пользование марксистской терминологией еще не означает понимания марксизма народниками.

Текстологический анализ программно-уставных документов должен вестись с учетом эволюции народнического движения. В своем развитии народничество прошло несколько этапов, понимание многих его программных документов невозможно без знания предшествующей истории движения. Так, к середине 70-х годов относится один из первых уставов народнических организаций — Устав Всероссийской революционной организации. Статьи устава о принципах организации: равенство, солидарность всех ее членов, полное доверие и откровенность, очевидно, явились отрицанием нечаевских методов в деятельности революционных обществ. Разделы об администрации, обязательных собраниях общины, условиях межобщинных отношений отразили стремление к усилению организационного начала в движении. Особо нужно обратить внимание на терминологию устава. Например, «община» означала местные кружки, входившие в состав Всероссийской социально-революционной организации. Слово «шайка» появилось

в документе как результат стремления народников «найти такое название для свободных вооруженных революционных отрядов, которое даже по имени не напоминало бы правительственные военные организации»¹. Как видно, особенности содержания и терминологии этого документа могут быть правильно истолкованы только при понимании тех уроков, какие были извлечены революционными народниками из факта неудачи нечаевщины.

Появление программ и уставов связано с деятельностью обществ «Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел». Почти полное отсутствие материалов с обсуждением важнейших программных и уставных документов указанных организаций, так же как и отсутствие некоторых редакций документов мешают проследить происхождение этих источников, установить авторство и точное время составления. Частично эти моменты восстанавливаются привлечением других групп источников: воспоминаниями народников, материалами судебных процессов, народнической периодической печатью, где помещались отклики, замечания на те или иные документы. Например, известны две редакции проекта устава «Земли и воли», относящиеся к апрелю — маю 1878 г. Уточняет датировку этого проекта и помогает выяснить причину разработки нового устава письмо А. Д. Михайлова. В письме к кружку землевольцев он требовал «признания за уставом его обязательности для всех членов и серьезного к нему отношения»². В письме выражено стремление к большей централизации общества и к созданию более четкой организационной структуры. Эти идеи были оформлены в пунктах устава о «подчинении меньшинства большинству»³, о необходимости исключить личные симпатии и антипатии в интересах организации, об обязанности администрации основного кружка вести отчетность, осуществлять сношения между группами и т. д.⁴

Организационная рыхлость общества «Черный передел» обусловила существование нескольких документов чернопеределъческих организаций, формально между собой не связанных. При работе с этой группой источников следует обратить внимание на название документов: в них часто употребляются наименования старых организаций или даются общерусские названия, тогда как речь идет об организации в одном городе. Например, устав чернопеределъческого общества «Земля и воля» был озаглавлен «Устав федерального общества «Земля и воля»⁵. Между тем это был только проект петербургско-московской организации, не получивший реального воплощения. Отсутствие разветвленной всероссийской организации чернопеределъцев заставляет критически по-

¹ «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», т. I, стр. 411, примечание 17.

² «Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, стр. 94.

³ Там же, стр. 65.

⁴ См. там же, стр. 70—71.

⁵ См.: «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», т. 2, стр. 146.

дойти и к такому документу, как «Программа Народной партии»¹. Обращает на себя внимание тот факт, что в сравнительно короткий период (немногим более года) появилось несколько чернопередельческих программных и уставных документов², в которых организация «Черный передел» по-разному именуется, принципы построения программ тоже существенно отличаются. Это обстоятельство требует критического подхода к подобным документам, многие из которых не вышли из стадии проектов или принадлежали различным небольшим организациям, между собой не связанным.

В других случаях документ большого программного значения может иметь узкое наименование. Например, сохранилась Программа Исполнительного комитета «Народной воли», и так называемая инструкция Исполнительного комитета «Подготовительная работа партии»³. Каждый раздел этой инструкции посвящен определенной области работы партии или отдельной ее единице (центральной организация, городские рабочие, войско). Изучение текста документа показывает, что он отражает обоснование задач партии в области политической борьбы, в поиске различных методов для достижения конечной цели партии. В инструкции указывалось, что ближайшей целью партии является «сломить ныне существующую правительственную систему», что «уничтожение ныне существующей правительственной системы может произойти, конечно, весьма различными путями»⁴. Выяснению этих путей, методов свержения самодержавия, а также разработке структуры организации посвящен данный документ. Это заставляет предположить, что перед нами важнейший программно-уставной документ «Народной воли», отражающий развитие и дальнейшую разработку идей народолюбия.

Кроме программы, существует Устав Исполнительного Комитета, относящийся к 1879 г., т. е. к моменту образования «Народной воли». Многие пункты Устава тесно связаны с предшествующими уставными документами, в частности раздел о руководящих принципах организации. Но в целом Устав явился совершенно новым документом, гораздо более разработанным и соответственно устанавливающим более четкие и определенные принципы строения организации. Многие требования Устава были вызваны потребностями строгой конспирации. Не учитывая этого обстоятельства, невозможно правильно понять организационные принципы партии «Народная воля». Устав уделил много внимания правилам документирования деятельности Комитета. Например, Устав определял, что «постановления частного собрания заносятся в протокол для обязательного сообщения последующему общему собранию членов»⁵. Далее: «Администрация устанавливает пароли и шифры,

¹ См.: «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», т. 2, стр. 150.

² См. там же, док. №№ 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38.

³ Там же, стр. 175—183.

⁴ Там же, стр. 175.

⁵ Там же, стр. 202.

обязательные для всех членов Исполнительного комитета. Только этими установленными способами члены Комитета могут вести деловую комитетскую переписку и записывать секретные сведения, адреса, фамилии и пр.»¹.

Говоря о программных и уставных документах «Народной воли», следует учесть наличие специальных программ и уставов в таких структурных подразделениях этой партии, как рабочая и военно-революционная организация. Их характерной особенностью является солидарность с программой и уставом Исполнительного Комитета. Построенные на одних и тех же принципах, эти документы вместе с тем существенно дополняют документы Исполнительного Комитета. В частности, в «Программе рабочих, членов партии «Народной воли» гораздо более ярко звучат мотивы общинного социализма, роли социально-революционной партии в движении, о значении рабочей организации как составной части этой партии. Значение, содержание этих документов гораздо шире, больше указанного в их заглавии. Без этих документов невозможно понять основные программные и уставные принципы «Народной воли».

Источниковедческий анализ программ и уставов народнических организаций должен включать сопоставление их с политическими, теоретическими сочинениями идеологов народничества. В одном и том же документе могли соединяться идеи нескольких теоретиков. Наконец, в самой программе организации или в выступлениях ее руководителей могли отрицаться какие-то теории, однако внимательное прочтение документов заставляет признать наличие этих теоретических положений в программе или уставе. При анализе программных и уставных документов необходимо также исходить из факта существования во многих организациях, в том числе в «Народной воле», различных течений. Это получало соответствующее отражение в документах.

Важно сопоставлять положения программ и уставов народнических организаций с самой практикой их революционной деятельности. Некоторые программные положения революционных народников получили развитие и уточнения в листовках и прокламациях.

Листовки являются документом, характерным для деятельности революционных организаций. Случаи выпуска листовок государственными учреждениями, буржуазными и монархическими партиями немногочисленны. По своему происхождению листовки тесно связаны с документами революционных политических организаций и партий. Они являются важной стороной их деятельности, средством выражения данной организации. Эта форма документа характерна главным образом для деятельности нелегальных партий и организаций. С точки зрения видовой классификации листовки ближе всего стоят к периодической печати. Приемы их источниковедческого анализа сходны между собой.

¹ «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», т. 2, стр. 202—203.

Начальная история распространения листовок в пореформенной России связана с группой сочинений, появившихся в связи с крестьянской реформой 19 февраля 1861 г. К ним относятся: прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (неизданная и сохранившаяся в списках); отпечатанная нелегально прокламация Н. В. Шелгунова и М. И. Михайлова «К молодому поколению», прокламация П. Г. Заичневского «Молодая Россия», серия листовок «Великорусс». Основной мотив этих листовок — разоблачение грабительского характера реформы и призыв к демократическим кругам бороться за подлинное освобождение крестьян. Но в то же время каждый из этих документов имеет важные отличия. Они обращены к разным кругам общества и это приводит к различиям в языке листовок и проповедуемых ими форм борьбы. Прокламация «Барским крестьянам» отличается революционным демократизмом. Она не только показывает крестьянам, что дело идет не к их воле, а к вечной кабале у помещика, но и содержит прямой призыв к объединенному крестьянскому восстанию по сигналу «доброжелателей»: «Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить... Мы уж увидим, когда пора будет, и объявление сделаем...».

В прокламациях «К молодому поколению» и «Молодая Россия» также содержался призыв к революции. Иной характер носили листки «Великорусс». Обращенные к «образованным классам», они призывали их «взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы спасти народ от истязаний...». Авторы предупреждали, что если «образованные классы» промедлят, то в стране будет революция.

Дальнейшее развитие революционного движения в стране, деятельность народнических организаций породили большой комплекс листовок. Народнические организации выпускали листовки следующего характера и содержания: общепрограммные, с разоблачением действий правительства, с призывами к рабочим, солдатам, студентам по поводу отдельных террористических актов или судов над революционерами, с призывами к участию в демонстрациях. Отметим, что позднее в XX в., когда практика выпуска листовок приобрела большой размах, далеко не все листовки мелкобуржуазных (в частности, народнических) партий имели определенные указания на организации и группы, издавшие их.

Переписка. В значительном количестве сохранились документы переписки народнических организаций. Можно выделить несколько групп корреспонденции: переписка центрального кружка (общества, Исполнительного Комитета) с местными организациями; переписка народнических организаций с идеологами народничества; письма народников в организацию; переписка народников друг с другом; обвинительные письма народников деятелям царской администрации.

Следует сказать, что существование документов первых четырех групп, их объем и некоторые особенности были обусловлены

соответствующими параграфами уставов. Например, в уставе «Земли и воли» говорилось: «Наилучшей формой сношений кружком признаются личные свидания и сообщения; но так как подобного рода сношения не всегда возможны, то в таких случаях допускается шифрованная переписка через верные адреса. В случаях же особенной важности никакая переписка отнюдь не должна быть допускаема: все дело должно вестись через прямое посредство своих людей»¹. Эти идеи получили отражение и в Уставе «Народной воли». Такое ограничение письменных сношений не способствовало широкому развитию корреспонденции, но в определенных условиях к ней все-таки прибегали. Об этом свидетельствует ряд писем центральных организаций на места. Показательно письмо с вызовом деревенщиков на помощь центру в январе 1879 г.² Как документ вышестоящего учреждения оно носит инструктивный характер. Следует отметить шифрование наиболее важных частей документа, в том числе фамилий.

Значительную группу составляет переписка отдельных деятелей и организаций с идеологами народничества. Она отражает ожесточенные споры по различным проблемам революционной борьбы, по вопросам особенностей отдельных направлений в народничестве. Такими документами являются: письмо С. И. Бардиной П. Л. Лаврову от 26 сентября 1873 г.³; проект адреса членов революционного кружка П. Л. Лаврову по поводу его полемики с Ткачевым⁴; письма И. В. Узембло к П. Л. Лаврову и его группе в апреле — июне 1878 г.⁵, письмо Исполнительного Комитета «Народной воли» П. Л. Лаврову от 14 декабря 1881 г., письмо Исполнительного Комитета «Народной воли» к заграничным товарищам от декабря 1881 г.⁶ При использовании подобных документов следует учесть наличие различных группировок в организациях и не отождествлять взгляды, изложенные в письме, с идеями всей организации. В этом отношении показателен пример последнего письма. Составленное Л. Тихомировым и его сторонниками, проповедовавшими идеи бланкизма, оно никак не соответствует взглядам других народолюбцев.

По своему содержанию близки к этой группе письма отдельных народников или местных организаций в центральные органы. С точки зрения характеристики настроений в революционном народничестве и отражения остроты борьбы в момент раскола «Земли и воли» интересно письмо М. К. Крыловой редакторам «Земли и воли». Автор письма протестует против изменения направления газеты, отказывается впредь от сотрудничества в газете.

¹ «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», т. 2, стр. 41.

² См.: «Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 97.

³ См.: «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», т. 1, стр. 158—160.

⁴ См. там же, стр. 172—178.

⁵ См. там же, т. 2, стр. 84—88.

⁶ См. там же, стр. 322—324.

Существенное значение имеет переписка народников между собой. По своему содержанию она нередко имела чисто деловой характер. Это одна из самых больших групп переписки.

Говоря о работе с народнической корреспонденцией, следует учесть возможные случаи зашифрованности данных, наличие индизамительных выражений и всякой тайнописи. Подобные тексты очень трудны для прочтения. Интерпретация таких текстов должна проводиться с предельной осторожностью.

Прочая документация. Отчетная документация народнических организаций представлена главным образом записями о расходовании средств. Сохранилась «Кассовая книга расхода «Земля и воля»¹, в которую производились записи расходов на работу в деревне, среди рабочих, по «дезорганизации» (главным образом, террористические акты), на помощь заключенным, для организации побегов, наконец, расходы на одежду, квартиру. Такой необычный источник дает интересную информацию об отдельных аспектах работы организации: о материальной помощи бастующим рабочим, о закупке большого количества книг для пропаганды в деревне.

Расшифровка подобных документов бывает затруднена из-за сокращений слов в записях, использования кличек, условных обозначений. Часто записи вел один человек, который сам разрабатывал их шифр.

В комплексе народнических источников встречаются бумаги так называемой небесной канцелярии: списки адресов и явок, шифры и инструкции к ним, описания техники изготовления подложных документов, описи поддельных подписей, печатей, бланков государственных учреждений, зашифрованные списки розданных документов.

Небольшая группа инструктивных документов была связана с техникой ведения пропаганды и агитации.

Практически полностью отсутствуют протоколы и резолюции съездов, собраний народнических организаций. Они единичны: это запись обсуждения поправок к проекту устава «Земли и воли» весной 1878 г., запись о Воронежском съезде в июле 1879 г. и резолюция этого съезда. В последнем документе отчетливо проявился поворот части землевольцев к политической борьбе, но вместе с тем он пропитан старыми понятиями, идеями и не отказывается от них. Документы таких переходных этапов должны тщательно анализироваться с учетом других источников.

Итак, документов народнических организаций немного. Их небольшое число связано прежде всего с тяжелыми условиями подполья, строжайшей конспирации. Другой причиной немногочисленности этих источников является то, что даже такая крупная и сильная организация, как «Народная воля», не сложилась в партию. Это приводило к соответствующим правилам документирования. Исполнительный Комитет не был ни выборным органом, ни тем

¹ См.: «Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 126—146.

более подотчетным всей организации, поэтому составление таких форм документов, как отчет, протокол заседания, не вызывались структурой организации. Значительно пострадали документы народнических организаций от различных внешних причин, что только увеличивает пробелы источников в этом документальном комплексе. Решение таких вопросов, как происхождение документов, обстоятельства появления, составители, условия принятия, обсуждения, датировка, требует обязательного привлечения документов государственных учреждений (суда, политического сыска и др.), мемуарной литературы и периодической печати того времени.

При использовании документов народнических организаций следует учитывать как эволюцию движения в целом, так и отдельных организаций.

§ 2. Документы буржуазных партий

В связи с поздним образованием буржуазных партий их документальный комплекс хронологически очень узок (1905—1917). Деятельность некоторых из них в условиях контрреволюционного подполья и эмиграции не оставила большой документации.

Важнейшим источником и руководством при изучении документации буржуазных партий являются резолюции IV съезда РСДРП «Отношение к буржуазным партиям» и V съезда РСДРП «Об отношении к буржуазным партиям», а также такие работы В. И. Ленина, как «Опыт классификации русских политических партий» и «Кадеты и октябристы».

Методика работы с документами буржуазных партий в значительной степени определяется принадлежностью их к одной из двух групп: документы, предназначенные к публикации, и документы, не предназначавшиеся к публикации.

Для документов первой группы характерны социальная демагогия, либеральная фраза, тонкая фальсификация событий, фактов, мотивов действий.

Документам второй группы присуща большая откровенность. Однако она вовсе не исключает в них искажения фактов и причин событий.

В состав документов первой группы входят: программы и уставы партий, протоколы съездов и конференций, отчеты Центральных Комитетов. Вторая группа представлена протоколами заседаний Центральных Комитетов, частных совещаний партий. Говоря о программных и уставных документах буржуазных партий, следует указать, что они были не только опубликованы, но почти все зарегистрированы властями. Это обеспечивало партиям легальную деятельность. Не была лишь зарегистрирована программа конституционно-демократической партии (кадетской) из-за «неопределенности целей партии». Впоследствии правительство хотело зарегистрировать программу кадетов, но, надеясь завоевать влияние в массах, они пожелали остаться «нелегальной» партией. Программа кадетской партии была принята на I Учредительном съезде

де в октябре 1905 г. и окончательно утверждена на II съезде в январе 1906 г.

По коренному вопросу — о характере власти — программа кадетов не шла дальше требования «конституционной и парламентарной монархии» с министерством, ответственным перед «народным представительством». Программа включала требование буржуазных свобод, всеобщего избирательного права, наделение безземельных и малоземельных крестьян за счет государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель, государственную помощь переселению, упорядочение и расширение рабочего законодательства, свободы языков, автономии Польши и Финляндии в пределах империи. Многие из этих требований были ограничены и мало соответствовали названию партии — «партии народной свободы». Следует отличать программное заявление партии и те практические лозунги и задачи, которые ставила партия на выборах, в Государственной думе и т. д. Если сравнить эти акции кадетов и их программу, то можно увидеть, что на практике кадеты отстаивали узкоцензовое народное представительство, правительство, «пользующееся доверием общества», а не «ответственное правительство». В период второй Думы кадеты выступают с урезанными аграрными требованиями, выдвигают лозунг «бережения «Думы». Только после свержения самодержавия кадеты решились записать в свою программу пункт о необходимости «демократической и парламентарной республики». Однако деятельность кадетов в 1917 г. была далека от последовательного проведения этого требования в жизнь. Таким образом, только проверка программных положений буржуазных партий практикой их политической деятельности поможет правильно их интерпретировать.

Говоря о программных документах буржуазных партий, надо подчеркнуть еще два обстоятельства: программные документы многих партий близки друг другу; многие программные документы существовали недолго, так как процесс эволюции, слияния отдельных партийных групп, выделения партийных группировок был очень интенсивным. Например, лидеры возникшей в Москве после 17 октября 1905 г. умеренно прогрессивной партии признавали близость своей программы и кадетской¹. В то же время их программа мало отличалась от торгово-промышленной партии. Это привело к постепенному исчезновению партии с политического горизонта и слиянию ее с другими партийными группами. В марте 1906 г. сторонники умеренно прогрессивной партии вошли в состав партии демократических реформ, образованной бывшими деятелями кадетской партии. Новая партия именовалась «Союзом народного благоденствия». В конце 1907 г. эта партия объединилась с партией мирного обновления. Последняя в свою очередь в 1912 г. влилась в партию «прогрессистов». Подобные метаморфозы необходимо учитывать при анализе программ таких эфемерных партийно-политических группировок.

¹ См.: В. Я. Лаврычев. По ту сторону баррикад. М., 1967, стр. 44.

Указанные обстоятельства должны приниматься во внимание и при изучении протоколов съездов буржуазных партий.

Иной характер имеют протоколы центральных комитетов буржуазных партий, на закрытых заседаниях которых буржуазные лидеры были весьма откровенны в изложении мотивов своей тактики. Протоколы дают более детальную картину позиций отдельных группировок и лиц внутри партии. Например, на страницах периодической печати кадеты 6 августа 1914 г. высказались за созыв думской сессии. Однако, как показывают протоколы ЦК кадетской партии, это мнение не разделялось такими лидерами партии, как Милюков, Петрункевич, Шингарев, Родичев, которые «опасались выявления расхождений между властью и Думой»¹.

В протоколах ЦК кадетской партии от января 1915 г. отмечена тревога руководства партии о непонимании его политики, наблюдающемся в местных комитетах партии. Д. И. Шаховской признавал: «Настроение провинции настолько разнится с нашим, что мы едва ли удовлетворим приезжих с мест»².

В то же время в протоколах Центральных Комитетов немало демагогии, нечетких лозунгов, неверных оценок момента, поскольку это органически было присуще буржуазным политическим деятелям. Например, в заседании ЦК кадетской партии в июне 1915 г. Шингарев предложил создать «союз национальной обороны» из правых и левых элементов. Однако в предложенном им списке левых деятелей нет. Никак не конкретизировал он и свое предложение установить связи с рабочими³.

Известная аморфность политических организаций буржуазии, большая роль личных отношений в партийной практике сказались на некоторых особенностях документации этих партий: например, значительное отложение документации в личных фондах лидеров партий, отсутствие четких письменных решений и резолюций по обсуждавшимся вопросам.

§ 3. Документы большевистской партии

Пролетарский этап в русском освободительном движении ознаменовался созданием РСДРП как партии нового типа. Одной из ее отличительных черт явилась четкая организационная структура. В процессе революционной деятельности партии возникает комплекс документов, который получил наименование документов КПСС и выделяется в самостоятельную группу источников. Это определяется прежде всего той выдающейся ролью, которую играет большевистская партия в жизни России с начала XX в. Партия большевиков была важнейшим фактором всей политиче-

¹ В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны Л., 1967, стр. 64.

² Там же, стр. 67.

³ См. там же, стр. 84.

ской и общественной жизни страны. Многогранная деятельность партии получила отражение в разнообразии видов ее документов. Кроме традиционных, характерных и для предшествующих политических организаций, программ и уставов, мы имеем протоколы съездов и конференций РСДРП, их резолюции, решения, отчетные доклады и протоколы центральных органов партии и ее местных организаций, разнообразную переписку.

Программа. Одним из важнейших партийных документов дооктябрьской эпохи является программа РСДРП, принятая на II съезде партии. Отличительной чертой этого документа является высокий теоретический уровень, определение задач и целей партии на основе научного анализа развития капитализма в России. Принятие программы РСДРП явилось громадным шагом вперед, знаменовало новый этап в развитии марксизма. Для того, чтобы понять значение программы РСДРП, ее принципиально новый характер, оценить ее с точки зрения развития революционного движения, важно сравнить ее с программными документами первых марксистских организаций и проследить процесс выработки новой программы.

Выдающуюся роль в разработке программы РСДРП сыграл В. И. Ленин. Впервые к решению этого вопроса он приступил в декабре 1895 г., написав «Проект программы», а затем в июне — июле 1896 г. — «Объяснение программы»¹. Этот первоначальный проект содержал более конкретное и подробное изложение требований в области политических свобод, улучшения положения рабочего класса и крестьянства. «Объяснение программы» содержало не только более развернутое изложение основных пунктов, но и обоснование их из анализа экономических и политических условий России.

В 1899 г. В. И. Ленин написал статью «Проект программы нашей партии»². В ней В. И. Ленин обосновал необходимость программы для социал-демократической партии и отметил «громадную важность программы для сплоченной и последовательной деятельности политической партии»³. Ленин писал: «... программа должна формулировать наши основные воззрения, точно установить наши ближайшие политические задачи, указать те ближайшие требования, которые должны наметить круг агитационной деятельности, придать ей единство, расширить и углубить ее, возведя агитацию из частной, отрывочной агитации за мелкие, разрозненные требования в агитацию за всю совокупность социал-демократических требований»⁴.

В статье были определены принципы построения программы как общепартийного документа, основные разделы программы и их содержание.

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 81—110.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 211—239.

³ Там же, стр. 213.

⁴ Там же, стр. 214.

Последующая работа по составлению программ относится к 1902 г. Разработка основных теоретических и практических положений программы происходила в обстановке разногласий внутри редакции «Искры», которая взяла на себя инициативу составления программы. Имеется немало документов, показывающих, как настойчиво В. И. Ленин добивался включения в программу принципиальных положений, предельной четкости и определенности формулировок.

В итоге длительной работы был составлен проект программы Российской социал-демократической рабочей партии. Несмотря на попытки оппортунистов изменить революционную сущность проекта, II съезд партии принял искровскую программу с небольшими редакционными поправками. Программа РСДРП явилась выдающимся документом не только с точки зрения задач революционного движения в России. Программа РСДРП последовательно излагала все основные принципы марксистской теории и была единственной программой социал-демократии, где содержалось требование диктатуры пролетариата. Принятая съездом Программа заложила основы идейного единства партии.

Устав. На II съезде партии был также принят Устав, проект которого был составлен В. И. Лениным. Обсуждение проекта Устава происходило в обстановке ожесточенной борьбы двух линий: революционной и оппортунистической. Речь шла о выработке организационных основ партии нового типа. Хотя оппортунистам удалось добиться принятия первого параграфа (о членстве в партии) в своей формулировке, они не смогли изменить остальные ленинские положения Устава. Новый документ отличался четкостью содержания и построения. Ряд его положений оказал существенное влияние на формирование партийной документации: о роли партийных съездов, о постановлениях ЦК, об отчетности партийных организаций. Следует указать, что некоторые организационные вопросы (о месте «Бунда» в партии, о районных и местных организациях) были отражены в специальных резолюциях съезда.

Устав партии — документ, подвергающийся более частым изменениям, чем Программа. Программа партии, за исключением аграрной ее части, просуществовала без изменений до 1919 г. Устав изменялся и дополнялся на III, IV, V и VI съездах партии и принимался каждым съездом в новой редакции¹.

Кроме того, дополнения к Уставу или изменения отдельных его параграфов делались на совещаниях большевистских организаций, на конференциях. Объясняется это тем, что партия очень чутко реагировала на изменения условий своей деятельности. Например, на I конференции РСДРП в Таммерфорсе в декабре 1905 г. была принята резолюция о реорганизации партии. Она была продик-

¹ См.: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК», изд. 8, т. I. М., 1970, стр. 124—126, 182—183, 220—221, 496—498

тована полулегальной деятельностью партии в условиях развития революции. Первый пункт этой резолюции гласил: «Признавая бесспорным принцип демократического централизма, конференция считает необходимым проведение широкого выборного начала с предоставлением выбранным центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий».

Важным этапом в развитии Устава партии явился VI съезд РСДРП(б). Были по-новому сформулированы важнейшие параграфы о приеме новых членов, о съездах партии и их работе, о строительстве всех организаций партии на началах демократического централизма. Сам документ стал именоваться: не Организационный Устав, а Устав Российской социал-демократической рабочей партии.

Протоколы. Одной из самых больших групп документов является протокольная документация КПСС. Она представлена протоколами съездов, конференций, пленумов ЦК, различных совещаний партийных организаций и т. д. Начало созданию этого комплекса было положено на II съезде партии, все заседания которого протоколировались, а составленные записи утверждались на очередных заседаниях. Была выбрана специальная комиссия по изданию протоколов съезда. Этими актами партия сразу заявила о том серьезном значении, которое она придавала партийной документации и особенно материалам съезда.

О значении протоколов съездов писал В. И. Ленин: «Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу»¹.

Результатом того значения, которое придавалось протоколам съездов, явилась их публикация непосредственно после окончания работы съездов².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 189.

² До 1917 г. были опубликованы следующие протоколы: «Второй очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии». Женева, 1904; «Третий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии». Женева, 1905; «Протоколы Объединительного съезда Российской социал-демократической рабочей партии». Москва, 1907; «Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии». Париж, 1909. Изданные частично в 1917 г. материалы VI съезда были переизданы в 1919 г. полностью: «Протоколы VI съезда РСДРП (большевиков) 26 июля—3 августа 1917 г.». М.—Пг.—Н. Новгород, 1919.

Необходимо учесть, что по конспиративным соображениям иногда не публиковались некоторые резолюции и указывались не настоящие фамилии делегатов, а их партийные псевдонимы. Переиздание протоколов этих съездов было осуществлено в 1927—1937 гг. Новое издание с широким научно-справочным аппаратом было начато в 1958 г.

Богатое содержание протоколов съездов определяло необходимость их изучения. В. И. Ленин писал: «Каждый член партии, если он хочет сознательно участвовать в делах своей партии, обязан тщательно изучать наш партийный съезд, — именно: изучать...»¹.

При обращении к протоколам съездов необходимо установить, как составлялись эти протоколы. Записи заседаний первых съездов партии велись поочередно избранными секретарями. В редких случаях, когда кто-то из секретарей знал стенографию, выступления делегатов стенографировались. В секретариат или протокольную комиссию обычно сдавались и собственноручные записи речей делегатов, на основе этих материалов составлялись тексты протокола, которые утверждались на некоторых съездах. В тех случаях, когда протоколы не утверждались съездом, возможности искажений выступлений, пропусков в речах вполне допустимы. На это обращал внимание В. И. Ленин после окончания работы IV съезда партии: «На Объединительном съезде впервые оказалась такая неисполнительность секретарей, такая спешка закончить съезд..., что на съезде *не были* утверждены все протоколы. Протокольная комиссия (2 меньшевика и 2 большевика) выходит с этого съезда с невиданно-широкими и расплывчатыми полномочиями: утвердить незаконченные протоколы... Все это весьма печально. Боюсь, что таких хороших протоколов, как II и III съездов, мы не получим»². Появившиеся в 1907 г. протоколы IV съезда подтвердили эти опасения: многие выступления были переданы не полно, отсутствовали записи некоторых докладов, речей, в частности, докладов В. И. Ленина по аграрному вопросу, о современном моменте и некоторых других его выступлений. Кроме таких особенных причин, как меньшевистское большинство на IV съезде, полному воспроизведению всех прений на съездах мешал сам характер записей, поскольку они были не стенографическими, а протокольными.

Анализ текстов протоколов, сопоставление выступлений отдельных делегатов свидетельствует о пропусках в протоколах или слишком кратком изложении речей. Например, во втором выступлении Аксельрода по поводу § I Устава говорится, что Ленин критиковал его аргументацию о доступе в партию профессора, который считает себя социал-демократом. Между тем в записи выступления Ленина ничего об этом примере не говорится. Неисполненность записей отмечалось делегатами съезда при утверждении протокола. Правда, при этом некоторые делегаты хотели внести в протоколы фразы, положения, которые не были ими высказаны. На возможность искажения, пропусков указывают определенные разночтения в вариантах протокольных записей. Такими вариантами, в частности, на II съезде были секретарские записи, собственноручные записи делегатов, тексты протокольной комиссии и текст протоколов, подготовленный к набору.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 189—190.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 7—8.

Восстановлению еще более детальной картины съездов, развертывавшихся на них прений помогают воспоминания участников съезда, доклады делегатов о прошедших съездах, записи, которые самостоятельно велись отдельными его участниками. Например, протоколы II съезда партии дополняются рядом ленинских материалов, к которым относятся: «Дневник заседаний II съезда РСДРП»¹, «Заметки о работе программной комиссии»², «Заметки о прениях по § 1 Устава»³ и работа «Шаг вперед, два шага назад». Значение этих ленинских материалов не только в дополнениях к официальным протоколам, но и в раскрытии существа многих обсуждавшихся на съезде вопросов.

Особую роль выполняют подобные материалы при анализе менее совершенных протоколов. Например, к изучению протоколов IV съезда необходимо привлечь доклад В. И. Ленина об Объединительном съезде⁴.

Говоря о протоколах дооктябрьских съездов, следует обратить особое внимание на состав делегатов. Кроме большевиков, на съездах выступали меньшевики, бундовцы, экономисты и представители других оппортунистических группировок.

Резолюции. Итогом обсуждавшихся на съездах вопросов были принятые по ним резолюции. При изучении резолюций необходимо учитывать следующие моменты: во-первых, наличие различных проектов резолюции; во-вторых, внесенные в нее поправки, дополнения; в-третьих, проверка этой резолюции практикой революционной борьбы. Наличие разных проектов резолюций связано было прежде всего с борьбой революционного и оппортунистического крыла РСДРП, с деятельностью различных фракций и групп. Иногда эти проекты могли отражать и разногласия внутри большевиков, как это было на IV съезде партии по аграрному вопросу. Любая поправка могла существенно исказить смысл, дух документа. Особо следует обратить внимание на то, как выдержала проверку революционной практикой та или иная резолюция. Это, в частности, отмечал В. И. Ленин в «Докладе об Объединительном съезде»: «Проекты соответствующих резолюций большинства и меньшинства читатель найдет в приложении. Предлагаем интересующимся этим вопросом... сличать эти проекты от времени до времени с «уроками революции...»⁵.

Говоря о значении решений съездов, методах их изучения, в том числе IV съезда, В. И. Ленин писал: «Объединительный съезд дал массу делового, документального материала... Надо *изучать* этот документальный материал... Он сух, конечно, этот документальный материал. Не у всякого хватит внимания и терпения читать проекты резолюций, сличать их с принятыми резолюциями, обдумывать значение различных формулировок каждого пункта, каждой

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 403—421.

² См. там же, стр. 422—424.

³ См. там же, стр. 428—430.

⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 1—66.

⁵ См. там же, стр. 58.

фразы. Но без такой серьезной работы сознательное отношение к решениям съезда невозможно»¹.

При наличии оппортунистического большинства на некоторых дооктябрьских съездах, при колебаниях центра по целому ряду вопросов принимались и ошибочные резолюции. Поэтому при использовании текста той или иной резолюции надо знать ее авторов, когда и кем она была принята.

Манифесты. Обращения. Извещения. Особой формой документов высших органов партии (съезда, пленума ЦК и др.) были манифесты, извещения и обращения. Они обычно были связаны с каким-то конкретным событием, имели характер декларации, формулировали какие-то лозунги, призывы к партии. Наиболее редко издавались манифесты, так как были связаны с какими-либо чрезвычайными событиями.

Самой распространенной формой подобных документов были извещения. Известно два их вида: о созыве съезда, пленума, конференции; о состоявшемся съезде партии, конференции, совещании и т. д. Такого рода документы были обязательным элементом всех партийных съездов. В извещении сообщалось о состоявшемся заседании, причем по условиям конспирации не указывалось ни место, ни время заседания, но сообщалось количество делегатов, организации, которые они представляли. Затем довольно подробно излагались обсуждавшиеся вопросы и принятые по ним решения, формулировались лозунги, а иногда указывались первые итоги проведения их в жизнь. Такого рода документы имели важный мобилизующий характер и способствовали объединению сил партии.

Отчеты. Создание строго централизованной и организационно четкой политической партии породило комплекс отчетной документации. Существовали отчеты центральных органов съезду и отчеты местных организаций, направлявшиеся или в адрес ЦК, или съезда. Именно новый тип партии, ее пролетарский характер сделали этот вид документа постоянной формой документации. Пролетарская партия и ее организации не боялись контроля, проверки.

Характерно, что отчеты появились в самом начале деятельности партии. На II съезде РСДРП были представлены отчеты местных организаций партии, организации «Искры», Организационного комитета. Тогда же была сделана попытка унифицировать отчеты местных организаций, сделать их действительно коллективными отчетами организаций и добиться от них подробной информации по самым животрепещущим вопросам. Такие цели преследовал документ, составленный В. И. Лениным, «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду»². Это был вопросник, по которому следовало составлять отчет. При этом определялись не только разделы докладов, но и методика их со-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 61.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 72—82.

ставления. В. И. Ленин писал, что доклад должен быть полным, по всем отраслям социал-демократической работы, что желательно привлечь к составлению докладов более широкий круг лиц и провести обсуждение докладов в группах и комитетах.

В архиве II съезда партии сохранились доклады местных организаций: Бакинского, Тульского, Тверского комитетов, социал-демократического союза горнозаводских рабочих Юга России, Северного рабочего союза. В структуре и содержании этих докладов прослеживается влияние ленинского вопросника.

На съездах партии систематически слушались отчеты центральных комитетов, организационных комитетов, центральных органов. В политическом отчете ЦК обычно разбирались основные направления работы ЦК, выдвинутые политические лозунги, а в организационном рассматривался рост рядов партии, связи с местными парторганизациями.

Переписка. Среди партийных документов большое место занимает переписка. По своему происхождению она делится на переписку центральных органов с местными организациями, переписку центральных органов партии и переписку местных организаций с центральными органами. Основной формой сношения было письмо; для первой группы также характерна инструкция.

Необходимо отметить, что этот комплекс документов складывался несмотря на преследования охранки, строгие условия конспирации и подполья. Основной причиной этого процесса было стремление партии, ее центральных органов поддерживать постоянную связь с массами, с самыми широкими кругами революционного движения. Уже в первые годы работы партии удавалось наладить обмен корреспонденцией. Например, в докладе организации «Искры» II съезду партии указывалось, что «Искра» ведет непосредственную переписку с большинством комитетов партии, которые посвящают ее во внутреннюю жизнь комитетов¹.

Одним из трудных моментов работы с корреспонденцией является ее конспиративный стиль изложения, употребление псевдонимов, партийных кличек.

Листовки. В процессе деятельности большевистской партии возник большой комплекс листовок и прокламаций. Начиная с эпохи «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. И. Ленин уделял большое внимание выпуску листовок и сам принимал участие в их написании.

Основными вопросами, по которым большевики издавали листовки, были: вопросы стратегии и тактики; пропаганда лозунгов партии и конкретных форм борьбы пролетариата; листовки об отдельных забастовках или призыв к ним с четкой формулировкой требований рабочих; листовки о 1 Мая, 9 января; обращения к студенчеству; о важнейших событиях текущей политики (война, голод). Рассмотрим некоторые из них.

¹ См.: «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с местными социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.», т. 1—3. М., 1969—1970.

В апреле 1905 г. Московский комитет РСДРП выпустил листовку «К товарищам, отъезжающим в деревню!». Листовка ставила конкретной целью использовать связи рабочих с деревней для пропаганды идей социал-демократии. В ней содержался призыв организовывать крестьян на борьбу с самодержавием, для чего необходимо было разъяснить крестьянину, кто его враг. Предлагаю рассказать о борьбе пролетариата, о деятельности его партии. В листовке указывалось на необходимость проведения особой разъяснительной работы с батраками, наемными рабочими¹.

Выпуском листовок занимались и Центральный Комитет партии, и местные организации. Например, в начале февраля 1904 г. В. И. Лениным была написана листовка ЦК РСДРП «К русскому пролетариату», которая разоблачала грабительский характер начавшейся русско-японской войны. В. И. Ленин писал, что «русскому рабочему и крестьянину война сулит новые бедствия, потерю бездны человеческих жизней, разорение массы семей, новые тяготы и налоги»², что война нужна царизму и русской буржуазии. Шовинистическим лозунгам правительства в листовке противопоставлялись лозунги социал-демократии: «Долой самодержавие!», «Пусть будет созвано народное учредительное собрание!».

Открыто партийный характер этих изданий проявлялся не только в изложении вопроса, в оценках, что, конечно, является главным в подобных документах, но и в самом оформлении изданий. На большевистских листовках почти всегда указывалась их принадлежность РСДРП. Нередко ставился штамп или печать организации. При анализе листовок важно определить организацию, их издававшую, в каких условиях осуществлено издание, какие цели оно преследовало, что характеризует содержание данной листовки, каково значение и смысл этого издания. Определение последнего признака требует учитывать распространение издания.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в отличие от предшествующего этапа революционного движения новой партии удалось создать большой комплекс документальных материалов. Этому способствовал сам тип пролетарской партии, ее централизм, отчетность организаций, контроль за их деятельностью, тесные связи партии с народными массами.

¹ См.: «Листовки московских большевиков в период первой русской революции». М., 1955, стр. 130—131.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 173.

Нарастание классовой борьбы в период капитализма заставляло правительство совершенствовать, расширять и укреплять аппарат репрессий и насилий. Поэтому в недрах Министерства юстиции, Министерства внутренних дел и III отделения императорской канцелярии, а также отчасти Военного и Морского министерств — основных «охранительно»-карательных ведомств, — в фондах их центральных и местных органов отложились богатейшие материалы о политической истории и прежде всего по революционному движению в России. Все эти документальные источники условно можно поделить на две основные группы: судебно-следственные материалы и материалы органов политического сыска.

§ 1. Судебно-следственные материалы

Анализ данных о сословной и классовой принадлежности лиц, привлеченных к судебной ответственности за политические преступления в XIX — начале XX в. был использован В. И. Лениным при обосновании периодизации освободительного движения и определении начала разночинского или буржуазно-демократического этапа 1861 г., а пролетарского — 1895 г.¹

В фондах судебных органов отложился огромный фактический материал по истории революционного движения в России за 1861—1917 гг.] В особенности это касается буржуазно-демократического этапа освободительного движения. Удельный вес и значение судебно-следственных материалов как разновидности официальных, ведомственных документов в этот период оказываются несколько иными, чем в предшествующее время. В дореформенную эпоху судебно-следственные материалы являлись, по существу, почти единственными значительными комплексами источников по истории революционного движения. В первые пореформенные десятилетия они сохраняли еще доминирующее положение. С 80-х годов XIX в. политический сыск в России приобрел небывалый размах. По своему значению и объему материалы Департамента полиции теперь выдвинулись на первый план.

Изменился и характер судебно-следственных материалов.

Новые судебные уставы 1864 г. ввели суд присяжных заседателей, провозгласили независимость суда от администрации, передали следствие из рук полиции судебным следователям, ввели гласность судебных процессов и состязание защиты и обвинения. Эти новые процессуальные нормы обуславливали большую полноту

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 397; т. 25, стр. 93.

судебно-следственных материалов, значительно их обогащали и расширяли. Выводы и заключения судебного следствия, выступления прокурора и защитников требовали твердых обоснований. Более или менее широкая гласность суда на первых политических процессах позволяла обвиняемым выступать с обличением самодержавного строя, излагать свои революционные идеи (суд над нечаевцами и др.).

Однако подобный судебный механизм не во всем удовлетворял царские власти. Независимость суда от административных органов противоречила устоям самодержавного строя. Поэтому уже в 1866 г. была ограничена компетенция суда присяжных, а в 1867 г. ликвидирована несменяемость судебных следователей. Началось наступление на принцип несменяемости судей. С 1872 г. все наиболее значительные политические процессы рассматривались «Особым присутствием Правительствующего Сената», в котором судебное разбирательство происходило при закрытых дверях, или с крайне ограниченной гласностью. Тем самым правительство стремилось предотвратить возможность превращения судебных процессов в трибуну для революционной пропаганды. Начиная с процесса Долгушинцев (1874 г.) дела в суд стали передаваться непосредственно после полицейского дознания, т. е. без проведения предварительного следствия, что обедняло документацию. Все более урезывались функции суда присяжных заседателей. В 1878 г. после оправдания присяжными заседателями В. И. Засулич все дела, касающиеся насильственных действий против должностных лиц и оскорбления их, были переданы судебным палатам. В том же году значительная часть дел, подводимых под рубрику «государственных преступлений», стала подведомственна военно-окружным судам. Постепенно судебные процессы становились все более редким явлением, хотя они и проводились с большими ограничениями прав обвиняемых и защитников (закрытый суд и пр.). В официальные отчеты не попадали или искажались многие речи обвиняемых и защитников, содержавшие нежелательные для правящих верхов разоблачения и высказывания. Такое «редактирование» осуществлялось по прямому указанию царя, потребовавшего 18 января 1879 г. изымать из судебных отчетов «всякие неуместные подробности, а тем более какие-либо тенденциозные выходы со стороны обвиняемого или его защиты». Таким образом, официальные судебно-следственные материалы имеют явные пробелы. Поэтому их следует дополнять записями и нелегальными изданиями речей подсудимых и защитников, сохранившимися в различных архивных фондах.

В 90-е годы преобладающая часть политических дел рассматривалась уже в административном порядке, на основе предварительного следствия или дознания, производимого жандармами. По данным М. Н. Гернета, в 1893 г. в судебном порядке было рассмотрено всего 5 дел (8 человек) о государственных преступлениях, а в административном — 73 дела (301 обвиняемый). Аресты, связанные с усилением рабочего движения, производились помимо

органов прокурорского надзора на основании Положения 1881 г. о мерах к охранению государственного порядка и спокойствия. Опасаясь отзвук даже закрытых политических процессов, власти расправлялись с оппозиционно настроенными элементами в административном порядке. В случаях, когда такие процессы все же происходили, министры в 1898 г. решили «не публиковать впредь решений судов о стачках и прочих волнениях».

Закрытый суд и упрощенное ведение следствия, предшествующие административной высылке, освобождали жандармские власти от необходимости тщательного обоснования всех пунктов обвинения. Они не заботились о том, чтобы точно определить состав преступления. Главное заключалось в установлении факта принадлежности к противозаконному сообществу и «прикосновенности» к государственному преступлению. Поэтому материалы жандармских дознаний в отличие от материалов судебных процессов более лаконичны и не содержат деталей, столь важных для исследователя.

Для многих политических и даже некоторых уголовных процессов, имевших политическое звучание и организованных в XIX—XX в., присуща крайняя тенденциозность как материалов следствия, так и обоснования приговора. Суд выносил приговоры по политическим процессам под прямым давлением правительства, широко используя подлоги и лжесвидетельства шпионов и провокаторов. Во имя борьбы с «крамолой» возникают такие постыдные процессы, как судебная расправа над Н. Г. Чернышевским, социал-демократической фракцией II Государственной думы, мултанское дело и др. В обстановке нарастающего массового революционного движения в начале XX в. такие испытанные средства, как провокации, подлоги, подтасовки, особенно широко применялись судебными властями в целях «узаконения» расправ с революционерами.

По некоторым политическим процессам полные официальные стенографические отчеты пока не обнаружены (процесс «193-х», процесс «17-ти» и др.). Эти материалы отчасти заменяются донесениями, сохранившимися в фондах Департамента полиции. Особенно плохо дело обстоит с материалами политических процессов XX в. В первую очередь это касается дел, рассмотренных судебными палатами в 1913—1917 гг. При царизме они не успели еще попасть в архивы. Некоторые из них были сознательно уничтожены в период революций, другие погибли в годы гражданской войны.

К судебнo-следственным материалам второй половины XIX — начала XX вв. применимы общие приемы источниковедческого анализа. При этом важно выявить побудительные мотивы тех или иных заявлений и утверждений. Это в равной степени касается выступлений как обвинителей, так и свидетелей, защиты и обвиняемых. Однако отрицание обвиняемым тех или иных пунктов обвинения не может быть основанием для нигилистического подхода ко всем фактам, содержащимся в обвинительном заключении. Нельзя

забывать, что часто на суде шла борьба не только за сроки и условия приговора (тюрьма, ссылка, каторга и пр.), но и за жизнь обвиняемых. Откровенных показаний можно было ожидать лишь от предателей, ибо такие показания наносили ущерб партии (ставили в затруднительное положение арестованных товарищей, угрожали оставшимся на воле), могли привести к провалу законспирированных партийных групп и комитетов. Именно такие откровенные показания давал, например, М. И. Рысаков на следствии и суде по делу 1 марта 1881 г.

Естественно, что в ходе следствия революционеры стремились использовать все упущения и просчеты следствия, отрицая те обвинения, которые не имели достаточных доказательств. Это тем более относится к периоду империализма, когда политические процессы все более приобретали характер показательной расправы с революционерами. Обвиняемые всячески затрудняли деятельность прокурора, препятствуя его попыткам обнаружить связи между революционными организациями и рабочими, скрывая роль видных партийных деятелей. Они отказывались от показаний в тех случаях, когда любые сведения могли помочь следствию, дать жандармам какие-либо новые нити, поставить в затруднительное положение товарищей. Однако отказ от показаний не являлся единственно правильной нормой поведения на суде. Откровенные показания о политических убеждениях и целях борьбы на открытых процессах были столь же необходимы, как и отказ от показаний по конкретным вопросам, так как служили делу политического просвещения народа, способствовали разворачиванию революционной пропаганды и агитации.

Образец поведения революционера на следствии дал В. И. Ленин, когда он был арестован по делу «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сохранились краткие протоколы допросов В. И. Ленина в конце 1895 — начале 1896 г. Из них видно, что В. И. Ленин не сообщил следствию никаких новых сведений. Он признавал то, что невозможно было отрицать (принадлежность ему ряда рукописей), предлагал жандармам версии появления у него некоторых революционных воззрений (якобы случайно взятых у какого-то лица), категорически отрицал общеизвестные теперь факты своих связей с питерскими рабочими и поездки в 1895 г. в Швейцарию для встречи с Г. В. Плехановым, отказался давать сведения о знакомых и объяснения по поводу своих рукописей, найденных у других лиц.

Несколько лет спустя в справке Департамента полиции о В. И. Ленине определенно указывалось, что он «отказался давать какие-либо объяснения о своем знакомстве с другими лицами и утверждал, что никогда не бывал в каких-либо кружках рабочих».

Истинное положение дел можно правильно охарактеризовать лишь при сопоставлении всех судебно-следственных материалов (показаний обвиняемых, свидетелей, вещественных доказательств и пр.) с другими источниками (мемуарами, периодической печатью).

Наглядное представление о характере и значении судебно-следственных материалов для исследования истории революционного движения может дать рассмотрение некоторых значительных политических процессов.

Методы расправы с политическими противниками самодержавного строя в полной мере проявились при организации следствия и процесса над Н. Г. Чернышевским. III отделение императорской канцелярии не располагало юридическими доказательствами его революционной деятельности. В конфиденциальных документах говорилось: «Юридических фактов к обвинению Чернышевского в составлении возмутительных воззваний и возбуждении враждебных чувств к правительству в III отделении не имеется. Но он подозревается в том на основании тех данных, которые поступили о нем в III отделение совершенно частным путем». Произвели обыск, арестовали Н. Г. Чернышевского. Четыре месяца материалы, отобранные при обыске, тщательно изучались. Усилия жандармов оказались тщетными. Они не обнаружили документов, необходимых для обоснования обвинения и осуждения. Тогда на помощь им пришел доносчик-предатель по процессу первой вольной типографии В. Костомаров. Он согласился на подлог и лжесвидетельство, обязавшись представить письменные доказательства и обеспечить свидетельские показания, необходимые для осуждения Чернышевского. III отделение с согласия Александра II обещало добиться пенсии матери Костомарова и единовременного пособия ему самому.

Во время следствия и суда Н. Г. Чернышевский последовательно отвергал показания Костомарова и подготовленные им фальшивки. Однако суд не стремился разоблачать лжесвидетеля. Наоборот, графологическая экспертиза фальшивок Костомарова осуществлялась таким образом, чтобы была доказана их «достоверность». Возражения Чернышевского не принимались во внимание, а пристрастные, хотя и несколько уклончивые, заключения чиновников-экспертов были усугублены и извращены в выводах Сената, как бы завершившего подлоги III отделения. Так, эксперты были единодушны лишь относительно сходства в написании только двух букв в записке, приписываемой Н. Г. Чернышевскому, с его почерком. Сенат же насчитал 12 таких букв из 25.

В. И. Ленин характеризовал осуждение Н. Г. Чернышевского как незаконное и подтасованное¹.

Экспертиза документов, проведенная журналом «Красный архив» и специалистами-графологами, неопровержимо доказала, что они были составлены В. Костомаровым. Исследования ученых 20-х годов (М. Лемке и др.) позволили раскрыть историю подлогов по делу Н. Г. Чернышевского, подготовленных III отделением.

В 70—80-е годы один за другим проходили процессы различных народнических и народовольческих организаций и групп. Судебно-следственные материалы содержат ценнейшие сведения об

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 28.

их революционной деятельности, политических требованиях и тактике борьбы. Значение этих материалов тем более велико, что обвиняемые, используя даже ограниченную гласность суда, не скрывая своих политических взглядов, стремились продолжить агитацию против существующего строя. С этой точки зрения особый интерес представляют заявления И. Н. Мышкина во время следствия и его речь на процессе «193-х» (1874—1877), смелые показания и выступления С. И. Бардиной на процессе «50-ти» (1877), А. И. Желябова и других народовольцев на суде по делу 1 марта 1881 г. Большое историческое значение имеют материалы судебных процессов первых рабочих организаций («Южнороссийского союза рабочих» и «Северного союза русских рабочих») и выступления рабочих-революционеров на них. Необходимо указать на речь рабочего Петра Алексеева, которая была центральным событием процесса «50-ти». Процесс проходил в Особом присутствии Сената при открытых дверях. Это дало возможность революционерам записать, подпольно напечатать и распространить в виде прокламаций речи С. И. Бардиной и П. А. Алексеева. Эти записи и публикации имеют большую историческую ценность еще и потому, что до сих пор не удалось обнаружить полных стенографических записей судебных заседаний, которые велись на процессе «50-ти». Видимо, утрачен текст речи, написанной самим П. Алексеевым. Официальный же отчет о процессе дает самое общее представление о содержании речей подсудимых. По поводу яркого выступления Петра Алексеева сухим канцелярским языком сказано, что он «позволил себе в конце своей речи дерзкие выражения, за что и был остановлен». Вся политическая заостренность речи снята. П. Алексеев выразил твердую уверенность в том, что «подымеется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах». В. И. Ленин называл речь П. Алексеева «великим пророчеством»¹.

В начале XX в. значительный общественный резонанс вызвали два политических процесса. Первый был связан с Обуховской обороной 1901 г., открывшей новую славную страницу в истории русского рабочего движения. Правительство не удовлетворилось кровавой расправой над обуховцами в мае 1901 г. Сотни рабочих были арестованы, а затем высланы из Петербурга. Судебно-следственные материалы по процессу обуховцев хорошо иллюстрируют классовую направленность царского суда. Показания свидетелей обвинения были инспирированы и подтасованы. Двери суда были закрыты для рабочих. Суд не стал их привлекать в качестве свидетелей. Тем не менее в материалах суда и следствия сквозь сухие канцелярские строки ощущается мужество и решимость рабочих, поднимавшихся на активную борьбу с существующим строем. При этом даже свидетели обвинения, раболепно выполнявшие все указания начальства, иногда делали очень важные признания. Один городской, например, объясняя причину сравнительно незначи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 377.

тельного количества пострадавших от солдатских залпов, говорил: «Надо креста на шею не иметь, чтобы стрелять в своего брата. Только скоты как следует стреляли». Большая часть солдат умышленно стреляла мимо обуховских рабочих.

Вторым значительным процессом был суд над участниками первомайской демонстрации 1902 г. в Сормове. Речи рабочих на процессе были опубликованы местными социал-демократами в нелегальных листовках, затем перепечатаны «Искрой». Они оказали революционизирующее воздействие на российский пролетариат. Особо выделялась речь П. А. Заломова.

Большое количество политических процессов связано с первой русской революцией. «Царское правительство, помещики и капиталисты, — говорил В. И. Ленин, — бешено мстили революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торолясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»¹. Расправляясь с восставшими рабочими, крестьянами и солдатами, правительство прибегало к массовым казням без суда и следствия. В дни Декабрьского вооруженного восстания в Москве десятки рабочих расстреливались на месте. Единственными документами, частично сохранившимися в архивах, были краткие пометки с указанием имен, фамилий, места работы, состава преступления и крестика, означавшего расстрел. Вот одна из таких записей: «Иван Михайлов Волков. Сахарный завод. Боевой дружинник. Что-либо сказывать не желает. + Поручик Аглаимов».

Несмотря на поспешность при разбирательстве дел, материалы военных и военно-полевых судов содержат сведения о вооруженной борьбе рабочих, солдат и крестьян, об организующей и руководящей роли большевиков.

В отдельных случаях, когда в распоряжении следствия имелись неопровержимые улики, царскими властями организовывались как бы образцово-показательные процессы. К таким процессам следует отнести судебные расправы над революционными солдатами и матросами в 1905—1907 гг., «Горловское дело» и др.

Важнейшими политическими процессами периода первой русской революции являются дела Петербургской военной организации большевиков и социал-демократической фракции II Государственной думы.

Провокационное обвинение социал-демократической фракции II Государственной думы в антиправительственном заговоре дало повод разогнать Думу и осуществить третьеиюньский переворот. Власти пошли на прямой подлог, используя свою агентуру в Петербургской военной организации большевиков. Суд над 12 членами военной организации при Петербургском комитете РСДРП и 37 членами Думы — социал-демократами — был от начала до конца сфабрикован охранкой. На основании подтасованных и фальсифицированных фактов во имя осуществления

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 72.

политических планов сил реакции особое присутствие Правительствующего Сената «упекло» 37 человек на каторгу, а остальных отравило в ссылку.

Обвинительное заключение и материалы следствия были составлены настолько грубо, что даже политические противники большевиков высказывали подозрение о подлоге. Председатель II Государственной думы Ф. А. Головин замечал, что «главный документ обвинения — лоскут бумаги, найденный во время обыска на полу в квартире депутата Озоля, имеет надпись не ту, какая значится в акте судебного следователя. В этом акте указано, будто на этой бумаге написано: «Переслать в военную организацию». Между тем, на подлиннике была надпись: «Переслать в В. О.». По объяснению членов с.-д. фракции эта подпись должна быть читаема так: «Переслать в Виленский отдел». Причем, в подтверждение этого утверждения указывали, что эта бумага находилась в конверте, адресованном в г. Вильно. Необоснованность обвинения была очевидной для членов комиссии Государственной думы, которой для ознакомления были представлены материалы следствия. Особое присутствие Сената рассматривало дело, построенное на агентурных сведениях, фальсифицированных документах и ложных показаниях.

Поэтому судебный процесс был закрытым. Рассмотрение дела военной организации Петербургского комитета и социал-демократической фракции II Думы дает наглядный пример тех нравов и методов, которые существовали в «охранительно»-карательных органах самодержавия. Как готовились охранкой эти процессы, показали разоблачительные выступления провокаторов Бродского и Шорниковой в 1911—1913 гг. и признания руководителей политического сыска в 1917 г. Бродский публично заявил, что он вошел в состав боевой социал-демократической организации по поручению Петербургского охранного отделения, где «искусственно создавал, путем подброса документов, несуществующую в действительности связь думской социал-демократической фракции с военной и боевой организациями». Тем же занималась и Шорникова. С помощью этих агентов, действовавших независимо друг от друга, охранка выполняла распоряжение Столыпина «арестовать с личными» членов Думы. Бродский подобрал нескольких солдат, составил «Наказ» с их требованиями и назначил день для посещения социал-демократической фракции. Солдаты, переодетые в штатское на квартире агента охранки, явились в официальное помещение фракции. По разработанному плану охранки Бродский должен был явиться вместе с ними, имея при себе компрометирующие документы («Наказ» и пр.). Его должны были арестовать, а потом инсценировать побег. Случайно Бродский опоздал. Обыск уже начался и его не допустили в помещение. Своей небрежностью провокатор затруднил работу следствия, ибо «Наказ» был представлен теперь как документ, добытый агентурным путем. Это серьезно ослабляло эффект обвинения. «Такова была инсценировка, — писал В. И. Ленин, — самым тщательным образом подготов-

ленная охранкой и давшая возможность реакции не только осудить и отправить на каторгу представителей пролетариата, но, кроме того, распустить вторую Думу и совершить свой государственный переворот 3 (16) июня 1907 г.»¹.

Почву для размышлений о характере и направлении источно-ведческого анализа судебно-следственных материалов дает судебный процесс большевистской фракции IV Государственной думы, состоявшийся в феврале 1915 г.

В правящих верхах обнаружилось разногласия о способах расправы с депутатами-большевиками, деятельность которых наглядно опровергла тезис о «единении» царя с народом. Министр юстиции настаивал на предании депутатов военному суду. Департамент полиции и штаб Верховного Главнокомандующего требовали судить большевиков обычным порядком. Они опасались, что военный суд создаст благоприятную обстановку для революционной агитации. После продолжительной переписки дело оставлено было за гражданским судом.

Судебные отчеты раскрывают антивоенные настроения переломных российских рабочих в первые месяцы войны. Депутаты-большевики (Г. И. Петровский и др.) заявили о своих антивоенных убеждениях, доказали, что они выражают мнение рабочих. На судебном процессе развернулась невиданная, по словам В. И. Ленина, картина «использования парламентаризма *революционной* социал-демократией»². Многие в этом отношении содержат такие источники, как отчет о нелегальной работе М. К. Муранова и записи Г. И. Петровского, попавшие в руки полиции и фигурировавшие на процессе в качестве основных вещественных доказательств.

Вместе с тем нельзя принимать на веру и использовать для прямых выводов ряд утверждений и заявлений депутатов-большевиков на суде. Во-первых, они всеми средствами стремились затруднить работу следствия и суда по выяснению состава руководящих органов партии в России. Так, Г. И. Петровский отрицал руководящую роль ЦК, заявив: «Мы не получали директив от Центрального Комитета». Нет никакой необходимости доказывать, что большевистская фракция действовала под непосредственным руководством ленинского ЦК. Во-вторых, отдельные непродуманные показания депутатов и в особенности поведение Каменева, заявившего о своем несогласии с ЦК по вопросу об отношении к войне, дали возможность защитникам, стоявшим на шовинистических позициях, выдвинуть версию о «конфликте» между фракцией и партией. Эту версию с радостью подхватила кадетская «Речь» и другие буржуазные газеты. В. И. Ленин, иронизируя по поводу этих заявлений, писал: «Какие невинные младенцы! Они будто бы не знают, что в первой стадии дела депутатам угрожали военным судом и смертной казнью»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 383.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 172.

³ Там же, стр. 171.

Наряду с политическими процессами, значительный материал по истории России в период капитализма хранят некоторые крупные уголовные процессы. Понимание истории развития капитализма бесспорно обогащается при изучении судебных дел о подлогах завещаний и векселей, а также других значительных судебных тяжб. В особенности это касается периода первоначального накопления капитала. В качестве примера можно привести дело Московского коммерческого банка о «незаконных» ссудах и спекуляциях в 1876 г. и тяжбу фабрикантов Моргуновых в XX в., длительное время судившихся из-за доли наследства и права возглавлять крупную фабрику в Московской губернии.

Большое значение судебно-следственные материалы имеют для истории народов Российской империи, отражая некоторые специфические условия их жизни и быта (кровная месть, похищение женщин и прочие пережитки родоплеменных отношений).

Особый интерес представляют громкие процессы-отзвуки русско-японской войны. Привлечение к судебной ответственности генерала Стесселя за сдачу Порт-Артура и адмирала Небогатова в связи со сдачей без боя кораблей русского флота после Цусимы было уступкой раздраженному поражением общественному мнению. Следствие и суд много сделали, чтобы выгородить обвиняемых и облегчить их участь. Тем не менее процессы показали мрачную картину неподготовленности как армии, так и флота к войне. Достоянием гласности стали нераспорядительность, карьеризм, местничество, взаимное подсиживание и соперничество, разъедавшие верхи офицерского корпуса и генералитета. Эти процессы имели большое политическое звучание, наглядно свидетельствуя о гнилости политического строя царской России.

Большой общественно-политический резонанс имели сфабрикованные царскими властями дела по обвинению представителей некоторых народов Российской империи в совершении человеческих жертвоприношений. Такие процессы имели место в конце XIX — начале XX в. С помощью мифа о ритуальных убийствах царизм пытался отвлечь трудящихся многонациональной страны от классовой борьбы, посеять рознь между народами, разжечь национальную нетерпимость, натравить русских на «инородцев», православных на иноверцев и «язычников».

Большое общественное звучание имело дело Бейлиса, сфабрикованное в Киеве.

Обвиняя Бейлиса в убийстве мальчика Юшинского, царские власти знали настоящих убийц и прикрывали их. Процесс был затеян в угоду правым, черносотенным элементам, рассчитывавшим делом о ритуальном убийстве поднять мутную волну шовинизма и антисемитизма. Правая монархическая печать («Земщина», «Русское знамя») начали эту кампанию. При подготовке дела Бейлиса имелись незаменимые атрибуты тенденциозного следствия: лжесвидетельство, пристрастная медицинская экспертиза, сделанная по заказу властей. Здесь эти характерные черты шемакина суда были выражены еще более отчетливо. Фабрикуя

обвинения против заведомо неповинного человека, царские власти оберегали настоящих убийц, долгое время не «замечая» их и не привлекая к ответственности.

§ 2. Материалы органов политического сыска

Большое количество сведений о политической истории России и прежде всего по революционному движению имеется в материалах органов политического сыска, сосредоточенных в фондах III отделения императорской канцелярии, Департамента полиции, Министерства внутренних дел и их местных подразделений.

Развернутая система политического сыска складывалась в России еще в XIX в. До 1880 г. центром ее являлось III отделение е. и. в. канцелярии, в ведении которого находилась высшая полиция и «наблюдение за мнением общин и духом народным». Помимо совершенствования «наружного» наблюдения за революционерами, т. е. расширения сети шпииков, в конце 60-х — начале 70-х годов еще в недрах III отделения были приняты меры к развитию так называемого внутреннего наблюдения за деятельностью революционных кружков и организаций. Это был курс на насаждение провокаторства. В период управления III отделением Шуваловым секретная агентура, необходимая для ведения «внутреннего» наблюдения, была значительно расширена. Для организации политического сыска на местах в 1867 г. было создано Петербургское губернское жандармское отделение. В 1871 г. при Московском губернском жандармском отделении организуется специальное «секретное отделение», имевшее агентов во всех высших учебных заведениях Москвы. В 1878 г. ориентация на секретную агентуру «в общественной среде» была официально подтверждена выводами Особого совещания.

Разросшийся аппарат полицейского сыска не умещался в рамках императорской канцелярии, качество его «работы» не удовлетворяло правящие верхи. Это привело к упразднению III отделения в 1880 г. и передаче его дел в Департамент полиции. Е. А. Перетц со слов одного из ревизовавших отделение сенаторов, характеризуя состояние в нем дел перед упразднением, писал, что «дела велись в III отделении весьма небрежно», что «они начинались почти всегда с какого-нибудь донесения, например, тайного агента, или записанного полицией показания дворника». «Писаны были, — продолжает он, — подобные бумаги большей частью безграмотно и недостаточно; дознания по ним производились не всегда; если же и производились, то слегка, односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого; объяснений его или очной ставки с доносителем не требовалось; затем составлялась докладная записка государю, в которой излагаемое событие освещалось в мрачном виде; ... в заключение испрашивалось разрешение на ссылку, в административном

порядке»¹. Из этой оценки ясна необходимость строго критического подхода к материалам III отделения и его местных органов.

Тем не менее в документах III отделения содержатся ценные сведения о революционной и общественно-политической деятельности А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова, Д. И. Писарева. В ряде дел освещается общественная и революционная деятельность различных народнических кружков и организаций. Некоторые дела хранят материалы о революционной пропаганде в городе и деревне, о «хождении» в народ. Наряду с полицейскими документами в них отложилась пропагандистская литература, переписка революционеров. Документы III отделения дают определенное представление о предпосылках и ходе рабочего движения. Значительный интерес представляют «Сведения о губернии», «Всеподданнейшие донесения о происшествиях в губерниях» и «Донесения корпуса жандармов о происшествиях в губерниях», появившиеся в 1873—1874 гг.

В Департаменте полиции политический сыск был сосредоточен в Особом отделе. Этот отдел занимался в первую очередь постановкой «внутреннего» наблюдения за революционными организациями и общественным движением. В качестве местных органов, подчиненных отделу, в 1880 г. в наиболее значительных центрах общественной и культурной жизни России были созданы так называемые Отделения по охранению общественной безопасности и порядка («охранки»). Первоначально охранные отделения действовали в Петербурге, Москве и Одессе. В 1902 г. они появились во всех крупных губернских городах. Наряду с охранными отделениями, державшими в поле своего зрения более крупные партийные формирования и политические группы (центральные и областные комитеты партий, крупные губернские партийные центры), организацией политического сыска на местах занимались специальные офицеры губернских жандармских управлений.

Органы политического сыска, возглавляемые Департаментом полиции Министерства внутренних дел в конце XIX — начале XX в., имели широкую сеть «внутренней» агентуры не только в революционных, но и в буржуазно-оппозиционных кругах.

Деятельность крупных провокаторов, обосновавшихся около партийных центров, направлялась непосредственно Департаментом полиции (Азеф, Малиновский, Загорская). Некоторые из них получали министерские оклады. Так, за услуги Загорской, «освещавшей» заграничные центры партии эсеров, оценивались в размере 3000 франков в месяц, Азеф получал до 1000 руб. в месяц. Более скромную мзду получали провокаторы, находившиеся на службе охранных отделений.

Искусно создавая «пустоту» в революционных организациях с помощью арестов и высылки, охранка активно содействовала партийной «карьере» агентов. Им иногда удавалось занять вид-

¹ «Дневник Е. А. Перетца (1880—1883)». М. — Л., 1927, стр. 3.

ное место в партийных органах и давать властям весьма ценную информацию. Эта информация в конечном итоге была фактической основой многих документов охранных отделений, губернских жандармских управлений и Департамента полиции.

Как правило, агенты действовали продолжительный срок, доставляя более или менее регулярные сведения о состоянии партийной организации.

Следовательно, в материалах «охранительных» органов самодержавия содержится обширная информация, которая является важнейшим источником по истории рабочего, революционного и буржуазно-оппозиционного движения. Пользуясь этим источником, нельзя забывать о том, что при всей осведомленности провокаторы не могли иметь сведений обо всех сторонах деятельности партийных комитетов. Глубоко законспирированная организация с правильно налаженной нелегальной работой не могла быть «просвечена» до конца самой опытной агентурой. Строгое соблюдение норм и принципов конспирирования позволяло сохранять отдельные звенья организации и продолжать работу. Примером может служить Московская организация большевиков, в которую охранке перед войной удалось «подсадить» несколько крупных агентов (Малиновского, Романова, Лобова и др.). Бесспорно, они принесли большой вред делу партии и рабочего класса, но партийная работа в Москве продолжалась, рабочее движение усиливалось. Отсюда следует вывод, что использование лишь одних материалов политического сыска может вызвать досадные погрешности.

Кроме того, сведения даже очень хорошо осведомленных агентов требуют проверки. От людей, не имеющих принципов и убеждений, нельзя ожидать полной правдивости, хотя достоверность информации контролировалась и проверялась руководителями политического сыска. Явный обман обнаруживался перекрестными сведениями, получаемыми от других агентов. Обман мог лишить заработка, привычных условий существования, ибо власти круто расправлялись с провинившимися агентами. Угроза этой расправы обеспечивала необходимую точность информации. Однако она не исключала возможности сообщения «полуправды». Наряду с точно проверенными фактами, агенты сообщали сомнительные сведения, иногда преувеличивали роль известных им руководителей подполья, включали вымышленные детали и эпизоды, не подтверждающиеся проверке.

Ценность агентурных сведений умалается также тем, что многие провокаторы были недостаточно политически грамотными. Так, например, провокатор Одинцов, являвшийся выборщиком в IV Думу по Костромской губернии, близко знакомый с большевиком-депутатом Н. Р. Шаговым, правильно описывал основные практические вопросы, разрешенные на Краковском совещании в сентябре 1913 г., но при изложении решений конференции допустил явные несуразности.

Следует предостеречь от прямого некритического заимствования из официальных документов всех перечисленных в них

фамилий участников революционного движения. Дело в том, что в своих донесениях агенты о собственном положении в организации писали в третьем лице, указывая фамилию и партийный псевдоним. Этот принцип сохранялся во всей документации Департамента полиции и его местных органов. Даже в алфавитной картотеке охранного отделения, куда заносились фамилии всех лиц, заподозренных в революционной работе и оппозиционной деятельности, сохранялся тот же порядок. Так, на карточке известного провокатора А. С. Романова, являвшегося членом Московского областного бюро РСДРП, можно прочесть, например, выдержки из донесения о нем «Пелагеи», т. е. самого же Романова. Поэтому оценки активных работников большевистского подполья, содержащиеся в различных документах жандармско-полицейских органов, нельзя использовать без проверки и сопоставления с другими источниками.

Некоторые документы Департамента полиции, жандармских управлений и охранных отделений отражают карьеризм, подсиживание среди царских чиновников, оказывавших влияние на интерпретацию собираемых сведений.

В фондах Департамента полиции можно обнаружить дела, которые следует оценивать как проявление своеобразной политической мистификации и готовящихся политических провокаций. Охранка не только «пресекала» революционную деятельность, но и выполняла грязную работу по подготовке инспирированных правительством политических кампаний, призванных укрепить устои самодержавной власти. К числу таких дел следует отнести многочисленные материалы о масонах. В одном из документов к масонам причислялись не только видные буржуазно-оппозиционные лидеры, но и такие представители революционно-демократической культуры, как А. М. Горький.

Дело в том, что в борьбе с революционным движением и буржуазно-оппозиционными выступлениями царское окружение и махрово-черносотенные элементы всячески разжигали великодержавные шовинистические идеи, сочетавшиеся с утверждением православно-монархических взглядов. После первой русской революции крайне правые черносотенные газеты («Вече», «Земщина», «Русское знамя») объявили «масонство» главным врагом монархии и христианства. Все либеральное и даже социалистическое движение объявлялось делом рук мощной и действующей тайно мировой организации масонов, ответвления которой якобы успешно действовали в России. Более того, ставленниками масонов были объявлены Витте и даже Столыпин! Кампания против масонов в черносотенной прессе приняла настолько широкий размах, что оказала определенное воздействие на правящие верхи. Однако в действительности организации масонов в России влачили жалкое существование и не оказывали сколько-нибудь заметного воздействия не только на революционное, но даже на оппозиционное движение.

§ 3. Публикации судебно-следственных материалов и материалов политического сыска

Содержательные материалы судебно-охранительных органов широко использовались не только в исследованиях, но и в сборниках документов и тематических публикациях по истории революционного движения в России. Все многочисленные издания, в которых в той или иной степени публиковались документы III отделения, Министерства юстиции, Департамента полиции, Министерства внутренних дел, Военного и Морского министерств, а также их местных органов, невозможно перечислить. Точный учет всех этих опубликованных материалов отсутствует.

Однако удельный вес опубликованных материалов по истории революционного движения, в особенности на пролетарском этапе, сравнительно с неопубликованными материалами незначителен. На основании опубликованных материалов невозможно сколь-нибудь полно осветить то или иное событие. По этим изданиям можно составить лишь самое общее представление о тех или иных конкретных революционных выступлениях и организациях. Они могут служить лишь отправной точкой для углубленно-поисковой работы в архивах. Преобладающая масса документов вводится в научный оборот и в результате конкретных исследований. Если политический процесс декабристов, например, достаточно полно, практически почти исчерпывающе, освещен многотомной публикацией «Восстание декабристов», то такие всеобъемлющие публикации по важнейшим политическим процессам второй половины XIX — начала XX в. отсутствуют.

Отличительной чертой сборников и многотомных публикаций документов по истории России в период капитализма является то, что материалы в них публиковались выборочно. В публикацию попадает незначительная доля родственных или близких документов, содержащихся в архивах. Выборочность публикации менее ощущается в тематических подборках журналов «Красный архив», «Исторический архив», «Красная летопись». В таких изданиях архивные документы даются на высоком научном уровне (с комментариями и объяснениями), комплексно и более полно.

Исключение составляет публикация стенограмм Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством на правах генерал-прокурора при Министерстве юстиции «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших государственных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств». Предполагалось издать все стенограммы допросов должностных лиц царского режима и лидеров буржуазно-оппозиционных партий, содержащие интереснейшие сведения о разложении самодержавной власти, о кризисе правящих верхов в 1907—1917 гг. и в особенности в период первой мировой войны. Осуществить замысел не удалось: в 20-е годы было издано только 7 томов.

Первые отзвуки политических процессов получили освещение

в периодической печати 70—80-х годов, помещавшей пространные отчеты о судебных заседаниях. В некоторых случаях по наиболее значительным уголовным процессам (дело Московского коммерческого банка) издавали специальные приложения, в которых публиковались обвинительное заключение и стенограмма заседания суда. Официальная публикация материалов политических судебных процессов была начата в «Правительственном вестнике». В частности, там появились стенографические отчеты суда над нечаевцами. Однако стенографирование и публикация материалов этого первого открытого политического процесса оказались далеко небезупречными: они содержат немало искажений¹. В исключительных случаях материалы следствия и суда сразу же издавались правительством («Суд над цареубийцами (судебный отчет)». СПб., 1881), стремившимся вызвать разгул реакционных сил. Несмотря на тенденциозность такой публикации, даже она содержит известные факты, отражающие деятельность «Народной воли».

Несоизмеримо больший интерес представляют публикации периода первой русской революции, сохраняющие научное значение до наших дней. Следует выделить вышедшие за границей под редакцией В. Я. Богучарского материалы под названием «Государственные преступления в России в XIX в.» и изданные М. К. Лемке документы о процессах Михайлова, Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева.

Признавая значение и достоинство этих изданий, надо подчеркнуть, что даже по народническим процессам массовая публикация судебно-следственных материалов начинается лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Определенную ценность имеют и некоторые несовершенные публикации судебно-следственных материалов в 20-е годы. Так, например, в книге «Тысяча девятьсот пятый год перед царским судом» (Л., 1925) опубликованы материалы некоторых процессов 1905 г., в том числе процесс участников Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Но публиковалась лишь часть материалов. Основная же масса документов излагалась в сокращенном виде. Положительной оценки заслуживают содержательные публикации документов о народническом движении.

Размах публикаторской работы особенно усилился в послевоенные годы в значительной мере в связи с пятидесятилетием первой русской революции и другими знаменательными датами.

В изданиях последних двух десятилетий документы правительственных органов не являются единственным видом источников, хотя и имеют значительный удельный вес. Они фигурируют, как правило, вместе с материалами периодической печати, мемуарными этюдами и другими текстами.

Начиная с 1955 г. выходили книги многотомной публикации документов и материалов «Революция 1905—1907 гг. в России»

¹ См.: «Каторга и ссылка», 1932, № 6, стр. 90—91.

(«Начало первой русской революции», «Революционное движение в России весной и летом 1905 г.», «Всероссийская политическая стачка» и др.). Несмотря на то что составители ограничили свою задачу, сосредоточив внимание исключительно на революционной борьбе трудящихся масс, исключив документы о буржуазно-оппозиционных выступлениях, о политике царизма и по другим вопросам, публикация имеет большое научное значение. На основании документов и иных материалов она дает представление о всех сколько-нибудь значительных революционных выступлениях рабочих и крестьян в 1905—1907 гг.

Значительную научную ценность представляют также II—IV тома (каждый в двух частях) публикации «Рабочее движение в России в XIX веке» и соответствующие книги публикации «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.».

Публикации последних лет подготовлены и изданы на достаточно высоком научном уровне. Как правило, архивные документы публиковались полностью. Отдельные места текста, нуждающиеся в пояснениях, комментировались и критически оценивались в специальных примечаниях.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

§ 1. Статистические источники,
их значение и использование

23

Главное значение статистических источников состоит в том, что они содержат массовые, преимущественно, количественные данные. Правильное использование их помогает обнаружить в совокупности явлений, кажущихся случайными, присущие этим явлениям закономерности исторического развития.

Основоположники марксизма-ленинизма широко использовали материалы статистики. Они считали статистические данные наиболее доказательным источником.

Значение статистических источников особенно велико при изучении периода капитализма, когда потребности усложнившегося и ускорившегося процесса социально-экономического и политического развития обусловили развитие статистики. В. И. Ленин писал в 1910 г.: «Социальная статистика вообще, экономическая статистика в частности, сделала громадные успехи в течение двух-трех последних десятилетий. Целый ряд вопросов и притом самых коренных вопросов, касающихся экономического строя современных государств и его развития, которые решались прежде на основании общих соображений и примерных данных, не может быть разрабатываем сколько-нибудь серьезно в настоящее время без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны по одной определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками»¹. В. И. Ленин отметил, что социально-экономическая статистика представляет собою одно «из самых могущественных орудий социального познания...»².

Высоко оценивая значение статистических источников, В. И. Ленин вместе с тем обращал внимание на необходимость правильного их использования.

При использовании статистических источников приходится обращаться прежде всего к статистическим публикациям. Данные статистического учета в них уже обработаны, приведены в определенную систему. Насколько достоверны эти данные, какова концепция, в соответствии с которой они собирались и обрабатывались? Ответить на эти вопросы можно только выяснив происхождение источника. Для этого нужно знать историю организации статистического учета и состояние статистической науки.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 323.

² Там же, стр. 334.

Статистический учет и наука статистики в капиталистической России. Характерной особенностью статистического учета в России была его разбросанность по разным ведомствам и организациям, отсутствие единой системы сбора статистических сведений. Правда, в 50-х и 60-х годах XIX в. правительство приняло некоторые меры в направлении централизации и совершенствования статистического учета (реорганизация Центрального статистического комитета, создание Статистического совета), но эти меры не покончили с разбросанностью. Во второй половине XIX и начале XX в. она даже усилилась. Помимо Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел и подчиненных ему губернских статистических комитетов существовали статистические отделения при других министерствах и ведомствах, которые по многим вопросам вели независимый от Центрального статистического комитета учет. В конце 70-х — начале 80-х годов возникли статистические отделы при губернских, а иногда и при уездных земских управах. Городские управы, акционерные общества и разные организации буржуазии имели свои статистические органы. Вели статистический учет и научные общества. Все они имели особые системы статистического учета, отличавшиеся не только объектами изучения (промышленность, сельское хозяйство, народное образование), но часто самой методологией исследования.

С конца XIX в. в России существовало несколько типов статистического учета. Например, в правительственной статистике к концу XIX в. определились: учет, непосредственно подчиненный Центральному статистическому комитету, и учет, проводившийся отдельными ведомствами. Почти сразу же после своего возникновения выделилась земская статистика. Вобрав в себя все наилучшее, что было в отечественной и зарубежной статистике, она обогнала не только русскую правительственную, но в некоторых отношениях и западноевропейскую статистику. Известные особенности отличают статистический учет буржуазных обществ и союзов.

Русская статистическая наука уже в ранний период своего формирования не ограничивалась описанием явлений, а стремилась изучать причины их возникновения. В этом отношении показательны труды профессора Киевского университета Д. П. Журавского, относящиеся к 40—50-м годам XIX в. Журавский и большинство его современников порвали с описательной школой и пониманием статистики лишь как государственного управления. Предметом изучения статистики было признано общество в целом, а вместо описательного так называемое численное направление.

Яркими представителями русской статистической науки были Ю. Э. Янсон — профессор Петербургского университета, профессора Московского университета А. И. Чупров, Н. А. Каблуков и профессор Петровской сельскохозяйственной академии А. Ф. Фортунатов. На рубеже XIX—XX вв. возникло математическое направление в статистике. Оно связано с именем выдающегося

теоретика статистики А. А. Чупрова — профессора Петербургского политехнического института.

Главное в статистической науке, по мнению А. А. Чупрова, — метод, на разработку проблем которого должно быть обращено преимущественное внимание. Основу статистического метода он видел в теории вероятности. Поскольку приемы исследования, вытекающие из теории вероятности, одинаково приемлемы и в общественном, и в естественных науках, постольку, полагал Чупров, нужно лишь выработать универсальные приемы исследования, одинаково пригодные в любой науке и любой философской системе. А. А. Чупров явно игнорировал качественную сторону явлений, а без ее учета невозможен и правильный количественный анализ. Все же его работы являются крупным вкладом в развитие русской и мировой статистической науки. Целое поколение русских статистиков находилось под влиянием А. А. Чупрова. В числе их был и А. А. Кауфман — профессор Петербургского университета, крупный ученый в области аграрного вопроса и статистики.

В целом русская статистическая наука достигла значительных успехов. Представление о статистике как о науке общественной получило не только признание, но и было развито в трудах наиболее выдающихся ее деятелей. Особенно плодотворной оказалась разработка вопросов, связанных с методами статистического изучения. Большим достижением был переход от чисто описательного к количественному направлению, использование приемов и методов математической статистики. Однако то положительное, что давало использование в статистике математических методов, со временем было неоправданно гипертрофировано. Вместо изучения типичных явлений реальной жизни общества распространилось увлечение абстракциями и «статистикой ради статистики». Большинство дипломированных представителей статистической науки в России придерживалось либерально-буржуазных позиций. Между тем с конца XIX в. происходит проникновение в статистику марксистской теории. Произведения основоположников марксизма-ленинизма, особенно ленинская критика русской и западноевропейской статистики, оказали влияние на наиболее демократически настроенную часть интеллигенции, занимавшуюся статистико-экономическими исследованиями. И хотя возможности этой части интеллигенции были чрезвычайно ограничены, она смело выступила за разработку проблем статистической науки на основе марксистской методологии.

Принципы использования статистических источников. Основой критического использования статистических источников являются те принципы, которые сформулированы в трудах и высказываниях основоположников марксизма-ленинизма. Они в основном касаются трех сторон: полноты; достоверности и точности; однородности статистических сведений. Для буржуазной статистики характерны или бесконечное нагромождение данных, или, наоборот, одностороннее ограничение их. И в том, и в другом случае резуль-

тат получается один — искажение объективной действительности. Чрезмерная детализация, по мнению В. И. Ленина, наносит «ущерб ясности картины и пригодности материала для изучения»¹. Отсюда следует, что требование полноты сведений отнюдь не означает бесконечное увеличение их количества. Статистические сведения, заключенные в источнике, должны быть достаточно полными в смысле охвата всех важнейших элементов изучаемого явления или процесса.

Возьмем такой пример: во второй половине XIX в. внимание представителей различных направлений общественной мысли привлекала земские подворные переписи, охватившие большое количество крестьянских общин. При этом в качестве единицы изучаемого явления (общины), как видно из самого названия обследований, брался двор, т. е. крестьянское хозяйство. Важнейшими признаками отдельного крестьянского хозяйства были: количество земли, в том числе под посевом, число рабочих рук (своей семьи и наемных), наличие скота, особенно рабочего, сельскохозяйственных орудий (каких именно), доходы от промыслов и т. п. При этом определяющим (в зависимости от сложившихся экономических условий и направления хозяйства) в одних районах могло быть количество посева, в других — количество земли или количество скота. Но во всех случаях был обязателен охват других существенных сторон, характеризовавших крестьянское хозяйство. Однако при подворных переписях это не всегда соблюдалось, что, несомненно, сказалось на качестве материалов. В. И. Ленин критиковал некоторые издания материалов земских подворных переписей именно за то, что в них нет достаточно полного охвата всех существенных признаков крестьянского хозяйства.

Следующее требование касается достоверности и точности статистических сведений; точности не в количественном смысле, а в смысле отражения объективной действительности.

Чтобы судить о степени точности и достоверности статистических сведений, необходимо установить источник их происхождения: взяты ли они из анкеты, заполненной лицом, заинтересованным в том или ином освещении изучаемого предмета, или они получены от статистика, обязанного точно записывать учитываемые сведения; вели запись данных подготовленные специалисты или случайные лица, среди которых могли быть не имевшие понятия о правилах статистического учета.

Главное значение статистических источников состоит в массовости сведений, необходимых для выявления закономерностей исторических явлений. Но эти данные могут быть пригодны для выявления закономерностей лишь в том случае, если их можно сравнивать, сопоставлять. Отсюда, третье, важнейшее требование — однородность (в смысле сравнимости, сопоставимости) статистических данных.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 31.

Большая или меньшая несопоставимость — довольно характерная черта многих статистических источников досоветского периода. Это также требует от исследователя критического к ним отношения. Чтобы выяснить причины несопоставимости, а также и других недостатков многих статистических источников, необходимо знать процесс их формирования.

Формирование статистических источников распадается на следующие стадии: подготовительные работы; сбор сведений; сводка первичных данных и подготовка их к печати.

На первой стадии самым важным моментом является разработка программы, определяющей цели и методы статистического изучения. В программе должны быть четко определены предмет изучения в целом и понятие единицы изучаемого явления.

Следовательно, приступая к изучению статистического источника, необходимо познакомиться с программой, по которой он создавался. Важно выявить, кем и для каких целей создавалась эта программа. Для этого должна использоваться делопроизводственная документация соответствующих статистических учреждений, а также разъяснения к статистическим публикациям.

Крупнейшим недостатком правительственной статистики царской России, отразившимся на качестве соответствующих источников, была плохая разработанность программ в отношении определения понятий изучаемых предметов. Взять, к примеру, статистику в области промышленности. Существовало полнейшее смешение терминов «промышленность», «промысел», «производство», «услуги» и т. п. Понятие фабрики часто применялось к любому промышленному заведению. Указом 1895 г. была установлена грань, отделявшая понятие фабрики и завода от ремесленного заведения. Однако в указе к двум главным признакам — количество рабочих не менее 15 человек и наличие парового двигателя — были прибавлены и другие, позволявшие толковать понятие фабрики или завода расширительно. Например, указывалось, что, кроме парового двигателя, можно принимать во внимание и «другие механические двигатели и машины».

Качество статистического источника во многом зависит от того, какими способами и как собирались статистические сведения. Надо знать, получены ли они путем переписи или анкетным способом; была ли перепись всеобщая, сплошная или выборочная и какой был установлен принцип отбора для выборочной переписи; как вносились данные, полученные при личном наблюдении учетчиком изучаемого объекта, — со слов какого-то другого лица или они были взяты из каких-то документов и т. д. Итак, для выяснения степени пригодности статистического источника ознакомление со способами получения статистических сведений имеет очень важное значение.

Особое значение имеет обработка первичных данных. Ее задача — так обобщить данные, заключенные во множестве анкет (или учетных карточек), чтобы исследователь не потонул в море раз-

личных цифровых показателей. Решается эта задача при помощи группировок, т. е. расчленения изучаемой совокупности на однородные группы по тем или иным признакам (в статистике их называют группировочными признаками).

Признаки, характеризующие отдельные явления изучаемой совокупности, могут быть существенные и несущественные. К существенным марксистская статистическая наука относит те, которые отражают коренные качественные особенности явления. По ним и должна осуществляться типологическая группировка, дающая возможность отделить главное от второстепенного, существенное от несущественного, типичное от случайного. Формальный подход к определению группировочного признака, характерный для буржуазной статистики, смещение типических и нетипических признаков обесценивают научное значение многих группировок.

Вопросу о приемах сводки или группировки статистических данных много внимания уделял В. И. Ленин, разработавший *стройную систему теоретических принципов*, составляющих основу марксистской статистической науки по данному вопросу. Главный из них состоит в том, что статистическим приемам изучения обязательно должен предшествовать качественный анализ изучаемого явления.

Во второй половине XIX в. одной из главных задач экономической науки было изучение процесса разложения крестьянства, выявление в его среде различных социальных типов. С определения их характерных черт (или существенных признаков) в условиях отдельных районов и нужно было начинать, по мнению В. И. Ленина, выполнение этой задачи. Для этой цели малоприменимой была группировка крестьянских хозяйств по наделу, которой часто пользовались либеральные народники, так как уже в 80-х — начале 90-х годов надельное землевладение не отражало фактического распределения земли между крестьянами. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «Чтобы осмысленно взглянуть на разложение крестьянства, надо взять все в целом: и аренду, и покупку земель, и машины, и заработки, и рост торгового земледелия, и наемный труд»¹.

В связи с вопросом о приемах и методах обработки статистических данных важное значение имеет отношение к средним показателям. Буржуазная статистическая наука при помощи средних показателей пыталась скрыть антагонистические противоречия капиталистического строя. В. И. Ленин резко критиковал буржуазных экономистов, особенно из среды либеральных народников, за чрезмерное увлечение средними данными и их абсолютизацию. В статье «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» В. И. Ленин показал несостоятельность построений профессора Н. А. Карышева, который простым расчетом среднего числа рабочих на одно предприятие вывел «средний тип фабрики».

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 140.

Критика В. И. Лениным чрезмерного увлечения средними данными не означала отрицания их значения вообще. Правильное использование средних данных позволяет за кажущимися случайностями рассмотреть закономерности явлений общественно-экономической жизни.

Таковы основные методологические принципы критического анализа статистических источников.

§ 2. Материалы правительственной статистики

Положение 1863 г. обязало Центральный статистический комитет проверять, обобщать и публиковать сведения, поступающие от губернских, областных, городских статистических комитетов и разных ведомств, а также проводить единовременные переписи. Основным источником сведений служили анкеты и ведомости, заполнявшиеся добровольными корреспондентами и полицейскими чинами.)

Центральный статистический комитет был одним из учреждений бюрократического государственного аппарата царской России и непосредственно подчинялся Министерству внутренних дел. Поэтому не только организация сбора первичных данных, но их обработка и публикация были далеки от совершенства. Следовательно, все дело в том, чтобы в источниках, сложившихся в результате деятельности комитета, суметь выделить «рациональное зерно». Для этого необходимо, как говорил В. И. Ленин, «отделить плевелов от пшеницы»¹.

Публикации статистических сведений, осуществленные Центральным статистическим комитетом, отличаются большим разнообразием. Среди них имеются издания смешанного характера, содержащие сведения, различные по происхождению и тематике, и издания, посвященные какому-либо одному виду статистических данных. Примером первого типа публикации может служить «Статистический Временник Российской империи», вышедший тремя сериями с 1866 по 1890 г. В нем опубликованы данные о населении, административном делении и населенных пунктах, о землевладении и землепользовании, стоимости обработки земли, урожаях, кустарных промыслах и т. п. Источником для этого издания служили материалы переписей, отчеты и другая документация государственных учреждений и данные добровольных корреспондентов.

Издание смешанного характера является «Статистика Российской империи», вышедшая с 1887 по 1914 г. В ней содержатся материалы текущей статистики и переписей по различным вопросам: о населении, скотовладении, народном обра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 32.

зовании, выборах в земские учреждения и др. Большое значение в качестве источника по истории сельского хозяйства имеют опубликованные в этом издании данные так называемой урожайной статистики. Они собирались анкетным путем от владельцев земли, волостных правлений и добровольных корреспондентов. Использовались и статистические приложения к отчетам губернаторов. Данные об урожаях, опубликованные в «Статистике Российской империи», иногда очень резко расходятся с данными других источников, особенно с земской статистикой, которая в этом вопросе стояла значительно выше. Однако статистика урожая Центрального статистического комитета имеет и свои преимущества. Она располагает массовыми данными, собиравшимися по всей стране ежегодно и, в основном, по одной и той же программе.

В «Статистике Российской империи» были опубликованы материалы «Военно-конских переписей». Военно-конские переписи охватывали не только хозяйства сельских местностей абсолютного большинства губерний, но и городских владельцев. Их недостатком является неодновременность (за исключением переписи 1912 г.) обследования всей территории Российской империи и некоторое преуменьшение данных поголовья лошадей¹.

Из публикаций второго типа следует прежде всего обратить внимание на «Статистику поземельной собственности населенных мест» (издавалась с 1880 по 1885 г.). Источником для этого издания послужили сведения за 1877 г., собранные Центральным статистическим комитетом путем рассылки вопросных листов: землевладельцам — для учета частного землевладения, волостным правлениям — для учета крестьянских общинных земель. Изданием «Статистики поземельной собственности населенных мест» было положено начало статистике землевладения. Через 10 лет, в 1887 г., было проведено повторное обследование землевладения. Третья перепись землевладения состоялась в 1905 г. К этому времени качество статистических исследований комитета значительно снизилось. Материалы этой переписи опубликованы в специальной серии — «Статистика землевладения 1905 г.». В этом издании была занижена степень концентрации земли по группе крупного помещичьего землевладения, средние величины скрывали возросшие различия между действительным и надельным землевладением крестьян и др. Однако с учетом необходимости всесторонней критики оно может служить ценным источником для изучения аграрных отношений и их эволюции в конце XIX — начале XX вв. В. И. Ленин, критически рассмотрев данные «Статистики землевладения 1905 г.», использовал их для выявления экономической основы буржуазно-демократической революции в России.

¹ См.: А. Л. Вайнштейн. Из истории предреволюционной статистики животноводства. Сб. «Очерки по истории статистики СССР». М., 1960.

При участии статистических отделений земств в 1916 г. Центральный статистический комитет провел первую Всероссийскую сельскохозяйственную перепись. Она охватила крестьянские и частновладельческие хозяйства не занятых противником 77 губерний и областей. Поскольку проведение переписи было вызвано потребностью учета продовольственных и сырьевых ресурсов в условиях нарастающего в годы первой мировой войны продовольственного кризиса, постольку программа ее была ограничена вопросами, относящимися именно к данной проблеме. Материалы этой переписи опубликованы не полностью. Изданы лишь «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (по подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями)» (1916—1917). По некоторым губерниям данные переписи издали земские статистические органы.

Примером публикации, посвященной одному виду статистического источника, может служить «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года».

Вплоть до 70-х годов XIX в. за основу исчисления населения брались данные ревизии 1858 г., частичных городских, погубернских и поуездных переписей, метрических записей и других весьма разнотипных и малосопоставимых источников. В 70-х годах были сделаны попытки сбора более единообразных сведений о численности населения и его составе, но и они были не исчерпывающими. Единственным путем разрешения этой задачи могла быть единовременная всеобщая перепись населения. Но организация подготовительных работ и проведение переписи были обставлены массой бюрократических ограничений. Все это не могло не сказаться на качестве материалов. Многие важные вопросы или совершенно не были поставлены, как, например, о классовом составе населения (перепись регистрировала сословную принадлежность), или сформулированы очень неясно.

Однако данные переписи 1897 г. вряд ли можно переоценить. Благодаря им впервые в России было учтено по единой программе и одновременно все (или почти все) население. При этом была установлена не только его общая численность, но и более точное разделение по полу, возрасту, на городских и сельских жителей, по роду занятий, национальностям и родному языку, вероисповеданию и ряду других признаков.

Ведомственная статистика. Многие министерства и ведомства, кроме сведений, собиравшихся ими для Центрального статистического комитета, вели статистический учет для собственных нужд. Иногда такой учет отличался более совершенными способами сбора статистических данных и более углубленной их разработкой. Примером может служить статистика фабричной инспекции, организованная отделом промышленности Министерства финансов, а с 1905 г. — Министерства торговли и промышленности. С 1892 г. статистику фабричной инспекции возглавил крупный спе-

циалист в этой области В. Е. Варзар. Главной его заслугой была организация двух промышленных переписей — 1900 г. и 1908 г. Путем промышленных переписей были получены более совершенные статистические сведения о фабрично-заводской промышленности.

Промышленная перепись 1900 г. имела целью обследовать только цензовую промышленность (т. е. промышленность, предприятия которой подходили под установленный указом 1895 г. ценз — грань, отделявшую промышленные заведения от кустарных). Все 12 702 промышленных предприятия, учтенных этой переписью, находились под надзором фабричной инспекции. Материалы переписи были разработаны и опубликованы под редакцией Варзара в сборнике «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом» (1903). Они позволяют судить о социальной структуре и технико-экономическом состоянии обрабатывающей промышленности России на рубеже XIX и XX вв. Представлены некоторые сведения и о рабочем классе — численность рабочих по группам производств, половой и возрастной состав, а также средние данные о заработной плате.

Промышленная перепись 1908 г. охватила не только промышленность, подчиненную надзору фабричной инспекции. Ею учитывались казенные предприятия, горнозаводская промышленность, железнодорожные мастерские, промышленные заведения, обложенные акцизным налогом, а также обрабатывающая промышленность Сибири, Средней Азии и Закавказья. Всего было учтено 20 010 предприятий. Из программы переписи были исключены многие вопросы, позволившие в первой переписи глубже и точнее изучить условия производства. Материалы переписи отражены в специальной публикации под редакцией Варзара: «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.» (1912). В основе ее лежал тот же план, по которому составлены «Статистические сведения о фабриках и заводах». Сопоставление данных двух переписей позволяет изучить динамику обрабатывающей промышленности за восемь лет.

Таковы важнейшие публикации основной статистики фабричной инспекции. Текущая статистика, для которой источником служили ежегодные отчеты фабричных инспекторов, начала складываться вскоре после введения фабричной инспекции (1882). В 80-х годах было опубликовано несколько отчетов, а затем их публикация была прекращена. В 1901 г. «в виде первого опыта» был издан «Свод отчетов фабричных инспекторов» за второе полугодие 1900 года. После этого «Свод отчетов» стал издаваться за каждый год (всего 15 томов, включительно по 1914 г.).

Программа «Сводов отчетов» за 15 лет несколько раз подвергалась изменениям и дополнениям, но всегда включала вопросы, связанные с исполнением обязанностей фабричных инспекторов: наблюдение за применением фабрично-заводского законодатель-

ства, учет стачек и посредничество между фабрикантами и рабочими, надзор за паровыми котлами. Поэтому в «Сводах отчетов» содержатся сведения об изменении численности промышленных заведений и занятых в них рабочих, о труде малолетних и женщин, взимании штрафов и расходовании штрафных капиталов, рабочем дне и заработной плате, страховании рабочих и забастовках. Основные вопросы «Сводов отчетов» ежегодно повторялись. В этой ежегодной повторяемости основных вопросов программы и состоит главное достоинство «Сводов» как источника, позволяющего рассматривать явления в развитии. Однако нужно учитывать, что статистические данные «Сводов» не всегда сопоставимы. Главная причина этого кроется в отсутствии четкого определения понятий фабрики и завода.

Заслуживают внимания опубликованные фабричной инспекцией данные о стачках рабочих. Программа, по которой разработаны данные, в основном одна и та же. Это позволяет изучать стачечное движение за длительный период времени — с 1895 по 1914 г.

Статистика стачек в «Сводах отчетов» и в других официальных изданиях проникнута охранительным духом. Материалы статистики фабричных инспекторов о стачечном движении нуждаются в серьезной проверке, исправлении и дополнении. Данные этой статистики ограничены лишь цензовой промышленностью. Критикуя данные фабричной инспекции о стачках рабочих, В. И. Ленин показал и классический пример их научного использования. Особое значение в этом отношении имеет его работа «О статистике стачек в России», написанная в 1910 г¹.

Учет горнозаводской промышленности проводился Горным департаментом Министерства государственных имуществ и земледелия, а с 1905 г. — Министерства торговли и промышленности. Главным аппаратом статистического учета была окружная горная инспекция, а ее отчеты — основным источником статистики Горного департамента. Горным ученым комитетом при департаменте осуществлялись статистические публикации. Часть из них издавалась ежегодно, а часть носила эпизодический характер. Из ежегодных публикаций отметим «Сборник статистических сведений по горно-заводской промышленности России», издававшийся с 1859 г. Он содержит данные о производительности заводов, рудников, промыслов, каменоломен, о главнейших рудничных и заводских устройствах, количестве потребленного горючего, числе рабочих и несчастных случаях с ними.

Примером ведомственного статистического учета по сельскому хозяйству может служить статистика Министерства земледелия и государственных имуществ. Ее данные публиковались в ежегодных изданиях отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики под названием «1... (такой-то) год в сельско-

¹ См.: В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 19, стр. 377—406.

хозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев». В основе источника — показания хозяев, являвшихся добровольными корреспондентами отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики. Кроме названного ежегодного издания по материалам добровольных корреспондентов Министерство земледелия издавало еще ряд статистических сборников.

§ 3. Земская статистика

Материалы земской статистики — незаменимый источник по многим вопросам истории России. За полстолетия своего существования земские статистические органы провели сотни различных обследований, в том числе множество подворных, издали тысячи томов исследований. Но до сих пор используются они очень редко. Что касается неопубликованных первичных данных, то к ним почти никто не обращается. Такое невнимание к материалам земской статистики обусловлено, по-видимому, значительными трудностями работы с огромным количеством их данных, отличающихся к тому же большим разнообразием. Поэтому необходимо специальное изучение особенностей этого источника и методики его использования в исторических исследованиях. Основы этого изучения заложены В. И. Лениным, проявившим глубокий интерес к земской статистике.

Земские статистические работы пробного характера начинались уже в конце 60-х — начале 70-х годов. С середины 70-х годов при губернских, а затем уездных земских управах создавались статистические бюро (отделения). В 80-х годах они действовали почти во всех 34 губерниях, в которых были введены земства.

Земско-статистические исследования быстро вышли за рамки «практических нужд», связанных с раскладкой земского налога. В программах земских статистических исследований 70—80-х годов выдвигались задачи более глубокого изучения сельской жизни, особенно крестьянского хозяйства. Объясняется это тем, что в связи с усилившимся в то время интересом к судьбам деревни в земства для статистических работ пошли представители передовой интеллигенции.

В работе земских статистических органов участвовали и известные специалисты-статистики. Все это придавало земской статистике определенный научный уклон. В. И. Ленин высоко ценил эту черту деятельности земских статистиков. Как бы подводя итог своего отношения к ней, он писал: «Русские земские статистики, особенно «доброе старое», дореволюционного времени, снискали себе право на уважение тем, что относились к предмету своих занятий не рутинно, не с одним фискальным или казенно-административным, а с известным научным интересом»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 181.

Рано сложилось в земской статистике разделение на основную и текущую. Материалы основной статистики имеют значительные преимущества перед материалами текущей. Это объясняется особенностью их происхождения. В отличие от текущей, главную роль в которой играли показания добровольных корреспондентов и текущая отчетность земских учреждений, материалы основной статистики создавались в результате переписей и экспедиционных обследований.

Историю земской статистики обычно делят на три периода. За первый период (1870—1893) были проведены сплошные подворные переписи в 178 уездах. Их программы объединяла общая цель — выяснение причин обеднения крестьянского хозяйства. Преимущественно изучалось положение неимущих и малоимущих слоев деревни. Меньше внимания уделялось высшим группам хозяйств.

Подворные переписи во втором периоде (1893—1905) были проведены в 123 уездах. В большинстве случаев обследовались не все хозяйства изучавшегося района, а лишь их часть. Такие выборочные подворные обследования получили широкое распространение. Сложилось два основных способа отбора для выборочных обследований — механический и типический. Были внесены значительные изменения и в содержание программ подворных исследований второго периода. Сущность их — в усилении внимания к развитию капитализма в деревне. Это нашло выражение во введении дифференцированного учета посевных площадей по культурам (особенно техническим), учета сельскохозяйственного инвентаря, более детального учета найма рабочей силы и промыслов. В бюджетных исследованиях значительное место стало отводиться рыночным отношениям.

Третий период ограничивается рамками 1905—1914 гг. За эти годы были проведены подворные переписи в ряде губерний, в том числе сплошное обследование крестьянских хозяйств в Пензенской губернии (1909—1913). Это обследование можно считать классическим примером сочетания всех выработанных земской статистикой видов подворных переписей: вначале обследовалось каждое хозяйство, затем каждое третье, каждое девятое, каждое двадцать седьмое. Двадцать пять хозяйств в каждом уезде подвергались бюджетному обследованию. На всех ступенях применялся изустный метод опроса на сельских сходах, что позволяло под контролем самих крестьян точнее формулировать ответы на вопросы. Сочетание различных видов обследования и применение наиболее прогрессивного метода опроса дало возможность пензенским земским статистикам собрать почти идеальные как по полноте, так и по качеству сведения о крестьянском хозяйстве губернии.

В пензенском обследовании проявились отличительные особенности подворных переписей третьего периода и в отношении содержания программ: наряду с усилившимся вниманием к процессу классового расслоения крестьянства в них большое место отводилось вопросам производительности сельского хозяйства.

В 1908—1914 гг. стали широко изучать технику сельскохозяйственного производства. В связи со столыпинской аграрной реформой в программах исследований этого периода были поставлены вопросы об укреплении общинной земли в личную собственность, о ее купле-продаже, о выходе на хутора и отруба.

При всем положительном, что дала в отношении обработки данных подворных переписей земская статистика, главные ее слабости проявились именно на этом этапе. Их общий смысл обрисовал В. И. Ленин, отметив, что земская статистика страдала некоторым «статистическим кретинизмом», когда «за деревьями исчезает лес, за горами цифр исчезают *экономические типы* явлений, типы, которые могут выступить *только* при разносторонне и рационально составляемых групповых и комбинационных таблицах»¹. Групповые и комбинационные таблицы в земских статистических публикациях представлены, можно сказать, в изобилии. Но их значение иногда обесценено тем, что составлялись они зачастую нерационально и без учета необходимости разностороннего охвата изучаемого явления.

Данные основной земской статистики публиковались под названиями: «Сборник статистических сведений по ... губернии», «Материалы для оценки земельных угодий ... губернии», «Материалы для оценки земель ... губернии», «Материалы по статистике ... губернии» и пр.⁷

Обосновывая большую пестроту источников сведений для текущей статистики, земские статистические отделения ссылались обычно на недостаточность и субъективность показаний добровольных корреспондентов. Однако при всех недостатках они служили главным источником при составлении обзоров об урожайности хлебов, климатических и иных условиях их выращивания и уборки, о промыслах, ценах на рабочие руки при найме сельскохозяйственных рабочих и заработной плате рабочих, занятых в местной промышленности, о базарной торговле и по некоторым другим вопросам.

В качестве источников текущей статистики земские статистические бюро часто использовали данные волостных правлений о паспортах, выдававшихся крестьянам, уходившим на заработки, и данные губернских ветеринарных управлений о количестве рабочего и крупного рогатого скота у крестьян.

Типичной формой публикации материалов текущей статистики были «Статистические ежегодники». В некоторых губерниях издавались «Бюллетени» и «Статистические сборники».

Для разыскания материалов земской статистики необходимо обращаться к справочно-библиографической литературе, прежде всего к изданию: «Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 год», составленному В. Н. Григорьевым (1926).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 277.

§ 4. Статистика организаций буржуазии

Так называемые представительные организации буржуазии (Советы съездов представителей торговли и промышленности, общества фабрикантов и заводчиков, биржевые комитеты, союзы предпринимателей) издавали различные публикации. Почти все они содержали статистические сведения. Главным источником для этих изданий служили материалы статистического учета самих представительных организаций. Некоторые из них вели систематический статистический учет в течение десятков лет. Особенностью его было более детальное изучение вопросов, связанных со специфическими интересами объединенного капитала, и более широкое использование данных «бухгалтерского» учета предприятий.

Наилучшей постановкой статистического учета отличались Советы съездов горнопромышленников юга России (с 1876 г.) и нефтепромышленников Баку (с 1884 г.). На протяжении десятилетий статистические бюро этих организаций издавали «Труды съездов», «Статистические ежегодники», «Обзоры состояния промышленности» и другие сборники.

Публиковавшиеся в «Трудах съездов» горнопромышленников юга России статистические сведения ежемесячно собирались через владельцев предприятий по многим вопросам, касавшимся производства, рабочих, школ, больниц, несчастных случаев, налогов. Особое внимание уделялось изучению производительности предприятий, вывозу готовой продукции на рынок и численности рабочих. Для более детального изучения периодически выделялись такие вопросы, как потребление всех видов топлива промышленностью и транспортом России, земской торговле железом и сельскохозяйственными орудиями, о производстве железодельной промышленности, о добыче и расходе минерального топлива. Привлекались сведения правительственной и земской статистики, а также предпринимательских организаций других районов России и зарубежная статистика.

По некоторым вопросам Совет съездов проводил специальные анкеты обследования. Например, в 1910 г. в связи с готовившимся в правительственных органах законом о страховании рабочих особо выделенные регистраторы заполнили карточки-анкеты на 26 423 рабочих предприятий, объединенных съездами горнопромышленного юга России. Путем специальной анкеты, разосланной администрации железных дорог, изучался вопрос о потребностях внутреннего и иностранного рынков в продукции каменноугольной и железорудной промышленности.

Значительный интерес представляют ежегодные обзоры важнейших отраслей промышленности, публиковавшиеся Советом съездов горнопромышленников юга России под такими названиями, как «Каменноугольная промышленность России в... году» (с 1901 по 1914 г.), «Железорудная промышленность южной России в ... году» и т. п. Ос-

новым источником сведений для этих изданий служили анкеты, ежегодно рассылавшиеся предприятиям объединенным Советом съездов. Анкеты включали вопросы о формах предприятий (акционерные, единоличные), о производительности за истекший год и предполагаемой в новом году, о потреблении топлива и сырых материалов, о численности рабочих, их распределении по полу, возрасту, о заработной плате рабочих, жилищных условиях. Поскольку программы, по которым собирались сведения, из года в год повторялись, данные таких обзоров ценны для изучения горнозаводской промышленности юга России за 14 лет. Однако общие цифровые данные нуждаются в критике, так как часто даже крупные предприятия, по свидетельству стат-бюро, запаздывали с присылкой заполненных анкет и сведения о них не входили в разработку за соответствующий год.

Текущая статистика Совета съездов горнопромышленников юга России с 1880 по 1910 г. представлена еженедельным журналом «Горнозаводской листок» (а с 1910 по 1914 г. — «Горнозаводское дело»). В нем сообщались цены на каменный уголь, чугун, железо и сталь, данные о производительности доменных печей и заводов, о вывозе готовой продукции. Эта текущая статистика дает представление о колебаниях промышленной конъюнктуры в течение года. Кроме того, ее данные могут быть использованы для сравнительного анализа материалов, публиковавшихся в «Трудах» и «Обзорах».

Ценные статистические материалы содержатся в еженедельном издании Совета съездов нефтепромышленников Баку — журнале «Нефтяное дело». Из материалов «Хроники» этого журнала наибольший интерес представляют финансовые отчеты акционерных компаний. Всех тайн извлечения прибылей эти отчеты, конечно, не раскрывают, однако о росте доходов нефтепромышленников они дают вполне определенное представление.

Значение статистического приложения к этому журналу как источника по истории нефтяной промышленности вряд ли можно переоценить. Сведения этого приложения позволяют судить о состоянии нефтяной промышленности не только погодно, но и помесячно (ежемесячная добыча нефти каждой фирмой, изменение числа эксплуатировавшихся скважин, ход бурения новых). Сведения о добыче нефти распределялись по величине предприятий. Это дает представление о концентрации нефтедобычи в руках наиболее крупных капиталистических объединений. В журнале «Нефтяное дело» имеются материалы и для изучения истории пролетариата.

С 1894 г. до начала первой мировой войны Совет съездов издавал «Обзор бакинской нефтяной промышленности». Это издание содержало статистические сведения о состоянии нефтяной промышленности, о профессиональном и национальном составе рабочих. Источником служили данные бухгалтерского учета фирм, представленные в виде финансовых отчетов. Их недостатком была неоднородность некоторых данных как следствие различий в постановке бухгалтерского учета разными

фирмами. Следует учитывать определенную тенденциозность, свойственную подобного рода статистическим материалам, так как на публичной отчетности предпринимателей неизбежно сказывалась конкурентная борьба.

Из изданий других отраслевых организаций буржуазии в качестве статистического источника могут быть использованы статистические материалы периодического органа Общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района «Известия» (1913—1917). Статистические сведения этого органа охватывают вопросы внутренней и внешней торговли изделиями текстильной и металлообрабатывающей промышленности, хлебной торговли и рынка. Значительное место уделялось публикации данных анкетных обследований, проводившихся обществом.

В 1906 г. оформилась общероссийская представительная организация буржуазии — Совет съездов представителей промышленности и торговли России. Статистическое бюро Совета съездов издавало «Статистический ежегодник». Программа этого издания весьма обширна. Кроме общей экономико-географической характеристики страны она содержала множество вопросов по отдельным отраслям промышленности, торговли, сельскому хозяйству, финансах и кредитах, железнодорожном транспорте. Ввиду этого «Ежегодник» представляет определенную ценность. Но данные его обычно заимствованы из публикаций правительственной статистики, статистики отраслевых представительных организаций, земской статистики и даже статистики иностранных государств. Поэтому они не всегда сопоставимы.

Кроме «Статистического ежегодника» масса статистических сведений публиковалась в журнале Совета съездов «Промышленность и торговля» (1908—1917). Происхождение их то же, что и данных «Статистического ежегодника». Лишь по некоторым вопросам, касающимся преимущественно деятельности самой организации, журнал публиковал оригинальные материалы.

Такова краткая характеристика основных статистических источников, отложившихся в результате деятельности наиболее крупных представительных организаций буржуазии. Множество статистических сведений, собранных этими организациями, а также организациями, не имевшими своих изданий, содержится в соответствующих архивных фондах. Это преимущественно анкетные данные и их первичные сводки.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

§ 1. Общая характеристика периодики

Периодическая печать приобрела в капиталистический период русской истории гораздо более видное и важное положение, чем до 1861 г.

Журналы и газеты — мощные средства информации и организации общественного сознания, воздействия на мнения и настроения общества в целом, отдельных классов, социальных слоев и групп этого общества. В обстановке роста массового движения в России, в условиях буржуазно-демократических революций 1905 и 1917 гг. журналы и газеты играли чрезвычайно большую роль во всей общественной жизни. Периодическая печать стала одной из ведущих форм в классовой и политической борьбе, ареной противоборства различных по классовым устремлениям общественно-идейных направлений. Историк, обращающийся к периодической печати, прежде всего обязан учитывать классово-политическую направленность органов этой печати. Такой учет обеспечивает объективные возможности для последующего научного анализа памятников печати как источников.

Основополагающими при определении классово-политической направленности органов периодики капиталистической России являются труды В. И. Ленина. Ленинские принципы подхода к периодической прессе, ко всей литературе были четко выдвинуты в статье «Партийная организация и партийная литература». В условиях, когда после манифеста 17 октября 1905 г., вырванного революцией у царя, различия между нелегальной и легальной печатью начинали исчезать, В. И. Ленин призывал: «В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме»¹. Принцип партийности в отношении печати означает наличие определенной общественно-исторической, классовой тенденции, сознательно или неосознанно присущей любому периодическому изданию, всем помещаемым в нем материалам. Для историка-источниковеда методологической базой при анализе классово-политической направленности органов печати должны служить слова В. И. Ленина из названной статьи: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Изучение и определение объективного классового лица, направления, смысла органа печати — главнейшая задача исследователя. Первенствующее значе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 100.

ние для решения этой задачи имеют программные заявления, статьи, объявления издателей и редакторов изучаемого органа; просьбы и ходатайства о разрешении на издание данного органа; изучение партийной принадлежности и общественной ориентации издателей и редакторов, главных, ведущих сотрудников этого органа, наконец, общий анализ его содержания.

Издание и распространение журналов и газет в пореформенной России получило характерные черты капиталистического предпринимательства. Труд журналистов, их литературная продукция стали товаром. Среди интеллигенции сложился заметный слой людей, профессионально и постоянно связанных с журнальным и газетным делом.

Внешние условия для периодики в сравнении с дореформенными стали более благоприятными. Выросло число типографий (в 1864 г. их было 181, в 1894 г. — 1315)¹ и издательства, увеличилось производство бумаги.

Неуклонно возрастал удельный вес грамотного населения России. Вместе с тем рос массовый спрос на периодические издания — более доступные по цене в сравнении с книгами. Количество периодических органов, издававшихся в России, быстро увеличивалось: в 1859 г. — 220, в 1894—804, в 1912—2787². В начале XX века газеты составляли несколько менее половины всех периодических изданий: из 2787 периодических органов, вышедших в 1912 г., на долю газет приходилось 1131. Подавляющее большинство газет (827) выходило на русском языке. Но в капиталистической России получила заметное развитие газетная печать и на других языках, особенно после 1905 г. Так, в 1912 г. в стране выходили газеты еще на 24 языках (в том числе 62 газеты — на польском, 39 — немецком, 32 — латышском, 26 — эстонском, 16 — грузинском, 12 — армянском, 5 — литовском, 5 — на еврейском)³. Центральные и местные газеты, издававшиеся на языках народов России, являются важными источниками для изучения их истории. Особенно быстро увеличилось количество ежедневных газет. До 1861 г. ежедневные газеты были считанными изданиями. В 1894 г. издавалось 112 ежедневных газет, из которых около 30 — в Петербурге и Москве, 12 — в Варшаве, 8 — в Риге, 7 — в Тифлисе, 6 — в Одессе, 3 — в Казани, в Киеве и Харькове по 2⁴.

Ведущее положение в периодике середины XIX в. принадлежало «толстым» журналам-ежемесячникам. К концу XIX в., а особенно в период империализма, позиции «толстых» журналов были потеснены еженедельными журналами типа «Нивы», «Огонька», «Родины» и ежедневно издававшимися газетами.

¹ См.: М. Н. Куфаев. История русской книги в XIX в., Л., 1927, стр. 211, 217.

² См.: «История СССР», т. 6. М., 1968, стр. 736, 738.

³ См. там же, стр. 738.

⁴ См.: М. Н. Куфаев. История русской книги в XIX в., стр. 255.

В обстановке 1905—1907 г., а потом и начавшейся первой мировой войны спрос на газеты повысился. Читателями газет стали многие люди из «простого народа» «Теперь в деревне, — писала «Правда» в 1912 г., — как и среди рабочих, выросла своя деревенская интеллигенция». Рабочие и крестьяне не только читали газеты, но нередко посылали в них свои письма. Большевицкая печать была сильна объективной, правдивой и яркой информацией, которую поставляли рабочие корреспонденты. Легальная демократическая печать, прежде всего большевицкие газеты и журналы, стала большой общественно-политической силой в период империализма. В то же время в стране действовало значительное число революционных подпольных типографий, выпускалось много нелегальной литературы, в том числе газет, листовок.

Демократической периодике противостояла официальная правительственная и официозная печать; многочисленные буржуазные журналы и газеты, весьма распространенные издания «бульварной прессы», рассчитанные на интересы и вкусы мелкобуржуазных обывательских масс. Многие органы такой печати, их создатели и сотрудники в погоне за прибылью, сенсацией, шумным успехом были не только не разборчивы в информации, но и почти открыто подкупны, продажны. Образцом таких органов была одна из самых крупных русских газет — «Новое время» А. С. Суворина, породившая устойчивое понятие «нововременство», равнозначное подхалимству, продажности и отступничеству. В этой и подобной ей газетах и журналах сложился тип ловкого, хлесткого, беспринципного журналиста; «Сувориными детьми» обзывал их в XX в. А. С. Серафимович¹.

Уже с 70—80-х годов XIX в. под пером М. Е. Салтыкова-Щедрина крылатым стало выражение «разбойники пера и мошенники печати», заклеившее таких журналистов. Особенно неприглядными были дух и приемы господствующей буржуазной периодической печати в годы первой мировой войны. В это время, по словам С. П. Мельгунова, члена буржуазной партии «народных социалистов», «газета становится капиталистическим предприятием». «Как щупальцы спрута все теснее и теснее охватывают печать, а вместе с тем и писателя, различные промышленные и банковые синдикаты; все чаще и чаще писатель просто начинает котироваться по биржевой цене»².

Общая характеристика периодической печати показывает первоочередную важность для источниковеда определения классово-политической направленности органов этой печати. Использование отдельных источников из дореволюционной прессы обязательно предполагает предварительное определение такой направленности соответствующих изданий.

¹ См.: «История русской литературы», т. 10. М. — Л., 1954, стр. 473.

² С. Мельгунов. О современных литературных нравах. М., 1916, стр. 4, 5, 20

Краткие характеристики классово-политической направленности главных журналов и центральных газет даются в обзорных трудах и справочниках по периодике. Обращаясь к таким характеристикам, необходимо их проверять, порою уточнять и исправлять.

Исходные, библиографически точные сведения о всех русских периодических изданиях до 1900 г. имеются в монументальной книге Н. М. Лисовского¹. Точные сведения относительно периодических изданий 1901—1916 гг. имеются в справочнике, изданном библиотекой им. Салтыкова-Щедрина. Для установления синхронности периодических изданий на каждый год начиная с 1869 г. незаменимым источником служит газета «Правительственный вестник», где систематически печатались списки всех изданий, выходящих в России. О литературных сборниках, альманахах с неустойчивой периодичностью или разовых (непериодических) подобных изданиях исходные данные есть в книгах Н. П. Смирнова-Сокольского, О. Д. Голубевой, Н. П. Рогожина. Библиография периодики имеется в книгах Н. А. Вукотич, М. В. Шашковой и М. В. Сокуровой. При обращении к периодическим изданиям подпольных и зарубежных типографий следует воспользоваться специальной о них литературой.

Общие проблемы изучения периодики как исторического источника и богатую практику источниковедческого исследования отдельных изданий содержат работы советских историков М. К. Лемке о журналистике 50—60-х годов XIX в., В. Е. Евгеньева-Максимова о «Современнике» 1836—1866 гг., Б. П. Козьмина о демократической журналистике 60-х годов. Методически поучительный анализ социал-демократических и большевистских публикаций документов в периодике 90-х и начала 1900-х годов дает Д. М. Эпштейн. Листовками как источником по истории КПСС занимался Е. С. Петропавловский. Методике установления авторства анонимных и псевдонимных текстов в периодике посвящены работы Ю. И. Масанова, С. А. Макашина, В. В. Горбунова.

Непреодолимую ценность как методологически, так и в плане источниковедческой историографии печати дореволюционной России представляют работы В. И. Ленина. Особенно существенны статьи В. И. Ленина «Карьера» (о Суворине), «Народники о Н. К. Михайловском», «Из прошлого рабочей печати в России», «Рабочий класс и рабочая печать», «Партийная организация и партийная литература». Важнейшие из работ В. И. Ленина по периодике собраны в сборниках: «В. И. Ленин. О печати» (М., 1959); «Ленин и «Правда» (М., 1962).

Самые общие предпосылки возникновения, существования и характера, классово-политической направленности периодических изданий определялись состоянием классовой, общественно-политической борьбы в стране, соотношением сил революции и реакции.

¹ Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг. Пг., 1915.

В обстановке революционных ситуаций и подъема революционного движения и общественной активности 1859—1861, 1879—1881, 1904, 1912—1914 гг., тем более в условиях революционных 1905—1907, 1917 гг., для передовой, демократической печати возникали более льготные возможности. Наоборот, в годы спада общественного и революционного натиска, в условиях реакции положение прогрессивной печати становилось крайне трудным. Так обстояло дело прежде всего с легальной периодикой, т. е. с основной массой периодических изданий. Нелегальные издания, выходившие, как правило, за рубежом, реже в глубоком подполье в России, менее зависели от указанных обстоятельств. Источниковед обязан учитывать условия существования периодики в каждый конкретный период истории предреволюционной России.

Для 1855—1861 гг. было характерно заметное смягчение гнета царизма в отношении печати (смягчение по сравнению с тягчайшим режимом реакции при Николае I). В эти годы было разрешено издание многих новых журналов и газет. Когда же революционная ситуация 1859—1861 гг. осталась позади, резко усилились преследования печати. Начались временные прекращения издания журналов и газет, затем закрытия нежелательных для властей органов («Время» в 1863 г., «Современник» и «Русское слово» в 1866 г., газеты «Современное слово» в 1863 г., «Москвич» в 1868 г.). С 1870 г. широко практиковалось запрещение розничной продажи отдельных газет. В годы новой революционной ситуации, в конце царствования Александра II, наблюдалось некоторое ослабление гнета печати. Но вскоре силы реакции перешли в наступление. Новые «временные правила» о печати 27 августа 1882 г. поставили оппозиционную прессу в труднейшее положение. В 1884 г. был запрещен последний представитель демократических традиций шестидесятников журнал «Отечественные записки». Реакция восторжествовала. В отношении печати было введено множество ограничительных циркуляров и запрещений, полное изъятие из обсуждения в печати многих важных общественных явлений, например голода, холерных эпидемий, крестьянских волнений, так называемых студенческих беспорядков, внутреннего строя жизни средних учебных заведений.

Всеобщая октябрьская стачка, приведшая к первой победе революции — манифесту 17 октября 1905 г., радикально изменила положение печати. Общее правовое положение печати в последние 12 лет царской России было значительно более вольным, чем до первой революции. В конце октября 1905 г. в Петербурге стала выходить первая легальная большевистская газета «Новая жизнь», среди постоянных сотрудников которой были В. И. Ленин, В. В. Воровский, М. С. Ольминский. Дело борьбы за свободу для демократической печати в предреволюционной России возглавляли большевики и их периодическая пресса. Понятно, что именно против этой печати прежде всего были направлены карательные меры царских властей.

Непосредственным регулятором печати, имевшимся в распоряжении правительства, была цензура. Великая «шестая держава» — печать — находилась под неусыпным наблюдением цензуры, этой «седьмой державы», по меткому выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Писания свои корреспонденты отправляют в газеты, но бабушка еще надвое сказала, увидят ли они свет, потому что существует еще седьмая великая держава»¹. Знание цензурных учреждений, цензурной политики и практики необходимо историку.

К пересмотру прежних цензурных порядков царские власти приступили с 1857 г. Предложенные в 1862 г. «Временные правила о печати» были утверждены 6 апреля 1865 г. Высшим органом для общего руководства цензурой стало Главное управление по делам печати, состоявшее в системе Министерства внутренних дел. Ему подчинялись комитеты внутренней цензуры в Петербурге, Москве, Варшаве и Тифлисе, комитеты иностранной цензуры в Петербурге, Риге и Одессе и отдельные цензоры в Москве, Киеве, Риге и в других крупных городах. Согласно «Временным правилам» различалась предварительная цензура и особая система административных взысканий, налагаемых на те издания, которые были освобождены от предварительной цензуры. Периодические издания освобождались от предварительной цензуры, но всякий раз с особого разрешения министра внутренних дел и при условии внесения издателем крупного денежного залога в сумме 2500—5000 руб. В случае нарушения периодическим изданием, освобожденным от предварительной цензуры, законодательства о печати, виновные в таком нарушении (авторы, редакторы, издатели, владельцы типографий, книгопродавцы) привлекались к судебной ответственности. Судебные процессы по делам периодической печати стали характерными для пореформенной России, особенно частыми были они в период империализма. «Временные правила» предусматривали для периодических органов и административные меры взыскания: предостережение, временная приостановка издания (на срок до 6 месяцев), прекращение (запрет). Новые порядки установлены были только для столиц. Провинциальная печать (кроме изданий правительственных и научно-учебных учреждений) оставлена была под предварительной цензурой.

«Временные правила» 1865 г. с некоторыми позднейшими дополнениями и изменениями определяли положение печати в России вплоть до конца 1905 г. Большинство этих правил было включено в текст нового издания цензурного устава, появившегося в 1876 г. Все главные распоряжения и узаконения по печати и по цензуре, появившиеся после 1876 г., введены были в издания цензурного устава, вышедшие в 1886 и 1890 гг. После 1890 г. и до 1905 г. сколько-либо значительных перемен в области цензуры не было.

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (глава II. Тряпичкины).

§ 2. Журнальная печать как источник.

а) Общая журналистика

Объектом изучения для историка в одних случаях является данный периодический орган (или органы), взятый в целом, в единстве всех его издательских единиц (книг, томов, частей, номеров, приложений к ним), в строгой хронологии выхода их в свет, в других — отдельный конкретный текст-источник, напечатанный в данном периодическом органе. В таких случаях нужно учитывать характер и направление органа печати, из которого взят отдельный источник; название и специфику того отдела этого органа, в котором напечатан источник, наконец, жанр источника.

При этом следует руководствоваться некоторыми общими правилами: 1) при использовании отдельной издательской единицы периодического органа нельзя ограничиваться одной этой единицей; желательно брать соседние, а то и годовой комплект такого органа; 2) при использовании отдельной издательской единицы периодического органа нужно ознакомиться с единицами других органов периодики, вышедших одновременно с используемым, или близких к нему по времени появления. При соблюдении этих правил часто находят новые материалы и источники, расширяющие, а то и радикально изменяющие представления исследователя о тексте источника, непосредственно его интересующего.

Исходные сведения о периодическом издании находятся на титульном листе журнала. Они обычно помещаются под названием: периодичность, glavное содержание, издатель. В процессе издания нередко такие сведения менялись. Так, «Вестник Европы» в 1866—1869 гг. именовался «журналом историко-политических наук», в 1870—1909 гг. — «журналом истории, политики, литературы», а с 1910 г. — «журналом науки, политики, литературы».

Характер и назначение периодического издания, часто и принадлежность его к тому или иному направлению отражены в определениях на его титульном листе. Анализ общественного и идейного облика его издателей и редакторов существенно помогает в установлении места и значения данного органа в общественно-политической и культурной жизни своего времени.

Объявления о периодическом издании, оглавления таких изданий, указатели их содержания также имеют разные исходные для источникововеда сведения: перечни отделов, главных сотрудников, издателей, редакторов, указания места издания, условий подписки и пересылки, приложений.

Внутренняя структура журнала (деление на отделы по содержанию) могла меняться в процессе его издания. Наиболее крупными отделами в ежемесячниках общего содержания были: 1) художественно-литературный (словесность, беллетристика); 2) науки и искусства; 3) внутреннее обозрение (хроника); 4) иностранное обозрение (хроника); 5) критика и библиография (иногда «Литературная критика», «Литературное обозрение»); 6) «Смесь». Отделы 1, 2, 5, и 6-й характерны для «толстых» журналов

середины XIX в.; 3-й и 4-й отделы сформировались позднее, они показательны для 70—90-х и 900-х годов. Отдел «Смесь» (иногда «Известия», «Извещения», «Мелочи», «Слухи и вести», «Анекдоты») имел крайне пестрое, измельченное содержание, часто давал перепечатки из разных иностранных изданий. Содержание этого отдела не отражено в оглавлениях журналов. Весьма показательный для первой половины и середины XIX в. отдел «Смесь» в конце XIX — начале XX в. нередко отсутствовал. Первые два отдела составляли обычно первую часть книжки журнала, последующие отделы входили во вторую часть, которая набиралась мелкими шрифтами. Две части журнала имели нередко раздельную пагинацию. Существовала традиция все или почти все материалы первых двух отделов печатать за подписями; материалы последующих четырех отделов, как правило, не подписывались. В начале XX в. традиция эта начала изживаться. Многие материалы 3-го и 4-го отделов журналов также шли за подписями.

Существовали два типа общих журналов: «толстые» ежемесячные, например «Отечественные записки», «Современник», «Вестник Европы», «Просвещение», и «тонкие» еженедельники, например «Нива», «Огонек», «Родина». Первые считались органами солидными, серьезными, ориентировались на интеллигентного читателя, вторые — более легкими по содержанию, развлекательными, они адресовались к широким кругам буржуазной и мелкобуржуазной публики. Первые обычно рисунков не имели; вторые были богато иллюстрированы.

Наиболее значительные органы общей журналистики принадлежали к разным направлениям. По классовым, политическим позициям журналы четко разделяются на несколько групп:

журналы пролетарской демократии, марксистские — «Просвещение», «Современная жизнь», «Наша заря», «Научное обозрение», «Жизнь», «Летопись»;

журналы разночинно-демократические — 60—70-х годов: «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки» (с 1868 г.), «Дело» (до 1884 г.); народнические — «Русское богатство», «Северный вестник», «Неделя» (с 1868 г.) и «Книжки Недели», «Заветы» (журнал эсеров);

журналы либерально-буржуазные — «Русский вестник» (до 1863 г.), «Вестник Европы», «Русская мысль», «Мир божий», «Северные записки»;

журналы консервативные и реакционные — «Русский вестник» (после 1863 г.), «Русское обозрение», «Гражданин», «Наблюдатель».

Исключительное значение при изучении и определении классово-общественно-политической направленности журнальных органов представляют богатейшие конкретные замечания и наблюдения по поводу отдельных журналов и газет, имеющиеся в марксистской, большевистской печати конца XIX — начала XX в. в произведениях В. И. Ленина, в публицистике М. С. Ольминского, В. В. Воровского, А. В. Луначарского.

Существовало несколько характерных специфически журнально-газетных жанров. Каждый из них имел свои внутренние закономерности, приемы подачи и раскрытия того или иного реального содержания. Главнейшими жанрами журнально-газетного письма были: статья, передовая статья, очерк, обзорение, фельетон, библиография, корреспонденция, судебный отчет, театральная рецензия, некролог. Постоянный и очень значительный вид текстов — объявления — вряд ли может рассматриваться как особый жанр. Но важной группой источников объявления, несомненно, являются.

Статья в русской журналистике представлена была тремя главными разновидностями — публицистическая, критическая, научная. Образцами публицистических и критических статей демократического направления служат многие произведения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. К. Михайловского. Классические примеры научных статей дали К. Ф. Рулье, К. А. Тимирязев, К. Д. Ушинский, А. Д. Градовский, В. О. Ключевский. Известны слова В. И. Ленина об огромном значении, которое имела «могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*»¹. Вспоминая в 1904 г. значение для самого себя чтения подобных статей, В. И. Ленин говорил В. В. Воровскому: «Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строчки и не один раз»².

Передовая статья была жанром почти исключительно газетным. Этот жанр получил развитие со второй половины 60-х годов XIX в. В больших влиятельных газетах передовые статьи в течение многих лет писались определенными авторами, специалистами этого жанра. Передовые статьи прямо выявляли принадлежность к тому или иному направлению. Таковы были передовые статьи М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», Л. А. Полонского в «Стране» начала 80-х годов, А. Д. Градовского в «Голосе» 70—80-х годов. В большевистской печати 900-х годов замечательные передовые статьи принадлежат В. И. Ленину. Передовые за редчайшим исключением шли без подписей. Установление их автора дело трудное.

Очерк занимал видное место в журналах и газетах. Классические образцы русского очерка эпохи капитализма оставили Г. И. Ушинский, В. А. Слепцов («Владимирка», «Клязьма»), С. Н. Терпигорев («Оскудение». Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика), Н. В. Шелгунов («Очерки русской жизни»), А. П. Чехов («Остров Сахалин»), В. Г. Короленко («Павловские очерки», «В голодный год»), В. И. Немирович-Дан-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29.

² «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 133.

ченко («Соловки»), Н. М. Астырев («В волостных писарях»). В период империализма появились очерки В. В. Вересаева «На японской войне», М. М. Пришвина «В краю непуганных птиц», «Очерки Выговского края» А. С. Серафимовича, очерки М. Горького о Нижегородской выставке. Для историка перспективно сравнительное изучение очерковых источников разных авторов и разного времени, относящихся к одному экономико-географическому району, центру. Таковы, например, серии очерков, посвященных Поволжью 60—90-х годов, Донцкому бассейну 70—90-х годов; очерки о городе Павлове — «Русский Шеффилд» П. Д. Боборыкина 1877 г., «Город рабочих» Н. К. Златовратского в «Русской мысли» 1885 г., «Павловские очерки» В. Г. Короленко в том же журнале 1890 г.; «Письма о Сахалине» А. Брылкина 1864 г., «Остров Сахалин» А. П. Чехова 1890—1895 гг., очерки В. М. Дорошевича «Салахин (каторга)» 1897—1903 гг., очерки В. К. Арсеньева «Из путевого дневника» 1910—1912 гг.

Обозрение разных видов весьма обильный жанр в журналистике второй половины XIX — начала XX в. Основные виды этого жанра — внутреннее, иностранное, литературное обозрение и обозрение печати.

Замечательными мастерами внутренних обозрений в различно-демократических и либерально-буржуазных органах были Г. З. Елисеев, Н. В. Шелгунов, С. Н. Кривенко, Л. А. Полонский, Н. Ф. Анненский. Примером использования большевиками этой формы является «Внутреннее обозрение» В. И. Ленина в журнале «Заря» (1901), состоящее из четырех разделов: I. Голод. II. Отношение к кризису и к голоду. III. Третий элемент. IV. Две предводительские речи. На материалах разбора правительственных циркуляров, всяких «временных правил», передовых статей, корреспонденций, репортерских сообщений из органов разных направлений В. И. Ленин остро вскрывал антинародную сущность внутренней политики царизма. Аналитическое использование В. И. Лениным разнообразных источников печати может служить образцом при работе с периодикой.

Из иностранных обозрений внимание общественности привлекали политические обзоры П. Н. Кудрявцева, К. А. Скальковского. Богатейшее по содержанию литературное обозрение вел сорок лет подряд А. Н. Пыпин в «Вестнике Европы». Обозрения печатались без подписи автора или под разными многочисленными псевдонимами.

Фельетон — жанр преимущественно газетный. Нередко фельетон был обязательным элементом газет в определенные дни, например «воскресный фельетон» в газете «Голос» в 70—80-х годах.

В пределах этого жанра сложилось несколько разновидностей: сатирические, стихотворные фельетоны В. П. Буренина в «Искре» и других журналах 60-х и первой половины 70-х годов, Демьяна Бедного в «Правде» 1912—1914 гг.; публицистические фельетоны А. П. Чебышева-Дмитриева (под псевдонимом Экс) в «Биржевых ведомостях» 70—80-х годов; фельетоны-памфлеты А. В. Амфи-

театрова и В. М. Дорошевича в «России» и других газетах. Ярчайшим примером последней разновидности был прогремевший на весь мир фельетон А. В. Амфитеатрова «Господа Обмаповы» (о царской семье Романовых), напечатанный в газете «Россия» (1902), за который автор был сослан в Минусинск, а газета закрыта.

Корреспонденция характерна для газет, но с конца XIX — начала XX в. она стала встречаться в последних отделах отечественных журналов. Постоянными собственными (иногородними, иностранными) корреспондентами газет и журналов часто выступали известные писатели, ученые, общественные деятели (И. С. Тургенев, П. Д. Боборыкин, Н. И. Кареев, Н. М. Гарин-Михайловский). Корреспонденции представляли собой небольшие, насыщенные датами, именами, фактами статьи, сообщавшие о текущих событиях и имевшие главным образом информационное значение. Особой разновидностью этого жанра были военные корреспонденции — сообщения из центра военных действий, например корреспонденции В. И. Немирович-Данченко о русско-турецкой войне 1877—1878 гг., составившие два тома книги «Год войны (дневник русского корреспондента)». Позднее свои военные впечатления он отразил в романе «Гроза» (1879 г.); вызвавшем большую полемику в печати. Для историка значительный интерес представляет работа генерала В. А. Апушкина «Война 1877—1878 гг. в корреспонденции и в романе» («Военный сборник», 1902, № 7, 8, 10—12; 1903, № 4), анализирующая военные корреспонденции и роман Немировича Данченко.

Судебные отчеты (судебная хроника; газетная рубрика «из зала суда») специально посвящались судебным процессам или же официальным сообщениям о судебных делах. Многие выдающиеся юристы, такие, как А. Ф. Конн, Г. А. Джаншиев, В. Д. Спасович, П. Н. Обнинский, выступали в этом жанре в журналах и газетах.

Некролог обильно представлен в печати многими разновидностями — от объявления о дне, часе и месте выноса тела покойного и его погребении, помещаемого в траурной рамке, до больших некрологических статей, посвященных «Памяти...» (такого-то лица). Произведения этого жанра служат главнейшими, во многих случаях единственными, источниками историко-биографических данных об отдельных деятелях. Характерной особенностью этого жанра являлось правило: «*de mortuis aut bene aut nihil*» (о мертвых или хорошо или ничего), поэтому особо подчеркивались достоинства личности покойного, его заслуги и деяния; о теневых сторонах и недостатках принято было умалчивать.

б) Отраслевая журналистика

Органы отраслевой периодической печати являются важнейшим комплексом источников разнообразного содержания. К отраслевой журналистике принадлежат многочисленные официально-ведомственные журналы.

Органы отраслевой журналистики посвящены определенным отраслям экономической, культурной, административно-политической жизни, тем или иным областям знания и деятельности, отдельным наукам. Они, как правило, ориентировались на определенные читательские круги (журналы для женщин, детей, «народа», солдат, сельских хозяев, торговцев и промышленников, охотников, естествоиспытателей).

Издавая отраслевой журналистики принадлежали: официальным ведомствам, обществам, частным издателям. Ведомственные, как правило, отличались консерватизмом.

Существующая по истории журналистики литература касается исключительно общих общественно-политических и литературных журналов широкого профиля. История отраслевой журналистики почти совсем не разработана. С точки зрения историко-источниковедческой изучение каждой ветви отраслевой журналистики следует признать доступным специалистам, работающим в области, к которой данная отрасль относится.

Историк-источниковед должен знать главные ветви русской отраслевой журналистики для начальной ориентации в огромном репертуаре специальных органов периодики.

Заметно выделяются среди таких ветвей следующие:

Экономические журналы — «Экономист» (1858—1865), «Экономист» (1885—1887), «Экономический журнал» (1885—1893), «Хозяин» (1894—1905), «Журнал для акционеров» (1857—1860), «Акционер» (1860—1863), «Русское сельское хозяйство» (1869—1876), «Торговый сборник» (1864—1873), «Финансовое обозрение» (1874—1876), «Журнал мануфактур и торговли» (1864—1866), «Журнал Министерства государственных имуществ» (1841—1918), «Вестник финансов, промышленности и торговли» (1885—1917, орган Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности), «Журнал Министерства путей сообщения» (1865—1882), с которым связаны «Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения» (с 1878 г.) и «Инженерный журнал Министерства путей сообщения» (с 1882 г.), «Труды вольного экономического общества» (изд. до 1915 г.) и др.

Сжатые характеристики всех периодических изданий по сельскому хозяйству имеются в книге Н. М. Михеева. Библиографические указатели сельскохозяйственной литературы (1783—1954 годы)» (М., 1956). Систематических полных обзоров периодики по другим отраслям экономики (промышленность, торговля, транспорт, денежное хозяйство) капиталистической России нет.

Административно-политические и юридические органы — «Журнал гражданского и торгового права» (1871—1906, название этого издания несколько раз менялось), «Журнал Министерства внутренних дел» (издавался до 1861 г., затем был преобразован в газету «Северная почта» — 1862—1868 гг., с 1869—1917 гг. газета выходит под названием «Правительственный вестник», после Февральской революции название меняется на «Вестник Временного правительства» (ко всем этим важным изданиям выпускались

разные указатели), «Журнал Министерства юстиции» (1868—1899), с 1869 г. выходит «Судебный журнал» как приложение к газете этого же министерства «Судебный вестник», «Юридический вестник» (1867—1892). В № 10 «Юридического вестника» за 1888 г. было напечатано письмо К. Маркса в редакцию журнала «Отечественные записки» по поводу статьи Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом Г. Жуковского».

Журналистика по вопросам просвещения и культуры — «Журнал Министерства народного просвещения» (1834—1917, к изданию есть указатели), «Русская школа» (1890—1917), «Семья и школа» (1871—1888), «Вестник воспитания» (1890—1917), «Учитель» (1861—1870), «Русский начальный учитель» (1880—1911), «Педагогический сборник» (1864—1918), «Педагогическая хроника» (1878—1885), «Педагогический листок» (1871—1918).

Особую группу отраслевой журналистики составляют **исторические журналы**. В 1861—1917 гг. в России их выходило более ста. В них опубликовано множество материалов, документов, мемуаров, писем, научных статей, исследований, рецензий по отечественной истории главным образом XVIII—начала XX в. В пределах этой отрасли имелись общесторические журналы — «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Императорском Московском университете» (1858—1916), «Русский архив» (1863—1917), «Русская старина» (1870—1918), «Исторический вестник» (1880—1917), «Древняя и новая Россия» (1875—1881), «Киевская старина» (1882—1906), «Голос минувшего» (1913—1923); археологические — «Вестник археологии и истории» (1885—1918), «Древности» (1865—1916); историко-этнографические — «Этнографическое обозрение» (1889—1916), «Живая старина» (1890—1916); журналы по истории искусства и литературы — «Вестник изящных искусств» (1883—1890), «Старые годы» (1907—1915), «Русский библиофил» (1911—1915). Специальные историко-революционные журналы стали появляться после 1905 г. — «Былое» (1906—1907), в 1908 г. под названием «Минувшие годы» (1917—1926). Обзор и сжатые характеристики исторической журналистики дал С. С. Дмитриев (1961).

Литературные, художественные, театральные, музыкальные журналы — «Мир искусства» (1898—1904), «Весы» (1904—1909), «Аполлон» (1909—1917), «Вестник иностранной литературы» (1891—1916), «Золотое руно» (1906—1909), «Ежегодник императорских театров» (1892—1915), «Театр и жизнь» (1823—1884), «Театр и искусство» (1897—1918), «Музыкальный и театральный вестник» (1856—1860), «Музыкальный свет» (1847—1878).

Имеется библиографический свод сведений по театральным журналам и газетам: Вен. Е. Вишневский. Театральная периодика, ч. 1 (1774—1917), ч. 2 (1917—1940). (М. — Л., 1941). По библиографии музыкальной периодики в России существуют работы Т. Н. Ливановой.

Военные журналы — «Военный сборник» (1858—1917), «Морской сборник» (1848—1917).

Сатирические и юмористические органы получили большое распространение с конца 50-х годов XIX в. Особенным влиянием пользовались сатирические журналы: «Искра» (1859—1873), «Развлечение» (1859—1918), «Будильник» (1865—1917); политическая сатира эпохи первой русской революции достойно представлена в таких ярких изданиях, как «Зритель» (1905—1906, 1908), «Пулемет» (1905—1906). Кроме того, издавались два сатирических рабочих журнала: «Свобода» (1905) и «Девятый вал» (1906). Сатира периода между двумя революциями (1905—1917 гг.) представлена журналами «Сатирикон» (1908—1914) и «Новый сатирикон» (1913—1918). Этой отрасли журналистики посвящено довольно много работ И. Ф. Масанова, И. Г. Ямпольского, Г. М. Лебедевой, Г. Ю. Стернина.

Специфическим видом отраслевой журналистики являлись многочисленные церковные и религиозные периодические издания. Для большинства этих изданий характерен глубокий идейно-политический консерватизм, нередко откровенная реакционность. В то же время эти издания печатали много разнообразных источников, относящихся не только к истории церкви в России, но и к истории быта, нравов, просвещения. Работа с этими изданиями, помимо их специфики, затруднена еще и тем, что в советских справочниках по отечественной периодике отсутствуют сведения о них. Как примеры таких периодических изданий можно назвать «Церковный вестник» (1875—1917) и «Церковные ведомости» (1888—1917) — органы Святейшего Синода, «Церковно-приходская школа» (с 1887 г.), «Духовная беседа» (1858—1876), «Русский паломник» (1885—1917). В подавляющем большинстве епархий России издавались «Епархиальные ведомости» — официальные органы местной епархиальной власти; все они издавались по единой программе, разработанной Иннокентием (Борисовым) — архиепископом херсонским и утвержденной Синодом. Первые «Епархиальные ведомости» появились в Ярославле в 1860 г. Существовали эти издания до 1917 г.

§ 3. Газетная печать

Если пресса вообще есть важнейшее орудие классовой борьбы и публичная арена, где эта борьба проявляется и отражается, то газете в такой борьбе принадлежит первое место. Основопологающие мысли В. И. Ленина о печати капиталистической России, в частности о газетах, многочисленные его суждения об отдельных отечественных газетах, газетных материалах и тех или иных газетных авторах дают для историка-источниковеда методологическую базу для работы с газетами и их материалами. Наиболее нужное для историка из ленинского литературного наследия касательно периодики находится в книге: «В. И. Ленин о печати». В книге Н. Г. Зориной и А. А. Савенкова «В. И. Ленин — историк печати» рассмотрены вопросы, существенные для изучения газетного материала.

Классовый характер газеты, ее политические и общественные позиции чаще всего можно проследить на материале передовых статей, больших обзоров, крупных статей, принадлежащих более или менее известным авторам. Общий подход к текущим событиям внутренней общественно-политической жизни страны и международных отношений наиболее очевидно выражается в названных газетных формах.

Четкое определение классового характера газеты крайне существенно для источниковеда. Этим характером и определялся угол зрения, под которым рассматривались и подавались в материалах данной газеты текущие события, процессы, деятели.

После отмены крепостного права стали появляться газеты «для народа» («Мирское слово» 1863—1879 гг., «Народная газета» 1863—1869 гг., «Воскресный досуг» 1863—1872 гг.) и мало отличные от таких газет полужурнальчики, полугазетки («Иллюстрированная неделя» 1873—1875 гг., «Иллюстрированный вестник» 1873—1885 гг., «Мирской вестник» 1863—1885 гг.). Рассчитанные на обработку простого читателя, по своему духу они были глубоко консервативными, псевдонародными органами. На рубеже XIX—XX вв. количество таких изданий сильно увеличилось. К «уличным органам и шармапкам» отнес М. Горький в статье «Ванькина литература», напечатанной в газете «Нижегородский листок» в 1899 г., «Новое время» А. С. Суворина. Назначение и призвание подобных газет состояло, по словам Горького, в том, чтобы плодить Ванек и угождать их дурным вкусам. В этих газетах подвизались бойкие, резвые и злобные фельетонисты, писаки, которые «ловко выдрессированы хозяином и все всегда травят кого-нибудь — финнов, марксистов, чувашей, народников, русскую литературу, крымских татар, евреев, поляков, глядя по тому, что больше Ваньке-публике нравится»¹. Очень много черносотенных, оголтело-контрреволюционных газет, газеток и журнальчиков от имени народа и для «народа» печаталось в годы первой революции. Органы эти субсидировались крайне правыми монархическими союзами и партиями, а то и прямо охранкой. В годы мировой войны в распоряжении министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати находился специальный секретный (рентильный) фонд для подкупа печати². Ложь, сознательный обман являлись излюбленным приемом буржуазной прессы. На это указывал В. И. Ленин в статье «Союз лжи»: «один прием буржуазной печати всегда и во всех странах оказывается наиболее ходким и «безошибочно» действительным. Лги, шуми, кричи, повторяй ложь — «что-нибудь останется»³. В статье «Капитализм и печать», опубликованной в газете «Путь правды» в марте 1914 г., В. И. Ленин писал по поводу скандальных разоблачений мерзостей буржуазной газетной прессы,

¹ М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23, стр. 289.

² См.: «Записка Д. М. Потемкина о расходовании этого фонда в 1914—1916 гг.». «Красный архив», 1925, № 10, стр. 332—342.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 217.

разоблачений с которыми выступил в печати один проворовавший газетчик-нововременец: «Когда два вора дерутся, от этого всегда будет известная польза для честных людей. Когда вконец перессорятся «деятели» буржуазного газетного дела, они раскрывают перед публикой продажность и проделки «больших» газет»¹. Используя материалы печати капиталистической России, источниковед-историк обязан проявлять чрезвычайную осторожность, критически оценивать его.

В условиях первой революции возникла массовая легальная рабочая печать в России. Только в 1905 г. издавалось около 100 органов большевистской печати. С 1912 г. началась славная история первой массовой легальной ежедневной газеты «Правда» — центрального органа большевиков. В период после 1905 г. легально издавалось довольно много газет меньшевистского направления. Характерной особенностью рабочей партийной печати было не только то, что она являлась печатью для рабочих, но и то, что ее авторами были сами рабочие.

Рабочая, демократическая, прогрессивная газетная пресса имеет огромное значение как важнейший источник для изучения истории России в последние десятилетия перед Великой Октябрьской социалистической революцией. Рабочие, революционные и даже оппозиционные в отношении царизма партии и организации, существовавшие в России до 1917 г., не оставили, как правило, сколько-нибудь полных и богатых архивов; сохранившаяся документация отрывочна. Материалы газет являются чуть ли не единственными источниками по истории рабочего класса, революционного и рабочего движения. Дополняемые материалами нелегальной, подпольной и зарубежной периодики, сопоставляемые с известиями о тех же событиях и явлениях, имеющимися в буржуазной прессе, наконец, критически противопоставляемые соответствующим правительственным документам и известиям реакционных газет и журналов, источники названной выше периодической печати надежно служат при воссоздании истории России в период империализма.

Численность газет в капиталистической России неуклонно росла. Газета явно теснила журнал в общественном обиходе. Спрос на газеты, потребность в быстрой, подробной и доступной (по изложению и цене) ежедневной информации возрастали с каждым десятилетием после 1861 г. Особенную популярность газеты приобретали в революционные и военные годы — в 1859—1861, 1877—1878, 1879—1881, 1904—1907, 1914—1917 гг.

Изучение газетной прессы явно отстало от исследования истории журналов. Литература, посвященная отечественным газетам 1861—1917 гг., очень бедна. Только история рабочей и большевистской печати эпохи империализма усилиями советских ученых разрабатывается более интенсивно.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 5.

§ 4. Нелегальная печать

С середины XIX в. началась история русской свободной печати. Нелегальные внецензурные издания печатались с этого времени или за рубежом, или в подполье в пределах России. «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга», — писал В. И. Ленин¹. В Лондоне 22 июня 1853 г. им была создана Вольная русская типография. Усилиями А. И. Герцена и Н. П. Огарева в 50—60-х годах изданы: журнал «Полярная звезда» (1855—1869), сборники «Голоса из России» (1856—1860), знаменитый журнал-газета «Колокол» (1857—1868), особое приложение к «Колоколу» газета «Общее вече» (1862—1864). Издания Вольной русской типографии имели глубоко революционный характер. В 60-е годы за рубежом появилось несколько периодических изданий («Будущность», «Весть», «Европеец», «Современность») оппозиционно-либерального направления. В конце 60-х годов печатался журнал «Народное дело» — орган Русской секции I Интернационала. Все это были зарубежные издания, конспиративно доставлявшиеся в Россию. В пределах России К. С. Калининский вместе с польским революционером В. Врублевским издал в 1862—1863 гг. подпольно в Белостоке несколько номеров «Мужицкой правды» — первой белорусской революционной газеты.

С середины 70-х годов и до середины 80-х годов получили распространение зарубежные органы революционно-народнической печати — журнал и газета П. Л. Лаврова «Вперед» (1873—1877), газета П. Н. Ткачева «Набат» (1875—1881), газеты последователей М. А. Бакунина «Работник» (1875—1876) и «Община» (1878).

Затем появились народнические революционные газеты, издававшиеся подпольно в самой России, — «Начало» (1878), «Земля и воля» (1878—1879), «Листки «Земли и воли» (1879), «Народная воля» (1879—1885), «Листки «Народной воли» (1880, 1881, 1883, 1886), «Рабочая газета» (1880—1881) народовольцев, «Черный передел» (1880—1881).

С датой 15 февраля 1880 г. подпольно был отпечатан единственный номер газеты «Рабочая заря» — органа «Северного союза русских рабочих». Тем самым было положено начало рабочей печати в России, представляющей классовые интересы отечественного пролетариата.

В конце 80-х — в 90-е годы зарождается марксистская зарубежная и подпольная революционная пресса — сборник «Социал-демократ» (1888—1892) группы «Освобождение труда», газета «Рабочее дело» (1895), которую издавал Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса; это была первая марксистская рабочая газета в России.

С начала XX в. усилиями В. И. Ленина начала выходить «Искра», бывшая в 1900—1903 гг. первой общерусской нелегальной марксистской газетой (печаталась последовательно в Мюн-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.

хене, Лондоне, Женеве; позднее «Искру» перепечатывали в двух подпольных типографиях — в Баку и Кишиневе). Это была большая политическая газета с устойчивыми отделами — «Из партии», «Из нашей общественной жизни», «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», «Из деревни», «Иностранное обозрение», «Почтовый ящик».

Зарубежными центрами печатания нелегальной периодики были Лондон, Женева, Цюрих, Лейпциг, Берлин, Дрезден, Мюнхен. Издания шли в Россию конспиративно. В самой России нелегальные органы печати подпольно издавались в Петербурге, Москве, Минске, Белостоке, Баку, Кишиневе, Томске, Ростове-на-Дону и многих других городах.

Особенностями нелегальной периодики, с которыми необходимо считаться историку, являются: резкое преобладание анонимных и отчасти псевдонимных текстов; крайняя затруднительность, а часто невозможность установления авторства текстов; отсутствие на многих изданиях сведений о месте и времени их напечатания; нередко в целях конспирации давались заведомо неверные указания о месте печатания органа или места, откуда поступил тот или другой материал; чрезвычайная редкость, а часто и плохая сохранность органов нелегальной печати; отсутствие даже в крупных научных библиотеках, музеях и архивах полных комплектов таких изданий.

Такое положение обусловило довольно распространенную практику переиздания важнейших памятников нелегальной печати. Переизданы и воспроизведены фототипически, например, «Колокол» (1857—1868), «Полярная звезда» (1855—1869), издания «Народной воли» (1879—1885), «Черного передела» (1880—1881), «Искра» (№ 1—52, декабрь 1900 г. — ноябрь 1903 г.), «Вперед» и «Пролетарий» — первые большевистские газеты 1905 г., «Правда» № 1—204 за 1912 г., № 1—289 за 1913 г., № 1—227 за 1917 г.

При пользовании позднейшими переизданиями следует обращаться к оригиналам нелегальной печати. Возвращаться к первоисточнику, проверять себя на тексте оригинала — первостепенная задача и обязанность источниковеда.

§ 5. Изобразительные источники периодики

В капиталистический период истории России в отечественной периодике было обнаружено огромное количество различных графических источников — рисунков, иллюстраций, фотографий, планов, чертежей, карт и картосхем.

Умножению изобразительных источников в периодике содействовали технические нововведения в полиграфическом производстве, развитие новых способов воспроизведения иллюстраций. Появившиеся еще в первой половине XIX в. лиготирия и торцовая гравюра на дереве получили в 60—80-х годах широкое распространение в журналистике. Литография и торцовая гравюра на

дереве при создании иллюстрации обходились гораздо дешевле прежней довольно дорого стоившей гравюры на меди. С 80-х годов журналы и книги стали пользоваться новым, еще более дешевым способом воспроизведения иллюстраций — автотипией (циклографический способ воспроизведения полутонового рисунка или фотоснимка). С 90-х годов с автотипией начала конкурировать фототипия (способ плоской печати со стеклянной или металлической пластины). Подлинный переворот в репродукционную технику изготовления и воспроизведения иллюстраций внесло изобретение И. И. Орлова (1896), предложившего способ многокрасочной печати, предварявшей последующую офсетную печать. С конца XIX в. быстро увеличивается количество многокрасочных иллюстраций в журналах; они заметно потеснили цветную литографию. Новые усовершенствования в области фотомеханики и полиграфии значительно удешевили и упростили возможности для периодики давать в большом количестве разный графический материал, одноцветные и многоцветные репродукции.

Подавляющая масса изобразительных источников находится главным образом в так называемых тонких, еженедельных журналах, которые выходили обыкновенно по воскресеньям. Иллюстраций в газетах до 1905 г. очень немного. Да и после первой революции, когда они чаще встречаются на полосах крупных, преимущественно столичных газет, качество их воспроизведения сильно уступало журнальным изображениям.

Первым пореформенным богато иллюстрированным журналом, приобретшим популярность, была «Всемирная иллюстрация» (1869—1898) (один из немногих журналов, к которому был издан указатель рисунков).

В истории русских иллюстрированных журналов заслуженно большое место заняла «Нива» (1870—1917) — еженедельный журнал «для семейного чтения», выпускающийся книгоиздательским товариществом А. Ф. Маркса. Это был самый распространенный в дореволюционной России журнал (в 1870 г. — 9 тыс. экз., в 1880 г. — 55 тыс., в 1891 г. — 115 тыс., в 1900 г. — 235 тыс., в 1917 г. — 275 тыс. экз.). В «Ниве» воспроизводились картины отечественных и иностранных художников, публиковалось множество тематических рисунков, сделанных видными мастерами по заказам редакции, было помещено несколько тысяч портретов разных лиц, фотографий и рисунков, относящихся к истории войн, в которых участвовала Россия в 1877—1878, 1904—1905, 1914—1917 гг., а также к политическим и общественным событиям последних предреволюционных десятилетий.

В известной мере равнялись на «Ниву» и другие богато иллюстрированные еженедельники — «Родина» (1879—1917), «Север» (1888—1914), первый «Огонек» (1879—1883) и второй «Огонек» (1899—1918), «Нева» (1879—1887), «Иллюстрированный мир» (1879—1896), «Вокруг света» (1860—1868 и 1885—1917).

Из журналов начала XX в., богатых документальными иллюстрациями, можно назвать «Лукоморье», «Солнце России»,

«Аргус», «Синий журнал», «Всемирная панорама», «Летописи» русско-японской 1904—1905 гг. и мировой 1914—1916 гг. войн.

Много рисунков, снимков наружного вида и интерьеров памятников истории и искусства, усадебного быта, монастырей и церквей (нередко зданий, не дошедших до нас) опубликовано в «Историческом вестнике» (1880—1917), в «Русском паломнике» (1885—1917), в журнале «Природа и люди» (1889—1918), в «Столице и усадьбе» (1914—1917).

Изобразительные источники, важные для изучения домашнего быта, убранства и мебели, экипажей, мод, одежд, причесок, обуви, головных уборов, содержат журналы для женщин и «семейного чтения».

Особую группу изобразительных источников составляет крайне разнообразная и богатая графика сатирических и юмористических журналов, которые были обильно представлены изданиями разных направлений (от консервативно-охранительных и реакционно-черносотенных до революционных), ориентированными на всякие вкусы. В общей газетной печати, особенно в начале XX в., печаталось немало карикатур и шаржей. Многие выдающиеся русские художники дали великолепные памятники острейшей политической сатиры в годы первой революции (Е. Лансере, М. Добужинский, И. Билибин, Б. Кустодиев, А. Ремизов, Д. Моор).

Изобразительные источники отечественной периодики изучены слабо. Интересовались ими главным образом искусствоведы. Эти источники ожидают исследователей-историков.

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА

§ 1. Воспоминания, дневники, частная переписка —
 общая характеристика; собрание, учет, изучение их

22

Воспоминания (мемуары), дневники, частная (личная) переписка (эпистолярные памятники) — письменные исторические источники, близкие между собой по происхождению, характеру и значению их для историка. Но близкие по многим чертам, они являются тремя различными видами источников. Для каждого существуют особые приемы их отыскания, изучения, использования.

Воспоминания, дневники, частная переписка относятся к источникам личного происхождения, возникающим в частном порядке. Дневники и частные письма по своей природе имеют преимущественно интимный, доверительный характер, они нужны и доступны во время их создания для самого пишущего и, кроме него, еще для немногих лиц. В отличие от них воспоминания обычно пишутся с прицелом на читателей, порой читателей узкого, заранее определенного круга — для своих детей, членов семьи, своего рода (например, в дворянских, купеческих семьях), по чаще для обширной читательской среды — для своих современников, потомства, историков. В таких случаях автор воспоминаний ставит перед собой определенную цель, подбирает и упорядочивает материалы, нужные для достижения поставленной цели, из того, что сохранила его память.

Воспоминания в широком смысле слова есть исторические сочинения (писания), однако они не являются документальными источниками. Обычно воспоминания и не притязают на полное, всестороннее, историко-аналитическое и историко-синтетическое освещение лиц, явлений и событий, о которых рассказывают. Назначение их другое — повествование, ведущееся по личной памяти мемуариста на основе собственных впечатлений о тех или иных событиях, которые ему представляются значительными, событиях, в которых он сам участвовал или которые сам наблюдал. Особенности воспоминаний, дневников, частной переписки в сильной степени определяются личностями их создателей, тех лиц, к которым они обращались (например, в эпистолярных текстах). Каждый такой источник имеет непрменные черты индивидуальности его создателя. Но создатели таких источников, как и личности, к которым они обращались, существовали в реальных исторических условиях, принадлежали к определенным классам, социальным слоям и группам. Взятые в массе, используемые в больших количествах, такие источники явно имеют более или менее отчетливо выраженные, внутренне заложенные в них характерные черты тех классов, общественных слоев и групп, к которым не могли не

принадлежать их создатели. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹. Эта мысль В. И. Ленина (1905) должна служить основополагающей для историка, имеющего дело с источниками личного происхождения.

Важнейшее значение для анализа источников этих трех видов имеет личность их автора. Индивидуальные свойства автора воспоминаний, дневника, личных писем, так же как индивидуальные качества тех лиц, для которых непосредственно они предназначались, определяют содержание, качество и тем самым научно-историческое значение данных источников. Субъективность и индивидуальность внутренне, органически присущи всем этим источникам. Личные особенности авторов определяюще сказываются на объективной познавательной ценности этих источников. Пол, возраст, характер, состояние памяти, мировоззрение, взгляды и чувства автора заметно проявляются в этих материалах. Историк обязан внимательно изучать и учитывать эти личные особенности. В этих особенностях — специфика таких источников.

Отсюда возникает первая задача при обращении к такого рода источникам — установление личности их автора (имя, даты жизни, биографические сведения, социальное и профессиональное положение) и во многих случаях той личности (или личностей), к которой автор обращается (например, адресат его писем). Нередко в распоряжении историка находятся воспоминания, дневники, письма, неизвестно кем написанные и к кому адресованные; в хранилищах и собраниях рукописей, в архивах их много. Без предварительного выяснения главных, исходных данных о личности их автора все такие памятники не могут быть полноценными источниками.

Вторая задача — выяснение времени написания (или «напечатания» — в случае машинописи) основного текста (оригинала, подлинника) источника. Часто подлинник отсутствует, и источник доступен историку в виде отдельной книги или в периодическом органе. Тогда следует уяснить время и место первой публикации источника; оригиналом в таком случае будет являться первая публикация. Затем надо подвергнуть анализу редакторские принципы издания, где исследуемый источник был напечатан. Понятно, что общественно-идейное направление издания, в котором источник вышел в свет, крайне важно для исследователя. При существовании последующих изданий и переизданий данного источника каждое из них (2-е, 3-е и т. д.) должно быть приято во внимание. Установление точного времени первой публикации позволяет приблизиться к решению вопроса о времени написания данного источника, обстоятельств и условий его написания и целевого назначения. Для выяснения времени написания источника, авторский оригинал которого дошел до нас, первостепенное значение имеют приемы палеографического и текстологического анализа.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.

Близость рассматриваемых трех видов источников проявляется в том, что личные письма, дневники и воспоминания часто как бы взаимопроникают, преобразуются в практике их создания из одного вида в другой. Так, письма, которые одно лицо пишет другому ежедневно, а бывает, что и по два раза в день, по их содержанию и характеру ничем не отличны от поденных записей в дневнике. Историк и журналист М. М. Стасюлевич не вел дневника, но, находясь вне дома, ежедневно писал жене письма, сообщая обо всем, что видел и слышал за день. Брак Стасюлевича длился 52 года (1859—1911). За этот долгий срок Стасюлевич не раз бывал в отъезде, и его письма к жене для историка являются своеобразным дневником. Дневниковый характер этих писем виден из такого отрывка из одного письма:

«Москва. 22 февраля 1862. Четверг. 3 часа. Из моего вчерашнего послания ты знаешь, чем должен был наполниться мой день сегодня. Половина программы уже выполнена: я сейчас воротился с осмотра здешних древностей, т. е. Дворца, Оружейной палаты и Романовского дома. Остается вторая половина программы: обед у Корша в 4 часа; я подозреваю, что тут будут некоторые из московских профессоров; впрочем, вечером, дописывая это письмо, я буду иметь возможность не предполагать, а рассказать случившееся. Начну с утра»¹.

Вторая половина этого же письма помечена: 11 часов вечера. В ней сообщено об обеде у Корша, длившемся от 4 часов дня до 9 часов вечера, о присутствии на обеде профессоров Б. Н. Чичерина и И. К. Бабста, о споре автора письма с Чичериным по поводу статьи последнего «Что такое консервативная партия?», статьи, напечатанной утром того же дня в московской газете «Наше время».

Переписка П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк длилась 14 лет (1876—1890). Почти вся переписка, особенно письма Чайковского, состояла из писем-дневников. О близости этих писем к дневниковым записям говорит их периодичность: в годы наиболее оживленной переписки в среднем одно письмо приходится на 2,5 дня: за 1879—1881 гг. до нас сохранилось 430 писем².

Часто авторы писали воспоминания на основе ими же прежде веденных дневников. Таковы, например, «Записки неизвестной» (псевдоним Е. А. Карлгоф-Драшусовой), «Мои воспоминания» барона А. И. Дельвига, точность и достоверность известий в которых, видимо, была обеспечена тщательным использованием своих старых дневников. Известно, что П. А. Валуев, готовя второй вариант своего дневника за 1861—1868 гг. для потомства (первый вариант он писал только для себя), сопровождал дневниковые записи многочисленными примечаниями чисто мемуарного характера, сделанными в 1868 г.

¹ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 1. СПб, 1911 стр. 395.

² См.: «Переписка П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк», г. 2. М., 1934.

Нередко отдельные лица, от которых до нас сохранились ценные источники всех трех видов, одновременно вели дневники, писали воспоминания и разные письма. Причем на страницах дневника они заносили копии своих писем, копии писем, полученных ими от третьих лиц, а в воспоминания вносили значительные куски из дневниковых записей, включали полученные ими письма тех деятелей, о которых они повествовали в своих воспоминаниях. Так поступали, например, М. П. Погодин, Е. А. Штакеншнейдер, Б. Б. Глинский, А. В. Головнин, Д. А. Милютин, П. В. Быков, В. Я. Брюсов, В. Г. Короленко. Примеры свидетельствуют о своеобразном взаимопроникновении трех рассматриваемых видов источников.

Воспоминания, дневники, частная переписка лиц чем-либо примечательных, государственных, общественных, культурных деятелей эпохи капитализма являлись объектом собирательства, коллекционирования и хранения уже в течение всей этой эпохи. Крупными собирателями таких источников были П. И. Бартенев, А. А. Бахрушин, П. И. Щукин, М. И. Семевский, С. А. Венгеров, П. П. Шибанов, И. А. Шляпкин, Г. В. Юдин, А. А. Титов, А. Д. Чертков, Ф. М. Плюшкин, Н. П. Лихачев, Б. Л. Модзалевский. Значительные коллекции такого вида источников образовались в Публичной библиотеке в Петербурге, в Публичной библиотеке Румянцевского музея и в Историческом музее в Москве, в городских публичных и университетских библиотеках Казани, Киева, Харькова, Одессы. В настоящее время мемуары, дневники, частная переписка находятся в основной своей массе в составе так называемых личных архивных фондов. О видах и значении источников, характерных для таких фондов, писал С. С. Дмитриев (1965). Книга Ю. Ф. Кононова «Комплектование рукописных отделов библиотек и музеев в дореволюционной России» (1961) дает общий обзор собирания рукописных источников, в частности мемуаров, дневников, писем.

Первым опытом специального источниковедческого подхода к воспоминаниям была работа П. Д. Чечулина «Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников» (1891). Советскими учеными сделано немало в области источниковедческого исследования воспоминаний, дневников, частной переписки деятелей второй половины XIX — начала XX в. Основные из этих работ указаны в библиографии к данной главе. К сожалению, общего источниковедческого труда о мемуарах, дневниках и частной переписке эпохи капитализма в России еще не создано.

§ 2. Обзор воспоминаний. Приемы их изучения

Мемуарные произведения периода капитализма в России создавались в новых, отличных от дореформенных, условиях, которые определили их некоторые особенности.

Наиболее существенны следующие из этих особенностей.

1. Происходило сближение мемуаров с живой современной им

художественной прозой и всей повседневной, меняющейся действительностью. Мемуаристы из пишущих «для себя» («про себя», «для немногих», для потомков) превратились в авторов, лично и непосредственно участвующих в текущем процессе общественно-литературной жизни, пишущих для своих современников, для печати.

2. Имела место заметная деформация прежних мемуарных форм, определенное измельчение, дробление этих форм. Мемуаристика нередко приобретала этюдный, отрывочный, незавершенный характер.

3. Количество произведений мемуарной литературы сильно увеличилось. Мемуары делаются массовым источником.

4. Произошло существенное изменение социально-профессионального и национального состава мемуаристов. Число дворянских воспоминаний и мемуаров, записок представителей духовенства, весьма значительное в первые десятилетия после 1861 г., явно уменьшается в начале XX в. Появляются воспоминания рабочих и крестьян. Крупной группой становятся мемуары революционных деятелей, а также мемуары представителей интеллигенции.

5. В мемуарных источниках по периоду капитализма необходимо четко различать произведения, написанные и напечатанные до 1917 г. и после победы Октябрьской социалистической революции.

Учет новых условий возникновения и характерных особенностей мемуаристики приближает историка к выработке и пониманию закономерно необходимых приемов и методов ее анализа.

В дореформенной России авторы воспоминаний обыкновенно не предполагали прямо их публикацию. Они лишь допускали возможность напечатания своих воспоминаний в неопределенном будущем. Объективные возможности для скорой их публикации были ограниченными. Печатание воспоминаний при жизни их составителя, тем более публикация их им самим, т. е. выступление его в роли автора, участвующего в текущей литературной жизни, не имело места в традициях русской культуры XVIII в., да и в начале XIX в. очень редко практиковалось. Тогдашние понятия писателя, автора, литератора еще не вмещали в себя людей, писавших воспоминания.

Подавляющее большинство русских воспоминаний, написанных в XVIII в., увидело свет только во второй половине XIX в. Воспоминания, созданные в первой половине XIX в., частично, а иногда и полностью, печатались в середине этого века. Доведенные до 1830 г. записки Ф. Ф. Вигеля (умер в 1856 г.) стали печататься в журналах с 1864 г., а через два года появились в виде отдельного трехтомного издания. Писатель И. И. Панаев в последние годы своей жизни составлял и тут же печатал в «Современнике» (1861) свои известные «Литературные воспоминания».

В пореформенное время возможности для печатания мемуаров стали более доступными. С основанием П. И. Бартеневым «Русского архива» в 1863 г. исторические журналы заняли заметное

место в русской журналистике. В начале XX в. ежегодно существовало до 25—30 исторических журналов. Печатание мемуаристики было для большинства из них насущным делом. Охотно печатали мемуарные материалы и многочисленные общие литературно-политические журналы. Кроме того, издатели и редакторы периодических органов стали заинтересованными в постоянном обеспечении своих изданий живым, доступным для широкого читателя повествовательным материалом о реальных событиях и деятелях прошлого. Установилась практика заказывания редакторами и издателями мемуаров. Деятелей и лиц, которым было что вспомнить, начали привлекать к авторству. Так нередко действовали, например, редакторы-издатели трех наиболее известных исторических журналов П. И. Бартенев — «Русский архив», М. И. Семевский — «Русская старина», С. Н. Шубинский — «Исторический вестник».

Время от написания автором его воспоминаний до их напечатания стало очень кратким. Авторы, работавшие в области мемуарной литературы в конце XIX — начале XX в., нередко писали мемуары прямо для передачи в редакции журналов и газет, в книгоиздательства. В русской журналистике 1907—1910 гг. опубликовано немало воспоминаний о событиях и людях первой русской революции, в прессе 1906—1914 гг. напечатано довольно много мемуаров участников русско-японской войны.

Произведения мемуарной литературы в условиях капитализма, особенно в начале XX в., когда классовая борьба чрезвычайно обострилась, приобретали публицистическое назначение. Мемуарист-публицист, сознательно стремившийся не только вспомнить и закрепить прошлое, но посылно участвовать в изменении настоящего, выдвигался на передний план.

Преобладавшей формой воспоминаний крепостной эпохи было пространное, развертываемое в строгой хронологической последовательности повествование. Такая форма, как своего рода классическая для мемуаристики, имела место и после 1861 г. Но все же она деформировалась. Рядом с нею появились и множились более мелкие мемуарные формы: мемуарные статьи, отрывки из мемуаров, «наброски и зарисовки из прожитого и передуманного», «кое-что из прошлого», «страница из моих записок», «калейдоскоп воспоминаний». Заметно росла «тематическая» мемуаристика малых форм (преимущественно статьи) — воспоминания об отдельных событиях, эпизодах, происшествиях, встречах, случаях. Этюдность, незавершенность, отрывочность, недостаточная литературная обработанность, а в начале XX в. и своеобразная «импрессионистичность» письма стали характерными для многих мемуарных источников предреволюционной России.

Среди прочих видов письменных источников мемуары в эпоху капитализма стали занимать гораздо более видное место. В это время мемуары становятся массовым источником. Пожалуй, не один из периодов отечественной истории не обеспечен таким количеством мемуарной литературы, как капиталистический.

Накануне падения крепостного права в России Н. Г. Чернышевский в 1856 г. не без серьезных оснований объяснял «чрезвычайный успех» «Семейной хроники» С. Т. Аксакова между прочим и тем, что «книга эта удовлетворила слишком сильно потребности нашей в мемуарах — потребности, находящей себе слишком мало пищи в нашей литературе». «В самом деле, — продолжал он, — у нас вовсе нет мемуаров, относящихся до близкого к нам времени, относящихся до современной эпохи — решительно нет. А потребность в таких мемуарах очень велика»¹. Но через четверть века в 1879 г. Г. Е. Благодетель в критической статье (далеко не во всем справедливой) о мемуарной книге Т. П. Пассек «Из дальних лет» верно отмечал уже иное положение дел: «Никогда еще русская литература не отличалась таким богатством печатного исторического материала, как в настоящее время. У нас рядом издаются четыре исторических журнала, несколько исторических сборников и постоянно появляются то воспоминания, то мемуары. Всем и каждому, кто только умеет держать перо в руке и водить им по бумаге, непременно хочется передать потомству свое прошлое и свое имя»². Благодетель оговаривал, что вовсе не отрицает ни достоинства, ни пользы мемуарной литературы. Он только утверждал, что воспоминания должны иметь подлинно историческое, весомое, действительно правдивое содержание, чтобы приобрести «общественное значение» и «понадобиться нашему потомству». Ополчаясь против потока незначительной мемуарной литературы, поставщиками которой порой являлись весьма одиозные лица, заведомые ретрограды, Благодетель риторически вопрошал: «Представьте себе, что князю Мещерскому угодно будет прожить еще лет пятьдесят и на старости сочинить мемуары, в которых будет реставрировано его время и современное поколение со всеми его достоинствами и недостатками. Не надо быть пророком своего отечества, чтобы угадать, каким запахом и цветом будет отдавать от этих старческих сказаний, в каком свете предстанут перед потомством его друзья и недруги»³. Крайний реакционер В. П. Мещерский прожил после напечатания этой тирады 34 года. За два года до смерти, в 1912 г., он так выпустил «Мои воспоминания». Предположения Благодетельева сбылись. В записках нет понимания действительных исторических процессов, факты и явления из истории общественного движения, которых касается мемуарист, представлены искаженно.

Социальные сдвиги в русском обществе, характерные для эпохи развития, а потом и загнивания капитализма, определяюще сказались на изменении социально-профессионального состава отечественных мемуаристов. В эпоху падения крепостного права и в первые десятилетия после 1861 г. мемуары выходили главным образом из-под пера дворян, крупных государственных и военных

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, стр. 699.

² «Дело», 1879, № 4, стр. 89.

³ «Дело», 1880, № 2. Современное обозрение, стр. 43.

деятелей, больших чиновников и лиц духовного сословия. С последней четверти XIX в. постепенно начали появляться воспоминания рабочих и крестьян (последних было еще, правда, очень мало). Основными «поставщиками» мемуаров становились представители интеллигенции — писатели и журналисты, адвокаты, педагоги, художники, артисты, музыканты, в меньшей мере ученые, представители технической интеллигенции — инженеры, строители, агрономы, врачи.

С начала XX в. растет число мемуаров революционных деятелей. Воспоминания участников революционно-демократического движения шестидесятников и революционных народников в большом количестве появлялись с 1905 г. в отдельных изданиях и в журналах «Былое», «Голос минувшего», а после 1917 г. в «Каторге и ссылке». Выдающимися мемуарными источниками стали записки Л. Ф. Пантелеева, П. А. Кропоткина, О. В. Аптекмана, Н. А. Морозова, В. Н. Фигнер. Предисловия некоторых из этих авторов к отдельным изданиям их записок открывают обстоятельства этих записок, цели, которые ставили перед собой мемуаристы, использованные ими литературно-повествовательные и документальные материалы. О ранних рабочих революционерах 70-х годов оставил живые воспоминания Г. В. Плеханов. Его мемуарная книга «Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям)» была написана в начале 90-х годов с публицистическо-пропагандистской целью, которую автор выразил так: «Я думал, что, познакомя читателей с тем, что было сделано их предшественниками, я этим пролью некоторый свет на то, что предстоит сделать им самим»¹.

Первые шаги социал-демократического движения отражены в богатых по содержанию и местами подкрепленных документами мемуарах С. И. Мицкевича, написанных после 1917 г., в замечательных воспоминаниях рабочего, профессионального революционера, большевика И. В. Бабушкина. Воспоминания Бабушкина охватывают события 1893—1900 гг. В. И. Ленин проявлял постоянный интерес к собиранию и сохранению мемуаров рабочих революционеров, их биографий. В некрологе Бабушкина, написанном и опубликованном в конце 1910 г., В. И. Ленин писал: «Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих»².

Несколько произведений самого В. И. Ленина имеют мемуарный характер, включают в себя воспоминания о деятелях, с кото-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 3, М. — Пг., 1923, стр. 124.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 82—83.

рыми ему приходилось иметь дело то как с товарищами по борьбе, то как с временными попутчиками, то как с идейными противниками. Таковы, например, статьи, некрологи, написанные в разное время В. И. Лениным, — «Памяти графа Гейдена» (1907), «Иван Васильевич Бабушкин» (1910), «Павел Зингер» (1911), «Народники о Н. К. Михайловском» (1914), «Памяти Прошьяна» (1918), «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» (1922).

Мемуарные тексты В. И. Ленина в источниковедческом плане характеризуются двумя чертами: отчетливое воспроизведение и предельно точное закрепление всего лично ему известного; прямая принципиальная оценка с позиций большевистской партийности взглядов, деятельности, значения тех лиц и исторических явлений, о которых он писал.

Мемуарные тексты и произведения В. И. Ленина, революционных социал-демократов, большевиков представляют крупный, высокоценный комплекс исторических источников.

Воспоминания русских деятелей в эпоху капитализма существенно дополняли мемуары украинских, белорусских, отчасти татарских, молдавских и других авторов, писавших и печатавшихся нередко на русском языке. В специальных журналах, в разных сборниках и альманахах, в газетной печати Украины, Молдавии, Белоруссии, Среднего Поволжья, отчасти Сибири, Туркестана, Закавказья опубликовано много мемуарных источников на русском языке, относящихся к жизни и быту народов России.

Великая Октябрьская социалистическая революция превратила капиталистический период в нашей стране в достояние истории. Революционное преобразование октября 1917 г. — рубеж чрезвычайной, основополагающей важности при анализе и использовании мемуарных источников. Время составления мемуаров — до февраля 1917 г., до октября 1917 г., после одной из этих дат, в промежутке между ними — определяюще сказывалось на всем их содержании, характере, идейно-политической направленности. Одни мемуаристы только после Октябрьской революции, именно благодаря ей приобрели возможность полно, правдиво и откровенно поведать о том, о чем в условиях конспирации, революционного подполья обязаны были молчать. Другие же по совершенно иным соображениям в своих мемуарах, созданных после победы революции, старались более или менее ловко обойти молчанием или представить в возможно более извинительном виде свои действия и убеждения, которые были направлены в дореволюционные времена отнюдь не на благо народа. Мемуары, написанные и изданные в условиях советской действительности, принципиально отличаются от довольно богатой мемуарной литературы, которая издавалась за рубежом белой эмиграцией в 20—30-х годах. Политическая озлобленность и слепота, горечь от провала своих планов и замыслов, желание самооправдаться и оправдать себя в глазах определенной части читателей пронизывают воспоминания таких политических и общественных деятелей буржуазной России, как М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков, Б. В. Савинков,

В. М. Чернов, не говоря уже о мемуарах таких деятелей, как председатель Совета министров накануне первой мировой войны В. Н. Коковцев, генерал А. И. Деникин, товарищ министра внутренних дел жандармский генерал П. Г. Курлов. Историк не может игнорировать такие мемуарные источники, в них имеются интересные и важные сведения, но он обязан ясно понимать классовую и политическо-партийную тенденциозность авторов, редакторов и издателей мемуаров, впервые появившихся вне нашей страны.

Большая часть мемуарных источников, касающихся предреволюционной России, была опубликована в СССР в 20-х и отчасти в начале 30-х годов в виде отдельных книг и в многочисленных публикациях в исторических и в общих журналах. Особенно много таких источников содержат журналы: «Красный архив», «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Былое», «Каторга и ссылка», отчасти «Красная новь», «Октябрь», «Новый мир». Ценные источники по истории общественной мысли и литературы печатаются в сборниках «Литературное наследство».

Единой общепринятой классификации воспоминаний нет. Обычно их группируют по социально-профессиональному положению мемуаристов и по преобладающему тематико-хронологическому содержанию мемуаров. Отнесение отдельных мемуаров к той или иной группе во многих случаях условно. В массе мемуарные источники эпохи капитализма имеют черты, как правило, позволяющие довольно точно устанавливать их классовую принадлежность, ориентацию.

По периоду 1861—1917 гг. в отечественной мемуаристике по социально-профессиональному и общественному положению мемуаристов могут быть выделены следующие группы: 1) мемуары государственных деятелей; 2) мемуары военных деятелей, лиц преимущественно командного состава, а также участников разных войн, повествующих главным образом о военной службе, армии и флоте, событиях военной истории; 3) мемуары духовных лиц, представителей разных церквей и культов, существовавших в России; 4) мемуары буржуазных и мелкобуржуазных общественных деятелей; 5) мемуары представителей разных слоев интеллигенции (среди них заметно несколько подразделений: литературные воспоминания, театральные воспоминания, студенческие воспоминания, педагогические воспоминания, мемуары врачей, юристов, ученых, представителей технической интеллигенции); 6) купеческие мемуары, нередко имеющие характер родовых, семейных хроник, охватывающие жизнь трех-четырех поколений; 7) воспоминания рабочих и крестьян (группа источников сравнительно небогатая); 8) мемуары революционеров и участников революционного движения (среди них выделяются «подвиды»: записки «шестидесятников», воспоминания революционных народников, многочисленные и цепные богатством содержания, четкостью классово-политических позиций воспоминания большевиков; значительные комплексы разных мемуарных текстов участников событий первой и

второй буржуазно-демократических революций в России и Великой Октябрьской социалистической революции).

По тематико-хронологическому принципу в мемуаристике эпохи капитализма можно выделить такие комплексы:

Общественное и революционное движение 50—60-х годов — воспоминания Н. В. Шелгунова, М. И. Михайлова, М. А. Антоновича, Г. З. Елисева, Л. Ф. Пантелеева, Б. Н. Чичерина, П. Д. Боборыкина, Е. Н. Водозовой.

Крестьянская реформа 1861 г. — записки и воспоминания А. И. Левшина, Я. А. Соловьева, Н. П. Семенова, С. И. Носовича, П. П. Семенова-Тяншанского.

Буржуазные реформы 60—70-х годов — воспоминания А. Ф. Кони, Д. А. Милютина, М. А. Милютиной, А. И. Дельвига.

Революционное движение 70—начала 80-х годов — воспоминания В. И. Засулич, Г. В. Плеханова, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозова, А. Н. Баха, И. И. Попова, С. С. Синегуба, М. Ф. Фроленко, П. А. Кропоткина, О. В. Аптекмана, А. И. Иванчина-Писарева.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. — воспоминания Д. А. Скалона, В. В. Верещагина, Н. П. Игнатьева, П. А. Дукмасова, П. Паренсова, В. М. Вонлярского.

Политическая реакция 80—начала 90-х годов — К. Ф. Головина, В. П. Мещерского, А. Р. Кугеля, Н. В. Давыдова, Е. М. Феоктистова, С. Ю. Витте.

Рабочее и революционное движение 90—начала 900-х годов — воспоминания С. И. Мицкевича, П. Н. Лепешинского, П. А. Моисеенко, И. В. Бабушкина, К. М. Тахтарева, Ю. О. Мартова, Н. К. Крупской.

Революция 1905—1907 гг. — воспоминания М. Ю. Васильева-Южина, М. Н. Лядова, Ц. С. Бобровской (Зеликсон), З. Я. Литвина-Седого, С. Ю. Витте.

Революционное движение в период 1907—1917 гг. Государственные думы — воспоминания А. Е. Бадаева, Ф. Н. Самойлова, М. И. Лебедева, П. Н. Баташева, Ф. А. Головина, М. В. Родзянко.

Россия в первой мировой войне — воспоминания А. А. Брусилова, А. А. Поливанова, А. И. Верховского, М. Д. Бонч-Бруевича.

Вторая буржуазно-демократическая революция в России — мемуары В. А. Антонова-Овсеенко, С. Д. Мстиславского, П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко, М. Г. Рошала, В. Н. Каюрова, В. Д. Набокова, М. В. Родзянко, В. В. Шульгина.

Общие приемы палеографического, текстологического, стилистического анализа мемуарных текстов, проверки и сравнительной критики сообщений мемуаристов при помощи сопоставления их с другими видами источников освещены в предшествующих главах, где рассмотрена мемуаристика более ранних периодов. Применительно к массовой печатной мемуарной литературе эпохи капитализма историк должен быть особенно осторожен, помня о не-

устойчивости и неразработанности в дореволюционной России археографических и текстологических принципов в отношении напечатания текстов нового времени. Во всех случаях, когда сохранились оригиналы напечатанных мемуарных текстов, следует с ними сверять публикации.

§ 3. Обзор дневников. Приемы их изучения

Дневники как исторические источники многими историками оцениваются выше мемуаров. Дневники принято считать более достоверными и непосредственными реальными свидетельствами тех или иных событий из жизни их авторов. В них точнее отражены переживания, настроения, мысли и чувства автора в то конкретное время, когда запись была сделана. Записи дневников обычно синхронны описываемым явлениям. Дневник имеет, как правило, точную дату при каждой в нем записи.

В то же время дневниковые записи дробны, не связаны между собой, отрывочны. Так как ведутся они обычно «для самого себя», автор не стесняется в выражениях, в больших или меньших открытостях, в любых сокращениях слов, фамилий, имен лиц, о которых он пишет, наконец, часто не проявляет заботы о разборчивости своего почерка. Все это превращает чтение рукописей дневников в нелегкое дело. Как все источники личного происхождения, дневники весьма различны между собой. Исследователь должен в начале работы над отдельным, конкретным дневником воссоздать своеобразие способа, манеры труда автора дневника при занесении им записей, при правке и иногда обработке, исправлениям и дополнениям первоначальной записи.

Одни авторы сразу вносят записи в тетради или в заранее переплетенные книги, которые и являются их дневниками. Другие записывают текущие впечатления в записных книжках, в блокнотах, на отдельных листках бумаги, на папиросных коробках и т. д., а позднее в спокойной, домашней обстановке систематизируют, упорядочивают эти предварительные заметки и вписывают их в обработанном виде в свой дневник. Так, государственный секретарь Е. А. Перетц делал текущие памятные записи на отдельных листах. В летнее время, когда было свободнее, он вносил эти записи в книжку своего дневника. Понятно, что его дневник за 1880—1883 гг. является итогом значительной редакционно-стилистической обработки первоначальных записей. При наличии такой предварительной обработки самими авторами в их дневники вносился материал с их точки зрения более важный, имеющий историческую ценность, заслуживающий закрепления в памяти.

Для историка большое значение имеют регулярность, аккуратность, педантичность, с которой велся изучаемый дневник. Так, например, чрезвычайно тщательно и обстоятельно вели свои дневники: А. В. Никитенко в течение нескольких десятков лет (с 1826 по 1877 г.); П. А. Валуев за годы управления им Министерством внутренних дел в 1861—1868 гг.; А. А. Половцев при исполнении им

должности государственного секретаря в 1883—1892 гг. Образцом предельной точности, педантической аккуратности, документальной обстоятельности, наконец, четкости и ясности в понимании автором своих задач может служить дневник М. К. Лемке, веденный им за время службы в Главной Ставке царской армии в 1915—1916 гг. Получив ответственное назначение в Главную Ставку (для налаживания отношений между Ставкой и печатью), Лемке «дал себе слово, во что бы то ни стало использовать свое положение прежде всего аккуратным и систематическим ведением детального личного дневника при пристальном наблюдении всего происходящего вокруг»¹. Приступив к ведению такого дневника, имея в своих руках крайне секретные бумаги, понимая всю опасность предпринятой в такой обстановке затеи, автор сознавал свой долг «человека, по своей специальности историка, понимавшего громадную важность задуманного им живого исторического документа и знавшего, как ограничено, в конце концов, число подобных письменных отражений лихорадочной деятельности и суеты военного времени»². О манере ведения записей автор сообщил: «С первого дня прибытия в Ставку я был верен своему слову и с систематической аккуратностью и точностью ежедневно записывал все, что удавалось узнать за день»³. Обстоятельно и полно Лемке перечислил все источники для своих дневниковых записей: 1) «бесчисленные документы, проходившие через или около меня, чаще же (и в очень большом числе) попадавшие мне под без усталости искавшую их руку. Все они тщательно копировались, когда на месте, в Управлении же, когда дома, когда в театре, в ресторане, на дежурстве в аппаратной секретного телеграфа (больше всего) и т. п.»; 2) «вторым источником были ежедневные беседы с самыми различными по своему положению людьми, хорошо знавшими то, что ставилось предметом умышленно направлявшегося мною разговора, причем я видел и знал — знаю и теперь, — что говорившие со мною никогда и не подозревали, с какой целью я затрагивал ту или другую тему. Каждая беседа (часто после все-таки необходимой проверки) записывалась мною по возможности немедленно по ее окончании; причем иногда сначала лишь наскоро, в наиболее, существенной своей части, с различными пометками и особыми значками, развертывавшимися уже позже, вечером или ночью, когда преимущественно и писался «Дневник». «Все такие записи, — продолжает Лемке, — которыми иногда были буквально переполнены мои бесчисленные офицерские карманы, расшифровывались дома, на покое, за несколькими запорами входных дверей, и вместе с копиями документов вносились в очередную тетрадь. А так как я твердо поставил себе за правило не ложиться спать раньше, чем кончу запись всего истекшего дня, то утром моя незагроможденная память была опять готова к восприятию новых

¹ Мих. Лемке. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 г. — 2 июля 1916 г.). П., 1920, стр. XIII.

² Там же, стр. XIII—XIV.

³ Там же, стр. XIV.

сведений и впечатлений. Заполненные тетради отсылались в Петербург, где и хранились в надежном месте». При ведении дневника этот автор, по его же словам, «всегда внимательно следил за собой и всегда соблюдал основное требование к такого рода историческим источникам — правдивость и искренность»¹. В итоге такой продуманной, профессионально квалифицированной работы военный дневник М. К. Лемке стал одним из ценнейших источников первой мировой войны.

Дневник М. П. Погодина имеет крайне краткие записи, со множеством условных сокращений, переполненный недописанными словами; почерк сильно неразборчивый. Записи делались не всегда регулярно, иногда вносились задним числом. Но в то же время, подобно дневнику А. В. Никитенко, погодинский дневник велся более или менее систематически свыше полустолетия подряд. Автор завел дневник с 18 июля 1820 г. и продолжал его до самой смерти в 1875 г. Первая тетрадь озаглавлена «Моя жизнь». Но и в нее и во все последующие тетради и переплетенные книги своего дневника Погодин вносил не только лично биографические факты, мечты и думы, но и множество ценных сведений для истории политической, литературной, научной жизни России от 20-х до середины 70-х годов XIX в. Незадолго до смерти автор дневника не без законного удовлетворения профессионального историка, вспоминая начало своих записей, отметил: «Теперь прошло с тех пор пятьдесят четыре года, я записывал всякий день, иногда за неделю назад, но непрерывно. Пропусков очень мало»². Эти два дневника — А. В. Никитенко и М. П. Погодина — по богатству и значительности содержания, по длительности их ведения являются лучшими образцами русского дневникового письма XIX в.

Записи большинства сохранившихся дневников имеют многочисленные пропуски во времени, часто вносились от случая к случаю, нередко на долгое время (на недели, месяцы, а то и годы) прерывались, затем возобновлялись и велись какое-то время до новой остановки. Такой отрывочный характер присущ дневниковым текстам В. О. Ключевского. Сплошных порядковых записей он не вел. Дневниковые заметки делались Ключевским более или менее часто в 1867—1877 гг. и в 1901—1910 гг. За остальное же время (умер Ключевский 12 мая 1911 г.) имеются крайне немногие, краткие, разрозненные записи³. Современник Ключевского А. С. Суворин (отрывочный дневник которого сохранился за 1887—1907 гг.) после очередного длительного перерыва в записях своего дневника — любопытнейшего по содержанию и беспощадной откровенности — сетовал в записи от 30 мая 1907 г.: «Сто раз начинал записывать и никогда не хватало выдержки. С. И. Смир-

¹ Мих. Лемке. 250 дней в царской Ставке, стр. XIV—XVI.

² Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 1, СПб, 1888, стр. 64.

³ См.: В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, стр. 221—317.

нова (Сазонова) чуть ли не с детства ведет дневник. Прославится!»¹.

Историческая значимость дневника, конечно, состоит не в факте длительности его ведения. Она определяется важностью явлений, событий, процессов, деятелей, которые нашли отражение в дневнике, весомостью, представительностью автора этого дневника, степенью его осведомленности и близости его к описываемому, наконец правдивостью автора, искренностью его. Профессиональные революционеры по характеру своей деятельности не могли оставить после себя длительных дневников, освещающих их подпольную, конспиративную работу. Дневники А. И. Герцена охватывают только 1842—1845 гг., Н. Г. Чернышевского — 1848—1853 гг. Невелик по объему дневник Н. А. Добролюбова — 1851—1859 гг. Совсем короткое время отражено в дневниковых текстах Ф. Э. Дзержинского (с 30 апреля 1908 г. и до 9 августа 1909 г.). Изданные отрывки из дневника А. М. Коллонтай относятся к одному 1914 г. Но дневники таких выдающихся революционных деятелей имеют громадное познавательное и воспитательное значение для читателей все новых и новых поколений. Сжатый дневник Дзержинского оставил непревзойденную картину порядков каторжной тюрьмы времен разгула столыпинской реакции. Историческое значение этого дневника источниковед уяснит себе из факта живого агитационно-пропагандистского использования его революционным социал-демократическим подпольем России в своих нелегальных изданиях уже в 1909—1910 гг.

Дошедшие до нас в большом количестве дневники царствовавших особ, в частности аккуратно и долгое время веденный дневник царя Николая II, как и дневники других членов дома Романовых, как правило, малосодержательны. Многие любопытные и важные для политической истории России (50—80-х годов XIX в.) сведения содержатся в дневниках великого князя Константина Николаевича, брата царя Александра II, в изданном частично за 1915—1917 гг. дневнике вел. кн. Андрея Владимировича, двоюродного брата последнего русского царя.

Пишутся дневники обычно «для самого себя». В них часто встречаются заверения со стороны авторов о том, что их дневник ведется исключительно лишь для собственных нужд, навсегда будет сохраняться в совершенной ото всех тайне, никому, никогда не будет доступен. Такого рода заверения требуют критического к себе отношения. Люди, ведущие свои дневники в глубоком ото всех секрете, все же считаются с возможностью прочтения их записей посторонними, а то и прямо нежелательными лицами. Так, все содержание дневника А. В. Богданович явно свидетельствует, что его автор и помыслить не могла не только о публикации его когда-либо, но даже о чтении этого дневника самими доверенными

¹ «Дневник А. С. Суворина». М. — П., 1923, стр. 334. Помянутая в записи писательница С. И. Смирнова-Сазонова (1852—1921) оставила после себя много бумаг. Личный архивный фонд ее находится в Пушкинском доме.

и близкими людьми. Убежденная монархистка Богданович заносила на страницы дневника темные факты из жизни императорского двора трех последних Романовых, неприглядные нравы, происки и проделки министров, сенаторов, губернаторов, высоких духовных особ. Но не всегда все заносила, что знала. Она порой выступала в роли автоцензора. Запись от 13 декабря 1880 г. в ее дневнике такова: «Был Кушелев. Рассказывал про интимную жизнь царя. Об этом нельзя писать, никто не знает, что может случиться, могут украсть и этот бесцетный дневник»¹. Известная автоцензура присуща самым искренним и откровенным дневникам. Историк должен с этим считаться.

В отечественном источниковедении еще не сложилось ясного понимания различных форм дневников эпохи капитализма. Точно так же нет и единой, более или менее общепризнанной их классификации. Чрезвычайное многообразие содержания, отрывочность отдельных записей, разнокачественная их ценность, хронологическая широта дневниковых текстов — все это не позволяет признать удобным тематико-хронологический принцип для их классификации. Группировка массы дневников на основании социально-профессионального и общественного положения их авторов источниковедчески более плодотворна. Для периода 1861—1917 гг. массу дневниковых текстов можно распределить примерно по тем же группам, что и в мемуаристике. По каждой группе назовем имена нескольких авторов дневников в качестве примерных образчиков текстов данной группы.

Дневники государственных деятелей — А. В. Головина, П. А. Валуева, вел. кн. Константина Николаевича, Д. А. Милютин, А. А. Половцова, В. Н. Ламздова, царя Николая II.

Дневники военных деятелей, участников войн — М. А. Газенкампа, А. Н. Куропаткина, А. А. Поливанова, В. Г. Болдырева, В. И. Селивачева, М. К. Лемке, Е. А. Плассона.

Дневники церковных деятелей и духовных особ — Саввы (архиепископ Тверской, археограф), Порфирия (Успенского) (викарий киевской епархии, археограф и палеограф, автор многотомного дневника «Книга бытия моего»), А. Н. Львова (видная синодальная персона).

Дневники буржуазных и мелкобуржуазных общественных деятелей — Ф. В. Чижова, И. К. Коновалова (костромской капиталист), Н. П. Вишнякова (московский капиталист, октябрист), И. С. Ключева (член Государственной думы трех созывов, октябрист), Ф. А. Головина (председатель II Государственной думы, кадет), П. Н. Милюкова. Сколько-либо значительных собственно купеческих дневников, чисто семейно-хроникальных, бытовых видимо не велось.

¹ А. В. Богданович. Три последних самодержца. Дневник. М. — П., 1924, стр. 39.

Дневники деятелей интеллигенции составляют крупную группу источников, весьма важных для исследователей истории культуры, общественной мысли и идейной борьбы периода капитализма — таковы дневники Л. Н. Толстого, В. В. Вересаева, В. Я. Брюсова, А. А. Блока, В. Г. Короленко. А. С. Суворина, В. В. Розанова (которые сам автор издавал при своей жизни, почти не подвергая обработке при подготовке к печати), Л. А. Тихомирова, В. А. Теляковского (директор Императорских театров в 1901—1917 гг., оставивший дневник, состоящий из 50 тетрадей), В. В. Безекирского, А. А. Мгеброва, Н. К. Рериха, М. В. Нестерова, А. Н. Бенуа, А. А. Рылова, М. П. Погодина, В. О. Ключевского, В. И. Герье, Д. И. Иловайского, Ф. Д. Батюшкова, И. М. Сеченова, М. М. Ковалевского, В. И. Вернадского.

Дневники революционеров и участников революционного движения — Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. В. Новорусского, Ф. Э. Дзержинского, А. М. Коллонтай.

Кроме личных дневников, которые нами охарактеризованы, в эпоху капитализма, как и ранее, имело место ведение дневников официальных, служебных как особого рода служебной документации (на военной и дипломатической службе; как пример укажем изданный «Дневник Министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.»). Они здесь не рассмотрены.

§ 4. Частная переписка. Приемы ее изучения

Что же такое частное письмо? Это письменное личное обращение автора данного письма к отдельному лицу (или нескольким лицам), составленное с применением типичных эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и др.). Такое обращение предполагает ответ со стороны того лица (лиц), которому оно направлено. В содержании своего письма автор совершенно свободен — любые вопросы, личные или общественные, могут быть им затронуты. Как правило, письмо служит текущей, деловой, конкретной цели его автора или его адресата. Оно пишется не для печати, не для всеобщего сведения или хотя бы даже ознакомления с ним третьих лиц. Таковы главные признаки частного письма по определению Е. И. Прохорова¹.

Устойчивыми формальными элементами частного письма являются: указание адресата, указание места написания, дата написания, обращение к адресату, подпись автора письма. Очень часто приходится иметь дело с письмами, в которых отсутствует любой из этих элементов, а порой и все они, вместе взятые. Между тем содержание таких писем может быть важным и представляет интерес для историка. Тогда возникает необходимость отыскания возможно более точных сведений об авторах этих писем.

В отношении писем перед исследователем стоят три первичные задачи: установление авторства письма (атрибуция), установление

¹ См.: «Вопросы текстологии», вып. 3. М., 1964, стр. 23.

адресата, установление времени (датировка) написания, а во многих случаях и получения адресатом данного письма.

Приемы, применяемые в разных конкретных случаях при отыскании ответов на эти вопросы, крайне многообразны. Укажем лишь некоторые наиболее употребительные.

При обосновании авторства данного лица можно назвать три главных приема: 1) отыскание документальных доказательств написания этого письма данным автором (свидетельство самого автора; прямые указания на данного автора в других письмах и т. д.); 2) идеологический анализ, проводимый при помощи «тематических параллелей», «текстовых сопоставлений» и т. д.; 3) стилистический анализ в конечном счете обращается к языковому материалу (лексика, характерные речевые обороты, выражения и пр.), в котором воплощены идеи письма. Пользуясь этими приемами, следует быть крайне осмотрительным и осторожным: сами по себе они не гарантируют возможности промахов и прямых ошибок при атрибуции.

При установлении адресата письма первостепенную важность имеет анализ его имени, отчества, форм обращения, титулования, адреса на конверте (если конверт данного письма сохранился).

Установить время написания письма можно исходя из двух моментов: 1) письмо имеет точную дату; на конверте этого письма есть почтовый штемпель с точной датой его отправки; 2) письмо без даты или с неполной датой; конверта письма нет. В таком случае приходится прибегать к примерно точному датированию «от и до», т. е. устанавливая две возможные крайние даты.

Далее для датировки написания письма основанием служит само содержание, «внутренние признаки», реалии письма. Данные палеографического анализа (почерк, бумага, чернила, орудие письма — гусиное перо, металлическое перо, карандаш) могут иногда привести к существенным результатам при датировке. Лингвистические данные как подспорье при датировке представляются, по справедливому мнению С. А. Рейсера, пока еще при недостаточной разработке истории русского языка нового времени не вполне доказательными¹.

При работе с частной перепиской полезными могут быть знания по истории почты, ее учреждений, бытовой практики почтовой службы в России. Точные сведения о постепенном расширении сети почтово-телеграфной связи России, о видах корреспонденции и разных иных почтовых отправлениях, о системе оплаты таких отправок, сроках доставки их на разные расстояния и в разные края Российской империи помогают в решении многих вопросов, связанных с историколингвистическим изучением эпистолярных памятников эпохи капитализма. Не следует пренебрегать и данными почтовой статистики.

¹ См.: С. А. Рейсер. Палеография и текстология нового времени. М., 1971, стр. 207.

Данные почтовой статистики содержат некоторый материал для ответа на вопрос о соотношении сохранившейся до нас частной переписки со всем объемом ведшейся тогда переписки. Устойчивая статистика почтовых отправлений велась в России с 1825 г. Поток корреспонденции в округленных цифрах возрастал так: в 1825 г. — 5 млн., в 1850 г. — до 27 млн., в 1886 г. — около 308 млн., в 1896 г. — около 620,5 млн. пересланных простых и заказных писем и бандеролей¹. Конечно, весьма значительная часть корреспонденций, шедших через почту, состояла из казенных отправлений (ведомственная, официальная переписка).

Можно полагать, что сильного роста потока частной корреспонденции в последующие 20 лет истории капиталистической России не последовало. С начала XX в. ширившееся распространение телефонной сети в столицах и крупных городах повлекло за собой некоторое сокращение эпистолярных текстов. Сократилась не только частная, но и служебная переписка — многие дела решались путем телефонных переговоров. В то же время развитие телефонной и телеграфной связи вызвало, особенно с начала XX в., появление новых видов источников, родственных письмам, в виде телеграмм и записей телефонных разговоров.

Необходимо разбираться в знаках (памятниках) почтового обращения Российской империи: 1) знаки почтовой оплаты — марки (они появились в России с 1858 г. и с той поры выпускались во все возрастающем количестве, разной стоимости, разнообразных рисунков и расцветок); 2) почтовые штемпеля (датирующие, локализирующие, специальные, памятные, франкировочные). В отдельных случаях может быть необходимо обращение к почтовой документации, связанной с пересылкой корреспонденции².

Для изучения эпистолярных текстов существенны и все неавторские пометы и надписи, какие есть на самом письме и на конверте этого письма: отметки адресата или позднейшего владельца письма; пометы цензоров или чиновников, жандармов III отделения; знаки и надписания архивариусов. Во многих случаях датировки и атрибуции писем для источникововеда крайне важен конверт изучаемого письма со всеми его элементами и признаками — его форма, бумага, печатные типографские тексты и изображения на нем, все надписи на нем — адрес и имя адресата, иногда адрес, имя, звание отправителя.

В России существовала перлюстрация писем. Она была хорошо налажена и нередко давала в руки властей весьма важные сведения. Опытные отправители писем, не говоря уже о профессиональных революционерах и конспираторах, о перлюстрации знали и принимали против нее контрмеры. Для этого они прибегали к условному языку, разным намекам, ко всяким ухищрениям. Наиболее важные, сугубо секретные письма вообще не шли по

¹ См.: «Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона», т. 24/а. СПб, 1898, стр. 803; приложение «Почтовая статистика России в XIX в.», стр. 810, 811.

² См.: А. И. Гук овский. Историческая наука и филателия. «Новая и новейшая история», 1966, № 6, стр. 114—117.

почте, а доставлялись иными путями. Конспиративная переписка профессиональных революционеров имела свои обычаи, приемы, язык и технические материалы. В письме В. И. Ленина к В. А. Карпинскому, написанном в обстановке начавшейся первой мировой войны в октябре 1914 г. из Берна в Женеву, встречаем такие характерные предложения и указания о соблюдении строжайшей секретности переписки и всех партийных дел: «Дорогой Карпинский! Пользуюсь оказией, чтобы побеседовать откровенно... не пишите прямо в письмах ничего. Если надо что-либо сообщить, пишите химией. (Знак химии — подчеркнутая дата в письме.) ... О получении известите, называя манифест «Развитие капитализма». Издать надо бы... Никто не должен знать, где и кем издано. Все черняки сжечь!»¹.

Сохранившиеся сводки выписок из частных писем, составленные чиновниками, работавшими по перлюстрации, являются важными источниками для изучения эпистолярных текстов конца XIX — начала XX в. Таков, например, «Обзор результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям государственной и общественной жизни России в 1903 году»². Вскоре после убийства Плеве А. С. Суворин занес в свой дневник такое известие: «В бумагах Плеве нашлась груда писем выдающихся администраторов с пометками государя. Это все перехваченные письма, которыми Плеве занимал императора»³. Почти одновременно А. В. Богданович отметила в своем дневнике: «...разговоры о том, что покойный Плеве занимался перлюстрацией писем, что у него найдены копии с частных писем царя — продолжают, и этим объясняют, почему царь холоден к его памяти»⁴. В опубликованных извлечениях из сводного отчета о результатах перлюстрации за 1908 г. находятся многочисленные выписки из писем думских деятелей (особенно лидеров думских фракций), либеральных дворян, брата сенатора А. Ф. Кони к нему, много выписок из писем революционеров, например, из письма неизвестного корреспондента к В. И. Ульянову (Ленину) в Женеву⁵.

Источниковеду необходимо знакомство с принятым у пишущих людей русского общества эпистолярным этикетом, с некоторыми довольно распространенными тогда навыками и формами в ведении частной переписки. Такие навыки и формы были постоянными в практике лиц, имевших обширную переписку. Эпистолярный этикет был строгим. Постоянные корреспонденты писем старались неукоснительно его выполнять. Титулатура адресов и обращений была разработана до тонкостей, ее ни в коем случае старались не нарушать. Строго соблюдавшиеся правила титулования соответствовали чинам «Табели о рангах».

¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 49, стр. 8, 9.

² См.: «Былое», 1918, № 2, стр. 201—214.

³ «Дневник А. С. Суворина». М. — П., 1923, стр. 314.

⁴ А. В. Богданович. Три последних самодержца. Дневник. М. — П., 1924, стр. 297.

⁵ См.: «Красный архив», 1928, т. 2, стр. 141, 157; т. 3, стр. 218.

Эпистолярный этикет прочно держался и позднее. В одном из писем И. С. Тургенева, обращенном к его доброму знакомому Я. П. Полонскому в 1878 г., читаем: «Кстати — ты просто статский, или действительный статский советник? Это я спрашиваю для адреса»¹. Существовали устойчивые формулы подписи письма, проставления даты на нем.

Люди, поддерживавшие большую и регулярную частную переписку с десятками корреспондентов в течение десятков лет подряд, иногда имели обыкновение вести особые записи своих посылаемых и чужих получаемых писем — «почтовые книжки».

Объем частной переписки некоторых деятелей был очень большим. До нас сохранились далеко не все письма даже самых известных и выдающихся деятелей. Из трех видов текстов — воспоминания, дневники, письма — наименьшее значение современники придавали письмам, их часто не хранили, уничтожали вскоре после прочтения. В глазах подавляющего большинства современников письма не являлись текстами для хранения. За всю свою жизнь М. Горький написал, видимо, около 20 000 писем, но выявлено только около 8000². Огромную переписку вел Л. Н. Толстой; в юбилейном Полном собрании его сочинений напечатано 8500 писем. Сохранилось около 12 000 писем М. М. Стасюлевича. Тщательно сберегавший свою корреспонденцию М. И. Семевский оставил потомству 22 тома переплетенных писем. До 1895 г. только в отдельных изданиях (книгах) напечатано было 4000 писем Филарета (Дроздова), не считая множества его писем, опубликованных по разным журналам. Значительна частная переписка А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. И. Герцена, П. М. Третьякова, В. В. Стасова, Г. В. Плеханова.

Велико эпистолярное наследство В. И. Ленина. Переписка В. И. Ленина занимает десять томов Полного собрания сочинений (тома 46—55). В них напечатаны 4580 ленинских писем, записок, поручений, телеграмм, телефонограмм. Все эпистолярные тексты В. И. Ленина за время с 1893 до 1923 г., т. е. за целое тридцатилетие, опубликованы в строгом хронологическом порядке. Заключительный 55-й том состоит из писем В. И. Ленина к родным. К сожалению, не все ленинские письма, о написании которых известно, сохранились.

Письма В. И. Ленина — органическая часть его литературного наследия. Огромное большинство из них — важнейшие партийные документы. Многие эпистолярные тексты В. И. Ленина создавались как письма-статьи, письма-директивы и программные установки. В них В. И. Ленин затрагивал крупнейшие вопросы марксистской теории, организационно-партийной и советской работы. Ленинские письма представляют целую сокровищницу сведений из истории революционного движения, истории классовой, политической, общественно-идеологической борьбы в России.

¹ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 12, кн. 1, стр. 292. Пример взят из книги С. А. Рейсера. Указ. соч., стр. 209.

² См.: «Вопросы текстологии», вып. 3. М., 1964, стр. 23.

Письма Ленина открывают лабораторию его научно-литературной деятельности — в них сообщается о темах, замыслах и планах отдельных трудов, о материалах для данных трудов. Письма Ленина имеют первостепенное значение для его биографии, для изучения его личности. М. И. Ульянова (сестра Ленина) справедливо писала: «мы должны хорошо знать товарища Ленина и как человека»¹; в письмах живым и близким предстает перед нами «Ленин как человек, с его яркой разносторонней индивидуальностью». Переписка Ленина, особенно такие ее целостные комплексы, как, например, переписка с родными, М. Горьким, В. А. Карпинским, Г. М. Кржижановским, давно стала важным объектом источниковедческого изучения. Разыскания писем Ленина, прочтение и подготовка их к печати, публикация во многом содействовали становлению советского исторического источниковедения.

Опубликование частных писем в дореволюционной России нередко встречало затруднения. Часто после смерти того или другого деятеля его наследники (вдова, дети) прямо противились публикации его писем. Бурные споры о желательности и неуместности печатания частной переписки шли в русской периодической печати в 80-х годах в связи с опубликованием писем И. С. Тургенева и И. Н. Крамского. В этих спорах участвовали Д. В. Аверкиев, Ф. И. Буслаев, С. А. Венгеров, А. Н. Пыпин. Решительно протестовал против печатания частных писем выдающихся деятелей И. А. Гончаров. В дневнике Л. Н. Толстого под 25 августа 1909 г. осталась прямотдушная запись: «Очень прошу моих друзей, собирающих мои записки, письма, записывающих мои слова, не приписывать никакого значения тому, что мною сознательно не отдано в печать. Всякий человек бывает слаб и высказывает прямо глупости, а их запишут и потом носятся с ними, как с самым важным авторитетом»².

Публикация частной переписки выдающихся исторических и культурных деятелей происходила в течение всего капиталистического периода истории России довольно оживленно, особенно начиная со второй половины 60-х — 70-х годов XIX в. Письма в большом количестве печатались в общих «толстых» журналах, еще чаще и в большем количестве в исторических журналах.

В советское время систематически предлагали читателям эпистолярные памятники XIX — начала XX в. «Красный архив», «Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», «Былое», «Литературное наследство». Устойчивой традицией стало включение писательских писем во все сколько-либо значительные советские издания классиков отечественной литературы.

Специального выявления и учета опубликованных и находящихся в государственных хранилищах эпистолярных текстов не предпринималось. Сводных библиографических указателей опубликованных русских писем XIX — начала XX в. пока нет.

¹ М. И. Ульянова. О Ленине. М., 1964, стр. 12.

² Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. и писем, т. 56. М., стр. 124.

Часть четвертая

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась началом новой эпохи в жизни нашей страны. Строительство советского общества стало базироваться на знании и осознанном применении объективных закономерностей общественного развития. Создалась новая структура общества. Руководящей и направляющей силой в создании нового строя стала Коммунистическая партия, осуществляющая свое руководство строительством социализма и коммунизма на базе марксистско-ленинской теории через органы Советского государства и массовые организации трудящихся.

Советское общество складывалось и развивалось на подлинно демократической основе. Создание такого общества стало возможным благодаря привлечению к широкому историческому творчеству многомиллионных масс трудящихся всех наций и национальностей нашей страны.

Эти основные особенности общественного развития создали новые условия формирования письменных источников, обусловили специфику их появления, развития и содержания.

Коммунистическая партия стала правящей партией. Ее руководящая роль проявляется, в частности, в том, что решения ее высших органов (съездов, конференций, пленумов ЦК) имеют директивный характер, лежат в основе законодательной и практической деятельности Советского государства, профсоюзов, комсомола и других массовых организаций трудящихся и их коллективов.

В советское время сохраняются почти все имевшиеся до этого основные виды источников. Однако в их содержании и направленности происходят серьезные изменения. Все они и прежде всего документы Коммунистической партии направлены на решение созидательных задач построения социализма и коммунизма.

Усиление руководящей роли Коммунистической партии отмечено появлением совместных постановлений ЦК Коммунистической партии и Советского правительства.

Закономерности общественного развития вызвали зарождение новых групп и видов источников. Появился такой важный тип законодательных источников, как конституция. С хозяйственной и культурно-воспитательной функцией Советского государства связано появление материалов планирования (план ГОЭЛРО, пятилетние планы и т. п.).

Повышение творческой активности советских людей в строительстве социализма и коммунизма вызвало к жизни такие невиданные до этого источники, как договоры о социалистическом соревновании, социалистические обязательства, дневники бригад коммунистического труда и др.

Значительно изменился и расширился круг творцов источников. В их создании стали принимать участие широкие массы трудящихся всех национальностей (материалы всенародных обсуждений важных законодательных актов и партийных документов, мемуары рабочих и крестьян, письма трудящихся, статьи рабселькоров и т. д.).

В советский период основные группы и виды источников присущи всем нациям и национальностям нашей страны. В главах данной части показываются национальные и местные особенности, нашедшие отражение в источниках.

В рамках учебника невозможно осветить все источники. Здесь характеризуются те основные их группы и виды, с которыми в первую очередь приходится работать историкам. Материалы идейных противников и врагов Советской власти по своей узкоклассовой направленности и ограниченности тождественны с документами эксплуататорских классов дореволюционного периода. Методика работы с ними достаточно подробно освещена выше.

В последние годы все более проявляется тенденция к расширению круга изучаемых историками источников советского периода. Начинают изучаться кинофотофоноисточники, вещественные памятники и т. п. Научно-техническая революция оказывает влияние и на источниковедение. Последнее теснее связывается как с родственными гуманитарными, так и с точными науками. Все чаще начинают применяться математические методы, используются ЭВМ, кибернетика и т. п.

Новые методы исследования несомненно плодотворно отражаются на расширении круга источников и их изучении. В то же время эти методы позволяют глубже и всесторонне использовать имеющиеся источники, особенно массового происхождения (например, различного рода переписи, анкетные материалы и др.). Советские источниковеды начинают более глубоко разрабатывать на этой основе методику изучения связи и взаимозависимости различных сторон и явлений в обществе. Появляется возможность говорить о научном изучении социальной структуры общества, социальной психологии и других проблем. Однако в этом направлении делаются еще первые шаги, и в данном учебнике речь идет о ставших уже традиционными методах анализа письменных источников.

ДОКУМЕНТЫ КПСС КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

§ 1. Значение документов КПСС и обзор их основных типов

Руководящая деятельность Коммунистической партии строится на все более полном и глубоком познании объективных социально-экономических закономерностей общественного развития, следовательно, в документах КПСС содержится осмысление этих закономерностей.

Коммунистическая партия изучает общественную психологию, политические настроения, экономические, политические и духовные интересы классов и социальных групп советского общества, дает им научную характеристику и оценку с позиций передового класса, учитывает их в политике, стратегии и тактике. Историк, изучающий динамику социальной структуры и социальной психологии советского общества, не может обойтись без использования партийных документов в этой области исторического познания.

Велика и неопределима роль Коммунистической партии в идеологической жизни советского общества. Партия постепенно поднимает уровень повседневного сознания народных масс до уровня научного сознания авангарда. КПСС стоит во главе культурного строительства, научно-технической революции. Поэтому в партийных документах получают отражение все наиболее принципиальные вопросы развития культурно-исторического процесса.

Естественно, что ни один вопрос истории внутренней и внешней политики Советского правительства нельзя понять и изучить без серьезного анализа документов Коммунистической партии.

Особое место партийных документов и материалов в общем комплексе источников по истории советского общества определяется не только ролью и значением деятельности КПСС в строительстве социализма и коммунизма. Оно определяется также характером и степенью достоверности содержащихся в них сведений. Известно, что полнота информации источника, глубина анализа событий, о которых он повествует, достоверность содержащихся в нем сведений зависят от тех объективных и субъективных возможностей, которыми располагает автор, от степени его причастности к этим событиям, от его классовых, партийных позиций.

Документы Коммунистической партии в подавляющем большинстве являются результатом коллективного творчества: они разрабатываются, как правило, комиссиями, коллективами экспертов-специалистов, проходят стадии предварительных обсуждений и утверждаются одобрением большинства полномочного коллектива.

Таким образом, уже в процессе создания этих документов осуществляется своеобразный анализ достоверности тех сведений, оценок и утверждений, которые в них содержатся. Партийные документы для историков советского общества служат важным критерием для проверки идейной направленности и достоверности других источников.

Партийные документы и материалы весьма многообразны по своему происхождению, назначению, содержанию, значимости и формам. Из существующих в литературе многочисленных их классификаций¹ наиболее рациональной, простой и логичной представляется та, которую предложил И. С. Смирнов²: 1) программы и уставы Коммунистической партии; 2) материалы партийных съездов и конференций; 3) документы центральных партийных органов; 4) документы местных партийных организаций; 5) документы партийных групп во внепартийных организациях и учреждениях.

При всем разнообразии партийных документов, классифицированных в основном по их происхождению и частично назначению, все они являются памятниками-остатками, а не памятниками-традициями, что, как известно, предпочтительно для исследователя с точки зрения более объективного характера отражения действительности.

В работе с партийными документами, при определении их роли и значения в познании определенных периодов в жизни советского общества необходимо учитывать, что их появление связано с определенными объективными предпосылками, экономической или социально-политической потребностью жизни народа, какой-либо конкретно-исторической ситуацией, разрешение противоречий которой потребовало вмешательства партии.

Руководство партии опирается на опыт масс, которые сталкиваются с назревшими противоречиями в жизни советского общества и проявляют свою инициативу, направленную на разрешение возникшего противоречия, накапливая тем самым ценный опыт, требующий анализа и обобщения со стороны партии. Поэтому большое количество партийных документов в советских условиях проходит стадию предварительного обсуждения своих проектов не только в комиссиях или на пленарных заседаниях выборных комиссий, но и всенародно. Вошло в традицию публиковать проекты партийных директив по пятилетним планам для всенародного обсуждения. Сопоставляя проекты директив и их окончательные редакции, принятые съездами партии, а также тексты самих планов, можно выявить значение всенародного обсуждения этого принципиально важного документа социалистического планирования и регулирования экономики для максимального учета назревших

¹ См.: М. Н. Черноморский. О преподавании источниковедения истории КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 6, стр. 165—166; М. А. Варшавчик. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967, стр. 36—58.

² См.: И. Смирнов. Большое и нужное дело. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 166.

потребностей общества и выявления его неиспользованных резервов.

Кратко рассмотрим особенности каждой из названных выше групп партийных документов, а также попытаемся наметить роль каждой из них в разработке тех или иных вопросов из обширной и многообразной научной проблематики истории советского общества.

Программы и уставы партии представляют собой определяющие документы всей партийно-политической и партийно-организационной деятельности союза единомышленников-коммунистов. В условиях социалистического общества программа правящей партии является программой созидательной деятельности всех трудящихся. Именно так была воспринята программа построения социализма в нашей стране, принятая VIII съездом РКП(б), и программа современного этапа коммунистического строительства, утвержденная XXII съездом КПСС. Отсюда следует, что программы нашей партии являются важнейшим источником для изучения истории советского общества, который свидетельствует о степени научного осознания целей и задач сознательной деятельности народных масс, о научном прогнозировании путей достижения этих целей, этапов и сроков их достижения. Изучение исторического опыта воплощения программных требований в жизнь дает возможность ретроспективных сопоставлений социально-экономических и культурных преобразований, намеченных в партийной программе, и своеобразия их конкретно-исторического претворения в практике коммунистического строительства.

Изучение программных документов Коммунистической партии важно и в том отношении, что они дают возможность сориентироваться в понимании принципиальной линии партийного и государственного руководства конкретными социально-экономическими и культурными процессами, развитием общественных организаций, государственного и хозяйственного аппарата управления. Так, например, в Программе, принятой VIII съездом РКП(б), были определены принципы отношения Советской власти к целому ряду социально-экономических явлений и институтов, унаследованных от старого общества: буржуазной кооперации, буржуазных специалистов, кулачества и т. д. Изучение истории переходного периода в жизни нашего общества, конкретных действий советских органов в отношении этих пережиточных явлений в области экономики и социальной структуры невозможно без знания исходных программных положений по этим вопросам.

Незнание партийных источников и в первую очередь программных документов партии чаще всего приводит к методологическим ошибкам в работе с конкретно-историческим материалом.

Уставы партии являются документами, регулируемыми внутренней жизнью партийных организаций; они составляют важнейший источник при изучении вопросов партийного строительства. Историк советского общества рассматривает уставы КПСС, принятые в них дополнения и изменения как документы, отражающие

процесс демократизации общественных организаций в ходе социалистического строительства. При этом очень важно проследить, как коренные качественные изменения в экономике и социальной структуре советского общества влияли на совершенствование политической надстройки. Уставы партии являются в этом отношении источником первостепенной важности.

Материалы партийных съездов и конференций — многообразная группа источников, дающая самую разностороннюю информацию по важнейшим вопросам жизни советского общества и подвергающаяся глубокому анализу и обсуждению на широком партийном форуме. Основываясь на подсчетах М. А. Варшавчика по материалам VII—XXIII съездов партии¹, а также учитывая данные о XXIV съезде КПСС, можно представить характер вопросов, обсуждаемых партийными съездами в условиях Советской власти, и сделать выводы об их значимости для изучения истории СССР. Всего на этих съездах было включено в повестки дня и рассмотрено 120 вопросов. Из них 44 были посвящены обсуждению отчетных докладов руководящих партийных центров, 21 — обсуждению различных вопросов хозяйственного строительства, 13 — отдельным вопросам внутренней и международной политики, 7 — вопросам руководства профессиональным и молодежным движением. Остальные 35 вопросов касались обсуждения различных сторон внутренней жизни партии, партийно-организационной, партийно-политической работы и прочих проблем, не вошедших в названные выше рубрики.

Материалы партийных съездов и конференций отложились в виде опубликованных полных протоколов, а с 1924 г. — в стенографических отчетах. В настоящее время можно пользоваться последними публикациями серии протоколов и стенограмм съездов и конференций, подготовленными к изданию Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, начиная с 1958 года. Завершающим этапом издания этой серии была научная публикация стенографических отчетов XXII, XXIII и XXIV съездов КПСС². Эти публикации включают в себя полные тексты докладов, заслушанных на съездах, записи речей делегатов и приветствий гостей, резолюции и постановления, а также протоколы комиссий, работавших на съезде по специальным вопросам, проекты резолюций и поправки к текстам проектов. Кроме того, в сводные издания включаются подготовительные документы съезда, списки делегатов и данные об их составе, а также материалы, поступившие в президиум съезда или конференции.

Нередко изучение материалов съездов ограничивается основными докладами и резолюциями исходя из того, что все перечис-

¹ См.: М. А. Варшавчик. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967, стр. 62.

² См.: «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. М., 1962; «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. М., 1966; «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. М., 1971.

ленные выше виды документов представляют специфический интерес лишь для историков партии. Однако это далеко не так. Так, например, без изучения протоколов аграрной секции VIII съезда РКП(б)¹ и кооперативной секции IX съезда РКП(б)² нельзя понять всей сложности разрешения аграрно-крестьянского вопроса в нашей стране в переходный период, когда бытовал и боролся целый ряд точек зрения по вопросам путей, форм, темпов и способов социалистического преобразования деревни, когда шел процесс поисков наиболее гибкой и принципиально правильной политики в отношении индивидуального крестьянского хозяйства, крестьянской кооперации, когда вся эта борьба идей и взглядов отражалась в практике социалистического строительства.

По анкетам делегатов съезда можно провести изучение социального состава партийного актива, определить показатели его политической и трудовой активности. Так, по спискам делегатов X съезда партии был точно установлен факт персонального участия делегатов в разгроме кронштадтского мятежа; из 700 делегатов съезда около 300 были командированы на борьбу против мятежников³.

Главная ценность такого вида источников, каким являются протокольные записи и стенографические отчеты о заседаниях высших органов Коммунистической партии, состоит в том, что этот единый комплекс документов дает полную картину не только состояния и характера деятельности на данном историческом этапе самой партии, но и картину экономической и политической жизни того общества, в котором она действует, причем картину, нарисованную в большинстве случаев наиболее активными и сознательными участниками движения, проанализированную и оцененную в коллективных решениях с тех классовых, партийных позиций, которые отвечают исходным методологическим и теоретическим позициям советских историков. В этом отношении к оценке значения материалов партийных съездов послеоктябрьской эпохи может быть отнесено высказывание В. И. Ленина: «Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения...»⁴.

Документы руководящих партийных органов по своему содержанию и по характеру использования примыкают к материалам съездов и конференций. В периоды между съездами, являющимися верховными органами Коммунистической партии, все руководящие функции сосредоточиваются в Центральном Комитете КПСС — главном штабе политического и организационного

¹ См.: «VIII съезд РКП(б)». Протоколы. М., 1959, стр. 227—272.

² См.: «IX съезд РКП(б)». Протоколы. М., 1959, стр. 300—312.

³ См.: «X съезд РКП(б)». Протоколы. М., 1959, стр. 765—768.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 189.

руководства, центре коллективной мысли партии, главной руководящей коллегии в системе социалистического государства.

Наиболее полными публикациями материалов, отражающих деятельность Центрального Комитета партии, являются протоколы и стенографические отчеты пленумов. Публикаций такого рода пока еще немного. Неоценимое значение для изучения истории подготовки Октябрьской революции, истории разработки плана и определения сроков вооруженного восстания имеет публикация протоколов заседаний ЦК партии большевиков в период после окончания двоевластия и до утверждения Советской власти на территории России¹.

Протоколы и стенографические отчеты пленумов ЦК партии хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ). После XX съезда КПСС вошло в традицию публиковать стенографические отчеты пленумов², что, безусловно, облегчает работу с этим видом источников.

Большинство постановлений Центрального Комитета партии опубликовано как в специальной партийной периодике³, так и в сводных официальных изданиях⁴, а также в «Справочниках партийного работника»⁵. В «Справочниках» публикуется почти весь директивный материал, исходящий из основных руководящих коллегий нашей партии и Советского государства. При этом, открываясь постановлениями пленумов Центрального Комитета, происходившими в истекшем году, «Справочник» имеет такие стабильные разделы, по которым группируются постановления, обращения, заявления и другие виды документов центральных органов партии и Советского правительства: вопросы руководства народным хозяйством; вопросы повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся; вопросы пропаганды, агитации, культуры и науки; вопросы советского строительства и укрепления социалистической законности; вопросы работы профсоюзов и др.

Помимо основных документов директивного характера существует большое количество материалов, отражающих повседневную деятельность Центрального Комитета, его Политического и Организационного бюро, Президиума, Секретариата. Так, например, при изучении истории Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет Советской власти неоценимое зна-

¹ См.: «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г.». М., 1958.

² Первые публикации этого плана были осуществлены после XX съезда КПСС; к настоящему времени изданы стенограммы большинства пленумов ЦК КПСС за 1955—1970 гг.

³ См.: «Известия ЦК РКП(б)», «Партийное строительство», «Партийная жизнь».

⁴ См.: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС», изд. 8. М., 1970—1972.

⁵ Первые восемь выпусков «Справочника» вышли в свет в довоенный период. С 1957 г. издание было возобновлено и продолжается до настоящего времени. (см.: «Справочник партийного работника», вып. I—XII. М., 1957—1972).

чение имеет издаваемая серия переписки Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями¹, в которой получили отражение многочисленные особенности революционного кризиса, проявившегося на местах в своеобразных формах, и с позиций коммунистической партийности дается оценка политических настроений различных социальных слоев населения.

С точки зрения изучения сущности партийного критического анализа итогов проделанной работы, выяснения причин тех или иных недостатков, а также для изучения работы по совершенствованию советского государственного аппарата и укреплению государственной дисциплины особый интерес представляют документы высших органов партийно-государственного контроля — ЦКК — РКК (1923—1934).

Можно было бы продолжить обзор многочисленных разнообразных партийных документов, отражающих работу центральных органов нашей партии. Но даже то, что уже сказано по этому вопросу, свидетельствует о необходимости самого тщательного их изучения и использования в разработке истории советского общества.

Этот вывод относится и к таким группам партийных документов, которые создаются местными партийными организациями, а также партийными группами во внепартийных организациях (партийными организациями в Советах, профсоюзах, кооперации и других массовых общественных организациях). Но если документы центральных органов носят преимущественно директивный характер, то источники, исходящие от местных организаций, исполнительские. Однако ни в том, ни в другом случае это деление не может быть признано абсолютным.

В настоящее время мы можем говорить о широко развернувшейся публикации документов и материалов местных партийных организаций, носящих главным образом тематический характер. Основные публикации этого плана относятся к таким темам, как подготовка и победа Октябрьской революции на местах, осуществление индустриализации, коллективизации, культурной революции.

Работающему с документами местных партийных организаций необходимо знать, что в аппарате ЦК партии с середины 20-х годов был создан информационный отдел, в который стекалась обширная информация с мест. Местные комитеты партии (начиная с ЦК компартий союзных республик до окружкомов включительно) направляли сюда протоколы своих конференций, пленумов и президиумов, а также специальные информационные отчеты. Центральный Комитет установил схему этой периодической отчетности, которая включала, в частности, такие весьма важные для изучения истории советского общества вопросы, как: освещение

¹ См.: «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. I. М., 1957. Это издание продолжается и в настоящее время. Вышло уже семь томов.

политического и хозяйственного состояния соответствующего административного района, состояния работы среди женщин и молодежи, профсоюзной работы, советского и кооперативного строительства.

Фонд информационного отдела ЦК КПСС в ЦПА ИМЛ (ф. 17) свидетельствует о том, что этот вид информации снизу, постоянно совершенствуясь, оставался регулярным, а это предоставляет уникальную возможность изучения в архиве многочисленных и разнообразных памятников — остатков работы множества местных партийных организаций почти всех степеней (за исключением районных и первичных, фонды которых находятся в местных партийных архивах).

Первостепенная значимость и высокая степень достоверности партийных документов как источников по истории советского общества вовсе не исключают применения к ним в процессе исследовательской работы всех тех приемов научного анализа, которые рекомендуются источниковедением.

§ 2. Основные принципы работы с историко-партийными документами

Источниковедческий анализ документа-памятника определенной эпохи предполагает во всех без исключения случаях метод познания, подчиняющийся законам материалистической диалектики. Плодотворность, научная результативность этого анализа может быть достигнута только тогда, когда источник изучается не изолированно, а как составная часть всей совокупности источников, отражающих данный период исторического развития общества во всех его проявлениях; когда источник рассматривается как отражение динамики развития определенного конкретно-исторического процесса или явления, так как он несет в себе частицу отраженного исторического динамизма; когда источник анализируется с позиций закона единства и борьбы противоположных тенденций исторического прогресса, как несущий в себе отражение объективно существующих противоречий развития общества.

Этот общий подход к познанию исторического источника порождает ряд конкретных методик работы с тем или иным типом документов. Однако все эти методики в той или иной степени направлены к наиболее полному раскрытию происхождения данного источника, классовой, партийной позиции его создателя, определению его достоверности, фактической и научной ценности.

В работе с партийными документами, как и при изучении других источников, следует исходить прежде всего из принципа историзма.

Необходимо совершенно четко знать, не только в каких исторических условиях создавался документ, но и какова была на данном этапе стратегия и тактика, экономическая, социальная и культурная политика Коммунистической партии. Недооценка та-

кого подхода может привести к серьезным ошибкам в толковании смысла и значения определенных документов. Чрезвычайно осторожно следует проводить исторические аналогии на основе документов, сходных по внешней стороне содержания. Так, например, решение октябрьского Пленума ЦК РКП(б) 1925 г. об организации бедноты или постановление 1929 г. по этому же вопросу можно сравнивать, выявляя особенности постановки этих задач в условиях, когда еще оставались непреодоленными некоторые пережитки «военного коммунизма» в отношении среднего крестьянства, и в условиях, когда готовилось решительное наступление на кулачество. Однако и в том, и в другом случае эти документы отражали третий стратегический лозунг партии по крестьянскому вопросу. Но отождествление в подходе к изучению этих документов по содержанию с известным декретом об организации комитетов бедноты от 11 июня 1918 г. явилось бы неверным, ибо в декрете задача организации бедноты трактуется в своеобразных условиях развертывания социалистической революции в деревне, когда середняк фактически не являлся союзником рабочего класса и беднейшего крестьянства, переживая период колебания в сторону деревенской буржуазии, а партия проводила политику нейтрализации среднего крестьянства.

Текстологический анализ проекта декрета «Об организации бедноты», над которым работал В. И. Ленин, и окончательного текста этого документа, отредактированного В. И. Лениным, убеждает, что ленинская редакция была направлена на проведение четкой грани между кулаками, ведущими эксплуататорское хозяйство, и середняками, прибегающими к наемному труду в хозяйствах, не превышающих потребительской нормы. На этой основе был отредактирован пункт декрета о тех, кто имел право избирать и быть избранным в комитет бедноты. Средняки, как трудящиеся крестьяне, это право получали, кулаки его лишались¹.

Таким образом, то, что в документах 1925 и 1929 г. само собой разумелось (союз с середняком), в документах первой половины 1918 г. вводилось как принципиальная позиция, вопреки распространенной практике, отстраняющей середняка от комбедов в силу его политических колебаний. Однако Коммунистическая партия, исходя из анализа коренных интересов трудового крестьянства, видела временный характер этих колебаний и ориентировала массы бедноты по отношению к среднему крестьянству как к потенциальному союзнику. Научная обоснованность и правота этой позиции, как известно, подтвердилась уже осенью 1918 г.

Принцип историзма требует брать партийные документы не только во взаимосвязи с той обстановкой, потребностями которой они порождены, не только в зависимости от той принципиальной позиции, которую занимает партия на этом этапе в политике, но и в рассмотрении каждого анализируемого источника как одного из звеньев в едином процессе развития взглядов Коммунистической

¹ См.: «Ленинский сборник» XVIII, стр. III.

партии, ее теории, идеологии и политики на основе обобщения новой общественной практики, нового исторического опыта.

В этой связи можно рассмотреть серию партийных документов, трактующих вопрос об отношении пролетарского государства к крестьянской торговой кооперации, которая существовала как до Октябрьской революции, так и на всем протяжении переходного периода. Исходную методологическую позицию для изучения истории крестьянской кооперации в условиях Советской власти дает программа партии, принятая VIII съездом РКП(б), в которой говорится о поддержке сельскохозяйственной кооперации Советским государством, о сохранении и дальнейшем развитии кооперативного аппарата¹. Однако практика развития крестьянской кооперации в условиях гражданской войны нередко приводила к национализации кооперативов, была связана со свертыванием ее снабженческо-бытовых функций и товарно-денежных отношений. В марте 1921 г. В. И. Ленин отмечал, что в отношении к кооперации программные требования исполнялись недостаточно, «частью по ошибке, частью по военной нужде»².

Эту историческую связь необходимо учитывать при анализе документов ряда местных партийных организаций, которые в практике своей работы имели тенденцию к «огосударствлению» кооперации. Эта тенденция получила отражение в материалах кооперативной комиссии IX съезда РКП(б), в частности, в тезисах заведующего кооперативным отделом ВСНХ В. П. Милютина, в которых предлагалось «кооперацию включить в состав волисполкомов», а центральные органы ее подчинить ВСНХ и Наркомзему³.

Партийный съезд признал эту точку зрения противоречащей программе РКП(б). На пленарном заседании съезда В. И. Ленин дал развернутую критику подобных позиций⁴. Однако в условиях «военного коммунизма» партийная тактика проведения в жизнь программных требований в отношении кооперации должна была учитывать особенность исторической обстановки: отстаивая в принципе право кооперации на самостоятельное существование, разоблачая попытки ее ликвидации, партия признавала неизбежность в условиях продразверстки временного организационного подчинения аппарата кооперации государственным распределительным органам Наркомпрода. В связи с этим резолюция IX съезда РКП(б) о кооперации была построена целиком на признании принципа разверстки. Абстрагирование и абсолютизация этого партийного документа при изучении истории кооперативного строительства в условиях Советской власти может привести к ошибочным выводам и обобщениям, тем более, что X съезд партии, по предложению В. И. Ленина, в связи с переходом от продразвер-

¹ См.: «КПСС в резолюциях...», изд. 8, т. 2, стр. 53, 55.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 64.

³ См.: «IX съезд РКП(б)». Протоколы. М., 1934, стр. 310—311.

⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 276.

стки к продналогу счел необходимым отменить резолюцию IX съезда о кооперации¹.

В приведенном примере налицо логическая критика источника: партийное решение (резолюция IX съезда партии о кооперации), принятое весной 1920 г., не может характеризовать партийное руководство кооперативным строительством в 1921 г. Только рассмотрение резолюции IX съезда в комплексе с другими партийными решениями по кооперативному вопросу, только сопоставление содержания данного источника с логикой развития исторических событий может предотвратить ошибку, возможную в практической работе с этим документом.

Важнейшим требованием методологии познания общественных явлений и процессов, а также изучения источников, их отражающих, является позиция классового подхода, принцип коммунистической партийности. «...Ни один живой человек, — писал В. И. Ленин, — не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу...»². Понятно, что даже стихийная классовая интуиция находит отражение в письменных исторических источниках, что необходимо учитывать при их изучении. В документах Коммунистической партии классовая позиция находит свое концентрированное выражение. При работе с ними необходимо выявлять конкретные формы проявления этой партийности. Конечно, практическое осуществление научно-классового подхода в анализе партийных документов как исторических источников — дело сложное. Так, для установления соответствия классовых, партийных позиций авторов отдельных проектов тех или иных резолюций и постановлений генеральной линии партии необходимо изучить и те дополнения и поправки, которые вносились в партийные решения.

Особенно важен тщательный классовый анализ материалов тех съездов и конференций нашей партии, на которых шла острая внутрипартийная борьба, тех официальных отчетов и докладов, которые делались представителями оппозиции. Работая с этими материалами, следует четко отграничивать правильные классовые партийные позиции от оппортунистических.

Критический анализ содержания документов, вошедших в официальные партийные издания, особенно важен и вместе с тем труден, когда исследователь имеет дело не с открытой оппортунистической правой оппозицией, а с демагогическим прикрытием непролетарских, мелкобуржуазных взглядов. Таковы выступления на съездах партии лидеров троцкистов, «левых коммунистов», «рабочей оппозиции», «децистов», проекты резолюций, которые они выдвигали, поправки, вносимые ими к текстам партийных решений, вошедших в протоколы и стенографические отчеты съездов.

¹ См.: «КПСС в резолюциях...», изд. 8, т. 2, стр. 258.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 547—548.

Нередко оппортунизм рядится в тогу партийности, подчеркивает в своих платформах и других документах, рассчитанных на завоевание поддержки масс, свою классовую правоверность. Такие документы надо брать в сопоставлении с более откровенными отражениями истинных классовых позиций; как говорил В. И. Ленин, надо доискиваться их классовой реальности¹, показывать, что классовая борьба признается ревизионистами «только губами, не проходя действительно ни в голову, ни в сердце...»².

В интерпретации содержания источника рельефнее всего является подход, партийная позиция историка. Эта та область источниковедения, которая непосредственно примыкает к историографии. Здесь речь идет еще не о концепции, а об определении главного содержательного смысла данного анализируемого источника. Именно в этой сфере, в этой форме в конечном итоге проявляется классовая, партийная позиция исследователя-источниковеда.

Известно немало фактов различного смыслового толкования одних и тех же источников, причем изучение причин этих явлений в конечном счете приводит к выводу о нарушении позиции классового подхода к их анализу. Гносеологические ошибки в таких случаях носят, как правило, подчиненный характер. Умолчание какой-то части документа, интерпретирование одной из его сторон, абстрагирование документа из исторической связи, в которой он только и может быть правильно понят, — эти и другие приемы широко используются для преднамеренной фальсификации документов Коммунистической партии нашими идейными противниками.

Нарушение партийного подхода к анализу новейшей истории советского общества было отмечено и получило политическую оценку в материалах XXIV съезда КПСС. «Партия придавала серьезное значение правильному, объективному освещению истории нашего государства, — указывается в отчетном докладе Центрального Комитета КПСС. — Острой, справедливой критике были подвергнуты отдельные попытки с непартийных, внеклассовых позиций оценивать исторический путь советского народа, умалить значение его социалистических завоеваний. В то же время партия показала несостоятельность догматических представлений, игнорирующих те большие положительные перемены, которые произошли в жизни нашего общества за последние годы.

Опыт истекших лет убедительно подтвердил, что преодоление последствий культа личности, а также субъективистских ошибок благотворно сказалось на общеполитической и прежде всего идеологической обстановке в стране»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 110.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 436.

³ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 126.

Из сказанного следует, что историк не может познать сложные процессы экономического, социального, политического и духовного развития советского народа без серьезного изучения документов Коммунистической партии. Эти источники имеют методологический характер, четко и научно обоснованно определяя теоретические, классовые позиции исследователя. В то же время они несут в себе большую фактическую информацию, давая в руки исследователя конкретно-исторический материал, отобранный самой жизнью, коллективным опытом, обобщенный коллективной мудростью авангарда советского народа — Коммунистической партией.

АКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Значение и особенности законодательных материалов

Материалы законодательства показывают основные этапы в развитии Советского государства, раскрывают его подлинно демократические принципы. Эти материалы и в первую очередь законы являются главным источником для изучения многогранной деятельности государственных органов.

Законы и законодательные акты составляют правовую основу советского общества и государства. В законах выражается воля господствующих классов, получает реальное воплощение их политический курс¹. Законы устанавливают те правила («нормы»), которым должны следовать органы и учреждения государства, а также отдельные лица.

Документы Советской власти отражают общие закономерности социалистического и коммунистического строительства и применение их к опыту национально-государственного строительства. Деятельность органов Советской власти имеет всемирно-историческое значение для стран, строящих социализм.

Документы исполнительных органов Советской власти показывают, какими методами и средствами претворяется в жизнь политическая линия, сформулированная в законодательных актах, т. е. являются актами по применению законов.

Значение и роль закона не могут быть поняты в отрыве от постановлений по его применению. Конкретный анализ показывает важность закона в данной исторической обстановке и его ценность по сравнению с другими источниками.

Эффективное использование законодательных актов в историческом исследовании возможно при учете их общей специфики и особенностей отдельных их видов.

Советское государство возникло как орган диктатуры пролетариата. Руководящая роль рабочего класса в социалистическом обществе не только сохраняется, но и еще более возрастает в настоящее время.

Развитие демократии социалистического общества определяет изменения в характере законодательных актов. В переходный период при наличии остатков эксплуататорских классов Советская власть ставила своей задачей ограничение роста капиталистических элементов, а затем и их решительное вытеснение и ликвидацию.

В период завершения строительства социализма и особенно при переходе к коммунистическому строительству отсутствуют

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 306.

эксплуататорские классы, но сохраняются классовые различия внутри страны и капиталистический лагерь вовне. Классовая направленность законодательства видоизменяется. Отпадает необходимость в ряде ограничений социалистической демократии, характерных для переходного периода. Государственное принуждение направлено уже не против классов или прослоек в обществе, а против отдельных лиц. Сферой законодательства становятся преимущественно хозяйственные и культурно-воспитательные проблемы, дальнейшее развитие социалистической демократии.

Демократический характер актов Советской власти проявляется и в форме изложения. Капиталистические государства стараются завуалировать классовую сущность законов и постановлений, направленных на укрепление господства эксплуататорских классов. Советское государство не скрывает классовой сущности своей деятельности, реализуемой соответствующими актами и решениями. Ясности изложения соответствует и стиль советских документов. Благодаря этому, в частности, законодательные акты успешно выполняют свои воспитательные функции. В. И. Ленин при подготовке декретов Советской власти (декрет о земле и др.) использовал крестьянские и рабочие указы и предложения.

Важнейшие задачи общественного развития в нашей стране ставятся по инициативе Коммунистической партии и формулируются в решениях ее высших органов. Акты органов Советской власти воплощают в себе те основные вопросы социалистического и коммунистического строительства, которые нуждаются в законодательном оформлении.

Разумеется, мероприятия Коммунистической партии не всегда нуждаются в их законодательном оформлении. Директивы высших органов КПСС могут реализовываться непосредственно исполнительными органами власти в виде собственных постановлений, так и совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Таким образом, важной особенностью актовых документов является отражение и воплощение в них директивных указаний Коммунистической партии в лице ее высших органов.

Основные группы и виды актовых материалов характерны для законодательства всех союзных и автономных республик. В этих документах, кроме того, фиксируются национальные и местные особенности.

В конституциях республик закреплены их суверенные права. Например, ст. 15 Конституции Латвийской ССР гласит, что «Латвийская ССР сохраняет за собой право свободного выхода из Союза Советских Социалистических Республик». В ст. 16 записано, что «территория Латвийской ССР не может быть изменяема без согласия Латвийской ССР».

Конституции республик фиксируют те отличия, которые существуют в организации органов государственной власти и управления, в избирательной системе и нормах представительства, в государственном гербе и т. д.

Перечисленные особенности присущи в целом всем актовым документам органов Советской власти. Различные виды этих актов имеют свои отличительные признаки, обусловленные во многом их назначением.

§ 2. Основные виды законодательных актов и постановлений Советской власти

Развитие Советского государства тесно связано с общим ходом социалистического строительства. Выделяются два основных периода: первый — переходный от капитализма к социализму (до середины 30-х годов), второй — до полной и окончательной победы социализма (в конце 50-х годов) и перехода к коммунистическому строительству.

Внутри этих периодов имеются этапы, отличающиеся качественными преобразованиями в государственном строе (например, образование СССР) или изменениями в методах государственной деятельности (например, в период гражданской и Великой Отечественной войн).

Основные виды законодательных актов присущи каждому из периодов развития советского общества (конституция, кодексы и другие виды законов). Их назначение и форма остаются в основном прежними, а содержание подвергается значительным изменениям.

Каждый из периодов в развитии советского общества имеет и известные отличия. Декреты характерны главным образом для первых лет Советской власти. Постановления, резолюции и решения Всесоюзных, Всероссийских и других съездов Советов обусловлены существованием названных органов государственной власти. С начала 30-х годов важное значение приобретают совместные постановления ЦК ВКП(б) — ЦК КПСС и Совнаркома — Совмина СССР.

До середины 30-х годов имела место множественность в наименовании законодательных актов — декрет, постановление, резолюция и т. п. С принятием Конституции СССР (1936 г.) было введено единое наименование — «закон». Для документов исполнительной власти сохранены названия «постановление» и «распоряжение». Тем самым с момента построения социализма в СССР и его законодательного оформления происходит известная унификация в области законодательных актов и их терминологии. Виды актов отражают различия в их назначении и форме.

Декреты (от латинского *decretum* — постановление, решение) были первыми законодательными актами Советской власти. Строительство правовой надстройки опиралось на использование опыта народных масс в создании нового общества. Задача Советской власти заключалась в провозглашении принципов своей деятельности и объединении усилий трудящихся на реализацию этих принципов.

В. И. Ленин подчеркивал агитационное и организующее значение декретов Советской власти¹. Он называл декреты инструкциями, зовущими «к массовому практическому делу»².

Проведение декретов в жизнь возлагалось на народные массы, поэтому содержание их должно было быть изложено подробно и популярно. В. И. Ленин указывал на необходимость иметь в декрете «популярнейшее введение»³. Такая преамбула, обстоятельно объясняющая причину и характер мер в отношении контрреволюционной печати разных оттенков, содержалась, например, в декрете Совнаркома «О печати» (27 октября 1917 г.)⁴. В тех случаях, когда причины издания декрета были достаточно ясны трудящимся, вводная часть сокращалась до минимума.

В первые месяцы Советской власти не было еще выработано четкой терминологии. Законодательные акты, являющиеся по их значению декретами, именовались просто «постановлением». Например, первое решение Совнаркома о национализации фабрики т-ва Ликинской мануфактуры (17 ноября 1917 г.) было названо постановлением⁵. В то же время в некоторых случаях акты о назначении на должность именовались декретами.

К декретам первых лет Советской власти следует отнести наиболее важные законодательные акты высших органов Советского государства. Термин «декрет» встречается в практике и в последующие годы, но с середины 20-х годов все реже применялся в советском законодательстве.

Из научных публикаций следует отметить многотомное издание «Декреты Советской власти». В эти тома включено значительное количество ранее не публиковавшихся документов, помещенных во втором разделе каждого тома. В первом разделе отобраны декреты, постановления и другие акты центральной власти, опубликованные в различных повременных изданиях. Данная публикация наиболее полно отражает деятельность центральных органов Советской власти. Составители произвели выверку текстов по подлинникам, указали на существующие различия в публикациях, привели некоторые варианты. Однако в публикации неполно отражена подготовительная работа, не учтены все разночтения.

Декреты и другие законодательные акты первых месяцев после Октябрьской революции («Декларации», «Обращения» и т. п.) явились важным источником при разработке первой Советской Конституции.

Конституция (от латинского *constitutio* — устройство) формулирует основные принципы общественного и государственного устройства. В связи с этим конституцию называют основным законом. Конституция характеризует социально-экономическую и политическую основу общества и государства. В специальных разделах и

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 111.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 199.

³ «Ленинский сборник» XVIII, стр. 151; см. там же, стр. 91.

⁴ См.: «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 24—25.

⁵ См. там же, стр. 105—106.

главах излагаются порядок образования и компетенция высших и местных органов государственной власти и государственного управления. Конструкция органов власти непосредственно связана с существующим избирательным правом. В конституции освещаются взаимоотношения личности с обществом и государством (права и обязанности граждан), имеется раздел о гербе и флаге государства. Таковы вкратце отличительные черты схемы конституции.

В зависимости от времени утверждения конституции имеют различный характер. Конституция РСФСР 1918 г. была в определенной мере программой действия. Это обуславливалось тем, что одной из ее составных частей являлась «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Наоборот, Конституция 1936 г. фиксировала то, что было уже достигнуто. Исторические условия создания конституции определяют и другие их особенности. Конституция СССР 1924 г. начиналась с «Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик». В середине 30-х годов наличие «Декларации» в составе Основного закона уже не было необходимым.

В зависимости от конкретных задач в тексте конституции могут быть, кроме упомянутых выше, и другие разделы. В Конституции РСФСР 1918 г. имелась специальная глава 16 — «Бюджетное право». В Конституции СССР 1936 г. такой главы не было. В ней появилась новая глава XIII «Порядок изменения Конституции». В Конституции СССР 1924 г. была выделена глава 10 — «О союзных республиках».

После окончания гражданской войны и завершения первых шагов государственного строительства в пределах национальных республик встал вопрос о принципах взаимоотношений и объединения советских республик. Первоначально на первый план выдвинулась идея «автономизации», т. е. включения советских республик в РСФСР на началах автономии. В. И. Ленин показал опасность претворения в жизнь принципов «автономизации» и выдвинул идею объединения советских республик с РСФСР на началах полного равноправия в Союзе ССР¹. В. И. Ленин выдвинул и другие важные предложения: о праве выхода союзной республики, о создании двухпалатного ЦИКа с несколькими председателями и др.

I Всесоюзный съезд Советов открылся 30 декабря 1922 г. Съезд принял два документа: «Декларацию об образовании СССР» и «Договор об образовании СССР». Проект первой Конституции СССР был рассмотрен на очередной сессии ЦИК СССР в июле 1923 г. и окончательно утвержден 31 января 1924 г. II Всесоюзным съездом Советов.

Конституция СССР 1924 г. начиналась с «Декларации», в которой обосновывалась необходимость объединения советских республик. Вторая часть — «Договор» — излагала вопросы образования

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 211—213 и др.

высших органов общесоюзной власти и управления, их компетенции. В двух главах (2 и 10) определялись права союзных республик. Одним из пунктов (п. 5) Конституции СССР предусматривалось внесение соответствующих изменений в конституции союзных республик.

Успешное проведение индустриализации и коллективизации, ликвидация эксплуататорских классов потребовали принятия новой Конституции. В соответствии с решением февральского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП(б) VII Всесоюзный съезд Советов принял постановление о подготовке проекта новой Конституции. Предлагалось уточнить определение социально-экономической основы общества «в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР». Проект Конституции должен был также разрешить задачу «дальнейшей демократизации избирательной системы».

ЦИК СССР создал Конституционную комиссию. В настоящее время известно четыре основных проекта Конституции. Последний из них был одобрен Президиумом ЦИКа и 12 июня 1936 г. опубликован в газетах для всенародного обсуждения. 5 декабря 1936 г. VIII Всесоюзный съезд Советов утвердил новую Конституцию СССР. Новая Конституция СССР состояла из 146 статей, разделенных на 13 глав.

После принятия Конституции СССР 1936 г. в январе — марте 1937 г. были утверждены новые конституции одиннадцати союзных республик. В 1940 г. образуются Карело-Финская и Молдавская ССР и принимаются в состав СССР Латвийская, Литовская и Эстонская ССР. В этих республиках конституции были утверждены в том же году.

За истекшие десятилетия в СССР «построено развитое социалистическое общество... Крупные изменения произошли и в международном положении Советского Союза»¹. Конституция СССР 1936 г. подверглась многим изменениям и дополнениям, особенно в главах, касающихся государственного устройства, высших органов государственной власти и управления и др. Вступление Советского Союза в период строительства коммунизма требует разработки и принятия новой Конституции.

Конституция является **основным** законом. Законы, касающиеся вопросов развития конституции, принято именовать конституционными. В отличие от обыкновенного конституционный закон требует для своего принятия квалифицированного большинства, т. е. не менее $\frac{2}{3}$ голосов палат Верховного Совета СССР.

Документы, связанные с принятием конституций, опубликованы в сборнике «История Советской Конституции (в документах)», в котором помещены не только законодательные акты Советской власти, но и важнейшие решения высших органов Коммунистической партии, включены отдельные работы В. И. Ленина. Тексты

¹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических республик. М., 1972, стр. 59.

законодательных актов взяты из официальных публикаций («Собрание Узаконений», «Собрание Законов», «Ведомости Верховного Совета СССР», «Известия» и др.). Составители поместили в сборнике только утвержденные тексты законодательных актов. Исключение сделано для проекта Конституции СССР 1936 г. В целом это довольно полное собрание документов по тематическому принципу. Качество издания снижается из-за публикации ряда документов в извлечениях и с купюрами.

Кодексы (от латинского *codex* — книга). По мере развития правовой надстройки и накопления действующего законодательства появляется необходимость в систематизации законов в определенных сферах жизни общества. Систематизация законодательства может производиться в форме инкорпорации, т. е. объединения законодательных актов без их изменения по хронологическому, алфавитному, тематическому или другому признаку. В случае кодификации законодательные акты объединяются в единое, внутренне согласованное целое, охватывающее определенную область общественно-правовых отношений. При этом ликвидируются пробелы в законодательстве, устраняются противоречия, заменяются устаревшие положения. Появляется новый по существу и форме законодательный акт — кодекс, заменяющий действующее законодательство определенной сферы общественных отношений. К типу кодексов следует отнести и такие законодательные памятники, как «Основы», «Основные начала» законодательства в той или иной сфере. Наиболее полным результатом кодификации должно являться составление свода законов.

Как источник кодексы дают представление о действующем законодательстве. По мере развития состав кодексов изменялся, из них могли исключаться отдельные статьи, а последующее законодательство включалось в качестве приложений.

Первые советские кодексы были разработаны осенью 1918 г. 16 сентября 1918 г. ВЦИК принял Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Затем был создан Кодекс законов о труде (КЗОТ)¹ и др.

В первые годы нэпа были пересмотрены существовавшие и приняты новые кодексы (уголовный, земельный, гражданский) и ряд сводных актов. Эти кодексы послужили основой для разработки кодексов в союзных республиках. Гражданский кодекс РСФСР (1922) явился образцом для аналогичных кодексов в других республиках (в Закавказье, на Украине и в Белоруссии).

С образованием СССР систематизация и кодификация стала проводиться в общесоюзном масштабе. В 1926 г. было издано пять книг систематического Собрания действующих законов СССР, а в 1927 г. — еще одна дополнительная книга к этому Собранию. Была образована Кодификационная комиссия, составившая проект свода законов в четырех книгах. Однако этот проект не был утвержден.

¹ См.: «Собрание узаконений», 1918, № 87—88, ст. 905.

Систематизация законодательства проводилась и в союзных республиках. В УССР было подготовлено восьмитомное Систематическое Собрание законов. Во многих республиках были приняты свои кодексы или же переизданы кодексы РСФСР.

Общественное развитие страны в связи с индустриализацией и коллективизацией сельского хозяйства шло вперед, выдвигая все новые правовые нормы. Это явилось одной из причин того, что с 1928 г. прекратилось издание хронологических или систематических Собраний действующего законодательства СССР. В 30-х — начале 50-х годов продолжалась кодификационная работа в отдельных отраслях права. В эти годы был взят курс на издание преимущественно общесоюзного законодательства.

Новый этап в области систематизации и кодификации законодательства развернулся с конца 50-х годов. Кодификационные работы конца 50—60-х годов касались устоявшихся отраслей права: гражданского, уголовного, процессуального, о браке и семье и т. п. В связи с расширением прав союзных республик общесоюзное законодательство стало кодифицироваться в форме «Основ» и «Основных начал». На их основе в союзных республиках были приняты и изданы соответствующие кодексы. Был утвержден и ряд общесоюзных кодексов.

Актовые документы съездов Советов, Верховных Советов. Важное место среди законодательных актов занимают постановления и резолюции съездов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, которые являлись верховными органами государственной власти Союза ССР, союзных и автономных республик вплоть до середины 30-х годов.

Документы съездов Советов разнообразны по форме и содержанию. Сюда относятся конституции и конституционные акты, постановления и резолюции, декларации и обращения. Съезды Советов выносили решения законодательного характера, рассматривали вопросы советского, хозяйственного и культурного строительства, обсуждали проблемы внешней политики, избирали исполнительные комитеты (ЦИК СССР, ВЦИК, ВУЦИК, БашЦИК и т. п.). Исполкомы являлись высшими органами власти на весь период между съездами Советов.

Актовые материалы выборных органов Советской власти широко публиковались в периодической печати и отдельными изданиями. Опубликовано семитомное издание решений и резолюций съездов Советов СССР, союзных и автономных советских социалистических республик за 1917—1937 гг.¹ Это издание является наиболее полным собранием актового материала съездов Советов. Многие документы ранее вообще не публиковались (например, по республикам Кавказа и Средней Азии). Значительная часть документов в этом издании впервые публикуется на русском языке. Текст документов, как правило, приводится полностью.

¹ См.: «Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик», т. I—VII. М., 1959—1965.

По Конституции СССР 1936 г. высшие органы власти стали именоваться Верховными Советами. Верховный Совет СССР издает различные законы, разрабатывая их через свои Комиссии (законодательных предположений, по иностранным делам, по промышленности и строительству и др.).

Документы Верховных Советов СССР, союзных и автономных республик публикуются в стенографических отчетах и в периодической печати. Местная печать публикует решения сессий местных Советов.

«Положения» о выборах определяют организацию и порядок выборов в органы Советской власти. В них рассматриваются основные принципы избирательной системы, порядок деятельности избирательных комиссий, составления списков избирателей, порядок выставления кандидатов, голосования и определения результатов выборов.

«Положения» о выборах в советские органы позволяют исследовать демократические основы и классовые принципы организации Советской власти в период строительства социализма и изменения в избирательной системе после победы социализма в СССР.

Указы Президиума Верховного Совета СССР. Их тематика и содержание ограничены компетенцией Президиума Верховного Совета СССР. Указы могут касаться вопросов действующего законодательства, вносить в него некоторые изменения и дополнения. Указ не отменяет закона, а лишь приостанавливает его действие. Указ становится законом при утверждении его сессией Верховного Совета СССР. Утверждению подлежат те указы, в которых затрагивается сфера деятельности Верховного Совета СССР.

Указы касаются значительного круга вопросов: о назначении и освобождении министров, высшего командования Вооруженных Сил СССР, о ратификации международных договоров и т. д.

В особых случаях Президиум Верховного Совета СССР может издавать указы, имеющие законодательный характер. Так, 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил Указ «О военном положении».

Важной функцией Президиума Верховного Совета СССР является толкование законов. С этой целью Президиум Верховного Совета СССР издает постановления. Толкование действующего законодательства является важным источником для понимания характера, сферы и методов применения законов СССР. Официальное толкование обладает той же силой, что и решение (закон, указ) высших органов власти, подвергающееся толкованию.

Актовые документы, исходящие от местных органов власти и исполнительных и распорядительных органов Советского государства, обеспечивают реализацию и соблюдение советских законов. В пределах своей компетенции эти органы организуют хозяйственное, культурное и другое строительство. Все эти источники также входят в комплекс материалов законодательства. Отметим наиболее важные из них.

Постановления и распоряжения Совета Министров СССР. В наименовании актов высших органов исполнительной и распорядительной власти по Конституции СССР 1936 г. была введена общая форма. Совнарком (Совет Министров) СССР издавал постановления и распоряжения на основе и во исполнение законов.

Под постановлениями подразумеваются предписания общего характера, которыми регулируются существенные вопросы государственного управления СССР, союзных и автономных республик. В отдельных случаях (например, о назначении или освобождении от должности) постановления касаются конкретных указаний определенным лицам, т. е. не вводят новых норм права. Постановления имеют силу до их отмены. Распоряжениями на практике называют менее важные акты Совета Министров СССР как исполнительного, так и распорядительного характера. Распоряжения действуют до их исполнения. Постановления публикуются за подписью Председателя (или его заместителя) и управляющего делами Совета Министров СССР. Распоряжения печатаются только за одной первой подписью.

Особенности постановлений определяются в целом их назначением. Имеется более или менее обширная констатирующая часть и указание на законы, во исполнение которых принимается данный акт. В ряде случаев констатирующая часть может излагать задачи, решаемые изданием данного постановления. Резолютивная (постановляющая) часть детализирует порядок исполнения, ставит конкретные задания министерствам и ведомствам, устанавливает сроки выполнения заданий и порядок проверки исполнения. В распоряжениях констатирующая часть может отсутствовать.

Совместные постановления. Особое значение имеют совместные постановления высших органов законодательной и исполнительной власти (например, постановления ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности»), высших органов законодательной и исполнительной власти и общественных организаций (например, постановление ЦИК СССР, СНК СССР и ВЦСПС от 23 июня 1933 г. «Об объединении народного комиссариата труда СССР с Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов»). В этом случае в одном постановлении сочетаются черты законодательного и исполнительного акта и документа общественной организации.

Новые особенности актов, характеризующиеся объединением усилий всех заинтересованных сторон, проявляются в совместных постановлениях высших органов Советской власти и Коммунистической партии (например, постановление Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г. «Об образовании Государственного Комитета Оборон»).).

Совместные постановления принимаются по тем вопросам государственного, народнохозяйственного и другим вопросам строительства, где необходимо координировать все усилия для дальнейшего развития советского общества. Эти постановления отражают возрастающее влияние Коммунистической партии в социалистиче-

ском и коммунистическом строительстве. Совместные постановления не являются законом. В тех случаях, когда в них затрагиваются вопросы законодательного характера, они должны получить утверждение верховного органа власти.

Наиболее частыми стали совместные постановления высших органов партии и исполнительных органов государства. Ввиду роли Коммунистической партии в советском обществе эти постановления соединяют в себе силу партийной директивы, нуждающейся в немедленном претворении в жизнь и выраженной в конкретных пунктах постановления исполнительной власти.

Совместные постановления появились в середине 20-х годов и вначале имели форму обращений. Таково, в частности, обращение СНК СССР, ЦК и ЦКК ВКП(б) от 16 августа 1926 г. «Об успехах и недостатках кампании за режим экономии», адресованное «Ко всем партийным и советским организациям». Более частыми обращения стали в начале 30-х годов. Например, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 января 1931 г. «О железнодорожном транспорте» имело подзаголовок «Ко всем партийным, советско-хозяйственным, железнодорожным, профсоюзным и комсомольским организациям». Постановления-обращения давались за подписями председателя СНК СССР и секретаря ЦК ВКП(б).

Обращения 20-х годов и совместные постановления 30-х годов имели директивный характер. Но между ними есть и определенные различия. Обращение 16 августа 1926 г. являлось по существу общей программой деятельности, намечало направление работы и не содержало конкретных заданий организациям и ведомствам. В совместных постановлениях со временем все большее место занимает постановляющая часть. Поэтому в начале 30-х годов эти документы, сохраняя еще форму обращений, уже именовались совместными постановлениями. Это название более точно отражало их сущность.

Как и всякий правительственный акт, совместное постановление состоит из тех же основных частей. Как правило, постановление имеет более или менее значительную вводную констатирующую часть, разъясняющую необходимость принимаемых мер. Часто в этой части имеется указание на соответствующие решения высшего органа партии и существующее законодательство, во исполнение которого принимается совместное постановление. Констатирующая часть может просто излагать общую характеристику обстановки, в силу которой стало необходимым данное постановление. Вводная часть может и совсем отсутствовать. Таково, например, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 марта 1965 г. «О повышении роли Министерства сельского хозяйства СССР в руководстве колхозным и совхозным производством». В этом случае совместное постановление представляет как бы протокольное постановление. Постановляющая часть содержит те же основные элементы, что и любое постановление Совета Министров СССР. Особенностью совместных постановлений является наличие соответствующих пунктов, в которых ставятся определен-

ные задачи перед партийными органами и организациями по реализации намеченных мероприятий.

Международные договоры — международно-правовые акты, в которых определяются права и обязанности стран в области политических, экономических и других отношений. В международной практике сложились определенные формы договорных отношений между странами и правила их составления, структуры и подписания.

Как правило, международный договор состоит из трех основных частей — преамбулы, т. е. вступительной части, собственно статей или постановлений и заключительных «протокольных» статей. Во вступительной части указываются стороны, заключающие договор, излагаются задачи и цели договора и приводятся фамилии уполномоченных правительствами для подписания договора. Статьи или постановления включают обязательства, которые возлагают на себя стороны, обуславливаются определенные формы взаимоотношений и отношений к другим государствам. Составленные в общей форме статьи договора могут получить разъяснения в прилагаемых к нему протоколах и специальных соглашениях. В заключительные «протокольные» статьи договора входят вопросы о сроке договора, о времени вступления в силу, постановления о ратификации и месте хранения ратификационных грамот, а также о полном соответствии всех экземпляров договора, составленных на языке подписавших его стран, и на одинаковую их силу. Далее следуют подписи и печати, место и дата подписания договора.

В мирных договорах обязательным является пункт о прекращении состояния войны, что автоматически ведет к ликвидации оккупационного режима и признанию суверенности побежденного государства, а также устанавливаются новые границы побежденной стороны, политические, финансовые и экономические положения, вопросы о репарации, т. е. о возмещении убытков, понесенных странами-победительницами, реституции, т. е. о возвращении захваченного и вывезенного имущества, вооружениях побежденной страны, военных преступниках и другие вопросы. К мирным договорам обычно имеют многочисленные приложения.

Существует целая система международных договоров, служащих основой взаимоотношений между странами. Это договоры о союзе, дружбе и взаимопомощи, являющиеся основной формой договорных отношений СССР с социалистическими странами, пакты или договоры, целью которых является обеспечение мира, договоры о нейтралитете и ненападении, о торговле, мореплавании, гарантиях и пр.

Одной из разновидностей международных договоров являются конвенции, представляющие собой договоры по отдельным вопросам права, экономики или администрирования. Протоколы представляют собой краткое изложение соглашения по тому или другому вопросу или разъяснение отдельных постановлений заключенного договора и обычно прилагаются к договору. Одной из разновидностей международных договоров являются декларации или

торжественные заявления государств о том, что они будут придерживаться единой линии или изложение их взглядов по определенному вопросу. Своеобразной формой договорных отношений является «обмен нотами», т. е. соглашение по сравнительно небольшому вопросу, которое фиксируется посредством обмена между уполномоченными представителями государств в один и тот же установленный день одинаковыми по содержанию нотами.

Международные договоры публикуются в периодической печати, в официальных правительственных и специальных изданиях МИД СССР. Особенно большое значение имеет издание «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами» (вып. 1—5), а затем под тем же названием с заменой слова РСФСР на СССР с 1924 по 1938 г. (вып. 1—9). С 1955 г. это издание возобновлено с выпуска 10 (1937 г. — 21 июня 1941 г.). Выпуск 11 включал документы периода Великой Отечественной войны. В последующие выпуски включены действовавшие международные акты, заключенные в послевоенный период. Издание это продолжается и в настоящее время.

Из научных публикаций следует назвать выпускаемую с 1957 г. комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР серию «Документы внешней политики СССР». В первый том вошли материалы 1917 и 1918 гг. Все последующие тома являются погодными. Помимо данного издания имеется целый ряд сборников и тематических публикаций.

Публикации актов в газетах являются мощным средством пропаганды. Однако газеты не могут отражать всей законодательной деятельности Советской власти.

Издание «Собрания узаконений» было начато Наркомюстом с декабря 1917 г. В нем дается в основном систематизированное в хронологическом порядке собрание законов и постановлений Советской власти; акты имеют порядковую нумерацию по каждому году. Это издание выходило по мере накопления материала. Из повременных изданий «Собрание узаконений» — наиболее полная публикация законодательного материала. Аналогичными по характеру и типу издания были публикации «Собраний Узаконений» в Украинской ССР, Азербайджанской ССР и других республиках.

Наиболее полным изданием законодательных актов было выпускаемое с 1924 г. Управлением делами СНК Союза ССР «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР». Форма издания была в целом аналогична с «Собранием узаконений».

С 7 апреля 1938 г. вместо «Собрания Законов» начали публиковаться «Ведомости Верховного Совета СССР». Первые годы «Ведомости» выпускались в виде газеты, а с 1944 г. — в форме бюллетеней. Данное издание законодательных актов существует и в настоящее время.

С 1938 г. выпускалось специальное издание постановлений и распоряжений высшего органа исполнительной власти — «Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР» (до 1949 г. включительно). С 1951 г. это издание было возобновлено только для учреждений и ведомств, а с 1957 г. и по настоящее время издается под заглавием «Собрание постановлений правительства СССР» для всеобщего ознакомления.

Для историка основную роль продолжают играть такие издания, как «Собрание Узаконений», «Собрание Законов», «Ведомости Верховного Совета СССР». Другие публикации законодательных актов представляют интерес, поскольку в них включаются ранее не издававшиеся документы.

К сожалению, совсем еще нет изданий, которые бы давали возможность проследить этапы происхождения определенного законодательного акта. В данном случае нельзя обойтись без архивов, в которых сосредоточено огромное количество материалов законодательства, в первую очередь в ЦГАОР СССР и в ЦГА союзных и автономных республик (в фондах органов верховной власти).

Законодательные и правительственные акты различаются не только по содержанию и форме, но и по условиям происхождения, назначению и т. д. Поэтому наряду с общими приемами изучения законодательных материалов для различных видов источников существуют и специфические методы источниковедческого анализа.

§ 3. Некоторые вопросы источниковедческого анализа актовых материалов

Законодательные и правительственные акты, как и всякий исторический источник, являются продуктом соответствующей исторической обстановки. Изучение происхождения документов Советской власти должно способствовать пониманию содержания источников, объяснять закономерность появления новых законодательных актов и постановлений, раскрывать роль отдельных лиц в этом процессе и т. д. Исследование их происхождения складывается из четырех основных этапов: законодательная инициатива — почин; процесс разработки и обсуждения законопроекта; обсуждение законопроекта законодательными органами и его утверждение; опубликование закона.

Возникновение законодательной инициативы свидетельствует о появлении новых задач, которые не могут быть решены в рамках существующих законодательных актов. В середине 30-х годов стало ясно, что Конституции 1918 и 1924 гг. не отражают в полной мере тех изменений, которые произошли в обществе. Постановление VII Всесоюзного съезда Советов о разработке проекта новой Конституции СССР можно рассматривать как стадию законодательной инициативы при изучении Конституции СССР 1936 г.

В определенных исторических условиях этап законодательной инициативы может формально и отсутствовать. Например, первые советские декреты («О земле», «О мире») такой стадии не проходили. Роль законодательного почина в данном случае выполнялась многочисленными решениями съездов и собраний рабочих, солдат и крестьян. Эти постановления выражали волю народных масс и являлись своеобразной законодательной инициативой.

По Конституции РСФСР 1918 г. право законодательной инициативы предоставлялось Всероссийскому съезду Советов, ВЦИК, Совнаркому и наркоматам РСФСР. В Конституции СССР 1924 г. этот порядок был сохранен и даже расширен с учетом прав союзных республик. По Конституции 1936 г. право законодательной инициативы в равной мере принадлежало только палатам Верховного Совета СССР — Совету Союза и Совету Национальностей. Однако практика показала, что целесообразно расширить круг органов, осуществляющих законодательную инициативу. Таким правом в настоящее время фактически пользуются и другие представительные органы и организации (постоянные комиссии Верховного Совета, Президиум Верховного Совета СССР, центральные органы общесоюзных общественных организаций и др.).

Стадия законодательной инициативы завершается принятием полномочным органом решения о необходимости разработки соответствующего законопроекта. Все, что предшествует такому решению, составляет предысторию законодательной инициативы.

Сложным и длительным является второй этап — разработки и обсуждения законопроекта. На основе законодательной инициативы соответствующие органы государственной власти создают специальную комиссию для составления проекта нового законодательного акта.

В соответствии с резолюцией III Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской Республики» (январь 1918 г.) ВЦИК образовал Комиссию в составе 15 человек из представителей политических партий и наркоматов (Я. М. Свердлов — председатель, М. Н. Покровский — товарищ председателя и В. А. Аванесов — секретарь). В основу деятельности Комиссии легли решения VII съезда РКП(б), ленинские работы («Очередные задачи Советской власти» и др.) и законодательная практика первых месяцев Советской власти. На первых заседаниях была принята схема построения Конституции и выделены три подкомиссии.

В апреле — июне 1918 г. Комиссия ВЦИК и подкомиссии разрабатывали и обсуждали проекты. Основные проекты, принятые Комиссией ВЦИК, были опубликованы 22 июня 1918 г. в «Известиях ВЦИК» под заглавием «Проект Конституции Советской Республики». 26 и 28 июня 1918 г. ЦК РКП(б) обсуждал проект Конституции. Комиссия ВЦИК учла замечания и дополнения Комиссии ЦК РКП(б) и опубликовала новый вариант «Проекта Конституции».

Таким образом, второй этап происхождения законопроекта включает в себя образование комиссии для разработки проекта

закона, составление проекта с его вариантами, публикацию проекта. По публикации проекта законодательного акта происходит широкое гласное, в некоторых случаях (например, Конституция 1936 г., Примерный Устав колхоза 1969 г.) и всенародное обсуждение.

Следующий этап происхождения закона связан с обсуждением его проекта высшим органом власти. В данном случае может быть выделена комиссия для редактирования законопроекта с учетом поправок и замечаний.

На первом заседании 4 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов избрал по предложению Я. М. Свердлова Конституционную Комиссию, которая внесла в проект Конституции ряд изменений и дополнений. В частности, «Декларация прав и обязанностей трудящихся» была заменена «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Комиссия пополнила проект Конституции новыми разделами: была составлена вводная резолюция и дополнительно разработаны два раздела. На основе опубликованного 22 июня 1918 г. проекта был составлен раздел «Бюджетное право», заново разработан раздел «О гербе и флаге РСФСР». Была упорядочена структура подраздела «Организация Советской власти на местах».

С этими изменениями и дополнениями проект Конституции был представлен 10 июля 1918 г. на заседании V Всероссийского съезда Советов, который единогласно принял предложенный проект и поручил новому составу ВЦИК окончательно отредактировать текст Конституции. 18 июля 1918 г. Президиум ВЦИК утвердил текст Конституции РСФСР, и на следующий день она была опубликована в «Известиях ВЦИК».

Последний этап происхождения закона — его опубликование. Действующим считается текст акта, опубликованный в официальном издании. В первые дни после Октябрьской социалистической революции был принят декрет «О порядке утверждения и опубликования законов»¹. Подлинным текстом считался утвержденный правительством оригинал декрета и его печатные воспроизведения в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства» и в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства». Устанавливался порядок вступления постановлений в законную силу с момента его опубликования в «Газете». Дальнейшие законодательные акты и постановления развивали основные положения этого декрета.

В первые годы Советской власти существовало два первоисточника закона: «Известия ВЦИК» (а вначале до 9 марта 1918 г. и «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства») и «Собрание узаконений». Публикация в любом из этих изданий считалась идентичной подлиннику. Постановление считалось вступившим в законную силу с момента его публикации, а на местах — с момента получения официального издания текста закона. Пре-

¹ См.: «Архивное дело», 1939, № 3(51), стр. 1—22.

дусматривались и другие случаи введения в действие декретов и постановлений (по телеграфу и т. п.).

Изменения в порядке публикации законодательных актов были сделаны в связи с образованием СССР. 22 августа 1924 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке опубликования законов и распоряжений правительства Союза ССР»¹. Согласно этому постановлению все декреты и постановления ЦИК, его Президиума, СНК и СТО СССР публиковались в «Собрании Законов». Последнее состояло из двух отделов, причем в первом помещались акты законодательного характера, а остальные (о назначениях и награждениях, об утверждении уставов акционерных обществ и их публикация и др.) — во втором отделе. В примечании к ст. 1 говорилось, что первый отдел «Собрания Законов» в соответствии со ст. 34 Конституции СССР 1924 г. печатается на шести языках народов СССР (русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, тюркско-татарском).

Порядок введения законов в действие регламентировало постановление ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1925 г. «О времени вступления в силу законов и распоряжений правительства Союза ССР, а равно распоряжений ведомств Союза ССР»². Все декреты и постановления, опубликованные в «Собрании Законов», «Известиях» и «Экономической жизни», вступали в силу со дня получения соответствующими органами и учреждениями Советской власти одного из официальных изданий. Исполкомы и ведомства должны были вести точный учет времени поступления официальных изданий. В тех случаях, когда в законах и распоряжениях был указан определенный срок введения в действие, они вступали в силу повсеместно с указанного в них срока. Данный порядок публикации законов и постановлений и времени вступления их в действие с некоторыми изменениями просуществовал до конца 50-х годов.

Новые задачи социалистического строительства и упорядочения дела опубликования законов и постановлений Советской власти получили разрешение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1958 г. «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР, постановлений Верховного Совета СССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР»³. По этому Указу законы СССР и другие акты Верховного Совета СССР и его Президиума публикуются в «Ведомостях» на языках союзных республик не позднее семидневного срока после их принятия. Важнейшие из актов, подлежащие «широкому и немедленному обнародованию», публикуются также в газете «Известия». В необходимых случаях эти акты могут быть переданы по радио и телеграфу. Акты общенормативного характера вступают в силу одновременно на всей территории СССР «по истечении десяти дней после их опубликования» в «Ведомостях» или «Изве-

¹ См.: «Собрание Законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР», 1924, № 7, ст. 71.

² См.: «Собрание Законов», 1925, № 8, ст. 75.

³ См.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1958, № 14(909) ст. 275.

ствиях», если в самом акте не указан другой срок введения его в действие. С изданием данного указа считался утратившим силу ряд постановлений о порядке опубликования и времени вступления в силу законов и постановлений (постановления ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1924 г., от 6 февраля 1925 г. и др.). Указ Президиума Верховного Совета СССР был утвержден в декабре 1958 г. второй сессией Верховного Совета СССР пятого созыва.

В соответствии с данным законом 20 марта 1959 г. Совет Министров СССР принял постановление «О порядке опубликования и вступления в силу постановлений и распоряжений Правительства СССР»¹. В нем говорилось, что в «Собрании постановлений» публикуются постановления общего значения или имеющие нормативный характер. Наиболее важные из них подлежат немедленному опубликованию в газетах, передаче по радио и телеграфу. Если в постановлении не был указан срок его введения в действие, то оно вступало в силу с момента его принятия. Распоряжения Совета Министров СССР вступали в силу с момента их принятия и не подлежали опубликованию в «Собрании постановлений». Постановления Совета Министров СССР, не вошедшие в «Собрание постановлений», могли быть опубликованы и в других изданиях (например, ведомственных). Аналогичный порядок публикации и вступления в силу законодательных актов и постановлений действует также в союзных и автономных республиках.

Изучение этого этапа происхождения законодательных актов и постановлений дает сведения о том, какая публикация приравнивается к оригиналу, о специфике методов публикации, о сроке вступления законов и постановлений в силу и т. п. Изучение происхождения законодательного акта может дать и другие весьма важные сведения для источниковедческого анализа (например, о роли конкретных лиц в составлении определенного акта). Материалы Конституционной Комиссии ВЦИК (1918) свидетельствуют, что проект ст. 9—12 Общих положений Конституции РСФСР 1918 г. был написан И. В. Сталиным и с незначительными изменениями вошел в утвержденный текст Конституции.

Из воспоминаний М. А. Андреева известно, что Надеждинский Совет уполномочил его и председателя Центрального Совета ФЗК Богословского горного округа А. Курлынина поставить вопрос о деятельности заводов округа и об их финансировании в Петрограде. Попытки договориться с правлением Акционерного общества остались безуспешными. Тогда они обратились в СНК и были приняты 5 декабря 1917 г. В. И. Лениным, которому и изложили требования рабочих округа. 6 декабря 1917 г. СНК принял декрет о конфискации имущества Акционерного общества Богословского горного округа. Архивные материалы позволяют установить роль В. И. Ленина, П. И. Стучки и А. Г. Шляпникова в подготовке текста декрета². Изучение вариантов проекта декрета, в том числе

¹ См.: «Собрание постановлений Правительства СССР», 1959, № 6, ст. 37.

² См.: «Декреты Октябрьской революции». М., 1933, стр. 245—247.

и по почерку, позволяет значительно подробнее понять происхождение и содержание источника.

Важное значение при изучении коллективного творчества масс в разработке законодательных актов имеют письма трудящихся, материалы совещаний, созываемых в связи с разработкой и принятием законов, и т. п. В. И. Ленин придавал большое значение письмам крестьян в газету «Беднота». Он предлагал В. А. Карпинскому составлять раз в два месяца сводки этих писем, указывая при этом, помимо количества писем, также и выраженные в них «настроения» и «важнейшие злобы дня»¹.

В ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР (1936) было внесено более 1,5 млн. поправок. Ряд поправок был связан с последовательным осуществлением ленинских принципов национальной политики. В ст. 35 проекта Совет Национальностей образовывался «из депутатов, выделяемых Верховными Советами Союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей» в определенной пропорции. В результате внесены поправки Совет Национальностей, как и Совет Союза, стал избираться непосредственно гражданами союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов. В данном случае был последовательно проведен принцип прямых выборов, который уже был зафиксирован в проекте Конституции СССР по отношению к Совету Союза. Были увеличены и нормы представительства, чтобы численность депутатов Совета Национальностей была одинаковой с Советом Союза. В ст. 48 было сделано изменение о количестве заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Вместо 4-х заместителей по проекту число их стало определяться количеством союзных республик.

При изучении публикаций законодательного акта следует обращаться в ряде случаев и к архивному подлиннику. Последнее особенно необходимо, когда обнаруживаются какие-либо разночтения. По отношению к законодательным памятникам в несколько иной плоскости стоит вопрос об их подлинности. Речь идет не столько о прямых фальсификациях (в силу коллективности способа их обсуждения и принятия это практически почти невозможно), сколько о соответствии опубликованного текста подлиннику (полнота публикации, возможные ошибки и неточности и т. п.).

При подготовке к печати декретов первых месяцев Советской власти С. Н. Валком было установлено, что многие декреты публиковались в сокращенном виде². Так, в декрете СНК от 15 (28) января 1918 г. «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии» при публикации в «Собрании узаконений» была опущена вся вступительная часть. В данном случае дело объяснялось характером издания. С точки зрения составителей «Собрания узаконе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 143—144.

² См.: «Архивное дело», 1939, № 3(51), стр. 1—22.

пий» (а оно издавалось Наркомюстом) основное значение имела вторая, резолютивная часть декрета. С характером издания связано было и редактирование, которое не ограничивалось только стилистической правкой текста декретов. Подобная правка стирала ряд важных черт актов, дающих возможность почувствовать особенности обстановки их создания.

При пользовании различными публикациями, особенно хрестоматийного типа, важно выяснить полноту публикации. Это может дать материал для понимания характера издания. Не всегда историк имеет дело с подлинником правительственного акта. В последние годы ряд правительственных актов, в частности совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, публикуются зачастую в изложении. Особенностью «изложений» является информативность и наиболее обобщенная характеристика задач, содержащихся в постановлении. При изложении постановление приобретает программный характер. Обращение к подлинникам законодательных актов в таком случае также может быть необходимо.

При анализе законодательных актов исследователь устанавливает название и вид акта, оценивает так называемый заключительный протокол (наличие необходимых подписей, дата утверждения), сверяет в случае необходимости по протоколу заседания, когда было принято данное постановление, и т. д.

Сведения, полученные при изучении происхождения законодательного акта, дают обширный материал для анализа содержания источника. В результате такого анализа могут быть получены материалы, обосновывающие общеисторические выводы. Для этой стадии изучения можно наметить несколько основных вопросов: историческое место закона и его значение; что нового дает он в сравнении с предыдущими актами; какова роль изучаемого закона в социалистическом строительстве.

Определение исторического места законодательного акта тесно связано с изучением его происхождения. Это изучение показывает процесс формирования новых норм, а также формы их выражения.

Законодательный материал может быть правильно истолкован лишь в соотношении с той исторической обстановкой, в которой он возник. Это сопоставление должно учитывать сравнение со всей политикой партии в определенной области, с законодательными актами по аналогичному вопросу. В результате можно видеть, что нового содержится в анализируемом законодательном акте. Так, закон «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления» (2 октября 1965 г.) может быть правильно понят исходя из всей совокупности обстоятельств данного периода. Существовавшая до этого система руководства и управления промышленностью не создавала должных возможностей для эффективного использования достижений научно-технической революции, экономических методов руководства. Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, отметив некоторые положительные качества системы управления промышленностью, вместе с тем подчеркнул, что «су-

ществующая организационная структура управления, методы планирования и экономического стимулирования в промышленности не отвечают условиям и уровню развития производительных сил». В связи с этим было решено организовать управление по отраслевому принципу, образовать союзно-республиканские и общесоюзные министерства по отраслям промышленности, устранить излишнюю регламентацию деятельности предприятий, сократить число плановых показателей, спускаемых сверху, улучшить использование экономических рычагов (прибыль, цена, премия, кредит), повысить заинтересованность работников промышленности в повышении рентабельности производства и улучшении качества промышленной продукции и т. д. Шестая сессия Верховного Совета СССР (шестого созыва) заслушала доклад депутата К. Т. Мазурова «Об улучшении управления промышленностью». Проект закона по данному вопросу был внесен Советом Министров СССР и 2 октября 1965 г. принят Верховным Советом СССР.

Анализ законодательного акта должен включать в себя и изучение его соответствия объективным закономерностям общественного развития.

Исследование законодательного акта должно учитывать и его реальное взаимовлияние с развитием общества и государства. Подобное изучение необходимо вести в тесной связи с исторической обстановкой действия этого законодательного акта и с общим ходом развития советского общества. Важнейшие методологические и конкретные указания по этим вопросам содержатся в решениях высших органов Коммунистической партии.

Законодательные акты создаются непосредственно в ходе самого исторического действия, они являются «остатками» изучаемого события. Таковы, например, резолюции съездов Советов, законы Верховного Совета СССР и т. д. Эти решения и законы сами являются историческим фактом в той части, которая дает представление о политике Советского государства. С другой стороны, они содержат конкретные сведения о состоянии Советов, о развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры. В этом случае мы имеем дело с отражением исторических процессов и фактов в соответствующих решениях.

Законодательный акт должен рассматриваться и как памятник, отражающий состояние и развитие общественно-политической мысли. Новые нормы и установления являются источником двоякого рода. Во-первых, они характеризуют общественные отношения, политику Советского государства. Во-вторых, свидетельствуют о развитии общественно-политической мысли.

В работе В. И. Ленина «Государство и революция» была дана характеристика социализма как первой стадии в развитии коммунистического общества. Жизнь полностью подтвердила правоту ленинской мысли. Однако, анализируя общественно-политические воззрения первых лет Советской власти, мы не вправе игнорировать наличие и других взглядов по данному вопросу, получивших отражение в Конституции 1918 г.

В общих положениях Конституции РСФСР 1918 г. сформулировано распространенное в то время представление об этапах развития нового общества. «Основная задача, — гласила ст. 9 Конституции, — рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

В ходе социалистического строительства в 20-х — начале 30-х годов происходило постепенное уточнение второй точки зрения о социалистическом обществе. Во втором пятилетнем плане была отмечена необходимость сохранения государства и при социализме. В то же время авторы плана говорили об «окончательной ликвидации» не только капиталистических элементов, но и «классов вообще». Социалистическое общество представлялось авторам второй пятилетки бесклассовым. В этой части имелась тесная связь и совпадение со взглядами, изложенными в Конституции РСФСР 1918 г. Следующий этап в изменении и уточнении этих представлений наступил при разработке Конституции СССР 1936 г.

Анализ законодательных актов можно подразделить на две взаимосвязанные части: историческая интерпретация и толкование терминологии (грамматическое). Историческое истолкование предполагает выяснение соответствия закона объективным закономерностям развития общества, установление классовой направленности закона, причин его появления, результатов применения и т. п.

К интерпретации законов следует отнести и право их толкования. По Конституции СССР 1936 г. право толкования законов принадлежит исключительно Президиуму Верховного Совета СССР. В практике работы толкование носит характер «разъяснений». В них указывается причина издания постановления и обязательно подчеркивается право Президиума Верховного Совета СССР толковать законы.

Историческое толкование выявляет и соответствие Конституций союзных республик, законов и других актов Конституции СССР. Президиум Верховного Совета СССР имеет право отменять постановления и распоряжения Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик в случае их несоответствия закону.

Грамматическое истолкование, изучение терминологии законов должно происходить в тесной связи с историческим толкованием законов. Применение закона может порождать и различные толкования. При изучении терминологии закона нужно принимать за основу то значение слова, которое оно имело в момент принятия закона. Различные термины по мере общественного развития наполняются новым содержанием.

Таким образом приемы и методы источниковедческого анализа должны быть направлены на установление значения законодательного акта, его роли в развитии Советского государства, его экономики, культуры и т. п. Советские законы являются составной частью всего комплекса материалов законодательства. Поэтому для получения обоснованных выводов необходимо анализировать всю совокупность материалов законодательства и других источников.

МАТЕРИАЛЫ ПЛАНИРОВАНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

§ 1. Значение материалов планирования народного хозяйства

Планы развития народного хозяйства определяют направление экономического и социально-культурного развития в масштабе всей страны. Планирование может осуществляться в виде контрольных цифр, представляющих собой ориентировочные задания, и в виде государственного плана, т. е. прямого директивного планирования развития народного хозяйства. Планирование подразделяется на текущее, т. е. на ближайший отрезок времени, обычно на год, и на перспективное, т. е. на длительный промежуток времени — на пять, пятнадцать и более лет.

Материалы планирования народного хозяйства возникли после Великой Октябрьской социалистической революции, когда на смену закону конкуренции и анархии производства пришел закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства.

План является центральным документом, вокруг которого партией, правительством и всеми общественными организациями происходит мобилизация масс на борьбу за выполнение задач народнохозяйственного, социального и культурного строительства страны.

Все народнохозяйственные планы построены на строго научной основе. В них находит свое творческое развитие и применение марксистско-ленинская теория в соответствии с практическими задачами социалистического и коммунистического строительства. Народнохозяйственные планы являются высшим достижением научно-технической мысли страны. К их разработке наряду с плановыми органами привлекаются также научно-исследовательские институты и другие организации.

При составлении планов используются многочисленные материалы учета и отчетности, статистические источники, разрабатываются важнейшие экономические проблемы, учитываются новейшие достижения науки и техники. Планы являются обобщением практики социалистического строительства и научным обоснованием дальнейшего развития экономики страны, что обеспечивает их жизненность, могучую действенную силу и реальность.

Работа над материалами планирования как историческими источниками складывается из четырех основных этапов.

Первый этап состоит из изучения директивных документов высших органов партии и Советского государства, на основе которых происходит составление и разработка планов развития народного хозяйства. Они позволяют изучить исходные моменты в составлении плана и те ведущие народнохозяйственные проб-

лемы, которые должны были быть выполнены в течение времени, охватываемого перспективным планом.

Второй этап включает изучение материалов, которые складываются в процессе составления народнохозяйственных планов. Эти материалы позволяют раскрыть особенности данного плана, его специфические черты, выяснить ряд вопросов, которые могут возникнуть в связи с изучением содержания самих планов.

Третий этап представляет собой изучение содержания окончательно утвержденного высшими партийными и советскими органами плана развития народного хозяйства.

Наконец, четвертый этап состоит в изучении материалов, в которых освещены итоги выполнения планов развития народного хозяйства.

Такой порядок позволяет глубоко и всесторонне подойти к изучению народнохозяйственных планов и классифицировать имеющуюся документацию.

§ 2. Директивы по составлению планов развития народного хозяйства и материалы, складывающиеся в процессе их разработки

Директивы по составлению народнохозяйственных планов. Директивные материалы формулируют главные задачи, которые должны быть решены в пределах будущего плана. В них ставятся самые общие задания по отраслям народного хозяйства и по районам страны, определяются основные проблемы и направления, по которым должно происходить выполнение плановых заданий.

Основными директивными документами по составлению народнохозяйственных планов являлись решения съездов (по первому пятилетнему плану), конференций партии (по второму пятилетнему плану), постановлений ВЦИК, Совнаркома СССР (по третьему пятилетнему плану), совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР (по составлению «Контрольных цифр развития народного хозяйства на 1959—1965 гг.») и т. п.

Директивы по составлению народнохозяйственных планов построены с учетом оценки предполагаемого выполнения предыдущего плана и тех ресурсов и возможностей, которые открываются в связи с намеченным уровнем развития советской экономики. Как правило, ожидаемые результаты выполнения предыдущих планов не могут претерпеть в дальнейшем значительных изменений, так как планы построены на реальных основах и на научном предвидении, и могут быть не учтены только неожиданные события или вновь открывшиеся во время выполнения плана ресурсы (например, война, массовое развитие соцсоревнования и т. п.).

Источники, складывающиеся в процессе составления плана. Комплекс этих источников можно подразделить на следующие основные группы, которые соответствуют порядку составления планов.

Первая — это материалы Госплана СССР, которые состоят из директив по разработке отраслевых и районных планов, из материалов обсуждения представленных проектов планов по отдельным отраслям и по экономическим районам страны, материалов конференций по обсуждению общих народнохозяйственных проблем.

Представленные проекты планов подвергались рецензированию специалистами. В результате обсуждения в Президиуме Госплана или в специально созданных комиссиях по проектам планов составлялись предложения и проекты планов отраслей и районов, после чего они возвращались обратно для дальнейшей доработки и уточнения в соответствии с предложениями Госплана.

Обычно уже в последней стадии работы Госпланом созывались конференции специалистов для рассмотрения и обсуждения предложений по общим народнохозяйственным проблемам. С докладами на конференциях выступали виднейшие ученые, инженеры и специалисты Госплана. Накануне конференций публиковались тезисы и другие материалы по докладам, а также материалы специальных комиссий, разрабатывавших обсуждаемые вопросы.

Вторую группу источников составляют материалы по подготовке проектов отраслевых и порайонных планов. Они хранятся преимущественно в министерствах (наркоматах), ведомствах и учреждениях — по отраслям народного хозяйства, в республиканских, краевых и областных плановых органах — по районам страны.

Прежде всего к этой группе источников относятся материалы, собранные или специально созданные для составления проектов планов — различного рода экономические обзоры, сводные статистические материалы, результаты их анализа, плановые наброски предприятий и т. п. Обширную группу источников составляют проекты планов, составленные на основании предложений и директив партии и правительства и инструктивных материалов Госплана. Сюда входят первоначальные наброски проектов планов, а также и проекты планов, уточненные и измененные в соответствии с замечаниями Госплана, которые посылаются затем в Госплан для включения в единый народнохозяйственный план.

Наконец, в третью группу входят материалы Госплана по составлению проекта единого народнохозяйственного плана на основании представленных в высшие плановые органы отраслевых и районных проектов планов. Эти материалы позволяют изучить, как в процессе составления плана происходит взаимная межотраслевая увязка показателей плана, как проверяется обеспеченность всех отраслевых и районных планов необходимой рабочей силой, бюджетными и кредитными ресурсами, а также всеми видами материально-технического снабжения.

Окончательная обработка всех отраслевых и порайонных планов, а также общих народнохозяйственных проблем завершается в сводном обзоре. В нем устраняются все неувязки и диспропорции, балансируются все проблемы плана как в области производ-

ства и распределения, так и в области финансирования и материального снабжения. В результате всей этой работы складываются три основных раздела каждого народнохозяйственного плана: сводный обзор, отраслевой разрез и порайонный разрез плана. Проект единого народнохозяйственного плана после рассмотрения и утверждения высшими плановыми органами передается на утверждение высших органов партии и Советского государства. Этот проект после утверждения становится планом развития народного хозяйства СССР.

Таковы материалы, создающиеся в процессе составления народнохозяйственного плана в том виде, как они исторически сложились, начиная с плана ГОЭЛРО. Эта практика планирования сохранялась вплоть до перестройки управления промышленностью и строительством в 1957 г.

Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС в связи с восстановлением отраслевого принципа управления и созданием союзно-республиканских министерств принял постановление о совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. Постановление определяло сохранение единой политики в области планирования главных направлений развития производства, технического прогресса, капитальных вложений, цен, оплаты труда и финансов. В то же время всемерно расширялась хозяйственная самостоятельность предприятий.

Централизованное планирование плановых органов осуществлялось посредством установления самых общих показателей плана министерствам, которые ограничивались только указанием общего объема продукции, суммы прибыли и рентабельности платежей в бюджет и ассигнований из бюджета, общего фонда заработной платы, объема капитальных вложений, ввода в действие основных фондов и производственных мощностей за счет централизованных капитальных вложений, заданий по освоению новых технологических процессов, механизации и автоматизации, имеющих особо важное значение для данной отрасли, объема централизованных поставок предприятию сырья, материалов и оборудования.

Спускаемые министерством плановые показатели являются директивами, на основе которых на предприятии строится детальный техпромфинплан, направленный на развертывание наиболее благоприятных для предприятий условий, позволяющих использовать все экономические связи и ресурсы для улучшения ассортимента производимой продукции, повышения рентабельности предприятия и получения прибыли.

Материалы, складывающиеся в процессе составления планов развития народного хозяйства, позволяют всесторонне осветить ход разработки самих планов, установить соображения, которые клались в основу постановки тех или иных проблем, изучить научные основы постановки и разрешения поставленных в плане задач в области хозяйственного и социально-культурного развития.

§ 3. Состав народнохозяйственных планов

Народнохозяйственные планы после того, как их утверждают высшие органы партии и Советского государства, становятся директивными документами, на основе которых разворачивается работа по их претворению в жизнь. Содержание народнохозяйственных планов имеет свою специфику, без учета которой затруднена работа над этими историческими источниками.

Каждый перспективный план начинается с определения основной, главной задачи. Главная задача является той общей центральной идеей, которая пронизывает все содержание плана и которой подчинены все плановые наметки. Она определяет содержание всех разделов плана и развитие каждой проблемы. В свою очередь, главная задача получает свою конкретизацию и развитие применительно к каждой из общих народнохозяйственных проблем, к каждой отрасли народного хозяйства и к каждому району.

В главной задаче каждого перспективного плана раскрываются специфические для данного определенного периода основные генеральные направления в развитии страны. Для первого по существу единого народнохозяйственного плана — плана ГОЭЛРО — эта задача состояла в том, чтобы «выровнять фронт нашей экономики в уровень с достижениями нашего политического уклада». Этим самым план ГОЭЛРО ставил своей задачей подвести экономическую базу под величайшие социальные преобразования, которые явились следствием совершившейся пролетарской революции.

Главная задача первого пятилетнего плана была сформулирована следующим образом: «XV съезд ВКП(б) дал исчерпывающие политико-экономические директивы к построению пятилетнего народнохозяйственного плана исходя из генерального курса на индустриализацию СССР, на социалистическое переустройство деревни, на преодоление капиталистических и последовательное укрепление социалистических элементов в хозяйственной системе страны»¹.

В связи с успешным выполнением плана первой пятилетки во вторую пятилетку были поставлены новые задачи: «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР является планом окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще и превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества, планом завершения технической реконструкции всего народного хозяйства и коренного подъема жизненного уровня рабочих и крестьянских масс»².

Новая грандиозная задача была поставлена в третьем пятилетии: «...мы можем и должны во весь рост практически поставить и осуществить решение основной экономической задачи СССР: до-

¹ «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. I, М., 1929, стр. 3.

² «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР», т. I, М., 1934, стр. 9.

гнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени»¹.

Все последующие пятилетние планы послевоенного периода главными задачами ставили восстановление и дальнейшее развитие экономики страны. В принятых XXI съездом КПСС «Контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.» главная задача формулировалась как решающий шаг в создании материально-технической базы коммунизма и в осуществлении основной экономической задачи СССР — в исторически кратчайшие сроки «догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения»².

Дальнейшим развитием явилась главная цель, поставленная XXIII съездом КПСС в «Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы»: «Главную экономическую задачу пятилетки партия видит в том, чтобы на основе всемерного использования достижений науки и техники, индустриального развития всего общественного производства, повышения его эффективности и производительности труда обеспечить дальнейший значительный рост промышленного производства, высокие устойчивые темпы развития сельского хозяйства и благодаря этому добиться существенного подъема уровня жизни народа, более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей всех советских людей»³.

Успешное выполнение восьмого пятилетнего плана позволило XXIV съезду партии поставить новые грандиозные задачи перед советским народом: «Девятая пятилетка должна стать важным этапом в дальнейшем продвижении советского общества по пути к коммунизму, строительстве его материально-технической базы, укрепления экономической и оборонной мощи страны. Главная задача пятилетки состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда»⁴.

Исходя из главной задачи девятой пятилетки, план намечает ряд важнейших народнохозяйственных проблем. Во-первых, осуществить широкую программу социальных мероприятий в области роста доходов населения, увеличения общественных фондов, в области труда, быта, сближения уровня жизни городского и сельского населения. Во-вторых, ускорить темпы научно-технического прогресса и обеспечить осуществление единой технической политики. В-третьих, предусматривается всемерно развивать фундамента-

¹ «КПСС в резолюциях...», изд. 8. М., 1971, т. 5, стр. 340.

² «КПСС в резолюциях...», изд. 8. М., 1971, т. 7, стр. 400.

³ «Материалы XXIII съезда КПСС». М., 1966, стр. 122.

⁴ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 49.

ные и прикладные научные исследования и быстрее внедрять их результаты в народное хозяйство. В-четвертых, намечается последовательно развивать сотрудничество с социалистическими странами, всемерно содействовать укреплению мировой социалистической системы.

Только после усвоения главной задачи и всех конкретных проблем, которые из нее вытекают, следует переходить к изучению конкретных вопросов и разделов плана.

Планы представляют собой целую систему показателей, в которых находят свое выражение плановые предположения о разрешении конкретных проблем народного хозяйства, его основных отраслей и экономических районов. Планы в значительной степени насыщены цифровыми материалами. С одной стороны, это цифровые показатели, характеризующие выполнение плана за предыдущий период. Они, как правило, приводятся для сравнения с намеченным уровнем развития. С другой стороны, это показатели, в которых находят свое выражение плановые предположения на будущее. Они устанавливают объем задания, который должен быть выполнен к намеченному сроку, обычно на конец периода действия перспективного плана.

Народнохозяйственные планы включают целую систему количественных и качественных показателей.

Количественные показатели определяют задания по объему и структуре производства, капитальным работам, снабжению, перевозкам, численности работников, товарообороту, объему социально-культурных мероприятий и пр. Они охватывают задания по объему производства промышленности, ассортименту и качеству изделий, вводу в действие производственных мощностей, производительности труда, заготовкам сельскохозяйственной продукции и пр.

К качественным относятся технико-экономические и экономические показатели. Технико-экономические показатели включают нормы использования оборудования, сырья, топлива и электроэнергии. Основными экономическими показателями являются показатели производительности труда, себестоимости продукции и выполненных работ, рентабельности производства. Эти показатели позволяют обосновать объем производства и строительства, служат важнейшим звеном в планировании смежных отраслей производства и установлении необходимых пропорций и взаимосвязей в общественном производстве.

В планах развития народного хозяйства СССР содержится только минимум показателей, который позволяет раскрыть генеральную линию плана, дать более четкую ориентировку в развитии отраслей народного хозяйства и районов. С другой стороны, это предусматривает возможность более широкого развертывания инициативы на местах для маневрирования, выявления и использования местных ресурсов.

Для народнохозяйственного плана характерна определенная последовательность и внутренняя взаимосвязь всех вопросов, которые рассматриваются в его разделах. Планы народного хозяйства, как

правило, построены по принципу перехода от общего к частному, от единой главной задачи плана к ее конкретизации по отдельным проблемам плана, по отраслям народного хозяйства и по районам страны. Поэтому изучение планов необходимо осуществлять в той последовательности, в которой изложены в нем основные вопросы и проблемы.

Система показателей первого пятилетнего плана имела свои специфические особенности, которые объясняются тем, что это был первый опыт составления единого народнохозяйственного перспективного плана. Такой специфической особенностью являлось составление плана в двух вариантах — отправном и оптимальном, для того чтобы создать плановые предпосылки для организованного маневрирования и руководства народнохозяйственным строительством.

Отправной вариант являлся гарантированным минимальным объемом, который должен был быть выполнен даже при ряде неблагоприятных условий. Оптимальный вариант был рассчитан на наиболее благоприятные условия и предусматривал значительно более повышенную программу. В соответствии с этим все показатели по пятилетке приводятся в этих двух вариантах.

Партия отвергла оппортунистические теории правых оппортунистов, которые стремились протащить минимальный вариант. После детального обсуждения плана XVI конференция ВКП(б) приняла план первой пятилетки в его оптимальном варианте, «как план, полностью отвечающий директивам XV съезда партии»¹. Следовательно, первый пятилетний план действовал в его оптимальном варианте, и при работе над материалами плана необходимо пользоваться только этой группой показателей.

План первой пятилетки давал развернутую программу развития таких важных отраслей народного хозяйства, как промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, товарооборот, развитие социальных секторов, культурное строительство. Решающее место в плане занимала проблема повышения производительности труда (на 110%) при снижении себестоимости (на 35%). Все показатели плана первой пятилетки предусматривали мощный подъем производства тяжелой индустрии.

Показатели второго пятилетнего плана были построены таким образом, чтобы обеспечить выполнение главной задачи плана. В соответствии с этим во втором пятилетнем плане давалось обоснование каждой из задач, материальные предпосылки и самые общие задания на пятилетие, которые должны обеспечить их осуществление.

Следующие пятилетние планы принимались как директивы высших органов партии и Советского государства. По своей внутренней структуре планы полностью сохранили единство содержания, которое было характерно для предыдущих планов. Вместе с тем они имели и свои особенности.

¹ «КПСС в резолюциях...», изд. 8. М., 1970, т. 4, стр. 205.

Во-первых, показатели планов приведены в самых общих чертах. Плановые задания устанавливаются в основном по следующим разделам: в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, капитального строительства, товарооборота, дальнейшего роста материального благосостояния трудящихся, здравоохранения и культурного уровня народа, а также по каждой из союзных республик отдельно по их ведущим отраслям народного хозяйства.

По всем этим разделам директивы по пятилетним планам развития народного хозяйства СССР устанавливают общие показатели роста.

Показатели плана представляют собой минимум, который не может быть невыполненным. Мероприятия, устанавливаемые планом, являются теми общими направлениями, из которых должны исходить министерства и плановые органы республик и областей при составлении своих конкретных планов.

Во-вторых, планы дают только руководящие задания, которые предполагают свое дальнейшее развитие в конкретных планах по министерствам, отдельным ведомствам и по районам страны.

В соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС и с учетом итогов выполнения Государственных планов развития народного хозяйства Госплан СССР разработал, а Третья сессия VIII созыва Верховного Совета СССР утвердила «Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы». Тем самым впервые после второго пятилетнего плана был опубликован полный перспективный план¹.

В Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. после формулировки главной задачи плана и ее конкретизации подчеркивается, что основной линией экономического развития страны является «всесторонняя интенсификация общественного производства и повышение его эффективности». Эта основная линия пронизывает все содержание плана и позволяет понять все основные направления и плановые задания по каждой из отраслей народного хозяйства и по каждой из республик страны.

Указания по каждой из отраслей народного хозяйства в плане начинается с формулировки основной задачи, которая нацеливает на выполнение главной задачи. Так, после формулировки основной задачи промышленности в целом указано, в каком соотношении эта основная задача находится с главной задачей плана: «Необходимо направить развитие всех отраслей промышленности в интересах наиболее полного удовлетворения жизненных потребностей советского народа, для чего предусмотреть более быстрый рост и повышение удельного веса промышленности, производящей

¹ Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. М., 1972.

товары народного потребления, сырье, машины и оборудование для их выпуска»¹.

По каждой отрасли промышленности в плане указаны плановые задания и определяются как основные тенденции в их развитии, так и объем выполнения и мероприятия, обеспечивающие выполнение плановых заданий.

Подобным образом построены и другие разделы плана.

Таким образом, даже краткая характеристика девятого пятилетнего плана свидетельствует о богатстве его содержания и о необходимости глубокого изучения всех его проблем и конкретных плановых заданий.

Итоги выполнения планов развития народного хозяйства опубликованы за все время, охватываемое пятилетними планами. Общие итоги выполнения первой пятилетки подведены в специальном издании «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» (М., 1933). После окончания второй пятилетки Госплан СССР выпустил издание «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» (М., 1938). Начиная с четвертой пятилетки меняется характер публикации итогов выполнения планов. ЦСУ при Совете Министров СССР публикует поквартальные, полугодовые и годовые отчеты о выполнении планов. После окончания пятилетних планов публикуются Сообщения Госплана СССР и ЦСУ СССР об итогах выполнения пятилетних планов.

Госпланы союзных и автономных республик, краевые и областные органы также публикуют итоги выполнения планов поквартально, годовые и за пятилетие.

В итогах выполнения приводятся сведения о выполнении планов по отраслям народного хозяйства. Вначале обычно публикуются данные о выполнении (в процентах) производственных планов промышленностью по министерствам.

Сведения о производстве по видам продукции за четвертую и пятую пятилетки публиковались в процентах к итогам выполнения за тот же период в предыдущее время. Поэтому итоги выполнения планов позволяли получить только общее представление о борьбе за выполнение планов.

Начиная с шестой пятилетки в итогах выполнения приводятся количественные данные. В связи с этим, а также вследствие того, что ЦСУ в своих изданиях «Народное хозяйство» опубликовало количественные данные за все предшествовавшее время, стало возможным получить сведения о выполнении плана и об объеме промышленной продукции за годы предыдущих пятилеток.

В текстовой части итогов, касающейся развития промышленности, говорится о достижениях в ее развитии и о том новом, что имелось за рассматриваемый период, а также о недостатках и нежелательных явлениях.

¹ «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы». М., 1971, стр. 16.

Таким образом, перспективные планы являются директивами, указывающими, в каком направлении должно осуществляться развитие народного хозяйства исходя из задач строительства коммунистического общества на каждом конкретном этапе развития советского общества. Вокруг перспективных планов разворачивается деятельность руководящих партийных и советских органов, массовых организаций трудящихся и вся борьба советского народа в области народнохозяйственного, социального и культурного строительства.

Материалы планирования не только дают основные отправные пункты, от которых историк должен идти в своем научном анализе исторического процесса, но предоставляют в его распоряжение и итоговые показатели, характеризующие выдающиеся успехи советского народа в борьбе за выполнение поставленных партией и правительством задач.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Новый государственный аппарат после Великой Октябрьской социалистической революции покончил с бюрократической системой делопроизводства дореволюционной России, приводящей к длительной системе регистрации, движения по инстанциям и решения на многочисленных ступенях канцелярий учреждений. Демократические основы деятельности советских и общественных организаций привели к изменению делопроизводства, но в то же время и к многообразию его ведения. В последние годы в нашей стране проводится большая работа по созданию единой государственной системы делопроизводства.

Всю делопроизводственную документацию по ее содержанию можно подразделить на следующие группы: документы, характеризующие задачи, компетенцию и род деятельности организаций и учреждений; документы, освещающие процесс выработки, обсуждения и принятия основных указаний о направлении деятельности учреждений и организаций; постановления и решения руководящих органов или руководителей учреждений и организаций; документы, освещающие ход выполнения решений руководящих органов или руководителей учреждений и организаций; наконец, документы, освещающие итоги деятельности учреждений или организаций.

§ 1. Документы о компетенции и содержании деятельности советских учреждений

Деятельность органов государственной власти и государственного управления, различного рода учреждений и местных советских органов происходит на основании и в рамках положений, которые издаются высшими органами государственной власти и управления, руководителями центральных учреждений — министерствами, начальниками главных управлений, отделов.

Положения представляют собой нормативные акты, определяющие порядок какой-либо деятельности и указывающие задачи, структуру, компетенцию, права и обязанности государственных органов и их должностных лиц. В этих актах рассматриваются основные принципы организации и деятельности, вопросы ведения формы и методы работы государственных учреждений.

Положения позволяют рассмотреть также основной состав и содержание материалов государственных учреждений в целом и их возможные связи с другими учреждениями.

Большую группу составляют документы, освещающие процесс выработки и принятия решений по вопросам, входящим в компетенцию соответствующего органа или учреждения.

В этой группе документов прежде всего следует выделить протоколы и стенограммы заседаний и обсуждений. Протокольные записи представляют собой сжатый конспект всех докладов, выступлений и речей и дают представление о вопросах и замечаниях, поднимавшихся на заседании. Протокольные записи характерны для первых лет Советской власти, когда невозможно было полностью обеспечить все учреждения и организации достаточно квалифицированными стенографистами.

Стенограммы заседаний или стенографические отчеты — это последовательная, по возможности наиболее полная запись. Расшифровка произведенных записей приводит, как правило, к значительным отступлениям от самого выступления. Поэтому правку стенограммы обычно производит сам выступавший, который обязан просмотреть стенографическую запись, проверить, выправить ее и подписать. Заверенная стенографическая запись представляет собой документ, которым можно пользоваться.

Известно, какое большое значение придавал правке стенографических записей В. И. Ленин. Он не жалел времени для тщательного выправления стенографических записей своих выступлений.

Составной частью работы каждого представительного собрания является выработка и принятие решений по рассматриваемым вопросам. Для выработки проекта решения избирается комиссия, которая на своих заседаниях рассматривает подготовленный проект решения и вносит дополнения и исправления.

Проекты сохраняются редко. В качестве приложения к стенографическому отчету приводится уже принятый на собрании текст решения.

Основным документом исполнительных органов, учреждений и организаций являются протоколы. Протоколы представляют собой последовательную запись хода собрания, заседания, съезда, конференции с занесением в него всех решений, которые были приняты в результате обсуждения. В протоколе указывается порядковый номер, дата заседания или собрания, перечисляются все присутствующие лица или, если речь идет о собрании, указывается количество присутствующих. Повестка дня собрания или заседания может быть вынесена перед протоколом самого заседания. В таком случае представляется возможность сразу же ознакомиться с повесткой дня и установить, имеются ли в данном протоколе интересующие исследователя вопросы.

Протоколы разделяются на два основных раздела. В первом разделе, озаглавленном «слушали», производится запись хода заседания. Встречаются три варианта записи в этой части: указание повестки дня и фамилии докладчика по вопросу. Такие протоколы называются «глухими». Могут быть перечислены лица, выступавшие при обсуждении вопроса. Наконец, возможна подробная или сжатая запись выступлений по вопросу. Естественно, что ценность протоколов зависит от того, насколько подробно в нем освещен ход заседания.

К сожалению, протоколы заседаний Совнаркома первых лет Советской власти являются «глухими», поэтому восстановить по ним все содержание работы заседаний под председательством В. И. Ленина невозможно.

Второй раздел протокола — «постановили» — включает в себя сведения о принятом постановлении или решении по обсуждаемому вопросу. Здесь имеют место тройкого рода записи. Во-первых, изложение постановления в целом или отсылка к постановлению, которое приложено к протоколам. Во-вторых, отсылка к приложенному к протоколам проекту решения с записью в протоколе всех изменений и дополнений, которые должны быть внесены в проект постановления в результате обсуждения предложений на заседании. Наконец, в-третьих, указание о том, что доклад или сообщение на заседании были приняты к сведению.

Обычно к первым экземплярам протоколов прилагаются все материалы, которые были подготовлены и представлены к заседанию по обсуждавшимся вопросам: тезисы докладов, документы к ним, проекты решений, повестка дня заседания и другие материалы. Протоколы представляют в этом случае комплекс материалов, который позволяет всесторонне ознакомиться со всеми сторонами текущей работы соответствующих органов и учреждений, получить материалы о всей их деятельности по интересующему вопросу и о всех решениях по нему.

Среди архивных документов протоколы составляют один из наиболее распространенных и важнейших видов делопроизводственных документов. Они достаточно полно используются историками, но, к сожалению, в меньшей степени подвергаются всестороннему историко-ведческому анализу. Исключение составляет работа Э. Б. Генкиной «В. И. Ленин — председатель Совнаркома и СТО». Автор широко использовал различного рода источники для того, чтобы раскрыть содержание «глухих» протоколов СНК и СТО и реконструировать ход обсуждения на их заседаниях ряда вопросов.

Среди материалов, имеющих в приложениях к протоколам, видное место занимают тезисы к докладам или сами доклады, подготовляемые к заседаниям выборных или исполнительных органов или к собраниям отдельных организаций. Доклады — это письменное изложение вопроса, выдвигаемого на обсуждение. Доклады или тезисы по докладам дают материал для обсуждения вопроса на заседаниях или на собраниях.

Доклады всегда насыщены обобщениями фактов и дают всесторонний анализ их. Как обобщающий источник они представляют несомненный интерес. Обычно с докладом выступает руководитель учреждения или организации либо специальное лицо, которое, изучив вопрос и обобщив материалы по нему, выдвигает свои предложения о том, в каком направлении должно происходить его решение. Часто докладчик наряду с докладом или его тезисами готовит проект решения. Докладчик ставит своей задачей

обоснование своих предложений, которые сформулированы в проекте решения.

Составной частью документов учреждений и организаций являются решения — заключения, выводы, сделанные на основании заслушанного доклада, сообщения и их обсуждения. После того как подписан протокол, вынесенное решение приобретает обязательную силу и принимается к исполнению всеми организациями и лицами, подчиненными данному органу.

Резолюции, решения и постановления высших органов учреждений и организаций представляют собой документы, посредством которых осуществляется руководство и направляются усилия коллектива трудящихся на выполнение поставленных Коммунистической партией задач.

§ 2. Документы, освещающие ход выполнения принятых решений и итоги деятельности учреждений и организаций

В процессе текущей деятельности высших, республиканских и местных организаций и учреждений складывается большое количество различных видов материалов, которые позволяют изучить, как претворяются в жизнь решения высших органов. Основная масса этих материалов хранится в архивах.

Прежде всего следует выделить документы, складывающиеся в процессе организационной деятельности учреждений и организаций, при осуществлении руководства и контроля. Сюда входят протоколы заседаний, приказы, распоряжения, инструкции.

Все важнейшие стороны деятельности учреждений и организаций и непосредственное текущее руководство ими находят свое отражение в п р и к а з а х, т. е. в распоряжениях руководителя учреждения или организации, обращенных к подчиненным и требующих выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающих определенные порядки. В констатирующей части приказа указываются цели и задачи предписываемых действий, причины издания, нередко указание на документ, явившийся основанием для издания приказа. В распорядительной части производится перечисление предписываемых действий с указанием мероприятий, необходимых для их реализации, сроков исполнения и порядка контроля. Для действий, имеющих оперативный, «разовый» характер, руководитель издает так называемые р а с п о р я ж е н и я.

Среди документов распорядительного характера следует выделить инструкции. В инструкциях излагаются правила, регулирующие специальные стороны деятельности учреждений, организаций или должностных лиц.

В результате исполнения изданных руководством распоряжений возникает целая группа документов, складывающихся в про-

цессе текущей деятельности учреждений и организаций и направленных на осуществление намеченных мероприятий.

К этого рода документам можно отнести докладные записки, справки, сводки, обзоры, заключения, материалы обследований, ревизий, протоколы и решения временно созданных комиссий, письма трудящихся с жалобами и предложениями и материалы расследований по ним, акты и другие разновидности документов.

Докладная записка составляется в случае необходимости уведомить вышестоящий орган или должностное лицо о каких-либо фактах, событиях и содержит предложения по излагаемому вопросу. Точно так же в заключениях содержится мнение или вывод организации, комиссия или специалиста по тому либо другому документу и конкретные замечания по существу рассматриваемого вопроса.

Сводки составляются на основании указаний вышестоящего учреждения, должностного лица или в силу установленного порядка. В них приводятся обобщенные сведения из разных источников по одному или нескольким однородным вопросам. Большой интерес представляют обзоры, составляемые на основании анализа и обобщения годовых отчетов, справок, актов обследований и т. п. В обзорах содержатся выводы, предложения и рекомендации о направлении дальнейшей работы. Справки обычно составляются по указанию вышестоящих органов; содержание их отвечает запрашиваемой информации.

Все рассмотренные виды документов дают представление о решении вопросов, стоявших перед учреждением или организацией, или обобщающие сведения о текущей деятельности учреждений и организаций.

Среди разнообразной документации, которая образуется в результате деятельности учреждения и организации, следует выделить такую разнородную группу, которая носит наименование переписки. Важность этой группы определяется тем, что в ней находит свое отражение вся внутренняя жизнь учреждения.

Письма можно подразделить на три категории: письма-запросы, содержащие просьбу о представлении необходимых сведений или об осуществлении действий, которые должна выполнить организация; письма-ответы, в которых приведены запрашиваемые сведения, информация о выполнении требуемых действий или уведомление о невозможности высылки требуемых сведений или выполнения действия; сопроводительные письма, рассылаемые вместе с другими документальными материалами. Одной из разновидностей переписки являются телефонограммы.

По своему содержанию переписка освещает непосредственно вопросы компетенции учреждения или организации и имеет производственный характер. Она может касаться контроля и проверки исполнения, представлять запросы и разъяснения по ним, иметь оперативный характер и показывать решение повседневных текущих вопросов деятельности организаций или учреждений.

Переписка возникает и в процессе рассмотрения жалоб и предложений трудящихся.

Переписка по основным вопросам деятельности учреждения или организации представляет большой интерес. В ней находят свое освещение проблемы, возникавшие в процессе деятельности учреждения, практика их решения, связь с низовыми организациями и коллективами. Переписка представляет собой целую группу взаимосвязанных документов и должна изучаться как сложившийся комплекс. Прежде всего должен существовать инициативный документ, на основании которого ведется переписка. Инициативный документ может прийти извне, и тогда в материалах данной организации должен находиться подлинник документа, если он не был отослан в другие инстанции или возвращен обратно. Если инициативный документ исходил от самой организации или учреждения, то в их материалах должен находиться отпуск документа.

В инициативном документе изучается не только его содержание, но и все пометки на нем. Входящий и исходящий номера позволяют установить время действия документа в данном учреждении, разница между датой документа и входящим номером позволяет установить время, прошедшее от составления до прибытия документа.

На инициативном документе могут быть тройкого рода резолюции: распоряжение по содержанию документа; название подразделения учреждения или организации, куда должен быть направлен документ на исполнение; указание об исполнении.

Таким образом, изучение инициативного документа позволяет получить сведения о дальнейшем ходе действий, о времени действия и о тех отделах и лицах, в ведении которых находилось исполнение документа.

Совокупность документов, слагающихся в ходе переписки, должна быть изучена последовательно в том порядке, в котором она складывалась. При этом условия возможно изучить переписку в ее развитии, рассмотреть непосредственную деятельность учреждения по ее исполнению и результаты действий, которые произошли на основании переписки по данному вопросу.

При работе над перепиской возникают вопросы об установлении времени, авторства и происхождения документов. Ряд вопросов, касающихся достоверности документов, решается так же, как и для других источников. Но имеются некоторые специфические вопросы, на которых следует остановиться. Одним из них является определение палеографических особенностей советских документов.

В советскую эпоху особенно широкое развитие приобретает машинопись. Рукописный материал за более ранние годы почти отсутствует, но даже при его наличии установить принадлежность почерка почти невозможно. Поэтому происхождение своего рода обезличка материалов. Там, где необходимо установить авторство документа, особенно при изучении различного рода проектов, историк почти лишен возможности сделать это. Осуществлять своего

рода «палеографию» машинописи — дело очень сложное вследствие того, что происходит унификация марок пишущих машинок и шрифтов.

В то же время большое значение имеют делопроизводственные показатели, помогающие получить ряд важных сведений. Особенно большое значение имеет печать, которая свидетельствует о подлинности и официальном характере данного документа.

Существуют различного характера печати. Основной является гербовая печать, которая ставится на всех документах с подписью руководителя учреждения или организации. Помимо того, имеются круглые печати различных отделов учреждения или организации.

На печати указывается полное наименование организации, часто ее адрес, а иногда сокращенное наименование, ей присвоенное. По печати обычно производится расшифровка наименований организации.

В каждом учреждении или организации имеется целая система штампов. Основным является угловой штамп. Он ставится на тех документах, которые составляются не на бланке учреждения или организации. Угловой штамп включает в себя полное и сокращенное наименование учреждения или организации, адрес, номер телефона, иногда указывается телеграфный адрес, число подписания документа и исходящий номер. Число и исходящий номер ставятся после подписания документа ответственным лицом. Эти данные свидетельствуют не о дате составления документа, а о дате его полного оформления. Ряд штампов существует для регистрации входящей и исходящей корреспонденции, для конвертов и т. п. Все эти штампы позволяют установить время получения документа, прохождение его по различным инстанциям.

Подпись ответственного руководителя учреждения или организации является основным фактом, свидетельствующим о подлинности данного документа. Отпуск обычно печатается под копирку вместе с подлинным экземпляром и имеет все сведения о заверке подлинника и правку, внесенную в подлинный экземпляр; использование отпуска вполне правомочно при отсутствии подлинного экземпляра, который может находиться в делопроизводстве учреждения, куда послан оригинал документа.

Приобретение печатей учреждений и организациями строго обусловлено законом и оформляется специальными документами вышестоящей организации и руководителем учреждения. Каждое учреждение имеет официальные оттиски используемых им печатей. Все эти материалы являются важными источниками для изучения документов учреждений и организаций. Естественно, что изучение этих вопросов и составление каталогов, особенно для первых лет существования Советской власти, когда не было строго обусловленного порядка и ряд организаций включал в свои печати и штампы различные эмблемы, явилось бы важным вспомогательным материалом при работе над документами советских учреждений и общественных организаций.

Основной формой подведения итогов деятельности учреждений и организаций являются отчеты.

Первую группу отчетных материалов представляют сводные обзоры всех сторон деятельности учреждений и организаций за определенный период. Они строятся по отчетам всех организаций и учреждений, которые входят в состав данной организации и ее структурных подразделений. Подобного рода отчеты публиковались и были широко распространены. Они насыщены большим фактическим материалом и освещают важнейшие направления работы организации или учреждений. Отчеты содержат также большой обобщенный статистический материал.

Другую группу отчетных материалов составляют отчеты о текущей деятельности учреждения или организации или отчеты о выполнении ими определенных поручений и мероприятий. Такой обзор ставит своей задачей на основе обобщения и типизации фактов характеризовать работу учреждения или организации, показать достижения и имевшие место недостатки, определить дальнейшие задачи работы.

Источниками отчета обычно являются информационные сводки о деятельности организации, докладные записки, материалы обследований, переписка и другие материалы.

В целом отчеты позволяют в суммированном виде ознакомиться с основными направлениями и итогами деятельности учреждения или организации, с главными результатами участия коллектива в выполнении намеченных мероприятий.

Другой формой обобщения работы учреждений и организаций являются статистические итоги их деятельности. Такая отчетность составляется на основании специальных форм, утверждаемых ЦСУ и обязательных для всех учреждений, организаций и предприятий. Помимо обязательных форм каждое учреждение или организация суммирует в статистическом выражении отдельные направления своей деятельности.

Среди других многочисленных групп источников следует остановиться на материалах, освещающих состав учреждений и организаций. К этой группе относятся материалы по личному составу организации и учреждений. Эти материалы относятся преимущественно к внутренней жизни самого учреждения или организации. Из источников по личному составу следует выделить анкеты и карточки рабочих и служащих предприятий. Анкеты содержат сведения по вопросам, составленным по определенной программе. Они являются источником массовым. Анкеты наиболее удобны и легче всего подвергаются статистической разработке.

При изучении анкет необходимо ознакомиться с программой, вопросником анкет. Чем больше имеется анкет, тем полнее и всестороннее будут наблюдения и выводы.

Важнейшим вопросом изучения анкет является выделение признаков, характеризующих наиболее важные стороны данного явления.

В отношении анкет личного состава возможны различные направления работы: анализ всей группы анкет, анализ отдельных вопросов, использование наиболее типичных и обобщенных сведений в них и т. п.

Анкета — богатый и всесторонне характеризующий трудящиеся массы страны источник. Историк должен обращаться к анкетным материалам, не ограничиваясь теми официальными сведениями, которые приводятся в отчетах, суммарно освещающих личный состав предприятий, учреждений и организаций.

§ 3. Дипломатическая переписка и другая внешнеполитическая документация

Особый характер имеет дипломатическая переписка, возникающая в результате сношений с иностранными государствами. К настоящему времени сложились определенные разновидности дипломатической переписки между государствами, имеющей ряд условностей, которые подчеркивают значение того или иного документа и вопросов, поднимаемых в них. Переписка может исходить от определенного лица или составляется в третьем лице.

Переписка, исходящая от определенного лица — главы государства, главы правительства, министра иностранных дел или от дипломатического представителя, именуется личными нотами. То, что нота идет от определенного лица, означает, что данной ноте придается важное значение. Личная нота начинается с обращения, составленного по особой форме, и заканчивается трафаретными формулами вежливости. Известна «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны», опубликованная в 1957 г. Обычно личные ноты министров иностранных дел СССР и зарубежных государств публикуются в печати как документы, имеющие особо важное значение.

Другая форма дипломатической переписки — от третьего лица — адресуется от имени правительства, министерства иностранных дел или дипломатического представительства. К этой группе документов относятся заявления Министерства иностранных дел СССР от имени Советского правительства по важнейшим вопросам международной жизни.

Широкое распространение в переписке имеют так называемые вербальные ноты, или ноты представительств. Они пишутся от имени министерства или представительства и составляются в третьем лице. Вербальные ноты не подписываются, но имеют заверительные знаки — печать, дату, иногда инициалы или росчерк одного из сотрудников посольства.

В дипломатической практике наиболее распространенным видом документов являются меморандумы, т. е. записки, излагающие фактическую и юридическую сторону вопроса и основанные

на них доводы. Они не подписываются и не заверяются печатью.

Для того чтобы оставить след от сделанного устного сообщения или беседы во избежание неправильного их толкования, а также для того, чтобы облегчить дальнейшее продвижение дела, составляются без каких бы то ни было заверительных знаков так называемые памятные записки, широко практикуемые в дипломатической практике.

Большая и очень важная группа дипломатической переписки состоит из внутренней переписки Министерства иностранных дел СССР со своими дипломатическими представителями. Для того чтобы информировать Министерство о политическом и экономическом положении, о внутренней и внешней политике страны, в которой находится представительство, дипломатический представитель посылает письма, донесения, телеграммы, записки бесед с иностранными дипломатами и политическими деятелями. Точно так же дипломатический представитель составляет для Министерства записки с анализом положения и с вытекающими из него оперативными выводами.

Со своей стороны Министерство посылает им инструкции, информационные письма, ответы на запросы с указанием, в каком направлении необходимо действовать в создавшейся обстановке, и с рекомендациями по вопросам, поднятым дипломатическим представителем. Эта группа переписки имеет особый интерес, так как раскрывает всю внутреннюю работу Министерства, устанавливает причинные связи всех дипломатических шагов и их результаты, ход переговоров о заключении международных договоров и т. п.

Имеется многочисленная группа источников, возникающих в процессе текущей деятельности Министерства иностранных дел СССР. Следует отметить такие документы, как записки бесед, представляющие последовательное изложение хода переговоров во время международных встреч и всех вопросов, которые поднимались во время беседы, с подробной характеристикой позиций каждого из участников беседы. Записки бесед составляются ответственными работниками Министерства и обычно ими подписываются. Во время длительных переговоров или конференций (например, Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской и др.) ведется подробная поденная запись хода заседаний и всех бесед при встречах участников переговоров.

Одной из распространенных форм информации по отдельным вопросам внешней политики СССР или для официального заявления представителям печати по определенным вопросам являются пресс-конференции. В зависимости от важности сообщения пресс-конференцию может проводить глава государства, члены правительства или ответственные сотрудники Министерства иностранных дел СССР.

Следует также отметить правительственные и поздравительные телеграммы, которыми обмениваются

главы государств, правительств и министры иностранных дел между собой. Эти документы являются особым знаком международной вежливости и свидетельством состояния взаимных отношений между государствами.

В целом дипломатическая переписка позволяет всесторонне осветить вопросы взаимоотношений между СССР и иностранными государствами. В последние годы имеет место публикация дипломатической переписки в ряде изданий, в том числе в многотомной публикации «Документы внешней политики СССР».

Таким образом, изучение делопроизводственной документации в совокупности позволяет всесторонне рассмотреть работу советских организаций и конкретные условия их борьбы за выполнение задач, поставленных партией и правительством на каждом из этапов развития советского общества.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Документы и материалы массовых организаций трудящихся раскрывают живую, творческую борьбу советского народа за построение развитого коммунистического общества. В. И. Ленин называл эти организации «приводными ремнями» от партии к широким массам трудящихся. Многочисленные и разнообразные документальные материалы массовых организаций позволяют всесторонне раскрыть пути тесного общения Коммунистической партии с широкими массами советского народа.

В своей деятельности общественные организации образуют ряд разновидностей делопроизводственных материалов, по своей форме общих с делопроизводством государственных учреждений и организаций. Вместе с тем имеется специфическая документация, которая свойственна именно массовым организациям трудящихся.

§ 1. Уставы организаций трудящихся

Основным документом, характеризующим задачи, компетенцию, род деятельности и организационное строение профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, является устав. Объединение членов происходит на основе единого устава, принятого высшим органом той или иной общественной организации. Исключение составляет кооперация. В кооперативных объединениях устав имеют не только кооперативные системы в целом, но и каждая низовая кооперативная организация.

Объясняется такое положение тем, что каждый кооперативный коллектив представляет самостоятельное юридическое лицо, и объединение в нем происходит на основе положений, выработанных при создании данного кооператива. Это объединение может оформиться на основе типового устава, но данный коллектив при своей организации может внести в него необходимые изменения и дополнения.

Для кооперативных организаций уставы — это массовый источник. Они охватывают всю систему кооперативного движения сверху донизу. Как правило, в уставы кооперативных организаций включаются следующие вопросы: наименование организаций, район ее деятельности и местонахождение правления, цели организации, условия вступления, выбытия и исключения членов, ответственность членов по обязательствам организации, порядок образования капиталов, размер пая, вступительного взноса, порядок распределения прибылей и убытков, число членов правления, ревизионных комиссий, система их избрания, полномочия и срок деятельности, правила и срок созыва общих собраний или собра-

ний уполномоченных, порядок их работы, условия и порядок ликвидации организации и изменения ее устава. Изучение уставов кооперативных объединений и организаций в деревне позволяет установить их роль и значение в системе борьбы за обобществление сельскохозяйственного производства. Достаточно сказать, что степень обобществления в производственной сельскохозяйственной кооперации, особенно в колхозной системе, состав кооперативов и классовая направленность их деятельности во многом зависят от уставов.

В уставах определяется особенность советской кооперации, которая состояла прежде всего в ее массовости, в вовлечении в нее самых широких слоев трудящегося крестьянства — бедноты и середняков.

При изучении уставов кооперативных организаций периода борьбы за коллективизацию сельского хозяйства важно выявить классовую направленность кооперативных организаций — потребительской, снабженческо-сбытовой, кредитной, сельскохозяйственной, производственной и особенно высшей формы кооперации — колхозов. Различия между формами колхозов первых лет Советской власти должны определяться не наименованиями, которые себе присваивали те или иные колхозы, а уставами, в которых определялась степень обобществления средств производства и имущества.

Значение уставов как исторических источников возрастает в период развернутого коммунистического строительства в связи с постепенным переходом некоторых функций Советского государства к общественным организациям. В связи с этим вводятся и будут вводиться необходимые изменения в уставы массовых организаций в соответствии с их ролью в коммунистическом строительстве.

Уставы профсоюзов и уставы ВЛКСМ широко публиковались в печати и выходили отдельными изданиями. В официальных правительственных изданиях, таких, как «Собрание узаконений», «Собрание Законов» во втором отделе, «Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР», публиковались и публикуются уставы всех общественных и кооперативных объединений, утверждаемых правительством. В архивных фондах местных Советов хранятся все утвержденные и зарегистрированные ими уставы объединений и кооперативов, а также колхозов.

§ 2. Документы представительных собраний, выборных учреждений и исполнительных органов массовых организаций трудящихся

Все массовые организации и общественные объединения построены на широких демократических началах. Демократические основы покоятся на широком участии их членов во всех выборных общественных организациях. Поэтому вопросу о выборах

в представительные учреждения, а также составу выборных органов исследователи уделяют большое внимание.

Высшие органы таких важнейших массовых организаций трудящихся, как профессиональные союзы и Коммунистический союз молодежи, строятся по принципу многоступенчатых выборов.

Представительными собраниями профсоюзов являются съезды и конференции профсоюзов. Делегаты избираются на основе пропорционального представительства, начиная с собраний низовых организаций. Высшими органами отраслевых союзов являются их съезды, которые рассматривают все важнейшие вопросы, касающиеся профсоюзной работы, в разрезе задач, стоящих перед отраслевым съездом. Отраслевые съезды избирают центральные комитеты. Материалы съездов отраслевых союзов, особенно их резолюции и решения, широко публикуются. Опубликованы протокольные записи и стенографические отчеты всех съездов профсоюзов, начиная с первого съезда, проходившего в 1918 г. Среди материалов выборных органов профсоюзов широко публикуются материалы пленумов, а также резолюции и решения Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и центральных комитетов отраслевых союзов.

Опубликованы протокольные записи и стенографические отчеты всех съездов Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, всех конференций ВЛКСМ, а также почти всех съездов и конференций коммунистического союза молодежи союзных республик. Публикуются все резолюции и решения высших органов комсомола. В архивах хранятся протокольные записи, а иногда стенографические отчеты конференций местных органов комсомола.

Высшими органами кооперативных организаций являются Собрания уполномоченных. Объясняется такая структура тем, что в кооперативных организациях, как правило, юридическими лицами, составляющими членский состав кооперативной системы, являются кооперативные союзы и центры, а также отдельные кооперативные коллективы. Кооперативные коллективы как юридические лица направляют своих уполномоченных от коллективов или организаций (союзов, центров) для учреждения кооперативной системы и создания центральных выборных органов (Учредительные собрания уполномоченных), а после их создания — для решения очередных вопросов развития кооперативной системы.

Собрания уполномоченных избирают Советы уполномоченных, которые являются высшими органами в период между Собраниями уполномоченных, а также ревизионные комиссии.

Основными документами Собраний уполномоченных являются стенографические отчеты и протоколы заседаний Собрания уполномоченных, резолюции и решения их, которыми руководствуются в своей деятельности все члены кооперативной системы.

Резолюции и решения сессий Совета уполномоченных публиковались в кооперативной печати, а также в отдельных изданиях.

Распорядительными органами, которые руководят непосредственной деятельностью кооперативной системы, являются правления, избранные сессией Совета. В своей текущей деятельности правления издают приказы, циркуляры и другие документы.

По такому принципу построены также республиканские и местные центры и союзы кооперативных систем, объединяющие непосредственно кооперативные коллективы, которые выступают в целом уже как юридические лица.

§ 3. Документы, освещающие ход выполнения решений, принятых массовыми организациями трудящихся

В процессе деятельности массовых организаций создаются специфические виды источников, которые свойственны данной организации.

Важнейшее значение имеют материалы профсоюзов, которые отражают различные стороны деятельности рабочего класса под руководством Коммунистической партии. Среди этих материалов следует выделить коллективные договоры. Коллективный договор представляет собой двухстороннее обязательство, заключаемое между коллективом рабочих в лице профсоюзной организации и администрацией. В восстановительный период коллективные договоры включали в основном вопросы о защите прав рабочих и не имели, по существу, пунктов о привлечении рабочих к активному участию в производстве. Такое положение было вполне допустимо для колдоговоров, заключаемых с имевшимися в то время частными предпринимателями.

Начиная с 30-х годов характер коллективного договора меняется: он включает в себя взаимные обязательства рабочего коллектива и администрации. Эта система сохранилась до настоящего времени.

Основными пунктами коллективного договора являются обязательства по выполнению государственного плана. Этой цели служат: организация массового социалистического соревнования, развертывание рационализации и изобретательства, принятие конкретных обязательств по внедрению в производство передовых методов труда и новой техники. Значительное место в договорах занимают обязательства социального характера — по охране труда, жилищному строительству, а также по улучшению культурно-бытового обслуживания рабочих. Коллективный договор становится тем центральным документом, вокруг которого происходит борьба за выполнение плана предприятий.

В связи с коллективным договором возникает целый ряд источников. Это прежде всего источники, появляющиеся в процессе проверки выполнения коллективных договоров по их переключению.

Коллективные договоры являются документами, которые позволяют проверить результаты выполнения обязательств, принятых

рабочим коллективом и администрацией. Поэтому они являются важнейшим источником при изучении истории рабочего класса. Они освещают развитие советского рабочего класса в непосредственной связи с его производственной деятельностью.

Тесно связана с коллективными договорами, хотя и возникла самостоятельно, другая обширная группа источников — материалы по социалистическому соревнованию.

Центральными документами здесь являются социалистический договор или обязательство. Социалистический договор предполагает организацию соревнования между определенными объектами. Участники соревнования заключают между собой договор, устанавливающий общие показатели, по которым будет происходить соревнование на период действия договора.

Социалистическое обязательство может предполагать вызов к соревнованию, но обязательно влечет заключение договора между объектами. Как правило, оно включает следующие основные вопросы: причины, условия или обстановка, побудившие данный коллектив или отдельных рабочих вступить в соревнование или принять социалистическое обязательство; конкретные пункты, обязательства, принятые на себя коллективом или отдельными рабочими; условия и порядок проверки социалистического договора или обязательства. Конкретные пункты устанавливают обязательства в области повышения производительности труда и снижения себестоимости, вопросы рационализации и изобретательства и т. п.

Существенные дополнения включены в социалистические обязательства бригад коммунистического труда, работающих и действующих согласно основному принципу: «Жить и работать коммунистически». Социальные обязательства бригад коммунистического труда наряду с производственными показателями содержат также пункты о взаимоотношении внутри коллектива, коммунистических формах общежития, поднятии культурного уровня и образования членов бригады.

В процессе социалистического соревнования возникает ряд источников: протоколы собраний трудящихся, посвященных принятию социалистических обязательств, материалы по текущему учету хода выполнения соревнования, материалы по проверке результатов социалистического соревнования. Все эти источники составляют единую группу, которая комплексно освещает принятие обязательств, ход и итоги их выполнения.

Творческая инициатива рабочего класса повседневно порождает различные виды документов. Одной из таких разновидностей являются листки по распространению и пропаганде опыта передовиков и новаторов производства, листки с пропагандой технических усовершенствований и рационализаторских предложений передовых рабочих и т. п.

В процессе развертывания движения бригад коммунистического труда возникла интересная форма учета, которая является новой разновидностью источников. Повсеместно в большом количестве

бригад возникла идея — составлять дневники бригад коммунистического труда, в которые производить записи не только о производственной деятельности бригады, но и об общественной работе ее членов, их бытовой и культурной жизни, о мыслях и делах бригады. Явившиеся порождением инициативы самих бригад, написанные для самих себя, дневники являются волнующим документом, повествующим о жизни, мыслях и отношении к современности со стороны самой передовой части рабочей молодежи.

Таким образом, материалы профсоюзов включают документы, всесторонне освещающие широкое развертывание творческой инициативы рабочего класса на всех этапах развития советского общества.

Значительное количество источников характеризует участие молодежи в социалистическом строительстве и в борьбе за построение коммунизма. Сюда входят сведения о роли молодежи в социалистическом соревновании, замечательных движениях молодежи в связи с новостройками первых пятилеток, с освоением целины, со строительством на Востоке и в Сибири и др. Без материалов комсомола невозможно подлинно научное изучение важнейших проблем развития советского общества.

Особое значение имеет изучение материалов кооперативных организаций до победы колхозного строя, когда кооперативные системы являлись звеньями ленинского кооперативного плана и должны были посредством обобществления различных сторон производственной деятельности крестьянских хозяйств последовательно подводить крестьянство к социалистической реконструкции сельского хозяйства. В соответствии с этим происходило развитие звеньев кооперации — потребительской, снабженческо-бытовой и производственной.

При изучении материалов кооперативных организаций, при всем их различии, следует выделить те, которые имеют особенно большое значение для раскрытия роли кооперации в социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Это материалы, характеризующие сеть кооперативной системы. Они состоят, с одной стороны, из сводных данных о распространении сети кооперативной системы, с другой стороны, из списочного состава всех кооперативных коллективов, которые входят в данную систему. В них учтены как универсальные, т. е. общие, так и специальные союзы по следующим разделам: наименование республики, области или округа, полное и сокращенное наименование союза, время организации и регистрации и адрес союза. Эти данные являются не просто справочными, они позволяют рассмотреть распространение, темпы развития и выделение отдельных систем сельскохозяйственной кооперации.

Другой вопрос, широко освещенный в материалах кооперативных систем, — социальный состав их членов, который должен учитываться по двум основным направлениям: с точки зрения членского состава кооператива и с точки зрения социальных

слоев, которые наиболее полно обслуживаются кооперативными системами.

Следующий вопрос, который должен привлечь внимание историка при изучении материалов кооперативных систем, — это процесс претворения в жизнь классовой политики партии и Советского государства. В основе классовой политики партии в деревне лежало марксистско-ленинское учение о всемерной поддержке бедняцко-среднеяцкой части деревни при ограничении и вытеснении кулацких элементов. Материалы кооперации позволяют изучить, как происходило осуществление политики партии в сфере материального производства доколхозной деревни. В общей своей массе эти материалы помогают представить как темы и особенности осуществления политики партии и правительства в деревне, так и результаты в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства.

В то же время необходимо критически изучать конкретные материалы о деятельности кооперативных организаций. Таким образом, материалы массовых организаций трудящихся требуют всестороннего изучения и оценки с тем, чтобы раскрыть процессы их развития и те основные направления, в которых происходила их деятельность в борьбе за мобилизацию масс на выполнение поставленных Коммунистической партией задач.

§ 4. Документы об итогах деятельности массовых организаций трудящихся

В массовых организациях трудящихся происходит составление как текущих и оперативных отчетных документов, так и документов, обобщающих их деятельность за определенный период. Они, как правило, хранятся в архивах, по имеются и опубликованные отчеты. Так, были опубликованы отчеты ВЦСПС к съездам профсоюзов под названием: «Отчет ВЦСПС. Апрель 1921 г. по апрель 1922 г.» (Пг., 1922); «Профессиональные союзы в СССР. 1922—1924 гг. Отчет ВЦСПС VI съезду профсоюзов» (М., 1924). Под тем же названием были изданы отчеты за 1924—1926 гг. к VII и VIII съездам профсоюзов.

В этих отчетах значительное место уделялось, во-первых, вопросам организационного строительства профсоюзов от центральных органов до предприятий; во-вторых, вопросам культурно-просветительной работы (в том числе работы клубов, библиотек, физкультуры и спорта и т. д.); в-третьих, тарифно-экономической работе профсоюзов (в том числе по вопросам заключения коллективных договоров, зарплаты, работы расценочно-конфликтных комиссий, социального страхования, борьбы с безработицей и т. д.).

Иной характер носит отчет к IX съезду профсоюзов, изданный под названием «Материалы к отчету ВЦСПС IX съезду профсоюзов» (М., 1932). В центре внимания в отчете стоят вопросы раз-

вертывания творческой инициативы рабочих в выполнении пятилетнего плана.

Основным вопросом в отчете становится борьба профсоюзов за выполнение промфинпланов на решающих участках социалистического строительства (борьба за металл, в частности за дополнительный выпуск миллиона тонн чугуна, уголь, транспорт, строительство Урало-Кузнецкого комбината и т. д.).

Отчет дает подробные сведения о развертывании социалистического соревнования и ударничества, борьбе за сменно-встречный план, внедрении хозрасчетных бригад, подробно освещает работу производственных совещаний. Большой раздел посвящен вопросам заработной платы, внедрению сдельщины, повышению квалификации рабочих, производительности труда и пр.

Отчет раскрывает перестройку культурной работы профсоюзов под лозунгом «лицом к производству», работу профсоюзов по ликвидации неграмотности, за всеобщее начальное обучение и т. д. Много места уделяет отчет помощи профсоюзов в социалистическом переустройстве деревни, шефской работе в деревне и т. д.

На указанных выше отчетах советских и профсоюзных организаций заканчивается публикация подобного рода отчетных материалов.

Отчетные материалы кооперативных организаций представлены довольно широко. Опубликованы отчеты Сельскосоюза. В этих отчетах дается обзор деятельности Сельскосоюза с данными о развитии сельскохозяйственной кооперации, о направлениях и результатах деятельности кооперативных систем, входивших в Сельскосоюз. Следует отметить значение отчетных материалов по колхозной кооперативной системе, в том числе Колхозцентра.

Опубликованы отчеты Центрального сельскохозяйственного банка о сельскохозяйственном кредите. Особенно большое значение имеют подробные годовые и поквартальные отчеты о результатах кредитования колхозов и крестьянских хозяйств по социальным группам. Для учета социального распределения кредитов крестьянских хозяйств производились специальные обследования, характеризующие классовый характер кредитной политики Советской власти в деревне.

Следует отметить и такого рода материалы, как специальные анкетные обследования о кредитовании крестьянских хозяйств. Они опубликованы в изданиях: «Опыт исследования эффективности сельскохозяйственного кредита (материалы анкетного обследования кредитования крестьянских хозяйств первичной сетью системы сельскохозяйственного кредита)» (М., 1927), «Социальное направление сельскохозяйственного кредита (данные динамического гнездового обследования ЦСУ в 1927 году)» (М., 1929) и др. Имеется много разработок в этом направлении, проведенных в отдельных районах по материалам местных обследований. Эти материалы дают наиболее эффективные показатели результатов осуществления кредитной политики в деревне через кредитную кооперацию.

К сожалению, отчетные материалы комсомола специально не публиковались. Основной материал отчетов ЦК ВЛКСМ, республиканских и местных организаций хранится в партархивах. Вместо отчетов были опубликованы различного рода сводные материалы типа «ВЛКСМ в цифрах» (М., 1949) и др., которые дают суммарные сведения о проделанной комсомолом работе.

Указанными выше источниками не ограничиваются материалы массовых организаций трудящихся. В главе рассмотрены только основные группы источников, специфические для общественных организаций. Но даже далеко не полный обзор основных видов источников массовых организаций трудящихся дает наглядное представление об их огромной важности для исторического исследования.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

**§ 1. Особенности статистических источников
советского периода
и основные приемы их анализа**

С первых месяцев своего существования Советская власть приступила к созданию системы государственной статистики, которая должна была стать органической частью государственного управления и планирования народного хозяйства. Без такой статистики было невозможно осуществить контроль и учет, который В. И. Ленин считал необходимым условием для организации социалистического производства и распределения, для ведения всей работы в рамках единого хозяйственного плана. Большое значение приобретало изучение социально-экономической структуры нового общественного строя и ее динамики. По инициативе В. И. Ленина летом 1918 г. было учреждено Центральное статистическое управление и определена программа его работ, создавалась система статистических учреждений по всей стране. На ЦСУ возлагалась обязанность проводить все виды статистических работ в советской республике и контролировать их проведение. В. И. Ленин писал, что ЦСУ должно быть «не «академическим» и не «независимым» органом..., а органом социалистического строительства, проверки, контроля, учета того, что надо социалистическому государству знать теперь, сейчас, в первую голову»¹.

Таким образом, в принципах организации и в деятельности советской статистики были заложены те ее особенности, которые решительно отличали ее от дореволюционной статистики, а именно:

— централизация всей статистической работы и создание единой государственной системы статистической службы;

— единство методологии и организации государственной и ведомственной статистики;

— тесная зависимость всей деятельности статистических органов от задач социалистического строительства, тесный контакт с плановыми органами;

— высокая достоверность и объективность материалов учета и статистических данных.

В ходе социалистического строительства статистика представляла обширные и все более достоверные данные, которые создавали статистическую основу для народнохозяйственного планирования, для контроля за ходом выполнения планов развития. Она давала необходимый материал для анализа социальной структуры советского общества на различных этапах, для выработки и обоснования политического курса КПСС. Обобщая передовой опыт

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 156.

и результаты хозяйственного и культурного строительства, статистика вместе с тем служит целям коммунистического воспитания советских людей.

Статистический учет охватывает многочисленные отрасли экономики и важнейшие общественные процессы в нашей стране (народонаселение, промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, торговля, финансы, жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, труд и заработная плата и т. д.). Из этого перечня в настоящей главе рассматривается статистика промышленности и сельского хозяйства, а также статистика рабочего класса и демографическая статистика. Характеристика этих материалов дает возможность ознакомиться с общими приемами анализа статистических источников советского времени.

Анализу статистического источника предшествует его критическая оценка. Целью критического разбора источника является установление степени его достоверности. Достоверность статистических данных зависит от нескольких причин: от цели и глубины исследования, его вида и организации, общего методологического уровня статистической науки, способов разработки первичных материалов. Критический анализ статистического источника следует начать с изучения организации статистического наблюдения. Это нужно для того, чтобы установить территорию и объекты учета, приемы отбора исследуемых единиц для определения типичности объектов, узнать о способах сбора и проверки получаемых сведений. Информация об организации обследований содержится в архивных документах или материалах, опубликованных в статистических изданиях («Вестник статистики», «Бюллетень ЦСУ», «Статистическое обозрение» и др.). Это могут быть записи выступлений и постановлений статистических конференций и совещаний, положения и инструкции. В 20-е годы статистические сборники, издаваемые ЦСУ, снабжались предисловиями, комментариями и таблицами, в которых давались сведения о методике и технике исследований и приемах разработки материалов.

При разработке и публикации статистических сведений чаще всего приводятся не все показатели, вошедшие в переписные бланки, а наиболее важные и обобщенные. Поэтому на основании инструкций и указаний следует установить порядок разработки первичных показателей и содержание разработочных таблиц. Такой подход позволит выяснить, какие из интересующих историка данных не вошли в разработку и для получения и обобщения которых надлежит обратиться к самим бланкам.

В решении вопроса о достоверности статистических материалов необходимо учитывать более поздние исследования и публикации, в которых могут содержаться поправки к прежним показателям.

Опыт показывает, что некритический подход к статистическим материалам часто приводит к многочисленным ошибкам. Так, например, статистические данные о развертывании социалистического соревнования в годы первой и второй пятилеток, особенно до стахановского движения, составлялись профсоюзными орга-

нами без достаточной проверки первичных материалов. Механическое, не основанное на строгом критическом анализе использование статистики профсоюзов может привести к искаженному представлению о размахе и динамике социалистического соревнования.

Профсоюзная перепись 1932/33 г. зарегистрировала 70—80% членов отраслевых профсоюзов. Это была самая массовая профсоюзная перепись из всех, которые проводились в годы Советской власти. На основе этой переписи нередко делаются попытки представить структуру и состав рабочего класса к концу первой пятилетки. При этом не учитывается, что перепись не охватила союз рабочих общего машиностроения, железнодорожников и работников общественного питания. Не представили материалов, хотя и провели переписи, республиканские объединения профсоюзов Узбекистана, Туркестана, Таджикистана, Закавказья. Программой переписи было предложено опросить и нечленов союза, но, как правило, их не опрашивали. Эти обстоятельства вызывали определенное смещение оценок состава рабочего класса СССР. Так, например, оказались заниженными данные о численности национальных отрядов рабочего класса.

Безусловным требованием анализа статистического материала является комплексный характер использования имеющихся данных. Нередко исследователи ограничиваются изучением и обработкой некоторых показателей. Для всестороннего изучения общественного явления этого недостаточно. Нужно использовать все имеющиеся данные и различные статистические источники, сопоставляя и обобщая почерпнутые из них сведения и применяя при этом в определенном сочетании различные методы обработки материалов соответствующих статистических наблюдений. Нарушение этого правила приводит к серьезным ошибкам. Так, изолированный анализ одного из показателей состояния крестьянского хозяйства может дать искаженную картину степени социальной дифференциации крестьянства. «Чтобы осмысленно взглянуть на разложение крестьянства, — писал В. И. Ленин, — надо взять все в целом: и аренду, и покупку земель, и машины, и заработки, и рост торгового земледелия, и наемный труд»¹. Или другой пример. В работах советских историков нередко приводятся данные о связи рабочих с землей. Но, взятые изолированно, в отрыве от других сведений, эти материалы дают искаженное представление о сущности явления. Так, например, по переписи 1918 г. около 16% рабочих Петрограда, занятые общественной работой или принимающие участие в управлении, отметили, что они имеют связь с землей. Но лишь 1,5% всех опрошенных рабочих-активистов заявили о том, что они принимают участие в полевых работах. Подавляющее большинство рабочих ответило, что их земля осталась «за миром». Таким образом, реальные связи с землей оказались значительно меньшими, чем можно было предположить на основании учета первого из указанных показателей.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 140.

При анализе статистических данных часто прибегают к методу сравнения. На основе статистических сопоставлений выявляются направления и определяются темпы развития явлений, показываются складывающиеся в нем характерные пропорции между различными частями изучаемого явления. При этом сопоставлять и сравнивать можно только то, что действительно сравнимо. Есть немало случаев, когда сопоставляются данные, полученные на основе несравнимых статистических наблюдений. Так, например, в одной из работ, посвященных истории рабочего класса Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания, приводятся сравнительные данные, полученные в ходе Всероссийской переписи 1897 г., городской переписи населения Петрограда 1910 г. и сведения по нескольким предприятиям Петрограда 1917 г. Причем предприятия эти не отражают отраслевой структуры индустрии Петрограда (взяты 3 машиностроительных завода и завод резиновых изделий «Треугольник»), а использованные списки рабочих не представительны даже для вошедших в подсчет предприятий¹. На основе таких несопоставимых данных делается попытка раскрыть характер изменений в составе рабочего класса столицы.

В отдельных случаях при анализе различных статистических сведений не учитываются территориальные изменения. Так, например, иногда приводятся сравнительные данные о размерах посевных площадей в дореволюционной России и накануне коллективизации сельского хозяйства. При этом делается вывод о сокращении посевных площадей. Это заключение не обосновано, так как территория СССР в 20-х годах была меньше территории дореволюционной России на 600 тыс. кв. километров.

Непременным условием сравнительного анализа статистических данных является выяснение методологии статистического изучения. В статистических публикациях отдельные данные за предшествующие периоды иногда изменяются вследствие введения новой методики их исчисления, в результате уточнения их величины или в целях достижения более полной их сопоставимости с другими аналогичными показателями.

Каждая из разновидностей статистических материалов, кроме общих принципов, требует специальных приемов критической оценки и анализа. О них будет идти речь при характеристике этих разновидностей.

§ 2. Статистика промышленности

Статистика промышленности позволяет проследить ход экономического развития СССР, создание материально-технической базы социализма и коммунизма. Статистические источники по промыш-

¹ См.: З. В. Степанов. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания (август — октябрь 1917 г.). М. — Л., 1965, стр. 40—41.

ленности можно разделить на две большие группы. К первой из них относятся материалы промышленных переписей, ко второй — данные текущей статистики.

Первая Всероссийская промышленная перепись выяснила состояние промышленности на 31 августа 1918 г. Были учтены предприятия обрабатывающей и добывающей промышленности, имеющие механический двигатель и не менее 16 рабочих, или не менее 30 рабочих при отсутствии механического двигателя.

В ходе проведения переписи собирались сведения о предприятии, его владельце, организации и управлении, администрации и техническом персонале, земельных угодьях и путях сообщения в пределах предприятия, техническом оборудовании, годовом потреблении топлива, сырья, полуфабрикатов, выработке изделий, финансовом состоянии и организации труда.

Программа переписи составлялась таким образом, чтобы выявить динамику развития промышленности с 1913 г. по август 1918 г. Переписью были охвачены 9750 цензовых предприятий 31 губернии европейской части страны. Полные итоги переписи были опубликованы в 1926 г. в трех выпусках «Трудов ЦСУ»¹. В публикацию вошли таблицы, характеризующие распределение предприятий по губерниям и группам производств, их обеспеченность двигателями, состав и число рабочих, среднюю продолжительность рабочего дня, валовую годовую выработку, потребление топлива и т. д.

К сожалению, многие важные вопросы промышленной переписи в свое время не были обобщены. К их числу относится бланк «Б» промышленной переписи «Организация управления». Бланк включал такие важные вопросы, как динамика национализации промышленности, время возникновения и состав органов рабочего контроля, пути формирования заводоуправлений на национализированных предприятиях.

В 1920 г. проводилась новая перепись промышленности.

Переписной бланк состоял из 12 вопросов: полное наименование заведения; фамилия владельца; местонахождение; главные вырабатываемые изделия; куда направлялась продукция для сбыта; сведения о помещении; число и состав работавших в заведении по полу, возрасту и состав работавших по положению в производстве; сведения о роде двигателей, их числе и мощности. При статистической обработке первичных материалов переписи ЦСУ сгруппировало данные по территориальному признаку и по группам производства². Впервые была сделана попытка выделить социальные секторы в промышленности. Однако кооперативная и частная промышленность были объединены вместе.

В декабре 1923 г. была проведена еще одна перепись промышленности. Программа этой переписи включала вопросы предшес

¹ См.: «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.» «Труды ЦСУ», т. 26, вып. 1, 2, 3. М., 1926.

² См.: «Труды ЦСУ», т. 3, вып. 1 и 8. М., 1921.

вующей переписи и, кроме того, сведения о налоговом обложении, мощности энергетического хозяйства и концентрации промышленности. В публикации итогов переписи¹ основные показатели состояния промышленного производства давались в группировках по территориальному признаку, роду производства и по социальным секторам.

С 1926 по 1930 г. переписи промышленности были заменены ежегодными обследованиями фабрик и заводов по так называемому бланку «Б». В этот бланк включались сведения о движении сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, выработке изделий, работе машин и орудий, об изменениях в оборудовании, состоянии энергетической базы предприятия, его энергетическом и топливном балансе и т. д.

Первое обследование цензовой промышленности по бланку «Б» было проведено в 1925/26 г. При публикации статистических данных о работе промышленности в 1925/26 г. была впервые введена новая классификация отраслевой структуры промышленности. Старое деление по производствам было заменено двумя основными экономическими группами: производство средств производства и производство средств потребления.

Начиная с 1930 г. статистика промышленности стала основываться на разработке годовых отчетов предприятий. Годовая отчетность включает в себя статистические и бухгалтерские формы. Наряду с обычными сведениями здесь содержатся данные о заключительном балансе по основной деятельности предприятия за год с приложениями, отчет о выполнении планов по выпуску валовой и товарной продукции, труду и зарплате, о себестоимости и реализации продукции, о прибылях и убытках предприятий и т. д.

Данные о работе промышленности начали публиковаться в статистических сборниках. Статистические итоги развития промышленности в конце 20-х — начале 30-х годов наиболее полно отражены в справочнике «Социалистическое строительство СССР» (М., 1936).

В 1956 г. был издан статистический справочник «Народное хозяйство СССР». Это издание стало ежегодным. Приводимые в справочнике «Народное хозяйство СССР в ... году» данные подробно характеризуют развитие технического прогресса, степень автоматизации и механизации производства, структуру и размещение основных производственных фондов, развитие промышленности, рост капиталовложений в строительство новых предприятий, а также некоторые экономические показатели работы промышленности (себестоимость промышленного производства, производительность труда, использование рабочего времени, форма оплаты труда и т. д.). Создается новая, более четкая классификация промышленных предприятий. Промышленность делится, с одной стороны, на добывающую и обрабатывающую, а с другой, — на тяжелую и легкую.

¹ См.: «Труды ЦСУ», т. 27, вып. 1 и 2. М., 1926.

В 1967 г. к 50-летию Советской власти ЦСУ был издан специальный справочник «Промышленность СССР», который на основании материалов промышленных переписей и текущей промышленной статистики дает наиболее полное представление об основных направлениях и итогах развития советской индустрии.

§ 3. Статистика рабочего класса

Первым по времени источником, который давал статистическую характеристику рабочего класса Советской России, является Всероссийская профессиональная перепись 1918 г. Программа переписи была разнообразной и включала вопросы о грамотности, материальном положении, жилищных условиях рабочих, связи рабочих с землей, их участии в работе общественных организаций и т. д.

Разработка материалов переписи затянулась на ряд лет. Итоги переписи публиковались в следующих изданиях: «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Предварительная сводка данных» (М., 1920); «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.». «Труды ЦСУ», т. 26, вып. 1 и 2 (М., 1926). К сожалению, в публикациях материалов переписи отсутствуют комбинационные таблицы, которые давали бы возможность проследить влияние различных факторов на социальную структуру и состав рабочего класса.

Перепись 1918 г. охватила те губернии, в которых в то время установилась Советская власть. На Украине, в большинстве губерний Урала, в Сибири перепись не проводилась. В итоге оказался завышенным процент текстильщиков в общей массе рабочих.

В период социалистической индустриализации вопрос о составе рабочего класса выдвинулся в число важнейших политических проблем. В апреле—мае 1929 г. по решению ВЦСПС по очень широкой программе проводится профсоюзная перепись рабочего класса. Были собраны сведения о занятии рабочих до прихода в промышленность, об их участии в империалистической и гражданской войнах, о стаже работы, социальном происхождении, связях с деревней и прочности этих связей, о квалификации, уровне профессиональной подготовки, грамотности и образовании, партийности и общественной активности, об уровне культурно-политического развития. Итоги переписи были сведены в комбинационные таблицы. Публикация содержала группировки по производственному стажу в сочетании с показателями о наличии собственного деревенского хозяйства, социальном происхождении, партийности и т. д.¹

¹ См. публикацию материалов профсоюзной переписи 1929 г. в следующих изданиях: «Труд в СССР в 1926—1930 гг.». Справочник. М., 1930; А. Г. Раши и. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Предварительные итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков 1929 г. М., 1930; «Перепись рабочих и служащих 1929 г.», т. I — «Металлисты СССР». М., 1930.

Перепись 1929 г. охватила лишь некоторые профессиональные союзы — металлостов, горнорабочих и текстильщиков. Тем не менее публикация ее итогов имеет огромное значение для характеристики рабочего класса в годы первой пятилетки.

В 1930—1931 г. была проведена перепись рабочих на ряде предприятий черной металлургии и машиностроения Москвы, Ленинграда, Украины и Урала. В 1930 г. состоялась выборочная перепись бумажников, кожевников, химиков, швейников, полиграфистов, деревообрабочиков, пищевиков, строителей, горнорабочих Донбасса, рабочих совхозов. Обследования 1930—1931 г. дополнили материалы переписи 1929 г.¹

В 1931 г. данные о новых пополнениях рабочего класса были собраны ВЦСПС по заявлениям о вступлении в профсоюз. Заявления эти наряду с обычными анкетными вопросами содержали вопросы о занятиях отца, членстве в колхозе, об общеобразовательной подготовке, о возрасте, с которого рабочий начал работать по найму, о предыдущем месте работы и т. д. За 1931 г. ВЦСПС собрал от местных комитетов и обработал свыше миллиона таких заявлений².

В 1932/33 г. проводилась сплошная профсоюзная перепись, в ходе которой были получены интересные сведения о почти полутора миллионах членов профессиональных союзов, дающие социально-политическую и производственную характеристику рабочего класса³.

Наряду с выборочными обследованиями рабочего класса проводились систематические наблюдения, характеризующие уровень материального благосостояния рабочего класса. Уже в мае 1918 г. было проведено первое обследование бюджетов населения Петрограда, а с мая 1918 г. по осень 1922 г. в различных районах страны — 15 единовременных обследований бюджетов рабочих и служащих.

С 1922 г. ЦСУ, Наркомат труда и ВЦСПС проводили регулярное обследование бюджетов рабочих и служащих на территории РСФСР и Украины в районах и городах с различным уровнем развития промышленности. С 1928 г. на всей территории СССР были организованы круглогодичные обследования бюджетов рабочих.

С середины 20-х годов систематически публиковались материалы учетов заработной платы. Они включались в региональные и центральные издания по статистике труда.

¹ Материалы этих выборочных статистических обследований опубликованы в следующих изданиях: «Бюллетень по учету труда. Итоги 1931 г.», М., 1932; «Труд в СССР», М., 1932; М. Т. Гольцман. Состав строительных рабочих СССР в годы первой пятилетки. По материалам профсоюзных переписей 1929—1932 гг. В кн.: «Изменения численности и состава советского рабочего класса», М., 1961.

² См.: «Состав новых миллионов членов профсоюзов», М., 1933.

³ См.: «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.», М., 1934; М. Т. Гольцман и Л. М. Коган. Старые и новые кадры пролетариата, М., 1934.

Особый интерес представляют подробные данные о развитии стахановского движения, которые приводились в статистических справочниках, издаваемых ВЦСПС в 1935—1940 гг.

В послевоенный период проводится регулярный профессиональный учет рабочего класса. В ходе его регистрируется стаж, возраст, уровень квалификации рабочих. Сравнительно узкая программа подобных статистических обследований ограничивает возможность их использования в исторических исследованиях. Материалы профессиональных учетов в значительной своей части публиковались в статистических справочниках «Народное хозяйство СССР в ... году».

Отсутствие в настоящее время социальной статистики такого типа, как переписи рабочих и служащих 20-х — первой половины 30-х годов, обуславливает необходимость проведения специальных конкретно-социологических исследований. Материалы социологических исследований представляют своеобразный исторический источник, который составлен исследователем по заранее намеченной им программе и характеризует различные стороны социального развития рабочего класса, советского крестьянства и интеллигенции. Конкретно-социологические исследования, как правило, носят выборочный характер, и их значимость для историка во многом определяется их представительностью.

Первичные материалы этих обследований, а также комбинационные таблицы, полученные в ходе их обработки, могут быть предметом исторического изучения.

§ 4. Статистика сельского хозяйства

В истории советской сельскохозяйственной статистики отчетливо выделяются два периода: один — до 1930 г., другой — с начала массовой коллективизации. В первом периоде происходило формирование системы сельскохозяйственной статистики, постепенно усваивалась ленинская методология и разрабатывалась методика. В последующее время основным становится статистическое изучение становления и развития социалистического строя в деревне и обобществленного сельскохозяйственного производства.

Данные о восстановлении и развитии производительных сил, о социальных процессах в советской деревне в 20-е годы содержатся в ряде сводных изданий¹.

¹ См.: «Народное хозяйство Союза ССР в цифрах», вып. 1924 и 1925 гг.; «Статистический справочник СССР», М., 1927, 1928; «Статистический справочник по народному хозяйству», вып. 1—4. М., 1923—1925; Статистические ежегодники за 1921, 1922, 1923 и 1924 гг. «Труды ЦСУ», т. VIII, вып. 3—6. М., 1925—1926; «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1927 гг.». М., 1927; «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.». М., 1927; «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928 гг.». Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партийной конференции. М., 1929; «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партсъездами». М., 1930.

Помещенные в них материалы получены в результате работ ЦСУ, а также из отчетов соответствующих наркоматов (НК земледелия РСФСР, НК финансов СССР и др.). Кроме того, в эти годы издавались статистические справочники по отдельным губерниям и областям, содержащие сведения по сельскому хозяйству.

В 1920 г. ЦСУ провело первую в стране сельскохозяйственную перепись, которой В. И. Ленин придавал большое значение. В задачу переписи в первую очередь входил учет производительных сил сельского хозяйства страны. Учитывались размер семьи, пол и возраст ее членов, полевые и приусадебные посеы, численность скота, сельскохозяйственный инвентарь, промыслы, хозяйства с наймом сроковых рабочих и др. Перепись отразила перемены в деревне, вызванные аграрной революцией, дала материал для характеристики экономического уровня деревни в конце гражданской войны и социальной структуры деревни. Итоги переписи 1920 г. стали исходным материалом для последующей статистической работы.

Основные публикации содержат сведения по 25 губерниям европейской части РСФСР (без Украины, Северного Кавказа и Закавказья). Сводные данные печатались в «Трудах ЦСУ»¹.

Наиболее распространенным видом статистического исследования в сельском хозяйстве являлись выборочные обследования. Будучи значительно дешевле сплошных, требуя меньше времени и меньшего числа обученных переписчиков, при соблюдении необходимой методики они позволяли получить нужные выводы. В. И. Ленин широко использовал материалы выборочных обследований в своих работах, специально занимался анализом типичности выборочных данных и рекомендовал ЦСУ проводить такие обследования.

В 20-е годы использовались два вида выборочных обследований: гнездовые, или динамические, и механические. Гнездовые обследования проводились ежегодно в течение 1921—1929 гг. (кроме 1928 г.) в одних и тех же типичных для данной зоны группах семей («гнездах») и семьях с охватом 3—3,5% крестьянских хозяйств. Их сущность состояла в том, чтобы проводить систематическое наблюдение за одной и той же группой хозяйств с целью обнаружения происходящих в них изменений. Обследования велись по широкой программе. При разработке гнездовых переписей было принято ошибочное деление на сохранившиеся, разделившиеся и слившиеся хозяйства; и только внутри этих групп хозяйства объединялись по экономическому признаку — размерам посева и величине семьи. В программу обследования включался учет основных элементов сельскохозяйственного производства (рабочая сила, посевная площадь, поголовье скота, наличие машин

¹ См.: «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г.». «Труды ЦСУ», т. 2, вып. 1—8. М., 1921—1923; «Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств». «Труды ЦСУ», т. 14, вып. 1—6. М., 1924—1926.

и орудий и т. д.) и экономических отношений (аренда земли, скота, инвентаря, наем рабочей силы, долговые обязательства и т. д.). Самым первым опытом такого рода явилась выборочная районно-гнездовая перепись 1919 г., материалы которой были изданы в сопоставлении с данными дореволюционной сельскохозяйственной переписи 1917 г. под названием «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г.» («Труды ЦСУ», т. VI, вып. 3. М., 1922). Полученные материалы были сведены в комбинационные таблицы по четырем признакам: размеру посевов, величине семьи, числу рабочих лошадей и числу коров. Несмотря на огромные трудности и на ряд дефектов (известный недоучет посевных площадей), перепись 1919 г. давала важные сведения для изучения социальной динамики в деревне, позволила установить тенденцию к осереднячиванию, к сокращению кулачества и беспосевных хозяйств.

Положительной стороной динамических переписей была детальность учета экономических факторов. Однако из-за недостаточного числа изучаемых хозяйств и самого способа отбора («гнезда») итоги динамических обследований не были достаточно типичными, особенно для крайних социальных групп.

Другим видом статистического изучения деревни были выборочные механические переписи, которые учитывали основные хозяйственные элементы — население, скот, посевы и инвентарь. Доля обследуемых хозяйств увеличивалась с 3% (в 1922 г.) до 10% (в 1926—1929 гг.), что обеспечивало представительность основных данных и позволяло делать выводы в масштабах целых районов. Разработки первичных материалов помещались в различных сборниках ЦСУ и в более подробном виде — в изданиях губернских статистических бюро. В 1930 г. вышла сводная публикация 10% выборочных обследований¹. В таблицах приводятся показатели численности крестьянских хозяйств, их состава, числа работников. В них помещены сведения о землепользовании, причем выделяется посевная площадь и ее распределение под виды культур и насаждений. Количество сельскохозяйственного инвентаря и машин дается с распределением по видам и стоимости. Детально анализируется численность рабочего и продуктивного скота и птицы. Цифры сведены в комбинационные таблицы, где группировка по посевной площади сочетается с группировкой по рабочему или продуктивному скоту и стоимости инвентаря.

При пользовании материалами как динамических, так и механических переписей необходимо иметь в виду, что группировка по размеру посевных площадей или по численности скота, принятая при их разработке, не тождественна классовой делению деревни. В. И. Ленин при анализе социальной структуры считал наиболее правильной группировку хозяйств по совокупности основных при-

¹ См.: «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923—1927 гг. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. и весенних выборочных 10% обследований по единоличным крестьянским хозяйствам за 1923—1927 гг.». М., 1930.

знаков и добавлял, что единственно научная группировка — по хозяйственной состоятельности дворов¹. Одним из решающих признаков капиталистического земледелия он называл применение наемного труда, считая группировку по земле «явно недостаточной», он в то же время делал общий вывод, что ее «нельзя считать совершенно непригодной. Не надо лишь никогда забывать, что она преуменьшает вытеснение мелкого производства крупным и преуменьшает тем сильнее, чем шире и быстрее развивается интенсификация земледелия...»². Надо учитывать и то, что уравнительное землепользование после Октябрьской революции еще больше сглаживало различия по размеру землепользования. Размеры посевов у различных социальных групп существенно разошлись по разным зонам страны.

В 1926—1927 гг. при осуществлении и разработке динамических и бюджетных обследований была использована схема социально-экономических группировок крестьянских хозяйств. В основе этой группировки лежали признаки экономической мощности хозяйств (стоимость средств производства, размеры дохода и пр.) в сочетании с признаками, характеризующими экономическую зависимость и эксплуатацию (наем-продажа рабочей силы, аренда земли и других средств производства, наличие промышленного предприятия, торгового заведения). Все крестьянство разделялось на четыре классовые группы: пролетарии (батраки), полупролетарии (бедняки), мелкие товаропроизводители (середняки) и мелкие капиталисты (кулаки).

Бюджетные обследования крестьянских хозяйств ставили целью изучить производственное состояние, социальное и экономическое положение крестьян-единоличников. Они проводились по детальной программе, предполагавшей составление общего баланса доходов и расходов каждого хозяйства. Крестьянские бюджеты давали наиболее полный материал для изучения доходности отдельной семьи и в среднем по группам. Программа обследования содержала изучение элементов самого хозяйства — землепользования, посевов, скотоводства, построек, сельскохозяйственного инвентаря и т. д. В нее входил годовой баланс рабочего времени, включая постоянных и временных работников, рыночный оборот в натуре и в денежной сумме, денежные доходы и расходы на хозяйство и личное потребление. В конце 20-х годов наряду с общепринятой группировкой хозяйств по посеву был проделан опыт группировки по величине их дохода. Чтобы избежать случайностей, для выбора объектов изучения в соответствии с имущественной группировкой волости или района проводилось сопоставление с материалами налогового учета, а при разработке данных — с выборочными обследованиями. В связи с повышенным уровнем исследованных хозяйств и с недоучетом батрацкой группы, которая, как правило, не включалась в обследование, средние показатели по

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 81—82.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 207.

посевным группам, полученные по бюджетному обследованию, отличаются от выборочного в сторону увеличения. По этой причине бюджетные данные, давая подробный и ценный материал для определения хозяйственного состояния деревни и в целом правильно определяя тенденции экономической и социальной динамики, были мало пригодны для заключения о социальной структуре села в целом, о соотношении классовых групп. В то же время с точки зрения историка работа над бюджетными данными может быть незаменимой для качественной характеристики хозяйственного строя деревни в целом и ее отдельных социальных групп, уровня доходов и потребления крестьян, для выяснения состояния сельскохозяйственного производства, уровня товарности и других проблем, тесно связанных с переходом к социалистическому переустройству сельского хозяйства в нашей стране¹.

Описанные обследования в сочетании с другими видами изучения села и текущей статистикой служили основанием для статистики посевных площадей, животноводства и сельскохозяйственного производства в 20-е годы. Соответствующие цифровые показатели помещены в общих статистических сборниках и справочниках. Уточненные показатели основных элементов сельскохозяйственного производства даются в сборниках «Социалистическое строительство СССР» (М., 1935), «Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г.» (М., 1936) и в современных изданиях ЦСУ.

Учет валовых сборов хлебов во многом опирался на статистику урожайности. Для изучения урожайности использовались волостные статистики и широкая сеть добровольных корреспондентов (около 60 тыс.) в сочетании с деятельностью уездных и волостных экспертных комиссий.

С переходом к сплошной коллективизации задачи сельскохозяйственной статистики существенно изменились. ЦСУ СССР было объединено с Госпланом. После 1930 г. основой всей системы стали не выборочные обследования, а текущий хозяйственный учет в социалистических предприятиях и их периодическая отчетность. Наибольшее значение приобрели годовые отчеты колхозов, совхозов, МТС, включавшие многочисленные финансовые и натуральные показатели. Учет в единоличных хозяйствах и в подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих осуществлялся путем переписей, выборочных обследований и т. п. Проводились единовременные переписи скота.

С переходом к сплошной коллективизации наблюдение за ее ходом, процессом организационно-хозяйственного укрепления колхозов, механизацией и строительством совхозов выдвинулось на первое место.

Процесс массовой коллективизации можно проследить по статистическим сборникам, которые выходили с середины 30-х годов.

¹ «Крестьянские бюджеты 1922/23 и 1923/24 гг.». «Труды ЦСУ». Отдел крестьянских бюджетов. Том XXXI. Вып. 1—3. М., 1927; «Крестьянские бюджеты 1924/25 гг.» М., 1928; «Крестьянские бюджеты 1925/26 гг.» М., 1929.

Сведения о коллективизации даются на лето соответствующего года. Для анализа развития колхозного движения с лета 1929 г. до середины 1930 г. важное значение имеют материалы сплошного учета колхозов на 1 мая 1930 г., опубликованные в виде статистического сборника «Колхозы в 1930 году. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б)» (М.—Л., 1931), а также использованные в издании «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами» (М., 1931).

По более узкой, чем в 1930 г., программе были обработаны рапорты-отчеты колхозов в 1931 г. («Колхозы весной 1931 года. Статистическая разработка отчетов колхозов об итогах весеннего сева 1931 г.». М.—Л., 1932). После 1931 ЦУНХУ и Наркомзем должны были отказаться от проведения сплошных обследований и переписи колхозов. Сведения об экономическом состоянии и хозяйственной деятельности колхозов получались посредством изучения их годовых отчетов. Для сравнительного анализа развития колхозной экономики в 1932—1933 гг. проводилась выборочная связанная динамическая разработка годовых отчетов 7,5% колхозов РСФСР, УССР и БССР, а в 1933—1934 гг. — более 6% колхозов страны. Разработка отчетов сопровождалась обследованием отобранных колхозов. В итоге удалось внести существенные коррективы в данные о состоянии материально-технической базы, о размерах валовых (амбарных) сборов зерновых в колхозах, численности скота в подсобном хозяйстве и получении хлеба из колхозов.

Материалы последующих статистических сборников и архивных фондов ЦСУ (ЦУНХУ), Наркомата земледелия (затем Министерства сельского хозяйства), Наркомата совхозов дают убедительную картину победы колхозного строя в советской деревне, последовательного развития материально-технической базы, организационно-хозяйственного укрепления колхозного строя, роста кадров работников сельского хозяйства, содержат данные об изменениях земельного фонда и посевных площадей. По ним прослеживается динамика общественного скотоводства и животноводства в целом, валовые сборы и выход продукции сельского хозяйства, государственные заготовки, доходы колхозников, основные элементы подсобного хозяйства. Публикация статистических сведений, прекращенная с конца 30-х годов, была возобновлена в 1956 г. с выходом статистического сборника «Народное хозяйство СССР». С 1957 г. стали выходить ежегодники «Народное хозяйство в ... году», а в 1960 и 1971 гг. были изданы сборники «Сельское хозяйство СССР». Важным недостатком этих публикаций является отсутствие в них комбинационных таблиц, затрудняющих исследовательский анализ.

В связи с остротой зерновой проблемы большое внимание уделялось определению урожайности зерновых. С 1933 г. прежнее определение собранного урожая уступило место его исчислению на корню и так называемому нормально-хозяйственному урожаю, а с 1947 г. — видовой, или биологической, урожайности. На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС была осуждена практика

оценки производства зерна и другой продукции по видовой урожайности, которая значительно превышала валовые сборы.

С 1954 г. органы ЦСУ вновь перешли к учету амбарного урожая. С 1958 г. в статистических сборниках стали публиковаться пересчитанные размеры валовых сборов хлебов в предвоенные и первые послевоенные годы.

С началом коллективизации статистика животноводства стала строиться на сплошных переписях при помощи учета скота во всех категориях хозяйств в сопоставлении с данными летнего налогового учета. Первая перепись скота была проведена по состоянию скота на 1 февраля 1932 г., и с 1935 г. переписи повторялись ежегодно по состоянию на 1 января (в 1953—1956 гг. — на 1 октября).

Крупнейшие перемены в экономике и во всем укладе жизни села в связи с утверждением колхозного строя вызвали новый подход к анализу крестьянских бюджетов. Бюджетным обследованиям после 1930 г. стали подвергать только хозяйства колхозников. Для обследования отбирались наиболее типичные хозяйства с помощью особых приемов. В 1932 г. ЦУНХУ изучало 6,5 тыс. хозяйств колхозников, а в 1952 г. — около 26 тыс. бюджетов колхозников. Результаты бюджетных обследований зафиксировали громадные изменения во всем образе жизни колхозного крестьянства: в способах получения дохода, в распределении рабочего времени, в культуре и в укладе быта. Бюджеты колхозников можно использовать для детального изучения благосостояния сельских жителей, распределения трудовых затрат членов семьи, изучения продуктивности подсобного хозяйства, доходов колхозников от общественного и личного хозяйства, реализации продукции, структуры расходов на хозяйственное и личное потребление, натуральных продаж и покупок и т. д. Они незаменимы для историка, изучающего социальный облик колхозного крестьянства.

В истории преобразования и развития сельского хозяйства особое место занимает его механизация. Создание новой энергетической и технической базы сельскохозяйственного производства является главным направлением повышения производительности труда, интенсификации производственных процессов, увеличения продукции и оказывает сильнейшее влияние на социальное развитие советской деревни.

В 20-е годы учет сельскохозяйственных машин и крупного инвентаря производился в ходе динамических и выборочных обследований. С переходом к коллективизации и в последующие годы уровень механизации устанавливался в основном по данным МТС, обобщенным в ведомственной отчетности, и путем учета тракторов, дополняемого несистематическими переписями машин и орудий. Сведения о количестве машин, их мощности, распределении их по территориям и видам сельскохозяйственных предприятий, объеме произведенной работы заключены в общих статистических изданиях. После реорганизации МТС учет сельскохозяйственной техники ведется по данным отчетов колхозов и совхозов.

§ 5. Общая демографическая статистика

К источникам по общей статистике населения относятся материалы всеобщих переписей населения, текущей демографической статистики и выборочных обследований.

Переписи населения характеризуются рядом специфических черт. В отличие от выборочных обследований они охватывают все население. Переписи преследуют цель не только установить численность населения, но также получить сведения о его составе.

Переписи проводятся поименно. Единицей обследования служит каждый человек. Иногда в переписи учитываются семьи или домохозяйство. Собираемые при проведении переписи сведения получают не из документов, а из непосредственного обращения к самому населению.

Переписи дают представление о населении на какой-либо точно установленный момент, который называется критическим моментом переписи.

В годы Советской власти было проведено несколько переписей населения — в 1920, 1923, 1926, 1939, 1959 и в 1970 гг.

Нетрудно заметить, что даты проведения переписей населения совпадают с определенными рубежами в истории Советского государства: окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике; завершение восстановительных процессов и переход к социалистической реконструкции народного хозяйства; построение в основном социалистического общества в СССР; переход к строительству коммунизма.

Каждая из переписей имела свою особую программу. Первая советская перепись населения была проведена по состоянию на 28 августа 1920 г. Инструментарий переписи для города и села был различен. В городах заполнялась подворная ведомость, квартирная карта и личный листок. Содержание подворной ведомости было значительно шире переписного бланка. Подворная ведомость была составлена таким образом, чтобы с ее помощью дать предварительный подсчет численности населения, выяснить рекомендации по благоустройству городов.

Личный листок — основной формуляр переписи 1920 г. — содержал 18 вопросов, позволяющих охарактеризовать население по полу, возрасту, национальности, родному языку, месту рождения, продолжительности проживания, семейному состоянию, грамотности, образованию, занятиям, положению в промысле, профессии, по наличию физических недостатков и психических заболеваний. Кроме того, в переписной бланк включались вопросы об участии в войнах 1914—1917 и 1918—1920 гг., о влиянии войны на связь с сельским хозяйством и изменение занятий, о способности к труду по своей профессии.

Перепись 1920 г. не могла охватить всех районов Советской России, но материалы ее, разработанные по широкой программе, дают достаточно полное представление о составе населения. Итоги этой переписи публиковались в 1920—1925 гг. в «Трудах ЦСУ».

В 1923 г. в связи с проведением новой экономической политики и перераспределением населения по отраслям труда потребовалась новая перепись населения с тем, чтобы получить характеристику населения СССР по ряду социально-производственных признаков. Перепись охватила только городское население по состоянию на 15 марта 1923 г.

Инструментарий переписи состоял из подворной ведомости, семейной карты, квартирной карты и личного листка. Подворная ведомость характеризовала занимаемую земельную площадь, число строений, принадлежность их. Семейная карта содержала список членов семьи с указанием отношения к главе семьи, пола, возраста и характеризовала состав населения по занятиям. В квартирной карте содержались вопросы о числе комнат, о числе жителей, о площади квартиры и т. д. Программа личного листка переписи 1923 г. была значительно уже программы личного листка в 1920 г. Она содержала следующие вопросы: пол, возраст, национальность, семейное положение, занятие, социальное положение и некоторые другие.

В декабре 1926 г. была проведена следующая перепись населения, которая характеризовала численность и состав населения на 17 декабря 1926 г. В ходе этой переписи заполнялись личный листок, семейная карта и владенная ведомость. Личный листок содержал следующие вопросы: пол, возраст, народность, родной язык, место рождения, продолжительность постоянного проживания, семейное состояние, грамотность, физические недостатки, психические заболевания, занятия, положение в занятии и отрасли труда, а для неимеющих занятий два вопроса об источнике и средствах существования. Ряд вопросов был предназначен для безработных. В городских поселениях на каждую семью составлялась семейная карта, с помощью которой изучался состав семьи и жилищные условия. Владенная ведомость заменяла применявшуюся при прежних переписях подворную ведомость и квартирные карты.

Материалы всеобщей переписи 1926 г. разрабатывались весьма тщательно. Только в 1933 г. была завершена публикация полных итогов переписи. Всего было опубликовано 56 томов. Издание было разбито на 7 отделов: народность, родной язык, возраст, грамотность; занятие; семейное состояние, место рождения, продолжительность проживания, физическое состояние; безработность; владение, строения, помещения в городах или городских поселениях; жилищные условия городского населения СССР; структура городской семьи.

Первый отдел дает детальную характеристику населения, он охватывает 1—17 тома, 17-й том — итоговый по СССР. Второй отдел также состоит из 17 томов (с 18-го по 34-й). Составители стремились представить классовую структуру населения как по основным отраслям хозяйства, так и по профессионально-демографическому признаку.

Переписной лист всеобщей переписи населения 1939 г. включал 16 вопросов, характеризующих отношение переписываемых

лиц к главе семьи, пол, возраст, национальность, родной язык, состояние в браке, гражданство, грамотность, образование, род занятий, место работы, принадлежность к той или иной общественной группе и др.

В отличие от переписи 1926 г. при проведении переписи 1939 г. в программу был включен вопрос об образовании, более четко фиксировались признаки, определяющие постоянное население, уточнены вопросы, характеризующие принадлежность к общественным группам. Впервые в истории проведения переписей населения был осуществлен сплошной контрольный обход всех жилых помещений для проверки правильности регистрации населения и выявления пропусков и двойных записей.

Краткие итоги переписи были опубликованы в 1940 г. Начавшаяся Великая Отечественная война помешала полной разработке материалов переписи. Некоторые сведения, полученные в ходе переписи населения в 1939 г., были использованы при разработке материалов переписи 1959 г.

Перепись населения 1959 г. зарегистрировала состояние населения на 15 января. По организационным и методологическим основам перепись 1959 г. была близка к переписи населения 1939 г., но имела и некоторые отличия. Был установлен единый срок длительности проведения переписи в сельских и городских поселениях — 8 дней. Уточнено распределение населения по общественным группам, значительно подробнее характеризовался уровень образования населения СССР. Переписной лист переписи 1959 г. включал вопросы об отношении к главе семьи, о временном проживании или временном отсутствии в момент переписи, о поле, возрасте, состоянии в браке, национальности, родном языке, гражданстве, образовании, названии учебного заведения (для учащихся), о месте работы, занятии, о другом источнике средств существования (для лиц, не имеющих занятия) и об общественной группе.

Материалы переписи 1959 г. опубликованы в 17-ти томах. Один том сводный по СССР, в остальных — материал сгруппирован по союзным республикам. В публикации материалов переписи подробно представлены такие вопросы, как численность, национальный состав, соотношение городского и сельского населения, уровень образования, принадлежность к той или иной социальной группе, распределение населения по отраслям народного хозяйства и т. д.

Программа переписи населения 1970 г. включала вопросы об отношении к главе семьи, о времени постоянного проживания, о поле, возрасте, пребывании в браке, национальности, родном языке, образовании, типе учебного заведения (для учащихся), источнике средств существования, месте работы, занятиях по месту работы (для пенсионеров прежнее основное занятие), для работавших в 1969 г. неполный год — о продолжительности работы в месяцах, о длительности проживания в данном населенном

пункте. Для живущих здесь менее 2-х лет место предыдущего постоянного жительства и причины перемены места жительства.

Перепись 1970 г. проводилась по значительно более широкой программе, чем в 1959 г. Подробнее даны группировки и по уровню образования, отдельно был выделен вопрос об источнике средств существования, включены новые вопросы, характеризующие миграцию населения.

Наряду с всеобщей переписью 1970 г. и одновременно с ней была проведена выборочная перепись, призванная охарактеризовать маятниковую миграцию населения с помощью бланка учета передвижения населения от места жительства до места работы или обучения.

Перепись населения — достаточно точный источник, характеризующий численность и состав населения на определенную дату. Однако историк не может ограничиться только материалами переписи. Это вызвано как длительностью промежутков между переписями, так и их сравнительно узкой программой. Вот почему неизбежно обращение к материалам текущей демографической статистики и выборочных обследований населения.

Текущая демографическая статистика регулярно регистрирует все данные о рождаемости и смертности. Регистрация родившихся производится по месту рождения ребенка или по месту жительства родителей не позднее месяца со дня рождения. Регистрация умершего производится в бюро загса поселковым или сельским Советом по месту жительства или по месту смерти. Случай смерти должен быть зарегистрирован в течение трех дней. Разработка данных о родившихся и умерших осуществляется ежемесячно и по программе годового отчета. Ежегодно осуществляется выборочная проверка правильности представляемых данных о рождаемости и смертности. В сельских местностях отбирается около 10% сельских Советов. В некоторых республиках проверяется 20% сельских Советов. Выборочные проверки данных текущей статистики о рождаемости и смертности показывают сравнительно большую точность этого вида источника.

Большое внимание текущая демографическая статистика уделяет миграции населения. Паспортная система в СССР с обязательной пропиской прибывающих на жительство и выпиской выходящих является источником статистических сведений о миграции населения. Прибывающий на новое место жительства должен быть зарегистрирован на адресном листке с отрывным талоном, а затем прописан. Отрывной талон предназначен специально для статистической разработки. Регулярно проводятся выборочные обследования правильности осуществления учета вновь прибывающего или выезжающего населения.

Таким образом, историки располагают многочисленными источниками, позволяющими судить о численности и движении населения как на даты проведения переписей, так и в период между ними.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

§ 1. Общая характеристика периодической печати

Среди исторических источников советской эпохи одно из важных мест принадлежит периодической печати. Значение периодики как исторического источника определяется той громадной ролью, которую играет партийно-советская печать в жизни общества, в борьбе за построение социализма и коммунизма.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции выдвинула насущнейшую проблему организации и широкого развития нового типа периодической печати. Опираясь на выводы и оценки К. Маркса и В. И. Ленина о месте и роли периодической печати в общественном движении и классовой борьбе, на исторический опыт и революционные традиции подпольной и легальной пролетарской печати, Коммунистическая партия и Советское правительство создали широкую сеть партийно-советской печати в нашей стране.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия имела 75 газет и журналов, в том числе 25 ежедневных газет. В октябре 1917 г. их общий тираж составлял 3,5 млн. экз. в неделю, около 600 тыс. в день. После победы революции особенно быстро росла сеть газет. В 1919 г. в стране выходило почти 1000 газет. Резко увеличился их тираж. В 1919 г. «Известия» ВЦИК выходили тиражом 452 тыс. экз., «Беднота» имела тираж 240 тыс., тираж «Правды» превышал 170 тыс. экз.¹

В годы мирного социалистического строительства развитие периодической печати приобретает массовый характер. В 1925 г. в СССР выходило 1120 газет разовым тиражом 8,07 млн. экз., в 1940 г. — 8806 газет разовым тиражом 38,4 млн., в 1967 г. — 7087 газет тиражом 119,8 млн. Высокими темпами растет выпуск журналов. В 1940 г. в СССР издавался 681 журнал годовым тиражом 197,8 млн. экз., а в 1966 г. — 1069 журналов тиражом 1439,2 млн. экз. Несмотря на развитие радио, телевидения и других массовых средств информации, роль газет и журналов в общественно-политической и духовной жизни страны возрастает.

Для оценки значения и роли прессы в жизни общества весьма показательны данные роста числа экземпляров газет на душу населения страны. В 1913 г. в России на 100 человек приходилось 2,1 экз. газет, в 1940 г. — 19,8, в 1960 г. — 32,0, в 1968 — 53 экз.

Чтобы ориентироваться во всем многообразии периодической печати, надо хорошо знать научно-библиографическую и справочную литературу. Основным источником информации о печати яв-

¹ См.: «Печать СССР за 50 лет». М., 1967, стр. 131, 132.

ляется государственная регистрационно-учетная библиография и другая научно-справочная литература, выпускаемая Всесоюзной книжной палатой. На первое место следует поставить библиографический указатель — «Летопись периодических изданий СССР». «Летопись» учитывает периодические издания, выходящие на территории Советского Союза. Она содержит о каждом учетном периодическом издании такие сведения: название, подзаголовок, наименование издающей организации, год и место издания, издательство (только для журналов), периодичность, тираж, язык, на котором издание печатается, и др. Полнота библиографического описания с годами возрастает, уточняются и принципы отбора материала. Ценная информация о партийно-советской печати содержится в справочниках: «Печать СССР. Статистические материалы», а также тематических статистических сборниках по культурному строительству. В них можно найти сводные сравнительные данные о количестве периодических изданий, вышедших в СССР, о разовом и годовом тираже, о выпуске газет и журналов на языках народов СССР и зарубежных стран, о периодичности и др.

Принципиальное значение для понимания роли, характера и закономерностей развития партийно-советской печати имеет вопрос о принципах ее классификации. В государственной библиографической регистрации и другой научно-справочной литературе в основу классификации периодических изданий положен ряд признаков.

1. Периодическая печать делится на три основных вида: а) газеты, б) журналы, в) «Труды», «Ученые записки», «Бюллетени» и другие издания различных научных и общественных учреждений и организаций.

На принципиальное различие между газетой и журналом указал В. И. Ленин в статье «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари»: «журнал должен служить преимущественно пропаганде, газета преимущественно агитации»¹.

2. По территориальному признаку периодические издания подразделяются на всесоюзные, республиканские, краевые, областные, городские, районные, низовые, так называемые многотиражки (газеты организаций, предприятий, учреждений, учебных заведений, колхозов, совхозов).

3. По издателю периодика делится на издания Коммунистической партии Советского Союза, издания советских государственных органов, профсоюзов, комсомола, научных учреждений и различных обществ.

4. По содержанию (основным тематическим разделам) в периодической печати выделяют общественно-политические и экономические, литературно-художественные и специальные, отраслевые издания.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 328.

5. По языку. В СССР периодические издания выходят: на русском языке, на языках народов СССР, на языках народов зарубежных стран. Подавляющее большинство газет в союзных и автономных республиках издается на коренном языке населения республики.

6. По периодичности. Периодичность определяется числом номеров в год. В СССР наблюдается повышение периодичности газет. Особенно быстро растет число газет периодичностью три раза в неделю.

Указанные принципы, положенные в основу классификации, характеризуют тип, характер, структуру партийно-советской печати, подчеркивают особенности и главные направления ее развития.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия для становления и развития печати нового типа, важнейшие принципы которой В. И. Ленин сформулировал еще в досоветский период.

Самым важным В. И. Ленин считал принцип классовости и партийности. В. И. Ленин подчеркивал, что периодическая печать является острейшим оружием классовой борьбы, центром и основой организации классовых сил, могучим средством воздействия на массы. Сила печати заключается в умении информировать общественность в интересах определенных классов, в тенденциозности информации. Определяющей чертой коммунистической партийности В. И. Ленин считал твердость и ясность идейной линии, открытую марксистскую направленность периодического органа.

Основным условием и гарантией проведения последовательно принципиальной линии и высокой идейности печати является партийное руководство печатью. Партийное руководство— фундамент силы и действенности партийно-советской прессы. Отступление, нарушение классово-партийного подхода в освещении тех или иных фактов и событий ослабляет силу и действенность печатного органа.

Главное призвание прессы заключается в том, чтобы беззаветно служить народу, твердо и смело выражать его мысли и чувства, волю и чаяния. Этот свой долг печать может выполнить лишь в том случае, если она предоставляет на своих страницах место своему читателю. После Октябрьской революции в письме в редакцию газеты «Экономическая жизнь» В. И. Ленин рекомендовал «завести сеть корреспондентов с мест, как коммунистов, так и беспартийных, и уделять больше места корреспонденциям с мест, с заводов, с рудников, с совхозов, с железнодорожных депо и мастерских и т. д.»¹. Принцип народности, массовости печати нашел свое конкретное выражение в рабселькоровском движении.

Одним из важнейших ленинских принципов печати является принцип правдивости. В. И. Ленин подчеркивал, что печать должна правдиво и грамотно, со знанием дела, живо и интересно инфор-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 113.

мировать трудящихся, показывать органическую всеобщую связь событий и явлений и их развитие в едином историческом процессе. «Надо говорить массам горькую правду просто, ясно, прямо...»¹, — указывал В. И. Ленин.

Ленинские принципы печати, взятые в неразрывном единстве, выражают сущность, дают наглядное представление о типе, характере партийно-советской прессы.

Партийно-советская печать прошла большой и сложный путь. Этапы ее становления и развития связаны с основными этапами истории советского общества. Характер процессов, происходивших в жизни общества, накладывал отпечаток на содержание партийно-советской печати. Рассмотрим общие вопросы становления печати в первые годы Советской власти, когда при непосредственном участии В. И. Ленина закладывались ее основы, разрабатывались задачи, программа перестройки ее деятельности в соответствии с требованиями диктатуры пролетариата.

Задачи и роль печати в условиях диктатуры пролетариата всесторонне обоснованы в таких трудах В. И. Ленина, как «Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти», «О характере наших газет», «Великий почин», «Об едином хозяйственном плане», в письмах в редакции газет «Правда», «Экономическая жизнь», «Известия» и др. Главную задачу партийно-советской прессы в период перехода от капитализма к социализму В. И. Ленин видел в воспитании масс «на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни...»². Для этого, подчеркивал В. И. Ленин, необходимо превратить партийную прессу из орудия мобилизации трудящихся масс на борьбу за свержение эксплуататорского строя в орудие социалистического строительства.

Таким образом, В. И. Ленин считал, что созидательные задачи в прессе должны выдвинуться на первый план. Вопросы создания социалистической экономики, новых экономических отношений, воспитания нового человека должны занимать доминирующее место в советских газетах и журналах. В. И. Ленин указал также пути и методы перестройки периодической печати. «Поменьше политической трескогни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это *новое*»³, — писал он в работе «О характере наших газет». Позднее в «Тезисах о производственной пропаганде» применительно к задачам мирного социалистического строительства В. И. Ленин уточнял и углублял программу перестройки партийно-советской прессы: «Главное место — единому хозяйственному плану, трудовому фронту, производственной пропаганде, обучению рабочих и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 291.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 91.

³ Там же.

крестьян управлять, проверке действительного осуществления законов и мероприятий советских учреждений и хозяйств, широкому и правильному обмену мнений с читателем-массовиком»¹.

Перестройка советской прессы была нацелена на укрепление и совершенствование форм и методов партийно-политического руководства печатью. Огромное значение имели постановления VIII съезда РКП(б) «О партийной и советской печати», XI съезда «О печати и пропаганде», XII съезда «По вопросам пропаганды, печати и агитации» и многие другие. Все эти постановления пронизывает ленинская мысль о том, что только крепкое партийно-политическое руководство сделает прессу могучим орудием пропаганды, агитации и организации, незаменимым средством воздействия на широкие массы.

На основе этих постановлений ЦК РКП(б) разработал и осуществил ряд мер, направленных на усиление партийного руководства печатью, на повышение ответственности партийных комитетов за ее содержание. В начале 1921 г. создаются подотделы печати при ЦК РКП(б) и местных комитетах партии, издается специальный журнал «Красная печать». Специальная комиссия ЦК РКП(б) выработала общий всероссийский план государственной сети газет и реорганизации провинциальной прессы. По постановлению XI съезда партии 5 мая 1922 г., в 10-летний юбилей «Правды», был проведен День печати, ставший традиционным.

Коммунистическая партия всемерно стимулировала развитие рабселькоровского движения. Для развития этого движения принципиальное значение имели решения XIII съезда партии и постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 июня 1925 г. «О рабселькоровском движении». В них было подчеркнута большое общественно-политическое значение движения рабселькоров, определены его организационные принципы и методы партийной работы среди рабочих и сельских корреспондентов. Рабселькоровские организации и кружки должны были строиться как добровольные, доступные для трудящихся объединения вокруг той или иной центральной, местной или стенной газеты. Принцип полной добровольности является главным принципом рабселькоровского движения. Было указано, что руководство работой рабочих и сельских корреспондентов — важнейший участок партийной работы. Журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент», который издается редакцией «Правды» с 1924 г. по инициативе М. И. Ульяновой, был признан ведущим органом в вопросах журналистики.

Огромное внимание рабселькорам уделял В. И. Ленин. С ними много работали, проявляли большую заботу, учили ленинизму М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Е. М. Ярославский и др. Большой вклад в развитие рабселькоровского движения внесла М. И. Ульянова. В течение многих лет она была главным редактором журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент», добрым другом и наставником рабкоров и селькоров. Боль-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 15.

шую работу с рабселькорами проводили М. Горький, В. Маяковский, Д. Бедный и другие писатели и журналисты.

Новый размах рабселькорского движения приобрело на современном этапе коммунистического строительства. Оно характеризуется быстрым ростом рядов рабочих и сельских корреспондентов, повышением их роли в общественной жизни страны. Для подъема этого движения большое значение имели принятые в последние годы постановления Коммунистической партии, направленные на усиление партийного руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов, развитие общественных начал в советской печати, повышение действенности выступлений прессы.

Ныне свыше 6,5 млн. рабочих, колхозников, интеллигенции активно сотрудничают в газетах и журналах, на радио и телевидении¹. В наши дни возникли и успешно развиваются коллективные, более действенные формы рабселькорского движения, такие, как «круглые столы читателей», «читательские клубы», общественные отделы и приемные, экономические и другие советы при редакциях. Получили дальнейшее развитие рабселькорские рейды и посты и другие традиционные формы этого движения.

Претворение в жизнь ленинских принципов печати и успешная деятельность прессы во многом зависит от источников информации. Информация должна быть точной, оперативной, грамотной, поучительной. Поэтому на заре Советской власти был создан единый аппарат государственной информации. В сентябре 1918 г. ВЦИК принял постановление о создании центрального информационного агентства РСФСР — РОСТА². Оно было создано на базе Петроградского телеграфного агентства. В июле 1925 г. было основано Телеграфное Агентство Советского Союза (ТАСС) при Совете Народных Комиссаров СССР. Главная задача ТАСС заключается в том, чтобы собирать и распространять широкую информацию и официальные документы о жизни в Советском Союзе, а также в зарубежных странах. ТАСС руководит деятельностью республиканских телеграфных агентств. Институт собственных корреспондентов и договорные отношения со многими телеграфными агентствами зарубежных стран — основной источник информации ТАСС. Через фотохронику ТАСС снабжает советскую печать и зарубежные страны снимками и готовыми клише. Поздняя информационная служба СССР была расширена. В июне 1941 г. было организовано Советское информационное бюро, в 1954 г. — управление радиоинформации при Министерстве культуры СССР и в апреле 1961 г. — Агентство печати «Новости» (АПН) — информационный орган советских общественных организаций. Это Агентство имеет корреспондентскую сеть в СССР, корреспондентские пункты в столицах крупнейших государств мира.

¹ См.: «Печать и строительство коммунизма». М., 1969, стр. 233.

² В январе 1935 г. РОСТА было ликвидировано, а его функции переданы ТАСС.

Кроме ТАСС и АПН, газеты получают широкую информацию от собственных корреспондентов как в нашей стране, так и за рубежом, а также от рабселькоров.

Эта система информационной службы создает хорошие условия для планомерной и целенаправленной деятельности партийно-советской печати, для распространения правдивой и оперативной информации о событиях и фактах в жизни нашей страны и за рубежом.

§ 2. Основные направления, приемы и методы источниковедческой работы с периодической печатью

В партийно-советской печати содержится громадный информационный материал, который представляет большой интерес для изучения истории советской эпохи. С какой бы целью исследователь ни обращался к прессе, одно остается неизменным: сначала надо определить наличие источников, необходимых для изучения истории периодической печати и источниковедческого анализа ее материалов.

Основными источниками являются комплекты газет и журналов за тот или иной период. Комплекты всех выходящих в СССР периодических изданий, в том числе и большинство многотиражных газет, хранятся в государственных и научных библиотеках страны.

Другой комплекс данных содержат материалы архивов редакций газет и журналов. Эти материалы хранятся в государственных и партийных центральных, республиканских и краевых архивах СССР. В фондах редакций газет и журналов отложились важные документы, освещающие планы, формы и методы организационно-массовой работы и другие стороны деятельности редакций. План дает представление об основных направлениях работы газеты или журнала, о ведущих темах и проблемах в тот или иной исторический период.

Особенно большой интерес представляют письма читателей в редакцию. По форме и по содержанию письма читателей самые разные. Это, во-первых, письма-отклики на выступления печати; во-вторых, письма, информирующие о работе партийных, советских и общественных организаций, о начинаниях передовиков производства, о том, где и как выполняется план, идет стройка и т. д.; в-третьих, письма-обращения к редакции с просьбой оказать содействие в решении того или иного вопроса. Редакционная почта позволяет определить мнение, отношение, разнообразные запросы и требования читателей к газете или журналу, понять истоки тех или иных тем в периодическом органе.

Огромное значение писем читателей состоит в том, что они дают возможность осветить взаимодействие печати и читателя. Знание взаимосвязи печати и читателя позволит лучше понять

значение периодической печати в коммунистическом строительстве, в формировании человека нового общества.

Кроме редакционной почты, важнейшим источником массовой информации являются материалы конкретно-социологических исследований состава и интересов читателей, которые получили особенно широкое распространение в последние годы. Они проводятся редакциями газет и журналов, учебными и научно-исследовательскими институтами. Краткие итоги этих исследований публикуются на страницах газет и журналов, а анкеты остаются в архивах редакций или научно-исследовательских институтов.

В архивах редакций газет и журналов хранятся ответы учреждений и организаций или частных лиц на критические выступления печати, а также подлинники статей, очерков, корреспонденций, заметок и т. д. Эти подлинники дают возможность сопоставить их с опубликованными материалами и установить характер внесенных редакцией исправлений, воссоздать историю, «биографию» статьи, очерка, заметки, осветить источники получения информации и формы работы редакции с поступившими материалами.

Ценную группу источников представляют документы и материалы тех партийных и государственных органов и организаций, которые осуществляют общее руководство периодической печатью в СССР, а также являются издателями. Принципиальное значение имеют решения и постановления съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии, постановления, инструкции, письма ЦК партии, декреты и постановления Советского правительства по вопросам печати. Директивно-нормативные документы и материалы по вопросам печати опубликованы в различных тематических сборниках: «О партийной и советской печати» (М., 1954), «История Советской печати в документах» (М., 1961), в «Справочниках партийного работника» и других изданиях.

Эти документы и материалы раскрывают политику Коммунистической партии и Советского правительства по отношению к печати, определяют ее принципы, характер и содержание. Они позволяют понять историческую обстановку, положение, значение и роль печати в строительстве социализма и коммунизма.

К этой группе источников можно отнести и обзоры периодической печати на страницах руководящих центральных органов, в частности газеты «Правда», журнала «Коммунист» и др. Эти обзоры публикуются в отделе «Критика и библиография» под разными названиями, но обычно имеют такие подзаголовки: «Журнальное обозрение», «По страницам журнала (ов)», «По страницам газеты (газет)...» и др. Обзоры печати представляют большой интерес для оценки деятельности периодических органов и содержания опубликованных материалов.

Большую ценность для изучения истории советской периодики и оценки качества ее материалов представляют статьи, письма, дневники, воспоминания и записки руководителей партии и правительства, рабочих и сельских корреспондентов, журналистов и ли

тераторов. Среди них следует назвать статьи, речи, беседы по вопросам печати М. И. Калинина, опубликованные в сборнике «М. И. Калинин о корреспондентах и корреспонденциях» (М., 1958); статьи, выступления, письма и заметки А. М. Горького, напечатанные в сборнике «М. Горький о печати» (М., 1962), и др.

Имеется довольно обширная литература о партийно-советской периодической печати. Большое внимание в ней уделено освещению ведущих тем, специфических форм и методов борьбы газет и журналов за построение социализма и коммунизма. В литературе дан общий обзор развития партийно-советской периодики, а также отдельных периодических органов. Интересной и содержательной работой по истории становления советской периодики является книга А. Л. Мишурина «Печать, рожденная Октябрем» (М., 1968). Богатый документальный материал позволил автору сделать интересные обобщения о закономерностях и особенностях развития советской печати. По истории советской журналистики представляют интерес «Очерки истории русской советской журналистики 1917—1932» (М., 1966), «Очерки истории русской советской журналистики 1933—1945» (М., 1968) и др. Что касается источниковедческих работ по печати, то их мало¹. Ознакомление как с общей, так и источниковедческой литературой по теме является необходимой предпосылкой успешного изучения периодической печати.

Исследование периодического органа в целом или его отдельных материалов предполагает изучение основополагающих документов, в частности трудов В. И. Ленина, решений и постановлений съездов, конференций и пленумов Центрального Комитета Коммунистической партии, законов и постановлений Советского правительства по вопросам печати. Изучение этих материалов поможет выработать правильный научно-исторический подход, приемы и методы источниковедческого анализа и принципиальную оценку опубликованных материалов, определить, насколько смысл и содержание периодического органа отвечает интересам рабочего класса, интересам строительства коммунизма.

Методика работы с материалами периодической печати зависит от темы исторического исследования. Здесь рассматриваются самые общие вопросы методики работы с прессой.

При любом подходе к прессе первоначально важно выяснить вопросы, касающиеся происхождения и истории периодических органов, в частности установить побудительные причины их издания. В СССР газеты и журналы издаются по постановлению Коммунистической партии и Советского правительства, профсоюзных, комсомольских и других организаций и учреждений. В этих поста-

¹ См.: М. Н. Черноморский. Периодическая печать. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1956; В. В. Фарсоби. Вопросы источниковедческого анализа центральных большевистских газет (март 1917—февраль 1918 г.). В сб.: «Источниковедение истории советского общества». М., 1964 и др.

новлениях обоснованы мотивы издания, определен его характер и программа. Представление о программе, характере периодического органа дают передовые и редакционные статьи, опубликованные обычно в первом номере газеты или журнала, а также состав редакций и их основные отделы.

Знание структуры редакционного аппарата помогает установить проблематику периодического органа, лучше ориентироваться в материале и более рационально организовать работы по его выявлению. Сама жизнь вносит поправки в структуру редакционного аппарата. Так, в 20-х годах в газетах и во многих журналах был введен отдел «Безработица», в котором освещалась работа бирж труда и другие вопросы, связанные с безработицей. С уничтожением безработицы надобность в этих отделах отпала.

По истории периодической печати в целом или отдельных органов, кроме общей литературы, обширный материал имеется непосредственно в газетах и журналах. Обычно в День печати в прессе публикуются статьи и обзоры, посвященные истории дореволюционной и советской печати, воспоминания и биографии работников и селькоров. Большой материал по истории партийно-советской печати содержится в журналах «Красная печать», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Селькор», «Советская печать», «Журналист».

Затем можно переходить к изучению материалов периодической печати. Если темой исследования является история печати или ее роль в строительстве социализма и коммунизма, то надо тщательно изучить и проанализировать весь комплекс материалов, опубликованных в одном или нескольких периодических изданиях. Когда же исследователь обращается к печати, чтобы найти в ней документы и материалы по той или иной проблеме истории советского общества, то прежде всего надо определить наличие в периодических органах необходимых материалов. Особое внимание следует обратить на тематику, приемы и методы, с помощью которых печать решала стоящие перед ней задачи, а также жанры, используемые для публикации информации. Это поможет определить, что нового внес тот или иной периодический орган в решение исследуемых вопросов. Жанры показывают научно-историческое значение опубликованной информации, а также степень эмоционального воздействия материалов.

Основными жанрами периодической печати являются передовые и редакционные статьи, авторские статьи, корреспонденции, очерки, репортажи, заметки, рецензии, фельетоны, обзоры и другие литературные формы. Жанры — категория историческая. Они возникли не сразу, а развивались по мере возрастания роли периодической печати в классовой борьбе, общественно-политической и идейной жизни общества.

Знание газетно-журнальных жанров дает возможность хорошо ориентироваться в материалах газет и журналов, а также более правильно оценивать их научно-историческое значение.

Злободневность газетного материала является одной из важных особенностей данного источника. Поэтому в партийно-советской прессе печатаются разнообразные документы: постановления и директивы КПСС, законы, указы, циркуляры, распоряжения Советского правительства, решения профсоюзных, комсомольских и других организаций как центральных, так и местных, заявления ТАСС, а также резолюции собраний трудящихся, обращения и договоры по социалистическому соревнованию и т. д. Хотя эти документы и материалы не являются специальной принадлежностью периодической печати, но именно они определяют лицо газет, характер и содержание опубликованной информации, подчеркивают ее актуальность.

Для более полного и эффективного использования возможностей периодической печати, для освещения тех или иных вопросов истории советского общества необходимо отработать систему, методику изучения ее материалов. Принципиальное значение в этом отношении имеет опыт исследования газетных материалов, заключенный в трудах В. И. Ленина. Классическим примером может служить работа В. И. Ленина «Великий почин». В основу этой работы положены сообщения газеты «Правда» о проведении коммунистических субботников. В. И. Ленин выявил и тщательно исследовал все материалы, опубликованные на страницах «Правды» по вопросу о коммунистических субботниках. Это позволило В. И. Ленину сделать вывод, что коммунистические субботники развиваются вглубь и вширь, что они не случайное явление, а закономерность, проявление и развитие новых тенденций отношения к труду, а также социалистической дисциплины.

Для успешного использования периодической печати как исторического источника необходимо, во-первых, фронтальное, тщательное изучение всех материалов, опубликованных в газетах и журналах, которые непосредственно относятся к тому или иному вопросу. Для этого надо выписывать материал целиком или наиболее существенные части, разделы статьи, корреспонденции, заметки с указанием автора, названия и даже жанра и рубрики. Во-вторых, выявленные факты должны обобщаться, систематизироваться, группироваться тематически. Систематизация материала позволит глубже изучить отдельные аспекты проблемы, определить главные направления поиска фактов и исследования того или иного вопроса.

Источниковедческий анализ газетно-журнального материала предполагает его сравнение с аналогичными материалами различных периодических изданий, а также других источников. Это необходимо для того, чтобы выяснить полноту и достоверность материала. При этом надо учитывать характер опубликованного материала. Если опубликованный материал носит критический характер, то для оценки его достоверности важным источником являются газеты и журналы, которые должны публиковать ответы на критику. Основные принципы отношения к критическим выступлениям партийно-советской печати были сформулированы еще

в резолюции VIII съезда РКП(б) «О партийно-советской печати». В ней записано: «Лица или учреждения, о действиях которых говорится в печати, обязаны в кратчайший срок дать на страницах той же газеты деловое фактическое опровержение или же указать об исправленных недостатках и ошибках. В случае, если такое опровержение или указание не появится, Революционный трибунал возбуждает дело против названных лиц или учреждений»¹. В 1962 г. ЦК КПСС снова принял специальное постановление «О повышении действенности выступлений советской печати». В соответствии с этим требованием партии на страницах газет публикуется информация о результатах, итогах критических выступлений. Эта информация публикуется под такими рубриками: «Нам отвечают», «По следам наших выступлений», «После того, как выступила газета», «После критики» и др. Подлинник ответа остается в архиве редакции. Наконец, ценным источником по этому вопросу являются документы и материалы партийных, советских, профсоюзных и других организаций, органов прокуратуры и государственного контроля.

Если материал позитивный, положительный, то следует учитывать не только цель его публикации, но и подход редакции к поставленным проблемам. Ведь сила воздействия положительного примера прямо связана с глубиной и качеством материала, его научной обоснованностью. Важно поэтому обратить внимание на то, как подан газетный материал, есть ли анализ опыта, оценка эффективности того или иного мероприятия, сравнение, сопоставление и выводы по затронутым вопросам. Такая аналитическая направленность материалов позволяет глубже понять научно-историческую ценность опубликованной информации. При изучении материала периодической печати необходимо учитывать реакцию, отклики общественности на опубликованные материалы, а также то, какие решения были приняты партийными, советскими и государственными организациями или учреждениями по вопросам, поднятым в печати.

При работе с периодикой следует принимать во внимание опровержения редакции на опубликованные материалы и исправления допущенных опечаток. Дело в том, что иногда на страницы газет и журналов из-за небрежности журналистов попадает недостоверный материал. В этих случаях после проверки редакция вынуждена давать опровержения о том, что факты, опубликованные в газете, не подтвердились.

Для успешного использования материалов периодической печати, особенно газет, крайне важно выяснить источники информации и знать авторов. В большинстве случаев автор и источник информации указаны в статье, заметке, корреспонденции. Однако в период острой классовой борьбы многие статьи и заметки рабочих и сельских корреспондентов давались без подписи или подни

¹ «Советская печать в документах». М., 1961, стр. 40.

сывались иносказательно. В этих случаях для расшифровки авторства можно использовать такие источники, как журнал «Красная печать», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Селькор», исторические обзоры печати, публикуемые на страницах газет и журналов, и другие материалы.

§ 3. Обзор основных групп партийно-советской печати

В декрете о печати от 10 ноября 1917 г. было подчеркнуто, что «буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии», что по своей силе оно не менее опасно для власти рабочих и крестьян, которая только что упрочивается, «чем бомбы и пулеметы»¹. Советское правительство закрыло сначала буржуазные газеты, а позднее за контрреволюционную деятельность — и мелкобуржуазную прессу. В стране стала создаваться новая сеть газет и журналов. Основными издателями партийно-советской печати выступают Коммунистическая партия Советского Союза, советские органы власти и управления, общественные организации, научные учреждения и различные общества. В СССР нет печати, издающейся частными издателями.

Печать Коммунистической партии Советского Союза. Периодические и другие издания КПСС составляют самую большую группу партийно-советской прессы. Партия издает как общие, так и отраслевые, специализированные издания, рассчитанные на различные категории читателей. Весь материал, публикуемый на страницах этой группы печати, подчинен одной цели: с разных сторон осветить вопросы теории, политики и практики КПСС, партийной жизни, всю многогранную деятельность партии по строительству социализма и коммунизма, опыт международного коммунистического и рабочего движения. В периодической печати КПСС, особенно в изданиях Центрального Комитета, большое внимание уделяется вопросам пропаганды, защиты и творческого развития марксизма-ленинизма, борьбы против ревизионизма и оппортунизма, за единство международного коммунистического и рабочего движения в борьбе за мир, демократию и социализм, а также проблемам партийного строительства. В печати этой группы полнее публикуются произведения и документы В. И. Ленина, документы и материалы руководящих органов партии (съездов, конференций, пленумов ЦК и др.), а также материалы о международном коммунистическом и рабочем движении.

Материалы, опубликованные в партийной печати, представляют огромный интерес для изучения истории советского общества, для понимания и объяснения руководящей роли партии в жизни Советского государства, ее влияния на ход общественного развития.

¹ «В. И. Ленин о печати». М., 1959, стр. 691.

Эти материалы служат для исследователя своеобразным компасом, который помогает правильно определить идейную направленность того или иного периодического органа, действительность, историческое значение опубликованных в советской печати документов. Особенно большое значение в этом отношении имеют издания ЦК КПСС.

Ветераном партийной печати является «Правда» — центральный орган партии. Тематика газеты охватывает все актуальнейшие вопросы теории, политики и практики Коммунистической партии, международного коммунистического и рабочего движения. Материалы «Правды», а также журналов «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Журналист», которые издаются при газете, имеют большое значение для понимания задач и оценки деятельности партийно-советской печати.

Коммунистические партии союзных республик СССР имеют свои центральные органы печати, а также широкую сеть периодических изданий. Так, центральным органом Коммунистической партии Украины является газета «Правда Украины», Коммунистической партии Узбекистана — «Правда Востока» и т. д. С 1956 г. ЦК КПСС издает специальную газету для РСФСР — «Советская Россия». Много периодических органов издают краевые, областные, окружные, городские и районные комитеты КПСС.

Огромное внимание Коммунистическая партия уделяла развитию массовой крестьянской печати. О характере, значении этой печати можно судить по таким изданиям ЦК КПСС, как газета «Беднота», «Крестьянская газета» и «Сельская жизнь».

Массовая ежедневная крестьянская газета «Беднота» выходила с 27 марта 1918 г. по 31 января 1931 г. Материалы газеты — ценный источник для изучения связи партии с широкими массами трудового крестьянства, форм и методов привлечения их к строительству новой жизни, производственной пропаганды, упрочения союза рабочего класса и крестьянства. Для изучения запросов, нужд, настроений трудящихся большой интерес представляют письма крестьян, которые занимали целые полосы этой газеты.

С 1 февраля 1931 г. «Беднота» слилась с газетой «Социалистическое земледелие». С апреля 1953 г. по апрель 1960 г. газета называлась «Сельское хозяйство». Материалы этой газеты представляют интерес для освещения вопросов коллективизации, деятельности сельских Советов, МТС, развития сельскохозяйственного производства и др. В апреле 1960 г. газета «Сельское хозяйство» была реорганизована в газету ЦК КПСС «Сельская жизнь». Эта газета имеет большое значение для изучения общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни деревни, работы сельских партийных организаций.

С ноября 1923 г. по февраль 1939 г. издавалась еженедельная популярная и доступная для крестьян «Крестьянская газета». Цель газеты — сблизить, сроднить крестьян с партией, Советской властью, рабочим классом, всесторонне освещать жизнь деревни.

кратко информировать ее тружеников о мировых событиях. «Крестьянская газета» сыграла большую роль в развитии сети крестьянской печати. При газете издавался ряд журналов: «Селькор», «Сам себе агроном», «Крестьянка», «Сельская молодежь» и др. По типу «Крестьянской газеты» издавались губернские и уездные крестьянские газеты.

Рабочую печать представляла массовая ежедневная газета ЦК РКП(б) «Рабочая газета», выходящая с 1 марта 1922 г. по 29 января 1932 г. Первоначально газета называлась «Рабочий». Материалы газеты помогают осветить опыт массово-политической работы партийных, профсоюзных, женских и других общественных организаций на фабриках и заводах, формы партийной и профессиональной учебы рабочего класса, положение и борьбу рабочих на частных предприятиях, восстановление и развитие государственной промышленности и другие вопросы.

«Экономическая газета» выходит с 1960 г. Сначала газета выходила ежедневно, а с августа 1961 г. стала еженедельником. Широкое освещение экономических проблем — главная задача газеты, сформулированная в постановлении ЦК КПСС «Об «Экономической газете».

Опыт работы промышленности в условиях новой системы планирования и экономического стимулирования, формы социалистического соревнования широко освещаются в ежедневной газете ЦК КПСС «Социалистическая индустрия» (выходит с 1969 г.).

Коммунистическая партия Советского Союза имеет широкую сеть журналов и изданий журнального типа, таких, как блокноты агитатора, бюллетени, сборники и т. д. Главным теоретическим и политическим журналом ЦК КПСС является журнал «Коммунист», который издается с апреля 1924 г. Большой интерес представляет критико-библиографический раздел журнала, в котором публикуются библиографические обзоры и рецензии на книги и журналы. Центральные комитеты коммунистических партий союзных республик издают свои теоретические и политические журналы: «Коммунист Украины», «Коммунист Белоруссии», «Коммунист Эстонии» и др.

Одним из первых журналов ЦК РКП(б) был журнал «Известия ЦК РКП(б)», созданный по решению VIII съезда партии. Первый номер вышел в мае 1919 г. В журнале печатались главным образом документальные материалы по вопросам партийного строительства. С ноября 1929 г. вместо этого журнала стал выходить журнал «Партийное строительство», в котором печатались статьи, заметки и другие материалы по вопросам теории и практики партийного строительства. С ноября 1946 г. взамен журнала «Партийное строительство» выходит журнал «Партийная жизнь», который продолжает линию своего предшественника.

Печать советских органов власти и управления. Главная цель этой печати — раскрывать роль, функции, задачи, наиболее характерные черты и особенности Советов как органов государственной

власти, их деятельность, смысл и содержание внутренней и внешней политики Советского государства. В центральных и республиканских периодических изданиях Советов публикуются документы и материалы высших органов власти, их президиумов и различных комиссий, постановления и распоряжения Советского правительства, законодательные акты и другие нормативные документы. В периодической печати Советов депутатов трудящихся и органов управления более широко освещается подготовка и проведение выборов в Советы, их итоги, деятельность депутатов, работа государственного аппарата, ход всенародного обсуждения конституций, проектов законов и основ законодательства СССР и союзных республик.

Эти материалы являются исключительно ценным источником для изучения вопросов советского и национального, хозяйственного и культурного строительства, работы центральных и местных органов государственной власти и управления, истории конституций и законодательства, участия масс в управлении государством, международных отношений и др.

Особенно большое значение в этом плане имеют «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» (издаются с 28 февраля 1917 г.). После победы Октябрьской революции «Известия» стали центральным органом Советской власти.

В первые годы Советской власти в республиках, губерниях, областях и уездах, а также больших городах издавались «Известия» местных Советов. Позднее большинство этих газет становится объединенными органами партийных комитетов и Советов. Например, «Московская правда» — орган МГК КПСС и Моссовета.

Одним из важных источников для изучения экономической политики Советского государства в переходный период от капитализма к социализму является «Экономическая жизнь», выходившая с ноября 1918 г. по ноябрь 1937 г. Ценными материалами являются извлечения из отчетов губернских и уездных экономических совещаний, приложения к «Экономической жизни», которые стали печататься по указанию В. И. Ленина, а также информация о деятельности СТО и Госплана.

Для изучения истории промышленности и торговли известный интерес представляет «Торгово-промышленная газета» (март 1922 г.), которая с 1930 г. стала называться «За индустриализацию». Главенствующая тема газеты — проблемы индустриализации. В 1937 г. газета стала называться «Индустрия» (выходила до октября 1940 г.).

«Красная звезда» выходит с января 1924 г. Материалы газеты представляют ценность для изучения истории Вооруженных Сил СССР, боевого опыта и ратных подвигов воинов в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Проблемы культуры широко освещают материалы газеты «Советская культура». Почти все министерства и ведомства вместе с отраслевыми профсоюзами также издают свои специальные газеты.

Кроме газет, органы Советской власти и управления издают большое количество отраслевых журналов, а также бюллетеней, вестников, известий и других изданий журнального типа. Назовем журналы «Власть Советов» (1917—1938), «Советское строительство» (1926—1937), «Советы депутатов трудящихся» (выходит с 1957 г.) и другие.

Печать советских профсоюзов. За годы Советской власти сложилась широкая сеть профсоюзной печати, пользующейся большой популярностью и авторитетом. Генеральная тема этой печати — советские профсоюзы, их место и роль, задачи и значение в борьбе за революционное переустройство общественных отношений в годы строительства социализма и коммунизма, а также их деятельность в международном профессиональном движении. Богатейший материал, помещенный на страницах этой печати, помогает раскрыть изменения в численности и составе профсоюзов, участие рабочего класса, всех трудящихся и управления производством, формы и методы трудовой и общественной активности, материальное положение и культурный уровень народа. Нельзя переоценить значение профсоюзной прессы и для обобщения опыта борьбы профсоюзов СССР за единство мирового профессионального движения в борьбе против империализма, за мир и социальный прогресс.

Особую ценность в этом плане имеет газета «Труд» — центральная газета советских профсоюзов, орган ВЦСПС, которая издается с февраля 1921 г. и освещает все стороны деятельности советских профсоюзов. Советские профсоюзы имеют ряд отраслевых специализированных газет, являющихся важным источником для изучения жизни и борьбы отраслевых отрядов рабочего класса и служащих СССР за построение социализма и коммунизма. Старшей отраслевой профсоюзной газетой является газета «Гудок».

Издаются также общепрофсоюзные и отраслевые производственные журналы. Центральным журналом ВЦСПС является журнал «Советские профсоюзы».

Комсомольская печать. Главное назначение комсомольской печати — показывать жизнь и деятельность комсомола, борьбу советской молодежи за построение социализма и коммунизма, за развитие международного революционного движения. Эта печать подробно освещает работу центральных и низовых комсомольских организаций, их участие в управлении производством, вопросы трудового, политического, интернационального и культурного воспитания молодежи, традиции и практический опыт партии по руководству комсомолом, политику Советского государства. Комсомольская печать уделяет большое внимание вопросам революционной борьбы молодежных организаций за рубежом, международной жизни и др.

«Комсомольская правда» — центральная газета комсомола, орган ЦК ВЛКСМ, выходит с мая 1925 г. Решение об издании руководящего органа комсомола состоялось на XIII съезде партии.

Старейшими комсомольскими газетами являются газеты «Московский комсомолец» — орган Московского областного комитета и МГК ВЛКСМ и «Смена» — орган Ленинградского обкома комсомола и ЛГК ВЛКСМ. Обе газеты выходят с декабря 1919 г. Для изучения истории комсомола много ценного материала дают республиканские молодежные газеты, издаваемые на русском и других языках народов СССР: «Молодежь Азербайджана», «Молодежь Эстонии» и др. Для разработки истории пионерского движения интересным источником является газета «Пионерская правда».

Комсомол издает 70 журналов для молодежи и детей. Среди них особенно популярны: «Молодой коммунист», «Смена», «Сельская молодежь», «Техника — молодежи», «Вокруг света», «Пионер», «Вожатый» и др.

Говоря о печати других общественных организаций, следует отметить, что крупными издателями советской прессы являются писательские организации, добровольные общества. Большую роль в литературно-художественной, общественно-политической жизни страны, в коммунистическом воспитании трудящихся играют такие издания Союза писателей СССР и РСФСР, как «Литературная газета», журналы «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь». Материалы газеты «Советский патриот» — орган ДОСААФ СССР — важный источник для изучения вопросов военно-патриотического воспитания трудящихся.

Академия наук СССР и Академии наук союзных республик и их научно-исследовательские отраслевые институты также имеют широкую сеть периодических и других изданий. В них освещаются главные направления и основные итоги научно-исследовательской работы этих научных учреждений страны. В «Вестниках», «Трудах», «Ученых записках» освещается научная работа университетов и других учебных заведений страны.

За годы Советской власти сложился особый тип низовых газет — многотиражек (газеты предприятий, организаций, учебных заведений, совхозов, колхозов и т. д.). В них освещается жизнь и деятельность производственных коллективов. Многотиражки — ценный источник для изучения истории фабрик и заводов, колхозов и совхозов, учебных заведений и других учреждений.

Историческая печать. Вместе с советской исторической наукой развивалась и историческая печать. Первостепенное значение в становлении сети этой печати принадлежит Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (Истпарт), учрежденной по инициативе В. И. Ленина в сентябре 1920 г. Среди истпартовских журналов, сыгравших большую роль в развитии исторической науки, следует назвать такие: «Пролетарская революция» — центральный руководящий журнал Истпарта, выходил в 1921—1941 гг.; «Красная летопись» — орган Ленинградского бюро Истпарта (1922—1937); «Летопись революции» — журнал по истории КП(б)У и Октябрьской революции на Украине, орган Истпарта Украины, выходил в 1922—1933 гг. на украинском и русском язы

ках. Опубликованные в этих журналах мемуарные источники, документы и другие материалы имеют большое значение для изучения истории Коммунистической партии, Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

Документальные материалы, особенно по внешней политике, истории Октябрьской революции и гражданской войны, широко публиковал журнал «Красный архив» (1922—1941).

Материалы по истории СССР печатались в сборниках «Исторический архив», выпускаемых сектором Института истории Академии наук СССР. С 1936 по 1954 г. вышло 10 сборников. С 1955 по 1962 г. выходил журнал «Исторический архив». В нем печатались документы по истории СССР, научные статьи по вопросам теории и практики архивного дела СССР и за рубежом, критико-библиографические обзоры и другие материалы.

Деятельность Общества историков-марксистов освещалась в журнале «Историк-марксист». За 1926—1941 гг. вышло 94 книжки. С целью распространения исторических знаний это Общество с марта 1931 г. издавало массовый научно-популярный журнал «Борьба классов». Традиции этого журнала продолжал «Исторический журнал», который выходил с 1936 г. В 1945 г. на базе «Исторического журнала» был создан ежемесячный научный журнал «Вопросы истории» — орган Отделения истории АН СССР и Министерства высшего и среднего специального образования. Проблемы отечественной истории освещаются в журнале «История СССР» — органе Института истории АН СССР. Выходит с 1956 г.

С июля 1957 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС издает научный журнал «Вопросы истории КПСС». «Военно-исторический журнал» разрабатывает вопросы военной истории. Кроме центральных, выходят и республиканские исторические журналы и издания журнального типа.

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ПЕРЕПИСКА

Сбор и публикация источников личного происхождения начались сразу же после Октябрьской революции. Планомерность и размах данная работа получила после образования Комиссии по истории РКП и Октябрьской революции (Истпарт).

До начала 30-х годов было собрано и опубликовано значительное число воспоминаний о В. И. Ленине, выдающихся деятелях Коммунистической партии и Советского государства (Ф. Э. Дзержинском, Я. М. Свердлове и др.), об Октябрьской революции и гражданской войне и т. д. Важное место в публикаторской деятельности занимали истпартовские журналы и сборники местных истпартов. Много материалов о мирном, созидательном труде советских людей было собрано в связи с подготовкой «Истории фабрик и заводов».

В следующий период (до середины 50-х годов) издание мемуаров и переписки сократилось. Основным сюжетом являлись события Великой Отечественной войны. Публиковались также воспоминания стахановцев, деятелей науки и культуры и т. д.

С середины 50-х годов публикация мемуарных и эпистолярных источников, особенно общественно-политической тематики, значительно расширяется. Из последних изданий выделяются пятитомная публикация «Воспоминаний о В. И. Ленине», воспоминания о Н. К. Крупской, М. И. Калининe, С. М. Кирове, Г. К. Орджоникидзе и др., многочисленные мемуары по Октябрьской революции и гражданской войне.

Появляются издания о мирном, созидательном труде советского народа как в довоенные, так и в послевоенные годы. Серии таких публикаций издает Политиздат («О жизни и о себе»), республиканские (издательство «Советская Россия» — «Рассказы бывалых людей») и местные издательства. Широкое распространение получили издания мемуаров и переписки деятелей литературы и науки, театра и кино. Важное значение имеет серия «Военные мемуары» Воениздата и публикации издательства «Наука» о второй мировой войне. В этих сериях представлены воспоминания многих видных советских военачальников. Больше публикуется дневников и переписки, хотя в целом их еще мало¹.

Представление о чрезвычайном богатстве мемуарной литературы дают имеющиеся библиографические указатели². Отсутствуют,

¹ Подробнее по этому вопросу см.: М. Н. Черноморский. Работа над мемуарами при изучении истории КПСС. Изд. 2-е. М., 1965, стр. 19—26; В. С. Голубцов. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970, стр. 8—36.

² См.: «История советского общества в воспоминаниях современников. 1917—1957 гг.». М., 1958; то же, вып. II, ч. I — «Журнальные публикации 1917—

к сожалению, аналогичные библиографии публикаций эпистолярного наследия. Между тем уже накоплено значительное количество изданий этих источников. Переписка А. М. Горького после Октябрьской революции имеется в двух томах его Собрания сочинений (тома 29, 30), в 70-м томе «Литературного наследства» и других изданиях. Значительное количество писем выдающихся деятелей партии и Советского государства, писателей, ученых опубликовано в собраниях сочинений, в исторических и литературно-художественных журналах и газетах.

Большое число мемуаров и писем хранится в различных фондах партийных и советских архивов (ЦПА, ЦГАОР, ЦГАНХ, ЦГАЛИ и др.).

§ 1. Значение мемуаров и переписки как источника по истории советского общества

Значение мемуаров и переписки определяется их местом среди других письменных источников. В конкретных исследованиях ценность источников личного происхождения не может быть одинаковой. Она зависит от темы и характера исследования, от обеспеченности документальными источниками и других обстоятельств.

По целому ряду вопросов мемуарные и эпистолярные источники служат единственным свидетельством. Особенно велико их значение в той части, которая обрисовывает духовный мир людей, что позволяет представить события как результат человеческой деятельности, уяснить, почему историческое событие приняло именно тот или иной поворот.

Известный советский историк М. Н. Покровский писал по этому поводу: «В особенности ценными являются всякого рода *воспоминания*, дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет с настроениями и представлениями, которых не было ни у кого в ту минуту, когда документ возник»¹.

Мемуары стахановцев 30-х годов (И. Гудова, М. Виноградовой, М. Изотова и др.), участников движения за коммунистический труд в 60-х годах (В. Гагановой и др.) позволяют восстановить не только фактическую сторону событий, но и побудительные мотивы их деятельности. Письма советских людей с фронтов Великой Отечественной войны ярко характеризуют истоки героизма воинов Советской Армии.

1927 гг.». М., 1961; то же, вып. II, ч. II — «Журнальные публикации 1928—1957 гг.». М., 1967. В этих указателях учтено более 4500 наименований (отдельные книги, неперIODические сборники, журналы) воспоминаний по истории советского общества.

¹ М. Н. Покровский и др. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967, стр. 559.

В. И. Ленин придавал огромное значение рабочим и крестьянским письмам. По свидетельству современника, он говорил: «Ведь это же подлинные человеческие документы! Ведь этого я не услышу ни в одном докладе!»¹.

Важное значение имеют источники личного происхождения при изучении жизни и деятельности исторических личностей. Создание полноценной научной биографии В. И. Ленина невозможно без исследования воспоминаний и переписки Н. К. Крупской и других его соратников и близких. А вот другой пример. Переписка А. А. Фадеева, помимо автобиографических сведений, дает обширный и незаменимый материал для понимания его творчества.

Переписка, ведущаяся в течение длительного времени, позволяет понять характер взаимоотношений авторов переписки. Письма В. И. Ленина к А. М. Горькому показывают, как внимательно и настойчиво разъяснял В. И. Ленин своеобразие политической обстановки в стране после Великой Октябрьской социалистической революции. В письме от 31 июля 1919 г. В. И. Ленин, отвечая на письмо А. М. Горького, писал: «Начинаете Вы с дизентерии и холеры; и сразу какое-то большое озлобление: «братство, равенство». Бессознательно, а выходит нечто вроде того, что коммунизм виноват — в нужде, нищете и болезнях осажденного города!»². Владимир Ильич подробно объяснял, какие обстоятельства вызвали подобные настроения у Горького и заключал письмо: «Не хочу навязываться с советами, а не могу не сказать: радикально измените обстановку, и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно»³.

Даже в тех случаях, когда в мемуарах и переписке встречаются факты, в целом известные из других источников, они не теряют самостоятельного значения. В них могут иметь место подробности, не встречающиеся в документах. Мемуарная и эпистолярная литература позволяет проверять сведения документальных материалов, а в ряде случаев уточнять их. Так, воспоминания М. В. Фофановой содержат ряд фактов, подтверждающих ее точку зрения о дате возвращения В. И. Ленина из Выборга в Петроград в сентябре 1917 г.⁴ М. В. Фофанова вспоминает, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская прибыли к ней на квартиру вечером в пятницу. Через два дня Н. К. Крупская ушла, но уже утром ближайшего понедельника вернулась, чтобы взять для редакции газеты «Рабочий путь» статью В. И. Ленина «Задачи революции».

Значение и ценность мемуарной и эпистолярной литературы определяется также сохранностью и степенью опубликованности других исторических источников. До их издания мемуары и

¹ В. А. Карпинский. Владимир Ильич Ленин. Вождь — товарищ — человек. М., 1966, стр. 33.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 24 (речь идет о Петрограде. — В. Г.).

³ Там же, стр. 27.

⁴ См.: М. В. Фофанова. Вместе 17-й год переживали. «Нева», 1969, № 2, стр. 176—178.

переписка могут являться единственным свидетельством о прошедших событиях. Названные в воспоминаниях и письмах источники могут быть иногда утрачены. Тогда мемуары и переписка становятся незаменимым материалом для исследователя.

Упоминание автором того или иного ценного исторического источника может привести к находке важных материалов. В воспоминаниях Л. А. Фотиевой был впервые введен в научный оборот и впоследствии опубликован уникальный источник — «Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина (21 ноября 1922 г. — 6 марта 1923 г.)»¹.

Значение и ценность мемуарной литературы непосредственно связаны с темой повествования, с осведомленностью автора, особенностями его видения и воспроизведения текущих и прошлых событий.

§ 2. Особенности и происхождение мемуарной и эпистолярной литературы

Главная особенность мемуаров и переписки — их субъективность. В описании фактов проявляются индивидуальные качества автора, его мировоззрение и политические взгляды. Связанная с этим специфика в изложении событий, в характеристике людей определяется как субъективность, т. е. личное мнение автора.

Различия в индивидуальных впечатлениях дают возможность расширить и обогатить представления об историческом событии, об известном деятеле. Н. К. Крупская отмечала по этому поводу: «Каждый вспоминает по-своему, но в общем получается нечто цельное»².

Многообразие впечатлений имеет место и в переписке. Содержание ее, как и воспоминаний, обуславливается ролью и непосредственным участием автора в событиях.

А. М. Горький, прочитав первую часть воспоминаний Н. К. Крупской о Ленине, отметил прежде всего общую тональность ее мемуаров: «Такая простая, милая и грустная книга». Чтение воспоминаний вызвало у Горького желание «сказать что-то, поделиться волнением, которое вызвали Ваши воспоминания»³. Далее он излагал свои впечатления о некоторых встречах и беседах с Владимиром Ильичем. В других письмах высказывались пожелания более подробного освещения жизни и деятельности В. И. Ленина.

В изложении авторов мемуаров и переписки сказывается фрагментарность, а в ряде случаев и односторонность наблюдений, связанные с их положением в событиях. В письме В. В. Вишневскому

¹ См.: «Вопросы истории КПСС», 1957, № 4, стр. 147—167; 1963, № 2, стр. 67—91.

² Сб.: «Рассказы рабочих о Ленине». М., 1934, стр. 5.

³ А. М. Горький. Собрание сочинений, т. 30. М., 1956, стр. 167.

А. М. Горький (3 апреля 1930 г.) отмечал известную односторонность его оценки некоторых литературных произведений: «Бабеля плохо прочитали и не поняли, вот в чем дело! Такие вещи, как ваша «Первая конная» и «Конармия», нельзя критиковать с высоты коня»¹.

Авторы мемуаров и переписки зачастую открыто заявляют о своих пристрастиях. В письме к О. Д. Форш (5 сентября 1926 г.) А. М. Горький писал: «Меня, слышал, упрекают, что неразборчиво хвалю. Возможно, что это так и есть, ибо частенько я хвалю для того, чтоб «поддержать», раздуть огонек, может быть вспыхнет пламя? Живу надеждой, вот-вот появится гений, столь необходимый нам сейчас. А художник особенно нуждается в друге»².

Мемуаристы, авторы писем не могут избавиться от субъективного описания событий, даже если они к этому стремятся. Пристрастность может проявляться в разнообразных формах: умолчание об известных событиях, «припоминание» несуществовавших фактов, нежелание высказать новое мнение о прошлом или, наоборот, модернизация прошлых фактов и т. п. Пристрастность проявляется также в отборе фактов.

Субъективность тесно связана и с целью создания источника, с отношением автора к происходящим событиям. В письме Дыбову (21 апреля 1956 г.), рецензировавшему первую часть повести И. Г. Эренбурга «Оттепель», А. А. Фадеев отмечал: «Вы очень умно и верно выявили и развили главную мысль этой повести — о необходимости всестороннего воспитания социалистических чувств, без чего получают «люди-полуфабрикаты» типа Журавлева, Пухова. Я совершенно согласен с Вами, что главной идеей этой повести нужно считать идею социалистического гуманизма. Вы детально разработали эту мысль на основе повести, и я совершенно согласен с Вами, что никто из критиков Эренбурга «не заметил» этой главной его мысли, поэтому критика повести получилась односторонней». Далее А. А. Фадеев указывал на причины некоторых недостатков этой повести И. Г. Эренбурга и предлагал дать оценку всей повести³.

В мемуарах воссоздается прошлое, могущее служить ориентиром в деятельности советских людей. При этом задача передачи традиций, способствующих успешному коммунистическому строительству, формулируется прямо и четко. Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов в предисловии к своим мемуарам писал: «Никакие годы не должны стереть в сознании советских людей память о героях Великой Отечественной войны, особенно о тех из них, кто отдал жизнь, защищая Родину. Мне выпало на долю быть очевидцем и непосредственным участником многих событий на различных фронтах. И вот я решил взяться за перо, чтобы

¹ «Литературное наследство», т. 70. М., 1963, стр. 48.

² Там же, стр. 584.

³ См.: А. Фадеев. Собр. соч., т. 7, М., 1971, стр. 564—567.

поведать о виденном и пережитом новому поколению советских людей (военных и невоенных), рассказать им о том, как сражались с гитлеровскими полчищами бойцы и командиры Красной Армии. В этом я вижу свою обязанность перед лицом моих товарищей по оружию»¹.

Воссоздание исторической действительности помогает разоблачать буржуазных фальсификаторов истории. И. М. Майский, являвшийся в 30-х годах послом СССР в Англии, поставил задачей разоблачить «фальшивую легенду о поведении Советского правительства в самый канун второй мировой войны»². Это назначение своих воспоминаний он подчеркнул в заглавии.

Когда автор пишет о прошедших событиях, то с течением времени оценка их может изменяться. В дневниках и в большинстве писем выражаются взгляды автора, имевшие место главным образом в момент описываемых событий. Знакомство с новыми фактами позволяет в ряде случаев автору изменить или уточнить старую точку зрения.

Иногда и в переписке автор отмечает эволюцию своих взглядов. Об этом свидетельствует, в частности, переписка А. А. Фадеева по поводу его незавершенного романа «Черная металлургия». В одном из писем (14 августа 1953 г.) он констатировал: «Теперь мне кажется, что я действительно пишу лучший мой роман»³. Прошло два года. Возвращаясь к той же теме, он отмечал в одном из писем (23 октября 1955 г.), что задумал роман в 1951—1952 гг., когда «многие вопросы стояли, вернее, выглядели по-иному, чем сегодня»⁴. А. А. Фадеев, объяснял далее, как изменилась его оценка событий в связи со ставшими ему известными новыми фактами.

В еще большей степени сказывается изменение взглядов автора в воспоминаниях. Поэтому мемуары характеризуют не только период, о котором повествует автор, но и время написания и их публикации.

Историческая обстановка всегда оказывает воздействие на автора. Историк должен определить формы и конкретные проявления влияния исторической обстановки на мемуариста и автора писем.

В дневниках и письмах это воздействие проявляется в сюжете повествования, в отборе фактов и соответственно в их интерпретации. Дневники не предназначены (во всяком случае в момент написания) для постороннего чтения, поэтому в них можно встретить более откровенное описание событий. Письма рассчитаны на конкретного читателя. Их содержание определяется не только автором, но и запросами адресата письма, их взаимоотношениями и т. п. Воспоминания чаще всего сразу же в момент написания адресованы к широкой читательской аудитории.

¹ С. С. Б р ю з о в. Когда гремели пушки. М., 1961, стр. 3.

² И. М. Майский. Кто помогал Гитлеру. (Из воспоминаний советского посла.) М., 1962, стр. 5.

³ А. Фадеев. Собр. соч., т. 7, стр. 367.

⁴ Там же, стр. 508—509.

Целевое назначение воспоминаний сказывается и при уточнении или изменении первоначальной гочки зрения мемуариста на прошедшие события. Результатом такой переоценки может явиться появление нового варианта воспоминаний, в которых прошлое осмысливается по-новому. Имеющиеся различные варианты воспоминаний автора на одну и ту же тему можно назвать их «редакциями».

Таковы, например, два варианта воспоминаний А. И. Верховского (1886—1941). Автор, кадровый офицер царской армии, после Февральской революции занимал крупные военные посты: был командующим Московским военным округом, а в сентябре—октябре 1917 г. — военным министром во Временном правительстве. После Октябрьской революции вступил на путь борьбы с Советской властью. В это время им был опубликован дневник «Россия на Голгофе». Затем А. И. Верховский был арестован, но впоследствии перешел на службу Советской власти в качестве военспеца. В 1937 г. он закончил переработку мемуаров, вышедших в свет в 1959 г. под названием «На трудном перевале».

В новом варианте воспоминаний А. И. Верховский рассматривал свой жизненный путь под другим углом зрения. По-новому оценивал он Октябрьскую революцию, видя ее положительное значение, и целый ряд других событий. Разумеется, и в данной «редакции» его мемуаров имеются определенные ошибки в оценке людей и исторических событий. Однако в целом второй вариант воспоминаний свидетельствует о глубоких изменениях во взглядах автора.

Наличие различных «редакций» воспоминаний может быть связано с местом и целью публикации: отдельное издание, журнал, газета. В последнем случае имеется меньше возможностей для освещения событий, поэтому наряду с подробным вариантом появляется сокращенная «редакция». Сюжет воспоминаний Г. К. Орджоникидзе «Ильич в июльские дни» и «Из воспоминаний о Владимире Ильиче»¹ один и тот же. Однако газетная публикация является сокращенным вариантом журнального издания. Сокращение достигнуто путем опущения некоторых существенных деталей, более суммарного описания исторической обстановки и т. д.

Основным источником переписки и мемуаров является память. Она аккумулирует человеческий опыт, сохраняет традиции — в этом ее достоинство. Воспроизводится по памяти в первую очередь то, что необходимо в человеческой деятельности, а это связано с процессами мышления, с целенаправленной деятельностью человека. Запоминается подчас не все существенное. На первый план могут выступать разрозненные или даже случайные факты. Этот недостаток памяти, усугубляемый с течением времени забыванием прошлого, может стать в ряде случаев источником ошибок. Однако ошибочность фактов, воспроизведенных по памяти, или

¹ См.: «Правда», 1924, 28 марта; «Молодая гвардия», 1924, № 2—3, стр. 81—84.

оценок событий может быть установлена не априорно, а только в результате критического анализа.

Стремясь избежать возможных ошибок и показать значение своих воспоминаний, автор подчас использует сведения из других источников и литературы. Положение автора в описываемых событиях во многом определяет сюжет его повествования. Разумеется, мемуарист и автор писем может касаться и других событий, по отношению к которым он был современником в узком смысле этого слова. Характер воспроизведения событий прошлого при этом несколько отличается от предыдущего.

В дневниках и письмах необходимость в подобных источниках почти не наблюдается. В каждом отдельном случае подобное использование разнообразных материалов заставляет задуматься над причиной и целью данного приема. Мемуаристы очень часто обращаются к другим источникам. Наибольший интерес представляют воспоминания, в которых приводятся неопубликованные или вообще неизвестные материалы.

Часто мемуаристы пишут воспоминания по имеющимся у них дневникам. Таковы, например, воспоминания Клары Цеткин о В. И. Ленине¹, воспоминания генерала армии А. Т. Стученко о Великой Отечественной войне² и многие другие. Материалом при написании воспоминаний может служить переписка, однако ее роль значительно меньше дневниковых записей.

Авторы воспоминаний могут использовать также данные периодической печати, воспоминания других лиц, различные документы и даже научные исследования. В мемуарах видных советских военачальников о Великой Отечественной войне широко используется неопубликованная военная документация. В подобных случаях важно то, как автор использует различные сведения.

Таким образом, в дневниках, переписке и особенно в воспоминаниях можно выделить впечатления очевидца — участника событий и их современника в узком смысле этого слова. Современник, не наблюдавший лично описываемых явлений, вынужден брать данные из письменных и других источников. Образуется исторический фон, который может включать в себя как изложение конкретных фактов и их обобщение, так и образное восприятие действительности. В дневниках и переписке это выражается преимущественно в эмоциональной форме. Для воспоминаний более характерно воспроизведение самих фактов. Исторический фон не является всесторонним исследованием событий. В предисловии к 3-й части своих воспоминаний Н. К. Крупская отмечала: «Этот фон не должен быть историей событий, это должен быть и может быть именно лишь фон»³.

Мемуаристы могут обращаться к ряду источников. Однако их повествования не являются исследованием (научным или научно-

¹ См.: Клара Цеткин. Воспоминания о Ленине. М., 1955, стр. 17.

² См.: А. Т. Стученко. Завидная наша судьба. Изд. 2, исправл. и дополн., М., 1968, стр. 3—4.

³ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, изд. 2. М., 1968, стр. 326.

популярным). В использовании источников, как и в воспроизведении личных впечатлений, нетрудно усмотреть проявления субъективности, тенденциозности автора. Поэтому неправы некоторые современные историки, считающие этот путь предохранением от возможных ошибок и неправильных оценок и добывающиеся превращения мемуаров в документированные повествования¹.

Различия в назначении мемуаров и переписки, неодинаковые условия образования и происхождения объясняют появление разновидностей и жанров мемуарной и эпистолярной литературы.

§ 3. Разновидности и жанры мемуарных и эпистолярных источников

В мемуарных источниках можно выделить дневники и собственно воспоминания.

Дневники — подневные записи мыслей и наблюдений автора в ходе событий. Круг впечатлений обычно ограничен тем, что автор видел, пережил. Дневники пишутся для личного употребления, но, разумеется, эти записи не бесцельны. В. Вишневский следующим образом охарактеризовал назначение своих дневников: «Наша задача: сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю гочку зрения-участников. Ведь через год, через десять лет с дистанции времен все будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения, оценка. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ. Наши ошибки и победы будут уроками для завтрашнего дня»².

В дневниковых записях часто можно встретить живые и яркие характеристики современников, менее вероятны ошибки и провалы памяти. Личный взгляд выражен без последующих наслоений.

Автор, повествуя о событиях, не может еще знать, чем они закончатся. Если же ему удалось наблюдать завершение определенного процесса, то мы можем сравнить его первоначальную точку зрения с теми взглядами, которые у него сложились в результате завершения определенных явлений. Читатель и историк благодаря этому могут проникнуть в лабораторию человеческой мысли, составить представление об общественных настроениях и их особенностях у того или иного автора.

Дневник военного корреспондента А. Полякова освещал события первого месяца войны и был опубликован в конце 1941 г. Автор ни минуты не сомневался в конечной победе над фашистской Германией. В горячке боев, пробиваясь с частями Красной Армии на восток из окружения, он не успевал глубоко осмыслить события тех дней. Мы не встретим в его записях обстоятельного анализа и

¹ Более подробное обоснование ошибочности оценки мемуаров как документированных повествований см.: М. Н. Черноморский. Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М., 1961, стр. 12—13; сб. «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1968, стр. 369—371.

² В. Вишневский. Собр. соч., т. 3. М., 1956, стр. 5.

раздумий о ходе войны. Корреспондент успевал записывать только то, что было связано с его непосредственной деятельностью.

Любопытно сравнить его записи по этому вопросу с дневником комсомолки-студентки Нины Костериной. Не находясь вначале лично на фронте, она выступает как современник-наблюдатель. В ее дневнике мы не найдем описания военных действий, наоборот, основной сюжет ее записок — рассуждения о характере и общем ходе войны, как он представлялся думающему современнику.

Специфика переживаемых событий накладывает серьезный отпечаток на содержание дневника. «В записях, которые я вел с первых дней Великой Отечественной войны, — отмечал адмирал А. Г. Головкин, — нет многого, с чем связано распространенное представление о дневнике. Нет потому, что я считал ненужным углубляться в область личного, интимного, в душевные переживания. Да и не хватало времени для таких записей»¹.

В дневниковых записях автор воспроизводит события, которые с его точки зрения целесообразно запечатлеть. Определенный отбор фактов имеет место и в данном случае. Перегруженный текущей работой мемуарист не всегда может выбрать время для изложения своих впечатлений. Зачастую записи отрывочны, ведутся не каждый день.

Подневные записи могут называться по-разному: дневник, записки, записные книжки. В некоторых случаях автор записывает только наблюдения и мысли, касающиеся своей профессии, творчества. Это уже не дневник в полном смысле, но и подобные записи помогают составить известное представление об их авторе.

Дневники редко охватывают весь жизненный путь автора, чаще они посвящены отдельным периодам. Но и в таком виде этот источник позволяет приоткрыть внутренний мир мемуариста, сделать изучение событий прошлого живым, эмоциональным.

Дневники известны в большей части по их публикациям. При этом неизбежны всякого рода изменения, сокращения текста и т. п. Примечания об этом встречаются почти во всех публикациях дневниковой литературы. Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков сообщал, что «при подготовке дневника к печати возникла необходимость уточнить некоторые даты и имена, дать более ясное и подробное изложение отдельных моментов и фактов»².

В процессе подготовки дневника к печати могут быть произведены изменения и дополнения в первоначальном тексте. Появляется название, разбивка на главы и разделы, которая обычно отсутствует в рукописном варианте. Основное внимание уделяется главному замыслу дневника, опускаются некоторые детали, побочные эпизоды, могут использоваться и сведения из других источников, дополняющих и развивающих мысли автора дневника.

¹ А. Г. Головкин. Вместе с флотом. М., 1960, стр. 5.

² Ф. И. Голиков. Красные орлы. М., 1959, стр. 5—6.

Содержание дневниковых записей при публикации может испытывать влияние целого комплекса обстоятельств (личность автора, историческая обстановка, цель публикации и т. п.). При подготовке к публикации дневники в той или иной степени начинают превращаться по существу в воспоминания. Важным отличием остается форма подневной записи.

Переписка. Много общего с дневниками у эпистолярной литературы. В большей части письма пишутся в ходе самих событий. Вместе с тем, являясь средством общения людей, переписка выполняет более широкие функции. Адресатом может быть как отдельное лицо, так и более широкий круг лиц. Разнообразие назначений переписки объясняет появление ее разновидностей и различных жанров. В данном случае рассматривается только личная переписка.

Личная переписка заменяет устное общение. Сюжет писем определяется интересами корреспондентов, степенью их близости, целью переписки. Обычно это обмен мнениями по определенным вопросам. В этой разновидности переписки ярко вырисовывается облик автора, его мировоззрение в целом и мнения по частным вопросам, отражаются его мысли о текущих событиях и т. п.

Письма А. А. Фадеева дают представление о человеке, беспредельно преданном идее коммунизма. Они вскрывают также сложности и конфликты в жизни и деятельности этого известного советского писателя. В одном из писем к старейшей коммунистке Р. С. Землячке (декабрь 1929 г.) он писал, в частности, о противоречии, складывавшемся в его жизни. Автор объяснял это обстоятельство «все возраставшим и все более мучившим меня противоречием между желанием, *органической потребностью писать*, сознанием, что *в этом* состоит мой долг, и той литературно-общественной нагрузкой, которая не дает возможности писать и от которой никак нельзя избавиться»¹.

Переписка ярко свидетельствует об общественных интересах и взглядах ее автора. Так, А. А. Фадеев обращался к своему другу, кинорежиссеру Э. И. Шуб с настойчивым пожеланием и предложением как можно скорее закончить написание воспоминаний. В одном из писем к ней (24 ноября 1955 г.) он писал: «Много раз мысленно возвращался к работе твоей, думая, как она сейчас нужна, нужна новым поколениям в искусстве, которые всего этого не знают...». Фадеев отмечал далее, что эта книга будет важна в борьбе с догматизмом и другими извращениями в искусстве, а также в воспитании новых поколений, которые «душу имеют добрую, тоже ищут, и надо им рассказать о людях, для которых искусство было и есть любовь и подвижничество»².

Многие письма связаны с профессиональным занятием их автора. Переписка А. А. Фадеева с родителями молодого гвардейцев и читателями его замечательного романа посвящена объяснению

¹ Александр Фадеев. Письма. 1916—1956. М., 1967, стр. 52.

² Эсфирь Шуб. Жизнь моя — кинематограф. М., 1972, стр. 415.

ряда обстоятельств написания, а затем и переработки «Молодой гвардии». В частности, А. А. Фадеев настойчиво отвергал попытку приравнять его роман к историческому исследованию, где не может быть места художественному обобщению.

Переписка может служить источником и для выяснения биографии их автора. Касаясь прошлого, письма могут приобретать характер воспоминаний. Большое число писем А. А. Фадеева к товарищам по партизанской борьбе на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг., к другу юности А. Ф. Колесниковой имеет характер автобиографических воспоминаний. Появляется жанр писем «воспоминаний».

Иногда письма становятся своеобразными завещаниями. Таково большинство писем подпольщиков, замученных в гитлеровских застенках. Некоторые такие письма дошли до нас в виде надписей, выцарапанных на стене тюремных камер.

Эпистолярные источники весьма разнообразны по тематике и по жанрам. По содержанию письма могут касаться многих вопросов общественной, государственной, научной и других видов деятельности авторов.

Личная переписка исполняет в ряде случаев информативные функции. Значимость этой информации зависит от сюжета и умения автора описать определенное событие. Например, письмо делегата II Всероссийского съезда Советов М. Жакова к одному из руководителей ростовских большевиков С. Васильченко (25 октября 1917 г.) повествует о событиях в Петрограде 24—25 октября. Автор подробно излагает наблюдаемые им события, приводит запись некоторых важных заседаний, в частности большевистской фракции II съезда Советов, характеризует позицию ряда руководителей большевиков того времени и т. п. Ценность подобного письма «информации» возрастает в связи с тем, что сохранилось весьма мало материалов тех дней, а протоколы большевистской фракции II съезда Советов вообще не найдены.

В письмах можно встретить отзывы о книгах и т. д. Например, письмо Н. К. Крупской к М. С. Шагинян (апрель 1927 г.)¹ является фактически отзывом на ее книгу «Фабрика Торнтон».

Таким образом, в личной переписке выделяется ряд жанров. Форма письма тем самым зависит от его сюжета и назначения.

При определении характера источника анализ его содержания должен производиться с учетом его формы. Интересным примером в этом отношении является письмо А. А. Фадеева к В. А. Герасимовой (8 мая 1925 г.). Это письмо, подвергшееся определенным сокращениям, было опубликовано в 1957 г. как рассказ «О любви»². Позднейшая полная публикация позволила читателям увидеть, что это не литературное произведение, а письмо А. А. Фадеева к близкому для него в то время человеку.

¹ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. II. М., 1963, стр. 279—280.

² А. Фадеев. Письма. 1916—1956, стр. 19—24, 697.

Переписка по своим разновидностям и жанрам, по различным напластованиям — источник более сложный и разнообразный, нежели дневники. Эпистолярная литература соприкасается и граничит со многими видами источников, заимствуя целый ряд особенностей в связи с многообразием выполняемых ею функций. Она примыкает к дневникам по времени воспроизводимых событий, по тематике. В то же время письма очень близки к воспоминаниям.

Воспоминания — воспроизведение событий прошлого в том виде, как они запомнились их участнику, современнику. Они пишутся по истечении определенного срока. Автор имеет возможность оценивать прошлое, зная уже, чем завершились события. С течением времени взгляды участника-современника могут изменяться. Благодаря этому в воспоминаниях совмещаются подчас как первоначальные впечатления, так и более поздние взгляды.

Важное значение для понимания специфики воспоминаний имеет определение их цели, назначения. Они рассчитаны на широкую читательскую аудиторию. Поэтому воспоминания выполняют общественно-воспитательную функцию. В воспоминаниях эта специфика выражается в отборе фактов, интерпретации прошлого, в стремлении осмыслить прошлое со своей личной точки зрения.

Наиболее распространены воспоминания, посвященные отдельным конкретным событиям. В советскую эпоху возникли новые возможности для написания и публикации воспоминаний, значительно расширился круг мемуаристов, в который вошло огромное количество рядовых работников, воинов и тружеников. Эти воспоминания появляются преимущественно в связи с памятными датами (например, годовщины Октябрьской революции, разгрома гитлеровской Германии, рождения В. И. Ленина и т. д.). При создании таких воспоминаний автор пользуется главным образом своими личными наблюдениями. Подобные мемуары выступают иногда в виде воспоминания-очерка, написанного участником или современником событий прошлого.

В зависимости от сюжета воспоминаний могут возникать различные жанры. Наиболее распространены два жанра мемуарной литературы. Когда человек пишет о своей жизни, о своих товарищах, появляется автобиографический жанр. Таковы, например, воспоминания Е. Д. Стасовой¹. В них в большей степени преобладают личные наблюдения участника — очевидца событий. Исторический фон, как правило, в таких воспоминаниях не играет существенной роли.

Автор автобиографических воспоминаний может расширить исторический фон своих мемуаров. Сюжет заставляет мемуариста обращаться к некоторым историческим источникам, чтобы воссоздать общую характеристику времени, изложить некоторые общие вопросы. Крупный советский ученый, академик А. М. Терпигорев (1873—1961) в заключении к своим мемуарам отмечал: «Прочитав эти записки, я призадумался. Что это такое — воспоминания

¹ См.: Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы. М., 1957.

или основанный на личных впечатлениях очерк развития русского, советского горного дела, преимущественно Донбасса? Думаю, что это нечто среднее, сочетание того и другого»¹. Как видно, когда автор старается расширить рамки повествования, появляется более или менее значительный исторический фон. Автобиографическое повествование дополняется элементами очерка, в котором мемуарист не претендует на всестороннее исследование событий.

Биографические жизнеописания характеризуются широким историческим фоном. Пишут их родные, близкие или соратники. Не имея возможности видеть все лично, они наряду с личными наблюдениями используют разнообразные источники и даже литературу, чтобы воссоздать более или менее полную картину жизни и деятельности человека, о котором они повествуют. Таковы воспоминания Н. К. Крупской о В. И. Ленине, К. Т. Свердловой (Новгородцевой) о Я. М. Свердлове и многие другие.

Одним из важных приемов в воссоздании личных впечатлений является отбор фактов, в которых как бы фокусируются основные жизненные процессы. Концентрируя внимание на важных проблемах, мемуарист отбирает свои личные наблюдения. Например, разговор Н. К. Крупской с Я. М. Свердловым после ее возвращения в Кремль в день покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. «Около вешалки, — сообщала Надежда Константиновна, — стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все кончено. «Как же теперь будет?», — обронила я. «У нас с Ильичем все сговорено», — ответил он»². Этот факт свидетельствует о тесном деловом содружестве, о подлинных взаимоотношениях между руководителями Коммунистической партии и Советского государства.

Очень часто Н. К. Крупская излагает мысли В. И. Ленина путем цитирования и комментирования его работ. Подобное документирование служит в большинстве случаев способом изложения их разговоров. «Иногда теперь, много лет спустя, — писала Н. К. Крупская, — перечитывая статьи Владимира Ильича, слышишь интонацию, с которой он сказал в разговоре ту или иную фразу, которая потом вошла в его статью, но об этом как напишешь, не выйдет»³.

Способ цитирования и комментирования давал в определенной мере возможность показать «интонацию», особенность мыслей В. И. Ленина. Документированная часть воспоминаний является лишь формой, способом изложения впечатлений Н. К. Крупской как очевидца событий. В этой части наблюдения очевидца тесно смыкаются с историческим фоном ее мемуаров.

В историческом фоне мемуаров Н. К. Крупской использованы различные источники, биографические исследования и т. п. Она не ставила задачу исследования всех этих материалов. Благодаря

¹ А. М. Терпигорев. Воспоминания горного инженера. М., 1956, стр. 271.

² Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, изд. 2. М., 1968, стр. 408.

³ Там же, стр. 326.

этому в воспоминаниях Н. К. Крупской в отдельных случаях встречаются известные неточности и ошибки. В этих вопросах следует учитывать также и влияние времени написания и публикации ее воспоминаний¹.

К биографическому жанру можно отнести такую своеобразную форму мемуаров, как воспоминания в форме некролога. Особенное распространение получили эти воспоминания в первые годы Советской власти. Встречаются они и в настоящее время. В этом жанре воспоминаний читатель познакомится с характеристикой скончавшегося деятеля, с отдельными фактами его биографии и т. д.

Интересным примером подобного «некролога» являются воспоминания В. И. Ленина «Памяти тов. Прошьяна». Вспоминая о совместной работе с П. П. Прошьяном в Совнарком, В. И. Ленин показал глубокую преданность Прошьяна «революции и социализму», вскрыл причины, помешавшие его сближению с коммунизмом. В числе личных качеств В. И. Ленин назвал революционную последовательность и убежденность Прошьяна. В «некрологе» перечислялись и другие обстоятельства. «Субъективизм народников, — писал В. И. Ленин, — привел к роковой ошибке даже лучших из них», причем «в обстановке горячих революционных битв ошибка более жестоко отомстила за себя и толкнула Прошьяна на путь вооруженной борьбы с Советской властью»².

Перечисленные жанры воспоминаний создаются в большинстве случаев самим мемуаристом. Но иногда автор привлекает к записи своих воспоминаний или их обработке литературного помощника. Так появляются мемуары в форме литературной записи. Участие постороннего человека может в ряде случаев влиять не только на стиль, но и на содержание воспоминаний. Помощник-литератор, естественно, стремится создать широкое, законченное произведение. А личных впечатлений участника событий бывает подчас недостаточно для реализации подобного замысла. Поэтому литератор-помощник расширяет исторический фон воспоминаний, а в отдельных случаях может опускать или модернизировать воспоминания участника событий, противоречащие его собственным представлениям. Эти обстоятельства следует учитывать при источниковедческом анализе мемуаров.

§ 4. Вопросы источниковедческого анализа источников личного происхождения

Источниковедческий анализ мемуарной и эпистолярной литературы должен учитывать общее отношение к памятникам письменности и своеобразие данных источников. Исследователь должен установить степень субъективности автора мемуаров или писем,

¹ См.: «Правда», 1966, 22 августа; сб. «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1968, стр. 374—377, 379—381.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 384—385.

выяснить, насколько полно воспроизводит он действительное событие, не превращается ли его субъективность в субъективистское описание прошлого. Речь идет не только о том, что написано, но и как изложено. Наиболее частые приемы в этих случаях — умолчание об известных автору фактах или, наоборот, «припоминание» несуществовавших событий. Речь может идти и об интерпретации фактов, их осмыслении. В первую очередь необходимо исходить из анализа содержания мемуаров и переписки.

В феврале 1921 г. на прием к В. И. Ленину с предложением об изменении налогового обложения крестьянства приехал крестьянин О. И. Чернов. За принадлежность к партии эсеров он был осужден царским правительством на каторжные работы. После отбытия каторги О. И. Чернов остался в Сибири на поселении и обзавелся собственным хозяйством.

Чернов в своих воспоминаниях отмечал, что и до него были ходки с предложением о переходе от продразверстки к продналогу. Однако он считал, что именно его посещение повлияло на решение В. И. Ленина о введении продналога. Это мнение он сформулировал в заглавии воспоминаний: «Как я, беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича и что из этого получилось»¹.

Добросовестное изложение фактов не спасает мемуариста от неправильной интерпретации событий. Здесь сказываются личные взгляды и мировоззрение автора. В воспоминаниях О. И. Чернова его старые эсеровские представления отразились и в описании беседы с В. И. Лениным. «Я видел, — сообщал О. И. Чернов, — что в этой голове (т. е. у В. И. Ленина. — В. Г.) решается вопрос величайшей важности, решается в несколько минут; я видел, как много было охвачено в эти минуты Владимиром Ильичем и отрезано недрожащей рукой»². Субъективность мемуариста обусловлена его упрощенным пониманием роли вождя.

Документы позволяют доказать ошибочность выводов О. И. Чернова. Известно, что он был на приеме у В. И. Ленина 9 февраля 1921 г., но уже накануне, 8 февраля 1921 г., В. И. Ленин написал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», в котором прямо указывалось «о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом»³.

При анализе мемуарной и эпистолярной литературы необходимо бывает выяснить, какая публикация наиболее полно воспроизводит оригинал. Особенно это важно при использовании посмертных переизданий мемуаров и переписки. Необходимо тщательно исследовать всякие изменения и исправления в переизданиях, устанавливать характер и причину подобных изменений в текстах. Например, письмо Н. К. Крупской к М. С. Шагиняна

¹ См.: «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2. М., 1957, стр. 604.

² Там же, стр. 605.

³ См.: В. И. Ленин. Пол. собр. соч., т. 42, стр. 333, 584.

(апрель 1927 г.) полностью опубликовано в книге М. С. Шагинян¹ и в сокращенном виде — в педагогических сочинениях Н. К. Крупской². Воспоминания М. С. Ольминского при посмертном переиздании были существенно сокращены³.

При использовании воспоминаний целесообразно сравнить различные их редакции, выявить, какая из них наиболее полно воспроизводит события прошлого.

В ходе исследования мемуарной и эпистолярной литературы бывает необходимо установить подлинность изучаемых источников. Иногда могут встречаться и случаи подделок. В этом историкам может помочь графологическая экспертиза и другие приемы. Таким путем была установлена, например, подложность приписываемых одно время А. А. Брусилову воспоминаний о его работе после Октябрьской революции⁴.

При изучении дневников, писем и воспоминаний важно расшифровать те сокращения и условные обозначения и наименования, к которым прибегает автор. В условиях конспирации (например, при подпольной работе в тылу немецко-фашистских захватчиков и т. п.) автор мог знать ряд действующих лиц только по кличкам или псевдонимам. В личной переписке часто встречаются сокращения, известные только авторам-корреспондентам.

Для эпистолярной литературы особенно важно выяснение цели, причины и повода написания письма. Для этого целесообразно обратиться внимание на точный адрес письма, дату написания, ознакомиться с жизнью и деятельностью авторов переписки за определенный период. Письмо В. И. Ленина к Г. Ровио датируется 27 сентября 1917 г. на основании упомянутого в нем письма к И. Т. Смилге⁵. Содержание письма невозможно понять, не ознакомившись предварительно с работами В. И. Ленина в данное время. Это изучение дает основание утверждать, что письмо послалось в Гельсингфорс из Выборга или Петрограда. Исследование письма можно успешно проводить только в тесной связи с учетом его внешних признаков.

Особенно важно учитывать внешние признаки источника, его форму, стиль изложения при изучении воспоминаний в форме литературной записи. При этом можно установить степень влияния литературного помощника на форму и содержание мемуарного произведения.

При анализе мемуарной и эпистолярной литературы следует иметь в виду и некоторые различия при изучении впечатлений участника — очевидца событий и их современника в узком смысле

¹ См.: М. С. Шагинян. Семья Ульяновых. «Молодая гвардия», 1963, стр. 204—205.

² См.: Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. II. М., 1963, стр. 279—280.

³ См.: «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 3. М., Госполитиздат. 1960, стр. 9—13; «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 24—33 и др.

⁴ См.: А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1963, стр. 14; «Известия», 1962, 12 сентября.

⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 451—452.

этого слова, т. е. исторического фона. Историк должен установить, когда, в каких случаях, с какой целью и как обращается мемуарист к воссозданию исторического фона, проследить, насколько достоверны и полны приводимые им сведения других источников.

Воссоздавая общую картину событий, мемуаристы обращаются к другим источникам и исторической литературе. Причиной этого может являться забывчивость, отсутствие четких личных наблюдений, характер работы мемуариста и другие обстоятельства. Девятая глава воспоминаний Маршала Советского Союза Г. К. Жукова содержит интересный, в основном документальный материал о первом полугодии 1941 г. Некоторые источники (например, доклады разведывательного управления Генштаба в марте — июне 1941 г. и др.) использованы автором впервые. Значительно меньше в этой главе личных впечатлений мемуариста.

Для историка наибольшее значение имеют личные впечатления участника событий. Они дают представление не только о событиях, но и о личности автора.

Новые источники осведомленности могут подчас явиться и причиной неточностей в воспоминаниях. Так может случиться, если автор обращается к неопубликованным источникам, данные которых не всегда являются достаточно полными и проверенными. В этом случае речь должна идти не только об анализе сведений мемуариста и его подходе к истолкованию источников, но и о проверке используемых мемуаристом материалов. Всестороннее изучение последних позволит судить, насколько субъективен мемуарист в интерпретации источников.

Мемуарист может основывать свое изложение и на опубликованных источниках. Использование таких материалов не отрицает известной ценности подобных воспоминаний. Вместе с тем очевидно, что, установив «первооснову» таких мемуаров, предпочтительно обратиться именно к этим «первоисточникам» и лишь после этого к созданным на их базе воспоминаниям.

При анализе воспоминаний очевидца, кроме перечисленных приемов, необходимо переходить к анализу их доказательности. При этом данные мемуариста или автора писем сопоставляются со сведениями всей совокупности источников по исследуемому вопросу.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков высказал мнение, что в феврале 1945 г. советские войска уже могли овладеть Берлином¹. В то время В. И. Чуйков командовал 8-й гвардейской армией и, естественно, исходил из своего личного опыта. Другие участники событий показали, что в это время советские войска еще не имели такой возможности. С тыла советским войскам угрожала мощная фашистская группировка в Померании. Тылы значительно отстали от передовых частей и не могли обеспечить необходимое снабжение войск².

¹ См.: «Октябрь», 1964, № 4, стр. 128—129.

² См.: Н. А. Антипенко. Тыл фронта. «Новый мир», 1965, № 8, стр. 145; Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 604—613, и др.

Исследование доказательности является наиболее важным приемом, особенно в тех случаях, когда воспоминания или письма служат одним из немногих свидетельств о происшедших событиях. Этот же прием применим и тогда, когда в источниках имеются противоречивые данные.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

Труды К. Маркса и Ф. Энгельса. В. И. Ленина

- Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии Соч., т. 4.
Маркс К. Критика Готской программы. Соч., т. 19.
Маркс К. и Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», 1872. Соч., т. 19.
Энгельс Ф. Эмигрантская литература. Соч., т. 18.
Маркс К. Наброски ответа на письмо В. Засулич. Соч., т. 19.
Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России». Соч., т. 22.
Маркс К. Письма к Вейдемейеру 5 марта 1852 г. Соч., т. 28.
Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951.
Архив Маркса и Энгельса, т. XI. М., 1948; т. XII. М., 1952.
Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1.
Ленин В. И. Новый фабричный закон. Полн. собр. соч., т. 2.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3.
Ленин В. И. Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России». М., 1970.
Ленин В. И. К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Полн. собр. соч., т. 4.
Ленин В. И. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6.
Ленин В. И. К деревенской бедноте. Полн. собр. соч., т. 7.
Ленин В. И. Материалы к брошюре «К деревенской бедноте». Полн. собр. соч., т. 7.
Ленин В. И. Рассказ о II съезде. Полн. собр. соч., т. 8.
Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч., т. 8.
Ленин В. И. Материалы к книге «Шаг вперед, два шага назад». Полн. собр. соч., т. 8.
Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч., т. 11.
Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература. Полн. собр. соч., т. 12.
Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции. Автореферат. Полн. собр. соч., т. 17.
Ленин В. И. О статистике стачек в России. Полн. собр. соч., т. 19.
Ленин В. И. Мобилизация надельных земель. Полн. собр. соч., т. 23.
Ленин В. И. К вопросу о задачах земской статистики. Полн. собр. соч., т. 24.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 24.
Ленин В. И. Планы статьи «О праве наций на самоопределение». Полн. собр. соч., т. 25.
Ленин В. И. Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма). Полн. собр. соч., т. 26.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. Тетради по империализму. Полн. собр. соч., т. 28.
Ленин В. И. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29.
Ленин В. И. Статистика и социология. Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции. Полн. собр. соч., т. 31.

- Ленин В. И. Государство и революция (учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции). Полн. собр. соч., т. 33.
- Ленин В. И. Доклад о мире. 26 октября. Полн. собр. соч., т. 35.
- Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о мире. 26 октября. Полн. собр. соч., т. 35.
- Ленин В. И. Доклад о земле. 26 октября. Полн. собр. соч., т. 35.
- Ленин В. И. Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И. набросок плана научно-технических работ. Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И. О характере наших газет. Полн. собр. соч., т. 37.
- Ленин В. И. Памяти тов. Прошьяна. Полн. собр. соч., т. 37.
- Ленин В. И. Доклад о работе в деревне. VIII съезд РКП(б). Полн. собр. соч., т. 38.
- Ленин В. И. Предисловие к книге Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир». Полн. собр. соч., т. 40.
- Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41.
- Ленин В. И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике, 22 декабря. VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. Полн. собр. соч., т. 42.
- Ленин В. И. Об едином хозяйственном плане. Полн. собр. соч., т. 42.
- Ленин В. И. Письмо в редакцию газеты «Экономическая жизнь». Полн. собр. соч., т. 44.
- Ленин В. И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) (IX съезду РКП(б)). Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Об образовании СССР. Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Несколько слов о Н. Е. Федосееве. Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации». Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. О кооперации. Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. О нашей революции. Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии). Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Лучшее меньше, да лучше. Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Письмо в редакцию «Известий ВЦИК» 21 декабря 1921 г. Полн. собр. соч., т. 54.
- Ленин В. И. Письмо В. А. Карпинскому. Полн. собр. соч., т. 54.
- Ленин В. И. Об организации советской статистики. М., 1968.
- Ленин В. И. Тетради по аграрному вопросу 1900—1916 гг. М., 1969.
- В. И. Ленин, КПСС о печати. Сборник документов и материалов. М., 1970.

* * *

Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973.

«К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Тезисы ЦК КПСС. М., 1970.

Алфавитный указатель произведений, вошедших во второе издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1967.

Левин Л. Библиография библиографий произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. М., 1961.

Лениниана. Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о нем. 1956—1967, т. I. М., 1971.

Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина, ч. I. Предметный указатель. М., 1969; ч. 2. Алфавитный указатель. М., 1970.

Хронологический указатель произведений В. И. Ленина в 2-х частях. 1886—1923, ч. I М., 1959; ч. II М., 1961; Вспомогательные указатели к хронологическому указателю. М., 1963.

Учебные пособия

Тихомиров М. Н. ¹Источниковедение истории СССР, вып. I, с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1962.

Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М., 1970.

Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. — 1917 г. М., 1962.

Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР (советский период). М., 1968.

Литература

Адоратский В. В. Как Ленин изучал Маркса. В кн.: «Избранные произведения». М., 1961.

Варшавчик М. А. Важнейший источник изучения истории КПСС (о произведениях В. И. Ленина). М., 1970.

Варшавчик М. А. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС М., 1967.

Великое наследие. О втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1968.

Дейч Г. М. К вопросу о письмах В. И. Ленина как историческом источнике. «Вопросы истории КПСС», 1967, № 2.

Ждановская З. В. Значение подготовительных материалов В. И. Ленина как источников истории КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1968, № 10.

Казанцев Б. И. Об источниках брошюры В. И. Ленина «Новый фабричный закон» и ленинских приемах научного анализа. «Вопросы истории», 1963, № 4.

Как В. И. Ленин готовил свои труды. М., 1966.

Каштанов С. М., Курносоев А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. «Исторический архив», 1962, № 4.

Крупская Н. К. Как Ленин работал над Марксом. К вопросу о ленинском методе научной работы. Работа Ленина в библиотеках В. сб.: «О Ленине». М., 1971.

Леонтьев Л. А. О ленинских «Тетрадах по империализму» (характеристика творческой лаборатории В. И. Ленина). М., 1962.

Литвак Б. Г. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина. В сб.: «Источниковедение истории советского общества». М., 1964.

Лихачев Д. С. Задачи текстологии. «Русская литература», 1961, № 4

Мрачковская И. М. О содержании второго выпуска работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». М., 1965.

Обичкин Г. Д., Панкратова М. Я. Письма В. И. Ленина. М., 1968

Пересветов Р. Поиски бесценного наследия (о судьбе некоторых рукописей В. И. Ленина). М., 1968.

Пронштейн А. П. Методика исторического исследования Ростов, 1971.

Пушкарев Л. Н. Классификация источников в советском источниковедении (1917—1964). «Вопросы архивоведения», 1965, № 1.

Рейсер С. А. Палеография и текстология М., 1970.

Рошаль Л. М. Некоторые вопросы источниковедческого анализа кинодокументов. Труды Московского государственного историко-архивного института (МГИИИ), т. 17. М., 1963.

Сокровищница великих идей ленинизма (о Полном собрании сочинений В. И. Ленина) М., 1966.

Яцунский В. К. Вопросы научного исследования в работах В. И. Ленина по социально-экономической истории. «История СССР», 1960, № 2.

Ульянова М. И. Предисловие к сб. «Письма к родным». См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55.

Источники

- Акты, относящиеся к истории земских соборов. Под ред. Ю. В. Готье, М., 1920.
- Акты писцового дела. Собр. и ред. С. Б. Веселовский, т. 1—2. М., 1913—1917.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. 1—3. М., 1952—1964.
- Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни, вып. 1—3. Киев, 1906—1908.
- Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов, т. 1. Под ред. В. А. Парсамяна. Ереван, 1953.
- Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн-Ахмед. Избранные произведения, т. 1. Ташкент, 1957.
- Вишневецкий Иван. Сочинения. Подгот. текста, статья и коммент. И. П. Еремина. М. — Л., 1955.
- Валовой наказ (писцам). В кн.: В. Седашев. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912.
- Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3-х т., т. 1—3. М., 1953.
- Восстание 1662 г. в Москве. Сборник документов. Сост. В. И. Буганов. М., 1964.
- Временник Ивана Тимофеева. Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Дер-жавиной. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1951.
- Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. Эмина. М., 1861.
- Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозвищу. Пер. Н. Эмина. М., 1864.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введ., пер. и коммент. С. А. Анненского. М. — Л., 1938.
- Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Под общ. ред. С. Л. Утченко. Л., 1972.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М. — Л., 1949.
- Джанашивили М. Г. «Картлис-Цховреба» — Жизнь Грузии. В кн.: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 35. Тифлис, 1905.
- Дневник Люблинского сейма 1509 года. Соединение великого княжества Литовского с королевством Польским. Пер. М. О. Кояловича. СПб., 1869.
- Дозорные и переписные книги древнего города Ростова. Изд. А. А. Титов. М., 1880.
- Документы псковского восстания и Земского собора 1650 г. В кн.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.
- Домострой по Коншинскому списку и подобным. Подгот. текста А. Орлова, кн. 1—2. М., 1908—1910.
- Дондуа В. Базили, историк царицы Тамары. В кн.: «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печати Л. В. Черепнин. Отв. ред. С. В. Бахрушин. М. — Л., 1950.
- Западнорусские летописи. Полное Собрание Русских Летописей, т. 17. Изборник» (сборник произведений литературы древней Руси). Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1969.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступит. статья, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.
- История епископа Себеоса. Пер. С. Малхасянц. Ереван, 1939.
- История халифов вартапета Гевонда Пер. К. Патканова. СПб., 1862.
- Карпини Дж. История монголов. — Гольом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1957.
- Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах». С предисл. Г. Ласкина — «Чтения в о-ве истории и древностей российских», кн. 1, 1899
- Константин Багрянородный. Об управлении государством. «Изв. гос. академии истории материальной культуры», вып. 91. М. — Л., 1934.

- Корюн. Житие Маштоца. Пер. Ш. В. Смбатяна и К. А. Мелик-Огапджаняна Ереван, 1962.
- Котошихин Г. К. О России в царствоваше Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906
- Летопись Григория Грабянки. Киев, 1854.
- Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878.
- Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
- Моисей Хоренский. История Армении. Пер. Н. О. Эмина. М., 1893.
- Московский летописный свод конца XV в. Полное Собрание Русских Летописей, т. 25. М. — Л., 1949.
- Мхитар Гюш. Армянский Судебник. Пер. А. А. Паповяна. Ред., вступит. статья и примеч. В. М. Арутюняна. Ереван, 1954.
- Наршахи Мухаммед. История Бухары. Пер. Н. Лыкошин. Ташкент, 1897.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М. — Л., 1950.
- Новгородские писцовые книги, т. 1—6. СПб., 1859—1910.
- Новый летописец. Полное Собрание Русских Летописей, т. 14. М., 1965.
- Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.
- Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Пер. и примеч. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1956.
- Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. В кн.: «Русская историческая библиотека», т. 13. Л., 1925.
- Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник документов. Подг. к печати Г. Е. Кочин. М. — Л., 1935.
- Памятники русского права, вып. 1—8. М., 1952—1963.
- Пересветов И. С. Сочинения. Подгот. текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М. — Л., 1956.
- Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. Ред. А. С. Лапо-Данилевский. В кн.: Русская историческая библиотека, т. 17. СПб., 1896.
- Писцовые книги Московского государства. ч. 1, отд. 1—2. Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1872—1877.
- Повесть временных лет. Подгот. текста Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. ч. 1—2. М. — Л., 1950
- Повесть о Куликовской битве. Изд. подгот. М. Н. Тихомиров. М., 1959.
- Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1951.
- Послания Иосифа Волоцкого. Подгот. текста А. А. Зимины и Я. С. Лурье. М. — Л., 1959.
- Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. — Л., 1950
- Псковские летописи, вып. 1—2. М. — Л., 1941—1955.
- Пташницкий С. Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и коммент. Н. Ю. Крачковского. М. — Л., 1939.
- Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Подгот. Я. С. Лурье и Р. Б. Мюллер. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М. — Л., 1954.
- Разрядная книга 1475—1598 гг. Подгот. и ред. В. И. Буганова. М., 1966.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1—3. М. — Л., 1946—1960.
- Родословная книга «Временник Москва-ва историй и древностей российских», кн. 10, 1851.
- Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в до конца X в.). Собр., пер. и объясн. А. Я. Гаркави. СПб., 1870
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Гос. коллегии иностранных дел, ч. 1—5. М., 1813—1894.
- Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий, вып. 1—3. М., 1962—1963.
- Софийская первая летопись. Полное Собрание Русских Летописей, т. 5, вып. 1. Л., 1925.
- Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Под ред. К. И. Яблонского. Минск, 1960.

Страбон. География. В 17-ти кн. Пер., статья и коммент Г. А. Стратановского. Под ред. С. Л. Утченко. Л., 1964.

Судебники XV—XVI веков. Под ред. Грекова. М. — Л., 1952.

Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды М., 1953.

Торопецкая книга 1540 г. В кн.: Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подг. к печати А. А. Зимин. М. — Л., 1950.

Уставы на волоки. 1557 г. В кн.: «Русская историческая библиотека», т. 30, Юрьев, 1914.

Херсонесская присяга (текст). В статье С. А. Жебелева «Херсонесская присяга». «Известия АН СССР», 1935, серия 7, № 10.

Хрестоматия по истории СССР. С древнейших времен: до конца XV в. Сост. Л. В. Милов, А. И. Рогов, М. Н. Тихомиров. Под ред. М. Н. Тихомирова М., 1960.

Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. Сост. В. А. Александров и В. И. Корецкий. Под ред. А. А. Зиминой. М., 1962.

Хрестоматия по древнерусской литературе. Сост. М. Е. Федорова. Г. А. Сумникова. М., 1969.

Литература

Абегиан М. Х. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948.
Андреев А. И. Отступные грамоты (к истории крестьянского землевладения на севере в XVI в.). В кн.: Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916.

Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906.

Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник, ч. I. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 г. М., 1946.

Веселовский С. Б. Сошное письмо, т. 1—2. М., 1915—1916.

Горская Н. А. Жилые записи (к истории найма в XVII в.) «История СССР», 1963, № 5.

Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в., изд. 2. М., 1937.

Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 7, испр. и доп. М., 1966.

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М. — Л., 1955

Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. в исторической литературе. В кн.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.

Злотников Ф. Ф. Короткие записи Историко-дипломатический очерк. Пг., 1916.

Кафеингауз Б. Б. О происхождении и составе Псковской Судной грамоты. Исторические записки, т. 18. 1946.

Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Кольчева Е. И. Полные и докладные грамоты XV—XVI вв. В кн.: «Археографический ежегодник за 1961 г.». М., 1962.

Кочин Г. А. Писцовые книги в буржуазной историографии. В кн.: «Проблемы источниковедения», сб. 2. М. — Л., 1936.

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. М. — Л., 1957. (Крачковский И. Ю. Избр. произведения, т. 4).

Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М — Л., 1947.
- Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М. — Л., 1960.
- Любимов В. П. Списки Русской Правды. В кн.: «Правда Русская», т. I М. — Л., 1940.
- Мальцев А. Н. Баркулабовская летопись. В кн.: «Археографический ежегодник за 1960 г.» М., 1962.
- Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
- Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1955.
- Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в как исторический источник. Изд. 2. СПб., 1913.
- Ржигга В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 33. Л., 1926.
- Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифанья. Исследования и тексты М., 1963.
- Рожков Н. А. К вопросу о степени достоверности писцовых книг. Древности. Труды Археограф. комиссии Моск. археолог. об-ва, т. I, вып. 2. М., 1898.
- Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Савицкий Г. И. Арриан как источник по истории Средней Азии. (Труды Самарканд. пед. ин-та, т. 3, вып. I). Самарканд, 1941.
- Смирнов И. И. Судебник 1550 г. Исторические записки, т. 34, 1947.
- Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968.
- Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. «Вопросы истории», 1960, № 5.
- Тихомиров М. Н. Соборное Уложение 1649 г. и городские восстания середины XVII в В кн.: Тихомиров М. Н. и Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961.
- Тихомиров М. Н. Историография Русской Правды и происхождение ее редакций. В кн.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, 2 М. — Л., 1948, 1951.
- Черепнин Л. В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. «Исторические записки», т. 25. М., 1948.
- Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. (из истории древнерусского летописания). «Исторические записки», т. 14, 1945.
- Чистякова Е. В. Состав следственных дел о городских восстаниях на юге России в середине XVII в. В кн.: «Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960.
- Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. — Л., 1938.
- Шахматов А. А. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916.
- Шилов А. А. Поступные записи (к истории крестьянского вопроса в XVII в.). В кн.: «Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому». Пг., 1916.
- Шмидт С. О. К истории составления описей Царского архива XVI в. В кн.: «Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960.
- Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895.
- Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. в 2-х т., т. I—2. М., 1970.

Часть вторая

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Источники

- Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб., 1848.
- Белинский В. Г. Избранные произведения. М., 1947.
- Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, т. I—IV. СПб., 1871—1873
- Булавинское восстание. Сборник документов. М., 1936.
- Вигель Ф. А. Записки, ч. I—II. М., 1891—1893.
- Внешняя политика России XIX — начала XX в., т. 1—7. М., 1960—1970.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи, изданное при первом отделении Департамента Генерального штаба, т. 1—17. СПб., 1848—1853
- Военные уставы Петра I. М., 1946.
- Восстание декабристов. Документы и материалы, т. I—XII. М. — Л., 1925—1969.
- Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т. М., 1954—1964: Былое и думы (т. 8—II); Москва и Петербург. Публичные чтения г. Грановского (т. 2); Публичные чтения г. Рулье, Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы (т. 3); Развитие революционных идей в России (т. 7); Вольное русское книгопечатание в Лондоне, Юрьев день! Юрьев день! Крещеная собственность, Русское крепостничество (т. 12).
- Горбачевский И. И. Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. М., 1951.
- Государственные учреждения России в XVIII в. Сост. А. В. Чернов. М., 1960.
- Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940.
- Дашкова Е. Р. Записки княгини Дашковой. СПб., 1907.
- Дворянская империя XVIII в (основные законодательные акты) Сост. М. Т. Белявский. М., 1960.
- Дело петрашевцев, т. I—III. М. — Л., 1937—1951.
- Екатерина II. Наказ Комиссии о сочинении нового Уложения. СПб., 1907.
- Екатерина II. Записки. М., 1909.
- Ермолов А. П. Записки. М., 1863.
- Зябловский Е. Статистические описания Российской империи в нынешнем ее состоянии. Изд. 2, ч. 1—5 СПб., 1815.
- Избранные произведения русских мыслителей II половины XVIII в., т. 1—2 М., 1952.
- Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I—III, 1951.
- Кавелин К. Д. Собр. соч., т. I—II. СПб., 1897—1898.
- Карамзин Н. М. Записка о новой и древней России. СПб., 1914.
- Крестьянское движение в России. Сборник документов. 1796—1825 гг., 1826—1849 гг., 1850—1856 гг., 1857—1861 гг. М., 1961—1963.
- Лепехин Ив. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, ч. 1—3. СПб., 1771—1780.
- Ломоносов М. В. Сочинения, т. 6, 8, 10. М. — Л., 1952—1959.
- Новиков Н. И. Избранные сочинения. М. — Л., 1951.
- Паллас П. С. Петра Симона Палласа путешествие по разным провинциям Российской империи, т. I—II. СПб., 1773—1786.
- Пестель П. И. Русская Правда. В кн.: «Восстание декабристов», т. 7. М. — Л., 1958.
- Письма и бумаги Петра Великого, т. I—II. СПб., 1887—1964.
- Полное собрание законов Российской империи (1649—1825 гг.). Собрание первое, т. 1—45. СПб., 1830 (1825—1881 гг.). Собрание второе, т. 1—55. СПб., 1830—1884.
- Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве М., 1951.
- Прокопович Ф. Сочинения. М. — Л., 1961.
- Пугачевщина, т. I—III. М. — Л., 1926—1931
- Радищев А. Н. Полное собрание сочинений, т. I—III. М. — Л., 1938—1952

Русская революционная поэзия девятнадцатого века. Л., 1937.

Свод законов Российской империи. СПб., 1833.

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Составил Ф. Ф. Мартенс, т. I—XIII. СПб., 1874.

Тенгоборский Л. В. О производительных силах России, т. I—II. СПб., 1854—1858.

Тургенев Н. И. Дневники и письма, т. I—III. СПб. — Пг., 1911—1921.

Тургенев Н. И. Россия и русские, т. I, 1915.

Фундуклей Н. И. Статистическое описание Киевской губернии. СПб., 1852—1856.

Хрестоматия по истории СССР XVIII в. Сост. М. Т. Белявский и Н. И. Павленко. Под ред. Л. Г. Бескровного и Б. Б. Кафенгауза. М., 1963.

Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. I—II. М., 1913—1914.

Чаадаев П. Я. Неизданные «философские» письма. Литературное наследство, т. 22—24. М., 1935.

Чарторижский А. Мемуары и переписка, т. I—II. М., 1912—1913.

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений в 15-ти томах. М., 1939—1953.

Шевченко Т. Г. Дневник. Собрание сочинений, т. 5. М., 1956.

Шербатов М. М. Сочинения, т. I—II. СПб., 1896—1898.

Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951.

Литература

Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М. — Л., 1966.

Водарский Я. Е. Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720). В кн.: «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962.

Гольдберг Л. А. Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII—XVIII вв.). В кн.: «Проблемы источниковедения», т. VII. М., 1959.

Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизии). М., 1963.

Ковальченко И. Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства России в первой половине XIX в. «История СССР», 1959, № 1.

Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

Нечкина М. В. Кто автор «Записок» И. И. Горбачевского? «Исторические записки», т. 54. М., 1955.

Нифонтов А. С. Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернских отчетов). «Исторические записки», т. 81. М., 1968.

Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничества и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России. «Вопросы географии», сб. 31. М., 1953.

Рыбаков Ю. Я. Программа и организация сбора сведений по промышленной статистике России XVIII—XIX вв. (ведомости фабрик и заводов). В кн.: «Археологический ежегодник за 1964 г.». М., 1965.

Сивков К. В. Источники по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII в. В кн.: «Проблемы источниковедения», т. VIII. М., 1959.

Тихонов Б. В. Официальные журналы второй половины 20—50-х годов XIX в. («Журнал мануфактур и торговли», «Горный журнал», «Журнал Министерства государственных имуществ», «Журнал Министерства внутренних дел») как источник для изучения истории русской промышленности. В кн.: «Проблемы источниковедения», т. VII. М., 1959.

Улащик Н. Н. Минские губернские ведомости как исторический источник. В кн.: «Проблемы источниковедения», т. VII. М., 1959.

Улащик Н. Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804—1861). В кн.: «Проблемы источниковедения», г. IX. М., 1961.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

I. Законодательство, делопроизводство, статистика
Источники

Варадинов Н. В. Делопроизводство как теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и единоличному письмоводству и составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел, 1857. Изд. 2. СПб., 1881.

Вельбрехт В. Общие основы русского делопроизводства с приложением основных форм. СПб., 1854.

Государственная дума. Стенографические отчеты. СПб., 1906—1917.

Законодательные акты переходного времени, 1904—1906 гг. Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России. Под ред. Н. И. Лазаревского. Изд. 3. СПб., 1909.

Калинычев Ф. И. Государственная дума в России. Сборник документов и материалов. М., 1957.

Крестьянская реформа в России 1861 г. Сборник законодательных актов М., 1954.

Максимов В. Руководство для составления деловых бумаг. М., 1913.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 1—15. СПб., 1874—1909.

Международные отношения в эпоху империализма. 1878—1917. Серия 2, т. 18—20. М., 1938—1940; серия 3, т. 1—10. М. — Л., 1931—1938.

Монополии в металлургической промышленности России. 1900—1917. М. — Л., 1963.

Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862. М. — Л., 1950.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всероссийской переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1906.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825—1881), т. 1—55. СПб., 1830—1884; Собрание третье (1881—1913), т. 1—33. СПб., 1885—1916.

Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве. СПб., 1911.

Рихтер И. Правила делопроизводства и делопроизводства казенных железных дорог. Пг., 1915.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Издание Московского губернского земства. 1877—1913.

Свод отчетов фабричных инспекторов (за 1901—1914 гг.). СПб., Пг., 1902—1915.

Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России, вып. 1—8. СПб., 1880—1885.

Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенных акцизом. Под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1903.

Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. Под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1913.

Статистический временник Российской империи. Серия 1, вып. 1. СПб., 1866.

Статистический ежегодник Тверской губернии. Издание Тверского губернского земства. 1914.

Формы книг, ведомостей, реестров, периодических извещений и других бланков по делопроизводству казенных палат. Министерство финансов. Пг., 1915.

Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март — октябрь 1917 г., ч. 1—3. М. — Л., 1957—1967.

Литература

Анфимов А. М. «Свод по России» как источник для изучения помещичьего хозяйства XIX в. В кн.: «Проблемы источниковедения», т. 8. М., 1959.

Ахун М. Источники для изучения истории государственных учреждений царской России (XIX—XX вв.). «Архивное дело», 1939, № 1.

Виноградова Л. В. Некоторые виды документов Сената и организация его делопроизводства. В кн.: «Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в.». Л., 1967.

Гиндин И. Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник. В кн.: «Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв.». М., 1964.

Горфейн Г. М. Основные источники по истории высших и центральных учреждений XIX — начала XX в. В кн.: «Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в.». Л., 1967.

Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник. В кн.: «Проблемы архивоведения и источниковедения». Л., 1964.

Дятлова Н. П., Мацкина Р. Ю. Обзор фонда Совета Министров (ЦГИА СССР). В кн.: «Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960.

К столетию Комитета Министров (1802—1902). Исторический обзор деятельности Комитета Министров. Сост. С. М. Середонин.

Казанцев Б. Н. Об источниках брошюры В. И. Ленина «Новый фабричный закон» и о ленинских приемах научного анализа. «Вопросы истории», 1963, № 4.

Корнеевская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954.

Мацкина Р. Ю. Министерские отчеты и их особенности как исторического источника. В кн.: «Проблемы архивоведения и источниковедения». Л., 1964.

Минарик Л. П. «Статистика землевладения 1905 г.» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения России в начале XX в. В кн.: «Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв.». М., 1964.

Паина Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX — начала XX вв.). В кн.: «Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в.». Л., 1967.

Панин Л. И. Списки населенных мест Российской империи как исторический источник. В кн.: «Археографический ежегодник за 1959 г.». М., 1960.

Русов А. А. Краткий обзор развития русской оценочной статистики. Киев, 1913.

Свавицкие Э. М. и Н. А. Земские подворные переписи 1880—1913 гг. Поуздные итоги. М., 1926.

Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи. М., 1961.

Федоров В. А. Межевые описания 50-х годов XIX в. как источник по истории крестьянского хозяйства в России (по материалам Тверской губернии). В кн.: «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сб. 6. М., 1965.

Чупров А. А. Очерки по теории статистики. СПб., 1909.

Шепелев Л. Е. Частнокапиталистические торгово-промышленные предприятия России в конце XIX — начале XX в. и их архивные фонды. Информационный бюллетень Главного архивного управления, т. 10. М., 1958.

Шепелев Л. Е. Архивные фонды акционерных коммерческих банков. В кн.: «Проблемы источниковедения», т. 6. М., 1959.

Шепелев Л. Е. Изучение делопроизводственных документов XIX — начала XX в. В кн.: «Вспомогательные исторические дисциплины», т. 1. Л., 1968.

* * *

Григорьев В. Н. Предметный указатель материалов в Земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. М., 1926.

Карваев В. Ф. Библиографический обзор земской статистической и оценочной литературы (1864—1903). СПб., 1906.

Корево Н. Н. Собрание сведений об изданиях Свода законов и продолжений к нему, Полного Собрания Законов, Сводов военных и морских постановлений, а также об издании местных законов. СПб., 1912.

Общий алфавитный указатель ко 2-му Полному собранию законов Российской империи, т. 1—4. СПб., 1885.

Общий хронологический указатель к Полному собранию законов, т. 1—2. СПб., 1851 (т. 1, 1649—1825 гг.; т. 2, 1825—1850 гг.).

Б. Политические партии, организации, процессы, периодика, мемуары, дневники, переписка

Источники

- И. С. Аксаков в его письмах, т. 1—4. М., 1888—1896.
Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932.
Бабуркин И. В. Воспоминания. 1893—1900. М., 1955.
Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. Изд. 8. М., 1954.
Блок А. А. Дневники. 1901—1921. Собр. соч., т. 7. М.—Л., 1963.
Боборыкин П. Д. Воспоминания, т. 1—2. М., 1965.
Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.—Л., 1924.
Витте С. Ю. Воспоминания, т. 1—3. М., 1960.
Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903. Протоколы. М., 1959.
Горький М. Письма. Горький М. Собр. соч., в 30-ти томах, т. 29—30.
Государственные преступления в России в XIX в. Сборник из политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных и оппозиционных движений в России. Сост. под ред. В. Базилевского (В. Я. Богучарского), т. 1—3, Штутгард — Париж, 1903—1905.
Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968.
Дзержинский Ф. Э. Дневник. Письма к родным. Изд. 2, испр. и доп. М., 1958.
Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В двух томах (1861—1876). М., 1961.
Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. «Красный архив», 1928, №№ 2, 3.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8, т. 1, 1898—1917 гг. М., 1970.
Крамской И. Н. Письма, статьи. В двух томах, т. 1—2. М., 1965—1966.
Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в. (Сборники документов). Глав. ред. Н. М. Дружинин. М., 1959—1968.
Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Изд. 2. М., 1968.
Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920.
Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907, ч. 1—3. М., 1956.
Материалы, собранные особой комиссией для пересмотра законов о цензуре и печати. СПб., 1870.
Мусоргский М. П. Литературное наследие. Письма, библиографические материалы и документы. М., 1971.
Никитенко А. В. Дневник. В 3-х томах, т. 1—3. М., 1955—1956.
Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, т. 1—7. Л., 1924—1927.
Пантелеев Л. Ф. Воспоминания, 1958.
Партия большевиков в годы мировой империалистической войны. Вторая революция в России (1914 — февраль 1917). Документы и материалы. М., 1963.
Первый съезд РСДРП. Март 1898. Документы и материалы. М., 1959.
«Первое марта 1887 г.». Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.—Л., 1927.
Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, т. 1—3. М., 1965.
Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 1—3. Пб., 1896.
Письма И. Е. Репина. Переписка с П. М. Третьяковым 1873—1898. М.—Л., 1946.
К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. 1, полутома 1, 2. М.—Пг., 1923.

- Покушение Каракозова. М., 1928.
- Протоколы высочайше утвержденного под председательством действительного тайного советника Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати (10 февраля — 4 декабря 1905 г.). СПб., 1913.
- Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907. Протоколы. М., 1963.
- Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917. Документы и материалы. Л., 1958.
- Рабочее движение в России в XIX в. Сборник документов и материалов, т. 2—4. М., 1950—1963.
- Революционное народничество 70-х годов XIX в., т. 1—2. М., 1964—1965.
- Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. М. — Л., 1955—1965.
- Репин И. Е. Далекое — близкое. Изд. 6. М., 1964.
- Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862.
- Сборник программ политических партий в России. СПб., 1905—1906.
- Семенов-Тяньшанский П. П. Мемуары, т. 1, 3, 4. Пг., 1915—1917.
- Сеченов И. М. Автобиографические записки. М., 1952.
- Солдатские письма в годы мировой войны (1915—1917). «Красный архив», 1934, № 4—5.
- М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 1—5. СПб., 1911—1913.
- Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905. Протоколы. М., 1959.
- Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров, т. 1—2. М., 1928—1929.
- Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 1929—1934 (Москва 40-х годов. М., 1929; Московский университет. М., 1929; Путешествие за границу. М., 1932; Земство и Московская дума. М., 1934).
- Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. и Михайлов М. Л. Воспоминания, т. 1—2. М., 1967.
- Шестой съезд РСДРП(б). Авг. 1917 г. Протоколы. М., 1958.
- Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
- Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М. — Л., 1934.
- Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апр. 1906 г. Протоколы. М., 1959.

Литература

- Ананьич В. В. и Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг.). В кн.: «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». М. — Л., 1963.
- Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903.
- Базилевич К. Почта в России в XIX в. М., 1927.
- Бережной А. Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895—1914). Л., 1967.
- Волк С. С. Программные документы «Народной воли». В кн.: «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». М. — Л., 1963.
- Дмитриев С. С. Русские исторические журналы по истории СССР. В кн.: Дмитриев С. С., Федоров В. А. и Бовыкин В. И. История СССР периода капитализма. М., 1961.
- Дмитриев С. С. Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников. «Вопросы архивоведения», 1965, № 3.
- Дмитриев С. С. Именословие русских исторических журналов. «Русская литература», 1967, № 1.
- Есин В. Н. Русская дореволюционная газета 1702—1917 гг. Краткий очерк. М., 1971.
- Ждановская З. В. Большевицкая периодическая печать как источник при изучении истории КПСС (1900—1917). М., 1965.
- Зорина Н. Г., Савенков А. А. В. И. Ленин — историк печати. Л., 1966.
- Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары. В кн.: «Московский край в его прошлом». М., 1928.
- Михайлова С. Б. Воспоминания Н. А. Морозова как исторический источник. В кн.: «Археографический ежегодник за 1965 г.». М., 1966.

Нечаева В. С. Принципы издания эпистолярных текстов В кн.: «Вопросы текстологии». М., 1964.

Петропавловский Е. С. Листовки как источник при изучении истории КПСС (большевистские листовки в дооктябрьский период). М., 1960.

Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958.

Тихонов Б. В. Обзор «Записок» местных сельскохозяйственных обществ 30—50-х годов XIX в. В кн.: «Проблемы источниковедения», т. 9. М., 1961.

Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880—1891 г.) Саратов, 1971.

Черноморский М. Н. Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М., 1961.

Шепелева О. Н. Листовки РСДРП — их собрание, хранение и описание. В кн.: «Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в.». Л., 1967.

Эпштейн Д. М. Социал-демократические и большевистские публикации документов в периодической печати и специальных изданиях 90-х — начала 900-х годов. В кн.: «Архсографический ежегодник за 1964 г.». М., 1965

* * *

Беляева Л. Н., Зиновьева М. К. и Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России. 1901—1916, т. 1—4. Л., 1958—1961.

Большевистская периодическая печать (декабрь 1900 г. — октябрь 1917 г.). Библиографический указатель. М., 1964.

Вукотич Н. А. Материалы для списка указателей русской периодической печати. Л., 1928.

Добровольский Л. М. Библиографический обзор дореволюционной и советской литературы по истории русской цензуры. В кн.: «Труды Библиотеки АН СССР и ФБОН АН СССР», т. 5. 1961.

Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1700—1900 гг. Пг., 1915.

Личные архивы в государственных хранилищах СССР. Указатель, т. 1—2. М., 1962.

Машкова М. В. и Сокурова М. В. Общие библиографии русских периодических изданий 1703—1954 и материалы по статистике русской периодической печати. Аннотированный указатель. Л., 1956.

Мицлов С. Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке, вып. 1—5. Новгород, 1911—1912; вып. 6 «Русская старина», 1915, июль — сентябрь. Издание не закончено.

Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. М., 1959.

Русская периодическая печать (1895 — окт. 1917 гг.). Справочник. М., 1957.

Часть четвертая

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Источники

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Изд. 8, т. 1—10. М., 1970—1972.

VIII съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1962.

XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1966.

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1971.

Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. М., 1971.

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. I—VII. М., 1957—1972.

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г. М., 1958.

Справочник партийного работника. Выпуск первый — двенадцатый. М., 1957—1972.

* * *

Борин Константин. Годы и встречи. М., 1970.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I—V. М., 1968—1969.

Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. I—34. М., 1928—1935 гг.

Всесоюзная перепись населения 1959 года, т. I—17. М.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.), т. I—II. М., 1934.

Горький А. М. Собрание сочинений, т. 29—30. М., 1955—1956.

Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. М., 1972.

Декреты Октябрьской революции. М., 1933.

Декреты Советской власти, т. I—V. М., 1957—1971.

Документы внешней политики, т. I—XVII. М., 1957—1971.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969.

Из дневников современников. М., 1965.

«История советской Конституции (в документах). 1917—1956». М., 1957.

Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1933.

Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1938.

Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927. М., 1927.

Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств.

Труды ЦСУ, т. 14, вып. 1—6. М., 1924—1926.

Калинин М. И. О корреспондентах и корреспонденциях. М., 1958.

Карпинский В. А. Владимир Ильич Ленин — вождь — товарищ — человек. М., 1966.

Крестьянские бюджеты 1925/26 г. М., 1929.

Крупская Н. К. Отзывы на воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине. «Исторический архив», 1957, № 2.

Культурное строительство в СССР. М., 1967.

Литературное наследство, т. 70. М., 1963.

Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М., 1968.

Народное хозяйство СССР в 1970 году. М., 1972.

Неизвестными путями. Воспоминания участников социалистического строительства. Л., 1967.

Наш Миронич. Воспоминания о жизни и деятельности С. М. Кирова в Ленинграде. Л., 1970.

Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923—1927 гг. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. и весенних выборочных 10% обследований по единоличным крестьянским хозяйствам за 1923—1927 гг. М., 1930.

Печать СССР в 1970 году. Статистические материалы. М., 1971.

План электрификации России. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии электрификации России. М., 1920; М., 1955.

Промышленность СССР. М., 1967.

18-я профсоюзная перепись 1932—1933 гг. М., 1934.

Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, т. I—III. М., 1929.

Рядом с Лениным. Воспоминания о Н. К. Крупской. М., 1969.

Социалистическое строительство СССР. М., 1934, 1935, 1936.

Состав новых миллионов членов профсоюзов. М., 1933.

Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик, т. I—VII. М., 1957—1965.

- Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. ЦСУ при СМ СССР. М., 1971.
Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. М., 1936.
Труд в СССР. М., 1932.
Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. «Труды ЦСУ», т. 26, вып. 1—3.
Фадеев Александр. Письма. 1916—1956. М., 1967.

Литература

- Богданов Н. Г., Вяземский Б. А. Справочник журналиста. Л., 1971.
Валк С. О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания. «Архивное дело», 1939, № 5 (51).
Варшавчик М. А. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967.
Воробьев Г. Г., Рудельсон К. И. Современные проблемы документной классификации и информации. «Советские архивы», 1966, № 6.
Выборочные наблюдения в статистике СССР. Сборник статей ЦСУ СССР. М., 1966.
Гимпельсон Е. Г., Давидович А. М. Документы съездов Советов как источник для изучения истории союзных и автономных советских республик. «История СССР», 1961, № 1.
Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970.
Голубцов В. С. К вопросу о научных принципах переиздания мемуарной литературы. Сб. «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1968.
Гуревич С. М. В. И. Ленин и статистика социалистического государства. М., 1963.
Давидович А. М. Документы съездов Советов — важный источник изучения и научной разработки истории Советского государства и права. «Советское государство и право», 1960, № 1.
Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества. «Вопросы истории», 1961, № 5.
Жанры советской газеты. М., 1959.
Жучков Б. И., Кондратьев В. А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник. «История СССР», 1961, № 4.
Злыгостев Ю. О «Былях горы Высокой». Из опыта работы над книгой. «Литературная учеба», 1936, № 7.
Иоффе А. Е. Мемуары советских дипломатов — ценный исторический источник. «История СССР», 1965, № 5.
Ирошников М. П. Первые декреты в Совете Народных Комиссаров. «Труды Ленинградского отделения Института Истории АН СССР», вып. 5. М. — Л., 1963.
История советской государственной статистики. Сборник статей. Изд. 2, перераб. и дополнен. М., 1969.
Ксеофонтов П., Самошенко В. Битва под Сталинградом и мемуарная литература. «Военно-исторический журнал», 1967, № 11.
Курносоев А. О мемуарах участников партизанского движения (1941—1945 гг.). В кн.: «Источниковедение истории советского общества». М., 1964.
Луцкий Е. А. Подготовка проекта декрета о земле. «Октябрь и гражданская война в СССР». М., 1966.
Мавродин В. В. Предисловие. В кн.: А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1963.
Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959.
Митяев К. Г., Митяева Е. К. Административная документация (делопроизводство в советских учреждениях). Ташкент, 1964.
Мишуриис А. Л. Печать, рожденная Октябрем. М., 1968.
Окунева Р. Я. Как создавались «Были горы Высокой» (источники и приемы работы). В кн.: «Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв.» (источниковедческий анализ). М., 1964.

- Покровский М. Н. От Истпарта. Избранные произведения, кн. 4 М., 1967.
- Рониц С. Л. Конституция СССР 1936 года. М., 1957.
- Савицкая Р. Листая страницы воспоминаний о В. И. Ленине. «Новый мир», 1964, № 12.
- Селезнев М. С. О публикации законодательных актов Советского государства в 1917—1920 годах. В кн.: «Археографический ежегодник за 1961 г.». М., 1962.
- Смирнов И. С. Большое и нужное дело. «Вопросы истории КПСС». 1962, № 5.
- Смирнов С. О литературной записи. «Литературная газета», 1951, 19 апреля.
- Сорокин Г. М. Планирование народного хозяйства СССР. М., 1961.
- Струмиллин С. Г. Планирование в СССР М., 1957.
- Фарсобин В. В. Вопросы источниковедческого анализа центральных большевистских газет (март 1917 г. — февраль 1918 г.). В кн.: «Источниковедение истории советского общества». М., 1964.
- Филимонов В. Г. Первая советская Конституция. М., 1960.
- Фрайман А. А. Ленинский декрет об организации Красной Армии (к истории издания и публикации). «Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР», вып. 7. Л., 1964.
- Чадаев Я. Е. Вопросы планирования народного хозяйства. М., 1961.
- Черноморский М. Н. Мемуары как источник по истории советского общества. «Вопросы истории», 1960, № 12.
- Черноморский М. Н. О преподавании источниковедения истории КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 6.
- Черноморский М. Н. Периодическая печать. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1956.
- Черноморский М. Н. Работа над мемуарами при изучении истории КПСС. Изд. 2. М., 1965.
- Чистяков М. И., Морозов П. Т. Планирование в СССР (организация и методы). М., 1971.

* * *

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Аннотированный указатель книг и журнальных статей. 1954—1961. М., 1963.

Газеты СССР, 1917—1960. Библиографический справочник, т. I. Газеты Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик. М., 1970.

История советского общества в воспоминаниях современников. Аннотированный указатель мемуарной литературы, ч. 1 (1917—1957 гг.). М., 1958; ч. 2, вып. 1. Журнальные публикации 1917—1927. М., 1961; ч. 2, вып. 2. Журнальные публикации 1928—1957. М., 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Предмет и задачи источниковедения (А. В. Муравьев)	3
Глава 2. Труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина как исторический источник по истории СССР (А. Т. Маслова, З. В. Ждановская)	13

Часть первая

Источники по истории СССР с древнейших времен до XVIII в.

Глава 3. Источники по истории народов СССР древнейшего периода (А. В. Муравьев)	38
Глава 4. Летописи (А. И. Рогов)	54
Глава 5. Законодательные памятники (А. В. Муравьев)	74
Глава 6. Материалы делопроизводства государственных учреждений (С. О. Шмидт)	93
Глава 7. Актовые материалы (С. М. Каштанов)	107
Глава 8. Писцовое делопроизводство (XV—XVII вв.) (Л. В. Милов)	125
Глава 9. Литературные и публицистические памятники XI—XVII вв. (Л. М. Костюхина)	141
Глава 10. Источники по истории народов СССР X—XVII вв. (А. В. Муравьев)	162

Часть вторая

Источники по истории СССР XVIII — первой половины XIX в.

Глава 11. Законодательные акты. Материалы делопроизводства государственных учреждений (М. Т. Белявский)	183
Глава 12. Политические сочинения и публицистика (М. Т. Белявский)	204
Глава 13. Программные документы революционных организаций (М. Т. Белявский)	218
Глава 14. Материалы политических процессов (М. Т. Белявский)	227
Глава 15. Экономико-географические и статистические описания (Л. В. Милов)	241
Глава 16. Периодическая печать (С. С. Дмитриев)	257
Глава 17. Мемуары, дневники и переписка (М. Т. Белявский)	274

Часть третья

Источники по истории СССР эпохи капитализма

Глава 18. Материалы законодательства (С. И. Антонова)	288
Глава 19. Делопроизводственная документация (С. В. Воронкова)	304
Глава 20. Документы политических партий и организаций (С. В. Воронкова)	320
Глава 21. Материалы политических процессов (В. Я. Лаверычев)	339
Глава 22. Статистические источники (С. И. Антонова)	356
Глава 23. Периодическая печать (С. С. Дмитриев)	373
Глава 24. Воспоминания, дневники, частная переписка (С. С. Дмитриев)	393

Часть четвертая

Источники по истории СССР советского периода

Глава 25. Документы КПСС как источник по истории советского общества (В. М. Селунская)	417
Глава 26. Акты законодательных и исполнительных органов Советского государства (В. С. Голубцов, М. Н. Черноморский)	430
Глава 27. Материалы планирования народного хозяйства СССР (М. Н. Черноморский)	453
Глава 28. Делопроизводственная документация государственных учреждений и организаций (М. Н. Черноморский)	464
Глава 29. Документы и материалы общественных организаций (М. Н. Черноморский)	475
Глава 30. Статистические источники (Ю. А. Мошков, В. З. Дробижев)	484
Глава 31. Периодическая печать (А. М. Панфилова)	503
Глава 32. Воспоминания, дневники, переписка (В. С. Голубцов)	522
Краткая библиография	541

Г
Г

Г
Г
Г
Г
Г
Г
Г

Г.
Г.
Г.
Г.
Г.
Г.

Гл
Гл
Гл
Гл
Гл
Гл
Гл
558

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ
СССР

Редактор А. С. Янкова
Художник А. Е. Коленков
Художественный редактор Т. А. Коленкова
Технический редактор Л. А. Муравьева
Корректор М. М. Сапожникова

А-08669 Сдано в набор 29/1 1973 г. Подп. к печати 14/VI 1973 г. Формат 60×90^{1/16}.
Объем 35 печ. л. Уч.-изд. л. 40,33 Изд. № Ист — 63. Тираж 21 000 экз. Цена 1 р. 62 к.

План выпуска литературы для вузов и техникумов издательства
«Высшая школа» на 1973 г. Позиция 23.
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14.
Издательство «Высшая школа»

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный
Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Ленинград, Гатчинская ул., 26. Зак. 680.